ЛЯ ЧТЕНІЯ
ЧЕРКЕСОВА
С. ПЕТЕРБУР
НЕВСКІЙ ПРОСП 54

ДЕКАБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 22 декабря 1897 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Еще изъ міра отверженныхъ.

VIII.

Еще и еще недоразумѣнія. — Вмѣшательство Шестиглазаго.

Попавъ въ вольную команду, Юхоревъ сразу утратилъ былое значеніе и обаяніе и превратился въ самаго обыкновеннаго арестанта. Нажитыя въ тюрьмѣ деньги онъ очень скоро прокутилъ съ каторжными прелестницами и, какъ послѣдній каторжникъ, долженъ былъ работать черную работу наравнѣ со всѣми вольнокомандцами. Такъ онъ и дотянулъ бы, конечно, свой небольшой срокъ и ушелъ бы на поселеніе, еслибы, на свою бѣду, не «спутался» съ Марьюшкой, служившей въ горничныхъ у браваго капитана. Кобылка поговаривала (она все знала!), что послѣдній самъ не совсѣмъ равнодушенъ къ здоровой и краснощекой арестанткѣ и наряжаетъ ее, какъ барыню; что касается Марьюшки, то наряды она, разумѣется, готова была принимать отъ кого угодно, не прочь была при случаѣ и вниманіемъ своимъ подарить кого угодно, но женское сердце ея не могло устоять противъ лихо закрученныхъ усовъ такого молодца, какимъ былъ Юхоревъ, не смотря на его сорокъ лѣтъ; да и къ тому же онъ былъ «своимъ братомъ», арестантомъ. Юхоревъ повадился ходить къ Марьюшкѣ въ гости, и какъ только Лучезаровъ куда-нибудь отлучался, въ домѣ поднимался цѣлый содомъ, игра на гитарѣ, пѣніе залихватскихъ пѣсенъ и всякаго иного рода веселье. Заставъ нѣсколько разъ Юхорева у себя въ кухнѣ, бравый капитанъ недовольно крутилъ носомъ и сердито предлагалъ бывшему своему любимцу идти въ казармы, заниматься своимъ дѣломъ. Вытянувшись по солдатски, Юхоревъ отвѣчалъ «слушаю-съ!»—уходилъ и, пользуясь новой отлучкой начальника, опять оказывался въ его кухнѣ. Наконецъ, Шестиглазый запретилъ ему показываться здѣсь, подъ страхомъ возвращенія въ тюрьму.

Разъ ночью Лучезаровъ вернулся неожиданно изъ завода (откуда ждали его лишь къ вечеру слѣдующаго дня), неслышно подъѣхалъ къ дому и, пославъ за надзирателями, отправился прямо въ кухню. Тамъ шелъ, по обыкновенію, дымъ коромысломъ. Заслышавъ знакомые шаги, Юхоревъ попытался было скрыться въ под-

полье, но поздно: великолѣпный Лучезаровъ уже стоялъ передъ нимъ лицомъ къ лицу съ гнѣвно раздувающимися щеками и ноздрями.

— Отправить немедленно этого артиста въ тюрьму!—коротко, но внушительно произнесъ онъ, и выросшіе точно изъ подъ земли два дюжихъ надзирателя приготовились исполнить это приказаніе.

— За что же, господинъ начальникъ?—взмолился Юхоревъ.

— За многое, за многое, братецъ, самъ знаешь.

— Работу я свою, кажется, исполняю еще почище другихъ, а что ежели повеселишься вечеркомъ...

— Я тебѣ дамъ повеселишься! Ты въ моемъ домѣ развратный притонъ завелъ... Прислугу мою совращаешь... И въ тюрьмѣ тоже я знаю, чьи всѣ штуки были... Но я тебя до сихъ поръ покрывалъ, я къ тебѣ расположенъ былъ... И вотъ чѣмъ ты платишь мнѣ, какой благодарностью! Теперь ты сгніешь въ тюрьмѣ! Не гляди, что твой срокъ почти на дняхъ кончается,—я съумѣю тебя въ новую каторгу послать.

Такимъ образомъ Юхоревъ не прожилъ и одного мѣсяца въ вольной командѣ. Попалъ онъ на этотъ разъ въ мою камеру. Когда, поздно ночью, загремѣлъ замокъ и распахнулась дверь, я подумалъ было, что пришли звать Дмитрія къ кому нибудь изъ его многочисленныхъ паціентовъ, и едва повѣрилъ глазамъ, увидавъ Юхорева съ вещами. Многіе изъ арестантовъ тоже проснулись, зашевелились; начались разспросы и разсказы съ обычною бранью.

— Ну, и отомститъ же онъ мнѣ теперь, — говорилъ Юхоревъ, укладываясь спать.

Дѣйствительно, на другой же день Юхорева вызвали въ рудникъ, причемъ оказалось, что Лучезаровъ просилъ Монахова и Пѣтушкова назначить его на самую тяжелую работу. Но въ рудникахъ Шестиглазый не былъ хозяиномъ, и Юхорева заставили тамъ дѣлать то же самое, что дѣлали и остальные арестанты. При его желѣзныхъ мускулахъ не стоило большого труда выбурить полный урокъ, и онъ по долгу грѣлся на солнышкѣ, лежа на отвалѣ и болтая съ караулившими казаками, съ которыми почти со всѣми свелъ близкое знакомство въ короткое пребываніе на волѣ.

Возобновились и его дружескія прогулки и бесѣды въ тюремномъ дворѣ съ Тропинымъ, Стрѣльбицкимъ, Быковымъ и Шматовымъ. Не смотря на то, что онъ лишенъ былъ теперь всякой оффиціальной силы и власти, прежнее значеніе его все еще сказывалось въ тюрьмѣ. Онъ производилъ впечатлѣніе развѣнчаннаго короля, который спустился въ толпу бывшихъ своихъ подданныхъ, и тѣ все еще продолжаютъ и страшиться его, и ощущать былое обаяніе. Когда Юхоревъ хотѣлъ того, онъ и дѣйствительно умѣлъ быть по прежнему обаятельнымъ. Живо запомнилась мнѣ одна сцена. Было ненастное и холодное утро. Выгнавъ арестан-

товъ для повѣрки въ корридоръ, одинъ изъ самыхъ непопулярныхъ надзирателей, тотъ самый, котораго звали «Змѣиной Головой», не торопясь производить намъ счетъ, спокойно расхаживалъ взадъ и впередъ передъ строемъ, весело болтая о чемъ-то съ другимъ дежурнымъ.

— Долго-ль еще стоять здѣсь будемъ?—раздался, наконецъ, изъ рядовъ покорной кобылки смѣлый возгласъ Юхорева.

— А столько, сколько мы захотимъ!—грубо отвѣтилъ Змѣиная Голова:—кто тамъ ротъ разѣваетъ?

— Ротъ разѣваетъ человѣкъ, хотя и каторжный!—отозвался тѣмъ же властнымъ голосомъ Юхоревъ:—и позвольте вамъ замѣтить, Василій Андреевичъ, что заставить насъ слушаться вашихъ хотѣній, ежели они не законъ, а простой капризъ, вы не можете.

— Ты разговаривать со мной вздумалъ?

— Вздумалъ и еще вздумаю.

— Я тебя въ карцеръ отведу.

— Отведите. Карцемъ вы меня не испугаете, а что арестанты будутъ съ этихъ поръ знать, кто вы такой, такъ это вѣрно!

Въ корридорѣ водворилась глубокая тишина; всѣ ждали, что Юхорева тотчасъ же послѣ этого отведутъ въ секретную. Змѣиная Голова перемѣнился нѣсколько разъ въ лицѣ, то блѣднѣя, то краснѣя, сдѣлалъ туда и сюда рядъ порывистыхъ движеній, брякнулъ ключами и вдругъ скомандовалъ зычнымъ голосомъ на молитву. Все время этой сцены я невольно любовался Юхоревымъ, стоявшимъ неподвижно, какъ статуя, не выражая на своемъ лицѣ ни страха, ни гнѣва, ни довольства своей побѣдой. Прошла повѣрка, и онъ съ такимъ же наружнымъ равнодушіемъ вошелъ въ камеру и, не говоря ни съ кѣмъ слова, кинулся въ постель, намѣреваясь еще немного соснуть. И черезъ минуту онъ, точно, опять храпѣлъ и спалъ богатырскимъ сномъ.

Между мной и Юхоревымъ, со времени возвращенія его въ тюрьму, не существовало рѣшительно никакихъ отношеній. Хотя передъ уходомъ его въ вольную команду мы разстались въ наружно-добрыхъ отношеніяхъ, но теперь по какому-то безмолвному соглашенію установилось, что мы точно не замѣчали присутствія другъ друга въ камерѣ. Изрѣдка только мнѣ казалось, что онъ, не любившій раньше цинизма ради одного цинизма (хотя и не стѣснявшійся въ крѣпкихъ выраженіяхъ), теперь, будто намѣренно, распѣвалъ иногда грязные куплеты и пѣсни. Но онъ же пѣлъ иногда и чудные, задушевные мотивы (саратовецъ родомъ, онъ больше чѣмъ кто-либо другой въ тюрьмѣ былъ знатокомъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ), и, слушая эти берущіе за сердце звуки, хотѣлось порой подойти къ нему и, протянувъ руку, сказать растроганнымъ голосомъ:

— Юхоревъ, зачѣмъ вы притворяетесь? Вѣдь вы не такой дур-

ной человѣкъ, какимъ хотите казаться? Помиримся-же искренно и навсегда!

И вдругъ, не успѣвалъ еще замереть послѣдній аккордъ задушевной поэтической жалобы на то, что судьба и злые люди загубили жизнь добраго молодца, разлучили его съ родиной и съ милой сердцу дѣвушкой, какъ изъ устъ Юхорева вырывался отчаянно-кабацкій, безстыдно-разгульный припѣвъ, незаконный плодъ новѣйшей народной фантазіи... И очарованіе улетало: я опять видѣлъ жестокаго, самолюбиваго и развратнаго разбойника, для котораго нѣтъ ни святыни, ни родины, ни *foi* ни *loi*!

Однажды, въ воскресенье, я стоялъ съ двумя своими товарищами въ небольшомъ внутреннемъ корридорчикѣ тюрьмы и о чемъ-то вполголоса совѣщался съ ними. Бесѣда была непродолжительна, и по окончаніи ея, я съ Штейнгартомъ отправился въ больницу, а Валерьянъ Башуровъ взялся за ручку двери, ведшей въ главный корридоръ. Онъ увидалъ при этомъ, какъ кто-то быстро отскочилъ отъ двери и поспѣшно сталъ удаляться въ сторону; но Валерьянъ узналъ Карасева, того мнительнаго самогрызуна, который жилъ въ одной камерѣ со мною. Быть можетъ, онъ и не думалъ вовсе подслушивать и у двери стоялъ случайно, но ставшій, въ свою очередь, подозрительнымъ Башуровъ окликнулъ его и сказалъ укоризненно:

— А вѣдь это нехорошо, Карасевъ!

— Что такое нехорошо?—кровавымъ заревомъ вспыхнулъ Карасевъ.

— Да уши прикладывать къ дверямъ.

Трудно изобразить, что произошло послѣ этихъ словъ. Возвращаясь съ Дмитріемъ изъ больницы въ свою камеру, мы застали въ корридорѣ слѣдующую сцену. Башурова и Карасева окружала цѣлая толпа арестантовъ, и второй изъ нихъ съ пѣной у рта, съ налитыми кровью глазами и стиснутыми судорожно кулаками такъ и лѣзъ на Валерьяна, оглушеннаго, растеряннаго, стоявшаго въ углу, не зная, что дѣлать и говорить.

— Какое ты имѣлъ полное право такъ меня обзывать?—кричалъ Карасевъ:—выходитъ по твоему, я—сука? А можетъ, я еще чище тебя? А можетъ, я такое выражу, что ты въ лоскъ передо мной ляжешь? Ты отвѣть: какую такую имѣлъ праву? Что я мимо двери проходилъ, такъ, значитъ, ужъ не смѣй и проходить мимо васъ? Вы Юхорева винили, что онъ большую власть надъ тюрьмой бралъ. А кто теперь его въ тюрьму посадилъ? Знаемъ мы хорошо, кто. Вы сами хотите власть забрать!

Этотъ безсвязно-нелѣпый потокъ обвиненій встрѣчался глухимъ одобрительнымъ ропотомъ тѣснившейся вокругъ толпы. Въ сторонѣ стоялъ съ вызывающимъ видомъ самъ Юхоревъ; передъ нимъ патетически размахивалъ руками и громко о чемъ-то шипѣлъ Гнусъ-

Шматовъ. Быковъ, выдаваясь изъ толпы своимъ блѣднымъ лицомъ скелета, рычащимъ басомъ тоже разсказывалъ какую-то исторію.

— Онъ меня хлѣбомъ своимъ попрекнулъ... Бурили въ штольнѣ... Онъ засадилъ буръ и зоветъ меня подсобить исправить. Я бъ и пошелъ—чего не подсобить?—да только говорю такъ себѣ, никакого зла на умѣ не имѣя: «охъ! свой-то урокъ еще не конченъ у меня»... А онъ какъ вдругъ выпалитъ: «Забыли нашу хлѣбъ-соль!» Такъ вотъ они, ребята, каковы!

Послѣднія слова быковскаго разсказа долетѣли до моего слуха, и я сразу понялъ, что рѣчь шла не о комъ другомъ, какъ именно обо мнѣ. Но какъ же этотъ самолюбивый и упрямый оселъ извратилъ и переиначилъ то, что было на самомъ дѣлѣ! А было вотъ что. Быковъ бурилъ со мной въ штольнѣ и, видя, что я сижу, отдыхая и ничего не дѣлая, попросилъ меня сходить въ свѣтличку за новыми свѣчами. Я съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу. Когда же, нѣсколько времени спустя, я, въ свою очередь, обратился къ нему за услугой, и онъ произнесъ свою фразу: «Охъ! у меня свой-то урокъ еще не конченъ», въ отвѣтъ я, дѣйствительно, сказалъ ему (да и то въ шутливомъ тонѣ): «Видно старая-то хлѣбъ-соль забывается!» Подъ хлѣбомъ солью я, конечно, разумѣлъ только свою ходьбу, по просьбѣ Быкова, за свѣчами... Мнѣ и въ голову не пришло тогда, что мое замѣчаніе сколько-нибудь могло оскорбить Быкова, я не замѣтилъ даже, чтобы онъ надулся... Но теперь оказывалось, что я причинилъ человѣку жестокую обиду, и невинный случай выдвигался въ качествѣ одного изъ моихъ преступленій противъ подозрительной гордости кобылки...

Однако я ограничился замѣчаніемъ:

— Вы не такъ меня поняли, Быковъ! — и поспѣшилъ пройти къ Карасеву. Съ послѣднимъ у меня установились передъ тѣмъ недурныя отношенія: разгадавъ сразу этотъ мнительный, болѣзненно-амбиціозный характеръ, я подкупилъ его сдержанностью и уступчивостью въ спорахъ, и онъ относился ко мнѣ съ видимымъ уваженіемъ. Явившись на выручку къ товарищу, я сталъ сочувственно разспрашивать Карасева о случившемся. Онъ еще разъ излилъ передо мной весь свой потокъ обвиненій и укоровъ. Я старался его успокоить, объясняя слова Валерьяна простымъ недоразумѣніемъ, въ которомъ онъ не замедлитъ, конечно, извиниться. Долго еще Карасевъ продолжалъ брызгать слюной, повторяться и кричать, но уже видимо успокоенный; при появленіи надзирателя, привлеченнаго шумомъ, кобылка мало по малу разошлась.

Чувствовалось тѣмъ не менѣе, что исторія далеко не кончена, что электричества скопилось въ воздухѣ достаточно для того, чтобы вожаки попытались разрядить его. И дѣйствительно, къ вечеру собралась въ кухнѣ огромная сходка. Мы, конечно, не могли на ней присутствовать, но тайные друзья наши вродѣ Огурцова и «интел-

лигентно-галантнаго» шпіона по профессіи Мишки Биркина передали намъ вскорѣ всѣ ея подробности. Юхоревъ предлагалъ заявить самому Шестиглазому, что тюрьма не желаетъ пользоваться скоромной пищей во время постовъ; его поддерживали Быковъ, Шматовъ, Тропинъ, Стрѣльбицкій и другіе. Совершенно неожиданно присоединился къ нимъ и Сохатый, котораго я, будто бы, «унизилъ», сказавъ кому-то, что его, Сохатаго, водитъ на веревочкѣ всякій, кто захочетъ. Выступилъ опять и Карасевъ, съ налитыми кровью глазами выкрикивавшій опять всѣ подробности своей стычки съ Башуровымъ. Выплывали на поверхность такія давно забытыя, тонкія и почти неуловимыя обиды, что въ другое время и при другомъ настроеніи можно бы было отъ души расхохотаться, услышавъ объ нихъ. Но теперь было не до смѣха. Теперь вся эта глупая, возмутительно-дикая исторія наполняла насъ троихъ чувствомъ горечи и глубокаго раздраженія. О, дурачье, дурачье! О, жестокія дѣти въ тридцать и сорокъ лѣтъ, не понимающія, кто ваши истинные друзья и враги, готовыя растерзать тѣхъ, кто вамъ искренно желаетъ блага, и принять въ объятія тѣхъ, кто можетъ предать васъ и погубить!

Сходка, однако, не привела къ тому героическому рѣшенію, котораго добивался Юхоревъ съ товарищами. Многіе даже изъ главарей охотнѣе кричали и размахивали руками, чѣмъ шли на дѣйствительныя жертвы собственными интересами: большинство, энергично участвовавшее въ негодующемъ шумѣ и гамѣ, вяло поддерживало вожаковъ, когда они пытались перейти къ реальной формулировкѣ своихъ желаній. Этого мало. Нашелся человѣкъ, отъ котораго, казалось, меньше всего можно было ожидать такого геройства, но который, однако же, откровенно и громко всталъ одинъ противъ всѣхъ и съ неподражаемо-искреннимъ комизмомъ воскликнулъ:

— Несогласенъ! Составляйте протоколъ, пишите: я несогласенъ!..

Это былъ не кто другой, какъ Луньковъ. Слабый, маленькій, подъ угрозою поднятыхъ на него кулаковъ, онъ не переставалъ кричать:

— Нѣтъ моего согласія! Старики, васъ на удочку поддѣть хотятъ. Имъ-то, глотамъ этимъ и храпамъ, ничего не стоитъ отъ табаку и мяса отказаться, они свое найдутъ, а мы съ голоду подыхать будемъ сдуру... И не вижу я никакой вины ни за Иваномъ Николаичемъ, ни за Митреемъ Петровичемъ, ни за Валерьяномъ Михалычемъ, кромѣ одной вины, что они много вниманья на насъ обращаютъ. Мы куражимся, а они насъ упрашиваютъ: «Ѣшьте, голубчики, пейте!» Вотъ за это виню я Ивана Николаича. Я бъ на его мѣстѣ...

Лунькову заткнули глотку и вышвырнули за дверь кухни; но арестантскій сеймъ былъ, тѣмъ не менѣе, сорванъ. Произвела ли рѣчь Лунькова такое впечатлѣніе на большинство кобылки, просто

ли утомилась она отъ безплоднаго крика и гама, только кухня начала быстро пустѣть, и значительная часть крикуновъ разошлась по камерамъ. Когда Юхоревъ съ Тропинымъ начали подводить итоги и собирать голоса тѣхъ, которые соглашались сдѣлать Шестиглазому заявленіе о пищѣ, они насчитали всего только восемь человѣкъ. Съ этимъ числомъ, конечно, невозможно было выступать отъ лица всей тюрьмы, и шайка порѣшила только снова варить для себя постную пищу въ отдѣльномъ котлѣ. Какимъ-то образомъ затесался въ эту же группу протестантовъ и нашъ пріятель Карпушка Липатовъ. Все время слѣдующаго дня, свободное отъ работы, онъ расхаживалъ по тюремному двору, ухарски заломивъ на бекрень шапку и какъ-то особенно геройски выкидывая впередъ колѣни, а когда встрѣчался со мной или Штейнгартомъ, то бросалъ на насъ самые убійственные взгляды и сардоническія усмѣшки. Но когда и еще одинъ день прошелъ (первый постный день послѣ сходки), а мы все не обращали на него ни малѣйшаго вниманія, тогда онъ подошелъ и заговорилъ:

— Вотъ вы какіе, господа... Карпушка Липатовъ съ пустымъ брюхомъ, а вы и въ усъ себѣ не дуете! Не лучше ль же вамъ опять въ хеврю меня свою принять? Дайте фунтикъ-другой табачку, и я, пожалуй, опять готовъ буду пишшу вашу ѣсть... Я вѣдь не злопамятный... А ужъ какъ вѣдь изобидѣли вы меня, господа, такъ изобидѣли, что просто и высказать даже нельзя!

— Въ чемъ же обида ваша, Карпушка?

— Въ господинѣ дохтурѣ, въ Митреѣ Петровичѣ, вотъ въ комъ! Потому я хананіи у нихъ прошу настоящей, а они мнѣ все калидатъ да калидатъ въ ротъ суютъ. Они говорятъ, не калидатъ-молъ это. А меня ужъ довольно фершалъ Землянскій покормилъ имъ—Карпушку трудно оммануть, шалишь, братъ!

— Ну, вы опять за свое, проходите мимо.

— Нѣтъ, вы постойте, господинъ... Я помириться съ вами пришелъ. Я опять ваше мясо ѣсть стану...

— Ужасно насъ обяжете этимъ!

— Да и обвяжу... Потому мясо—оно очень пользительно для моей болѣзни. Оно лучше, пожалуй, всякой хананіи будетъ!

И въ тотъ же день Карпушка объявилъ всѣмъ, что прекращаетъ свой протестъ противъ насъ. Что касается остальныхъ семи человѣкъ, то они варили постную пищу, какъ и предсказывалъ Луньковъ, только напоказъ; отдѣльно же отъ нея ѣли въ большомъ количествѣ мясо, пили молоко и, словно торжествуя какую-то побѣду, доставали Богъ вѣсть откуда даже водку... Валерьянъ предложилъ было намъ уничтожить временно, по доброй волѣ, всякія улучшенія общаго котла и посмотрѣть, что станетъ дѣлать кобылка, если перестать «нѣжничать» съ нею, показать наше полное равнодушіе къ ея вздорнымъ капризамъ; но Штейнгартъ энергично возсталъ противъ этого плана, и я также согласился съ нимъ, что

лучше всего покажемъ мы свое равнодушіе, если ровно ничего не измѣнимъ въ своемъ поведеніи, а оставимъ все въ прежнемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, когда наступила суббота, и я разнесъ по камерамъ, какъ обыкновенно, махорку, то всѣ мы были крайне удивлены, узнавъ, что не взяли своихъ порцій не одни только тюремные иваны, а цѣлыхъ сорокъ человѣкъ, т. е., чуть не третья часть всей тюрьмы... Чѣмъ объяснялось это странное явленіе? Возрасло ли такъ быстро число недовольныхъ нами? Просто ли пользованіе табакомъ рѣзче бросалось въ глаза, отказъ же отъ улучшенной пищи обставленъ былъ значительными трудностями? Среди отказавшихся отъ махорки, кромѣ прежней кучки недовольныхъ коноводовъ, пестрѣли и имена до тѣхъ поръ дружелюбно относившихся къ намъ арестантовъ, вродѣ Сокольцева, Желѣзнаго Кота, Звонаренки, Мишки Биркина, татарина Равилова и многихъ другихъ. Глухое брожденіе въ тюрьмѣ не прекращалось, но съ каждымъ днемъ, повидимому, все расло и усложнялось. Надзирателямъ по нѣскольку разъ въ день приходилось разгонять собиравшіяся тамъ и сямъ группы арестантовъ. Смутные, доходившіе до насъ, слухи объ этихъ совѣщаніяхъ говорили съ другой стороны, что въ общемъ замѣчается сильное движеніе въ нашу пользу. Одни изъ главарей, видимо, уже утомились волненіями, другіе переругались другъ съ другомъ. Гдѣ-то за кулисами шли невообразимыя интриги, сплетни и свары: сегодня бранили и обвиняли во всемъ Юхорева, завтра, напротивъ, утверждали, что Юхоревъ давно наплевалъ на все, а что мутитъ одинъ только Тропинъ, который хочетъ верховодить тюрьмою. Полоумный Жебреекъ, стоя въ величественной позѣ посреди камеры и намекая на Штейнгарта, прорицалъ, что все зло на свѣтѣ отъ «дохторишекъ», и что еслибы всѣхъ ихъ спалить въ одинъ пріемъ, то бѣднымъ людямъ много бы легче дышать стало на свѣтѣ... Карасевъ кричалъ въ это же время, что онъ самъ сумѣетъ наговорить глупостей Сохатому, который чѣмъ-то его обидѣлъ... Словомъ, ничего нельзя было разобрать изъ того, что происходило кругомъ, и чего, наконецъ, хотѣли эти люди.

Между тѣмъ прошло еще два постныхъ дня, и тюрьма, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала ѣсть вкусную скоромную баланду; земля отъ этого подъ нашими ногами не проваливалась, а мы и не думали идти съ повинной къ постившейся кучкѣ протестантовъ, у которыхъ къ тому же начали изсякать собственныя средства. И вотъ, начались искательные подходы къ намъ со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя были иниціаторами волненій. Тропинъ изъ первыхъ сталъ весело скалить зубы и дружелюбно заговаривать то со мной, то съ Штейнгартомъ; Карасевъ и Быковъ сдѣлались удивительно деликатными и уступчивыми; Сохатый нѣсколько разъ пытался вступить со мной въ дружескую бесѣду:

— Я что жъ? Я ничего... Другіе всѣ были недовольны...

— А зачѣмъ же вы, Петинъ, замучили на дняхъ Штейнгарта бурами? Безъ нужды то и дѣло посылали въ кузницу, изъ одной злости.

Петинъ краснѣлъ и отпирался.

Что касается Юхорева, то онъ, дѣйствительно, имѣлъ въ послѣднее время видъ человѣка утомленнаго и ничѣмъ въ тюремной жизни не интересующагося.

Вся эта безтолочь длилась бы, вѣроятно, еще очень долго, не приводя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, еслибы въ дѣло не вмѣшалась, наконецъ, властная рука Шестиглазаго. До него донеслись какимъ-то путемъ свѣдѣнія о безпокойномъ настроеніи тюрьмы, и онъ не замедлилъ призвать къ себѣ новаго артельнаго старосту, скрытнаго хохла, большого политикана, того самаго, который нѣкогда, при чтеніи «Бориса Годунова» Пушкина, получилъ отъ кобылки прозвище Годунова. Послѣдній попробовалъ было отговариваться незнаніемъ. Тогда бравый капитанъ на него прикрикнулъ:

— Не смѣть увертываться! Я слышалъ, что о пищѣ какіе-то толки идутъ?

Годуновъ струсилъ.

— Да, это точно, господинъ начальникъ... По средамъ и пятницамъ готовится изъ жертвуемаго мяса лапша... Такъ вотъ она многимъ нескусной кажется...

— Лапша невкусна? Да вы очумѣли, что-ли? Нѣтъ, ты что-то путаешь, братецъ, скрываешь.

И вдругъ голову Лучезарова осѣнила догадка.

— Ага, понимаю! Вѣроятно, тутъ религіозныя чувства затрогиваются... Да, да, это очень возможно! Какъ это мнѣ раньше на умъ не приходило! Въ такомъ случаѣ придется совсѣмъ запретить улучшенія по постнымъ днямъ.

Годуновъ не принадлежалъ лично къ числу протестантовъ и потому сталъ горячо опровергать догадку начальника. Послѣдній долго качалъ раздумчиво головою.

— Такъ вотъ что, братецъ,—наконецъ рѣшилъ онъ,—отправляйся сейчасъ же въ тюрьму, и къ вечерней повѣркѣ чтобъ былъ мнѣ отвѣтъ: если найдется хоть пять человѣкъ, желающихъ поститься, то я немедленно прекращу всякія улучшенія.

Съ этимъ сенсаціоннымъ извѣстіемъ Годуновъ, чрезвычайно взволнованный, прибѣжалъ въ тюрьму и тотчасъ же созвалъ въ кухнѣ сходку.

— Вотъ до чего довели ваши капрызы!—заголосила кобылка, накидываясь на ивановъ.

— Чьи капрызы? Всѣ вѣдь говорили, не мы одни...

Начались, какъ всегда, безплодныя перекосердія, въ которыхъ Тропинъ сваливалъ вину на Карасева, Карасевъ на Юхорева и т. д., до безконечности. Рѣшили, наконецъ, пригласить на

сходку меня, какъ «старосту» нашей маленькой группы. Я отправился, заранѣе рѣшивъ держаться вѣжливо, но холодно, ни въ чемъ не уступая, но и не заводя никакихъ лишнихъ пререканій Кухню я нашелъ биткомъ набитой народомъ. Меня встрѣтило гробовое молчаніе.

— Чего вамъ нужно отъ меня, господа?—спросилъ я.

— Вы чего жъ замолчали? Говорите!—раздался чей-то насмѣшливый голосъ,—пока одни были, такъ откуда чего бралось, а тутъ и языкъ прикусили...

Голосъ, очевидно, былъ въ мою пользу.

— Вотъ что, Иванъ Николаевичъ,—выступилъ изъ толпы староста Годуновъ. Глаза его были дипломатично опущены внизъ, правая рука съ видомъ достоинства заложена за пазуху рубахи. Каждое слово онъ точно процѣживалъ и тщательно взвѣшивалъ прежде, чѣмъ произнести.

— Видите ли, мы, кобылка, живемъ по нашимъ глупымъ правиламъ и привычкамъ. Вы насъ не обезсудьте. Между прочимъ, многіе обижались вашими поступками и обращеньемъ... Такъ вотъ намъ хотѣлось бы разобрать въ окончательной формѣ, кто изъ насъ, значитъ, правъ, и кто виноватъ.

— Ну, что жъ, давайте разбирать,—сказалъ я спокойно,— высказывайте ваши претензіи.

Изъ толпы ближе всѣхъ протискался ко мнѣ рыженькій Жебреекъ. Онъ важно разставилъ свои крошечныя ножки и, скосивъ ротъ убійственно-презрительной усмѣшкой, хрипло заговорилъ:

— Претензіи? А ежели у меня въ животѣ болѣсть? Говорю вамъ, сурьезная болѣсть у меня въ кишкахъ есть, а онъ, докторишка вашъ паршивый...

— Нельзя ли безъ ругани?

—Онъ—чтобъ вѣдьма кіевская верхомъ на немъ поѣздила!— говоритъ, будто никакой болѣсти во мнѣ не слышитъ. Прикладываетъ ухо и говоритъ, не слышитъ. Да кому же ближе слышать и знать? Ежели я самъ чувствую, что у меня въ животѣ настоящая, сурьезная болѣсть есть?

— Ну, ты, Жебрей цѣпучій! Ты дѣло говори, а не то проваливай!—закричалъ кто-то на полуумнаго старика, давно всѣмъ въ тюрьмѣ надоѣвшаго разсказами о своей «сурьезной болѣсти».

— А ты мнѣ что за указъ, долгій твой носъ?

— Самъ ты песъ!

— Змѣй!

— Лягушка!

Всѣ захохотали надъ мѣтко придуманнымъ браннымъ словомъ. Жебрейка оттѣснили, и такъ какъ онъ упирался, кричалъ и бранился, то десятки дюжихъ рукъ быстро выволокли его за дверь кухни.

Впередъ выступилъ тогда молдаванъ Стрижевскій, старикъ съ

красивой сѣдой бородой и чрезвычайно благообразнымъ лицомъ. Всегда тихій, застѣнчивый, этотъ человѣкъ давно уже обращалъ на себя мое вниманіе, но разговориться съ нимъ было почти невозможно. Выступивъ теперь съ «претензіей», онъ въ очень деликатной формѣ высказалъ недовольство тѣмъ, что Штейнгартъ порекомендовалъ, будто бы, фельдшеру выписать его, еще не совсѣмъ оправившагося, изъ больницы. Не совсѣмъ свободно выражаясь по русски, говорилъ онъ, тѣмъ не менѣе, почти правильнымъ литературнымъ языкомъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ, Стрижевскій?—въ свою очередь, мягко спросилъ я:—кто вамъ сказалъ это?

— Мнѣ никто не сказалъ, но я самъ слышалъ, какъ Дмитрій Петровичъ сказалъ фельдшеру за дверью: довольно!..

— Дмитрій Петровичъ говоритъ, что рѣчь шла, по всей вѣроятности, о какихъ-нибудь лѣкарствахъ, а никакъ не объ васъ. Повѣрьте, что Землянскій выписалъ васъ самъ, безъ всякихъ совѣтовъ со стороны. Какъ можете вы подозрѣвать Штейнгарта, который столько силъ и собственнаго здоровья отдаетъ больнымъ арестантамъ, не досыпаетъ ночей и бросаетъ обѣдъ, чтобы бѣжать по первому зову къ больному?

— И впрямь не дѣло говоришь ты, старикъ,—раздались сочувственные голоса:—не такой человѣкъ Митрій Петровичъ, это напрасно!

Стрижевскій смутился и покраснѣлъ.

— Я не утверждаю за вѣрное,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—конечно, это только мои подозрѣнія... Но арестанты оскорбляются... Они тоже люди, хоть и убитые Богомъ... Ви не хотите насъ понять... не хотите признать, что мы имѣемъ, какъ и ви, душу и сердце...

— Богъ съ вами, Стрижевскій, откуда вы это взяли?

— Дмитрій Петровичъ сказаль мнѣ одинъ разъ «ты»: какъ себя чувствуешь, старикъ? А я ни разу его не оскорблялъ и всегда говориль ему ви...

Я широко раскрылъ глаза: такой тонкости чувствъ я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ одномъ изъ представителей каторжной кобылки... Замкнутый, всегда страшно молчаливый и сдержанный, этотъ удивительный старикъ съ аристократически-тонкими чертами лица, съ нервнымъ складомъ всей фигуры и какой-то сердечной болѣзнью, правда, всегда казался мнѣ загадкой и исключеніемъ. Я поспѣшилъ утѣшить его увѣреніемъ, что если Штейнгартъ и дѣйствительно обратился къ нему на ты, то, конечно, не изъ желанія обидѣть, а, напротивъ, изъ самаго теплаго чувства къ нему, какъ къ больному старику.

— Ну, вѣстимо, чего здря говорить!—послышались опять миролюбиво настроенные голоса, среди которыхъ я услышалъ и голосъ

Быкова. Надо было ковать желѣзо, пока горячо, и я быстро перешелъ къ выводамъ.

— Не будемъ же, братцы, перебирать понапрасну старую труху и перейдемъ къ дѣлу. Время отъ времени поднимаются между нами ссоры, и всегда оказывается въ концѣ, что по пустякамъ. Надо это покончить. Или вѣрьте намъ, что мы вамъ друзья и товарищи по несчастью, и тогда будемъ жить мирно, или же разъ навсегда разойдемся и не будемъ имѣть ничего общаго. Вотъ мы давали вамъ махорку, улучшали общій котелъ, дѣлая все это изъ самыхъ дружескихъ къ вамъ чувствъ. Живемъ въ общей тюрьмѣ, терпимъ общую бѣду; у насъ есть средства, которыхъ у васъ нѣтъ,— ну, мы и хотѣли вамъ помогать, повторяю, какъ товарищамъ по несчастью. Но многіе изъ васъ недовольны этимъ. Это ваше, конечно, дѣло. Теперь Шестиглазый сюда уже впутался: стоитъ вамъ одно слово сказать—и никогда никакихъ махорокъ, никакого мяса въ постные дни вы ни отъ кого уже получать не будете! И мы, и вы одинаково станемъ голодать. Больше мнѣ нечего говорить. Рѣшайте, какъ сами знаете.

И съ этими словами я оставилъ кухню. Я слышалъ, какъ за дверью поднялся тотчасъ же невообразимый шумъ и гвалтъ. Разомъ заговорило нѣсколько десятковъ голосовъ.

Сходка привела къ совершенно неожиданнымъ результатамъ: прежніе смутьяны-главари, почти всѣ безъ исключенія, стояли теперь за то, что слѣдуетъ «помириться», что не надо вредить будущимъ поколѣніямъ шелайскихъ арестантовъ, добровольно отказавшись отъ помощи «добрыхъ людей»; но безголосое обыкновенно большинство кобылки, само ничего противъ насъ не имѣвшее, вдругъ заартачилось... Даже такіе неизмѣнные друзья и благожелатели мои, какъ Чирокъ, Луньковъ и Ногайцевъ, кричали:

— Нельзя теперь мириться, никакъ нельзя!..

Я былъ въ полномъ недоумѣніи. Но передъ самой уже повѣркой въ нашу камеру вошелъ Стрѣльбицкій (незадолго передъ тѣмъ переведенный по собственной просьбѣ въ камеру Башурова) и съ чрезвычайнымъ негодованіемъ сталъ говорить о какихъ-то «иванахъ», ловящихъ рыбу въ мутной водѣ и подстрекающихъ простецкую кобылку ко всякаго рода волненіямъ (къ этой же «простецкой» кобылкѣ Стрѣльбицкій причислялъ, очевидно, и самого себя!).

— Отца съ матерью не послухаюсь больше, если скажутъ мнѣ: «выражай, Стрѣльбицкій, недовольство, подавай голосъ за «ивановъ»! И на всѣ законы ихъ плюю съ этого дня!

Прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ, я все еще не понималъ въ чемъ дѣло. Желѣзный Котъ горячо подхватилъ его слова:

— А я такъ и давно ужъ наплевалъ. Потому мы же и въ дуракахъ всегда остаемся... Ну, какими глазами я теперь на Ивана Миколаевича сталъ бы глядѣть, коли послѣ всего, что было, послѣ всего нашего куражунья, пришелъ бы къ нему и сказалъ: давай

мнѣ опять свой табакъ! Буду и пищу твою опять ѣсть! Нѣтъ, ужъ лучше, по моему, помереть съ голода, чѣмъ горѣть со стыда.

— Вѣстимо, лучше,—мрачно подтвердилъ Стрѣльбицкій.

— А я и табакъ до сихъ поръ бралъ, и пищу ѣлъ, а теперь отъ всего откажусь, ото всего!—забасилъ вдругъ поэтъ Владиміровъ, срываясь съ своихъ наръ въ необычайномъ волненіи.

— Да всё, всё теперь откажемся!—поправилъ его Луньковъ:—потому *они*, можетъ быть, изверги, стыда не имѣющіе, а мы человѣки.

— Въ чемъ дѣло у васъ, Луньковъ?—не вытерпѣлъ я, наконецъ, тоже поднимаясь съ своего мѣста.

Компанія, очевидно, все время хорошо меня видѣла и нарочно говорила такъ громко, чтобы вызвать меня на разговоръ.

— Да въ томъ дѣло,—закричали разомъ Луньковъ, Чирокъ и Желѣзный Котъ,—что не можемъ мы теперь мириться съ вами, Миколаичъ! Потому съ какими глазами пойдемъ мы къ тебѣ мириться? У нихъ-то безстыжіе шары, а мы совѣсть какую ни есть имѣемъ. Никакъ, выходитъ, нельзя намъ съ тобой мириться.

Мы съ Дмитріемъ невольно разсмѣялись.

— Ну, полноте, мириться всегда можно... Если вы сами признаете теперь, что ссорились съ нами по пустякамъ, что васъ напрасно подзуживали иваны, такъ въ чемъ же затрудненія? Мы-то, по крайней мѣрѣ, будемъ отъ души рады концу этихъ глупыхъ исторій.

— Ой-ли? Такъ какъ же, ребята? Мириться, что ли? Брать табакъ?

— Брать!

— Мириться!—раздались неистовые голоса и, бросивъ меня, Чирокъ, Водянинъ, Стрѣльбицкій, Луньковъ и другіе со всѣхъ ногъ кинулись въ корридоръ пропагандировать свое новое рѣшеніе. Оставалось не больше пяти минутъ до повѣрки, во время которой староста долженъ былъ дать Шестиглазому тотъ или другой отвѣтъ.

— Мириться!

— Бра-а-ать!—доносились до меня изъ корридора шумные голоса.

Штейнгартъ поглядѣлъ на меня съ улыбкой.

— Ну, какъ можно сердиться на этихъ взрослыхъ ребятъ? Чистыя, право, дѣти, да и только!

IX.

Исторія изъ Рокамболя.

Не успѣли закончиться описанныя треволненія такимъ блестящимъ примирительнымъ аккордомъ, какъ однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ повѣрки, въ тюрьмѣ случилось крупное событіе, снова пере-

вернувшее вверхъ дномъ обычное тихое теченіе жизни. Внезапно въ одной изъ далекихъ камеръ послышался сильный шумъ, стукъ въ двери, крикъ арестантскихъ голосовъ въ оконную форточку. Въ нашей камерѣ всѣ повскакали на ноги.

— Гдѣ это? Что нибудь случилось... Звоните, ребята, у нихъ звонокъ, должно быть, оборванъ...

— Кричи громче надзирателя! О, чтобъ черти его задавили, куда онъ дѣвался?

— Чай, должно быть, ушелъ пить за ворота... Да въ какомъ нумеру-то это?

Наконецъ, по корридору опрометью промчался дежурный... Одинъ разъ, и два и три... Загремѣли ключи... Отомкнули какую-то изъ камеръ, и мимо насъ надзиратели проволокли по корридору, съ помощью арестантовъ, трехъ человѣкъ, похожихъ на трупы. Къ дверному оконцу нашей камеры тѣснилась куча народу, толкаясь и наперерывъ силясь въ него заглянуть.

Что тамъ такое?

— Мертвяки.

— Изъ какого нумеру?

— Это изъ шестого. Вонъ Быковъ пришелъ...

Это былъ номеръ, гдѣ жилъ Валерьянъ. Мы съ Дмитріемъ страшно обезпокоились... Однако не прошло и десяти минутъ, какъ нашу дверь также отомкнули, и надзиратель позвалъ Штейнгарта въ больницу. Всѣ кинулись къ нему съ разспросами.

— Дурно сдѣлалось со Стрѣльбицкимъ, Карпушкой Липатовымъ и Китаевымъ, до такой степени дурно, что кажись помираютъ.

— Ну, обожрались, должно быть, проклятые, баланды,—рѣшила кобылка, сразу успокаиваясь:—вишь вѣдь дорвутся кажинный разъ, словно два года крошки въ ротъ не брали!..

А дѣло, между тѣмъ, было несравненно серьезнѣе. Штейнгартъ всю ночь оставался въ больницѣ. На слѣдующее утро, только что прошла повѣрка, по тюрьмѣ пронесся слухъ, что Карпушка, Китаевъ и Стрѣльбицкій отравлены, и что отрава положена была въ чай.

— Н-ну?!.. Кѣмъ? Какъ? За что?

— Живы еще, аль померли?

— Живы. Митрій Петровичъ отходилъ.

— Вотъ выдумаютъ чепуху! Откуда здѣсь отравѣ, въ тюрьмѣ, взяться?—презрительно промолвилъ Юхоревъ:—чешутъ языкъ до той поры, покамѣсть сами себѣ петли на шею не надѣнутъ.

— Прямо изъ Рокамболя исторія!—сочувственно поддержалъ его Тропинъ, скаля зубы.

Остальные обитатели нашей камеры имѣли растерянный видъ, не знали, что думать и говорить. Я побѣжалъ къ Башурову узнать, какъ все произошло. Валерьянъ разсказалъ слѣдующее:

— Я пришелъ вчера вечеромъ, передъ самой повѣркой, въ кухню заваривать чай. Азіадиновъ въ послѣднее время ужасно уха-

живалъ за мной, небывалую любезность проявлялъ. «Не хотите ли, спрашиваетъ, Валерьянъ Михалычъ, ложку-другую молока, у меня отъ больничныхъ порцій осталось?» И почти насильно всучаетъ мнѣ котелокъ—на днѣ двѣ ложки молока; признаться, мнѣ не хотѣлось и обидѣть его отказомъ, послѣ всѣхъ этихъ исторій... Какъ вдругъ подлетаетъ ко мнѣ Карпушка Липатовъ: «господинъ, вамъ вѣдь ни къ чему эти двѣ ложки, а у меня въ спинѣ косточка вырости отъ питья можетъ». Посмѣялся я и отдалъ ему, на свое счастье, на его бѣду. Послѣ повѣрки вынимаетъ Карпушка изъ подъ халата свой котелокъ и торжественно провозглашаетъ: «кто Карпушкѣ поклониться хочетъ—чай сегодня молосный пить»? Стрѣльбицкій съ Китаевымъ тутъ, какъ тутъ: «мы самому Богу кланяться не любимъ, а коли хочешь намъ товарищемъ быть, наливай по чашкѣ». И стали чаевать. Черезъ полчаса и схватило всѣхъ троихъ. Карпушка, должно быть, больше выпилъ—повалился, какъ мертвый, и глаза даже закатились. Китаевъ же все время стоналъ, хватаясь за животъ. Странно даже видѣть было, что такой здоровенный мужчина хныкалъ, точно баба: «охъ, братцы, смертонька моя подошла! Охъ, обкормили варвары»! Стрѣльбицкій тоже все время находился въ сознаніи и, хоть выносилъ, повидимому, не меньшія муки, но не терялъ мужества. Все грозился только сломать шею Азіадинову и Юхореву, когда выздоровѣетъ.

— Юхореву? Причемъ тутъ Юхоревъ?

— А кто же, какъ не онъ, сволочь?—заголосила вся камера, слушавшая мою бесѣду съ Башуровымъ:—онъ, гадина, отраву у насъ въ тюрьмѣ развелъ, некому больше! Одна ихъ шайка, Юхоревъ, Землянскій да Азіадиновъ!

— Ежели я заступался за ихъ, такъ нешто я зналъ за имя такое дѣло?—зарычалъ, поднимаясь съ наръ, блѣдный, какъ смерть, смущенный до нельзя Быковъ, обращаясь въ мою сторону:—я за правду только стоялъ, за свою обиду...

— А все же, ребята, надо раньше обслѣдовать это дѣло,—заговорилъ мой горный начальникъ Пальчиковъ, тоже принадлежавшій втайнѣ къ почитателямъ Юхорева:—можетъ, другіе виновники сыщутся, черная немочь ихъ побери! Какъ можно съ бухты-барахты на человѣка такую вину возводить? Пущай настоящіе врачи обслѣдуютъ и скажутъ: можетъ, это и не отрава еще вовсе, чтобъ ее язвой язвило!

— Это само собой,—подхватилъ и Быковъ:—можно человѣка и безъ вины завинить, мало развѣ примѣровъ... Сразу такъ нельзя говорить: Юхоревъ, Юхоревъ... А можетъ, и другой кто.

Я вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и отправился въ лазаретъ узнать о состояніи здоровья больныхъ и разспросить обо всемъ Штейнгарта. Послѣдній не сомкнулъ глазъ въ теченіе всей ночи, былъ блѣденъ и чуть стоялъ на ногахъ отъ утомленія. Ночью въ больницѣ происходило слѣдующее. Явившись осмотрѣть боль-

ныхъ, онъ нашелъ ясно выраженную картину болѣзни: рвота, судороги, расширенные зрачки, жженіе въ горлѣ, томительная жажда... Конечно, не будь предшествовавшихъ разговоровъ о ядѣ, о мечтѣ арестантовъ обокрасть больничную аптеку, онъ, не смотря на всѣ эти яркіе признаки, бродилъ бы какъ впотьмахъ, но теперь ужасное подозрѣніе сразу пришло ему въ голову... Онъ тотчасъ послалъ разбудить Лучезарова. Послѣдній явился немедленно, сильно взволнованный и встревоженный.

— Что тутъ у васъ? Неужели и къ намъ забралась азіатская гостья? Не было еще случаевъ холеры въ Забайкальской области...

— Это не холера, но не лучше холеры,—отвѣчалъ Штейнгартъ:—это отравленіе.

Съ бравымъ капитаномъ чуть не случился апоплексическій ударъ.

— Это невозможно... Въ моей тюрьмѣ?! Вы ошиблись.

— Смотрите сами.

И Штейнгартъ показалъ ему медицинскій учебникъ съ подробнымъ описаніемъ симптомовъ отравленія атропиномъ.

— Откуда же они достали, мерзавцы, этотъ ядъ?

— Объ этомъ вы подумаете послѣ. А теперь, если желаете спасти отравленныхъ, вы должны принять на свою отвѣтственность способъ лѣченія. Средство должно быть употреблено героическое—тоже ядъ, морфій.

— Но такъ ли ужъ плохо ихъ положеніе?

Штейнгартъ повелъ его въ комнату, гдѣ лежали больные. Карпушка уже начиналъ хрипѣть, Стрѣльбицкій еле поворачивалъ головой, а Китаевъ жалобно стоналъ:

— Батюшка, начальникъ... Спаси... Будь отцомъ роднымъ!

— Дѣлайте все, что хотите, только спасите ихъ,—круто повернулся Лучезаровъ къ Дмитрію, въ сильномъ волненіи.

Дмитрій тотчасъ же приступилъ къ работѣ. Землянскій былъ въ отлучкѣ—онъ наканунѣ уѣхалъ въ заводъ, отпущенный Лучезаровымъ на три дня въ гости.

Бравый капитанъ глядѣлъ на все съ страшно растеряннымъ видомъ и то и дѣло подходилъ къ Штейнгарту съ вопросами:

— Но какъ же вы полагаете?... Что же это, наконецъ, такое?... На кого думать?

Штейнгартъ пожималъ плечами.

— Мое дѣло было констатировать фактъ, а теперь—ухаживать за больными. Во всемъ прочемъ вы хозяинъ. Одно я позволю себѣ порекомендовать вамъ: собрать рвоту больныхъ въ сосудъ и запечатать.

— Совершенно вѣрно! Обязательно. Биркинъ, Биркинъ! И знаете что: я пошлю сейчасъ же отобрать и тотъ котелокъ, въ которомъ былъ чай, быть можетъ, его осталось хоть немного...

Но мысль эта явилась бравому капитану уже слишкомъ позд-

но: котелокъ оказался чисто вымытымъ и вытертымъ кѣмъ-то насухо. Какъ ни скрывалъ Штейнгартъ отъ арестантовъ характеръ и названіе болѣзни, черезъ полчаса все уже было извѣстно въ больницѣ. Самъ Лучезаровъ, какъ только отравленные обнаружили признаки выздоровленія,—снисходительно присаживаясь къ нимъ на койки, говорилъ:

— Непремѣнно разыщите мнѣ этихъ мерзавцевъ-отравителей! На первой же осинѣ повѣшу ихъ... Только поправляйтесь, поправляйтесь, смотрите, друзья!

Китаевъ, Карпушка и самъ мрачный Стрѣльбицкій были поражены и приведены въ умиленіе ласковымъ обращеніемъ съ ними грознаго начальника; растроганные, они цѣловали ему руки и клялись, что, если встанутъ на ноги, сдѣлаются образцовыми арестантами. Китаевъ все продолжалъ охать и жаловаться, хотя особенныхъ страданій уже, казалось, не испытывалъ; вся ненависть Стрѣльбицкаго обратилась теперь на Юхорева, и онъ говорилъ, что выпуститъ ему кишки, «людскому сомустителю». Къ Штейнгарту онъ относился теперь съ неподдѣльной симпатіей, широкой, мягкой улыбкой встрѣчая каждое его появленіе и величая спасителемъ. Одинъ только Карпушка Липатовъ относился къ случившемуся безучастно и даже какъ-будто радовался ему:

— Я чувствую, господинъ докторъ, что эта самая яда мнѣ на пользу пошла,—объяснялъ онъ Штейнгарту:—потому она кровь по костямъ разогнала. Вотъ ежелибъ вы еще мнѣ той хананіи дали, которую ночесь въ ротъ лили, такъ я знаю, что настоящимъ бы тогда человѣкомъ сталъ! Теперь оно бы самая точка—мою болѣзнь лѣчить. Но вы, господинъ дохтуръ, скупой... вы по губамъ только меня помазали, а чтобъ, значитъ, окончательно Карпушкѣ спину выправить, такъ этого вы не хотите... А ужъ я вамъ говорю, что теперь самая, то есть, точка подошла для моего лѣченья, потому яда эта... она кровь по костямъ у меня разогнала.

Словомъ, по утру вся тюрьма говорила про «яду», и за спиной Юхорева всѣ единогласно называли его имя, называли съ самой искренней ненавистью къ нему, открыто утверждая, что Азіадиновъ съ Юхоревымъ хотѣли отравить Башурова, меня и Штейнгарта, но что судьба рѣшила иначе, и на удочку попался несчастный Карпушка да двое изъ юхоревской же шайки... Даже надзиратели указывали на Юхорева. Однако Шестиглазый, для котораго «справедливость была выше всего на свѣтѣ», рѣшился пока арестовать одного только Азіадинова, какъ непосредственно давшаго Валерьяну Башурову молоко, отъ котораго произошло отравленіе. Поваръ-татаринъ посаженъ былъ немедленно въ темный карцеръ, лишенъ горячей пищи и закованъ въ ручные кандалы. Самъ начальникъ посѣщалъ его во время каждой вечерней повѣрки и грозно убѣждалъ сознаться и выдать единомышленниковъ. Но Азіадиновъ упорно стоялъ на своемъ:

— Безъ вины страдаю, господинъ начальникъ! Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Обходя во время повѣрокъ камеры, Шестиглазый бросалъ каждый разъ на Юхорева пытливо-пронизывающій взглядъ, но тотъ, вытянувъ руки по швамъ, стоялъ, какъ всегда, непроницаемо-холодный на видъ, не вздрагивая ни однимъ мускуломъ. Впрочемъ, не смотря на эту ледяную маску, пристальное наблюденіе могло всетаки открыть, что и онъ временами волновался и чувствовалъ нѣкоторый страхъ. Разъ утромъ по тюрьмѣ прошелъ слухъ, что Азіадиновъ рѣшилъ дать какія-то чистосердечныя показанія... Вечеромъ того же дня, передъ самой повѣркой, кобылка всколыхнулась, какъ одинъ человѣкъ, отъ новой сенсаціонной вѣсти: Юхорева поймали на мѣстѣ преступленія...

— Кто поймалъ? Въ чемъ?

— Огурцовъ... Юхоревъ на подоконникъ карцера вскочилъ и, оглянувшись кругомъ, зачалъ уговаривать Азіадинова по прежнему во всемъ запираться, обѣщая заплатить ему двадцать рублей...

Выйдя на дворъ, я, дѣйствительно, увидѣлъ у воротъ Огурцова, въ сильномъ волненіи разговаривавшаго о чемъ-то съ надзирателями: онъ просилъ ихъ немедленно доложить начальнику о необходимости сообщить ему неотложное дѣло. Завидѣвъ меня, Огурцовъ радостно закричалъ:

— Поймалъ, Иванъ Николаевичъ, поймалъ таки суку!.. Я говорилъ вѣдь вамъ, что не я буду Огурцовъ, коли рано или поздно не отомщу ему. И вотъ, дождался своей точки. Я день и ночь слѣдилъ за имя, сволочами!

Бѣлое, жирное, въ обычное время апатичное лицо Огурцова разгорѣлось радостнымъ оживленіемъ; большіе черные глаза мстительно сверкали, кулаки судорожно сжимались... И я невольно подумалъ: «а давно-ль еще это былъ наивный, простенькій юноша, котораго не иначе всѣ называли, какъ дурочкой? И вотъ что сдѣлала изъ него жизнь, эта ненормальная, проклятая тюремная жизнь»!—Не успѣлъ я отвѣтить что нибудь Огурцову, какъ ударилъ звонокъ на повѣрку, и арестанты начали строиться по серединѣ двора въ шеренги. Шестиглазый на этотъ разъ недолго заставилъ себя ждать, и подъ воротами появилась его видная фигура. Прежде всего онъ вызвалъ въ караульный домъ Огурцова и долго съ нимъ о чемъ-то бесѣдовалъ. Затѣмъ началась повѣрка въ обычномъ церемоніальномъ порядкѣ. Ожидали, что будетъ что нибудь сказано или объявлено послѣ прочтенія наряда, но бравый капитанъ продолжалъ хранить все то же грозное молчаніе, и послышалось только короткое:

— Разводите арестантовъ по камерамъ!

Всѣ разошлись въ нѣкоторомъ недоумѣніи, не то чѣмъ-то недовольные, не то съ затаенной тревогой. Въ камерахъ снова выстроились двумя рядами, но не было слышно обычныхъ шутокъ и

перебранокъ. Я невольно покосился въ сторону Юхорева. Присѣвъ въ ожиданіи повѣрки на краешекъ нарь, онъ нервно барабанилъ по нимъ слегка пальцами, и лицо его показалось мнѣ темнѣе обыкновеннаго и какъ будто нѣсколько осунувшимся... Никто изъ товарищей не глядѣлъ на него, и онъ ни съ кѣмъ не заговаривалъ. Молчаніе было такъ тягостно, что всѣ словно обрадовались, когда раздалась оглушительная команда: — Смирр-на!—и Лучезаровъ не вошелъ, а вбѣжалъ быстрыми, безпокойными шагами. Не глядя никому въ лицо, онъ совершилъ обычную церемонію, обошелъ камеру, заглянулъ за перегородку, понюхалъ тамъ воздухъ... Оттуда онъ вышелъ тихимъ, замедленнымъ шагомъ... И, лишь подойдя къ двери, вдругъ обернулся и произнесъ зычнымъ, повелительнымъ голосомъ:

— Юхоревъ, я тебя арестую и отдаю подъ судъ. Надзиратели, отведите его за ворота въ солдатскій карцеръ.

Ни слова не отвѣтилъ Юхоревъ, точно давно уже ждалъ этого распоряженія: молча повернулся къ нарамъ, взялъ съ нихъ шапку и ровными, энергичными шагами направился къ выходу. Но на порогѣ онъ обернулся и сказалъ нѣсколько дрогнувшей нотой:

— Прощайте, братцы, лихомъ не поминайте... Только напрасно обвиняютъ меня въ энтомъ дѣлѣ.

Дверь захлопнулась, ключъ въ замкѣ щелкнулъ. Тогда въ камерѣ всѣ зашумѣли и разомъ заговорили:

— Убрали, наконецъ, сволочь!—объявилъ Сохатый, до исторіи съ отравленіемъ сильно склонявшійся на сторону Юхорева, но послѣ того рѣшительно отъ него отвернувшійся.

— Да и еще бъ кой-кого убрать не мѣшало! Довольно ихъ такихъ осталось еще,—сказалъ Луньковъ, бросивъ на Тропина полный недоброжелательства взглядъ.

— Ужъ очень геройствовать привыкъ этотъ Юхоревъ, — выпустилъ ядъ Карасевъ,—мы какъ явились сюда, такъ не знали, что и подумать: не то арестантъ такой же, какъ всѣ, не то секлетарь аль самъ сенаторъ!.. Вотъ и доносились съ своимъ сенаторомъ, какъ курица съ яйцомъ, вотъ и дождались. Бога молите, что онъ всѣхъ васъ не обкормилъ, челдоновъ желторылыхъ.

— Да чего ты намъ въ носъ его тычешь—«вашъ» да «вашъ» Юхоревъ,—вступился за честь старой партіи Чирокъ.—Ну, а чѣмъ онъ нашъ? Нешто скажешь, ваша партія не больше дружила съ нимъ?

— А кто — я, скажешь, дружилъ?—налился кровью обидчивый Карасевъ:—Я? Нѣтъ, врешь! Я еще никому въ жизни своей не кланялся! Это, можетъ, ты несамостоятельный человѣкъ, а я... я самому чорту-дьяволу, не то что какому-нибудь Юхореву, не уважу. Я, братъ, чохъ-мохъ не разбираю!..

— Да мало-ль ихъ, друзьевъ-то, и окромя тебя было! Тропинъ вонъ...

— А ты Тропина не замай!—быстро отозвался съ нарь Тропинъ, тотчасъ же послѣ повѣрки улегшійся спать и покрывшійся было съ головой халатомъ,—я никого, братъ, не задѣваю; а кто меня задѣнетъ, тому я съумѣю скулы своротить.

Чирокъ почему-то не заблагоразсудилъ съ нимъ ссориться и замолчалъ.

— А вѣдь вотъ, ребята, что значитъ съ честными людьми хоть малость самую пожить,—добавилъ тогда его противникъ, — повѣрите-ль, бабы даже перестали мнѣ по ночамъ сниться!

И Тропинъ, весело захохоталъ, повернулся на другой бокъ и скоро демонстративно захрапѣлъ.

Въ первые дни послѣ ареста Юхорева подавляющее большинство тюрьмы было настроено противъ него явно-враждебно; даже тѣ, которые, подобно Быкову или Пальчикову, въ началѣ пытались хоть робко защищать его отъ обвиненія въ отравленіи, теперь, когда онъ былъ изъятъ изъ тюрьмы и представлялъ собою окончательно и безповоротно павшее величіе, смолкли и не протестовали противъ самыхъ ужасныхъ и рѣшительныхъ обвиненій. Нахалы вродѣ Тропина ограничивались въ это время тѣмъ, что, не высказываясь громко ни за, ни противъ, довольно двусмысленно иронизировали надъ общимъ настроеніемъ... Вожаки куда-то исчезли, будто сквозь землю провалились, и всецѣло царила обыкновенно безличная и безгласная кобылка съ ея банальными мнѣніями и не менѣе банальными чувствами. Передо мной съ товарищами, особенно же передъ Штейнгартомъ всѣ почтительно разступались, встрѣчая самыми привѣтливыми улыбками, заискивающе заговаривая... Вообще была самая грубая, самая безстыдно-откровенная измѣна, какую только мнѣ доводилось видѣть въ жизни!

Но такое настроеніе толпы продолжалось всего лишь четырнадцать дней... Затѣмъ снова началъ обнаруживаться поворотъ въ пользу Юхорева. Стали проникать въ тюрьму слухи, что съ Юхоревымъ, закованнымъ въ ручные и ножные кандалы и валяющимся на холодномъ полу темнаго солдатскаго карцера (за воротами тюрьмы), обращаются крайне свирѣпо и безчеловѣчно, морятъ его голодомъ и жаждой. Парашникъ, разъ въ день входившій подъ строгимъ присмотромъ въ его каморку, видѣлъ его изможденнаго цынгой и лихорадкой...

— Скажи, братецъ, въ тюрьмѣ, что я ужъ не выйду отсюда живымъ, сгноятъ меня здѣсь!—успѣлъ шепнуть ему Юхоревъ.

И дрогнуло жалостливое сердце кобылки... Припомнили, какъ Юхоревъ, уходя въ секретную, сказалъ:—Напрасно винятъ меня въ эстомъ дѣлѣ.

— А что, ребята, и въ самъ-дѣлѣ, какія такія доказательства есть, что онъ сдѣлалъ это? Можетъ одинъ Азіадиновъ? Огурцовъ могъ вѣдь и по злобѣ убійство на него открыть... Онъ давно, тол-

стая его морда, грозился на Юхорева...—послышались голоса, сначала робкіе, а затѣмъ все болѣе и болѣе настойчивые.

Но больше всего изумила меня перемѣна, происшедшая въ выздоравливавшемъ Стрѣльбицкомъ. Недавно еще онъ называлъ Штейнгарта своимъ спасителемъ, а Юхореву обѣщалъ кишки выпустить, теперь же глядѣлъ опять, безъ всякой видимой причины, и на меня, и на Дмитрія дикими, враждебными глазами и, гуляя по тюремному двору въ желтомъ больничномъ халатѣ, якшался по прежнему съ Тропинымъ, Быковымъ, Шматовымъ и другими членами распуганной было шайки. Очевидно, этотъ человѣкъ съ мрачнымъ обликомъ и непримиримо-вольнолюбивыми рѣчами, на дѣлѣ обладалъ самой слабой ,— быть можетъ, расшатанной безразсудной жизнью, волей и характеромъ.

Вскорѣ объяснилось, что значила эта новая перемѣна декорацій: Тропинъ пустилъ по тюрьмѣ новое «бумо», что отрава брошена была въ котелокъ не кѣмъ другимъ, какъ самимъ Валерьяномъ Башуровымъ, а добыта, разумѣется, Штейнгартомъ, который былъ вхожъ въ аптеку. Все сдѣлано для гибели Юхорева и для вящшаго прославленія, въ качествѣ спасителя отравленныхъ, того же Штейнгарта... Какъ ни возмутительна была эта гнусная выдумка, опровергать ее было невозможно, такъ какъ распространялась она подъ сурдинку, а, встрѣчаясь съ нами, Тропинъ только скалилъ нахально свои острые зубы и глядѣлъ прямо въ лицо безстыдными, свѣтлыми, какъ вода, глазами...

X.

На прощанье.

Прошло два мѣсяца. Исторія съ отравленіями затянулась надолго. Пріѣзжалъ слѣдователь, допрашивалъ Азіадинова, Юхорева, Огурцова по одиночкѣ и лицомъ къ лицу, вызывалъ и еще нѣкоторыхъ арестантовъ, въ томъ числѣ и Башурова, но ни къ какому опредѣленному заключенію не пришелъ. Данныхъ для формальнаго обвиненія оказывалось слишкомъ мало. Передавали, что уже и самъ Лучезаровъ въ бесѣдахъ со слѣдователемъ смѣялся надъ арестантскими толками о ядѣ, какъ надъ ребяческой выдумкой: откуда взяться въ тюрьмѣ, и въ такой строгой тюрьмѣ, яду? Конечно, Штейнгартъ прекрасный юноша, проникнутый самыми благими намѣреніями и чувствами, съ пользою замѣняющій врача, который пріѣзжаетъ въ Шелайскій рудникъ такъ рѣдко, но... все же нельзя забывать, что онъ не больше, какъ студентъ, не кончившій курса, не имѣющій большого опыта въ прошломъ... Никто не могъ, разумѣется, сообщить слѣдователю того, что знали, напр., мы съ Дмитріемъ или Мишка Биркинъ съ товарищами, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ отнесся къ дѣлу поверхностно, спустя рукава.

Что касается врачебной экспертизы надъ опечатанной рвотой, то результаты ея остались для насъ неизвѣстными.

Мнѣ лично извѣстно одно, что ядъ дѣйствительно былъ на рукахъ арестантовъ ни больше, ни меньше, какъ въ количествѣ двухъ банокъ. Одна изъ нихъ, по слухамъ, была вынесена за ворота и исчезла неизвѣстно куда, а другая очень долго скрывалась отъ бдительныхъ глазъ начальства и гуляла по тюрьмѣ, переходя изъ рукъ въ руки. Наконецъ, дошло до того, что арестанты стали проигрывать ее одинъ другому въ карты... Только цѣлый годъ спустя, когда меня не было уже въ Шелайскомъ рудникѣ, Дмитрію Штейнгарту удалось прослѣдить это опасное оружіе, выкупить и швырнуть въ печку.

По окончаніи слѣдствія и Юхоревъ, и Азіадиновъ были выпущены изъ карцеровъ и опять водворены въ тюрьму. Обстоятельство это вначалѣ страшно смутило тѣхъ изъ арестантовъ, которые открыто заявили себя ихъ врагами: въ разговорахъ между собой они выражали серьезное опасеніе, какъ бы Юхоревъ не отравилъ ихъ теперь всѣхъ огуломъ! Огурцовъ на одной изъ повѣрокъ высказалъ эту мысль самому Шестиглазому.

— Да, да, не совсѣмъ это удобно, не совсѣмъ, я понимаю,— озабоченно согласился съ нимъ Лучезаровъ,—но ничего пока не подѣлать. Я не могу собственной властью убрать его. Буду хлопотать, а пока потерпите и остерегайтесь.

Что касается самого Юхорева, то онъ держался теперь, хотя и съ прежнимъ гордымъ достоинствомъ, но уже совершенно въ сторонѣ отъ общихъ тюремныхъ дѣлъ, не только въ нихъ не вмѣшиваясь, но даже и не прислушиваясь ни къ какимъ арестантскимъ разговорамъ на артельныя темы. По цѣлымъ днямъ не было слышно въ тюрьмѣ его голоса; онъ работалъ, спалъ безъ просыпу и рѣдко прогуливался даже со старыми своими пріятелями. Видимо, онъ сильно грустилъ... Въ могучей натурѣ этого человѣка такъ и бурлила еще жизнь и кипучая жажда свободы; до выхода на поселеніе ему оставалось не больше четырехъ мѣсяцевъ, но онъ былъ почему-то твердо увѣренъ, что Лучезаровъ выхлопочетъ ему еще нѣсколько лѣтъ каторги... Иногда, лежа на своихъ нарахъ послѣ вечерней повѣрки, онъ долго мурлыкалъ про себя какой нибудь чудный мотивъ изъ своего богатаго репертуара народныхъ пѣсенъ, но потомъ внезапно останавливался, вскакивалъ и ударялъ въ отчаяніи кулакомъ по нарамъ, загибая энергичное словцо:

— Эхъ, пропала, чортъ возьми, жисть, ни за что, ни про что пропала...

Единственнымъ благотворнымъ послѣдствіемъ исторіи съ отравленіями было то, что фельдшера Землянскаго Лучезаровъ, наконецъ, удалилъ, и его мѣсто занялъ молоденькій, только что кончившій фельдшерское училище, безусый юноша, робкій, какъ застѣнчивая дѣвушка, мягкій и добродушный. По первому же заяв-

ленному мной желанію, онъ записалъ меня въ больницу и помѣстилъ въ маленькой отдѣльной комнаткѣ, въ той самой, гдѣ умеръ нѣкогда Маразгали, и куда по окончаніи горныхъ работъ ежедневно приходили ко мнѣ Башуровъ и Штейнгартъ поболтать и отдохнуть отъ тюремной сутолоки. Въ праздничные дни, усѣвшись тѣсной кучкой на моей койкѣ, мы не разлучались отъ утренней повѣрки вплоть до вечерней, и убогая каморка моя превращалась тогда въ подлинный клубъ. О чемъ только не бесѣдовали мы тамъ, о чемъ не спорили!

Лѣтнія исторіи страшно повліяли на Валерьяна. Онъ круто измѣнилъ свой первоначальный взглядъ на арестантовъ, какъ на случайный отколокъ народнаго міра, ничѣмъ, въ сущности, отъ этого міра не отличающійся. Теперь, напротивъ, онъ называлъ обитателей каторги «отбросами» народа и въ большинствѣ ихъ видѣлъ отпѣтыхъ злодѣевъ и сознательныхъ, ничѣмъ неисправимыхъ негодяевъ.

И съ той же горячей искренностью, съ тѣмъ же юношескимъ апломбомъ, какъ нѣкогда старые свои взгляды, защищалъ онъ теперь новые, какъ-будто они составляли завѣтное его убѣжденіе, добытое долгими годами тажкаго опыта и тяжкихъ страданій, а не нѣсколькими всего мѣсяцами мелкихъ, сравнительно, разочарованій и огорченій. Для меня эти взгляды являлись лишь другого рода крайностью. Насколько раньше я старался охладить оптимистическій пылъ Валерьяна и показать ему оборотную сторону «отколковъ народнаго міра», настолько же теперь испытывалъ естественное стремленіе защитить и оборонить невольныхъ своихъ сожителей отъ преувеличенныхъ нападокъ, отъ окончательнаго топтанія ихъ огуломъ въ грязь. Что касается Дмитрія, то онъ, казалось, мало интересовался этими спорами и держался мрачнаго нейтралитета; было замѣтно, что опять какое-то глубокое личное горе терзало его и дѣлало снова угрюмымъ и необщительнымъ. Вѣчная бѣготня по больнымъ, внѣ стѣнъ тюрьмы и внутри ихъ, работа въ аптекѣ и утромъ, и вечеромъ, а иногда даже ночью, оставляли ему слишкомъ мало свободнаго времени для прежнихъ откровенныхъ бесѣдъ со мною, и порой мнѣ чудилось даже, что онъ начинаетъ намѣренно избѣгать ихъ, что между нами опять происходитъ въ послѣднее время отдаленіе. Меня это очень огорчало, хотя напрашиваться на дружескія изліянія я не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что не допускалъ перемѣны его личныхъ отношеній ко мнѣ и причиною отчужденія считалъ какія нибудь новыя осложненія въ его грустномъ романѣ... Штейнгартъ очень часто забѣгалъ въ мою келью, но каждый разъ не надолго и разсѣянно слушалъ наши бесѣды съ Валерьяномъ.

— Ну, всетаки не станете жъ вы хоть того отрицать,—кричалъ неугомонный Башуровъ,—что люди вродѣ Тропина съ товарищами безнадежно-вредные члены общества, что такихъ-то ужъ ничто не

исправить, никакія школы и книжки? Неужели всѣ недавнія исторіи не убѣдили васъ въ этомъ?

— Башуровъ, да вы вѣдь безъ году недѣлю живете среди этихъ людей и не успѣли хорошенько узнать ихъ.

Тогда Валерьянъ вспыхивалъ, въ немъ заговаривало самолюбіе.

— Во первыхъ, не забывайте, что я шелъ съ ними дорогой— значитъ, не совсѣмъ ужъ не зналъ еще и раньше прибытія въ Шелайскій рудникъ, а во вторыхъ—и это самое главное: какъ жили вы здѣсь до насъ эти два съ половиной года, которыми такъ кичитесь?

— Кичусь?!

— Да, есть небольшой грѣхъ... Жизнь текла, по вашимъ же собственнымъ разсказамъ, мирно, безъ малѣйшихъ столкновеній, какъ у Христа за пазухой...

— Какъ у Христа за пазухой?

— Знаю, знаю, что вы разумѣете... Но у насъ не о томъ вѣдь теперь рѣчь. Бурная жизнь внутри самой тюрьмы началась только при насъ, и въ этомъ отношеніи вашъ опытъ буквально тотъ же, что и мой.

Часто послѣ подобныхъ «милыхъ» разговоровъ мы разставались съ чувствами уязвленнаго самолюбія и раздраженія другъ другомъ, хотя на другой же день встрѣчались опять, какъ ни въ чемъ не бывало. Валерьянъ являлся ко мнѣ, широко улыбаясь и дружески протягивая руку. И не проходило десяти минутъ, какъ мы опять сцѣплялись по какому-нибудь поводу.

— А вы, Дмитрій Петровичъ, какого теперь мнѣнія о кобылкѣ?— обращался я иногда къ Штейнгарту, молча лежавшему на моей койкѣ и нервно кусавшему себѣ бороду.

— Ахъ, все надоѣло!—отвѣчалъ онъ, нахмуриваясь еще больше,—люди все тѣ же люди, какъ на низинахъ, такъ и на вершинахъ развитія и образованности.

И съ этимъ загадочнымъ восклицаніемъ онъ вскакивалъ и убѣгалъ по своимъ дѣламъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября того же года на одной изъ вечернихъ повѣрокъ, въ субботу, былъ прочитанъ, какъ снѣгъ на голову свалившійся съ неба, приказъ о переводѣ за дурное поведеніе въ другіе рудники Юхорева, Шматова, Азіаднинова и Тропина, а Стрѣльбицкаго по болѣзни въ зерентуйскій лазаретъ (послѣ исторіи съ отравленіемъ съ нимъ стали дѣлаться какіе-то страшныe нервные припадки съ болью въ животѣ и судорогами во всемъ тѣлѣ; многіе подозрѣвали въ нихъ простую симуляцію). Значительная часть арестантовъ выслушала этотъ приказъ съ глубокой тайной завистью и изумленіемъ: всѣмъ имъ какъ бы еще лишній разъ подчеркивалось самимъ начальствомъ, что для того, чтобы вырваться изъ когтей скучнаго шелайскаго режима, надо только мутить побольше и устраивать всякаго рода скандалы, ни передъ

чѣмъ не останавливаясь и ничего не боясь. Однако лица Юхорева, Шматова и Тропина не сіяли торжествомъ, а, напротивъ, были очень серьезны: ихъ тревожило тайное опасеніе, что прочитана пока только часть написаннаго въ бумагѣ, и по прибытіи на новое мѣсто ихъ накажутъ немедленно розгами или даже плетьми, а потомъ объявятъ увеличеніе срока каторги.

Увозъ пятерыхъ друзей состоялся на другой день утромъ, когда, по случаю воскреснаго дня, вся тюрьма была дома. Я прогуливался по больничному корридорчику, когда дверь растворилась, и въ больницу вошелъ, усиленно гремя цѣпями, въ которыя его только что заковали, Гнусъ-Шматовъ. Не глядя на меня, онъ прошелъ въ большую палату проститься съ товарищами.

— Прощайте, братцы, увозятъ!—послышался оттуда его торжественно шипѣвшій голосъ:—увозятъ... И что будетъ, неизвѣстно... Нашлись такіе друзья—погубили!

Я съ любопытствомъ присѣлъ на лавку, ожидая, не скажетъ-ли онъ и мнѣ что-нибудь на прощанье. По прежнему громко лязгая кандалами, Шматовъ вышелъ въ корридоръ и, снявъ шапку, низко поклонился мнѣ по актерски.

— Прощай и ты, Миколаичъ,—прогнусавилъ онъ, саркастически оскаливая гнилые зубы: — прощай! Спасибо, что въ кандалы заковалъ... Тебѣ обязанъ!

Признаюсь, такой грубой, такой искренно-злостной клеветы, брошенной мнѣ прямо въ лицо, я не ожидалъ даже и отъ шматовскаго дубинноголоваго тупоумія! Но прежде, чѣмъ, придя въ себя отъ удивленія, успѣлъ я произнести хоть слово въ отвѣтъ, Гнусъ уже вышелъ вонъ торжественно замедленными шагами, заложивъ руки за спину.

Вслѣдъ за этимъ въ дверь просунулъ голову Тропинъ. Ему, очевидно, не съ кѣмъ было прощаться, и онъ показался для того только, чтобы крикнуть во всю глотку Стрѣльбицкому:

— Ты чего жъ тутъ копаешься? Скорѣе, лѣшій!

Онъ окинулъ меня бѣглымъ, нелюбопытнымъ взглядомъ и, неудостоивъ ни однимъ словомъ, скрылся. Да и что ему было говорить? Своего онъ добился, а до всего остального въ мірѣ, до лжи и правды, этому человѣку, не имѣвшему за душой даже признаковъ убѣжденія, не было ни малѣйшаго дѣла...

Стрѣльбицкій вышелъ изъ палаты и тоже, ничего не сказавъ мнѣ на прощанье, поспѣшилъ прямо къ воротамъ. Я глядѣлъ въ окно. Тамъ стояли уже подъ дождемъ въ ожиданіи Азіадиновъ, Тропинъ и Шматовъ. Быстрой, легкой походкой, ухарски заломивъ на бокъ круглую арестантскую шапочку, шелъ къ нимъ изъ тюрьмы Юхоревъ, вскинувъ на плечо свой мѣшокъ съ вещами. Въ больницу онъ не зашелъ. Замокъ щелкнулъ—ворота распахнулись настежь, приняли въ свою пасть пятерыхъ друзей и снова громко захлопнулись. На новую жизнь! Не пожалѣютъ ли когда нибудь эти

люди о Шелайской тюрьмѣ, не вспомнятъ ли съ сочувствіемъ о тѣхъ, кого теперь, уходя, пытались оплевать и закидать грязью?..

Валерьянъ и Дмитрій явились ко мнѣ съ тюремными новостями.

— Ну, что, Иванъ Николаичъ, заходили къ вамъ прощаться?

Я разсказалъ о сценѣ, устроенной мнѣ Гнусомъ.

— Ну, значитъ, точь въ точь та же пѣсня, которую и мы слышали,—съ горечью разсмѣялся Штейнгартъ.—Къ намъ Шматовъ и Юхоревъ вмѣстѣ зашли. Первый шипѣлъ что-то не совсѣмъ вразумительное, кого-то въ чемъ-то упрекалъ, кого-то прощалъ, то и дѣло прерывая Юхорева, который, по обыкновенію, прикрикнулъ наконецъ:—«Замолчи, Гнусъ, не дури!» Самъ онъ держался съ обычной важностью и съ первыхъ же словъ заявилъ, что противъ насъ двоихъ никакой злобы не уноситъ, одного только Ивана Николаевича считаетъ врагомъ.—«Какъ вамъ, Юхоревъ, не стыдно говорить такія вещи?—воскликнулъ я:—Иванъ Николаевичъ прожилъ столько лѣтъ въ тюрьмѣ, и всѣ видѣли отъ него одно только доброе».—«Быть можетъ, другіе, но никакъ не я! Мнѣ онъ врагъ, и я когда-нибудь съумѣю ему отомстить».—«Онъ насъ въ кандалы заковалъ!»—прошипѣлъ опять Гнусъ. Я обратился къ Юхореву:—«Неужели вы вѣрите въ такую нелѣпость? Ну, Шматовъ по глупости, а вы-то»?.. Онъ сдѣлалъ рѣшительный жестъ рукою:—«Не будемъ спорить, Дмитрій Петровичъ, у каждаго человѣка свои взгляды... Итакъ, господа, прощайте, спасибо за вашу хлѣбъ-соль. Валерьянъ, не поминай меня лихомъ»! Но мы отказались подать ему руку:—«Если вы думаете такъ дурно о нашемъ товарищѣ, котораго мы уважаемъ, такъ по доброму и мы не можемъ разстаться съ вами». Тогда Юхоревъ выпрямился, подумалъ немного и, поклонившись слегка, торопливо вышелъ. А за нимъ побѣжалъ и его вѣрный оруженосецъ, продолжая что-то гнусавить.

— И откуда берется такая гордость, такой языкъ у чистокровной въ сущности шпаны!—загорячился Валерьянъ:—вотъ, Иванъ Николаевичъ, плоды вашего многолѣтняго нѣжничанья съ ними!

Но Штейнгартъ сурово остановилъ его:

— Вспомни, Валерьянъ, свое собственное амикошонство съ ними первыхъ дней. Еще большой, братъ, вопросъ, чьей это политики плоды...

Башуровъ густо покраснѣлъ и, замолчавъ, на нѣкоторое время, по обыкновенію, надулся.

Грустное настроеніе овладѣло мною, когда товарищи ушли въ тюрьму, оставивъ меня одного. Мысленно перебиралъ я свои тюремныя воспоминанія, годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, стараясь отыскать тамъ свои ошибки, промахи, вины противъ посланныхъ мнѣ судьбой сотоварищей, подобрать ключъ къ правильному пониманію ихъ простой и вмѣстѣ загадочной психологіи, на почвѣ которой создались между нами сначала недоразумѣнія, а затѣмъ и вражда... Я думалъ, — и исторія этихъ мелкихъ тюремныхъ кон-

фликтовъ наводила меня на мысли о болѣе широкихъ аналогіяхъ и картинахъ: не возможны ли подобные же (только еще болѣе грустные по своимъ большимъ размѣрамъ и важнымъ послѣдствіямъ) конфликты и на волѣ, между интеллигентными людьми и темными народными массами?..

Было сумрачное осеннее утро передъ самымъ началомъ зимы. Порывы холоднаго вѣтра стучали порой по оконнымъ рамамъ крупными дождевыми каплями. Непривѣтливо висѣло низкое темное небо надъ непривѣтливымъ, мокрымъ зданіемъ тюрьмы, дѣлая его еще мрачнѣе обыкновеннаго, а жизнь, происходившую подъ его кровлей, еще страшнѣй и удушливѣй. Вотъ рѣзкими, точно отсырѣвшими звуками ударилъ звонокъ на обѣдъ; съежившіеся отъ холода камерные старосты пронесли изъ кухни баки съ баландой, нагибаясь подъ ихъ тяжестью. Суетливо пробѣжало за ними нѣсколько праздно торчавшихъ въ кухнѣ отощалыхъ фигуръ. Тюремный день продолжалъ идти своей обычной колеей...

Л. Мельшинъ.

«НЕВѢРОЯТНѢЕ СКАЗКИ».

Разсказъ доктора-китайца Сенъ-Ятъ-Сэнъ о его похищеніи и заточеніи въ Лондонѣ.

(*Переводъ съ англійскаго*).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

— Хотите познакомиться съ китайскимъ заговорщикомъ?

— Съ китайскимъ заговорщикомъ?

— Ну, да. Онъ очень интересуется русскими (сосѣди вѣдь вы!) и просилъ его познакомить, если можно.

— Ахъ, это не тотъ ли, котораго, будто бы, похитило китайское посольство?

— Не будто бы, а самымъ настоящимъ образомъ похитило. Эта исторія невѣроятнѣе сказки, а между тѣмъ — самая неподдѣльная дѣйствительность. Такъ вотъ, въ среду, въ шесть часовъ, приходите къ моему другу, Крэгсу.

И мой пріятель-англичанинъ, быстро набросавъ на своей карточкѣ адресъ Крэгса (съ которымъ я знакомъ не былъ), подалъ ее мнѣ.

За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ я наткнулся въ своей утренней газетѣ на аршинный столбецъ петита, съ заглавіемъ: «Похищенъ среди бѣлаго дня въ Лондонѣ», гдѣ шла рѣчь о похищеніи китайскаго доктора. Но я не обратилъ на статью вниманія, полагая, что это какой нибудь вздоръ, раздутый и разукрашенный репортеромъ съ благою цѣлью дать читателю четверть часа сенсаціоннаго чтенія за завтракомъ. А вотъ теперь оказывалось, что это сама дѣйствительность!

Когда въ назначенное время я вошелъ въ незатѣйливую «меблированную комнату» мистера Крэгса, тамъ уже было человѣкъ пять гостей. Меня подвели, между прочимъ, къ небольшой, весьма худощавой фигурѣ съ очень тонкими, точно хрупкими руками и плоскимъ широкимъ лицомъ. Это былъ «докторъ Сенъ-Ятъ-Сэнъ». Онъ былъ остриженъ, одѣтъ по европейски и носилъ маленькіе усы, но цвѣтъ кожи, широко разставленные, характерной формы глаза и окладъ лица съ

выдающимися скулами говорили съ перваго раза о его расѣ. Глаза эти были не «орлиные», но интеллигентные, а впослѣдствіи я убѣдился, что въ нихъ временемъ свѣтится и юморъ. Теперь мой новый знакомый скромно и по дѣтски ясно улыбался. Мы обмѣнялись рукопожатіемъ, и разговоръ, начатый до моего прихода, продолжался.

— Итакъ, вы вѣрите въ возможность прогрессивнаго народнаго движенія въ Китаѣ?—спросилъ у доктора Сенъ-Ятъ-Сэна одинъ изъ собесѣдниковъ.

— О, конечно. Теперешній китайскій режимъ и теперешнее правительство абсолютно не способны ни къ какому улучшенію, ни къ какой реформѣ. Ихъ можно только уничтожить, но не улучшить. Ожидать отъ него самообновленія подъ вліяніемъ требованій времени и соприкосновенія съ европейской культурой, равносильно ожиданію, что фермерская свинья, благодаря жизни на хорошо содержимой фермѣ и близости къ своему цивилизованному хозяину, получитъ непреодолимое стремленіе къ сельскому хозяйству и успѣшно имъ займется.

— Что же вы желали бы видѣть въ Китаѣ вмѣсто теперешняго режима?

— Отвѣтственное, представительное правленіе. Кромѣ того, необходимо открыть въ страну доступъ европейской цивилизаціи. Я не хочу сказать, что намъ нужно пересаживать цѣликомъ все. У насъ есть своя цивилизація. Но вслѣдствіе невозможности сравненія, выбора, а стало быть и развитія, она замерла. Притомъ же она теперь совершенно недоступна народной массѣ.

— Иначе сказать, вы желаете Китаю приблизительно того же, что случилось въ Японіи?

— Да. Но вѣдь японская цивилизація есть, собственно, китайская: она занесена въ Японію изъ Китая...

— Ну, много-ли наберется членовъ въ тѣхъ тайныхъ обществахъ, которыми располагаетъ ваша партія? — спросилъ я съ невольнымъ оттѣнкомъ недовѣрія.

Онъ подумалъ.

— Видите-ли,—сказалъ онъ, наконецъ, съ большой скромностью,—опредѣлить ихъ число я не рѣшусь, но вотъ что я могу сказать вамъ: въ центральныхъ нашихъ провинціяхъ Гюннанѣ и Гюпекѣ болѣе трехъ четвертей населенія принадлежатъ къ тайнымъ обществамъ.

— Три чет-вер-ти насе-ленія?! — воскликнулъ одинъ изъ слушателей, пораженный солидностью цифры.

— Да. Юго-восточныя провинціи тоже кипатъ тайными организаціями, да и въ остальномъ Китаѣ онѣ процвѣтаютъ, хотя и не имѣютъ такого преобладающаго значенія, какъ въ упомянутыхъ провинціяхъ. Всѣ эти члены тайныхъ организацій

готовы, повидимому, взяться за оружіе; но его нужно *имѣть*, и кромѣ того нужно извѣстное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ народное возстаніе только вопросъ времени.

Такимъ образомъ, въ лицѣ доктора Сенъ-Ятъ-Сэна мы встрѣтили китайскаго реформатора и заговорщика. Онъ разсказалъ намъ, живо и интересно, о первыхъ попыткахъ партіи реформы въ Китаѣ. Сначала эти попытки были довольно мирны: пользуясь возбужденіемъ, послѣдовавшимъ за японскими побѣдами въ восточныхъ провинціяхъ, реформаторы выпустили въ Гонъ-Конгѣ небольшую книжечку по вопросу о государственномъ управленіи. Ссылаясь на древніе китайскіе законы и порядки и превознося ихъ, какъ идеальные, авторъ (или, вѣрнѣе, авторы) осторожно, эзоповымъ языкомъ (который отлично понимается въ Китаѣ) давали понять, что теперешнее состояніе страны далеко отъ древняго; рядомъ съ этимъ дѣлались указанія и на иностранные порядки, какъ приближающіеся порой къ древне-китайской добродѣтели и мудрости. Въ общемъ это былъ популярно написанный, полный полезныхъ свѣдѣній дифирамбъ хорошему управленію и пламенное осужденіе дурного, сосредоточивавшій вниманіе читателя на политическомъ вопросѣ. Книга выдержала, какъ говорилъ мнѣ Сенъ-Ятъ-Сэнъ, отъ 12 до 15 изданій, по 10,000 экземпляровъ каждое. Сперва она раздавалась даромъ; потомъ стала продаваться по полудоллару. Въ Китаѣ нѣтъ предварительной цензуры, но, при господствѣ полнаго произвола, любая книга можетъ быть конфискована и отобрана у публики.

На китайскихъ чиновниковъ книга имѣла не болѣе вліянія, чѣмъ «оказалъ бы томъ проповѣдей, брошеный въ стаю акулъ», но за то на массу вліяніе ея было сильно. Скоро оказалось невозможнымъ держать въ уздѣ духъ возмущенія, и тогда-то былъ организованъ такъ называемый Кантонскій заговоръ. Докторъ Сенъ-Ятъ-Сэнъ игралъ очень выдающуюся роль въ этомъ эпизодѣ и принужденъ былъ эмигрировать въ Лондонъ. Здѣсь-то и постигло его невѣроятное приключеніе, о которомъ я хочу разсказать читателямъ, пользуясь для этого книгой доктора Сенъ-Ятъ-Сэна, которую онъ любезно предложилъ мнѣ.

Прочитавъ ее, я подумалъ, что русскій читатель будетъ мнѣ благодаренъ за ея переводъ. Она читается такъ же легко, какъ романъ, но имѣетъ всѣ преимущества полной реальности. Читатель замѣтитъ, что описаніе самаго заговора у Сенъ-Ятъ-Сэна значительно скомкано. Этого, какъ объяснилъ мнѣ авторъ, нельзя было избѣжать, такъ какъ, опиши онъ всѣ происшествія болѣе обстоятельно и въ настоящихъ (болѣе грандіозныхъ) раз-

мѣрахъ, это могло бы подвергнуть опасности многихъ здравствующихъ лицъ и самое «дѣло».

Со времени появленія въ свѣтъ книги Сенъ-Ятъ-Сэна въ англійскомъ парламентѣ сдѣланъ былъ запросъ по его дѣлу, который приведенъ мною въ концѣ разсказа китайскаго автора.

Переводчикъ.

ГЛАВА I.

Погромъ.

Начиная въ 1892 г. свою врачебную практику, я основался на островкѣ Макао (съ городомъ того же имени), лежащемъ у входа въ устье р. Кантонъ. И не снилось мнѣ въ то время, что четыре года спустя мнѣ суждено попасть въ одиночное заключеніе въ китайскомъ посольствѣ въ Лондонѣ и стать невольной причиной общественнаго возбужденія, разрѣшившагося вмѣшательствомъ британскаго правительства съ цѣлью возвратить мнѣ свободу. Однако, именно въ этомъ году, на Макао натолкнулся я впервые на вопросы практической политики, и тамъ именно начался тотъ періодъ моей жизни, который сдѣлалъ мое имя предметомъ интереса среди британской публики.

Въ теченіе 1886 года я изучалъ медицину въ Кантонѣ, при Англо-Американской Миссіи, подъ руководствомъ почтеннаго доктора Керра (Kerr). Но, услыхавъ въ слѣдующемъ году объ открытіи въ Гонъ-Конгѣ медицинской школы (College of Medicine), я рѣшился немедленно воспользоваться преимуществами, связанными съ изученіемъ медицины въ этомъ учрежденіи.

По окончаніи пятилѣтняго курса (1887 — 1892) я получилъ дипломъ на званіе «Лиценціата Медицины и Хирургіи изъ Гонъ-Конга».

Островъ Макао принадлежитъ португальцамъ уже болѣе 360 лѣтъ; но хотя управленіе его — европейскаго типа, жители, главнымъ образомъ, китайцы. Та же часть населенія, которая титулуетъ себя португальцами, состоитъ, въ сущности, изъ мѣстныхъ уроженцевъ португальскаго происхожденія, не выѣзжавшихъ отсюда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній.

Со стороны китайскихъ властей, завѣдующихъ туземнымъ госпиталемъ на Макао, я встрѣтилъ полнѣйшую готовность доставить мнѣ возможность практиковать европейскую медицину и хирургію. Они отдали въ мое вѣдѣніе цѣлое отдѣленіе, выписали изъ Лондона необходимые медикаменты и инструменты, и предоставили всѣ тѣ преимущества, при которыхъ я

могъ сразу почувствовать себя среди своихъ соотечественниковъ на твердой почвѣ.

Это обстоятельство заслуживаетъ спеціальнаго вниманія, такъ какъ оно указываетъ на совершенно новое и знаменательное теченіе въ Китаѣ: никогда еще до тѣхъ поръ на всемъ громадномъ пространствѣ имперіи управленіе какого либо китайскаго госпиталя не поощряло прямо и оффиціально введеніе европейской медицины. Не мало паціентовъ обращалось въ мое отдѣленіе больницы, особенно по хирургической части, и я имѣлъ случай произвести нѣсколько серьезныхъ операцій въ присутствіи директоровъ госпиталя. Наоборотъ, я встрѣтилъ затрудненія съ самаго начала со стороны португальскихъ властей. Не неподвижное невѣжество Востока, но зависть Запада стала поперекъ дороги успѣху моей дѣятельности. По португальскимъ законамъ медицинская практика на португальской территоріи запрещена кому бы то ни было, кромѣ обладающихъ португальскимъ дипломомъ, который можно получить лишь въ Европѣ. Этимъ правиломъ воспользовались португальскіе врачи и стали оспаривать мое право практиковать. Сперва они запретили мнѣ лѣчить португальцевъ и прописывать для нихъ рецепты; затѣмъ аптекарямъ запрещено было вообще выполнять рецепты какого бы то ни было доктора непортугальца. Такимъ образомъ, успѣхъ моей дѣятельности былъ подорванъ съ самаго начала. Послѣ напрасныхъ попытокъ основаться въ г. Макао и съ большими денежными потерями,—такъ какъ, поселяясь, я не ожидалъ никакой оппозиціи,—я принужденъ былъ переѣхать въ Кантонъ.

Но, еще будучи въ Макао, узналъ я впервые о существованіи политическаго движенія, которое наиболѣе подходящимъ образомъ можно опредѣлить названіемъ партіи «Молодого Китая». Цѣли ея были такъ разумны, такъ умѣрены и такъ много возбуждали надеждъ, что всѣ мои симпатіи стали сразу на ея сторону, и я пришелъ къ убѣжденію, что самое лучше, что я могу сдѣлать въ интересахъ моей родины, это—присоединиться къ партіи. Основная мысль состояла въ томъ, чтобы мирнымъ путемъ реформировать Китай; мы надѣялись, что почтительно представивши трону умѣренный планъ реформъ, мы тѣмъ самымъ откроемъ эру новаго управленія, болѣе соотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ.

Нѣтъ надобности распространяться о характерѣ теперешняго управленія Китая. Достаточно очертить его нѣсколькими словами. Народъ не имѣетъ голоса въ рѣшеніи вопросовъ обще-имперскихъ, національныхъ или даже муниципальныхъ. Рѣшеніе во всѣхъ случаяхъ принадлежитъ всецѣло мѣстнымъ чиновникамъ, «мандаринамъ», и на нихъ нѣтъ апелляціи. Каждое слово ихъ есть законъ, имъ предоставлена полная сво-

бода приводить въ исполненіе все, чего ихъ душа пожелаетъ, съ полной безотвѣтственностью, и каждый чиновникъ можетъ безнаказанно наживаться на счетъ своей власти, сколько ему угодно. Вымогательство есть своего рода учрежденіе; это условіе, на которомъ чиновники получаютъ свои мѣста, и лишь въ томъ случаѣ, когда чиновный вымогатель не умѣетъ «чисто» обдѣлывать дѣла, вступается въ дѣло правительство; вступаясь, оно дѣлаетъ видъ, что хочетъ возстановить справедливость, въ сущности же, въ большинствѣ случаевъ, лишь затѣмъ, чтобы докончить стрижку.

Читатель едва ли имѣетъ хотя бы приблизительное понятіе о ничтожности жалованья, получаемаго провинціальными вельможами. Ему покажется невѣроятнымъ, что вице-король, скажемъ, Кантона, стоящій во главѣ страны съ населеніемъ, равнымъ Англіи и Шотландіи, получаетъ въ качествѣ оффиціальнаго жалованія жалкихъ 60 фунтовъ стерлинговъ *) въ годъ. Такимъ образомъ, чтобы жить и удержаться на мѣстѣ—накопляя притомъ баснословныя богатства—онъ прибѣгаетъ къ вымогательству и къ торговлѣ правосудіемъ. Такъ называемое образованіе и экзамены суть единственное средство обратить на себя оффиціальное вниманіе. Получивъ отличіе (по экзамену), молодой «ученый» озабочивается пріисканіемъ мѣста; онъ даетъ взятки властямъ въ Пекинѣ, и этимъ путемъ открывается ему надежда на полученіе оффиціальнаго поста. Вотъ онъ получилъ мѣсто. Но онъ не можетъ жить на свое жалованье, притомъ же онъ, по всей вѣроятности, платитъ столько-то въ годъ «за мѣсто»; результатъ — своего рода патентъ на выжиманіе соковъ, и только круглый дуракъ не съумѣетъ, имѣя за спиною поддержку своего правительства, нажиться такъ, чтобы быть въ состояніи купить черезъ нѣсколько лѣтъ слѣдующій постъ. Съ повышеніемъ приходитъ, такъ сказать, расширеніе патента и облегченіе средствъ къ обогащенію; такъ что, въ концѣ концовъ, наиболѣе искусный грабитель можетъ послѣдовательно добыть довольно денегъ, чтобы купить самые высшіе посты.

И вотъ, этотъ-то оффиціальный воръ, умъ котораго извращенъ его образомъ жизни, является непререкаемымъ авторитетомъ во всѣхъ общественныхъ, политическихъ и правовыхъ вопросахъ жизни. Система построена на феодализмѣ, это—*imperium in imperio*, несправедливая автократія, питающаяся на счетъ собственной гнилости. И однако, эта система высасыванія общественныхъ жизненныхъ соковъ, система продажи власти—есть главное средство, путемъ котораго манчжурская династія поддерживаетъ свое существованіе. Въ виду этой

*) Менѣе 600 р. на русскія деньги. *Перев.*

узаконенной продажности, выдаваемой за высочайшій идеалъ управленія, можно ли удивляться существованію сильнаго подземнаго теченія народнаго недовольства?

Хотя китайское правительство держитъ народныя массы въ полномъ невѣжествѣ относительно всего, что происходитъ въ мірѣ, массы эти — всетаки далеко не глупы. Всѣ европейскіе авторитеты по этому вопросу свидѣтельствуютъ, что потенціальныя умственныя способности китайца значительны; многіе ставятъ ихъ даже выше способностей массъ любой страны въ Азіи и Европѣ. Но книги по политическимъ вопросамъ—запрещенный плодъ въ Китаѣ; ежедневныя газеты не дозволяются къ изданію; весь окружающій Китай міръ, его населеніе, политика—все это изъято изъ обращенія; изученіе географіи Китайской имперіи—а тѣмъ болѣе другихъ странъ—дозволяется лишь мандаринамъ, начиная съ седьмого класса и выше; законы, изданные теперешнею династіей, *не* издаются во всеобщее свѣдѣніе: *они извѣстны лишь чиновникамъ, занимающимъ высшіе посты.* Чтеніе книгъ по военному дѣлу не только запрещено, но (какъ, впрочемъ, и нарушеніе всѣхъ иныхъ запрещеній) наказывается смертью. Никто не смѣетъ, подъ страхомъ смерти, дѣлать какія бы то ни было изобрѣтенія, или оглашать изобрѣтенія чужія. Такимъ-то путемъ держитъ правительство народъ въ темнотѣ, удѣляя ему лишь такіе обрывки знаній, какіе оно считаетъ полезными въ своихъ собственныхъ видахъ.

Такъ называемымъ «ученымъ» (патентованнымъ) дозволяется изученіе только китайскихъ классическихъ сочиненій и комментарій на нихъ, т. е. произведеній Конфуція и другихъ древнихъ философовъ. Но даже и въ этихъ произведеніяхъ всѣ тѣ мѣста, которыя заключаютъ въ себѣ критику высшихъ инстанцій, тщательно исключены, издаются же для общаго употребленія лишь тѣ части, которыя учатъ послушанію властямъ, какъ основѣ всякаго обученія. Такъ, дѣйствительно, и «управляется» Китай, — посредствомъ насильственнаго поддержанія слѣпого повиновенія всѣмъ существующимъ «законамъ» и формальностямъ.

Поддержаніе невѣжества народныхъ массъ составляетъ постоянную заботу китайскаго управленія. Вотъ почему во время послѣдняго японскаго вторженія китайская масса ничего не знала о немъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ собственно велась война. На небольшомъ разстояніи отъ театра кампаніи внутрь страны населеніе не только не знало о войнѣ, но даже никогда не слыхало о народѣ, именуемомъ японцами; если же куда и проникали шопотомъ слухи, то они обыкновенно принимали форму разговоровъ о «бунтѣ» «иноземнаго человѣка».

При такомъ кошмарѣ, нависшемъ надъ Китаемъ, введеніе

въ немъ реформъ можетъ имѣтъ шансы на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ исходятъ отъ трона; партія «Молодого Китая» и была основана съ цѣлью побудить тронъ измѣнить это пагубное положеніе дѣлъ. Разсчитывая, что пекинскія власти, благодаря своему болѣе широкому общенію съ иностранцами, пріобрѣли кое-какія представленія о европейскихъ порядкахъ, я рѣшился, вмѣстѣ съ другими, обратиться къ нимъ, умоляя ихъ самымъ почтительнымъ образомъ сдѣлать шагъ въ этомъ направленіи ради блага Китая. Наши ходатайства имѣли, однако, лишь одинъ результатъ: многіе изъ петиціонеровъ были подвергнуты суровымъ наказаніямъ. Мы выбрали для нашего ходатайства именно тотъ моментъ, когда японцы угрожали Пекину. Опасаясь, что преслѣдованіе приверженцевъ реформъ возстановитъ противъ него значительную часть народа, императоръ до времени сдѣлалъ видъ, что не обратилъ на нихъ вниманія. Но когда былъ заключенъ миръ, то немедленно изданъ былъ эдиктъ, направленный противъ петиціонеровъ и приказывавшій оставить всякую мысль о реформѣ.

Обжегшись на мирныхъ средствахъ, мы стали опредѣленнѣе въ нашихъ идеяхъ и требованіяхъ и постепенно пришли къ убѣжденію, что для успѣха дѣла неизбѣжно прибѣгнуть къ нѣкоторой долѣ принудительности. Мы находили поддержку всюду. Высшіе классы были недовольны неудачами нашей арміи и флота, и отлично понимали, что причиною этихъ неудачъ были продажность и хищенія въ самыхъ худшихъ формахъ. Это чувство недовольства не ограничилось какою либо одною мѣстностію, но было широко распространено, шло далеко вглубь и обѣщало найти себѣ опредѣленное выраженіе въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ.

Главная квартира партіи «Молодого Китая» была, въ сущности, въ Шанхаѣ; но мѣстомъ дѣйствія назначенъ былъ Кантонъ. Нѣкоторыя обстоятельства помогли успѣху партіи. Во первыхъ—недовольство солдатъ. Съ окончаніемъ, въ 1895 г., войны на сѣверѣ три четверти кантонскихъ войскъ были распущены. Это выкинуло на улицу огромное количество праздныхъ, распущенныхъ людей, причемъ меньшинство оставшихся на службѣ были такъ же недовольны, какъ и распущенные. Ихъ общій крикъ былъ: либо всѣхъ распускайте, либо всѣхъ оставляйте на службѣ!—Но власти были глухи ко всѣмъ крикамъ. Партія реформы успѣла заручиться симпатіями этихъ недовольныхъ и такимъ образомъ значительно увеличила численно свои военныя средства.

Другое обстоятельство поторопило развязку. Вслѣдствіе какихъ причинъ—не умѣю сказать,—отрядъ полицейскихъ, побросавъ свою форму, кинулся грабить одну изъ частей города. Это продолжалось часъ или два, но затѣмъ граждане возстали,

одолѣли грабителей и заперли съ полдюжины ихъ вожаковъ въ зданіи городского управленія. Тогда начальникъ полиціи выслалъ противъ гражданъ другой отрядъ, который, освободивъ мародеровъ, принялся грабить самое городское зданіе. Немедленно граждане собрались на митингъ и рѣшено было отправить къ губернатору депутацію въ 1000 человѣкъ съ жалобой на дѣйствія полиціи. Но депутаціи было сказано властями, что дѣйствія ихъ равносильны бунту, такъ какъ граждане не имѣютъ права грозить своему начальству. Затѣмъ «зачинщики» депутаціи были арестованы, а остальнымъ приказано было идти каждому по своимъ дѣламъ. Теперь недовольные сдѣлались еще недовольнѣе, и когда партія «Молодого Китая» сдѣлала первые шаги къ сближенію, они охотно присоединились къ приверженцамъ реформъ.

Два новыхъ обстоятельства еще болѣе увеличили ихъ ряды. Вице-король Ли-Ханъ-Чангъ (братъ знаменитаго вице-короля Ли) завелъ опредѣленный тарифъ на всѣ оффиціальныя мѣста въ подвѣдомственныхъ ему двухъ провинціяхъ: Квангъ-Тунгъ и Квангъ-Си. Это, конечно, означало новое выжиманіе денегъ изъ народа, такъ какъ чиновники, безъ сомнѣнія, заставляли гражданъ возмѣщать имъ убытки, принесенные новыми вице-королевскими поборами. Наконецъ, еще одинъ способъ обдирательства, особенно характерный для Китая, явился по поводу дня рожденія вице-короля. Всѣ чиновники его провинцій соединились, чтобы поднести ему подарокъ, и собрали милліонъ тэлей (около 200,000 фунтовъ стерл.). Само собою разумѣется, что чиновники выжимали эти деньги изъ наиболѣе богатыхъ купцовъ обычными путями, т. е. угрозами, обѣщаніями и шантажемъ. Одинъ изъ подчиненныхъ Ли Ханъ-Чанга, по имени Чи-Фа-Нунгъ, въ свою очередь раздражилъ всѣхъ «ученыхъ» посредствомъ продажи ученыхъ дипломовъ каждому желающему по 3000 тэлей за штуку (500 фунтовъ стерл. *). Такимъ образомъ, и богатые люди, и «ученые» оказались въ числѣ недовольныхъ и тоже пристали къ «Молодому Китаю».

Всѣ эти обстоятельства доставили партіи большую силу, широкое вліяніе и значительно сплотили ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ привели все дѣло слишкомъ скоро къ развязкѣ. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы овладѣть городомъ Кантономъ и низложить существующихъ властей, захвативъ ихъ врасплохъ и, по возможности, безъ шума, или, по крайней мѣрѣ, безъ кровопролитія. Чтобы покончить дѣло однимъ ударомъ, сочтено было необходимымъ употребить подавляющую силу. Согласно

*) Сравнивъ переводъ тэлей на англ. деньги въ настоящемъ и въ предъидущемъ случаѣ, читатель найдетъ разницу: это потому, что въ одномъ случаѣ взята номинальная стоимость тэля, а въ другомъ—курсовая. *Пер.*

этому два отряда были пущены въ дѣло: одинъ изъ Сватоу, другой съ береговъ Западной рѣки. Эти мѣстности были выбраны потому, что, напримѣръ, пришельцы изъ Сватоу совершенно не знали кантонскаго языка. Хотя Сватоу отстоитъ отъ Кантона всего на 180 миль *) (къ сѣверу), тѣмъ не менѣе, разговорные языки ихъ такъ же не похожи одинъ на другой, какъ итальянскій на англійскій. Ввести въ дѣло людей изъ другой мѣстности мы считали мѣрой разумной, такъ какъ, не будучи въ состояніи переговариваться съ кантонцами, они не могли бы подпасть чуждому вліянію, а, стало быть, обѣщали быть болѣе стойкими. Ни дезертировать, ни вовсе оставить дѣло для нихъ было неудобно, такъ какъ ихъ легко было бы узнать, и на нихъ неизбѣжно пало бы подозрѣніе, окажись они въ Кантонѣ послѣ безпорядковъ.

Было условлено, что въ извѣстный день, въ октябрѣ 1895 года, эти отряды направятся къ Кантону,—одинъ съ юго-запада, другой съ сѣверо-востока. Все шло хорошо, и отряды начали наступленіе. Комитетъ приверженцевъ реформъ то и дѣло собирался для обсужденія дѣлъ; въ главной квартирѣ образованъ складъ оружія, боевыхъ припасовъ и динамита. Отряды солдатъ, шедшихъ къ Кантону, должны были быть подкрѣплены четырьмя стами человѣкъ изъ Гонъ-Конга. Наконецъ, наступилъ канунъ назначеннаго дня. Южный отрядъ былъ пріостановленъ въ четырехъ часахъ марша отъ города. Стража во сто человѣкъ, въ полномъ вооруженіи, поставлена была вокругъ помѣщенія комитета. Около тридцати скороходовъ были разосланы ко всѣмъ недовольнымъ города съ предупрежденіемъ быть готовыми къ дѣйствію на слѣдующее утро. Но, пока заговорщики засѣдали въ комитетѣ, получена была ими телеграмма, что шедшіе въ Кантонъ отряды солдатъ задержаны, и, такимъ образомъ, все предпріятіе было разстроено. Воротить разосланныхъ скороходовъ было невозможно, а найти другихъ, знающихъ квартиры недовольныхъ, было негдѣ. Дальнѣйшія извѣстія показывали все яснѣе и яснѣе невозможность продолжать дѣло, и вотъ, наконецъ, поднялся крикъ: «спасайся, кто можетъ!» Распространилась паника. Жглись бумаги, пряталось оружіе, въ Гонъ-Конгъ полетѣли телеграммы, останавливавшія выступленіе тамошняго контингента. Но первая телеграмма достигла гонъ-конгскаго агента, когда всѣ наши люди были уже на пароходѣ, который везъ также нѣсколько боченковъ съ револьверами. Вмѣсто того, чтобы отозвать людей, агентъ оставилъ ихъ продолжать путь, и они высадились на кантонской пристани затѣмъ только, чтобы быть немедленно арестованными. Предводители возстанія бѣжали, кто куда. Самъ

*) 272 версты. *Пер.*

я, попадая нѣсколько разъ въ положенія, въ которыхъ судьба моя висѣла на волоскѣ, сѣлъ, наконецъ, на паровой барказъ, который и доставилъ меня въ Макао. Пробывъ тамъ всего сутки, я отправился въ Гонъ-Конгъ, гдѣ, побывавъ кое у кого изъ друзей, я разыскалъ своего давнишняго учителя и друга мистера Джемса Кантли (Cantlie). Я сообщилъ ему, что попалъ въ бѣду, выступивъ противъ кантонскихъ властей, и теперь опасаюсь ареста и казни. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ адвокату, что я и сдѣлалъ немедленно.

ГЛАВА II.

Пойманъ.

Я не видалъ болѣе мистера Кантли, такъ какъ мистеръ Деннисъ, руководившій мною, настаивалъ, чтобы я оставилъ страну какъ можно скорѣе.

Черезъ два дня я сѣлъ на японскій пароходъ и высадился въ Коби *), гдѣ пробылъ нѣсколько дней, а затѣмъ отправился въ Іокогаму. Тамъ я перемѣнилъ свою китайскую внѣшность на европейскую *à la japonaise*. Обрѣзалъ косу, пересталъ брить голову и отпустилъ усы. Черезъ нѣсколько дней я снова сѣлъ на пароходъ и направился на Гавайскіе острова, гдѣ и поселился въ Гонолулу, такъ какъ въ этомъ городѣ у меня было не мало родныхъ, друзей и доброжелателей. И какую бы новую страну я ни посѣщалъ—будь то Японія, Гонолулу, или, впослѣдствіи, Америка—всюду я наталкивался на развитыхъ китайцевъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ реформамъ и нетерпѣливо желающихъ видѣть въ родной странѣ какую либо форму представительнаго правленія.

Слоняясь по улицамъ Гонолулу, я встрѣтился съ мистеромъ Кантли и его семьей, которые были на пути въ Англію. Съ перваго взгляда они не узнали меня, благодаря моей новой внѣшности, а ихъ нянька-японка обратилась ко мнѣ на японскомъ языкѣ, принимая меня за своего соотечественника. Это теперь часто случалось со мной: японцы часто принимали меня за своего и открывали свою ошибку, только когда дѣло доходило до разговора.

Я оставилъ Гонолулу въ іюнѣ 1896 г. и поплылъ въ Санъ-Франциско, гдѣ прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Опять-таки и въ Санъ-Франциско я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ и былъ хорошо ими принятъ. Мое пребываніе въ Америкѣ продолжалось всего три мѣсяца, послѣ чего я сѣлъ на океаниче-

*) Японскій портъ, между Нагасаки и Іокогамой. *Пер.*

скій пароходъ *Majestic* и высадился въ Ливерпулѣ. Въ Нью-Іоркѣ меня предостерегали относительно китайскаго посла въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣло въ томъ, что онъ манчжуръ родомъ и очень мало симпатизируетъ китайцамъ вообще, а приверженцамъ реформъ въ особенности.

Перваго октября 1896 г. я прибылъ въ Лондонъ и остановился въ отелѣ. Но на слѣдующій же день я отправился къ мистеру Кантли, гдѣ меня приняли самымъ радушнымъ образомъ. Мистеръ Кантли жилъ въ Девонширской улицѣ, мнѣ же нашли квартиру около Голборна. Приготовляясь основаться какъ слѣдуетъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждался лондонскою жизнью и сталъ знакомиться съ различными видами, музеями и историческими достопримѣчательностями этого центра міра. Что въ особенности и съ перваго раза поразило меня, китайца, это было страшное движеніе, безконечный и безпрестанный потокъ омнибусовъ, извощиковъ, каретъ, повозокъ и экипажей болѣе скромнаго характера, которые стремились вдоль улицъ, а также замѣчательная система урегулированія этого движенія полицейскими и добродушіе публики. Пѣшеходы, конечно, многочисленны, но тѣ сплошныя толпы, какія мы встрѣчаемъ въ улицахъ Китая, здѣсь отсутствуютъ. Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, наши улицы гораздо уже; въ сущности, это простые переулки; а, во вторыхъ, транспортировка всевозможныхъ вещей производится у насъ *людьми*: грузъ подвѣшивается къ бамбуковой палкѣ, которую носильщикъ держитъ черезъ плечо; вотъ почему даже на широкихъ улицахъ Гонъ-Конга пѣшеходы движутся цѣлыми тучами.

Я начиналъ знакомиться съ Голборномъ и еще съ двумя-тремя улицами и площадками, по которымъ мнѣ неизмѣнно приходилось проходить, идя къ мистеру Кантли. Я бывалъ у мистера Кантли почти ежедневно и проводилъ большую часть моего времени въ его рабочемъ кабинетѣ. Однажды за раннимъ обѣдомъ (luncheon) онъ упомянулъ о томъ, что китайское посольство помѣщается по сосѣдству, и въ шутку замѣтилъ, отчего бы мнѣ не зайти туда. На это жена его возразила: «никогда не дѣлайте этого. И близко не подходите, а то они васъ поймаютъ и отправятъ въ Китай». Мы всѣ отъ души посмѣялись этому замѣчанію, не подозрѣвая, какъ вѣренъ былъ въ этомъ случаѣ ея женскій инстинктъ, и какъ скоро онъ оправдается на дѣлѣ. Въ другой разъ, обѣдая вечеромъ у доктора Мансона, котораго я также зналъ съ Гонъ-Конга, гдѣ онъ былъ моимъ преподавателемъ медицины, я получилъ и отъ него шутливый совѣтъ держаться подальше отъ китайскаго посольства. Итакъ, я былъ предупрежденъ. Но такъ какъ я не зналъ, гдѣ помѣщалось посольство, то всѣ эти предостереженія принесли мало практической пользы. Я зналъ, что

для того, чтобы добраться до Девонширской улицы, мнѣ слѣдовало сойти съ моего омнибуса на Оксфордъ-Сёркёсъ и оттуда идти на сѣверъ по широкой улицѣ, пока не увижу надпись «Devonschire» на угловомъ домѣ. Этимъ ограничивались мои топографическія познанія этой части Лондона въ то время.

Одиннадцатаго октября, въ воскресенье утромъ, около половины одиннадцатаго, я шелъ по Девонширской улицѣ, надѣясь быть у мистера Кантли какъ разъ во время, чтобы идти въ церковь съ докторомъ и его семьей, когда ко мнѣ кошачьей походкой подошелъ сзади китаецъ и спросилъ меня по англійски, японецъ я или китаецъ?

— Китаецъ, — отвѣчалъ я.

Тогда онъ спросилъ меня, изъ какой я провинціи, и, когда я объяснилъ, что изъ Кантона, то онъ замѣтилъ:

— Такъ мы земляки и говоримъ на томъ же языкѣ; я тоже изъ Кантона.

Необходимо здѣсь объяснить, что «пиджинъ», или такъ называемый «дѣловой англійскій языкъ» *) есть обычный общій языкъ для объясненій между китайцами изъ различныхъ мѣстностей. Хотя, скажемъ, Кантонъ отстоитъ отъ Сватоу всего на 180 миль, т. е. ближе, чѣмъ Ливерпуль отъ Лондона, тѣмъ не менѣе, два купца родомъ изъ этихъ двухъ городовъ могутъ совершенно не знать разговорнаго языка одинъ другого. *Письменный* китайскій языкъ одинаковъ на всемъ протяженіи Китая; но онъ совершенно отличенъ отъ *разговорнаго* языка, а разговорный языкъ различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, сватоускій купецъ, пріѣхавъ по дѣламъ въ Кантонъ, говоритъ на англійскомъ жаргонѣ, пишетъ же на обще-китайскомъ языкѣ. Разъ уже я заговорилъ объ этомъ предметѣ, то не лишнее объяснить, что начертанія, употребляемыя японцами въ ихъ письменномъ языкѣ, тѣ же самыя, что и въ обще-китайскомъ. Такъ что, хотя въ ихъ распоряженіи совершенно нѣтъ общихъ по произношенію словъ, тѣмъ не менѣе, они могутъ понять другъ друга, пиша на бумагѣ, или на землѣ, или даже выводя воображаемыя фигуры на ладони одной руки пальцемъ другой.

Вотъ почему мой соотечественникъ обратился ко мнѣ на англійскомъ языкѣ, прежде чѣмъ открылъ, на которомъ изъ китайскихъ нарѣчій я говорю. Затѣмъ мы продолжали разговоръ на кантонскомъ нарѣчіи. Пока мой собесѣдникъ говорилъ, мы медленно подвигались вдоль улицы. Въ это время къ намъ

---

*) Это своего рода жаргонъ, въ которомъ большинство англійскихъ словъ до того окитаено, что непривычный англичанинъ не пойметъ ихъ; напр. самое слово «пиджинъ» есть исковерканное «business» (бизенессъ). *Пер.*

присоединился еще одинъ китаецъ, такъ что теперь я имѣлъ по соотечественнику съ каждой стороны. Оба убѣждали меня зайти на ихъ «квартиру»—покурить и поболтать. Я колебался, и мы остановились на тротуарѣ. Тутъ появился третій китаецъ, первый же куда-то исчезъ. Оставшіеся двое продолжали настаивать, чтобы я зашелъ къ нимъ, и, повидимому дружелюбно, повели меня поближе къ домамъ. Вдругъ наружная дверь одного изъ домовъ отворилась, и мои спутники — одинъ справа, другой слѣва — подкрѣпляя свои мольбы и уговариванія якобы дружескими подталкиваніями, полушутя, полунастойчиво втиснули меня туда. Ничего не подозрѣвая (такъ какъ я не имѣлъ понятія о томъ, куда попалъ), я колебался исключительно потому, что, какъ уже сказано, имѣлъ въ виду пойти съ мистеромъ Кантли въ церковь и чувствовалъ, что опоздаю, если еще промедлю. Какъ бы то ни было, я вошелъ въ домъ довѣрчиво и не мало былъ озадаченъ, когда наружная дверь захлопнулась за мною нѣсколько торопливо и была тотчасъ же заперта на запоръ. Вдругъ въ головѣ моей молніей сверкнула мысль, что я въ китайскомъ посольствѣ — этимъ объяснялось большое число китайцевъ въ мандаринскомъ платьѣ и значительные размѣры помѣщенія; притомъ же я припомнилъ, что посланникъ жилъ гдѣ-то поблизости Девонширской улицы.

Меня привели въ комнату перваго этажа, все время разговаривая со мной и между собою. Затѣмъ меня отправили вверхъ по лѣстницѣ, причемъ два ассистента, одинъ съ каждой стороны, показывали мнѣ путь и частью насильно вели впередъ. Въ слѣдующемъ этажѣ меня ввели въ комнату и сказали, что тутъ я останусь. Этимъ, однако, мои похитители не удовлетворились, такъ какъ, немного погодя, я былъ переведенъ въ другую, въ третьемъ этажѣ, единственное окно которой имѣло желѣзную рѣшотку и выходило на зады. Въ эту комнату явился съ нѣсколько напыщеннымъ видомъ престарѣлый господинъ, совершенно сѣдой и съ сѣдой бородой и сказалъ:

— Ну, вотъ вамъ Китай; вы теперь въ Китаѣ.

Затѣмъ онъ сѣлъ и началъ меня допрашивать.

Когда дѣло дошло до моего имени, я отвѣчалъ, что зовутъ меня «Сенъ».

— Ваше имя Сенъ-Венъ (Sun-Wen),—замѣтилъ старикъ. Мы получили отъ китайскаго посланника въ Америкѣ телеграмму, извѣщающую насъ, что вы сѣли на пароходъ «Majestic» въ качествѣ пассажира; и посланникъ проситъ меня арестовать васъ.

— Что все это значитъ? — спросилъ я.

— Вы нѣсколько времени тому назадъ послали въ Цунгъ-Ли-Ямень *) въ Пекинѣ прошеніе,—отвѣтилъ онъ,—прося пред-

*) Т. е. министерство иностранныхъ дѣлъ, оно учреждено въ 1860 г. *Перев.*

ставить его императору. Это, можетъ быть, и очень хорошее прошеніе; но теперь вы нужны Цунгъ-Ли-Ямену; вотъ почему мы васъ здѣсь задержимъ, пока не получимъ приказанія императора, что съ вами дѣлать.

— Могу я дать знать моимъ друзьямъ, что я здѣсь? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Но вы можете написать на свою квартиру, чтобы вамъ прислали ваши вещи.

Я выразилъ желаніе написать доктору Мансону. Мнѣ дали перо, чернилъ и бумагу. Я написалъ, что заключенъ въ китайскомъ посольствѣ, и просилъ моего бывшаго профессора передать доктору Кантли мою просьбу, чтобы онъ прислалъ мнѣ мои вещи. Но сѣдой господинъ — сэръ Голлидэй Макартнэй, какъ я узналъ впослѣдствіи—былъ противъ употребленнаго мною выраженія «заключенъ» и предложилъ мнѣ замѣнить его другимъ. Я замѣнилъ его слѣдующей фразой: «я въ китайскомъ посольствѣ, пожалуйста, попросите мистера Кантли прислать мнѣ мои вещи».

Сэръ Голлидэй замѣтилъ, что онъ предлагалъ мнѣ писать не къ моему другу, а въ мой отель. Я отвѣтилъ, что живу не въ отелѣ, и что только мистеръ Кантли знаетъ мою квартиру. Для меня было очевидно, что сэръ Макартнэй ведетъ искусную игру съ цѣлью овладѣть моими вещами и особенно моими бумагами, въ надеждѣ найти переписку и черезъ нее открыть, кто были мои корреспонденты и сообщники въ Китаѣ. Я подалъ ему написанное мною письмо къ доктору Мансону. Онъ прочелъ его и со словами: — «отлично!» — возвратилъ его мнѣ. Я вложилъ его въ конвертъ и отдалъ сэру Г. Макартнэй, вѣря, что оно будетъ вручено по назначенію.

ГЛАВА III.

Подъ замкомъ.

Сэръ Голлидэй вышелъ, затворилъ за собою дверь и повернулъ въ замкѣ ключъ. Я былъ въ самомъ настоящемъ заключеніи, подъ замкомъ. Вскорѣ вниманіе мое было непріятно привлечено стукомъ и возней съ наружной стороны двери, показывавшими, что къ ней прилаживается второй замокъ. За этой дверью постоянно дежурила стража изъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ европеецъ; по временамъ къ нимъ присоединялся третій караульный. Въ теченіе первыхъ сутокъ караульные изъ китайцевъ часто входили ко мнѣ и обращались ко мнѣ на своемъ нарѣчіи, которое я понималъ довольно хорошо. Изъ ихъ разговора я не почерпнулъ никакихъ новыхъ

свѣдѣній, касавшихся моего ареста (да я и не спрашивалъ ихъ ни о чемъ)—кромѣ только того обстоятельства, что заперщій меня на ключъ старикъ былъ сэръ Голлидэй Макартнэй, или «Ма Та-Иенъ», какъ они называли его. Слогъ «Ма» въ этомъ случаѣ замѣнялъ у нихъ «Макартнэй», а «Та-Йенъ» равносильно «его превосходительству». Имя, подъ которымъ извѣстенъ здѣсь китайскій посланникъ—Кунгъ-Та-Йенъ—принадлежитъ къ той же категоріи. «Кунгъ» есть его фамилія, «Та-Йенъ»—его титулъ «превосходительство». Онъ никогда не употребляетъ своей фамиліи въ общественныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, такимъ образомъ заставляя каждаго иностранца безсознательно титуловать его «превосходительствомъ». Интересно было бы знать, ведетъ ли онъ свои сношенія съ британскимъ правительствомъ исключительно тѣмъ же способомъ? Если да, то цѣль этого—выказать пренебреженіе и неуваженіе. Китайскій придворный и дипломатическій этикетъ до такой степени тонокъ и изысканъ, что достаточно видоизмѣненія одного слога, чтобы превратить сообщеніе, обращенное къ иностранцу, изъ комплимента въ обиду. Къ этому и направлены старанія во всѣхъ сношеніяхъ съ иностранцами, и нужно очень основательное знаніе китайской литературы и культуры, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что то или другое обращеніе къ иностранцу не доставило китайскому дипломату высочайшее наслажденіе сознавать, что онъ оскорбилъ какого нибудь высокопоставленнаго иноземца безъ вѣдома послѣдняго. Этимъ способомъ китайскій оффиціалъ показываетъ въ глазахъ окружающихъ свое превосходство и, наоборотъ, насколько ниже его «чужеземные черти» — Янгъ-Квеи-Це.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего заключенія одинъ изъ караульныхъ вошелъ въ мою келью и заявилъ, что сэръ Голлидэй Макартнэй приказалъ ему обыскать меня. Онъ отобралъ у меня мои ключи, карандашъ, перочинный ножъ и нѣсколько неважныхъ бумагъ, бывшихъ при мнѣ. Но онъ не нашелъ того кармана, въ которомъ у меня лежало нѣсколько банковыхъ билетовъ. Меня спросили, какую пищу я желаю имѣть, и принесли, по моему требованію, молока, которое я и выпилъ.

Въ теченіе дня двое англійскихъ слугъ входили ко мнѣ, чтобы развести огонь, доставить уголь и подмести комнату. Перваго же, который вошелъ, я попросилъ снести для меня по назначенію письмо. Онъ обѣщалъ, и я написалъ записку мистеру Кантли, адресовавъ на его квартиру. Когда явился второй слуга, я сдѣлалъ то же. Только впослѣдствіи, конечно, я узналъ дѣйствительную участь моихъ писемъ; посланцы же мои увѣряли, что послали ихъ. Вечеромъ того же дня (во-

скресенья) въ келью мою пришла женщина (англичанка) постлать мнѣ постель. Съ нею я не говорилъ вовсе. Всю ночь я не спалъ и лежалъ не раздѣваясь.

На слѣдующій день (это былъ понедѣльникъ, 12 октября) оба лакея англичанина явились снова прибрать комнату и принесли угля, воды и пищу. Одинъ изъ нихъ заявилъ, что послалъ записку, которую я ему вручилъ, другой, Коль (Cole) по имени, объяснилъ, что никакъ не могъ отлучиться. Я, однако, не сомнѣвался ни на минуту, что ни одна изъ моихъ записокъ не дошла по назначенію.

Во вторникъ, 13-го, я снова спросилъ младшаго изъ двухъ англичанъ — не Коля, а другого — доставилъ ли онъ мою записку и видѣлъ ли мистера Кантли? Онъ отвѣчалъ утвердительно. Но такъ какъ я выразилъ сомнѣніе, то онъ побожился, что видѣлъ моего друга, который будто бы, получивъ записку, сказалъ: «ладно». Не имѣя болѣе бумаги, я написалъ свое имя карандашемъ на уголкѣ моего носового платка и попросилъ его снести платокъ къ моему другу. Въ то же время я всунулъ ему въ руку полсоверена *). Я, однако, сильно сомнѣвался въ его искренности, и впослѣдствіи оказалось, что подозрѣнія мои были вполнѣ основательны: оставивъ комнату, онъ отправился прямо къ своимъ господамъ и все имъ раскрылъ.

На четвертый день моего заключенія меня посѣтилъ «мистеръ» Тангъ, какъ его называютъ, въ которомъ я узналъ китайца, устроившаго мою поимку. Онъ сѣлъ и вступилъ со мною въ разговоръ.

— Въ предыдущее мое свиданіе съ вами,—такъ началъ онъ,—когда я привелъ васъ сюда, я исполнялъ свою оффиціальную обязанность; теперь я пришелъ поговорить съ вами, какъ другъ. Лучше бы вы сознались, что вы Сенъ-Венъ. Запираться вамъ совершенно безполезно: всѣ доказательства налицо.—И затѣмъ, въ припадкѣ саркастической псевдо лести, онъ продолжалъ:—вы очень извѣстный человѣкъ въ Китаѣ. Императоръ и пунгъ-ли-яменъ знакомы съ исторіей вашей жизни и, конечно, стоитъ пожертвовать жизнью, чтобы умереть съ такимъ громкимъ именемъ, какое вы себѣ сдѣлали! (Западный умъ едва ли можетъ вполнѣ оцѣнить сущность восточной лести, которая заключалась въ этой фразѣ; но дѣло въ томъ, что по китайскимъ понятіямъ нѣтъ ничего выше и важнѣе того, подъ какимъ именемъ и съ какою репутаціей человѣкъ умираетъ). — Ваше пребываніе здѣсь, — закончилъ онъ,—можетъ быть равносильно и жизни, и смерти. Понимаете вы это?

---

*) Золотая монета въ 10 шиллинговъ, или полфунта стерлинговъ, около 5 р. на русскія деньги. *Перев.*

— Какъ? — спросилъ я.—Здѣсь Англія, а не Китай. Что вы предполагаете со мною сдѣлать? Если вы хотите моей выдачи, вы должны извѣстить британское правительство о моемъ арестѣ, и я не думаю, чтобы оно согласилось выдать меня.

— Мы и не намѣрены требовать формальной выдачи. Все устроено: пароходъ законтрактованъ, васъ свяжутъ, ротъ вамъ заткнутъ и препроводятъ отсюда безъ всякаго шума; на пароходѣ же вы опять-таки будете подъ хорошимъ карауломъ. Не доходя гонъ-конгской гавани, васъ встрѣтитъ китайская канонерская лодка, на которую васъ и пересадятъ, чтобы свезти въ Кантонъ, гдѣ будутъ судить, а затѣмъ казнятъ.

Я указалъ на рискованность всего плана, такъ какъ мнѣ могъ представиться случай по пути переговорить съ кѣмъ нибудь изъ англичанъ. Но Тангъ отрицалъ возможность такого случая, «такъ какъ,—говорилъ онъ,—за вами будутъ тамъ глядѣть такъ же тщательно, какъ и тутъ, и всякій выходъ изъ вашего положенія будетъ вамъ отрѣзанъ».—Я опять возразилъ, что офицеры парохода едва ли взглянуть на дѣло глазами моихъ похитителей и даже, быть можетъ, помогутъ мнѣ.

— Пароходная компанія въ дружескихъ отношеніяхъ съ сэромъ Голлидэй Макартнэй,—возразилъ Тангъ, — и сдѣлаетъ все, чего онъ пожелаетъ.

Въ отвѣтъ на мои дальнѣйшіе вопросы онъ сообщилъ, что меня повезутъ на одномъ изъ пароходовъ компаніи «Glen», но что отъѣздъ не можетъ состояться на этой недѣлѣ (разговоръ происходилъ 14 октября), такъ какъ посолъ не хотѣлъ тратиться на законтрактованіе всего парохода, а поджидалъ, пока его нагрузятъ; тогда, конечно, пришлось бы только взять пассажирскій билетъ.

— На слѣдующей недѣлѣ, — прибвилъ онъ — пароходъ окончитъ грузку, и тогда вы отправитесь.

На мое замѣчаніе, что едва ли удастся имъ выполнить ихъ планъ, Тангъ замѣтилъ только:

— Приди мы сами къ такому ключенію, мы могли бы убить васъ здѣсь: вѣдь это Киитай, и никто не имѣетъ права вступаться въ наши дѣйствія въ предѣлахъ посольства.

Для моего назиданія и утѣшенія Тангъ разсказалъ мнѣ исторію одного корейскаго патріота, бѣжавшаго изъ Кореи въ Японію. Оттуда одинъ изъ его земляковъ выманилъ его въ Шанхай, гдѣ онъ и былъ убитъ въ англійскомъ кварталѣ *). Затѣмъ трупъ его былъ отосланъ въ Корею, гдѣ у трупа отрубили голову, а убійцу наградили высокимъ политическимъ постомъ. Очевидно, Тангъ лелѣялъ мысль о томъ,

*) Имя жертвы—Кинъ-Йоакъ-Квенъ, убійцы—Гункъ-Чункъ-Йи.
Перев.

что и онъ получитъ подобное же повышеніе за то, что изловилъ меня и обезпечилъ мнѣ вѣрную смерть.

Я спросилъ его, отчего онъ такъ жестокъ ко мнѣ.

— Таковы повелѣнія императора,—отвѣчалъ онъ;—императоръ непремѣнно желаетъ, чтобы вы были взяты живой или мертвый.

Я указалъ ему на то, что инцидентъ съ корейцемъ былъ одною изъ причинъ войны съ Японіей, и что похищеніе меня, а затѣмъ казнь могутъ повести къ дальнѣйшимъ затрудненіямъ и усложненіямъ.

— Британское правительство,—сказалъ я,—можетъ потребовать наказанія всѣхъ чиновъ посольства, и, такъ какъ вы мой землякъ, мои близкіе въ провинціи Квангъ-Тунгъ могутъ отомстить за меня вамъ и вашей семьѣ.

Тогда онъ немедленно перемѣнилъ тонъ, отказался отъ своихъ надменныхъ выраженій и замѣтилъ, что все, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ, онъ дѣлалъ по распоряженію посольства, теперь же просто онъ предупреждаетъ меня, по дружбѣ, о той опасности, которая мнѣ грозитъ.

ГЛАВА IV.

Я обращаюсь къ моимъ тюремщикамъ. Жизнь или смерть?

Въ полночь того же дня Тангъ снова пришелъ ко мнѣ и возобновилъ разговоръ. Я спросилъ его, точно ли онъ былъ мнѣ другъ и что онъ могъ для меня сдѣлать.

— За этимъ я и пришелъ,—отвѣчалъ онъ,—я сдѣлаю для васъ все, что могу, и современемъ выпущу васъ. Я уже заказалъ слесарю дубликаты ключей къ вашей и къ наружной двери.

По словамъ Танга, ему необходимо было сдѣлать это, такъ какъ ключи находились у довѣреннаго слуги посланника, который не разстается съ ними.

На вопросъ мой, какъ скоро можетъ онъ меня выпустить, Тангъ отвѣчалъ, что не раньше завтрашняго дня, но, по всей вѣроятности, въ пятницу, въ два часа ночи, это будетъ возможно. Уходя, онъ посовѣтовалъ мнѣ быть готовымъ къ побѣгу въ пятницу.

Едва онъ ушелъ, какъ я написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ, имѣя въ виду послать ихъ къ мистеру Кантли при посредствѣ одного изъ слугъ. На слѣдующее утро, 15 октября, я далъ записку слугѣ; но, какъ сообщилъ мнѣ Тангъ послѣ обѣда того же дня, она была отдана слугою посольскимъ чиновникамъ.

Тангъ заявилъ мнѣ, что этой запиской я испортилъ весь его планъ освобожденія, и что сэръ Голлидэй Макартней сильно бранилъ его за сообщеніе мнѣ, какъ они намѣрены распорядиться со мною.

Я спросилъ его, есть ли еще какая либо надежда на мое освобожденіе.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—надежда есть и немалая; но вы должны слушаться меня.

Затѣмъ онъ посовѣтовалъ мнѣ просить посланника (письменно) о помилованіи. Я согласился, и, по приказанію Танга, Коль принесъ мнѣ перо, чернила и бумагу.

Я попросилъ китайской бумаги и письменныхъ принадлежностей, такъ какъ не могъ же я писать посланнику по англійски. Но на это Тангъ сказалъ:

— По англійски всего лучше. Посланникъ не болѣе, какъ мебель; все въ рукахъ Макартнэй, и вамъ всего лучше писать ему.

На мой вопросъ, что мнѣ писать, онъ отвѣтилъ:

— Отрицайте всякое участіе въ кантонскомъ заговорѣ, заявите, что мандарины ложно обвиняютъ васъ, и что вы явились въ посольство съ цѣлью оправдаться.

Подъ диктовку Танга я написалъ въ этомъ смыслѣ длинное письмо. Сложивъ бумагу, я адресовалъ ее на имя сэра Голлидэй Макартнэй (имя и фамилію котораго Тангъ опять-таки продиктовалъ мнѣ буква за буквой, такъ какъ я не зналъ ихъ правописанія) и вручилъ ее Тангу. Съ этого времени я не видалъ его болѣе.

Безъ сомнѣнія, все это было очень глупо съ моей стороны, такъ какъ моимъ письмомъ я давалъ въ руки моихъ враговъ документальное доказательство того, будто бы я пришелъ въ посольство добровольно. Но такъ какъ утопающій хватается и за соломенку, то немудрено, что меня безъ труда провели въ этомъ случаѣ.

Какъ уже сказано, Тангъ сообщилъ мнѣ, что всѣ мои записки, довѣренныя слугамъ, были ими выданы; ни одна не дошла по назначенію. Теперь я потерялъ всякую надежду и не видѣлъ передъ собой ничего, кромѣ вѣрной смерти.

Въ теченіе истекшей недѣли я успѣлъ написать на клочкахъ бумаги, какія могъ добыть, сообщенія о моемъ положеніи и выбрасывалъ ихъ изъ окошка. Ранѣе я давалъ ихъ прислугѣ, прося бросить на улицу, такъ какъ мое окно выходило во дворъ; но было очевидно, что слуги не исполнили моихъ просьбъ; тогда я сталъ выбрасывать ихъ самъ изъ моего окна, и одинъ изъ клочковъ по счастливой случайности упалъ на свинцовую крышу задней пристройки сосѣдняго дома.

Чтобы обезпечить моимъ запискамъ дальній полетъ, я за-

ворачивалъ въ нихъ мѣдныя монеты, а когда перетратилъ всѣ, бывшія при мнѣ, то—серебряныя (не смотря на обыскъ, мнѣ удалось удержать ихъ при себѣ) *). Когда упомянутый клочекъ упалъ на сосѣднюю пристройку, я сталъ надѣяться, что жильцы дома, быть можетъ, достанутъ записку. Но другая записка, ударившись случайно о протянутую веревку, упала подъ моимъ окномъ. Я попросилъ слугу англичанина—не Коля, а другого—поднять записку и передать мнѣ. Вмѣсто того онъ сообщилъ о ней китайскимъ караульнымъ, которые и подняли ее. Разыскивая эту записку, караульные замѣтили и ту, которая упала на сосѣднюю крышу. Тотчасъ же они влѣзли на пристройку и овладѣли послѣдней моей надеждой на спасеніе. Подобранныя записки караульные снесли къ чиновникамъ посольства.

Теперь я попалъ въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ былъ до сихъ поръ: мое окошко было заколочено наглухо, и казалось, я лишился послѣдняго, единственнаго средства сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Отчаяніе мое было полное, и лишь молитва къ Всемогущему доставляла мнѣ нѣкоторое утѣшеніе. Тоскливые, неимовѣрно долгіе дни и еще болѣе невыносимыя ночи ползли съ непомѣрной медлительностью, и, мнѣ кажется, еслибы только не способность молиться—я бы сошелъ съ ума. Впослѣдствіи, уже на свободѣ, я говорилъ мистеру Кантли, что никогда не забуду того чувства облегченія, съ какимъ я всталъ съ колѣнъ въ пятницу утромъ, 16 октября; это было чувство спокойствія, надежды и довѣрія, поселившее во мнѣ убѣжденіе, что молитва моя услышана, и что все еще устроится къ лучшему. Я поэтому рѣшилъ удвоить мои усилія освободиться и предпринялъ рѣшительное наступленіе на Коля.

Когда онъ снова вошелъ ко мнѣ, я спросилъ его:—можете вы сдѣлать для меня что нибудь?

На это онъ отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Кто вы такой?

— Политическій эмигрантъ изъ Китая,—отвѣтилъ я.

Повидимому, онъ плохо понялъ смыслъ моихъ словъ. Поэтому я спросилъ его, слыхалъ ли онъ объ армянахъ. Онъ отвѣтилъ, что слыхалъ немало. Держась этой нити, я сказалъ ему, что вотъ такъ точно, какъ турецкій султанъ хотѣлъ истребить всѣхъ христіанъ въ Арменіи, и императоръ китайскій намѣренъ убить меня, потому что я христіанинъ и принадлежу

---

*) Пристройки на задахъ дома, въ родѣ той, о которой говоритъ авторъ, весьма употребительны въ Лондонѣ: онѣ составляютъ непосредственное продолженіе дома, но обыкновенно представляютъ какъ бы сравнительно узкій выступъ зданія во дворъ и по крайней мѣрѣ на одинъ этажъ ниже дома; на плоскую крышу пристройки легко попасть изъ выходящаго на нее окна главнаго зданія, и нерѣдко мѣсто на крышѣ употребляется для просушки бѣлья *Пер.*

къ партіи, которая стремилась ввести въ Китаѣ хорошее управленіе.

— Всѣ англичане,—закончилъ я,— сочувствуютъ армянамъ, и я не сомнѣваюсь, что они отнеслись бы ко мнѣ съ такимъ же сочувствіемъ, знай они, въ какомъ я положеніи.

Онъ замѣтилъ, что врядъ ли англійское правительство приняло бы мою сторону; но я возразилъ, что навѣрно приняло бы, иначе китайское посольство не держало бы меня въ такомъ секретѣ, но открыто потребовало бы у британскаго правительства моей экстрадиціи.

— Жизнь моя,—говорилъ я,—въ вашихъ рукахъ. Если только вы сдѣлаете извѣстнымъ внѣ посольства мое теперешнее положеніе — я спасенъ; если же нѣтъ—меня казнятъ. Которое же изъ двухъ дѣлъ доброе: спасти человѣческую жизнь или погубить? И которая изъ вашихъ обязанностей выше: обязанность передъ Богомъ, или передъ вашимъ господиномъ,—обязанность почитать справедливое британское правительство или продажное китайское?

Я умолялъ его подумать о томъ, что я ему сказалъ, и отвѣтить мнѣ въ слѣдующее свое посѣщеніе, — сказать мнѣ искренно, согласенъ онъ помочь мнѣ или нѣтъ.

Онъ ушелъ, и я не видалъ его до слѣдующаго дня. Легко представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я его рѣшенія. На слѣдующее утро, накладывая угли въ каминъ, Коль молча указалъ мнѣ на бумажку, оставленную имъ въ ящикѣ для угля. Отъ этой бумажки зависѣла моя жизнь. Окажется она посланцемъ надежды, или опять всякая надежда будетъ отнята у меня? Едва онъ вышелъ, какъ я схватилъ лоскутокъ и прочелъ:

«Я попробую снести письмо къ вашему другу. Не пишите его у стола, такъ какъ тамъ васъ можно видѣть чрезъ замочную скважину, и караульные постоянно наблюдаютъ за вами. Пишите на кровати».

Я легъ на кровать лицомъ къ стѣнѣ и написалъ на своей визитной карточкѣ нѣсколько словъ къ мистеру Кантли. Въ полдень Коль снова вошелъ ко мнѣ, и я молча указалъ ему, гдѣ я положилъ к рточку. Онъ взялъ ее. Я отдалъ ему и всѣ свои деньги—20 фунтовъ. Отвѣтъ на мою записку Коль опять таки положилъ за угольный ящикъ и многозначительнымъ взглядомъ далъ мнѣ понять, что тамъ есть для меня нѣчто. Это было въ воскресенье. Когда дверь заперлась за нимъ, я, съ бьющимся сердцемъ, схватилъ бумагу и съ восторгомъ прочелъ: «Не падайте духомъ! Правительство работаетъ въ вашу пользу; черезъ нѣсколько дней вы будете свободны». То былъ отвѣтъ мистера Кантли. Господь услышалъ мою молитву!

За все это время я ни разу не раздѣвался. Сонъ посѣ-

щалъ меня рѣдко, урывками, да и тогда былъ безпокоенъ. Вплоть до ободряющаго извѣстія моего друга я не имѣлъ и подобія дѣйствительнаго отдыха.

Чего я особенно боялся, такъ это — гибельнаго вліянія, какое привозъ меня въ Китай и казнь тамъ имѣли бы на дѣло, за которое я боролся. Доставь меня китайцы домой, они тотчасъ же распубликовали-бы повсюду, что я былъ правильнымъ, законнымъ образомъ выданъ британскимъ правительствомъ, и что на британской территоріи нѣтъ убѣжища ни для какихъ политическихъ изгнанниковъ. Члены нашей партіи припомнили бы роль, сыгранную Англіей во время возстанія Тайпинговъ, когда, при ея посредствѣ, было подавлено это великое національное и христіанское движеніе. Народъ пришелъ бы къ заключенію, что еще разъ война противъ освободительнаго движенія была ведена съ помощью Англіи, а это уничтожило бы всякую надежду на успѣхъ въ будущемъ.

Удайся китайскому посольству добыть мои бумаги изъ моей квартиры, дѣло осложнилось бы еще болѣе и повело бы къ гибели многихъ изъ моихъ друзей. Эта опасность, однако, была предотвращена, какъ потомъ оказалось, благодаря разумной предусмотрительности женщины. Миссисъ Кантли взяла на свою личную отвѣтственность слѣдующій важный шагъ: она отправилась на мою квартиру, тщательно собрала всѣ мои бумаги и, черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго извѣстія о моемъ арестѣ, сожгла ихъ на мѣстѣ. Если нѣкоторые изъ моихъ корреспондентовъ въ различныхъ частяхъ свѣта будутъ раздосадованы неполученіемъ отъ меня отвѣта на ихъ письма, пусть претендуютъ на упомянутую лэди за ея быстрый, энергичный и благодѣтельный шагъ, такъ какъ у меня теперь нѣтъ ихъ адресовъ, а во многихъ случаяхъ я даже не знаю ихъ именъ. Еслибы китайскія власти снова поймали меня въ ловушку, они не найдутъ у меня никакихъ бумагъ, изъ которыхъ мои единомышленники могли бы сдѣлаться имъ извѣстны.

Къ счастью моему, за время заключенія мысль о томъ, что въ мою пищу могъ быть подмѣшанъ ядъ, не приходила мнѣ въ голову; но общее состояніе мое было таково, что пища была мнѣ противна. Я могъ заставить себя глотать только жидкую пищу: молоко, чай, да еще отъ времени до времени съѣдалъ яйцо. Только по полученіи записки мистера Кантли возвратился ко мнѣ сонъ и аппетитъ.

ГЛАВА V.

Мои друзья дѣйствуютъ.

Понятно само собою, что я рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что дѣлалось внѣ посольства. Всѣ мои обращенія къ чужой помощи, всѣ пущенныя изъ окна на воздухъ лоскутки бумаги, всѣ письма, переданныя мною оффиціально сэру Голлидэй Макартнэй, были—я зналь это—совершенно безполезны, даже хуже, чѣмъ безполезны, такъ какъ послѣ нихъ надзоръ за мной становился строже и строже и, наконецъ, совершенно лишилъ меня всякой возможности снестись съ друзьями.

Тѣмъ не менѣе, мой послѣдній призывъ къ чувству человѣчности, сдѣланный въ пятницу утромъ (16 октября), произвелъ извѣстное впечатлѣніе: именно съ этого времени Коль сталъ интересоваться моей судьбою. Иниціатива первыхъ шаговъ въ дѣлѣ моего освобожденія принадлежала въ значительной мѣрѣ его женѣ. Первое письмо, полученное моими друзьями и пустившее въ ходъ цѣлый механизмъ въ пользу моего освобожденія, было написано миссисъ Коль въ субботу, 17 октября 1896 г. Письмо это получено было въ Девонширской улицѣ только въ одиннадцать часовъ ночи. Представьте себѣ, съ какими чувствами докторъ Кантли прочелъ слѣдующія строки:

«Съ прошлаго воскресенья здѣсь, въ китайскомъ посольствѣ, заключенъ вашъ другъ. Его намѣрены отослать въ Китай, гдѣ навѣрное повѣсятъ. Положеніе бѣднаго человѣка очень грустное, и что нибудь должно быть предпринято для его освобожденія немедленно, иначе его увезутъ, и никто объ этомъ не будетъ знать. Я не смѣю подписать своего имени, но написанное мною—сущая правда; поэтому вѣрьте моему сообщенію. Что бы вы ни предприняли — дѣлайте безотлагательно, иначе будетъ поздно. Имя его, я полагаю, Линъ-Йинъ Сенъ».

Очевидно — времени нельзя было терять. Какъ ни поздно было, мистеръ Кантли, узнавъ адресъ квартиры сэра Голлидэй Макартнэй, отправился его разыскивать. Онъ, конечно, не имѣлъ понятія о томъ, что направлялся къ главной пружинѣ всего этого позорнаго дѣла. Къ счастію или къ несчастію моему (это едва ли когда будетъ рѣшено), — онъ нашелъ, что разыскиваемый имъ домъ — № 3, Гарлэй Плэсъ— запертъ на замокъ. Дѣло было въ субботу, въ четверть двѣнадцатаго ночи, и полисмэнъ, стоявшій на ближайшемъ посту, не безъ подозрительности взглянулъ на доктора, когда тотъ возвратился изъ закоулка, въ которомъ стоитъ домъ. Полицейскій объяснилъ, что домъ замкнутъ вотъ уже шесть мѣсяцевъ, такъ какъ занимающее его семейство отправилось въ

деревню. Мистеръ Кантли спросилъ, почему онъ все это знаетъ, и получилъ въ отвѣтъ, что за три ночи передъ тѣмъ была сдѣлана въ этомъ домѣ попытка на кражу со взломомъ, вслѣдствіе чего наведены были тщательныя справки, кто были жильцы. Такимъ образомъ, въ точности свѣдѣнія о «предумышленномъ» полугодовомъ отсутствіи сомнѣваться было невозможно. Мистеръ Кантли отправился въ ближайшее полицейское управленіе и изложилъ дежурному инспектору все дѣло. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Скотландъ Ярдъ *) и пожелалъ переговорить съ дежурнымъ чиновникомъ. Одинъ изъ сыскныхъ инспекторовъ принялъ его наединѣ и согласился записать его показаніе. Но трудность заключалась въ томъ, чтобы заставить кого-либо взглянуть довѣрчивыми глазами на столь невѣроятную исторію. Чиновникъ вѣжливо выслушалъ необыкновенный разсказъ, но заявилъ, что Скотландъ Ярдъ не можетъ взять на себя инициативы въ подобномъ дѣлѣ. И вотъ, въ часъ ночи мистеръ Кантли былъ снова на улицѣ совершенно въ томъ же безпомощномъ положеніи, въ какомъ онъ началъ свои хлопоты.

На слѣдующее утро мой другъ отправился посовѣтоваться съ однимъ пріятелемъ насчетъ того, не слѣдовало ли попросить начальника китайской таможни въ Лондонѣ обратиться частнымъ образомъ къ посольству и попытаться убѣдить его подвергнуть тщательному обсужденію его необдуманный и неблагоразумный поступокъ.

Идея эта, однако, не получила одобренія, и потому мистеръ Кантли снова отправился въ Гарлэй Плэсъ, надѣясь найти тамъ, по крайней мѣрѣ, какого нибудь сторожа, который могъ бы сообщить, гдѣ найти сэра Макартнэй, или куда адресовать ему телеграмму. Но, кромѣ подтвержденія вчерашняго разсказа полицейскаго посредствомъ освидѣтельствованія знаковъ на дверяхъ, доказывавшихъ попытку взлома, мой другъ не открылъ ни малѣйшаго намека на рѣшеніе неразрѣшимой задачи: гдѣ отыскать хитроумнаго овосточеннаго дипломата.

Тогда мистеръ Кантли направился къ доктору Мансону и тамъ, у входной двери дома, увидѣлъ человѣка, который оказался никѣмъ инымъ, какъ Колемъ, моимъ слугой въ посольствѣ. Бѣдняга, наконецъ, набрался къ воскресенью настолько храбрости, чтобы рѣшиться лично раскрыть тайну моего заточенія и разыскалъ, дрожа отъ страха, домъ мистера Кантли. Но такъ какъ тамъ ему сказали, что мистеръ Кантли отправился къ доктору Мансону, то онъ послѣдовалъ туда же и встрѣтилъ обоихъ докторовъ сразу. Тутъ Коль вручилъ имъ

---

*) Буквально «Шотландскій дворъ»; такъ называется въ просторѣчіи знаменитое лондонское сыскное отдѣленіе. *Пер.*

обѣ визитныя карточки, которыя получилъ отъ меня для мистера Кантли, и на которыхъ стояли слѣдующія слова:

«Въ прошлое воскресенье мною овладѣли два китайца и насильно затащили въ китайское посольство. Я заточенъ, и черезъ день или два меня намѣрены отправить въ Китай на спеціально законтрактованномъ пароходѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Китаѣ мнѣ отрубятъ голову. Горе мнѣ!»

Докторъ Мансонъ принялъ сердечное участіе въ стараніяхъ мистера Кантли освободить меня и началъ допрашивать Коля. При этомъ мистеръ Кантли замѣтилъ:

— О, будь только сэръ Голлидэй Макартнэй въ городѣ, все было бы отлично. Какая жалость, что его нѣтъ! И гдѣ только намъ его найти?

— Сэръ Голлидэй въ городѣ,—возразилъ на это Коль;—онъ ежедневно посѣщаетъ посольство; это онъ заперъ Сена на замокъ и приставилъ меня къ заключенному, съ приказаніемъ строго караулить дверь, чтобы Сенъ не могъ убѣжать.

Это извѣстіе поразило обоихъ докторовъ и поставило дѣло освобожденія на еще болѣе сомнительную почву. Чтобы перехитрить такихъ искусныхъ и изворотливыхъ людей, нужна была величайшая осторожность, и приходилось обратиться къ самымъ высокопоставленнымъ властямъ.

На дальнѣйшіе распросы Коль отвѣтилъ, что въ посольствѣ меня выдавали за сумасшедшаго и что меня должны были отослать въ Китай въ слѣдующій вторникъ (т. е. черезъ два дня); онъ не могъ объяснить, какой компаніи принадлежалъ пароходъ, назначенный для этого, но зналъ, что нѣкто Макъ-Грегоръ, изъ Сити, имѣлъ какое-то отношеніе къ этой компаніи. Онъ сообщилъ также, что въ теченіе недѣли два или три человѣка въ одеждѣ китайскихъ моряковъ являлись въ посольство, и Коль не сомнѣвался, что ихъ посѣщеніе имѣло связь съ моей отправкой, такъ какъ онъ никогда до того не видалъ подобныхъ посѣтителей въ посольствѣ.

Коль ушелъ, взявъ съ собой карточку съ именами обоихъ моихъ друзей: она должна была разсѣять мой страхъ и послужить доказательствомъ, что мой посланецъ рѣшился, наконецъ, серьезно дѣйствовать въ мою пользу. Затѣмъ оба доктора отправились въ Скотландъ Ярдъ, чтобы снова попытаться побудить его къ дѣйствію. Дежурный инспекторъ замѣтилъ:— «Вы уже были здѣсь нынче въ половинѣ перваго; полагаю, что безполезно навѣдываться къ намъ такъ часто».—Главное затрудненіе заключалось въ неизвѣстности, куда надо было обратиться съ представленіями о томъ, что человѣческая жизнь была въ опасности, что законы страны были нарушены, что, въ сущности, Британская имперія выдавала, въ собственной столицѣ, человѣка на завѣдомое убійство.

Оставивъ Скотландъ Ярдъ, два доктора держали совѣтъ и рѣшили обратиться въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Имъ сказали, что чиновникъ, живущій въ министерствѣ, приметъ ихъ въ пять часовъ пополудни. Дѣйствительно, въ пять часовъ они были приняты и изложили всю романическую исторію вѣжливому и «готовому къ услугамъ» чиновнику. *Но это было воскресенье*, и, «само собою разумѣется», въ воскресенье ничего нельзя было сдѣлать. Однако, на слѣдующій день сообщеніе моихъ друзей будетъ представлено выше стоящимъ властямъ. Но время было крайне дорого. Что же теперь предпринять? Вѣдь ближайшею же ночью похищенный человѣкъ могъ быть помѣщенъ на корабль, идущій въ Китай. Чего особенно боялись, такъ это — что корабль этотъ будетъ иностранный: надъ иностраннымъ флагомъ британскія власти были безсильны. Послѣдняя надежда заключалась въ томъ, что, еслибы я былъ перевезенъ, и корабль оставилъ Англію ранѣе, чѣмъ моимъ друзьямъ удалось бы поднять на ноги властей въ мою пользу,—то пароходъ могъ бы быть задержанъ и обысканъ въ Суэзскомъ каналѣ. Но, разъ этотъ пароходъ *не* подъ англійскимъ флагомъ — и эта послѣдняя надежда исчезнетъ. Мучимые этими опасеніями, два мои друга остановились, наконецъ, на слѣдующемъ рѣшительномъ шагѣ: отправиться въ китайское посольство и объяснить китайцамъ, что фактъ заключенія Сена въ посольствѣ извѣстенъ, и что британское правительство вообще, какъ и полиція въ частности, извѣщены о намѣреніи посольства отправить Сена въ Китай для казни. Докторъ Мансонъ рѣшилъ отправиться одинъ, такъ какъ имя доктора Кантли хорошо было извѣстно въ посольствѣ въ связи съ моимъ именемъ.

Итакъ, мистеръ Мансонъ явился въ домъ № 49, въ Портландъ Плэсъ одинъ. Онъ объяснилъ напудренному швейцару, что желаетъ видѣть кого либо изъ говорящихъ по англійски китайцевъ. Явился самъ Тангъ, оффиціальный переводчикъ, мой мучитель, человѣкъ, поймавшій меня. Докторъ Мансонъ заявилъ, что желаетъ видѣть Сѐна. Физіономія Танга выразила затрудненіе человѣка, которому произнесенное имя ничего не говоритъ.—«Сѐнъ! Сѐнъ!—повторялъ онъ, стараясь припомнить, о комъ идетъ рѣчь;—такого человѣка здѣсь нѣтъ». Докторъ заявилъ ему, что, напротивъ, отлично знаетъ, что человѣкъ этотъ здѣсь, и что онъ, докторъ, пришелъ сюда затѣмъ, чтобы сообщить посольству, что министерство иностранныхъ дѣлъ уже извѣщено обо всемъ; что, равнымъ образомъ, и Скотландъ-Ярдъ освѣдомленъ о задержаніи Сѐна. Но китайскій дипломатъ не былъ бы дипломатомъ, еслибы онъ не былъ прежде всего лгуномъ, а случай, представившійся теперь для лганья, долженъ былъ удовлетворить даже восточное предрас-

положеніе Танга къ его роли. Съ отпечаткомъ полной правдивости въ каждомъ словѣ и жестѣ, Тангъ сталъ увѣрять доктора, что вся исторія о Сенѣ есть сущій вздоръ, и никакого Сена въ посольствѣ нѣтъ. «Искренность» и «прямота» Танга остались не безъ вліянія на мистера Мансона, такъ что, возвратясь къ доктору Кантли, онъ даже выразилъ предположеніе, не сочинилъ ли я самъ всю исторію, чтобы сыграть шутку,—надъ кѣмъ и для какой цѣли, онъ, однако, не могъ сказать. Такъ-то умѣютъ мои соотечественники лгать! Тангу удалось пошатнуть увѣренность даже доктора Мансона, человѣка, который жилъ въ Китаѣ двадцать два года, свободно говорилъ на амойскомъ нарѣчіи и, такимъ образомъ, зналъ китайцевъ и ихъ характеръ лучше, чѣмъ девять десятыхъ всѣхъ когда либо бывавшихъ на дальнемъ Востокѣ. Какъ бы то ни было, онъ принужденъ былъ оставить свою догадку, такъ какъ невозможно было найти смысла въ подобной «шуткѣ». Я увѣренъ, что Тангъ пойдетъ далеко по службѣ; навѣрно можно сказать, что лгунъ, подобный ему, не можетъ остаться безъ поощренія среди правящаго класса, который самъ живетъ и процвѣтаетъ ложью.

Было уже семь часовъ вечера (въ воскресенье), когда два доктора рѣшили пріостановить свои труды и разстались, полагая, что выполнили свою нравственную обязанность. Все же они были далеки отъ увѣренности въ моей безопасности. Я могъ быть увезенъ изъ посольства въ ту же ночь, особенно теперь, когда оно знало, что британское правительство было извѣщено объ инцидентѣ. Если нельзя было посадить жертву немедленно на пароходъ, то можно было перемѣстить ее въ другую квартиру. Это былъ весьма вѣроятный шагъ и, будь онъ въ данную минуту практически осуществимъ, онъ, конечно, былъ бы принятъ. Къ моему счастью, такъ называемый маркизъ Ценгъ незадолго до того оставилъ Лондонъ и отплылъ въ Китай, а потому отказался и отъ своей лондонской квартиры. Еслибы не это, по всей вѣроятности, планъ перемѣстить меня въ его резиденцію приглянулся бы моимъ догадливымъ соотечественникамъ, а разъ онъ былъ бы выполненъ, они бы заявили, что, довѣряясь вполнѣ дружбѣ и чувству справедливости англичанъ, просятъ ихъ обыскать посольство. Эта хитрость была теперь невозможна. Но перевозка въ доки была вполнѣ осуществима. Предполагалось, что пароходъ со мною выйдетъ во вторникъ. Стало быть, онъ былъ уже теперь въ докахъ, и всѣ вѣроятія были за то, что «сумасшедшій» пассажиръ будетъ перевезенъ на пароходъ ночью, во избѣжаніе раздражающаго шума, причиняемаго дневнымъ уличнымъ движеніемъ.

ГЛАВА VI.

Въ поискахъ за сыщикомъ.

Осаждаемый всѣми этими соображеніями, мистеръ Кантли снова взялся за работу, въ этотъ разъ—съ цѣлью устроить наблюденіе за посольствомъ. Онъ заѣхалъ къ одному изъ друзей, который и снабдилъ его адресомъ конторы Слэтера въ Сити, доставляющей частныхъ сыщиковъ. Туда онъ и отправился, но, конечно, контора была заперта: повидимому, по воскресеньямъ въ сыщикахъ не можетъ предстоять надобности.

Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, случиться въ Англіи въ восресенье какая либо бѣда? Это интересный вопросъ. Не слѣдуетъ забывать, что дѣленія мѣсяца суть искусственное общественное установленіе въ видахъ удобствъ, и что преступная дѣятельность не всегда сообразуется съ таки ми календарными прихотями, какъ дѣленіе на недѣли. Какъ бы то ни было, на лицо былъ тотъ жестокій фактъ, что контора Слэтера была заперта, и ни зовъ, ни дерганье колокольчика, ни стукъ въ дверь не могли извлечь изъ гранитнаго зданія въ Бэзингголлъ Стритъ какихъ либо признаковъ жизни.

Докторъ держалъ совѣтъ съ ближайшимъ полицейскимъ и собственнымъ извозчикомъ, высказавшимъ дружественныя наклонности и посвященнымъ въ тайну моего заточенія. Результатомъ совѣщанія былъ визитъ Кантли въ ближайшее полицейское управленіе. Тутъ мистеру Кантли снова пришлось пересказать всю исторію сначала, и прежде, чѣмъ что либо могло быть сдѣлано, уничтожить всѣ подозрѣнія насчетъ его трезвости и здраваго состоянія ума.

— Гдѣ этотъ домъ?

— Портландъ Плэсъ, въ западной части города.

— О, такъ зачѣмъ же вы пожаловали сюда? Вамъ надо отправиться назадъ, въ Вестъ-Эндъ; мы принадлежимъ къ полиціи Сити.

Доктору и восточная, и западная полиція представлялись равно безполезными.

— Все-жъ таки, — настаивалъ онъ, — нельзя ли добыть агента, чтобы поставить его наблюдать за домомъ?

— Невозможно. Полиція Сити не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла Вестъ-Энда.

— Нѣтъ ли у васъ какого нибудь отставного полицейскаго или состоящаго въ резервѣ, который былъ бы не прочь заработать копѣйку, другую на подобномъ дѣлѣ?

— Да... можетъ быть и есть... дайте сообразить.

Тутъ нѣсколько человѣкъ стали дѣятельно и добродушно

обсуждать, на комъ бы можно остановиться. Да, конечно: вотъ такой-то годится.

— Гдѣ онъ живетъ?

— О, онъ живетъ въ Лейтонстонѣ. Вамъ сегодня не добыть его. Сегодня воскресенье.

Да, это было воскресенье, и, къ сожалѣнію, въ воскресенье дѣло шло о моей головѣ. Послѣ долгихъ толковъ еще одно имя было упомянуто, и допрашиваемые полицейскіе отдѣлались отъ настойчиваго доктора. Новый кандидатъ въ агенты жилъ въ Излингтонѣ *).

Но прежде чѣмъ отправиться туда, мистеръ Кантли подумалъ, что слѣдуетъ всю исторію пустить въ прессу. Итакъ, онъ отправился въ контору «Таймса» и спросилъ помощника редактора. Ему подали карточку, гдѣ онъ долженъ былъ изложить сущность своего дѣла. Онъ написалъ: «похищеніе человѣка китайскимъ посольствомъ».

Было уже 9 часовъ вечера; ему объяснили, что до десяти въ редакціи никого не будетъ.

Онъ отправился на поиски въ Излингтонъ. Плохо освѣщенный скверъ былъ найденъ, номеръ дома отысканъ, и докторъ вошелъ въ квартиру. Его ждало новое разочарованіе: указанный человѣкъ «не могъ взять дѣла на себя; но онъ, кажись, зналъ малаго, который возьмется». Выбора не было; итакъ—гдѣ живетъ «малый»? О, малый этотъ былъ удивительный, но вотъ бѣда—почтовая карта съ его адресомъ никакъ не находилась. Вверху и внизу въ выдвижныхъ ящикахъ и сундукахъ все было перерыто, пачки старыхъ писемъ пересмотрѣны и не употреблявшіяся жилетки обысканы. Наконецъ, карта найдена, изъ нея оказалось, что «малаго» нѣтъ дома: онъ наблюдаетъ за какимъ-то кабакомъ въ Сити.

Докторъ преодолѣлъ и это затрудненіе. Онъ предложилъ, чтобы одинъ изъ многочисленныхъ «малыхъ», наполнявшихъ гостинную, сбѣгалъ съ запиской къ агенту на домъ, пока отецъ семейства съѣздитъ съ докторомъ на поиски въ Сити. Вотъ, наконецъ, извозчикъ подъѣзжаетъ къ завѣтному кабаку, и сѣдоки дѣлаютъ рекогносцировку. Но никакого сыщика нигдѣ не оказывается, и дѣло рѣшено тѣмъ, что слѣдуетъ слѣдить за кабакомъ до 11 часовъ, когда его запираютъ; тогда, по всей вѣроятности, «малый» проявится. Мистеръ Кантли оставилъ своего новаго пріятеля у кабака и снова направился въ редакцію «Таймса». Тутъ ему дана была «аудіенція», разсказъ его записанъ, и опубликованіе всей исторіи ввѣрено осмотрительности редакціи. Было уже половина двѣнадцатаго, и, наконецъ, неутомимый докторъ рѣшилъ отправиться домой.

*) Сѣверная часть Лондона. *Пер.*

Дома онъ былъ не мало огорченъ, узнавъ, что ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ агентъ еще не появлялся. Онъ и тутъ, однако, не опустилъ рукъ: онъ приготовился идти слѣдить за посольствомъ лично. Простившись съ женой, онъ отправился къ своей цѣли, готовый къ активному вмѣшательству, если понадобится.

Но едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ повстрѣчалъ «малаго». Излингтонскій пріятель доктора оказался вѣрнымъ человѣкомъ и прислалъ своего замѣстителя. Окна посольства, не смотря на позднее время—былъ первый часъ—были освѣщены, указывая на дѣятельность внутри,—результатъ, безъ сомнѣнія, сообщенія доктора Мансона о томъ, что тайна махинацій посольскаго штата раскрыта. «Малый» былъ посаженъ въ двухколесный кэбъ, который и помѣстился въ тѣни, противъ угла Портландъ Плэсъ и Портландъ Родъ. Ночь была прелестная, лунная, и оба входа въ посольство были ясно видны. Кэбъ былъ совершенно необходимою частью предпріятія, такъ какъ, вздумай мои похитители посадить меня быстро въ карету, я въ нѣсколько минутъ былъ бы увезенъ изъ вида пѣшехода. Извозчика не легко найти во всякую минуту въ это время ночи, и потому необходимо было обезпечить наблюдавшему за посольствомъ возможность кинуться въ догонку, если бы это потребовалось. Газеты впослѣдствіи объясняли присутствіе кэба намѣреніемъ увезти меня, когда организованная для того банда освободитъ меня; но это другая совсѣмъ часть всей исторіи, о которой я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Въ два часа ночи докторъ, наконецъ, легъ спать. Онъ извѣстилъ правительство, далъ знать полиціи, сообщилъ всю исторію прессѣ и поставилъ стеречь посольство. Его дневной трудъ былъ оконченъ, и, въ сущности, жизнь моя спасена, хотя я ничего не зналъ объ этомъ.

ГЛАВА VII.

Въ дѣло вмѣшивается британское правительство.

Въ понедѣльникъ, 19-го октября, друзья мои снова обратились въ контору Слэтера за частными сыскными агентами, и когда послѣдніе явились, имъ было сказано наблюдать за китайскимъ посольствомъ день и ночь.

Въ полдень, какъ было условлено наканунѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, мистеръ Кантли побывалъ тамъ и далъ письменное показаніе. Министерство явно желало, чтобы освобожденіе мое произошло не въ силу его формаль-

наго и активнаго вмѣшательства, но какимъ либо менѣе оффиціальнымъ путемъ, надѣясь, что въ послѣднемъ случаѣ былибы предотвращены возможныя международныя осложненія.

Притомъ-же, доказательства моего заточенія были, съ формальной точки зрѣнія, не болѣе, какъ слухи, и едва ли было бы разумно поднимать вопросъ, основанный исключительно на невѣроятномъ показаніи одного лица. Для добычи дальнѣйшихъ доказательствъ сдѣланъ былъ запросъ въ пароходной конторѣ «Glen», который выяснилъ, что, дѣйствительно, туда обращались съ переговорами относительно океанскаго переѣзда. Теперь правительство имѣло въ рукахъ прямое подтвержденіе не только справедливости всей исторіи, но и того обстоятельства, что практическія и обдуманныя мѣры были приняты для осуществленія плана. Съ этого момента все дѣло перешло въ руки правительства, и мои друзья освободились отъ тяжелой отвѣтственности, которая до сихъ поръ тяготѣла надъ ними.

Шесть правительственныхъ сыщиковъ были поставлены вокругъ посольства, и мѣстной полиціи были даны инструкціи—быть насторожѣ. Полицейскимъ была вручена моя фотографія, снятая мною въ Америкѣ, въ европейскомъ платьи. Въ глазахъ европейца, не бывавшаго въ Китаѣ, всѣ китайцы (въ ихъ азіатскомъ костюмѣ, бритые и съ косами) кажутся на одно лицо; но на портретѣ, о которомъ идетъ рѣчь, я былъ въ усахъ и носилъ волосы по европейски.

Китайцы не носятъ усовъ, пока не достигнутъ «степени дѣдушки»; но мнѣ нѣтъ еще и трицати лѣтъ; поэтому я, въ сущности, не имѣлъ общепризнанныхъ правъ на подобное «отличіе», не смотря на то, что Китай по преимуществу—страна раннихъ браковъ.

Въ четвергъ, 22-го октября правительство обратилось въ судъ съ обвиненіемъ—не знаю, посольства ли или лично сэра Голлидэй Макартнэй—въ нарушеніи акта личной безопасности (Habeas Corpus Act) и съ требованіемъ ареста обвиняемаго; однако судья въ Олдъ-Бэлэй не согласился на начатіе судебнаго преслѣдованія, и обвиненіе провалилось.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда къ мистеру Кантли явился спеціальный корреспондентъ «Globe'»а и спросилъ, знаетъ ли онъ что либо о китайцѣ, который былъ похищенъ китайскимъ посольствомъ? Докторъ отвѣтилъ утвердительно и въ свою очередь спросилъ, что извѣстно объ этомъ дѣлѣ «Globe'»у? Онъ прибавилъ, что далъ свѣдѣнія обо всемъ инцидентѣ «Таймсу» еще въ воскресенье, 18 октября, а въ понедѣльникъ, 19-го, дополнилъ свое сообщеніе новыми данными и потому считалъ своею обязанностью предоставить этой газетѣ первой опубликовать дѣло.—«Прочитайте, впрочемъ, что у васъ написано—замѣтилъ онъ,—и я скажу вамъ, вѣрны ваши свѣдѣнія, или

нѣтъ». Свѣдѣнія «Globe'»а оказались правильными, и докторъ подтвердилъ ихъ, но просилъ не упоминать его имени.

Несомнѣнно, многіе знали о происшествіи задолго до появленія перваго извѣстія о немъ въ печати. Уже во вторникъ утромъ человѣкъ двѣсти или триста знало о моемъ заточеніи, и можно только удивляться тому, что рыщущіе за новостями репортеры узнали о немъ не ранѣе полудня четверга. Какъ бы то ни было, разъ они пронюхали объ немъ, дѣло уже невозможно было держать въ секретѣ, и съ момента появленія необыкновенной новости въ «Globe'»ѣ въ домѣ № 46 Девонширской улицы не было отъ нихъ отбою.

Черезъ два часа по появленіи пятаго изданія «Globe'»а къ мистеру Кантли явились интервьюэры отъ Центральнаго Агентства Новостей (Central News) и отъ газеты «Daily Mail». Сдержанность доктора не могла особенно понравиться его посѣтителямъ, но все же они успѣли выжать изъ него сущность дѣла въ главныхъ чертахъ.

Оба искателя истины отправились отъ него прямо въ китайское посольство и заявили желаніе видѣть Сена. Къ нимъ вышелъ вѣчно готовый къ услугамъ и вездѣсущій Тангъ, который и заявилъ, что не имѣетъ понятія о подобномъ человѣкѣ. Тогда ему показали номеръ «Globe'»а. Прочитавъ его, онъ весело засмѣялся и объявилъ, что вся исторія о Сенѣ есть не больше, какъ громадная утка. На это представитель Центральнаго Агентства замѣтилъ, что никакія отрицанія теперь не помогутъ, и что если Сенъ не будетъ освобожденъ, то Тангъ можетъ разсчитывать, что завтра же будутъ здѣсь 10,000 человѣкъ, которые растащутъ все посольство по кирпичу, да и самому Тангу не поздоровится. Но Тангъ былъ неуязвимъ и только продолжалъ лгать старательнѣе прежняго.

Тогда репортеры откопали сэра Макартнэй въ отелѣ «Midland» и имѣли съ нимъ интервью. Показанія, имъ данныя, изложены въ слѣдующей газетной статьѣ:

Интервью съ сэромъ Голлидэй Макартнэй.

«Совѣтникъ китайскаго посольства сэръ Голлидэй Макартнэй посѣтилъ министерство иностранныхъ дѣлъ вчерашній день, въ половинѣ четвертаго пополудни. Въ разговорѣ съ представителемъ прессы сэръ Голлидэй сказалъ:—я не имѣю возможности дать вамъ какія-либо свѣдѣнія о человѣкѣ, задержанномъ въ посольствѣ, сверхъ тѣхъ, какія уже появились въ печати. На замѣчаніе, что министерство иностранныхъ дѣлъ только что выпустило сообщеніе о томъ, что лордъ Сольсбери потребовалъ отъ китайскаго посла освобожденія арестованнаго, сэръ Голлидэй призналъ фактъ требованія, а на дальнѣйшій вопросъ о томъ, каковъ будетъ результатъ, отвѣчалъ: «человѣкъ этотъ

будетъ освобожденъ, но это будетъ сдѣлано безъ какого бы то ни было умаленія правъ посольства, замѣшаннаго въ этомъ дѣлѣ (strictly without prejudice to the rights of the Legation involved).

«Въ другомъ, позднѣйшемъ разговорѣ съ представителемъ прессы сэръ Голлидэй Макартнэй сказалъ:—Имя человѣка, находящагося у насъ наверху подъ арестомъ, *не* Сенъ-Ятъ-Сэнъ. Мы ни мало не сомнѣваемся въ его дѣйствительной личности, и мы получали отъ времени до времени полныя свѣдѣнія о каждомъ его шагѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ высадился въ Англіи. Онъ пришелъ въ посольство по собственной доброй волѣ и, конечно, не былъ ни похищенъ, ни насильно затащенъ, ни заманенъ въ этотъ домъ. Одинокіе китайцы, живущіе въ Лондонѣ, нерѣдко заходятъ въ посольство за случайными справками или просто поболтать съ землякомъ; это совершенно обычное дѣло. Притомъ же, есть основаніе подозрѣвать, что именно этотъ посѣтитель, полагая, что его никто не знаетъ, явился сюда съ цѣлью шпіонить за нами и добыть кое-какія свѣдѣнія. Никто не зналъ его въ лицо. Зайдя сюда въ первый разъ, онъ вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ принадлежащихъ къ посольству служащихъ, а затѣмъ былъ познакомленъ и со мною. Мы поговорили, и когда онъ ушелъ, нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній заставили меня заподозрить въ немъ то самое лицо, за которымъ мы наблюдали. Подозрѣнія мои подтвердились, и, потому, когда на слѣдующій день онъ снова посѣтилъ насъ, онъ былъ задержанъ; онъ и сейчасъ находится подъ арестомъ, въ ожиданіи инструкцій отъ китайскаго правительства.

«Говоря о международной сторонѣ дѣла, сэръ Голлидэй сказалъ:—Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, не британскій, а китайскій подданный. Мы утверждаемъ, что для извѣстныхъ цѣлей посольство есть китайская территорія, гдѣ юрисдикція принадлежитъ китайскому министру и никому больше. Мы утверждаемъ, что, если сюда добровольно явится китаецъ, противъ котораго существуютъ обвиненія или подозрѣнія, и мы его задержимъ,—никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ это. Иначе стояло бы дѣло, еслибы онъ былъ внѣ зданія *посольства*, такъ какъ тогда онъ былъ бы на британской территоріи, и мы не могли бы арестовать его безъ формальнаго предписанія британскихъ властей (warrant).

«Отвѣчая на дальнѣйшіе вопросы, сэръ Голлидэй замѣтилъ, что съ лицомъ, о которомъ идетъ рѣчь, обращались все время, не какъ съ арестантомъ, и что всевозможныя старанія были приложены, чтобы доставить ему удобства. Сэръ Голлидэй смѣялся надъ выраженнымъ въ печати мнѣніемъ, что задержанный можетъ быть подвергнутъ пыткѣ или давленію на его

волю. Онъ прибавилъ, что въ посольствѣ полученъ былъ по этому дѣлу запросъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которымъ посольство немедленно займется.

«Центральное агентство (Central News) сообщаетъ: «возвратившись изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сэръ Голлидэй Макартнэй отправился къ посланнику Кунгъ - Та - иену и сообщилъ ему, что лордъ Сольсбери настаиваетъ на освобожденіи Сенъ-Ятъ-Сэна».

Не мнѣ разбирать поведеніе сэра Голлидэй Макартнэй; я предоставляю это общественному мнѣнію и его собственной совѣсти. Я не сомнѣваюсь, что у него были свои основанія поступать извѣстнымъ образомъ, но едва ли эти основанія соотвѣтствуютъ тѣмъ, какія долженъ бы имѣть человѣкъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, не говоря уже о занимаемомъ имъ отвѣтственномъ положеніи. Мнѣ кажется, Тангъ вполнѣ вѣрно опредѣлилъ послѣднее, говоря мнѣ, что «посланникъ не болѣе, какъ мебель; все въ рукахъ Макартнэй».

Газеты напечатали, между прочимъ, различные отчеты о предположенномъ освобожденіи меня изъ заключенія. Вотъ образчикъ:

«*Предположенное освобожденіе*».

«Въ связи съ арестомъ Сенъ-Ятъ-Сэна обнаружилось, что друзья его сдѣлали всѣ приготовленія для его освобожденія. Планъ былъ очень смѣлый. Еслибы не окончательныя увѣренія министерства иностранныхъ дѣлъ и Скотландъ-Ярда, убѣдившія ихъ, что заключенному не грозитъ ни малѣйшая опасность, то онъ былъ бы освобожденъ черезъ окно его кельи, которое должно было быть взломано, а затѣмъ онъ спустился бы съ крыши дома № 51 (въ Портландъ-Плэсъ), резиденціи виконта Пауэрскорта. Друзьямъ Сенъ-Ятъ-Сэна удалось сообщить ему о планѣ, и хотя послѣдующія свѣдѣнія убѣдили ихъ въ томъ, что заключеннаго держатъ въ ручныхъ кандалахъ, тѣмъ не менѣе, друзья его не сомнѣвались въ осуществимости плана, такъ какъ имъ обѣщана была помощь извнутри, чтобы открыть окно. Планъ настолько былъ близокъ къ осуществленію, что былъ уже наготовѣ кэбъ, чтобы увезти Сенъ-Ятъ-Сэна къ одному другу. Друзья арестованнаго утверждаютъ, что Лонгъ, переводчикъ посольства, былъ въ числѣ тѣхъ китайцевъ, которые заманили Сена въ посольство, хотя затѣмъ Лонгъ неизмѣнно увѣрялъ самымъ положительнымъ образомъ, что никогда подобный человѣкъ не бывалъ въ стѣнахъ посольства. Друзья Сена говорятъ, что онъ былъ одѣтъ въ европейское платье и онъ настолько нетипичный сынъ востока, что, въ европейскомъ платьѣ, неизмѣнно былъ принимаемъ за англичанина. Увѣряютъ, что онъ безгранично добродушный и милый человѣкъ. Въ Гонъ-Конгѣ, и другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ прак-

тиковалъ медицину, онъ пріобрѣлъ репутацію искуснаго врача, очень добраго къ бѣдному люду. Онъ всегда осуждалъ жестокое и притѣснительное управленіе кантонскаго вице-короля, и полагаютъ, что онъ въ значительной мѣрѣ былъ орудіемъ въ рукахъ кантонскихъ заговорщиковъ. Увѣряютъ, что онъ много путешествовалъ по провинціи Кантонъ для цѣлей своего сообщества, самый же заговоръ считаютъ самымъ опаснымъ и наиболѣе широко раскинувшимся за время царствованія настоящаго императора».

Вотъ дѣйствительные факты, касающіеся плана побѣга. Девятнадцаго октября 1896 г. Коль послалъ мистеру Кантли слѣдующее письмо: «Нынче ночью у меня будетъ хорошій случай выпустить мистера Сэна на крышу сосѣдняго дома въ Портландъ-Плэсъ. Если вы одобряете этотъ планъ, то попросите у жильцовъ разрѣшенія помѣстить тамъ кого нибудь, кто бы принялъ мистера Сэна. Если вы рѣшите, что я долженъ это сдѣлать, то найдите сами возможность извѣстить меня о томъ». Съ этимъ письмомъ мистеръ Кантли отправился въ Скотландъ Ярдъ и потребовалъ, чтобы полицейскій былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ нимъ на крышѣ. Но начальство Скотландъ Ярда разубѣдило его въ надобности такого шага: онъ имъ казался «несообразнымъ съ достоинствомъ» участниковъ дѣла, и они были тверде убѣждены, что черезъ день или два я спокойно оставлю посольство черезъ парадную дверь.

ГЛАВА VIII.

Свобода.

Двадцать второго октября Коль обратилъ мое вниманіе на угольный ящикъ, и когда онъ вышелъ, я нашелъ за ящикомъ газетную вырѣзку (изъ «Globe'»а, какъ оказалось). Въ ней, подъ заголовкомъ: «*Поразительное происшествіе! Заговорщикъ тайно схваченъ въ Лондонѣ! Заключенъ въ китайскомъ посольствѣ!*» — разсказана была исторія моего ареста, а затѣмъ слѣдовалъ длинный и подробный отчетъ о моемъ положеніи. Итакъ, пресса, наконецъ, заговорила! Я почувствовалъ, что главная опасность миновала. Словно я уже былъ осужденъ на смерть, и вдругъ казнь была отложена. Сердце мое было переполнено благодарностью.

Пришла пятница, 23 октября. Разсвѣло, потянулся день, а я все еще былъ подъ замкомъ. Но вотъ, въ половинѣ пятаго пополудни, въ мою келью явились мои англійскіе и китайскіе караульные и сказали: — «Макартнэй желаетъ васъ видѣть внизу». Меня пригласили надѣть сапоги, шляпу и пальто. Я

надѣлъ, не зная, куда отправляюсь. Я сошелъ внизъ и, такъ какъ меня вели въ самый нижній этажъ, я подумалъ, что меня хотятъ спрятать въ подвалѣ, пока въ домѣ будетъ происходить обыскъ по распоряженію британскаго правительства. Никто мнѣ ничего не говорилъ объ освобожденіи, и я воображалъ, что иду въ новое мѣсто заключенія или наказанія. Мысль, что я буду освобожденъ, казалась слишкомъ восхитительною, чтобы быть вѣрной. Вслѣдъ затѣмъ появился, однако, на сцену мистеръ Кантли съ двумя спутниками, изъ которыхъ одинъ оказался полицейскимъ инспекторомъ Джарвизомъ изъ Скотландъ Ярда, а другой—старикъ—былъ командированъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Тогда сэръ Макартнэй передалъ мнѣ, въ присутствіи этихъ джентльмэновъ, мои вещи и обратился къ чиновникамъ съ такими словами:—«Я передаю этого человѣка вамъ; я дѣлаю это на томъ условіи, что ни прерогативы, ни дипломатическія права посольства не должны отъ того потерпѣть»,—или что-то въ этомъ родѣ. Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы запомнить его рѣчь дословно; но и тогда, какъ и теперь, она казалась мнѣ ребяческою и лишенною смысла.

Все это происходило въ проходѣ самаго нижняго этажа, и, наконецъ, мнѣ было сказано, что я свободенъ. Затѣмъ сэръ Голлидэй пожалъ всѣмъ намъ руки—Іудино пожатіе заднимъ числомъ,—и мы были выпущены черезъ заднюю дверь во дворъ, а затѣмъ, чрезъ задній же выходъ посольства, въ Веймозсъ-Стритъ.

Едва ли кто обратилъ вниманіе на то, что насъ выпустили черезъ *заднюю* дверь. Фактъ освобожденія сосредоточивалъ на себѣ всепоглощающее вниманіе участвовавшей въ дѣлѣ небольшой группы англичанъ; для нихъ это была мѣра первѣйшей важности. Не то съ моими хитроумными соотечественниками, а въ особенности—сэромъ Макартнэй, этимъ воплощеніемъ восточнаго ретроградства.

То обстоятельство, что представители британскаго правительства были удалены чрезъ черный ходъ, словно падаль, не мало послужитъ къ поднятію посла и его сотрудниковъ во мнѣніи высшихъ круговъ Китая. Ибо при этомъ имѣлось въ виду выразить пренебреженіе, унизить, и выполнено все это было такъ, что только человѣкъ, вполнѣ знающій китайскую манеру обращенія съ иностранцами, можетъ вполнѣ оцѣнить внутреннее значеніе факта. Предлогомъ послужило, конечно, то, что передняя комната была полна репортерами, что снаружи зданія собралась значительная толпа народа, что министерство иностранныхъ дѣлъ очень желало окончить весь инцидентъ тихонько, безъ всякихъ демонстрацій. Таковы, нѣтъ сомнѣнія, были доводы, готовые къ употребленію, которыми полны

были головы этихъ манчжурскихъ плутовъ и ихъ надсмотрщика Макартнэй. Согласно англійскому взгляду на вещи, фактъ моего освобожденія былъ единственнымъ, на который стоило обратить вниманіе; но для китайцевъ формы, въ которыя оно было облечено, совершенно уничтожили побѣду англійской дипломатіи въ этомъ дѣлѣ. Обѣ стороны, такимъ образомъ, имѣли каждая свое торжество и, несомнѣнно, обѣ остались одинаково довольны.

Небольшая группа людей, отправившаяся въ китайское посольство требовать моего освобожденія, не имѣла въ себѣ ничего импозантнаго. Только въ глубинѣ кармана одного изъ этихъ лицъ — почтеннаго представителя министерства иностранныхъ дѣлъ — лежала небольшая записка, имѣвшая, повидимому, большой вѣсъ. Надо полагать, она была не многословна и шла прямо къ дѣлу, ибо сэру Макартнэй достаточно было нѣсколькихъ секундъ, чтобы вполнѣ оцѣнить ея содержаніе. Какъ ни было кратко это посланіе, оно принесло мнѣ безцѣнную вѣсть о свободѣ, избавленіе отъ смерти и кое отъ чего, еще болѣе ужаснаго—отъ тѣхъ изысканныхъ пытокъ, которымъ подвергаютъ въ Китаѣ политическихъ арестованныхъ, чтобы вынудить у нихъ имена сообщниковъ.

Въ Веймозсъ-Стритъ собралась порядочная толпа, и вездѣсущій репортеръ постарался втянуть меня тутъ же, не откладывая ни минуты, въ длинную исповѣдь. Но меня быстро посадили въ четырехколесную извощичью карету и, въ обществѣ мистера Кантли, инспектора Джарвиза и чиновника дипломатическаго вѣдомства, повезли въ Скотландъ-Ярдъ. На пути туда инспекторъ Джарвизъ прочелъ мнѣ длинную нотацію о моихъ прошлыхъ ошибкахъ, пожуривъ меня, какъ журятъ школьниковъ, и далъ мнѣ добрый совѣтъ — впредь не имѣть ничего общаго съ революціями. Вмѣсто того, однако, чтобы остановиться у Скотландъ-Ярда, кэбъ доѣхалъ до входа ресторана, что въ Уайтголлѣ, и мы вышли изъ экипажа: Въ ту же минуту я былъ окруженъ репортерами. Откуда они взялись— рѣшительно не могу сказать. Мы оставили ихъ въ Портландъ Плэсъ, за цѣлую милю—и вотъ они опять тутъ, едва мы стали на мостовую. Одинъ, я знаю, безъ нашего вѣдома взобрался на козлы нашего кэба и помѣстился рядомъ съ кучеромъ. Это онъ остановилъ извозчика у ресторана, хорошо зная, что, разъ я попаду въ предѣлы Скотландъ-Ярда, пресса долго не доберется до меня. Откуда выскочили остальные (ихъ была цѣлая дюжина)—рѣшительно не могу сказать, если только не предположить, что они сидѣли на крышѣ моего кэба. Прямо съ мостовой меня подхватили и потащили въ задніе апартаменты гостинницы съ несравненно большей энергіей, чѣмъ сколько ея было истрачено, когда меня вели въ китайское посольство.

Здѣсь меня окружила толпа, столь же нетерпѣливо жаждавшая сообщеній, какъ мои соотечественники жаждали моей головы. Карандаши забѣгали, выдѣлывая на бумагѣ іероглифы, которыхъ я никогда до того не видалъ; до этого момента я и не подозрѣвалъ, что англійская рѣчь можетъ быть положена на бумагу въ видѣ клинообразныхъ надписей. Впослѣдствіи я узналъ, что это была стенографія.

Я говорилъ, пока хватило голоса. Наконецъ, мистеръ Кантли воскликнулъ:—Пора, господа!—Я былъ силой освобожденъ изъ ихъ среды, и мы отправились въ Скотландъ-Ярдъ. Тамъ на меня, очевидно, смотрѣли, какъ на младенца, которымъ разрѣшилось отъ бремени само учрежденіе; одна физіономія честнаго Джарвиза представляла цѣлую картину. Такъ ли, сякъ ли, но вся трудная работа была кончена, и теперь я могъ сдѣлать свою исповѣдь на полной свободѣ. Я пробылъ тамъ съ часъ, дѣлая подробныя показанія о моемъ задержаніи и заключеніи. Показанія были записаны и затѣмъ прочитаны мнѣ, послѣ чего я подписалъ ихъ. Простившись, я наконецъ отправился съ мистеромъ Кантли къ нему, гдѣ ожидалъ меня самый радушный пріемъ. За прекраснымъ, слѣдовавшимъ затѣмъ обѣдомъ, былъ провозглашенъ съ энтузіазмомъ тостъ за здоровье моей «головы».

Весь вечеръ являлись репортеры для интервью, и было уже довольно поздно, когда, наконецъ, я могъ лечь въ постель. О, этотъ сонъ первой свободной ночи! Никогда я его не забуду. Девять часовъ подрядъ я спалъ и проснулся лишь отъ возни ребятъ надъ моей головой. Ихъ громкіе, пронзительные голоса обличали необычайное возбужденіе, и, прислушавшись, я разобралъ причину.—Слушай, Колинъ, ты будешь Сенъ-Ятъ-Сэнъ, а Ниль будетъ сэръ Голлидэй Макартнэй, а я буду выручать Сена.—Затѣмъ послѣдовала топотня и шумъ; сэръ Голлидэй полетѣлъ въ дальній уголъ комнаты, и раздавшійся грохотъ заставилъ меня опасаться, что, чего добраго, отъ моего маленькаго друга Ниля и слѣдовъ не осталось. Сэнъ былъ торжественно выведенъ изъ узъ Кизсомъ, старшимъ изъ мальчиковъ, и затѣмъ объявлена всеобщая амнистія при звукахъ барабаннаго боя, пронзительной свистѣлки и пѣсни «Британскій Гренадеръ». Не было сомнѣнія, я былъ дома и въ полной безопасности; такъ какъ, очевидно, мои юные друзья готовы были пролить за меня послѣднюю каплю крови.

Весь слѣдующій день (суббота, 24 октября) прошелъ въ распросахъ интервьюэровъ. Неизбѣжный вопросъ, задававшійся и мнѣ и мистеру Кантли, былъ: «Какъ вы дали знать о себѣ своимъ друзьямъ, докторамъ?» Но въ этомъ пунктѣ мы чувствовали себя связанными, такъ какъ, отвѣтивъ на него, мы бы выдали людей, сдѣлавшихъ для меня такъ много, и они бы потеряли свои мѣста въ посольствѣ. Но, когда Коль рѣшилъ

оставить свое мѣсто, чтобы снять съ другихъ подозрѣніе въ помощи мнѣ, то не было болѣе смысла скрывать, кто вывелъ фактъ наружу. Скажутъ—я подкупилъ его; но это невѣрно. Взявъ деньги, онъ не понялъ, что онѣ предназначались для него; онъ понялъ такъ, что я далъ ихъ ему на сохраненіе; онъ сообщилъ мистеру Кантли о двадцати фунтахъ въ тотъ же день, какъ получилъ ихъ отъ меня, и предложилъ, чтобы докторъ, въ свою очередь, взялъ ихъ у него и хранилъ. Когда меня освободили, Коль принесъ мнѣ деньги; но, конечно, наименьшее, что я могъ для него сдѣлать, это убѣдить его оставить ихъ у себя. Отъ всей души сожалѣю, что сумма была не больше; но это были мои послѣднія деньги. Не мало тревогъ пережилъ Коль за это время, но едва ли не самый сильный испугъ испыталъ онъ въ самомъ началѣ. Въ воскресенье послѣ обѣда (18 октября), когда онъ, наконецъ, рѣшилъ помочь мнѣ практическимъ образомъ, онъ положилъ въ карманъ обѣ мои записки и отправился къ мистеру Кантли. Ему отворили дверь и впустили его въ переднюю, но такъ какъ доктора не было дома, то онъ попросилъ доложить о себѣ его женѣ. Пока горничная ходила съ докладомъ, Коль замѣтилъ, что изъ дальняго угла комнаты за нимъ слѣдитъ китаецъ. Онъ заподозрѣнъ, за нимъ шли по пятамъ, или, вѣрнѣе, опередили его: вонъ изъ закоулка серьезно глядѣлъ на него китаецъ въ косѣ, все, какъ слѣдуетъ. Когда миссисъ Кантли спустилась внизъ, она увидала перепуганнаго, блѣднаго, дрожащаго человѣка, который едва могъ говорить отъ страху. Причиною перепуга Коля былъ превосходно сдѣланный манекенъ китайца, одѣтый въ настоящее платье, который мистеръ Кантли привезъ съ собою изъ Гонъ-Конга въ числѣ другихъ рѣдкостей. Манекенъ этотъ пугалъ людей и съ менѣе встревоженной совѣстью, чѣмъ у Коля, котораго напряженные нервы придали куклѣ ужасный реализмъ. Миссисъ Кантли успокоила бѣднаго Коля и послала его къ доктору Мансону.

Здѣсь личная часть моей исторіи можетъ считаться почти оконченною. Мнѣ остается сказать, что со времени освобожденія я пріобрѣлъ не мало друзей, получилъ нѣсколько приглашеній изъ разныхъ мѣстъ Англіи, и что эти поѣздки въ провинцію были изъ самыхъ пріятныхъ. Для меня устраивались обѣды и праздники... Такъ что, въ концѣ концовъ, я рискую быть совершенно избалованъ моими доброжелателями въ Лондонѣ и внѣ его.

Политическая сторона этого необыкновеннаго эпизода можетъ быть всего лучше закончена цитатой изъ отчетовъ о дебатахъ въ палатѣ общинъ отъ 15 февраля (н. ст.) 1897 г.

Въ это засѣданіе сэръ Е. Гурлей (E. Gourley), членъ парламента отъ Сендерланда, спросилъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, не будетъ ли онъ такъ добръ сообщить палатѣ, когда дошелъ до него впервые слухъ о похищеніи Сенъ-Ятъ-Сэна, и какія мѣры принялъ онъ для освобожденія послѣдняго? Также—противорѣчилъ ли арестъ Сенъ-Ятъ-Сэна и заключеніе въ китайскомъ посольствѣ международному праву, и, если противорѣчилъ, какія представленія сдѣланы китайскому правительству? Наконецъ, долженъ ли сэръ Голлидэй Макартнэй, какъ британскій подданный, считаться отвѣтственнымъ за этотъ арестъ и лишеніе свободы?

На это мистеръ Керзонъ (товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ) сказалъ:

— Въ отвѣтъ на первую часть запроса я долженъ заявить, что первое извѣстіе объ этомъ предметѣ было получено въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ воскресенье, 18-го октября. Тотчасъ же приняты были мѣры, чтобы провѣрить факты, и, какъ только получено было достовѣрное свидѣтельство, лордъ Сольсбери отправилъ китайскому посланнику ноту, въ которой указывалъ, что задержаніе Сенъ-Ятъ-Сэна было злоупотребленіемъ дипломатическими привилегіями, какими пользуется китайское посольство, и требовалъ немедленнаго освобожденія заключеннаго. Требованіе это было удовлетворено 23 октября. Что касается второй части запроса, то, безъ сомнѣнія, задержаніе Сенъ-Ятъ-Сэна не можетъ быть оправдано международнымъ правомъ и разсматривается, какъ серьезное злоупотребленіе привилегіями и изъятіями, какими пользуются представители иностранныхъ державъ; объ этомъ китайское правительство было поставлено въ извѣстность чрезъ посредство посланника ея величества въ Пекинѣ, и ему было предъявлено требованіе: дать строжайшія инструкціи китайскому посланнику въ Лондонѣ, чтобы онъ впредь воздержался отъ всякихъ подобныхъ дѣйствій. Относительно третьей части запроса, мѣры противъ Сенъ-Ятъ-Сэна были предприняты китайскимъ посланникомъ, и онъ долженъ считаться отвѣтственнымъ за нихъ».

Прилагаю нѣкоторыя изъ многочисленныхъ статей, вызванныхъ въ печати моимъ арестомъ. Первая изъ нихъ—письмо профессора Голланда въ «*Таймсъ*». Оно озаглавлено:

«*Дѣло Сенъ-Ятъ-Сэна*».

«М. Г. Два вопроса подняты задержаніемъ Сенъ-Ятъ-Сэна. Во первыхъ, былъ ли актъ задержанія его китайскимъ посломъ незаконенъ? и во вторыхъ,—если онъ былъ незаконенъ, то ка-

кія мѣры могли бы быть законно приняты для его освобожденія, еслибы въ таковомъ было отказано?

«Отвѣта на первый вопросъ искать не далеко. Въ наше время мало слышно о томъ, чтобы послы считали въ числѣ своихъ прерогативъ право домашней юрисдикціи даже надъ чинами своей свиты, хотя въ 1603 году Сюлли, будучи французскимъ посломъ, приговорилъ одного изъ своихъ *attachés* къ смерти и передалъ его лорду-мэру для казни. Я могу припомнить всего одинъ случай, представляющій попытку посланника употребить принужденіе въ отношеніи лица, посторонняго его миссіи. Въ 1642 г. Леитао, португальскій полномочный министръ въ Гагѣ, задержалъ въ своемъ домѣ лошадинаго барышника, обманувшаго его. Результатомъ были уличные безпорядки, во время которыхъ зданіе посольства было разграблено, и Викфоръ (Wicquefort) по этому поводу говоритъ, что Леитао, читавшій публичныя лекціи по международному праву, долженъ-бы знать, «*qu'il ne lui estoit pas permis de faire une prison de sa maison*» *). Пока Сенъ-Ятъ-Сэнъ былъ на британской почвѣ, какъ *subditus temporarius*, онъ былъ подъ покровительствомъ нашихъ законовъ, и его заключеніе въ китайскомъ посольствѣ было серьезнымъ нарушеніемъ правъ британской короны.

«Второй вопросъ, хотя и сложнѣе, но все же не представляетъ серьезныхъ трудностей. Отказъ со стороны китайскаго посланника освободить арестованнаго былъ бы достаточнымъ основаніемъ, чтобы предложить ему оставить страну. Еслибы такая процедура оказалась слишкомъ медленною въ виду не терпящихъ отлагательства обстоятельствъ дѣла, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что обстоятельства эти оправдывали бы посѣщеніе зданія посольства лондонской полиціей. Обыкновенно говорятъ, что резиденція посла «внѣ территоріи»; но это слишкомъ сжатое выраженіе значитъ только, что резиденція эта для нѣкоторыхъ цѣлей недоступна обыкновенной юрисдикціи той страны, гдѣ она находится. Эти изъятія, однако, точно опредѣлены обычаемъ, и новыя изъятія не могутъ быть выведены изъ простой метафоры. Дѣло Гилленбурга въ 1717 г. показало, что, если посланникъ подозрѣвается въ заговорѣ противъ страны, въ которой онъ акредитованъ, то онъ можетъ быть арестованъ, а бумаги его пересмотрѣны. Случай съ кучеромъ Галлатэна (Gallatin) въ 1827 г. установилъ тотъ фактъ, что, послѣ вѣжливаго предувѣдомленія, полиція можетъ войти въ посольство и взять подъ стражу одного изъ его служителей, совершившаго преступленіе въ иномъ мѣстѣ. Всѣ также согласны въ томъ, что въ настоящее время зданіе посольства

*) Т. е. что «онъ не имѣлъ права обращать свой домъ въ тюрьму». *Пер.*

нигдѣ уже, кромѣ, развѣ, Испаніи и южно-американскихъ республикъ—не служитъ убѣжищемъ даже для политическихъ преступниковъ. Тѣмъ менѣе можно сомнѣваться въ томъ, что незаконному заключенію какого-либо лица въ резиденціи посла можетъ быть положенъ конецъ необходимыми мѣрами полиціи.

«Нѣтъ надобности задаваться вопросомъ объ отвѣтственности, какую взяли на себя китайскія власти, если дѣйствительно, какъ утверждаетъ Сенъ-Ятъ-Сэнъ, онъ былъ схваченъ на улицѣ,—или какой они подвергли бы себя, еслибы они насильственно перевезли его на судно съ цѣлью отправить въ Китай. Дѣйствія подобнаго рода не имѣютъ защитниковъ. Но и тѣ факты, которые никѣмъ не отрицаются, достаточно серьезны и могутъ быть объяснены лишь излишнимъ усердіемъ второстепенныхъ чиновъ китайскаго посольства. Международное право преподавалось долго и умѣло мистеромъ Мартиномъ въ школѣ Тунгъ-Венъ въ Пекинѣ, и нельзя же предположить, что императорское правительство относится безучастно къ тому, насколько его представители при иностранныхъ дворахъ соблюдаютъ предписанія этой науки».

«Готовый къ услугамъ Вашимъ
Т. Е. Голландъ.

«24 окт. 1896 г. Оксфордъ.»

А вотъ мнѣніе другого юриста:

«*Съ точки зрѣнія закона*».

«Мистеръ Кавендишъ, одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ по вопросу объ экстрадиціи, заявилъ вчера въ Боу-Стритъ одному интервьюэру, что, если только память не измѣняетъ ему, невозможно привести примѣра, параллельнаго случаю Сенъ-Ятъ-Сэна. Дѣло занзибарскаго претендента, безъ сомнѣнія, не представляетъ такой параллели. Онъ искалъ убѣжища въ германскомъ консульствѣ; онъ отдался подъ покровительство германскаго правительства, которое, слѣдуя процедурѣ, освященной международнымъ правомъ, отказалось выдать его и препроводило его на германскую территорію на материкъ. Дѣло Сенъ-Ятъ-Сэна заключается въ томъ, что лицо, считаемое китайскимъ подданнымъ, явилось въ предѣлы посольства его родной страны и тамъ было арестовано представителями его правительства за преступленіе противъ того же правительства. Мистеръ Кавендишъ выразилъ то мнѣніе, что, если факты были дѣйствительно таковы, какъ это изложено, то единственный возможный образъ дѣйствія въ данномъ случаѣ — путь дипломатическаго представленія со стороны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, но никакъ не посредствомъ примѣненія какого нибудь дѣйствующаго въ Англіи закона».

Нижеслѣдующее письмо принадлежитъ перу мистера Джэмса Г. Вуда и было помѣщено также въ «*Таймсѣ*». Оно обсуждаетъ нѣкоторые изъ вопросовъ, поднятыхъ профессоромъ Голландомъ.

«*Редактору «Таймса»*.

«М. г. Второй изъ поставленныхъ профессоромъ Голландомъ вопросовъ, хотя, по счастію, при данныхъ обстоятельствахъ и не представляетъ практической важности собственно для настоящаго случая, заслуживаетъ, однако, внимательнаго обсужденія. Смѣю думать, что отвѣтъ на него профессора Голланда неудовлетворителенъ.

«Профессоръ говоритъ, что еслибы китайскій посолъ отказался освободить арестованнаго, то «едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что обстоятельства дѣла оправдывали бы посѣщеніе зданія посольства лондонской полиціей». Но почему въ этомъ нельзя сомнѣваться — это не объяснено. Стараться угадать возможный исходъ дѣла, не значитъ разрѣшить вопросъ. Лондонской полиціи вовсе не предоставлено ходить по улицамъ и освобождать лицъ, произвольно заключенныхъ въ томъ или иномъ домѣ, и еслибы она вздумала (по собственной иниціативѣ) войти въ домъ для этой цѣли, сопротивленіе ей силою было бы законно.

«Единственная извѣстная закону процедура, приложимая въ случаѣ незаконнаго лишенія свободы, есть приказъ суда объ арестѣ виновнаго въ нарушеніи акта Habeas Corpus; но въ этомъ-то и лежитъ вся трудность. Можетъ ли подобный приказъ быть направленъ противъ посланника, или кого либо изъ членовъ посольства? Если же можетъ, и такой приказъ былъ бы данъ, но обвиняемымъ вмѣненъ ни во что, могло ли бы затѣмъ послѣдовать законное преслѣдованіе за пренебреженіе къ суду? Смѣю думать, что нѣтъ, и я не знаю прецедента для подобнаго случая.

«Я согласенъ съ тѣмъ, что выраженіе о внѣ-территоріальности резиденціи посланника есть выраженіе, ведущее, по своей метафизичности, къ сложному представленію. Въ сущности, оно невѣрно. Наиболѣе осторожные писатели не употребляютъ его. Не резиденція посланника представляетъ собою часть чужой территоріи въ томъ смыслѣ, какъ это часто говорится о кораблѣ, но самая личность представителя чужой державы считается внѣтерриторіальною, и, вслѣдствіе этого, онъ самъ, его семья и члены его свиты находятся, какъ говорится, внѣ сферы дѣйствія какого бы то ни было гражданскаго процесса (are said to enjoy complete immunity from all civil process). Дѣло не въ томъ, что можетъ или не можетъ быть сдѣлано въ посольскомъ помѣщеніи, а въ томъ, что можно и чего нельзя предпринять относительно личностей. А разъ это такъ,

то процедура, о которой я упомянулъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ нарушеніе взаимнаго уваженія между народами.

«Указывать по этому поводу на случаи, когда полиція, согласно предписанію суда (warrant), входила въ посольство съ цѣлью арестовать лицо, совершившее преступленіе въ иномъ мѣстѣ, и отсюда дѣлать выводъ, что «незаконному заключенію какого либо лица можетъ быть положенъ предѣлъ необходимыми мѣрами полиціи» въ томъ случаѣ, когда арестъ начался и продолжался въ предѣлахъ посольства, — значитъ становиться на нетвердую почву. Случаи эти несходны между собой.

«Готовый къ услугамъ вашимъ

Джемсъ Г. Вудъ.

«Октябрь 27».

Передовая статья «Таймса» отъ 24 октября 1896 г. разбираетъ вопросъ болѣе обстоятельно *).

«Пока европейскій концертъ идетъ, какъ увѣряютъ, твердыми шагами къ установленію гармоніи между составляющими его державами, обычное невозмутимое теченіе дипломатическихъ сношеній было взволновано страннымъ нарушеніемъ въ китайскомъ посольствѣ установленныхъ законовъ и обычаевъ,—нарушеніемъ, которое могло бы имѣть трагическія послѣдствія, но разрѣшилось такъ, что намъ пришлось имѣть дѣло преимущественно съ его смѣшною стороной...

«Еслибы китайцамъ удалось выполнить ихъ предполагаемый планъ и контрабанднымъ образомъ помѣстить Сенъ-Ятъ-Сэна на кораблѣ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ судить и, по всей вѣроятности, казнить его въ Китаѣ, то правительству нашему пришлось бы имѣть дѣло съ такимъ нарушеніемъ добрыхъ международныхъ отношеній (offence against the comity of nations), по поводу котораго надо бы было требовать и добиться наказанія виновныхъ въ немъ.

«Обвиненіе противъ Сенъ-Ятъ-Сэна состоитъ въ томъ, что его званіе медика есть не болѣе, какъ прикрытіе для другихъ цѣлей, и что на самомъ дѣлѣ онъ, Сенъ-Ятъ-Сэнъ,—главный двигатель заговора, раскрытаго въ 1894 г., цѣлью котораго было низверженіе нынѣ царствующей династіи. Первымъ шагомъ заговорщиковъ долженъ былъ быть захватъ кантонскаго вице-короля во время осмотра имъ арсенала. Но заговоръ этотъ, какъ и большинство заговоровъ, сталъ извѣстенъ прежде времени, или былъ выданъ; пятнадцать человѣкъ изъ числа стоявшихъ во главѣ его лицъ были арестованы и обезглавлены. Сенъ-Вэнъ спасся бѣгствомъ и, черезъ Гонолулу и

*) Какъ въ этой статьѣ, такъ и въ возраженіи на нее сэра Макартнэй изложеніе фактической стороны ареста Сенъ-Ятъ-Сэна опущено, какъ повторяющее извѣстные уже читателю факты. *Перев.*

Америку, добрался до Англіи; но все это время за нимъ слѣдили сыщики... Затѣмъ онъ исчезъ, а въ субботу вечеромъ докторъ Кантли получилъ извѣстіе о его положеніи...

«...Насъ не особенно удивляетъ, что китайскій посланникъ, или представляющій его чиновникъ приняли тотъ способъ дѣйствія, который, къ счастью, не удался. Но мы не можемъ скрыть нашего удивленія по тому поводу, что сэръ Голлидэй Макартнэй, *англичанинъ*, могъ принять какое бы то ни было участіе въ дѣлѣ, которое, очевидно, заранѣе осуждено было на неудачу, а еслибы удалось, то привело бы всѣхъ участниковъ его къ гибели. Китайскій посланникъ, говорятъ, освободилъ своего арестанта съ оговоркой, что онъ дѣлаетъ это «безъ ущерба своимъ правамъ» (какъ выражаются юристы), но онъ при этомъ, повидимому, предъявлялъ претензію на такое право, которое не признается никакимъ цивилизованнымъ государствомъ, и оказалось бы совершенно невыносимымъ, еслибы имъ стали пользоваться. Вѣдь это было бы нѣчто подобное, какъ еслибы турецкій посланникъ заманилъ къ себѣ кое-кого изъ вождей армянской колоніи въ Лондонѣ съ цѣлью отправить ихъ связанными и съ заткнутымъ ртомъ въ подарокъ его величеству султану, или бы лордъ Дефферинъ *) такимъ же образомъ приватно арестовалъ Тайнана **) и послалъ его на судъ въ Олдъ-Бэлэй. Всѣми признается, что домъ иностранной миссіи считается частью территоріи того государства, которое послало миссію, и что не только самъ посланникъ, но и признанные члены его свиты не подлежатъ дѣйствію законовъ той страны, въ которой посланникъ акредитованъ; но это едва ли даетъ посланнику власть арестовывать людей и подвергать ихъ заключенію, и даже привилегія посольства служить мѣстомъ убѣжища для лицъ ему постороннихъ строго ограничена тѣмъ пространствомъ земли, на которомъ оно стоитъ. Еслибы даже китайскому посланнику нельзя было помѣшать держать Сена въ заключеніи, послѣдній былъ бы освобожденъ полиціей, какъ только его вывели бы за порогъ съ цѣлью отправить дальше. Это очень счастливое обстоятельство, что Сенъ не заболѣлъ во время заключенія. Ибо, умри онъ подъ арестомъ,—очень трудно сказать, къ чему бы это привело. Добыть надлежащія доказательства дѣйствительной причины смерти было бы крайне трудно; но даже и при наличности доказательствъ личности посланника и его

*) Англійскій посланникъ въ Парижѣ въ то время.

**) Тайнанъ — ирландецъ, явившійся изъ Америки во Францію, по увѣренію англійской сыскной полиціи, въ качествѣ заговорщика на жизнь королевы Викторіи и другихъ царственныхъ особъ. Онъ былъ арестованъ. Но весь «заговоръ» оказался дутымъ, изобрѣтеннымъ вѣроятно такъ называемой «международной полиціей», и Тайнанъ былъ освобожденъ. Самая личность Тайнана является двусмысленною.

слугъ оставались бы священными. По всей вѣроятности, единственный открытый образъ дѣйствій заключался бы въ требованіи отозванія посланника, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ судимъ въ своей собственной странѣ. Требованіе это, надо полагать, было бы охотно исполнено; но едва ли можно сомнѣваться, что въ результатѣ получилось бы, по англійскимъ понятіямъ, неправильное примѣненіе правосудія. Намъ кажется, что Великобританія можетъ съ такимъ же правомъ, какъ и освобожденный заключенный, поздравить себя съ тѣмъ оборотомъ, какой приняло все это дѣло, и мы не сомнѣваемся, что министерство иностранныхъ дѣлъ найдетъ пути и средства дать понять правителямъ Небесной Имперіи, что они зашли черезчуръ далеко, и что имъ слѣдуетъ въ будущемъ воздержаться отъ подобныхъ вещей.»

Эта статья вызвала слѣдующее возраженіе со стороны сэра Голлидэй Макартнэй.

«*Г. редактору газеты* «The Times».

«Сэръ!

«Въ сегодняшней вашей передовой статьѣ, разбирающей приписываемое китайскому посольству похищеніе нѣкоего субъекта, китайскаго подданнаго, называющаго себя, въ числѣ многихъ другихъ именъ, Сенъ-Ятъ-Сэномъ, вы дѣлаете нѣсколько замѣчаній относительно меня, на которыя я не могу смотрѣть иначе, какъ на исключеніе изъ того безпристрастія, которое, вообще говоря, составляетъ отличительную черту комментарій «Таймса».

«...Выражая удивленіе по поводу моего поведенія, вы тѣмъ самымъ признаете, что показаніе Сенъ-Ятъ-Сэна обо всемъ происшествіи правильно, тогда какъ версія китайскаго посольства невѣрна.

«Я не знаю, почему именно дѣлаете вы это допущеніе, но вы несомнѣнно дѣлаете его, заявляя, что случай подобенъ тому, какъ еслибы турецкій посланникъ заманилъ въ посольство нѣсколькихъ членовъ армянской колоніи въ Лондонѣ съ цѣлью послать ихъ въ подарокъ его величеству султану.

«Повторяю то, что я уже разъ объяснилъ: въ данномъ случаѣ не было никакого заманиванія. Показаніе Сенъ-Ятъ-Сэна (или, употребляя его дѣйствительное имя—Сенъ-Вэна), будто бы онъ взятъ на улицѣ и втолкнутъ въ посольство двумя здоровыми китайцами — совершенно ложно.

«Онъ явился въ посольство неожиданно и по собственному желанію — въ первый разъ въ субботу, 10-го, во второй—въ воскресенье, 11-го.

«Что бы ни думали книжники международнаго права о его задержаніи, они могутъ быть вполнѣ увѣрены въ одномъ: что

никакого похищенія не было, и что онъ попалъ въ посольство безъ употребленія противъ него силы, или обмана

«Остаюсь, сэръ, вашимъ покорнымъ слугою

Голлидэй Макартнэй.

«Октябрь 24».

Фраза сэра Голлидэй Макартнэй о томъ, что я называюсь различными именами, разсчитана, безъ сомнѣнія, на то, чтобы набросить тѣнь на мое доброе имя. Но сэру Голлидэй извѣстно лучше, чѣмъ кому либо, что каждый китаецъ имѣетъ, по праву, по крайней мѣрѣ, четыре имени. Во первыхъ — имя, даваемое ребенку его родителями; во вторыхъ — имя, даваемое ему его учителемъ; въ третьихъ — имя, подъ которымъ молодой человѣкъ желаетъ быть извѣстнымъ, когда онъ является въ обществѣ, и въ четвертыхъ—имя, которое онъ принимаетъ при женитьбѣ. Единственная постоянная часть его имени есть первый слогъ, обозначающій его фамилію, его родовое прозвище, дальнѣйшія части имени видоизмѣняются согласно желанію родителей, учителя и т. д. Разъ коснувшись этого предмета, не лишнимъ будетъ сообщить, что мой обвинитель самъ извѣстенъ китайцамъ подъ нѣсколькими различными именами. Вдобавокъ къ названію Ма-Та-Йенъ, что значитъ: «его превосходительство Макартнэй», онъ извѣстенъ также, какъ Ма-Ка-Ни и Ма-Цингъ-Шанъ. Это, опять-таки, показываетъ,что единственное постоянное имя личности въ Китаѣ есть ея родовое имя.

Заключаю эти приложенія моимъ собственнымъ письмомъ, обращеннымъ къ прессѣ и британскому правительству и напечатаннымъ въ англійскихъ газетахъ:

«Г. Редактору».

«Сэръ!

«Позвольте надѣяться, что вы любезно откроете ваши столбцы для выраженія мною глубокой благодарности британскому правительству за освобожденіе меня изъ китайскаго посольства. Я долженъ также поблагодарить прессу за ея своевременную помощь и сочувствіе. Если нужны еще были какія либо доказательства того духа великодушія, которымъ проникнута Великобританія, и той любви къ справедливости, которыми отличается ея народъ, то, безъ сомнѣнія, факты послѣднихъ дней дали ихъ съ избыткомъ.

«Зная и чувствуя теперь живѣе, чѣмъ когда либо, что значитъ просвѣщенная нація, я тѣмъ дѣятельнѣе отдамся дѣлу прогресса, просвѣщенія и цивилизаціи моей собственной дорогой, но угнетенной родины.

«Съ полнымъ уваженіемъ, Вашъ

Сенъ-Ятъ-Сэнъ.

«46, Devonshire Place, Portland Place, W.

«24 октября».

Назареи въ Венгріи.

Въ русской печати, кажется, не появлялось сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній о «Назареяхъ»; даже самое слово «Назареи» лишь мимоходомъ проскользнуло въ нѣкоторыхъ полемическихъ статьяхъ, вызванныхъ философско-религіозными сочиненіями Л. Н. Толстого. Между тѣмъ, не говоря уже объ интересѣ, который должны возбуждать всякія проявленія въ духовно-нравственной жизни народныхъ массъ, «Назареи» могутъ и потому привлекать вниманіе нашего общества, что эта секта преимущественно распространена между сербами и словаками, населяющими нѣкоторые комитаты Венгріи: оттуда она проникла и въ королевство Сербію, гдѣ въ 80-хъ годахъ и имѣла свой мартирологъ. Но самое главное заключается въ томъ, что ученіе и практика «Назареевъ» чуть не за полвѣка явились до проповѣди Л. Н. Толстого о «непротивленіи злу», ученію, которое многіе изъ его простодушныхъ послѣдователей—считаютъ чѣмъ-то впервые провозглашеннымъ; хотя самъ Л. Н. никогда не подавалъ повода къ такому преувеличенію. Изъ нижеслѣдущаго читатель самъ можетъ усмотрѣть, насколько исторія «Назареевъ» служитъ въ пользу или противъ основного принципа Л. Н.; другими словами, какой она даетъ отвѣтъ на вопросъ, идущій чуть ли не отъ начала міра — достигается ли общественный идеалъ однимъ разомъ, простымъ разрывомъ со всѣмъ жизненнымъ строемъ, или онъ завоевывается вѣковыми усиліями, опирающимися на всѣ силы ума, на всю работу прошлыхъ поколѣній.

Настоящій очеркъ составленъ по статьямъ Арнима Шварца и Генриха Химмеля, появившимся въ нынѣшнемъ году въ извѣстной венгерской газетѣ Pester Lloyd. Лично мнѣ не приходилось сталкиваться съ «Назареями», но въ концѣ очерка приведены нѣкоторыя свѣдѣнія и отзывы о нихъ, собранныя мною въ Новомъ-Садѣ.

Возникновеніе секты «Назаревъ» можно отнести къ началу нашего столѣтія, ко времени окончанія великихъ французскихъ войнъ. Нельзя появленіе религіозной секты, имѣющей въ основѣ своего ученія любовь къ ближнему, безусловный миръ и равенство всѣхъ, соединившихся въ общей любви къ Богу и къ ближнему, прини-

мать за результатъ корыстныхъ или честолюбивыхъ стремленій единичнаго лица; но слѣдуетъ смотрѣть на это явленіе, какъ на послѣдствіе того движенія, которое тогда охватило духовную жизнь всей Европы. Ужасы и жертвы страшной войны, длившейся два десятилѣтія, возбудили въ народѣ глубокое отвращеніе къ войнѣ и заронили въ немъ невыразимую жажду прочнаго мира. Обыкновенная толпа и удовлетворилась простымъ фактомъ прекращенія ненавистной войны; но люди съ болѣе возвышенной душой и благородными стремленіями иначе поставили вопросъ и всѣ свои душевныя силы направили на то, чтобъ навсегда избавить человѣчество отъ страшнаго бича.

Однимъ изъ проявленій этого движенія и были «Назареи».

Истиннымъ основателемъ и ревностнымъ апостоломъ въ Венгріи новаго ученія надо считать Людвига Хенкзея (Hencsei). Онъ родился въ 1820 г. и былъ вторымъ сыномъ деревенскаго кузнеца въ Чентъ-Петрурѣ (комитатъ Zala). Еще мальчикомъ онъ отличался кротостью, чувствительностью и проявлялъ поэтически созерцательную натуру. Такое направленіе мальчика очень не нравилось старику отцу, деревенскому кузнецу прежняго закала. Однажды ночью старикъ былъ разбуженъ какимъ-то продолжительнымъ шопотомъ; когда онъ зажегъ огонь, то увидѣлъ мальчика на колѣняхъ, горячо молившагося и проливавшаго обильныя слезы.

— Чего ты плачешь, —грубо спросилъ отецъ.

— Оттого, что евреи распяли Спасителя,—отвѣчалъ мальчикъ, продолжая заливаться слезами.

— Какое тебѣ до этого дѣло!—прикрикнулъ на него отецъ.

— Ахъ, еслибъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ еще былъ живъ, я попросилъ бы его, чтобъ онъ излѣчилъ мою больную мать, какъ онъ излѣчивалъ многихъ больныхъ.

Противъ этого отецъ ничего не могъ возразить; но онъ въ ту же ночь рѣшилъ отдать мальчика въ ученье къ слесарю, такъ какъ въ кузнецы, по его мнѣнію, онъ не годился. Почему старику ремесло слесаря казалось менѣе грубымъ трудно понять; но дѣло въ томъ, что онъ отдалъ сына въ Кестели въ ученье къ слесарю. Людвигъ Хенкзей работалъ усердно и сдѣлался искуснымъ и честнымъ слесаремъ.

Осенью 1839 г. онъ отправился въ Пештъ искать себѣ заработка и нашелъ себѣ работу въ слесарной мастерской Ивана Печникъ. Въ этой мастерской работало еще двое—Иванъ Денкель и Иванъ Кропачекъ. Знакомство съ этими товарищами рѣшающимъ образомъ повліяло на жизнь Людвига Хенкзея. Ища также заработка Денкель и Кропачекъ разъ пробрались въ Щвейцарію и тамъ познакомились съ Генрихомъ Фрёлихъ, первымъ провозвѣстникомъ новаго ученія. Онъ училъ слѣдующему: чистотѣ нравовъ, отвращенію отъ всего земного, любви къ ближнему, постоянному помышленію о спасеніи души и вознесеніи всѣхъ своихъ помышленій къ

Богу. Изъ книгъ Фрёлихъ признавалъ только библію, а въ ней, главнымъ образомъ, Новый Завѣтъ. Денкель и Кропачекъ вернулись въ Венгрію окончательно принявшими новое ученіе; но они въ весьма малой степени обладали способностью къ пропагандѣ. Ихъ учитель Фрёлихъ былъ человѣкъ высокообразованный, изучившій богословіе. Этихъ преимуществъ за ними не было; одинъ Денкель умѣлъ читать и писать, а потому и могъ нѣсколько ознакомиться съ св. писаніемъ. Въ общемъ его пониманіе новаго ученія было не особенно ясно и устойчиво. Онъ не замедлилъ сообщить это ученіе Людвигу Хенкзею, наивный и благочестивый характеръ котораго представлялъ весьма благопріятную почву для воспріятія. Вечеромъ 20 ноября 1839 г., при закрытыхъ дверяхъ, произошло полнѣйшее объединеніе ихъ душъ, Денкель и Кропачекъ братскимъ попѣлуемъ приняли Хенкзея въ среду вѣрующихъ.

8 мая 1840 г., тоже въ ночное время, они отслужили въ слесарной свое первое богослуженіе; присутствовали Денкель, Кропачекъ Хенкзей и одинъ рабочій Іосифъ Бела, который, впрочемъ, тогда еще не былъ принятъ въ ряды вѣрующихъ. Богослуженіе началось пѣніемъ псалма изъ сборника кальвинистовъ; потомъ прочли молитву, которой обучилъ ихъ Денкель, затѣмъ этотъ послѣдній сказалъ слово на текстъ изъ св. писанія. Хенкзей произнесъ символъ вѣры, а Денкель окрестилъ его. Въ заключеніе первые трое пріобщились Св. Тайнъ, состоявшихъ изъ хлѣба и вина. Изъ таинствъ «Назареи» принимаютъ только два—крещеніе (взрослыхъ) и причащеніе. Священническаго или учительскаго сана они не признаютъ; всякій вѣрующій призванъ проповѣдывать слово Божіе и въ собраніяхъ, для чего они не нуждаются въ церквахъ, всякій можетъ прочесть молитву и сказать проповѣдь. У нихъ нѣтъ литургіи въ общепринятомъ смыслѣ, браки заключаются простымъ соглашеніемъ, клятвы они презираютъ. Въ первое время о запрещеніи носить, а тѣмъ паче употреблять оружіе, еще не было рѣчи. Себя они не называли «Назареями»; это названіе было имъ присвоено приверженцами другихъ исповѣданій. По своимъ записямъ они носятъ нѣсколько длинное названіе: «во грѣхахъ покаявшіеся, ведущіе благочестивую жизнь христіане, которые по произнесеніи вѣроисповѣданія приняли святое крещеніе».

Ставъ «назареемъ», Людвигъ Хенкзей принялся ревностно за пропаганду новаго ученія. Онъ скоро разстался съ своими товарищами, покинувъ Пештъ, и направился въ комитатъ Zala, гдѣ въ деревнѣ Немезъ и началъ дѣло обращенія. Въ это же время Л. Хенкзей письменно изложилъ сущность новаго ученія, и новообращенные распространяли его въ копіяхъ.

Въ числѣ новообращенныхъ перваго періода оказался нѣкто Іосифъ Ковачъ, дворянинъ, жившій въ своемъ помѣстьи. Это былъ человѣкъ интеллигентный; его не могъ удовлетворять Л. Хенкзей, а потому онъ вступилъ въ прямыя сношенія съ Генрихомъ Фрё-

лихъ: но такъ какъ Ковачъ не зналъ по нѣмецки, то они переписывались по латынѣ. Все, что мы знаемъ о первоначальныхъ временахъ «Назареевъ», мы знаемъ со словъ Ковача, который оставилъ послѣ себя записки, которыя впослѣдствіи были изданы Карломъ Кётвёзъ.

Послѣ ухода Хенкзея изъ Пешта оставшіеся тамъ его друзья въ тайнѣ, но съ большимъ рвеніемъ, продолжали работу по распространенію ученія. Само собой понятно, что въ началѣ они могли обращаться съ своей проповѣдью лишь къ людямъ рабочаго класса, здѣсь только и достигали они нѣкотораго успѣха. Число приверженцевъ, однако, росло, и «Назареи» теперь начали регулярно совершать свое богослуженіе. Вдова слесаря Анна Ниппъ, принявъ новое ученіе, предоставила свой домъ для собранія единовѣрцевъ. Между новообращенными постепенно стали появляться люди всѣхъ сословій; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала у «Назареевъ» и ревность къ дѣлу обращенія и скоро многіе изъ нихъ разсѣялись по всѣмъ направленіямъ, проповѣдуя народу новое ученіе. Этимъ объясняется, что къ концу сороковыхъ и началу пятидесятыхъ годовъ почти по всей Венгріи и даже Трансильваніи появились «Назареи»,

Вотъ, въ какой живой сценѣ Антонъ Уйяльки рисуетъ этихъ апостоловъ назареевъ.

«Высоко стоящее солнце льетъ свои горячіе лучи на безконечную равнину. На краю луга стоитъ косарь, опершись на свою косу. Онъ только что кончилъ свою полосу и хочетъ немного отдохнуть. Онъ снялъ широкополую шляпу и рукавомъ изъ толстаго домашняго холста проводитъ по лицу, чтобъ отереть потъ; потомъ оглядываетъ взоромъ обширную равнину. Передъ нимъ тянутся ряды однообразныхъ полосъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, кормовыми травами и корнеплодными растеніями. Изъ всего этого ему лично ничего не принадлежитъ; онъ только бѣдный поденщикъ, который долженъ скосить эту луговину; да притомъ, и поденная плата очень невелика. Прежде житье всетаки было лучше; на Тиссѣ и другихъ рѣкахъ строили громадныя плотины, и много лѣтъ тысячи людей находили себѣ тамъ хорошій заработокъ. Теперь все кончено, и бѣдный рабочій долженъ искать себѣ заработка только въ полевыхъ работахъ, Но, хотя у него ничего нѣтъ, кромѣ косы и пары сильныхъ рукъ, все же онъ молитъ небо ниспослать благословеніе на посѣвы, потому что, если ничего не выраститъ, у бѣдняка не будетъ работы, и наступитъ тяжелая нужда. На краю горизонта виднѣется нѣсколько колоколенъ, тамъ — городъ.

Загрубѣлое лицо косаря омрачается, о городѣ онъ и слышать не хочетъ, ничего хорошаго оттуда не ждетъ. Когда на одинокомъ хуторѣ появляется городской чиновникъ нужно ожидать чего нибудь недобраго. «Если вы до такого-то срока не уплатите податей, то...», «послѣзавтра вашъ сынъ долженъ явиться въ пріемную коммиссію», «у такого-то украденъ поросенокъ, на васъ падаетъ подо-

зрѣніе, извольте явиться въ судъ». Или же: «въ воскресенье будетъ избираться новый депутатъ, приходите въ городъ съ флагами, музыкой и всѣми способами выражайте свою радость; человѣкъ, за котораго будутъ подаваться голоса, очень умный господинъ, онъ умѣетъ говорить хорошія рѣчи».

Всѣ соблазны находятся въ городѣ, а за его чертой ничего, кромѣ труда и бѣдности. Когда почувствуется въ домѣ недостатокъ хлѣба, бѣднякъ можетъ послать свою дочь въ городъ въ няньки; тамъ она современемъ сдѣлается горничной, но можетъ дойти и до званія кормилицы... Вотъ мысли, которыя бродятъ въ головѣ бѣдняка косаря. Вдругъ онъ видитъ—подходитъ незнакомецъ. Это пожилой господинъ съ роговыми очками на носу и сумкой черезъ плечо; въ одной рукѣ у него крюковатая палка, въ другой толстая книга; съ нимъ рядомъ бѣжитъ старый сетеръ. Старикъ въ очкахъ привѣтливо кланяется и участливо спрашиваетъ—о чемъ такъ тяжело задумался косарь. Крестьянинъ съ недовѣріемъ смотритъ на пришельца. Чѣмъ можетъ помочь ему этотъ старичекъ? Но постепенно слова сами собой просятся на языкъ, и нашъ косарь кончаетъ тѣмъ, что изливаетъ передъ незнакомцемъ свое горе. Человѣкъ въ очкахъ со вниманіемъ слушаетъ, сетеръ тоже подымаетъ къ верху свою морду. По временамъ пришелецъ угрожающе потрясаетъ своей палкой по направленію къ городу; а когда крестьянинъ кончилъ, онъ начинаетъ говорить учительнымъ тономъ.

— Не глядите туда (т. е. на городъ), но вотъ куда!—и онъ указываетъ на небо. Потомъ онъ вѣшаетъ палку себѣ на руку и открываетъ толстую книгу. Эта книга — старая, захватанная библія.

— Вотъ, гдѣ вы должны искать утѣшенія и помощи; вы должны поступать такъ, какъ здѣсь сказано, и Господь васъ не оставитъ.

И онъ объясняетъ ему дальше:

— Свыше мы получаемъ и свѣтъ, и тьму, свыше мы получаемъ тепло и дождь, которые оплодотворяютъ почву, но и наказаніе идетъ оттуда же. Тамъ живетъ Тотъ, Кто управляетъ всѣмъ свѣтомъ и людьми, а потому человѣкъ долженъ всѣ свои помышленіи сосредоточить на одномъ Отцѣ небесномъ, который съ любовью заботится обо всемъ. Надо только молить Бога, а этому насъ поучаетъ библія. Человѣкъ долженъ уйти въ себя, избѣгать всего суетнаго и грѣховнаго, благоговѣйно сложить руки и молиться!..

А вотъ личныя воспоминанія Арнима Шварца о «Назареяхъ» первой генераціи:

«Въ первый разъ я видѣлъ «Назареевъ» въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Они часто появлялись на ярмаркахъ въ Кестли и съ перваго взгляда ничѣмъ не отличались отъ прочихъ крестьянъ. Они обращали на себя вниманіе только удивительно кроткимъ поведеніемъ, никогда нельзя было увидать «Назарея» пьянымъ, ни услышать отъ него грубое слово, не говоря уже о ругани. Слова въ

наставительномъ тонѣ текли, какъ медовыя рѣки, изъ ихъ устъ. Это были первые послѣдователи новаго ученія въ Венгріи, прямые ученики Хенкзея.

Л. Хенкзей неустанно распространялъ новое ученіе на своей родинѣ, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окрестнымъ деревнямъ насчитывалась масса его послѣдователей. Администрація не трогала Хенкзея; но, конечно, католическое духовенство отнеслось къ нему болѣе чѣмъ недоброжелательно. Деканъ въ Пахонѣ, провѣдавъ о дѣятельности Хенкзея, призвалъ его къ себѣ и отпустилъ только послѣ сильнаго внушенія и страшныхъ угрозъ. Одновременно, по настоянію священника, были конфискованы книги и рукописи у Хенкзея. Видя себя беззащитнымъ противъ преслѣдованій священника, Хенкзей рѣшилъ покинуть свою родину. Уже съ давнихъ поръ онъ питалъ задушевное желаніе войти въ личныя сношенія съ основателемъ новаго ученія Фрёлихомъ. Теперь, когда онъ долженъ былъ разстаться съ родиной, родственниками и вѣрными товарищами, онъ безъ колебаній рѣшилъ идти въ Швейцарію. Въ сентябрѣ 1841 г. вмѣстѣ съ другомъ Іосифомъ Белой покинулъ онъ родину и черезъ Австрію и Баварію пробрался въ Швейцарію. Еще въ томъ же году Хенкзей встрѣтился въ Цюрихѣ съ Фрёлихомъ, и велика была радость этихъ апостоловъ, когда они могли установить, что ихъ ученіе въ своихъ основахъ было вполнѣ тождественно. Хенкзей нашелъ себѣ въ Цюрихѣ работу и съ тѣхъ поръ жилъ вблизи своего учителя и друга и могъ отъ него самого поучаться.

Фрелихъ и его мѣстные товарищи были очень удивлены, когда узнали отъ Хенкзея, что въ Венгріи новое ученіе не преслѣдуется гражданской администраціей; между тѣмъ какъ въ свободной Швейцаріи дѣло было наоборотъ, какъ это видно изъ писемъ Хенкзея къ его венгерскимъ собратьямъ. Ему не довелось больше увидѣть свою родину; больной, изстрадавшійся, онъ умеръ въ 1844 г. въ возрастѣ 24 лѣтъ. Его останки гдѣ-то затерялись на Цюрихскомъ кладбищѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; «Назареи» размножились и распространились по Венгріи, проникли даже въ королевство Сербію. Но все же число «Назареевъ» не такъ велико, какъ это можно бы думать, судя по первоначальному успѣху новаго ученія. Перепись 1890 г. показала около 7000 душъ Назареевъ, и съ тѣхъ поръ едва ли число ихъ превысило 10,000. Арнимъ Шварцъ принимаетъ эту цифру какъ наименьшую. Прибыль слишкомъ большая за какіе нибудь 5—6 лѣтъ и могущая возбудить сомнѣніе въ точности утвержденій А. Шварца. Но вотъ въ чемъ дѣло. Прежде «Назареи» должны были обязательно приписываться къ одному изъ признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій; теперь же имъ разрѣшено объявлять себя не принадлежащими ни къ ка-

кому культу и только платить въ теченіе 5 лѣтъ извѣстные церковные сборы, чтобъ быть потомъ свободными отъ всякихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи. Освобожденіе «Назареевъ» отъ обязательной приписки къ какой нибудь признанной церкви, чуждой ихъ внутреннимъ убѣжденіямъ, несомнѣнно увеличитъ ихъ свободу и можетъ усилить интенсивность ихъ пропаганды. Но пусть даже «Назареевъ» и болѣе 10,000, какъ на томъ настаиваетъ Арнимъ Шварцъ, все же нельзя сказать, чтобъ новое ученіе обнаружило значительную притягательную силу.

Мы замѣтили выше, что при самомъ началѣ появленія «Назареевъ», вопросъ о воинской повинности у нихъ не подымался, и совершенно понятно почему. На первыхъ порахъ ихъ проповѣдь естественно обращалась по большей части къ людямъ уже перешедшимъ тотъ возрастъ, когда призываютъ къ отбыванію военной службы; притомъ тогда и не существовало личной обязательности отбывать повинность, вмѣстѣ съ тѣмъ и самое ученіе во всѣхъ его выводахъ сложилось постепенно; а еще медленнѣе и отрывочнѣе проникали въ общество положительныя свѣдѣнія о «Назареяхъ». Даже и въ настоящее время ознакомленіе съ ученіемъ «Назареевъ» представляетъ не малыя трудности; извѣстно что̀ они отрицаютъ; но такъ какъ у нихъ нѣтъ катехизиса, то, напримѣръ, ихъ ученіе о спасеніи души недостаточно выяснено. «Отъ ихъ старѣйшинъ, говоритъ Генрихъ Химмель, я слышалъ нѣкоторыя объясненія, но далеко неполныя для пониманія этого капитальнаго пункта.

— Мнѣ было странно слышать,—продолжаетъ тотъ же Генрихъ Химмель,—что сами «Назареи» сомнѣваются въ своемъ призваніи обратить *все* человѣчество въ свою вѣру, не смотря на то, что это вѣдь и есть характерная черта всякой убѣжденной секты, что она надѣется доставить всѣмъ людямъ возможность спасенія души.

Одинъ изъ старѣйшинъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

— Мы требуемъ отъ нашихъ братьевъ такъ много, ставимъ ихъ человѣческимъ слабостямъ такія противорѣчащія задачи, что мы не можемъ надѣяться, что когда либо насъ будетъ большое число; но мы уже довольствуемся тѣмъ, что мы, — пусть будетъ насъ и немного, составляемъ дрожжи, которыя затронутъ и очистятъ сердца многихъ, хотя бы и не обратившихся совершенно.

Странное и вмѣстѣ съ тѣмъ интересное смѣшеніе душевнаго высокомѣрія и сознанія своего безсилія.

По всей вѣроятности, «Назареи» никогда не обратили бы на себя особеннаго вниманія общественнаго мнѣнія Венгріи, еслибы по времени не выяснилась для самихъ «Назареевъ» несовмѣстимость ихъ ученія съ отбываніемъ воинской повинности. Опорой имъ служатъ слова Евангелія отъ Матѳея 5 гл. 44 ст., гдѣ сказано; «любите враговъ вашихъ и дѣлайте добро тѣмъ, кто ненавидитъ васъ». Въ началѣ, при введеніи «всеобщей воинской повинности», и притомъ лично обязательной, военное вѣдомство отнес-

лось къ нимъ съ терпимостью; въ 1869 г. распоряженіе отъ 12 августа гласило:

«Лица, подлежащія отбыванію воинской повинности и принадлежащія къ непризнанной закономъ сектѣ «Назареевъ» призываются въ окружныя управленія къ зачисленію въ ряды постояннаго войска и исполненію воинскихъ обязанностей. Въ случаѣ же отказа ихъ отъ принятія оружія, по нравственному ихъ убѣжденію, дозволять имъ отбывать эту повинность въ военныхъ госпиталяхъ, согласно § 67 отдѣла 3 въ инструкціяхъ о примѣненіи военныхъ законовъ». А въ § 67 отдѣла 3 значится:

«Принадлежащіе къ сектѣ Менонитовъ въ Галиціи... освобождаются отъ ношенія оружія съ тѣмъ, что отбываютъ службу при госпиталяхъ... и освобождаются отъ изученія управлять оружіемъ. Тѣми же льготами они пользуются и въ военное время».

Но это гуманное отношеніе къ «Назареямъ» продержалось не долго. Приказомъ 1875 г. 18 іюня было объявлено:

«Дошло до свѣдѣнія военнаго управленія, что принадлежащіе къ постоянно возрастающей сектѣ «Назареевъ» переходятъ въ эту секту, если не въ самый годъ обязательной явки для отбыванія воинской повинности, то не болѣе какъ за годъ или за два, что наводитъ на мысль, что это продѣлывается не столько въ силу внутренняго убѣжденія, сколько для того, чтобы уклониться отъ воинской повинности. Поэтому, чтобы избѣжать разрастанія подъ такимъ предлогомъ секты, государственное военное министерство по соглашенію съ венгерскимъ министерствомъ народной обороны признаетъ приказъ отъ 12 августа 1869 г. не имѣющимъ силы и приказываетъ, чтобы лица, принадлежащія къ сектѣ «Назареевъ», призывались не только къ отбыванію воинской повинности, но и къ ношенію оружія».

Страшное нравственное насиліе съ тѣхъ поръ совершается около 22 лѣтъ, хотя и безъ всякаго результата. Сотни убѣжденныхъ людей погубили свои лучшія силы, а многіе и жизнь въ военныхъ тюрьмахъ. И это насиліе распространяется и на представителей военной администраціи и судей, которые подписываютъ приговоры, въ справедливости которыхъ сами сомнѣваются; а иначе поступать не могутъ, такъ какъ военный судья въ силу присяги обязанъ примѣнять законъ безъ всякаго послабленія, не позволяя себѣ входить въ оцѣнку нравственныхъ мотивовъ.

Къ тому же, въ приказѣ добавлено—«примѣнять законъ во всей его строгости». Вотъ что мы видимъ на практикѣ. Отказывающійся принять оружіе въ руки «за неисполненіе даннаго приказанія» послѣдовательно подвергается всѣмъ наказаніямъ, установленнымъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Затѣмъ онъ предается военному суду, и на первый разъ приговаривается въ тюрьму отъ 18 до 20 мѣсяцевъ. По отбытіи этого наказанія, если онъ продолжаетъ упорствовать, то отдается вторично подъ судъ, который вновь отсылаетъ

его въ тюрьму на срокъ отъ 30 до 40 мѣсяцевъ. Когда, такимъ образомъ, «Назарей» пробудетъ въ тюрьмѣ около 5 лѣтъ, то, совершенно истощенный долгимъ заключеніемъ, онъ признается негоднымъ къ отбыванію воинской повинности, а потому и отпускается на свободу.

Мученичество этихъ людей имѣетъ громадное вліяніе на распространеніе «Назареевъ». — Когда до насъ доходитъ извѣстіе о смерти въ тюрьмѣ одного изъ нашихъ братій, или онъ возвращается къ намъ больной и изнуренный, милость Божія возбуждаетъ чудеснымъ образомъ нашу вѣру и утѣшаетъ насъ многими обращеніями.

Появленіе приказа отмѣнившаго льготы, дарованныя «Назареямъ» въ 1869 г., Генрихъ Химмель объясняетъ печальнымъ недоразумѣніемъ.

Военное начальство основывается на томъ, что совращеніе въ Назарейство обыкновенно происходитъ не задолго до срока, когда надо явиться на призывъ, самое большее года за два; а потому полагаетъ, что переходъ въ назарейство дѣлается единственно для избѣжанія военной повинности. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ прирожденныхъ, такъ сказать, наслѣдственныхъ «Назареевъ». Только по достиженіи полной духовной зрѣлости, послѣ основательнаго наученія и испытанія, а потому не ранѣе 18-лѣтняго возраста желающій можетъ быть принятъ въ общину «Назареевъ», хотя бы новообращенный и былъ сыномъ «Назарея».

И отмѣняя льготу, которой пользовались «Назареи», военное вѣдомство только теряетъ, а ничего не выигрываетъ. «Назареи» отличаются замѣчательнымъ самоотверженіемъ и любовью къ ближнему; это именно такія качества, которыя и требуются для исполненія обязанностей при госпиталяхъ, потому лучшей прислуги, какъ «Назареи», и желать нельзя, особенно въ тяжелые дни войны.

Однако, трудно допустить, что одно простое недоразумѣніе можетъ тянуться болѣе 20 лѣтъ. Слѣдуетъ припомнить, что льготы 1869 года относятся ко времени такъ называемаго «бюргерскаго министерства», когда во внутренней жизни Австріи повѣяло дѣйствительно либеральнымъ духомъ, но это продолжалось недолго. Послѣ событій 1870 г. и обострившейся борьбы національностей, борьбы, на которой сосредоточилось все вниманіе общества, многіе изъ старыхъ административныхъ пріемовъ понемногу вернулись къ жизни; и эта реакція могла сказаться на «Назареяхъ». Иначе какъ понять, что каждый годъ разыгрываются драмы столь тяжелыя, что кажется одной изъ нихъ достаточно, чтобы разъ навсегда положить конецъ простому недоразумѣнію, если таковое въ дѣйствительности существуетъ.

Вотъ «Назарей», только что отбывшій срокъ заключенія въ военной тюрьмѣ. Онъ возвращается въ свой отрядъ; мать, жена и дѣти, такъ давно оплакивавшія его, пришли навѣстить

страдальца. Свиданіе было самое печальное, такъ какъ если онъ опять откажется взять оружіе, то его вновь засадятъ въ тюрьму и еще на большій срокъ. Блѣдный, дрожащій страдалецъ стоялъ въ кругу своихъ близкихъ, которые на колѣняхъ умоляли начальника дозволить ему продолжать службу, исполняя самыя трудныя работы, но только не съ оружіемъ въ рукахъ. Но всѣ просьбы были напрасны, и несчастный «Назарей» долженъ былъ опять вернуться въ тюрьму на долгіе годы. Можно ли утверждать, что лѣнь или трусость (а есть люди, которые упрекаютъ «Назареевъ» въ томъ и другомъ) привели несчастнаго къ такому рѣшенію, раззорившему всю его семью и разбившему ему собственную жизнь?

Или вотъ случай.

Въ Сегединѣ полковникъ М., исчерпавъ въ дисциплинарномъ порядкѣ всѣ средства надъ однимъ «Назареемъ», который отказывался взять оружіе, рѣшилъ испробовать—силой убѣжденія сломить его упорство. Стараясь пробудить въ немъ сыновнія и братскія чувства, обязанности отца и мужа, онъ долго говорилъ ему объ отцѣ и матери, которые изсушатъ глаза по немъ, о женѣ и дѣтяхъ, которыя потеряютъ въ немъ своего кормильца, если онъ попадетъ въ тюрьму. Новобранецъ стоялъ, какъ скала, и даже бровью не повелъ; наконецъ, онъ проговорилъ:

— Добрый господинъ, вы такъ хорошо умѣете говорить, переходите къ намъ и будьте вожакомъ всѣхъ насъ, которые питаются ученіемъ Христа.

Секту «Назареевъ» не такъ легко понять; у нихъ нѣтъ признанной общины, нѣтъ, значитъ, и организованнаго управленія, нѣтъ представителей, которые могли бы дать тѣ или другія авторитетныя разъясненія. Къ тому же, «Назареи» относятся съ большимъ недовѣріемъ къ всѣмъ, стоящимъ внѣ ихъ секты. Кромѣ того, они часто любятъ облекаться въ какую-то таинственность, въ чемъ, казалось бы, при простотѣ ихъ вѣроученія и отсутствіи сложнаго ритуала, нѣтъ никакой надобности. Но, можетъ быть, послѣднее отчасти способствуетъ успѣху ихъ пропаганды.

— Въ то время,—говоритъ Генрихъ Химиль,—какъ нѣкоторые боязливо спрашивали меня, что имъ дѣлать, чтобъ избавить своихъ собратьевъ отъ мученичества въ военныхъ тюрьмахъ, другіе напротивъ того, говорили наставительно, что это мученичество умножаетъ милость божію, потому и не слѣдуетъ закрывать источникъ, изъ котораго истекаетъ такъ много блага.

— Съ преслѣдуемыми милость божія.

— Кого ненавидятъ и преслѣдуютъ люди, того любитъ и укрѣпляетъ Господь.

— Страданія укрѣпляютъ благочестивыхъ.

— Пока Господь посылаетъ намъ страданія, мы знаемъ что Онъ насъ любитъ.

— Страдающая церковь—это торжествующая невѣста Христова.

— Мы надѣемся только на Господа Бога, мы преслѣдуемая, страдающая церковь, и потому за насъ Богъ и мученики.

— Господь и Его помощь съ нами! на что намъ милости людскія.

— Что намъ до того, что люди мѣшаются въ наше дѣло. Только Господь наша надежда!

— Страданія и преслѣдованія посылаетъ Господь, и этимъ онъ отличаетъ насъ отъ веселящихся! И это все благо.

Эти изрѣченія заставляютъ задуматься; въ подобныхъ заявленіяхъ звучитъ какая-то самодовольная покорность мученичеству; но она скоро бы утратила свою силу, еслибы венгерское военное вѣдомство согласилось измѣнить свой взглядъ на «Назареевъ» и облегчило имъ отправленіе военной службы. Вѣдь «Назареи» только съ этой стороны и подвергаются гоненію; будучи прежде всего правдивыми, они сами же свидѣтельствуютъ о добромъ отношеніи къ нимъ представителей гражданской администраціи. Да и что можетъ имѣть послѣдняя противъ нихъ? Одинъ чиновникъ такъ отзывался Генриху Химмелю о «Назареяхъ»:

— Еслибы всѣ такіе были! они пунктуально платятъ подати, подчиняются безъ всякихъ возраженій всѣмъ распоряженіямъ администраціи, трудолюбивы, трезвы, не совершаютъ преступленій и проступковъ, живутъ между собой и съ другими въ ненарушимомъ мирѣ; правда, они держаться въ сторонѣ отъ выборовъ, но также чуждаются и оппозиціи. Да кромѣ того, у нихъ нѣтъ духовенства, съ которымъ намъ постоянно приходится считаться.

— А военная служба?

— Это насъ не касается,—отвѣтилъ чиновникъ,—пусть военная администрація какъ знаетъ, такъ и справляется съ «Назареями».

Лѣтъ 15 тому назадъ пишущему эти строки довелось разговориться съ однимъ старикомъ молоканиномъ на Амурѣ. Старикъ долго разсказывалъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ онъ и его единовѣрцы подвергались на родинѣ въ 40-хъ и началѣ 50 годовъ.

— Но, слава Богу, васъ теперь оставили въ покоѣ.

— За то вѣра стала слабѣе,—не безъ горечи отвѣтилъ старикъ.

Лучшіе люди въ Венгріи не сомнѣваются, что прекращеніе преслѣдованій «Назареевъ» не только не усилитъ духа прозелитизма, но скорѣе всего поведетъ къ его ослабленію. А если даже будетъ и наоборотъ, говорятъ они, то это только докажетъ жизненность нравственныхъ элементовъ заключенныхъ въ Назарействѣ; а это во всякомъ культурномъ обществѣ должно высоко цѣниться и имѣетъ полное право на признаніе.

Какъ на ближайшее практическое средство для выхода изъ теперешняго ненормальнаго состоянія указывается на необходимость

созванія собора Назареевъ, который могъ бы сформулировать ихъ вѣроисповѣданіе и общественное ученіе, а такъ какъ «Назареи» чужды всякихъ коммунистическихъ и анти-государственныхъ стремленій, то венгерское правительство могло бы безъ затрудненія включить ихъ въ число признанныхъ исповѣданій и тѣмъ положить конецъ ихъ мартирологу, совсѣмъ не отвѣчающему тому культурному состоянію, котораго достигла Венгрія и которымъ она при всякомъ случаѣ любитъ похвастать. Нельзя же отдѣлываться отъ рѣшенія вопроса, поставленнаго самой жизнью, лицемѣрнымъ отвѣтомъ—«это насъ не касается».

Какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ Новомъ Садѣ съ трудомъ можно было что нибудь узнать о «Назареяхъ»; видимо ими никто не интересовался; поэтому даже не могли указать, есть ли что нибудь о нихъ въ сербской литературѣ. Въ Бѣлградѣ говорили, что это ученіе занесено въ Королевство изъ Срема (Славонія); въ Новомъ Садѣ сообщали, что оно черезъ Трансильванію попало изъ Россіи. Разъ въ вагонѣ, по дорогѣ изъ Бѣлграда въ Новый Садъ, я разговорился съ сербскимъ священникомъ.

— Въ вашей сторонѣ есть «Назареи»? спросилъ я.

— И даже очень много.

— Правда ли, что они отличаются строго нравственнымъ образомъ жизни?

— Совсѣмъ наоборотъ, это воры и негодяи, но очень хитрые лицемѣры.

Въ Новомъ Садѣ я передалъ этотъ отзывъ одному учителю тамошней сербской гимназіи.

— Наше духовенство всегда такъ говоритъ о «Назареяхъ», но это невѣрно. Скорѣе можно сказать, что дурные люди, переходя въ Назарейство, становятся нравственными и трудолюбивыми людьми. Я самъ не только не сочувствую «Назареямъ», но, какъ сербъ-націоналистъ, а мы здѣшніе Сербы къ какой бы партіи ни принадлежали прежде всего націоналисты, считаю ихъ вредными для сербской національной идеи; вѣдь для «Назареевъ» не существуетъ національности. Вотъ почему венгерское правительство и покровительствуетъ «Назареямъ» (разговоръ происходилъ въ 1894 году; читатель же изъ предыдущаго уже знаетъ, въ чемъ выразилось со стороны венгерскаго правительства покровительство «Назареямъ»); оно при помощи ихъ разсчитываетъ пробить брешь въ сербской національной партіи.

— Кромѣ отказа брать оружіе въ руки, чѣмъ еще заявляютъ себя «Назареи» въ общественной жизни?

— Они не принимаютъ никакого участія въ выборахъ, не обращаются къ судамъ и администраціи для защиты своей личности и собственности.

— Много имъ приходится отъ этого терпѣть?

— Нѣтъ, видимо, рука не подымается на людей беззащитныхъ.

Какъ сербскія указанія, такъ и свѣдѣнія изъ венгерскихъ источниковъ одинаково сходятся въ томъ, что пропаганда «Назареевъ» не имѣетъ никакого успѣха между католиками, что наибольшее число послѣдователей они находятъ между православными сербами и словаками реформатскаго исповѣданія.

Какъ на причину совращенія православныхъ сербовъ въ Назарейство указывается на застой и ненормальное положеніе православія въ Венгріи, его сильную зависимость отъ венгерскаго министерства; что же касается до словаковъ, то реформатское ученіе, допускающее свободу толкованія, естественно должно считаться съ появленіемъ новыхъ сектъ.

Въ Бѣлградѣ мнѣ сообщили, что, около 80 годовъ было нѣсколько случаевъ отказа отъ принятія оружія, фактъ, обнаружившій существованіе «Назареевъ» въ Сербіи. Конечно, не подчинившіеся требованіямъ закона попали въ тюрьмы; имъ угрожали каторжныя работы; но, къ счастью, явилось заступничество со стороны англійской миссіи, и «Назареи» были отпущены на свободу. За послѣдніе годы о «Назареяхъ» въ Сербіи ничего не слышно; полагаютъ, что они оттуда выселились.

Въ заключеніе нашего крайне неполнаго очерка для людей, желающихъ обстоятельнѣе ознакомиться съ «Назареями», мы можемъ указать въ венгерской литературѣ на цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей Карла Кётвёзъ, помѣщенныхъ въ 1873 г. въ «Pesti Naplo». Кромѣ того, въ 1897 г. въ Сегединѣ вышла большая монографія Антала Уйяльки: Послѣдователи Евангелія (Назареи).

Л. Пантелѣевъ.

ВЪ ГОРНОЙ ГЛУШИ.

ПОВѢСТЬ.

XV.

— Яйца! Зайца! Куры!—громко кричитъ Куртъ Аметъ, расхаживая по Ялтѣ.

Куртъ Аметъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Ему весело. Дѣла идутъ на ладъ.

— Гдѣ запропастился цыганъ? Нужно мнѣ его!—думаетъ онъ.

— Яйца! Зайца! Куры! Купи мадамъ, пожалуйста!

И вокругъ все такъ весело! Все ликуетъ, улыбается!

Яркій осенній день сіяетъ надъ Ялтой. Воздухъ легокъ, чистъ и прозраченъ необычайно. А горы? Онѣ охвачены пожаромъ осени. Лѣсистые склоны Магаби, Учъ-Хошъ и Лѣсничество чѣмъ выше вверхъ, тѣмъ все желтѣй и желтѣй. Тамъ и сямъ высоко, въ мелколѣсьи и на оголенныхъ, сѣрыхъ крутизнахъ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ красные кусты матрача *). Въ чистомъ воздухѣ нѣтъ ни пылинки. Каждую трещинку горъ, точно подошедшихъ къ самой Ялтѣ, видно простымъ глазомъ. Обрѣзъ Яйлы рѣзко обрисовывается на густой синевѣ глубокаго, безоблачнаго неба. Ослѣпительно яркое море шевелится, блестя на солнцѣ серебристой зыбью, лижетъ тихонько каменныя стѣны городской набережной и обдаетъ своимъ теплымъ дыханіемъ утонувшую въ зелени Ялту.

Въ Ялтѣ гремитъ сезонъ.

Она полна пріѣзжими,—биткомъ набита людьми отъ подвальныхъ этажей до чердаковъ. За квартиру, за комнату, за номеръ въ гостинницѣ платятъ бѣшеныя деньги. Насталъ тотъ моментъ, когда высадившіеся съ вечерняго парохода пріѣзжіе остаются на тротуарахъ съ своими чемоданами, и полицейскіе, напутствуемые незаслуженными ругательствами, бѣгаютъ по городу съ разспросами, не освободилась ли у кого

---

*) Татарское названіе кожевеннаго дерева.

нибудь комната. Но комнаты нѣтъ ни за какія деньги, и запоздавшіе гости размѣщаются ночевать—кто въ билліардной комнатѣ въ гостинницѣ, а кто и въ купальнѣ, по особой протекціи полицейскихъ чиновъ.

Городъ кипитъ беззаботной, веселой жизнью. Всѣ цѣлый день на воздухѣ. На балконахъ пьютъ чай, обѣдаютъ. Все раскрыто настежъ, вездѣ людская рѣчь и смѣхъ. Черезъ открытыя окна едва виднѣющихся сквозь темную зелень кипарисовъ дачъ льются звуки рояля, слышно пѣніе заѣзжихъ пѣвцовъ. Элегантные ялтинскіе извощичьи четырехмѣстные экипажи-корзинки то и дѣло ѣдутъ взадъ и впередъ по улицамъ съ расфранченными пассажирами и пассажирками. То и дѣло слышится характерный звучный топотъ коней шлапаковъ. Шумныя кавалькады проѣзжаютъ по шоссированнымъ улицамъ города. Въ своеобразныхъ звукахъ быстраго конскаго шлапа есть что-то подмывающее, задорное, увлекательное. Да и какъ не хотѣть поѣхать верхомъ въ горы въ такую вызывающую, чудную погоду?

Набережная цѣлый день кишитъ публикой. Надъ самымъ моремъ, на верандѣ, пьютъ кофе. Дамы, фланирующіе мущины гуляютъ и на ходу лѣчатся сладкимъ виноградомъ. На тротуарахъ даже скользко отъ набросанной вездѣ виноградной шелухи. Отъ нечего дѣлать, публика заходитъ въ магазины, останавливаетъ уличныхъ разнощиковъ. Здѣсь въ это время находитъ себѣ сбыть рѣшительно все. Вонъ группа дамъ покупаетъ у грека татарскія чадры, полотенца. Другой грекъ не безъ успѣха сбываетъ губки; вонъ веселая компанія пріѣзжихъ накупила у стараго татарина бѣлыхъ кизиловыхъ палокъ съ желѣзными шипами на концахъ—для «горныхъ прогулокъ». Татаринъ изъ Бахчисарая тащитъ полную корзину татарскихъ туфель изъ краснаго и лиловаго сафьяна съ серебрянными и золотыми нашивками, такіе же сумочки, мячики. И корзинка его быстро пустѣетъ. Вонъ персіянинъ съ кольцами, бусами, какими-то разноцвѣтными камушками. Вонъ покупатели окружаютъ итальянца съ кораллами, камеями, коралловыми брелоками-талисманами. Далѣе опять грекъ съ большими раковинами, на которыхъ написано «Ялта», «Гурзуфъ», «Алупка», хотя всѣмъ хорошо извѣстно, что раковины эти добыты совсѣмъ не изъ глубинъ Чернаго Моря, и надписи эти сдѣланы только для приманки покупателей. Чахоточный, съ впалой грудью, еврейчикъ съ успѣхомъ распродаетъ камни съ нарисованными на нихъ картинками. Эти камни, по крайней мѣрѣ, мѣстные. Это самые обыкновенные, округленные моремъ, сѣрые, съ кварцовыми прожилками, голыши. Ихъ сколько угодно валяется на берегу подъ стѣнкой набережной. Чахоточный еврейчикъ собираетъ эти камни, краситъ на

нихъ кипарисъ, похожій на огурецъ, воткнутый на палочку, какой нибудь домикъ съ красной крышей и пишетъ сбоку золотою краской «Ялта». И смѣшные камушки «съ пейзажемъ» раскупаются.

— Мадамъ! Кхе! Кхе! Купите сувениг'ъ,—то и дѣло, испуганно косясь по сторонамъ, обращается еврейчикъ къ проходящимъ барынямъ.

И вдругъ еврейчикъ блѣднѣетъ, выхватываетъ свои «сувениры» изъ рукъ любопытствующихъ и бѣгомъ убѣгаетъ въ переулокъ. Худой еврейчикъ съ чахоткой въ груди убѣгаетъ, потому что показался полицейскій приставъ. Еврейчикъ боится пристава. Все, что можетъ производить непріятное впечатлѣніе, удаляется изъ Ялты. Еврейчику давно приказано выѣхать изъ Ялты, а онъ не уѣзжаетъ. Чтобы остаться въ Ялтѣ съ своей чахоткой—не надолго остаться!—еврейчикъ надулъ пристава. Онъ вдругъ сдѣлался часовымъ мастеромъ и получилъ право остаться въ Ялтѣ. Но приставъ знаетъ, что еврейчикъ совсѣмъ не часовой мастеръ, а сидитъ и пишетъ надписи на камняхъ. И приставъ выселяетъ опять еврейчика изъ Ялты, потому что нѣтъ въ законѣ такого ремесла—писать надписи на камняхъ.—Надо что нибудь кушать, господинъ приставъ!—говоритъ еврейчикъ. Но приставъ ничего не хочетъ слышать. И питающійся камнями еврейчикъ прячется въ переулкѣ и, покашливая, выглядываетъ изъ за угла, слѣдитъ, когда пройдетъ приставъ.

Приставъ напугалъ своимъ проходомъ всѣхъ, кто по той или иной причинѣ имѣлъ основаніе не желать попасться ему на глаза. Въ томъ же переулкѣ, гдѣ спрятался чахоточный еврейчикъ, очутились Куртъ Аметъ и цыганъ Бекиръ. Одинъ стоялъ на одномъ углу, а другой на другомъ.

— Это ты, Бекиръ?—сказалъ Куртъ Аметъ.

— А, это ты Куртъ Аметъ!—сказалъ Бекиръ.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Я искалъ тебя, Бекиръ!

— Зачѣмъ?

— Дѣло есть!

Пріятели выждали, покуда не скрылся приставъ, и вышли опять на набережную. Они усѣлись на скамеечкѣ у самаго моря.

— Ну, что? Какъ дѣла?—спросилъ Куртъ Аметъ.

— Ничего! Благодарить Бога—хорошо идутъ дѣла! — отвѣчалъ цыганъ.—Табакъ есть? Дай покурить!—прибавилъ онъ, снимая шапку и вытирая рукой вспотѣвшій лобъ.

— Самъ табачникъ, а покурить нечего!—сказалъ Куртъ Аметъ.

— Все продалъ—даже на одну папироску не осталось! А публика какая дурная—просто смѣхъ!

— А что?

— Да вотъ какое дѣло было! Одинъ господинъ изъ гостинницы «Россія» говоритъ мнѣ: «сегодня же принеси три фунта табаку, потому что, говоритъ, я завтра уѣзжаю». А у меня, точно нарочно, весь табакъ вышелъ! Къ одному ходилъ просилъ, къ другому ходилъ—ни у кого нѣтъ табаку! Что дѣлать? Пошелъ въ магазинъ, купилъ второй сортъ—по полтора рубля за фунтъ заплатилъ—разорвалъ казенную бумагу, завернулъ табакъ въ газету и отнесъ. «Вотъ, говорю, господинъ, табакъ! Хорошій табакъ. Настоящій дюбекъ!» Господинъ попробовалъ, посмотрѣлъ, пустилъ дымъ изъ носа, и говоритъ: «да! хорошій табакъ! А почемъ стоитъ?» Три рубля фунтъ, говорю.

— И заплатилъ?—удивился Куртъ Аметъ.

— Заплатилъ!

— Вотъ дуракъ!

— Ну, да—дуракъ! А я что же говорю?

И оба пріятеля засмѣялись.

— Это у тебя откуда такой кисетъ?—спросилъ Бекиръ.

— А что? Хорошій?

— Очень хорошій. Гдѣ укралъ?

— Зачѣмъ «укралъ». Не укралъ вовсе! Невѣста подарила!

— Ну, врешь!

— Я искалъ тебя, Бекиръ! Дѣло есть!

— Какое дѣло?

— Надо деликатное письмо писать... къ ней... Къ невѣстѣ. Я не умѣю... Напиши ты, пожалуйста! Я тебѣ буду говорить, что надо писать!

— Возлюбленной письмо писать?

— Да. Моей невѣстѣ!

— Это я могу!—сказалъ, подумавши, Бекиръ.—Пойдемъ къ Юсуфу. Будемъ писать. Ты будешь за угощенье платить!

— Конечно, буду платить!—согласился Куртъ Аметъ.

Вечеръ пріятели провели въ кофейнѣ и до поздней ночи были заняты непривычной для нихъ обоихъ литературной работой. Они раздобыли бумаги, Бекиръ бѣгалъ куда-то къ знакомому и досталъ особое тростниковое перо, приспособленное для писанія по татарски—стальное перо при писаніи справа налѣво брызжетъ—и особыя для этого пера чернила, и оба углубились въ сочиненіе любовнаго посланія. Работа была трудная. Бекиръ возилъ перомъ по почтовому листу бумаги съ чрезвычайнымъ усиліемъ. Могло казаться по выступившему на лбу цыгана поту, что въ рукѣ у него находится желѣзный ломъ, а не легкая камышинка. Бекиръ крѣпко сдавилъ

перо жилистой рукою и употреблялъ всѣ усилія, чтобы оно не уходило съ бумаги на столъ, къ чему перо имѣло какое-то упрямое стремленіе, и чтобы строчки на бумагѣ не расходились врозь, что безобразно, и не пересѣкали бы одна другую, что тоже было бы совсѣмъ нехорошо. Куртъ Аметъ, хотя самъ и не писалъ, но мучился не менѣе Бекира, потому что сочинялъ и диктовалъ письмо и, кромѣ того, придавливалъ пальцами къ столу углы почтовой бумаги, чтобы она не ѣздила по столу, что очень раздражало цыгана, и не поднималась вмѣстѣ съ перомъ на воздухъ, когда Бекиръ совался всѣмъ тѣломъ къ банкѣ съ чернилами. То и дѣло пріятели отдыхали, пили кофе чашку за чашкой и курили папироску за папироской. Скоро пріятели такъ накурили, что по всей кофейнѣ протянулись, какъ паутина, и неподвижно стояли въ воздухѣ густые слои дыма.

Уже ночью, когда никого больше въ кофейнѣ не было, а Юсуфъ, въ ожиданіи окончанія затянувшагося литературнаго сеанса гостей, спалъ за стойкой, склонивъ усталую голову на руки—послѣ безчисленныхъ помарокъ, приписокъ, клякс и брызгъ—письмо было готово и, насколько это удалось замучившемуся Бекиру, начисто переписано и запечатано въ конвертъ.

Содержаніе письма было слѣдующее:

«Возлюбленная моя, черноглазая моя, козочка моя. Ты красавица, солнце мое, и нѣтъ нигдѣ дѣвушки лучше тебя. Я хочу сказать, что сильно влюбился въ тебя. Сердце мое, какъ пожаръ, горитъ къ тебѣ, и душа хочетъ тебя каждый часъ. Губы мои цѣлуютъ башмачки твои. Я какъ сумасшедшій сдѣлался, ничего не вижу и не знаю, и все думаю о тебѣ, любовь моя. Руки мои не хотятъ ничего дѣлать и только хотятъ обнимать станъ твой. Поцѣлуевъ твоихъ ждутъ мои губы, какъ сухая земля ждетъ дождика. О, красавица! Я скажу тебѣ, что хочу жениться на тебѣ. Сейчасъ дѣло есть, нельзя. Но скоро я приду къ тебѣ, любовь моя. Жди меня».

Въ концѣ письма, по непремѣнному требованію Куртъ Амета, была крупно выведена подпись: «Меметъ».

Цыганъ удивился, зачѣмъ понадобилось Куртъ Амету подписываться на письмѣ чужимъ именемъ.

— Пиши! Пиши! Это ужъ мы съ ней знаемъ, зачѣмъ! Такъ надо!—требовалъ Куртъ Аметъ.

Цыганъ задумался.

— А ловкая ты шельма, Куртъ Аметъ! — сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, лукаво подмигнувъ пріятелю.

XVI.

Наступила мокрая, слезливая осень... Небо цѣлыми днями подернуто облаками, вокругъ все такъ сумрачно, то и дѣло на землю сѣетъ мелкій дождикъ.

Ялта быстро опустѣла. Она вся какъ-то потускнѣла и затихла. Еще недавно шумныя улицы точно вымерли. Изрѣдка, разбрызгивая жидкую грязь дороги, проѣдетъ по набережной, на лошади съ подвязаннымъ хвостомъ, верховой татаринъ, или, понурившись, проплетется шагомъ никому ненужный извозчикъ. Невольникъ улицы, городовой, надѣвъ кожанъ съ капюшономъ, дремлетъ на скамеечкѣ около часовни надъ моремъ. Тихо. Пѣшеходовъ на тротуарахъ почти совсѣмъ нѣтъ. Рѣдко, рѣдко пройдетъ кто нибудь. Дверь аптеки съ шумомъ отворится и хлопнетъ. Человѣкъ съ раздутыми мѣшками, наполненными кислородомъ, торопливо садится въ экипажъ и быстро ѣдетъ куда-то на дачу. Кто-то задыхается отъ неумолимой чахотки и сводитъ счеты съ жизнью. Прогремитъ экипажъ—и опять все стихнетъ. Только безотрадное, сѣрое море безпокойно волнуется, скрежещетъ камнями у берега и глухо бьется о стѣнки набережной.

Еще скучнѣе въ глухой, затерянной въ горахъ, знакомой намъ деревнѣ. Она совсѣмъ почернѣла отъ дождя. Пожелтѣвшіе, промокшіе сады и лѣса на горахъ какъ бы дымились отъ поднимавшихся съ земли испареній. Строй знакомыхъ намъ тополей съ оголившимися уже вершинами тянулся къ небу. Только снизу стволы старыхъ тополей темнѣли зеленью присосавшагося къ нимъ плюща, подъ змѣевидными, толстыми лозами котораго бурлилъ и шумно катилъ мутныя волны многоводный, когда въ томъ нѣтъ уже надобности, ручей.

Табакъ съ плантацій давно уже собранъ и просушенъ. Наступилъ періодъ папушовки. Эту скучную, кропотливую работу исполняютъ женщины. Покончивъ съ полевыми работами, мужчины сидятъ по кофейнямъ или ходятъ другъ къ другу въ гости. Напротивъ, женщины заняты съ ранняго утра и до поздней ночи.

Въ нижнемъ этажѣ домика Халиля, въ особо предназначенной для того комнатѣ, папушовкой табаку занято много деревенскихъ дѣвушекъ. Комната завалена табачными листьями и сурками. Для простора, изъ комнаты этой вынесено все лишнее, и дѣвушки сидятъ прямо на полу. Лишь въ одномъ углу, прикрытыя рядномъ, лежатъ зашнурованныя, какъ въ корсетъ, пачки прошлогодняго, оставшагося непроданнымъ, листового табаку, да еще лежитъ, перевернутая вверхъ дномъ, деревянная форма для вязки табачныхъ пачекъ. Деревянный

полъ застланъ рядномъ. Воздухъ въ комнатѣ, гдѣ идетъ работа, насыщенъ удушливой, возбуждающей кашель, табачной пылью. Но дѣвушки свыклись съ этой пылью, съ этимъ ѣдкимъ табачнымъ запахомъ, отъ котораго у непривычнаго человѣка скоро закружится голова. Онѣ сидятъ вдоль стѣнъ и поютъ пѣсни. Передъ каждой кучка желтыхъ, сморщенныхъ табачныхъ листьевъ, нанизанныхъ на нити. Дѣвушки поютъ и сосредоточенно заняты работой. Работа скучна и тянется долгіе, безконечные зимніе мѣсяцы, и только пѣсни, развлекая, вносятъ оживленіе въ скучную работу. Работницы снимаютъ листья съ нитокъ, на которыя табакъ нанизанъ, расправляютъ листки на колѣняхъ, отдѣляютъ въ бракъ изломанные или поврежденные болѣзнью, и складываютъ одинъ на другой, пока не образуется папуша, которую и завязываютъ крѣпко въ корешкѣ. Освобожденную отъ листьевъ нитку работницы сматываютъ въ маленькій моточекъ и вѣшаютъ около своего мѣста на гвоздикъ. Каждый такой мотокъ нитки—чекъ на полученіе отъ хозяина четырехъ копѣекъ. Такой порядокъ вознагражденія за трудъ предпочитается татарами всякому другому. Между дѣвушками возникаетъ соревнованіе, кто больше наработаетъ, и онѣ трудятся, не покладая рукъ, едва удѣляя 3—4 часа въ сутки на сонъ, и достигаютъ умѣнья складывать и вязать папуши такъ быстро, что нельзя услѣдить, какъ мелькаютъ ихъ руки.

Салге, управившись съ обычными дѣлами, лежавшими на обязанности ея, какъ хозяйки дома, охотно садилась работать съ наемницами, между которыми были ея подруги. Дѣвушки болтали между собою про разныя деревенскія и дѣвичьи дѣла, про свадьбу Эмене Шерфе, которая должна была скоро совершиться, и пѣли хоровыя пѣсни. И Салге пѣла съ дѣвушками по цѣлымъ днямъ. Она находила въ этой лихорадочной работѣ удовольствіе, потому что искала, какъ бы скоротать время, которое, какъ ей казалось, тянулось такъ медленно. Она любила и ждала. Она увѣрена была, что Меметъ любитъ ее, что онъ, наконецъ, придетъ чтобы взять ее къ себѣ въ жены. Теперь ужъ скоро! Салге давно въ тайныхъ сношеніяхъ съ Меметомъ и знаетъ объ отвѣтной любви его къ ней. Послѣ полученія перваго извѣстія о своемъ возлюбленномъ отъ Куртъ Амета и принявъ данный ей отъ имени Мемета апельсинъ, Салге рѣшилась отвѣтить Мемету подаркомъ на подарокъ. Она послала ему черезъ Куртъ Амета поклонъ и кисетъ собственной работы и вскорѣ затѣмъ получила отъ Мемета письмо съ признаніемъ въ любви и съ обѣщаніемъ придти и жениться на ней. Не подозрѣвая обмана, Салге цѣловала письмо, перечитывала его, не разставалась съ нимъ, ложилась спать, имѣя его съ собою, какъ сокровище, съ ко-

торымъ нельзя разстаться. И новыя письма отъ «Мемета», подобныя первому, не заставили себя ждать. Теперь ужъ сама Салге въ нетерпѣньи ждала, когда сосѣдъ Куртъ Аметъ возвратится изъ Ялты, куда онъ ходилъ по своимъ дѣламъ, по прежнему, довольно часто, и украдкой подстерегала его въ проходѣ между плетнями, на спускѣ къ фонтану. И, получая письмо или гостинецъ, Салге передавала Куртъ Амету собственноручно написанный отвѣтъ.

— На!.. Передай!—шептала она и убѣгала сейчасъ же домой.

Но, какъ ни была Салге ослѣплена вспыхнувшей въ ней страстію, любовь ея не была спокойной. Всегда тревога жила въ ея душѣ, какое-то смутное, неизъяснимое чувство страха омрачало ея счастье. Отъ времени до времени тоска и недовѣріе къ Куртъ Амету овладѣвали ею. «Почему Меметъ не пріѣзжаетъ?—думала она. Если любитъ, то почему не пріѣдетъ въ деревню хоть на одинъ часъ, хоть на одинъ мигъ свиданія, чтобы сказать, что любитъ? Неужели дѣла могутъ такъ долго удерживать того, кто тоскуетъ отъ любви?.. Какое нехорошее лицо у Куртъ Амета! Отчего ей страшно, когда онъ смотритъ на нее?»

И тотчасъ же Салге гнала прочь эти черныя мысли. Развѣ можно допустить, что любовь Мемета—неправда? Что же тогда останется, если это неправда? Нѣтъ, Куртъ Аметъ не обманываетъ. А подарки? А письма, подписанныя именемъ Мемета?

И Салге опять дѣлалась веселою, лелѣя свою тайную надежду. Она пѣла пѣсни, шутила и смѣялась и въ порывистомъ восторгѣ обнимала и цѣловала подругъ. Товарки догадывались о причинѣ странной веселости Салге, и Эмене Шерфе прямо поддразнивала ее Меметомъ. Салге не протестовала, но даже съ двоюродной сестрой не дѣлилась сокровенными мыслями, ни слова не говорила о любви своей.

Однажды Куртъ Аметъ принесъ письмо, которое взволновало Салге чрезвычайно. Меметъ писалъ, что не станетъ сватать ее напрасно, потому что отецъ не хочетъ еще отдавать ее замужъ, и предлагалъ ей тайно бѣжать съ нимъ. Онъ требовалъ, чтобы она отвѣтила ему—согласна она или нѣтъ? Къ письму была приписана прибавка: «вѣрь моему посланному».

Два дня Салге была сама не своя. Она мучилась въ нерѣшимости, не спала ночей и много плакала. Ей было и страшно, и очень жаль отца, и, въ то же время, свыше силъ было отказать Мемету.

Она отвѣтила письмомъ, въ которомъ было написано только одно слово: «согласна».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, наканунѣ свадьбы

Эмене Шерфе,—Салге была въ домѣ у сестры. Надъ молодой были торжественно совершены подготовительные къ свадьбѣ обряды. Въ присутствіи родственниковъ и подругъ, невѣстѣ подстригли и смазали волосы, покрасили ладони и пальцы на рукахъ и на ногахъ.

Вечеромъ Салге и Эмене Шерфе остались однѣ въ комнатѣ. Онѣ доканчивали шить новый кафтанъ, который Эмене Шерфе готовился къ свадьбѣ.

— Отчего ты такъ грустна, Салге? Ты совсѣмъ похудѣла!—спросила Эмене Шерфе.

— Такъ! Ничего! Я скоро умру, Эмене!—отвѣчала Салге.

Большіе глаза ея съ тоской глядѣли куда-то далеко, не видя ничего передъ собою.

Салге поздно вернулась къ себѣ. Она ужъ хотѣла ложиться спать, какъ вдругъ кто-то тихонько стукнулъ въ окошко. Она знала, кто можетъ стучать къ ней въ это время, и поспѣшно отворила окно. Куртъ Аметъ передалъ ей письмо и, не сказавъ ни слова, удалился.

Съ замираніемъ сердца разорвала Салге конвертъ и стала читать неразборчивую рукопись цыгана.

Въ письмѣ назначался день и часъ. Меметъ писалъ:

«Я буду ждать тебя въ экипажѣ недалеко отъ деревни. Иди за моимъ другомъ. Онъ проводитъ тебя, куда надо. Люблю тебя. Меметъ».

И опять была приписка:

«Вѣрь во всемъ моему посланному».

XVII.

Насталъ день свадьбы Эмене Шерфе.

Въ домѣ невѣсты, и отдѣльно въ домѣ жениха, играетъ музыка. Громко стучатъ и отбиваютъ трели громадные даулы. Здѣсь и тамъ, еще громче звучитъ и повторяется въ дальнихъ горныхъ урочищахъ пронзительная зурна. Сырая погода не омрачаетъ деревенскаго веселья. Женихъ Асанъ прощается съ молодостью. У него въ домѣ мальчишникъ, и нѣтъ недостатка въ угощеніяхъ. Парни готовятся къ свадебной процессіи и веселой толпою разъѣзжаютъ верхами.

У невѣсты въ домѣ пѣсни и пляска. Дѣвушки прощаются съ подругой и развлекаютъ ее.

Тетушка Заиде хлопочетъ. На кухнѣ у нея готовились всевозможныя, приличныя случаю, угощенья—соусы изъ капусты, изъ картофеля, изъ баранины, еще соусы изъ сливъ, изъ фасоли, ушки, супы разные, компоты—всѣ тѣ блюда, которыя въ безчисленномъ множествѣ подаются гостямъ на та-

тарскихъ свадебныхъ пиршествахъ. Для угощенья дѣвушекъ Заиде наставила, какъ требуетъ обычай, цѣлые подносы сладостей и домашнихъ печеній—варенья всякихъ сортовъ, конфектъ изъ знакомой намъ лавочки Яни, баклавы*), курабье**) и т. д. Дѣвушки сидятъ на полу, застланномъ дорогимъ ковромъ, и то и дѣло поютъ пѣсни. Только невѣста не принимаетъ ни въ чемъ участія. Въ новомъ, расшитомъ золотомъ, бархатномъ кафтанѣ, въ браслетахъ и кольцахъ, въ плоскомъ малиновомъ фесѣ, обшитомъ вокругъ бусами и червонцами, закрытая легкимъ покрываломъ,—Эмене Шерфе, соблюдая строгій постъ, сидѣла одна, задернутая отъ взоровъ гостей краснымъ берзе***) изъ дорогой парчи. Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ, отдѣльно отъ дѣвушекъ, помѣщались и безпрестанно ѣли угощенья и пили кофе музыканты, слышна была музыка. Двѣ старыя, покрытыя чадрами, татарки съ бубнами въ рукахъ аккомпанировали хору. Старухи безучастно глядѣли передъ собой усталыми, мутными глазами и наблюдали, чтобы все совершалось согласно свадебному ритуалу. Онѣ били въ бубенъ костлявыми руками, дергали по немъ большимъ пальцемъ, или вдругъ, поднявъ его надъ головою, трясли и громыхали прикрѣпленными къ нему бубенчиками.

Дѣвушки поютъ:

«Еслибъ далъ мнѣ Аллахъ дожить до весны. Я построилъ бы себѣ домъ подъ черепичной кровлей, я взялъ бы себѣ въ жены дѣвушку, еслибы нашелъ въ долгъ! Напрасно! Напрасно мечтаешь взять въ долгъ! Въ долгъ не найдешь себѣ жены! Сосчитай-ка лучше денежки, да плати выводъ!»

Авашъ, которая на дняхъ выходитъ замужъ за Ислямa, выходитъ на середину комнаты, пляшетъ и поетъ.

Хоръ подпѣваетъ ей:

«Дочь моя! Я хочу выдать тебя замужъ за купца!

«О нѣтъ, нѣтъ, отецъ! У купца есть много матерій: онъ заставитъ меня мѣрить ихъ! Нѣтъ, отецъ! Ты не угадалъ моего желанья!

«Дочь моя! Я хочу выдать тебя замужъ за чабана!

«О, нѣтъ, нѣтъ, отецъ! У чабана есть много овецъ: онъ заставитъ меня доить ихъ! Нѣтъ, отецъ! Ты не угадалъ моего желанья!

«Дочь моя! Я хочу выдать тебя замужъ за цирюльника!

«О, нѣтъ, нѣтъ, отецъ! У цирюльника есть много полотенецъ: онъ заставитъ меня мыть ихъ! Нѣтъ, отецъ! Ты не угадалъ моего желанья!

---

*) Баклава—слоеныя пирожныя съ яблоками.

**) Курабье—пирожное изъ масла и сахара.

***) Берзе—занавѣсь, за которой на свадьбахъ скрыта невѣста.

«Дочь моя! Я хочу выдать тебя замужъ за табачника!

«О, нѣтъ, нѣтъ, отецъ! У табачника есть много табачныхъ листьевъ: онъ заставитъ меня складывать ихъ. Нѣтъ, отецъ! Ты не угадалъ моего желанья!

«Дочь моя! Ну я выдамъ тебя замужъ за пьяницу!

«О, да! Да, отецъ! Пусть онъ ночью будетъ пьянъ! Къ утру онъ проспится и обниметъ меня! Да, отецъ! Ты угадалъ мое желанье!»

Авашъ смѣняетъ Салге. Она сегодня такая возбужденная, такая хорошенькая въ своемъ роскошномъ праздничномъ кафтанѣ. Салге плавно выступаетъ, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и красиво загнувъ руки надъ головою; танецъ ея олицетворяетъ нѣгу любви, чарующую прелесть страсти.

Дѣвушки глядятъ на нее и любуются:

— Какая Салге душечка сегодня!—говорятъ онѣ между собою.

Салге танцуетъ и поетъ пѣсню. Она лукаво улыбается дѣвушкамъ и прищелкиваетъ пальцами:

«Дѣвушки гуляютъ на свадьбѣ у подруги, угощаются и развлекаютъ невѣсту пѣснями и пляской. Всѣ дѣвушки веселыя, всѣ дѣвушки счастливыя. У каждой есть женихъ или возлюбленный! Онѣ всѣ скоро выйдутъ замужъ! Лишь одна между ними печальна и блѣдна! И всѣ думаютъ, что ее никто не любитъ...

«Но прежде чѣмъ Авашъ выйдетъ замужъ за Ислама, за дѣвушкой придетъ посланный отъ ея возлюбленнаго и увезетъ ее!

«Въ деревняхъ играетъ музыка, далеко слышна зурна, и бьетъ барабанъ. Парни молодые разъѣзжаютъ на коняхъ и гуляютъ въ домѣ жениха. Всѣ веселы и счастливы, потому что скоро женятся на своихъ возлюбленныхъ дѣвушкахъ! Лишь одинъ изъ нихъ, красавецъ, груститъ! Онъ не можетъ назвать ту, которую любитъ. И всѣ думаютъ, что нѣтъ дѣвушки, которая любила бы его!

«Но прежде, чѣмъ Ислямъ женится на Авашъ, дѣвушка придетъ къ своему милому, и онъ обниметъ ее!..»

Въ волненіи, съ зарумянившимися щеками, съ загорѣвшимися скрытымъ огнемъ черными глазами, граціозная въ тѣлодвиженіяхъ, Салге была прекрасна. Полная загадочнаго смысла неожиданная импровизація ея звучала страстью, и дѣвушки слушаютъ пѣсню Салге съ недоумѣніемъ. Только старыя татарки по прежнему безучастны къ совершающемуся передъ ними. Онѣ бьютъ въ свои бубны, покачиваютъ въ тактъ головами и то и дѣло потрясаютъ бубенчиками.

— Я знаю, знаю, про кого пѣла Салге свою пѣсню!

Авашъ, иди, я скажу тебѣ на ухо!—закричала Эмене Шерфе изъ за занавѣса.

Въ это время раздались голоса:

— Мулла! Мулла пришелъ!

Все идетъ на шумномъ праздникѣ своимъ чередомъ, и часы бѣгутъ незамѣтно.

Пришелъ мулла Хатипъ, торжественно прочиталъ надъ невѣстой молитву и занесъ при свидѣтеляхъ въ книгу брачную запись. Вѣнчанье совершилось.

Вотъ слышенъ на улицѣ шумъ подъѣхавшаго рессорнаго экипажа и звучный топотъ копытъ большого числа лошадей. Это прибыла процессія: экипажъ для невѣсты, нарочно нанятый въ Бахчисараѣ для свадебнаго торжества, и молодежь верхами, друзья жениха. Старый Халиль беретъ невѣсту, закрытую легкимъ покрываломъ, и на рукахъ выноситъ къ экипажу. Съ невѣстой садится, какъ близкая родственница, Салге, и обѣихъ ихъ занавѣшиваютъ въ экипажѣ тѣмъ самымъ «берзе», за которымъ все время скрывалась невѣста у себя дома. Изъ числа провожатыхъ выдѣляются два всадника и поднимаютъ прикрѣпленныя къ древкамъ, разноцвѣтныя ткани. Старыя татарки суетятся и распоряжаются, чтобы все было сдѣлано согласно съ обычаями, освященными стариной. Вотъ выходитъ впередъ и становится во главѣ процессіи маленькій Смаилъ съ кораномъ, и все готово, чтобы тронуться въ путь.

Грянула музыка, и процессія, сопровождаемая оглушительнымъ боемъ барабановъ и дикими криками зурны, медленно трогается въ путь. Усердные музыканты выступаютъ за невѣстинымъ экипажемъ. Въ хвостѣ процессіи тянутся подводы съ приданнымъ. На нихъ везутъ полное домашнее хозяйство. Зеленые, ярко расписанные сундуки съ вещами и платьемъ, всевозможная домашняя и кухонная утварь, котлы, тазы, подарки, принесенные невѣстѣ поздравителями, все это, съ разсчетомъ выставленное напоказъ, сопровождаетъ невѣсту на новоселье въ домъ жениха.

Но вотъ и сакля Асана. Процессія останавливается. Эмене Шерфе выходитъ изъ экипажа и, снявъ покрывало, вступаетъ въ домъ жениха, отнынѣ ея мужа.

Теперь пиршество продолжается уже въ домѣ молодыхъ. На мужской половинѣ у Асана и на женской у Эмене Шерфе опять угощенья, поздравленія, пѣсни и танцы...

Но часы бѣгутъ—наступаетъ ночь. Пора оставить молодыхъ, пора гостямъ расходиться.

Салге прощается съ сестрой. Веселый порывъ, овладѣвшій ею на свадьбѣ, давно прошелъ. Глаза ея полны слезъ.

— Прощай, Эмене Шерфе! Мы не скоро увидимся съ тобою!—говоритъ она.

— Сорокъ дней *) пройдутъ скоро, Салге, и я приду къ тебѣ!—отвѣчала Эмене Шерфе.

— О, нѣтъ... Прощай!.. Можетъ быть мы больше съ тобой никогда не увидимся!

И Салге горько плачетъ на плечѣ сестры.

— Салге! Что съ тобою? У тебя что-то на умѣ... Не плачь! Скажи мнѣ все... Что значила сегодня твоя пѣсня?..

Эмене Шерфе цѣлуетъ и ласкаетъ сестру, успокоиваетъ и умоляетъ открыть ей свое сердце.

Но Салге молчитъ и не дѣлится своей тайной, не говоритъ о предчувствіи своего сердца.

— Прощай! Прощай, сестра!—печально и какъ-то страстно твердитъ она и убѣгаетъ.

XVIII.

Салге въ нетерпѣньи ждетъ вечера...

Сегодня, наконецъ, придетъ посланный отъ Мемета и позоветъ ее. И она пойдетъ къ своему желанному Мемету! Сердце молодой дѣвушки мучительно сжимается отъ сладкаго ожиданія встрѣчи, отъ близости давно жданнаго счастья. Но страхъ не покидаетъ души ея. Какой-то тайный голосъ все шепчетъ: «не иди! останься! Нехорошее лицо у Куртъ Амета!»

И еще щемитъ сердце Салге передъ дерзостью бѣгства изъ родного дома, передъ грѣхомъ обмана стараго отца, который въ ней, она знаетъ это, души не чаетъ!

Бѣдный, хорошій старикъ! Кто приготовитъ и подастъ ему обѣдъ изъ любимыхъ блюдъ? Кто станетъ смотрѣть, ухаживать за нимъ? Кому отдастъ онъ завтра гостинцы, купленные для любимой балованной дочки, маленькой хозяйки? Кого приласкаетъ, кого будетъ гладить по волосамъ, кому станетъ разсказывать по вечерамъ длинныя исторіи?.. И какъ онъ заплачетъ, какъ будетъ обиженъ, какъ страшно будетъ оскорбленъ, когда узнаетъ завтра объ обманѣ, о тайномъ бѣгствѣ любимой дочери!

И Салге долго и горько плачетъ. Она припала, закрывшись платкомъ съ головою, на низенькій диванчикъ и вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ отъ рыданій. Салге одна въ своей саклѣ, никто не мѣшаетъ литься слезамъ, никто не видитъ, какъ терзается ея душа!

— Останься, Салге! Не ходи!

---

*) Послѣ вѣнца молодые въ теченіе 40 дней не должны видѣться съ родными.

Вечерѣетъ... На дворѣ захолодало, и поднимается вѣтеръ. Порывы его то и дѣло срываются съ горъ и съ шумомъ пролетаютъ надъ деревней. Гдѣ-то хлопаетъ незапертая калитка, гдѣ-то на галлереѣ съ шумомъ упала и катится жестянка. Салге видѣла въ окно, какъ въ сумеркахъ вечера качаются высокіе тополи надъ рѣкою, какъ срываетъ и мчитъ вѣтромъ завядшіе листья съ стараго орѣха въ ихъ дворѣ...

Пора. Время близится... Салге спѣшитъ... Она достаетъ изъ сундука и откладываетъ, чтобы не забыть захватить съ собою, перевязанную пачку писемъ. Это письма, полученныя ею отъ Мемета. Салге надѣваетъ свой лучшій, свѣтло-лиловый шелковый кафтанъ, дорогой кольмекъ, расшитый золотыми монетами, маленькій малиновый фесъ, который такъ шелъ къ ея смуглому лицу.

Темнѣетъ. Салге часто посматриваетъ въ окно.

— Зачѣмъ этотъ вѣтеръ? И такъ, вѣдь, страшно! О, какъ страшно мнѣ!—думаетъ она.

Салге машинально, по привычкѣ, подаетъ отцу обѣдать и прислушивается къ звукамъ, доносящимся со двора.

— Онъ сказалъ, что постучитъ у калитки, когда наступитъ время!

Салге едва слышитъ, едва понимаетъ, что говоритъ ей отецъ.

— Зачѣмъ, дочка, ты такъ разодѣлась?—спрашиваетъ Халиль.

— Я пойду... Меня звала тетка...

— Ты блѣдная такая. Здорова ли ты? Какія у тебя холодныя руки!

Старикъ гладитъ похолодѣвшую руку дочери и заботливо смотритъ ей въ лицо.

— Ты не больна ли?

Салге не въ силахъ смотрѣть на отца.

— Нѣтъ. Я здорова!—говоритъ она, отнимая руку.

— Останься лучше! Не ходи! Слышишь, какой поднялся вѣтеръ?..

Вѣтеръ бушевалъ, громыхая по желѣзнымъ листамъ крыши. Но Салге слышится короткій стукъ. Казалось, кто-то постучалъ у калитки... Это онъ...

Салге поспѣшно вышла. При свѣтѣ луны она различила притаившагося за плетнемъ Куртъ Амета.

— Пора. Тебя ждутъ. Пойдемъ!—тихонько сказалъ Куртъ Аметъ.

— Постой!.. Сейчасъ отецъ уйдетъ въ кофейню!—отвѣчала также тихо Салге.

Порывъ вѣтра налетѣлъ, загудѣлъ надъ кровлей сакли и со свистомъ пронесся вдоль по улицѣ. Онъ выхватилъ слова

Салге изъ ея устъ, унесъ съ собою и развѣялъ ихъ, чтобы не дошли они до слуха человѣка, который прятался за плетнемъ и звалъ ее бѣжать изъ дома.

— Останься! Не иди, Салге!

— Кто тамъ стучалъ?—спросилъ Халиль.

— Никого нѣтъ... Это корова вошла во дворъ!—солгала Салге.

Куртъ Аметъ видѣлъ, какъ Халиль вышелъ изъ сакли, и вѣтеръ сдувалъ искры съ его папиросы. Старикъ запахнулся получше въ пальто и, шаркая задками башмаковъ, вышелъ со двора.

Черезъ минуту показалась Салге.

— Пойдемъ!—прошептала она.

Куртъ Аметъ пошелъ впереди. Салге послѣдовала за нимъ. Они прошли мимо деревни задами. Былъ девятый часъ вечера. Имъ никто не встрѣтился по пути, и скоро они вышли за деревню.

Здѣсь, на просторѣ, вѣтеръ задулъ съ удвоенной силой и, трепля увядшую траву, срывалъ и несъ съ собою мелкіе камушки и осколки вывѣтрившагося шифера съ откосовъ дороги. Куртъ Аметъ шелъ скоро и не оборачивался. Онъ слышалъ сзади себя легкіе торопливые шаги и прерывистое дыханіе дѣвушки. «Идетъ!»—радостно думалъ бродяга. Куртъ Аметъ не смѣлъ оглянуться, боялся заговорить съ Салге, чтобы она по голосу его не догадалась, что все неправда, чтобы она какъ нибудь не раздумала и не ушла назадъ, пока еще не поздно.

Они шли уже съ четверть часа.

Огни деревни давно скрылись за пригоркомъ. Было достаточно свѣтло. Луна свѣтила. Бѣлыя, встрепанныя вѣтромъ облака быстро мчались по небу и, толпясь и сгущаясь, собирались у вершины Яйлы. Дорожка все время вилась въ гору по направленію къ лѣсу. Вѣтеръ разгуливалъ по лощинамъ и то затихалъ, то со свистомъ налеталъ сзади, или вдругъ забѣгалъ впередъ и съ неистовой силой толкалъ Салге въ грудь, вылъ, срывалъ съ головы ея платокъ, сѣкъ ей лицо и руки острыми камешками.

— Остановись, Салге! Не иди!

Но Салге все шла... Она устала; кафтанъ, развѣваемый вѣтромъ, облипалъ и спутывалъ ей ноги, подъемъ, чѣмъ ближе къ лѣсу, тѣмъ дѣлался все тяжелѣе и круче, и круглые камни, усѣивавшіе тропинку, все чаще и чаще срывались и выскальзывали изъ подъ ногъ. Салге задыхалась; она шла изъ послѣднихъ силъ.

— Гдѣ же?.. Далеко ли еще?—спрашивала она.

— Скоро! Теперь недалеко! Тамъ! Въ лѣсу!—отвѣчаетъ Куртъ Аметъ.

Онъ говоритъ не оборачиваясь и, спѣша, идетъ все впередъ.

Съ бьющимся сердцемъ, съ стучащей въ вискахъ кровью, напрягая остатки силъ, Салге идетъ по лѣсу. Засыпанная листьями каменистая тропинка все вьется вверхъ.

— Гдѣ же? Гдѣ?

— Сейчасъ... Вотъ скоро...

Какъ страшно въ лѣсу! Какъ стонутъ деревья, какъ гудитъ въ ихъ вершинахъ вѣтеръ, какъ быстро несутся, точно испуганныя птицы, сорванные съ деревьевъ сухіе листья!

«Вѣрь моему посланному!»—вспоминаются зачѣмъ-то Салге слова изъ письма Мемета.

— Гдѣ же Меметъ?—кричитъ она и останавливается.

Куртъ Аметъ тоже вдругъ остановился и повернулся къ Салге.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ и сказалъ:

— Мемета нѣтъ!

Салге какъ будто не понимала и, задыхаясь, стояла передъ нимъ блѣдная, какъ смерть.

— Меметъ не любитъ тебя, Салге! Это я зазвалъ тебя сюда! Я укралъ тебя!

Помертвѣла отъ ужаса Салге и поняла, наконецъ, что далась въ обманъ, что попалась въ когти ястребу съ желтыми глазами! Салге всплеснула руками и почувствовала, что силы оставляютъ ее. Она готова упасть, Куртъ Аметъ поддержалъ ее и склонился надъ нею.

Салге слышитъ, что Куртъ Аметъ говоритъ ей что-то, она чувствуетъ, что онъ овладѣваетъ ею! Въ безсиліи, въ отчаяніи, Салге лепечетъ безсмысленныя слова.

— Не надо... Не надо! Куртъ Аметъ! Не обижай меня!

Но онъ обнимаетъ ее, приближаетъ лицо къ ея лицу, чтобы поцѣловать въ побѣлѣвшія губы.

Но дѣвушка не допускаетъ этого. Погибая, она рѣшается сопротивляться.

Отчаянный крикъ раздается въ пустынномъ лѣсу. Салге ногтями впивается въ лицо Куртъ Амета, освобождаетъ себя и въ дикомъ порывѣ вскакиваетъ на ноги. Куртъ Аметъ валитъ ее на землю, но она съ силой отталкиваетъ его и вырывается.

Салге бѣжитъ назадъ, внизъ по тропинкѣ, бѣжитъ быстрѣе вѣтра, который мчится и стонетъ надъ ея головою.

Простирая съ мольбою руки, безумная, не понимая словъ своихъ, Салге кричитъ:

— Меметъ! Меметъ!..

И голосъ ея дикимъ воплемъ раздается въ лѣсу. Салге слышитъ, что бродяга гонится сзади за нею... Она чувствуетъ,

что не уйти ей отъ погони, и бѣжитъ еще быстрѣе, прыгаетъ подъ гору по извилистой тропинкѣ, перескакиваетъ съ камня на камень и опять, въ потерѣ разсудка, кричитъ:

— Меметъ!.. Меметъ!!.

Но никто не откликается на ея отчаянный призывъ.

— Стой! Зачѣмъ кричишь? Все равно не уйдешь!—слышитъ Салге сзади себя голосъ Куртъ Амета.

Головной платокъ Салге сбился на плечи. Куртъ Аметь настигъ и схватилъ ее за косы.

— Меметъ!..—успѣваетъ Салге крикнуть еще разъ—въ послѣдній разъ, въ послѣднемъ отчаяніи.

Ножъ пересѣкъ ея голосъ и не далъ повториться напрасному крику.

Куртъ Аметъ выпустилъ изъ рукъ волосы Салге и толкнулъ ее въ спину. Тѣло тяжело упало лицомъ внизъ.

И смолкло въ лѣсу.

Только вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревьевъ, да листья сухіе летѣли черезъ лѣсъ и, шепчась между собою, кружились надъ тѣломъ убитой.

XIX.

Куртъ Аметъ не хотѣлъ убивать Салге...

Онъ стоялъ и, самъ ужасаясь совершенному преступленію, смотрѣлъ, какъ тѣло Салге содрогается въ предсмертной агоніи. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, какъ это случилось. Она кричала—онъ погнался за ней, схватилъ за косы и... ножъ глубоко врѣзался ей въ горло! Куртъ Аметъ не помнилъ точно, когда выхватилъ ножъ, который всегда имѣлъ при себѣ.

«А зачѣмъ кричала Меметъ»?—подумалъ онъ, какъ бы оправдываясь самъ передъ собою...

Судороги тѣла скоро прекратились. Трупъ лежалъ, раскинувъ руки, въ страшномъ покоѣ.

Куртъ Аметъ почувствовалъ, что руки его окровавлены и липнутъ. Онъ набралъ сухихъ листьевъ и сталъ тщательно вытирать ими пальцы и ладони.

Мѣсяцъ вышелъ изъ за облаковъ и освѣтилъ тропинку и тѣло убитой. Куртъ Аметъ замѣтилъ, какъ заблестѣло что-то на трупѣ. Это блестѣлъ при лунѣ золотой поясъ Салге. Инстинктъ вора пробудился въ убійцѣ.

«Все равно она мертва! Отчего не взять поясъ?»

Куртъ Аметъ подошелъ къ тѣлу и сталъ снимать поясъ. Потомъ онъ снялъ съ убитой золотые браслеты.

Голова почти отдѣлилась отъ тѣла и, припавъ щекой

къ землѣ, лежала въ неестественномъ положеніи. Кровь все еще сильно бѣжала изъ зіяющей раны на шеѣ трупа.

Видъ почти отпавшей отъ туловища головы ужаснулъ Куртъ Амета. Онъ присѣлъ на корточки и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ лицо убитой. Лицо было запачкано кровью. Широко раскрытые глаза съ расширенными зрачками тускло свѣтились при слабомъ блескѣ луны. Страшная голова была слѣпа и, не видя, равнодушно смотрѣла на убійцу потухшими очами.

Куртъ Аметъ содрогнулся. Невольнымъ движеніемъ руки онъ потянулъ къ себѣ головной платокъ убитой и покрылъ имъ мертвую голову.

Онъ уже уходилъ, какъ вдругъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опять увидѣлъ впереди себя на дорогѣ что-то блестящее. Это былъ фесъ Салге; блестѣли пришитые къ нему червонцы. Когда Салге упала, фесъ слетѣлъ съ головы ея и далеко откатился подъ гору. Куртъ Аметъ поднялъ фесъ и тоже спряталъ въ другой карманъ.

Онъ быстро зашагалъ назадъ и черезъ короткое время былъ уже дома.

Въ саклѣ было темно. Периде гдѣ-то была на работѣ. Это было очень кстати.

Надо было сообразить, что дѣлать. Конечно, прежде всего слѣдуетъ скрыть слѣды преступленія—спрятать ограбленныя вещи, смыть съ себя кровь. Руки его обсохли, но край праваго рукава бѣлой, изъ грубой шерсти, куртки былъ смоченъ. Убѣдившись, что матери нѣтъ въ саклѣ, Куртъ Аметъ подошелъ къ окошку и, при свѣтѣ луны, сталъ доставать изъ кармана вещи. Первый вынулся фесъ. Куртъ Аметъ досталъ ножъ—которымъ только что совершилъ убійство—и спорол съ феса пришитыя къ нему монеты и бусы, подпоролъ и выдралъ «топеликъ»—серебрянное донышко наверху феса—и «сагъ-дуванъ»—маленькій молитвенникъ, подшитый къ фесу изнутри, къ заднему бортику. Отъ феса остался голый остовъ. Потомъ онъ досталъ поясъ и браслеты и, забравъ всѣ вещи въ горсть, пошелъ во дворъ прятать. Въ узкомъ проходѣ между саклями была куча всякаго сора и пепла, который Периде выгребала изъ домашняго очага. Куртъ Аметъ выкопалъ въ сору яму, положилъ въ нее вещи, прижалъ ихъ, присыпалъ и заровнялъ сверху землей и золою.

Вѣтеръ такъ шумѣлъ и стучалъ вокругъ, что Куртъ Аметъ не услышалъ, какъ вернулась и прошла въ саклю Периде. Спрятавъ вещи, онъ пошелъ въ саклю, чтобы вымыть руки, и былъ удивленъ, замѣтивъ свѣтъ въ домѣ. Онъ открылъ двери и увидѣлъ, что Периде стоитъ посрединѣ комнаты съ лампочкой въ рукѣ и, кокетливо оправляя на головѣ фесъ, смотрится въ осколокъ зеркала.

Периде увидѣла сына и смутилась.

— Я думала, что ты ушелъ, и хотѣла запереть двери... Гдѣ ты взялъ этотъ фесъ?—сказала она, снимая фесъ съ головы своей и виновато поглядывая на сына.

Куртъ Аметъ только теперь спохватился, что, выходя, оставилъ фесъ на окнѣ.

— Гдѣ ты взялъ его?—спросила опять Периде.

— Нашелъ на дорогѣ... Зачѣмъ взяла?

— Отдай мнѣ его!—стала просить старуха.—Онъ совсѣмъ новый, а мой никуда не годится!

Куртъ Аметъ чувствовалъ, что теряется, что ведетъ себя ни съ чѣмъ не сообразно. Какъ могъ онъ оставить фесъ на окнѣ? И зачѣмъ пришелъ домой съ награбленными вещами? Какъ можно прятать вещи во дворѣ, когда, безъ сомнѣнія, первымъ дѣломъ станутъ искать во дворѣ, если хотя малѣйшее подозрѣніе въ убійствѣ падетъ на него?..

Какъ теперь потребовать назадъ фесъ отъ матери?.. Это возбудитъ ея подозрѣніе...

— Я ухожу сейчасъ... Запри за мною!—сказалъ онъ.

Куртъ Аметъ не рѣшился отнять фесъ у Периде.

«Пусть носитъ!.. На головѣ не найдутъ!»—мелькнула у него мысль.

— Куда ты? Что за необходимость идти ночью? И такая буря!

Но онъ не отвѣтилъ ей и вышелъ.

Дождавшись, покуда Периде заперла двери, Куртъ Аметъ свернулъ въ проходъ между саклями и поспѣшно откопалъ опять спрятанныя вещи. Теперь онъ тщательно осмотрѣлъ, все ли захватилъ, пересчиталъ монеты, долго шарилъ рукою въ ямкѣ, чтобы не осталась какая нибудь бусинка—и, заровнявъ ямку, ушелъ со двора. У него явилась мысль спрятать вещи въ пещерѣ, гдѣ они съ Бекиромъ крошили осенью табакъ: тамъ ужъ навѣрно никто не догадается искать.

И онъ пошелъ по дорогѣ въ Ялту.

XX.

Приближеніе зимы отмѣчается на южномъ берегу Крыма сильными вѣтрами съ горъ.

Послѣ ряда дождливыхъ дней, температура воздуха вдругъ сильно понижается, надъ Яйлою скопляются густыя, бѣлыя, какъ молоко, зловѣщія облака, и, обыкновенно съ вечера, начинается вѣтеръ. Онъ слетаетъ съ горъ сначала неравномѣрными порывами и чернитъ поверхность моря быстро бѣгущими полосками темной зыби. Усиливаясь постепенно, вѣтеръ

достигаетъ иногда степени настоящаго урагана и свирѣпствуетъ нѣсколько дней подрядъ. Жутко бываетъ въ Ялтѣ въ такую погоду. Дома дрожатъ; выдавленныя напоромъ вѣтра оконныя стекла со звономъ летятъ внутрь комнатъ среди ночи; задравъ гдѣ нибудь на домѣ краюшекъ желѣза, вѣтеръ въ дикомъ порывѣ рветъ гвозди, свертываетъ желѣзо въ трубку, точно бумагу, и, скомкавъ и изорвавъ листы, сноситъ и съ громомъ бросаетъ кровлю на земь, гдѣ лежатъ уже повергнутые старые пирамидальные тополи или вырванные съ корнями кипарисы. Случается, осенній ураганъ разрушаетъ до основанія непрочные фахверковые татарскіе домики на городскихъ окраинахъ. Пароходы не заходятъ въ Ялту въ такіе дни, потому что невозможно войти въ маленькую бухту. Сообщеніе черезъ Яйлу, по такъ называемому Бахчисарайскому шоссе, также прекращается. По опасной дорогѣ, прорѣзанной зигзагами въ почти отвѣсной стѣнѣ Яйлы не рискуютъ ѣздить въ такую погоду.

Въ ночь, когда Куртъ Аметъ бѣжалъ изъ деревни, разыгрался одинъ изъ такихъ ураганов. Куртъ Аметъ заблудился въ непроглядномъ туманѣ на Яйлѣ. Вѣтеръ со свистомъ несся по степи и, дойдя до обрыва Яйлы, кидался внизъ, бушевалъ въ лѣсу и стремглавъ несся дальше въ открытый просторъ моря. Подталкиваемый въ спину порывами вѣтра, Куртъ Аметъ почти бѣжалъ, не понимая, гдѣ онъ, куда надо держать путь, не зная, гдѣ край Яйлы, котораго надо было остерегаться, чтобы не слетѣть въ пропасть. Усталый, онъ замѣтилъ, наконецъ, знакомыя глыбы камней и опредѣлилъ мѣстность. «Бедене-Хиръ»*),—подумалъ онъ.—Недалеко корчма!

И онъ пошелъ по тому направленію, гдѣ долженъ былъ находиться спускъ къ Ялтѣ. По счастью, онъ натолкнулся прямо на корчму, въ которой когда-то они съ Бекиромъ пили водку. Въ корчмѣ было темно. Куртъ Аметъ зашелъ въ затишье и перевелъ духъ. Онъ усталъ отъ борьбы съ вѣтромъ и не зналъ, что ему дѣлать. Добраться до пещеры, гдѣ онъ думалъ спрятать вещи, въ такой ураганъ было невозможно. Возвратиться—объ этомъ онъ не могъ и подумать. Бѣжать! Куда нибудь, все равно—только бѣжать! Это было теперь безотчетной, но настоятельной потребностью его. Сознаніе совершеннаго преступленія тяготѣло надъ нимъ, мучительный страхъ заставлялъ биться его сердце. Бушевавшій вокругъ ураганъ еще болѣе усиливалъ этотъ страхъ, хотя Куртъ Аметъ видалъ въ теченіе своей скитальческой жизни бури и хорошо зналъ жалобныя пѣсни вѣтра на Яйлѣ. Ему казалось, что се-

---

*) По русски «Перепелиная гора», холмъ на вершинѣ Яйлы недалеко отъ Ай-Петри.

годня и вѣтеръ силенъ, какъ никогда, и въ пѣсняхъ его и въ посвистѣ слышится что-то зловѣщее. Скорѣй, скорѣй надо было избавиться отъ вещей, бывшихъ въ карманѣ! Онъ досталъ ихъ изъ кармана и пересмотрѣлъ.

«Не растерять бы чего нибудь на дорогѣ, а то найдутъ!»— съ безпокойствомъ соображалъ онъ.

Но вещи были всѣ цѣлы. Онъ замѣтилъ между ними маленькій «сагъ-дуванъ» и почувствовалъ суевѣрный страхъ къ священному предмету. Зачѣмъ этотъ молитвенникъ въ его рукахъ? Его не надо прятать съ вещами. Куртъ Аметъ изодралъ его и бросилъ на растерзаніе вѣтру. Подхваченные бурей листки бумаги пропали изъ глазъ. Конечно, ихъ занесетъ такъ, что не найдутъ!

Остальныя вещи Куртъ Аметъ рѣшилъ спрятать гдѣ нибудь въ лѣсу, въ примѣтномъ мѣстѣ. Онъ всталъ и пошелъ къ обрыву.

Съ опасностью жизни, каждый мигъ рискуя быть снесеннымъ въ пропасть, спустился онъ по краю шоссейной дороги подъ откосъ. Здѣсь уже было менѣе опасно, потому что обрѣзъ дороги нѣсколько защищалъ отъ вѣра. Прижимаясь плотнѣе къ стѣнкамъ шосое и хватаясь за попадавшіеся подъ руки камни и кусты растеній, убійца удерживался отъ налетавшихъ порывовъ вѣтра и, наконецъ, добрался до лѣса. Здѣсь ужъ было не такъ опасно, и онъ вздохнулъ свободно.

Но въ лѣсу было темно. Блѣдный свѣтъ луны, то потухая, то вновь появляясь, кое гдѣ прокрадывался между деревьями. Непонятный страхъ сразу овладѣлъ Куртъ Аметомъ, какъ только онъ вошелъ въ старый сосновый боръ. Лѣсъ стоналъ. Все гудѣло и трещало—слышались плачъ, и вопли, и дикій посвистъ. Отъ времени до времени въ лѣсу раздавались точно пушечные выстрѣлы. Это ломались и съ трескомъ рушились, давя все подъ собою, старыя, высокія, какъ мачты, сосны. Прямыя и тонкія, какъ восковыя свѣчи, молодыя сосенки качались, изгибались дугою и, казалось, тоже вотъ вотъ сломаются и лягутъ на землю. Мѣстами, гдѣ не было очень густо, лунный свѣтъ проникалъ къ подножью лѣса—здѣсь и тамъ точно скользили какія-то неясныя, неуловимыя тѣни, точно кто-то перебѣгалъ отъ дерева къ дереву неслышной поступью и прятался—уходилъ въ кусты. Куртъ Амету мерещилась убитая. Ему казалось, что это она перебѣгаетъ отъ дерева къ дереву и слѣдитъ за нимъ. Вонъ она, страшная голова съ замаранным кровью лицомъ, съ мутными, невидящими ничего большими глазами выглядываетъ на него то изъ за ствола дерева, то изъ за куста, то изъ папоротниковой заросли. Холодный ужасъ пробѣгалъ по его спинѣ. Убійца уже не шелъ, а бѣжалъ

бѣгомъ—спотыкался, падалъ на крутыхъ спускахъ тропинки, и опять бѣжалъ...

Онъ выбрался, наконецъ, на шоссейную дорогу и опомнился.

На Пендекюлѣ, близъ шоссейной казармы, ему встрѣтился обозъ порожнихъ татарскихъ пароконныхъ можаръ, идущій за Яйлу за дровами. Застигнутый ураганомъ въ пути, обозъ остановился и пережидалъ непогоду. Возчики сидѣли группой, близъ дороги, разговаривали и курили. Видно было, какъ въ темнотѣ мелькаютъ огоньки ихъ папиросъ. На пригоркѣ виднѣлась освѣщенная казарма шоссейныхъ рабочихъ. Куртъ Аметъ былъ радъ, что близко есть люди. Однако, онъ торопливо прошелъ мимо сидѣвшихъ около обоза татаръ, боясь, чтобы его не узнали, если между ними есть кто нибудь знакомый.

Но его никто не окликнулъ. Куртъ Аметъ рѣшилъ не поддаваться страху и идти по шоссе. Но едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ замѣтилъ, что въ его рукѣ блеститъ что-то. Это былъ золотой поясъ съ убитой. Онъ досталъ его въ лѣсу, думая спрятать и, забывъ объ этомъ, несъ его теперь на виду, мимо сидѣвшихъ. Вѣдь они могли замѣтить. Могли остановить его зачѣмъ нибудь, и увидѣли бы поясъ. Скорѣй, скорѣй надо развязаться съ проклятыми вещами!

Куртъ Аметъ поспѣшно свернулъ опять въ лѣсъ на первую попавшуюся тропинку и сталъ спускаться напрямикъ. И сейчасъ же его опять окружили скользящія тѣни, съ новой силой загрохотала буря надъ головою, какъ будто тамъ, надъ вершиной высокаго лѣса, одинъ за другимъ мчались тяжелые поѣзда.

— Кричитъ!—сказалъ себѣ Куртъ Аметъ и остановился, прислушиваясь.

Ему показалось, что кто-то сейчасъ кричалъ въ лѣсу. Онъ долго слушалъ, не шевелясь. Среди завыванья, жалобнаго плача и свиста вѣтра, отъ времени до времени слышались какіе-то новые, доносившіеся издалека звуки. Ясно было, что это ужъ не голосъ вѣтра. Куртъ Аметъ, наконецъ, узналъ этотъ голосъ. Онъ былъ ему хорошо знакомъ.

— Тьфу, проклятая!.. Лисица лаетъ!—сказалъ онъ съ облегченіемъ и пошелъ дальше.

— Здѣсь закопаю!—подумалъ онъ, увидѣвъ знакомую сосну. Онъ запомнилъ ее. Она отличалась отъ другихъ тѣмъ, что была совершенно обнажена. Тонкая, лишенная вѣтвей, она мачтой высилась къ небу и лишь на самой верхушкѣ, какъ пальма, имѣла зелень. Сосенка расла, какъ ему казалось, около хорошо знакомой тропинки, ведущей къ Пендекюльской казармѣ, и ее не трудно будетъ сыскать, когда понадобится достать вещи.

Куртъ Аметъ сталъ на колѣни, разгребъ подъ сосенкой пастъ иглъ и листьевъ и, доставъ ножъ, торопливо сталъ копать ямку. Онъ очень спѣшилъ. Страхъ опять начиналъ противъ воли проникать въ его душу, мучительно тѣснилъ его сердце. Куртъ Аметъ старался не смотрѣть вокругъ. Онъ сложилъ вещи въ ямку, закопалъ ихъ и, какъ прежде, присыпалъ сверху иглами. Вдругъ онъ опять затихъ и сталъ прислушиваться. «Кричитъ! Кричитъ!»—думалъ онъ, боясь оглянуться. Теперь ему ясно послышался голосъ человѣка. Среди неистоваго рева бури слышался далекій отчаянный крикъ:

— Меметъ! Меметъ!!

«Это она кричитъ»,—подумалъ онъ и вскочилъ на ноги.

Со страхомъ сталъ онъ озираться и сейчасъ же увидѣлъ то, чего такъ боялся. Блѣдная, мертвая голова слѣпыми глазами въ упоръ смотрѣла на него изъ подъ вѣтки папоротника. Голова убитой виднѣлась всего въ нѣсколькихъ шагахъ и, вмѣстѣ съ папоротникомъ, тихо покачивалась изъ стороны въ сторону. Куртъ Аметъ отпрянулъ, съ крикомъ запустилъ въ кровавое привидѣнье ножомъ, который былъ въ его рукѣ, и побѣжалъ.

Объятый ужасомъ, съ поднявшимися дыбомъ волосами, плача, какъ испугавшійся ребенокъ, Куртъ Аметъ бѣжалъ не помня себя, но голосъ, полный мольбы, полный отчаяннаго призыва, звучалъ въ ушахъ его все громче и громче, все явственнѣе: «Меметъ! Меметъ!!»

Онъ все бѣжалъ, прорывался черезъ кусты, падалъ и скатывался подъ гору, поскальзываясь на обросшихъ мохомъ камняхъ, но тотчасъ же вскакивалъ и опять бѣжалъ, ища выхода изъ лѣса. Этотъ лѣсъ казался ему ужаснымъ! Убитая Салге тутъ, въ этомъ лѣсу! Это она кричитъ и прячется за деревьями и смотритъ на него отовсюду помертвѣлыми глазами!

Она видѣла, какъ онъ пряталъ ея вещи! Скорѣй, скорѣй выбраться изъ проклятаго лѣса!

Наконецъ, онъ выбѣжалъ опять на шоссейную дорогу и почти упалъ обезсиленный, задыхающійся. Потрясенный пережитыми ощущеніями, убійца сидѣлъ и плакалъ, стуча зубами отъ охватившаго его озноба.

Несказанная радость охватила его, и сердце сильно забилось, когда онъ замѣтилъ, что съ того мѣста дороги, гдѣ онъ сидѣлъ, виднѣлись огни Ялты. Онъ узналъ мѣстность. Недалеко былъ водопадъ Учанъ-Су и около него шоссейная казарма. Близость людского жилья подѣйствовала на него успокоительно. Куртъ Аметъ пошелъ къ казармѣ и не отходилъ отъ нея до самаго утра. Онъ даже закурилъ папиросу. Собачка около казармы замѣтила его и принялась лаять. Она лаяла долго, повизгивая, и, чуя присутствіе чужого человѣка, никакъ не могла

успокоиться. И онъ былъ радъ, что собачка лаетъ. «При ней не посмѣетъ!»—думалъ онъ, вспоминая объ ужасномъ видѣніи.

Съ разсвѣтомъ Куртъ Аметъ пошелъ къ водопаду. Спустившись къ его подножію, гдѣ отъ паденія воды образовался довольно глубокій водоемъ, онъ тщательно осмотрѣлся и вымылся. Бѣлая войлочная куртка его была мѣстами въ крови. Правый рукавъ былъ замѣтно запачканъ кровью, а лѣвый карманъ, въ которомъ онъ пряталъ вещи, былъ пропитанъ ею. Куртъ Аметъ выдралъ карманъ и бросилъ въ воду. Ножны отъ ножа тоже были въ крови. Онъ утопилъ ихъ. Потомъ онъ долго и тщательно мылъ и теръ куртку мокрыми камешками, пока не исчезли на ней признаки крови.

Куртъ Аметъ пришелъ въ Ялту уже днемъ, вполнѣ овладѣвъ собою. Онъ даже удивлялся теперь, какъ могъ поддаться ночью такому глупому, болѣзненному страху.

— Совсѣмъ ничего страшнаго нѣту! Глупость одна! Кровь бунтуетъ это! Убилъ,—ну и убилъ! Важность большая!—думалъ онъ, чувствуя себя совсѣмъ бодрымъ.

Онъ съ удовольствіемъ пилъ кофе въ кофейнѣ у турка Юсуфа.

XXI.

Куртъ Аметъ пробылъ въ Ялтѣ два дня и, затѣмъ, пошелъ въ деревню. Его вдругъ потянуло домой, нетерпѣливо захотѣлось узнать, что тамъ дѣлается? Нашли ли тѣло? Что говоритъ общество по поводу убійства? На кого падаетъ подозрѣніе?

Все это надо узнать, чтобы сообразиться, какъ слѣдуетъ далѣе вести себя. Вернуться въ деревню казалось ему необходимымъ еще для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ убійствѣ, если такое подозрѣніе существуетъ. Возвратившись, онъ тѣмъ самымъ покажетъ, что не скрывается и не боится преслѣдованія.

И онъ направился въ деревню. Куртъ Аметъ пошелъ лѣсомъ, по тропинкѣ на Пендекюльскую казарму, съ намѣреніемъ найти замѣченную сосенку и посмотрѣть, цѣлы ли спрятанныя вещи. Онъ скоро нашелъ высокую тоненькую сосну, но, къ удивленію, вещей подъ нею зарыто не было. И мѣсто показалось ему какъ будто не то. Онъ сталъ искать, но, сколько ни искалъ, сосны подходящей не оказывалось.

Куртъ Аметъ рѣшилъ, что ошибся и что придетъ послѣ еще поищетъ, а теперь надо скорѣй идти домой.

Придя къ себѣ, Куртъ Аметъ прямо наткнулся на обыскъ. Въ ихъ дворѣ собралась толпа, была полиція и судебный слѣдователь. Становой приставъ Дьяконовъ суетился, махалъ руками и что-то кричалъ старой Периде.

Дьяконовъ такъ и накинулся на Куртъ Амета, какъ только его увидѣлъ.

— А-а! Голубчикъ! Пожаловалъ?—закричалъ онъ, кланяясь и вѣжливо снимая передъ Куртъ Аметомъ фуражку.— Здравствуй, куманекъ! Тебя-то, каналью, намъ и нужно!

И онъ тотчасъ же приказалъ урядпику Дармостуку стать около Куртъ Амета и не спускать съ него глазъ.

Тѣло Салге было найдено въ лѣсу на другой же день послѣ убійства, и скоро вся деревня знала уже, что въ лѣсу кѣмъ-то зарѣзана и ограблена дочь Халиля Салге. Узналъ объ этомъ сосѣдній урядникъ и послалъ извѣщеніе приставу. На другой день къ вечеру въ деревню прибылъ уже приставъ Дьяконовъ и слѣдователь съ докторомъ. Подозрѣніе тотчасъ же пало на Куртъ Амета. Сама молва указала слѣдователю на него.

— Онъ убилъ! Онъ сватался къ ней! Больше некому было убить! Онъ бродяга и воръ! Куртъ Аметъ одинъ хуже собаки!—съ негодованіемъ говорили татары.

Слѣдователь прежде всего побывалъ въ комнатѣ Салге, но ничего такого, что могло бы объяснить загадочный уходъ дѣвушки въ ночное время въ лѣсъ, почти за двѣ версты отъ деревни, найдено имъ не было. Слѣдователь опоздалъ. Уходя, Салге забыла захватить съ собою, какъ хотѣла, письма съ подписью Мемета. Связанныя вмѣстѣ, они остались лежать на диванѣ, но староста Кара Али раньше слѣдователя побывалъ въ комнатѣ Салге и взялъ письма себѣ. Кара Али прочелъ ихъ и, конечно, догадался, въ чемъ дѣло. Онъ не сомнѣвался, что письма писаны не Меметомъ, и вполнѣ раздѣлялъ съ односельчанами подозрѣніе противъ Куртъ Амета. Но Куртъ Аметъ не грамотенъ. Кто же писалъ письма? Староста сталъ думать, и ему пришелъ на память цыганъ Бекиръ. Они съ Куртъ Аметомъ якшались все лѣто. И Кара Али рѣшилъ поскорѣе повидать цыгана. Татары видѣли, какъ озабоченный староста сѣлъ на своего Бельбека и куда-то поѣхалъ. Кара Али поѣхалъ въ Узень Башъ и засталъ Бекира дома. Староста говорилъ съ цыганомъ съ глазу на глазъ и вывѣдалъ отъ него все. Уѣзжая, онъ строго приказывалъ цыгану молчать и, если будутъ опрашивать — отговариваться незнаніемъ. Впослѣдствіи, слѣдователь долго бился съ цыганомъ Бекиромъ, но ничего не вывѣдалъ отъ него. Цыганъ былъ стрѣляный волкъ, камера судебнаго слѣдователя была ему знакома и не очень-то пугала его. Онъ не выдалъ бывшаго товарища.

Придя съ обыскомъ во дворъ Периде, слѣдователь не имѣлъ еще никакихъ уликъ противъ Куртъ Амета. Онъ пришелъ, потому что молва указала на Куртъ Амета, какъ на убійцу.

Увидѣвъ народъ и властей у себя во дворѣ, Куртъ Аметъ растерялся. Это была неожиданность для него.

«Все знаютъ!»—подумалъ онъ.

— Гдѣ ножъ?—допрашивалъ приставъ Дьяконовъ, наступая на него.

— Какой ножъ?—бормоталъ Куртъ Аметъ, блѣднѣя.

«Что-то знаютъ!» мучительно—подумалъ онъ, и дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— Твой! Твой ножъ гдѣ?—кричалъ приставъ, вращая глазами.

— У меня нѣтъ ножа!—отвѣчалъ Куртъ Аметъ.

Приставъ приказалъ урядникамъ держать Куртъ Амета и самъ обыскалъ его.

— У всякаго татарина есть ножъ!—кричалъ приставъ.—Онъ спряталъ его. Говори: гдѣ твой ножъ?

Периде стояла въ дверяхъ сакли и съ испугомъ глядѣла на все происходившее. Увидѣвъ, какъ схватили и обыскивали ея сына, старуха смутно стала догадываться, что на этотъ разъ не за табачной машинкой пришла полиція. Волновавшее деревню и, не менѣе другихъ, ее самое убійство Салге невольно связывалось съ появленіемъ въ ея дворѣ властей. Неужели подозрѣваютъ Куртъ Амета?

— Эй! Старая! Говори: гдѣ ножъ твоего сына?—обратился вдругъ становой къ Периде.—Переведи ей: гдѣ ножъ ея сына?—сказалъ онъ переводчику.

Щеголеватый пожилой татаринъ въ городскомъ костюмѣ, предусмотрительно захваченный слѣдователемъ изъ города въ качествѣ переводчика, исполнилъ приказаніе.

Старая женщина вся помертвѣла отъ страха.

— Какой ножъ?.. Зачѣмъ?.. Я не знаю, гдѣ ножъ?—бормотала она.

Тогда всѣ вошли въ саклю и стали искать. Но ничего, кромѣ стараго, зазубреннаго, очевидно негоднаго, ножа не нашли.

Между тѣмъ, приставъ Дьяконовъ рылся въ сундукѣ и вытаскивалъ оттуда всякое тряпье. Вдругъ онъ закричалъ.

— А это что? Это кровь? Рубаха въ крови?

Онъ вынулъ изъ сундука смятую мужскую рубаху изъ грубаго холста и развернулъ передъ слѣдователемъ. На рубашкѣ были видны какія-то пятна.

— Вѣдь это кровь? Смотрите, кровь!—кричалъ, торжествуя, Дьяконовъ.—Это твой сундукъ?—спросилъ онъ старуху.

Переводчикъ перевелъ ей вопросъ.

— Да, мой сундукъ!—отвѣчала Периде.

— А чья рубаха?

— Это рубаха моего сына!

— А отчего она въ крови?

Периде не сомнѣвалась болѣе, что именно Куртъ Амета подозрѣваютъ въ убійствѣ.

Она поспѣшила объяснить приставу:

— На рубахѣ кровь! Да! Моего сына побили, давно! Меметъ изъ Ялты побилъ его! Я спрятала рубаху въ сундукъ!..

Приставъ не сталъ дальше слушать.

— Побили? Ладно! Разсказывай сказки! А зачѣмъ спрятала окровавленную рубаху на самое дно сундука? А?

Periде совсѣмъ потерялась и не нашлась, что отвѣтить. Между тѣмъ это была, дѣйствительно, та самая рубаха, въ которой Куртъ Аметъ былъ на праздникѣ Азиса. Виднѣвшаяся на рубахѣ, выцвѣтшая отъ времени, кровь—была собственная кровь Куртъ Амета. Периде спрятала тогда рубаху въ сундукъ и хотѣла выстирать, но все было некогда, а потомъ она забыла вовсе про рубаху. Да и рубаха была старая, изорванная. Теперь приставъ извлекъ ее изъ сундука Периде, какъ трофей, и она не могла не произвести эффекта. Искали крови—и вдругъ нашли ее. Подозрѣніе властей превращалось въ убѣжденіе. Периде въ глазахъ пристава являлась укрывательницей преступленія, совершеннаго сыномъ. Теперь уже принялись искать въ домѣ и вещи, ограбленныя у убитой.

— Гдѣ спрятали вещи? Говорите? Гдѣ поясъ золотой? Гдѣ браслеты?—кричалъ приставъ Дьяконовъ.

Куртъ Аметъ молчалъ и только мрачно оглядывалъ окружающихъ. Периде стала плакать. Саклю тщательно обыскали, все перерыли, но нигдѣ ничего подозрительнаго не нашли. Потомъ пошли опять искать во дворѣ.

Приставъ долго осматривалъ закоулокъ, гдѣ Куртъ Аметъ первоначально спряталъ вещи. Почему-то куча мусору особенно привлекала вниманіе становаго. Приставъ обнажилъ шашку и долго разгребалъ и копался въ сору, присѣдая на корточки и внимательно осматривая каждый сколько нибудь подозрительный предметъ.

Куртъ Аметъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями становаго...

Вдругъ Дьяконовъ выпрямился и, держа какой-то маленькій предметъ передъ глазами, закричалъ:

— Вотъ! Нашелъ!

И онъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

Слѣдователь и татары окружили Дьяконова.

— Вотъ! Смотрите!—говорилъ Дьяконовъ.—На убитой былъ красный гарусный платокъ и, помните,—кусочекъ бахромы на платкѣ оторванъ? Вотъ онъ, этотъ кусочекъ бахромы!..

Это, наконецъ, была важная улика. Татары съ любопытствомъ разсматривали запачканную золою бахромку и сразу всѣ заговорили. Периде слышала, о чемъ говорятъ, и поняла теперь, что сына ея подозрѣваютъ въ убійствѣ Салге не на-

прасно. Она горько заплакала и сказала, махая руками на Куртъ Амета:

— Если это онъ сдѣлалъ, то онъ не сынъ мнѣ больше!

Куртъ Аметъ слышалъ слова Periде, и злое чувство къ матери вспыхнуло въ немъ.

— Я не сынъ тебѣ?..—грубо крикнулъ онъ.—А чей фесъ у тебя на головѣ?

Это всѣ слышали и, притихнувъ, ждали, что скажетъ Периде.

— Фесъ?.. Ты далъ мнѣ его!.. Я не знаю, чей это фесъ!—отвѣчала, поблѣднѣвъ, Периде.

И она трепетными руками сняла фесъ Салге съ головы своей.

Фесъ принялъ отъ нея слѣдователь.

— А гдѣ же украшенія? Гдѣ червонцы, которые были пришиты къ фесу?—спросили старуху.

Куртъ Аметъ опять крикнулъ.

— Куда ты дѣвала червонцы, которые я тебѣ далъ?

Периде дрожала всѣмъ тѣломъ, пятилась отъ сына, выставивъ впередъ обѣ руки, точно хотѣла защититься отъ него. Она понимала, что сынъ со злобы запутываетъ ее въ свое кровавое дѣло.

— Какіе червонцы?.. Ты не давалъ мнѣ червонцевъ!—лепетала она побѣлѣвшими губами.

Разговоръ матери съ сыномъ былъ въ точности занесенъ въ протоколъ. Съ этого момента къ Периде былъ тоже приставленъ караулъ.

Приставъ такъ и наступалъ на Куртъ Амета, требуя, чтобы онъ показалъ, гдѣ спряталъ вещи. Куртъ Аметъ сначала увѣрялъ, что не знаетъ, о какихъ вещахъ идетъ рѣчь, а потомъ вдругъ сказалъ:

— Пойдемъ со мной! Покажу, гдѣ вещи!

Всѣ гурьбой пошли за Куртъ Аметомъ. Онъ вывелъ всѣхъ за деревню и шелъ, куда глаза глядятъ, вдоль татарскихъ садовъ.

Староста Кара Али шелъ около Куртъ Амета и, замѣтивъ, что привезенный слѣдователемъ переводчикъ заговорился о чемъ-то съ татарами, сказалъ негромко, но такъ, что Куртъ Аметъ его хорошо слышалъ:

— Ничего не показывай, Куртъ Аметъ! Ни въ чемъ не сознавайся! Они ничего не знаютъ. Письма цыгана не у нихъ, а у меня. Молчи!

Куртъ Аметъ со страхомъ покосился на Кара Али и подумалъ: «Онъ все знаетъ»! Но страхъ его сейчасъ же прошелъ. Онъ понялъ, что староста не выдастъ его и другимъ скажетъ, чтобы не выдавали. Онъ вспомнилъ, что въ деревнѣ

всѣ относились къ нему враждебно, и только одинъ староста Кара Али былъ всегда къ нему добръ. Табачную машинку тогда взялъ у чиновниковъ и сейчасъ же возвратилъ ему. И даже теперь Кара Али на его сторонѣ.

— Ахъ, спасибо ему! Хотя одинъ добрый человѣкъ есть на деревнѣ! Одинъ Кара Али не такой, какъ всѣ!—съ благодарностью думалъ Куртъ Аметъ.

Онъ прошелъ еще немного и вдругъ свернулъ съ дороги и сѣлъ на камень.

— Куда я пойду? Что показывать буду? Я ничего не знаю!—говорилъ онъ.

— Ты самъ сказалъ: «покажу гдѣ вещи!» Показывай, гдѣ спряталъ?—кричалъ приставъ, силясь поднять Куртъ Амета съ камня.

— Не пряталъ я ничего!—отвѣчалъ Куртъ Аметъ, вырываясь.

— А зачѣмъ сказалъ, что покажешь?

— Испугался я! Ты кричалъ очень!.. Самъ не зналъ, что говорилъ!

И Куртъ Аметъ сталъ плакать. Слѣдуя внушенію старосты, онъ заперся и на всѣ разспросы упорно отвѣчалъ одно и то же:

— Я ничего не знаю! Я ни въ чемъ не виноватъ!

Вернулись въ деревню. Слѣдователь приказалъ сейчасъ же отвезти Куртъ Амета и Periде въ городъ для заключенія въ тюрьму. Ихъ усадили на дроги и подъ сильнымъ конвоемъ урядниковъ повезли. Куртъ Амета связали.

Старая Periде очень волновалась и плакала горькими слезами. Вся деревня молча проводила арестованныхъ, когда ихъ увозили.

Слѣдствіе продолжалось нѣсколько дней. Десятскій Умеръ Арифъ ходилъ по деревнѣ и звалъ къ допросу то одного, то другого. Татары волновались и цѣлые дни засѣдали въ кофейнѣ у Муслюма, обсуждая ужасное происшествіе. Только и говорили, что объ убійствѣ, о его виновникѣ, объ отчаяніи стараго Халиля и слѣдили за ходомъ слѣдствія. Въ кофейнѣ говорили, между прочимъ, что староста Кара Али употребляетъ всѣ усилія, чтобы убѣдить свидѣтелей не показывать ничего по этому дѣлу, что онъ старается затемнить истину, сбить слѣдствіе съ настоящей дороги. Но деревня вышла изъ повиновенія старостѣ. Были слухи, что дѣвушки, подруги Салге, разсказали слѣдователю кое что важное. Староста очень домогался, чтобы ему дозволили присутствовать при допросѣ свидѣтельницъ, но слѣдователь не пускалъ его. Говорили, что Кара Али ходитъ, какъ ночь, и очень на всѣхъ сердится.

XXII.

Спустя годъ назначенъ былъ судъ надъ Куртъ Аметомъ и Периде.

Въ дождливый, скучный день десятскій Умеръ Арифъ ходилъ по деревнѣ и то и дѣло громко стучалъ палкой въ ворота то у одной, то у другой сакли.

— Повѣстка! Повѣстка! Эй! Кто тамъ есть дома?

— Какая тамъ повѣстка?

— Повѣстка! На судъ! Свидѣтелемъ! Выходи, получай! Ждать некогда!

И десятскій умеръ Арифъ идетъ дальше и опять стучитъ.

— Повѣстка! Повѣстка!—раздается хриплый голосъ старика въ разныхъ концахъ деревни.

А вечеромъ въ тотъ же день, ворча вслухъ на безпокойную службу, вторично обходилъ деревню Умеръ Арифъ и опять стучалъ палкой по воротамъ, выкликая хозяевъ.

— Что тамъ еще? Кому надо?

— Староста зоветъ! Айда сейчасъ въ кофейню!

— Зачѣмъ зоветъ?

— Не знаю!.. Дѣло есть!—и десятскій бѣжитъ уже дальше, исполняя порученіе.—Охъ-хо-хо! Когда-то ужъ конецъ моей ходьбѣ будетъ!—ворчитъ старикъ.

Всѣхъ почетниковъ деревенскихъ и свидѣтелей по дѣлу Куртъ Амета, а если свидѣтелями были дѣвушки или женщины, то отцовъ ихъ или мужей—староста Кара Али сзывалъ зачѣмъ-то въ кофейню.

— Зачѣмъ зоветъ староста?—спрашивали всѣ.

Но Умеръ Арифъ никому не умѣлъ на это отвѣтить, и татары, кто побогаче—подъ зонтикомъ, а кто просто накрывшись съ головою попавшейся подъ руки ветошкой, перепрыгивая по грязи, стали сходиться въ кофейню Муслюма.

Приходящіе здоровались и усаживались, по привычкѣ, каждый на свое мѣсто. Приходили въ кофейню и такіе, которыхъ не звали. Скоро кофейня наполнилась народомъ. Усаживались, гдѣ кто могъ, по двое на одну табуретку, и просто на полу, кто на корточки, кто по турецки, и кофейщику Муслюму, разносившему кофе, приходилось лазить черезъ гостей. На это маленькое безпокойство, впрочемъ, никто не претендовалъ.

Татары сидѣли въ молчаньи и ждали, чтобы староста Кара Али объяснилъ, зачѣмъ созвалъ людей. Въ кофейню собралась почти вся деревня. Тутъ былъ и мулла Хатипъ, степенный старикъ въ чалмѣ, съ умнымъ, бородатымъ лицомъ,—

деревенскіе старики и почетники, и солидные, хотя не запустившіе еще бороды, члены общества, и молодежь.

На покрытомъ ковромъ балкончикѣ, на всегдашнемъ своемъ мѣстѣ, сидѣлъ и старый Халиль. Его трудно было узнать, такъ измѣнило его горе. Онъ не разсказывалъ больше про коронацію, не размахивалъ, какъ бывало, руками, увлекаемый воспоминаніями о прошломъ. Халиль согнулся, совершенно посѣдѣлъ и трясъ бѣлой головою. Голова его затряслась еще тогда—въ лѣсу,—когда онъ увидѣлъ трупъ и узналъ въ немъ свою дочь. Старикъ былъ теперь спокоенъ и ко всему равнодушенъ. Онъ пересталъ рыдать и стонать, и биться объ землю, пересталъ и плакать, потому что вышли всѣ слезы. Постепенно онъ затихъ и замолчалъ. Только голова стараго Халиля не переставала трястись съ тѣхъ поръ, глаза, подернутые мутью, стали плохо видѣть, и отяжелѣвшія вѣки поднимались съ трудомъ. Еще недавно здоровый, румяный старикъ, благодушный и веселый — обратился въ развалину. Тѣло еще жило зачѣмъ-то, но душа была убита.

Ничто не заботило, не интересовало стараго Халиля; домъ его и все хозяйство—пришли въ упадокъ. Старикъ недвижимо, цѣлыми днями, сидѣлъ одинъ въ своей саклѣ или въ кофейнѣ и трясъ головою или шелъ, едва волоча ноги, къ кладбищу, гдѣ была похоронена Салге, и сидѣлъ на могилѣ ея. Казалось, эта могила единственно удерживала его на землѣ. Случалось, онъ оставался на ней всю ночь. Татары стали наблюдать за нимъ и уводили его съ кладбища домой. Иногда старый Халиль впадалъ въ какое-то забытье. Онъ заходилъ въ лавочку Яни и, какъ когда-то прежде, покупалъ конфекты. Онъ несъ ихъ своей любимой, единственной дочкѣ, своей маленькой дѣвочкѣ—вѣдь она любитъ сладкое! Онъ приходилъ съ гостинцами на могилу Салге и здѣсь, казалось, приходилъ въ себя. Старикъ сидѣлъ на могилкѣ и, машинально перебирая въ рукахъ конфекты въ цвѣтныхъ бумажкахъ, смотрѣлъ на нихъ и плакалъ—плакалъ безъ слезъ, потому что ихъ не было, и печально трясъ поникшей головою.

— Моя дочка! Моя дочка!—повторялъ онъ тихо.

Конфекты разсыпались изъ его дрожащихъ рукъ и, забытыя, такъ и оставались лежать около могилы Салге, пока не размокали отъ дождя...

Староста Кара Али сидѣлъ на табуретѣ, положивъ на столъ локти, и молча тянулъ наргиле. Онъ смотрѣлъ угрюмо и, казалось, обдумывалъ, какъ лучше заговорить съ татарами. Наконецъ, когда въ кофейнѣ ужъ вовсе не было свободнаго мѣста, и невозможно было войти новому человѣку, Кара Али заговорилъ, и въ кофейнѣ тотчасъ же водворилась полная тишина.

Староста Кара Али началъ неторопливо, ни на кого не глядя, глухимъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ. Онъ говорилъ о предстоящемъ на дняхъ разбирательствѣ дѣла Куртъ Амета и его матери Периде. Староста напомнилъ татарамъ о гнусномъ злодѣяніи, совершенномъ годъ тому назадъ—убійствѣ молоденькой, невинной дѣвушки, бывшей украшеніемъ и радостью всей девевни, и напоминаніе это вызвало движеніе въ средѣ присутствовавшихъ. Раздавались восклицанія. Забытое чувство возмущенія и негодованія противъ убійцы пробудилось вновь въ сердцахъ слушателей.

— Посмотрите на старика—что сталось съ нимъ?—сказалъ Кара Али, возвысивъ голосъ и указывая на Халиля.—Халиль, старый другъ нашъ, самый добрый человѣкъ въ деревнѣ!.. Разбито его сердце! Какъ постарѣлъ онъ! Болѣзнь и печаль согнули его спину! Голова стала совсѣмъ сѣдая! Смотрите, какъ онъ трясетъ ею—плечи не могутъ больше удерживать ее... И разсудокъ мутится у старика: все говоритъ про кровь...

Голосъ старосты дрогнулъ, и присутствующіе съ удивленіемъ увидѣли слезы на глазахъ его. Кара Али съ досадой смахнулъ ихъ рукою и, овладѣвъ собою, сказалъ:

— Но во всемъ воленъ Аллахъ! Если случилось такъ,—то должно было случиться!

— Аллахъ! Правду сказалъ Кара Али! Богъ не дремлетъ никогда, живъ и вѣченъ — всяческая на небесахъ и на землѣ его есть!—сказалъ мулла Хатипъ, задумчиво покачивая головою.

— Аллахъ! Аллахъ!—повторили за муллою сѣдобородые старики.

Староста всталъ, и глаза его загорѣлись холоднымъ блескомъ. Онъ сказалъ:

— Но всемогущій Богъ велитъ наказывать убійцу! Если Куртъ Аметъ убилъ дочь Халиля,—то пусть отдадутъ преступника намъ, мы будемъ сами судить его! Зачѣмъ они думаютъ, что будутъ судить лучше насъ? Неужели они думаютъ, что мы оправдаемъ и отпустимъ негодяя? Нѣтъ! мы обвинимъ его, если онъ виновенъ! Мы осудимъ его на муку и смерть! Мы живого закопаемъ его въ землю!

И мрачный голосъ Кара Али зазвучалъ такой угрозой, въ глазахъ его свѣтилась такая рѣшимость, что слушавшіе его невольно содрогнулись. Никто не сомнѣвался, что староста Кара Али говоритъ не напрасно, что онъ первый безъ содроганія привелъ бы ужасную казнь въ исполненіе.

— Да! Мы лишили бы его жизни!—продолжалъ староста.—Ибо повелѣно въ писаніи: убійство за убійство, свободнаго человѣка за свободнаго, раба за раба, жену за жену...

Мулла Хатипъ тоже всталъ и съ убѣжденіемъ подтвердилъ слова старосты.

—Правду, правду говоритъ вамъ Кара Али! Такъ сказано въ писаніи!—сказалъ онъ и отрывисто, возбуждая всѣхъ, сталъ напамять читать наставленіе Аль-Корана.

— И еще написано у пророка: человѣка за человѣка! око за око! носъ за носъ! ухо за ухо! зубъ за зубъ! руку за руку! Наблюдающіе сіе творятъ благо!

Старики опять закачали головами и, тяжело вздыхая, произнесли:

— Аллахъ! Аллахъ!

— Но если не хотятъ, чтобы мы судили убійцу по своему закону, то пусть никто не судитъ его!—продолжалъ староста Кара Али;—какое дѣло русскимъ до этого убійства? Развѣ Куртъ Аметъ убилъ русскую, что они арестовали его? Нѣтъ. Убита дочь татарина—и это наше деревенское дѣло. Пусть русскіе владѣютъ землею и берутъ съ насъ налоги, но зачѣмъ вмѣшиваются они въ нашу жизнь? У насъ своя вѣра, свои обычаи, свои правила и законы. Если русскіе отнимаютъ у насъ право жить по нашимъ обычаямъ, судиться своими законами, то не захотятъ ли они скоро, чтобы мы оставили нашу вѣру и приняли ихъ вѣру?

— Христіане прокляты Богомъ!—сказалъ Хатипъ, опять цитируя Коранъ.—Они богохульствуютъ, поклоняясь учителямъ и священникамъ своимъ; поклоняются Мессіи, сыну Маріину, который и самъ заповѣдалъ имъ не поклоняться никому иному, кромѣ Бога единаго! Одинъ Богъ Аллахъ—и Магометъ его пророкъ!

Татары заволновались и заговорили. При помощи муллы Хатипа, котораго Кара Али просилъ поддержать его въ обращеніи къ обществу по дѣлу Куртъ Амета, староста достигъ своей цѣли. Ихъ рѣчи зажгли въ татарахъ дремлющее чувство религіозной вражды къ невѣрнымъ и подготовили почву къ тому, что хотѣлъ староста внушить свидѣтелямъ по дѣлу объ убійствѣ Салге.

— Слушайте, что я еще скажу вамъ!—сказалъ Кара Али, возвышая голосъ.

Кофейня затихла и староста продолжалъ:

— Еще тогда, когда дѣло это случилось, я убѣждалъ васъ молчать, не говорить слѣдователю того, что знаете, что думаете, о чемъ догадываетесь! Но меня не хотѣли тогда слушать и разсказали слѣдователю кое что такое, чего не должно было ему говорить, потому что не его это дѣло. Меня не хотѣли тогда послушаться, потому что были злы на Куртъ Амета и хотѣли ему зла. Правильно ли поступили, предавъ татарина во власть русскихъ? Вы слышали, что говорилъ мулла Ха-

типъ, и знаете, что поступили неправильно. Если не хотятъ, чтобы мы наказали убійцу, то пусть никто, кромѣ Бога, не наказываетъ его. И еще я скажу вамъ, что многое говорили вы слѣдователю, чего не слѣдовало говорить, но онъ всетаки не узналъ самаго важнаго, что могутъ узнать. Онъ не узналъ этого потому, что я не далъ ему узнать этого. Русскіе будутъ судить Куртъ Амета, но у нихъ нѣтъ доказательствъ, чтобы сказать: онъ убилъ! Только я одинъ знаю, кто зарѣзалъ дочь Халиля, а русскіе не знаютъ. Только у меня есть свидѣтели, которые хорошо знаютъ это дѣло, но я не указалъ тогда, не укажу и теперь этихъ свидѣтелей русскимъ судьямъ. Нѣкоторые изъ васъ говорили: Куртъ Аметъ убилъ!.. А кто изъ васъ видѣлъ, что Куртъ Аметъ убилъ? Никто не видѣлъ... Онъ самъ развѣ сказалъ: я убилъ? Нѣтъ. Онъ не говорилъ этого. Дѣвушки говорили про фесъ: «это фесъ Салге. Мы знаемъ его». Но кто можетъ сказать, что это фесъ Салге, когда у всѣхъ женщинъ фесъ одинаковый? Нѣтъ! У русскихъ нѣтъ доказательствъ по этому дѣлу!

И староста долго еще говорилъ татарамъ, а общество поддавалось внушенію. Въ кофейнѣ стоялъ шумный говоръ. Мулла Хатипъ и старики почетники соглашались со старостой и, въ свою очередь, научали свидѣтелей, какъ имъ слѣдуетъ вести себя и что показывать на судѣ.

Разошлись татары уже подъ утро.

Староста Кара Али обходилъ на другой день еще и свидѣтельницъ по дѣлу Куртъ Амета, не бывшихъ вечеромъ въ кофейнѣ, и бесѣдовалъ съ ними о предстоящемъ дѣлѣ.

Въ особенности долго пробылъ онъ въ домѣ Асана. Онъ убѣждалъ робѣющую Эмене Шерфе. Это была единственная свидѣтельница, которая безпокоила старосту...

XXIII.

Былъ плаксивый, сѣрый, холодный день. Море бушевало. Огромныя, съ пѣнистыми гребнями волны съ гуломъ ударялись въ берегъ, перебрасывали брызги черезъ высокій молъ, вкатывались на набережную Ялты. На улицахъ, какъ обыкновенно въ это время года, было пустынно и уныло. Только около зданія клуба, въ городскомъ саду, гдѣ происходили засѣданія выѣздной сессіи окружного суда, было замѣтно оживленіе. Не смотря на часто накрапывавшій дождь и холодный вѣтеръ съ моря, около суда толпился народъ. Вѣсть о томъ, что сегодня разбирается дѣло объ убійствѣ татарки, облетѣла городъ и окрестности деревни и привлекла въ судъ много горожанъ и татаръ. Пропускалась въ залу только такъ назы-

ваемая «чистая» публика, и обиженные осыпали за это дежурнаго городового весьма справедливыми упреками. Городовой не возражалъ на это, но съ невозмутимымъ хладнокровіемъ продолжалъ подставлять аттакующимъ свою непреодолимую спину.

Уже къ девяти часамъ утра зала была полна избранной публикой. Корреспонденты завоевали себѣ мѣсто близъ окна и, разложивъ на подоконникѣ бумагу и очиненные карандаши, приготовились записывать судебное слѣдствіе. У окна это было ихъ привычное мѣсто. Предсѣдатель суда разъ навсегда отдалъ распоряженіе, чтобы представителямъ газетъ не давали особаго стола. Чопорное провинціальное чиновничество презираетъ прессу, и злополучныя газеты зачастую бываютъ поставлены въ необходимость «промышлять» хронику мѣстной жизни чуть не грабежемъ и открытымъ разбоемъ.

Необычайное стеченіе публики въ судъ дѣлало предстоящій процессъ, какъ говорится, громкимъ и заранѣе нервировало судей. Предсѣдательствовавшій членъ суда даже разсердился. Онъ рѣшительно не видѣлъ ничего выдающагося въ предстоящемъ дѣлѣ, и даже побранилъ публику, которой, по его мнѣнію, было нечего дѣлать, какъ только таскаться по судамъ.

Въ десять часовъ судебный приставъ торжественно заявилъ: «судъ идетъ!» и публика шумно встала съ своихъ мѣстъ. Судьи въ старенькихъ, помятыхъ отъ постоянной волокиты въ чемоданахъ по сессіямъ, мундирахъ, съ поблекшими пуговицами и высокими, потускнѣвшими, золотыми воротниками, заняли мѣста, и засѣданіе открылось.

— Введите подсудимыхъ!—приказалъ предсѣдатель.

Тотчасъ же у дверей произошло движеніе, и стража, съ обнаженными шашками въ рукахъ, ввела Куртъ Амета и Периде.

Глаза всѣхъ обратились на подсудимыхъ.

Куртъ Аметъ, съ поднятой головою, бодрой и легкой походкой горца, шелъ впереди. Онъ былъ въ арестантской одеждѣ и завязанной на голеняхъ ногъ мягкой обуви. Во всей его фигурѣ и въ лицѣ было что-то гордое, даже наглое. Онъ пополнѣлъ, сидя въ тюрьмѣ, и лицо его съ двойнымъ, гладко выбритымъ передъ засѣданіемъ суда, подбородкомъ пріобрѣло непріятное, какое-то плотоядное выраженіе. Тѣмъ не менѣе, отлично сложенный молодой татаринъ былъ красивъ, и дамы нашли, что онъ смахиваетъ на Наполеона перваго. Маленькая, тщедушная Периде шла вслѣдъ за сыномъ. Она была съ головой накрыта большимъ зеленымъ платкомъ, и никто не могъ разглядѣть ея лица. Такъ она и

оставалась закутанная платкомъ во все время судебнаго разбирательства.

Послѣ выбора присяжныхъ ввели свидѣтелей. Ихъ было около 50 человѣкъ, все татары и преимущественно женщины. Татарки толпились и пугливо жались одна къ другой. Изъ подъ головныхъ покрововъ нельзя было разсмотрѣть ни одного лица. Таинственныя свидѣтельницы бросали тревожные, косые взгляды на публику, на судей, на всю обстановку залы. Такъ глядитъ волченокъ, пойманный въ лѣсу и перенесенный въ невиданную обстановку человѣческаго жилища.

Мулла торжественно приводилъ всѣхъ къ присягѣ. Татарки освобождаютъ изъ подъ платковъ руки и поднимаютъ вверхъ указательный палецъ. У всѣхъ кольца, почти на каждомъ пальцѣ, у многихъ браслеты. Женщины боятся и едва слышно повторяютъ за муллой слова присяги. Потомъ всѣ цѣлуютъ и прикладываютъ ко лбу коранъ.

Шепелявый секретарь съ маленькой лохматой головкой, прозванный въ судейской канцеляріи «мухортымъ», громкой скороговоркой, не останавливаясь на знакахъ препинанія, прокричалъ теноркомъ обвинительный актъ. Обвиненіе Куртъ Амета было основано на показаніяхъ Эмене Шерфе. Въ обвинительномъ актѣ говорилось, что Куртъ Аметъ заманилъ Салге въ лѣсъ именемъ Мемета, которато она любила, и тамъ убилъ ее и ограбилъ. Куртъ Аметъ обвинялся въ предумышленномъ убійствѣ и ограбленіи Салге; Периде—въ укрывательствѣ преступленія сына.

Обвиняемые не признали себя виновными.

Тогда приступили къ допросу свидѣтелей. Судебное слѣдствіе шло долго и томительно, черезъ переводчика. Почти никто изъ свидѣтелей не зналъ русскаго языка, а кто и зналъ, тѣ отказывались давать показанія по-русски.

Первымъ допрашивали Абибуллу, нашедшаго въ лѣсу трупъ, затѣмъ мѣстнаго урядника. Потомъ пригласили Халиля. Старикъ шелъ, опираясь на палку и спотыкаясь на рваномъ коврѣ, которымъ застлали нужный для танцевъ паркетный полъ. Его разслабленный видъ, его неудержимо трясущаяся голова сразу произвели сильное впечатлѣніе на залу.

— Отецъ! Отецъ убитой!—шептались въ публикѣ.

Судебный приставъ взялъ Халиля за плечи и поставилъ на коврикѣ, въ двухъ шагахъ отъ судейскаго стола.

Старику предложили разсказать обстоятельства дѣла.

Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Что я знаю?.. Я ничего не знаю!..

Тогда ему стали предлагать вопросы:

— Кого вы подозрѣваете въ убійствѣ вашей дочери? Не подозрѣваете ли вы подсудимаго?—сказалъ предсѣдатель.

— Я не знаю!.. Одинъ Аллахъ знаетъ, кто убилъ мою дочь!—отвѣчалъ Халиль, поднявъ руку къ небу.

— Вы говорили слѣдователю: «Куртъ Аметъ убилъ мою дочь! Больше не на кого думать! Это бродяга и воръ. Куртъ Аметъ хуже собаки!»—напомнилъ ему предсѣдатель.

— Не помню!.. Если говорилъ, нехорошо говорилъ... Одинъ Аллахъ знаетъ, кто убилъ мою дочь! Аллахъ накажетъ убійцу!..

Судьи пошептались между собою.

Предсѣдатель приказалъ подать свидѣтелю фесъ, взятый съ головы Периде.

— Свидѣтель, узнаете ли вы этотъ фесъ? Не принадлежалъ ли этотъ фесъ вашей дочери?

Халиль посмотрѣлъ на фесъ и сказалъ:

— Какъ могу я знать? Всѣ фесы одинаковы!

Судъ прочелъ показаніе Халиля, данное на предварительномъ слѣдствіи.

«Этотъ фесъ принадлежалъ моей дочери. Съ него сняты украшенія. Я не могу ошибиться».

— Нѣтъ! Нельзя такъ говорить!—сказалъ Халиль.—Всѣ фесы одинаковы. Я ничего не знаю! Аллахъ знаетъ! Аллахъ накажетъ убійцу!

Старику предлагали еще рядъ вопросовъ, но онъ или молчалъ, какъ будто не слышалъ, что къ нему обращаются, или повторялъ все одно и то же:

— Аллахъ знаетъ! Аллахъ накажетъ убійцу!—Халиля отпустили.

Позвали старосту Кара Али. Этотъ свидѣтель интересовалъ судей. Слѣдователь разсказывалъ о двусмысленной роли, которую игралъ староста на предварительномъ слѣдствіи. Свидѣтель этотъ былъ подозрителенъ.

Могучая, нѣсколько неуклюжая фигура старосты Кара Али, его угрюмое лицо и характерная «рваная ноздря» обратили на себя общее вниманіе. Во всей внѣшности этого свидѣтеля было что-то интересное, импонирующее.

Кара Али просилъ, чтобы ему предлагали вопросы.

Предсѣдатель спросилъ, что за человѣкъ подсудимый? Хорошій человѣкъ или дурной? Какой онъ пользовался репутаціей?

— А, конечно, онъ нехорошій человѣкъ! Начальство обманывалъ! Табакъ крошилъ! Въ тюрьмѣ сидѣлъ!

И Кара Али съ подкупающимъ простосердечіемъ подробно разсказалъ эпизодъ, какъ приставъ Дьяконовъ и чиновники акцизнаго вѣдомства пріѣхали въ деревню дѣлать у Куртъ Амета обыскъ, какъ подсудимый тогда убѣжалъ, но былъ пойманъ. Потомъ староста живо изобразилъ сцену, какъ выбѣ-

жала изъ сакли съ табакомъ въ подолѣ мать подсудимаго, Перидe, и какъ за ней погнался приставъ Дьяконовъ. При этомъ староста смѣшно представилъ руками, какъ приставъ ловилъ подсудимую за платье, какъ старуха упала и разсыпала табакъ, потому что «господинъ приставъ порвалъ ея платье!»

Это вызвало въ публикѣ смѣхъ.

Предсѣдатель остановилъ отклонившагося въ сторону свидѣтеля.

Тогда Кара Али опять очень подробно разсказалъ случай, какъ подсудимый воровалъ виноградъ въ Массандрѣ, и какъ его подстрѣлилъ изъ ружья сторожъ.

— Въ это мѣсто попалъ!—показалъ на себѣ Кара Али.— Двѣ недѣли сидѣть не могъ!

Въ залѣ опять засмѣялись.

Предсѣдатель вторично остановилъ старосту. Начинало казаться, что Кара Али дурачитъ судъ.

Пошептавшись съ судьями, предсѣдатель еще спросилъ, не попадался ли Куртъ Аметъ въ кражѣ своимъ односельчанамъ. Староста отвѣтилъ, что въ своей деревнѣ онъ никогда ни въ чемъ подобномъ замѣченъ не былъ. Далѣе, на вопросъ защитника о томъ, побилъ ли ялтинскій проводникъ Меметъ подсудимаго мѣсяца за три до убійства, староста Кара Али отвѣчалъ утвердительно и разсказалъ подробно про случай на праздникѣ Азиса.

Наконецъ старостѣ приказали сѣсть.

Кара Али мрачно оглядѣлъ залу и сѣлъ на свободной, отведенной исключительно для свидѣтелей, передней скамейкѣ, въ двухъ шагахъ отъ скамьи подсудимыхъ.

Допросили проводника Мемета. Относительно Салге онъ сказалъ:

— Она мнѣ вовсе не нужна была. Я ее совсѣмъ и не хотѣлъ сватать! Очень мнѣ нужно!

Послѣ допроса полиціи и бывшихъ при обыскѣ понятыхъ, продолжавшагося долго, потому что татары давали сбивчивые или уклончивые отвѣты, пригласили въ залу маленькаго Смаила.

Быстроглазый мальчикъ весело вошелъ въ залу и сталъ передъ судьями. Онъ охотно разсказалъ, какъ приходилъ къ Салге, чтобы учить ее читать и писать, и вдругъ заплакалъ.

Это всѣхъ растрогало.

Далѣе шелъ цѣлый рядъ свидѣтелей татаръ. И всѣ они или отмалчивались, или, напротивъ, говорили много, но какъ разъ обратное тому, что записано было съ ихъ словъ у слѣдователя. Чувствовалось, что слѣдствіе проваливается. Судьи часто наклонялись другъ къ другу и о чемъ-то шептались. Въ публикѣ шли толки о томъ, что татары сговорились между собою и не хотятъ показывать правды.

— Все идетъ пока хорошо!—думалъ староста Кара Али, выразительно поглядывая на Куртъ Амета.

XXIV.

Послѣ перерыва для обѣда, начался допросъ свидѣтельницъ. Нѣкоторыя изъ нихъ дали слѣдователю существенно важныя показанія, и прокуроръ надѣялся на свидѣтельство женщинъ.

Но съ женщинами дѣло пошло еще хуже.

Первою вызвали двоюродную сестру Салге, Эмене Шерфе. Она разсказала слѣдователю, что Салге была влюблена въ проводника Мемета и что на свадьбѣ ея, Эмене Шерфе, наканунѣ убійства, Салге пѣла пѣсню своего сочиненія, въ которой говорилось, что не успѣетъ Ислямъ жениться, какъ за ней явится посланный отъ возлюбленнаго и увезетъ ее. По мнѣнію Эмене Шерфе, этотъ посланный и убилъ Салге.

Эмене Шерфе стояла передъ судьями, закрывъ лицо платкомъ, и дрожала. Проходя черезъ залу, она видѣла испытующій взглядъ старосты. Передъ судомъ Кара Али былъ у нея и, вмѣстѣ съ ея мужемъ, увѣщевалъ отказаться на судѣ отъ даннаго слѣдователю показанія. Асанъ положительно требовалъ, чтобы она сдѣлала это. Эмене Шерфе съ ужасомъ видѣла, какъ пристально глядятъ на нее судьи и, въ то же время, не видя, чувствовала на себѣ сзади тяжелый взглядъ старосты Кара Али. Эмене Шерфе переживала мучительное душевное состояніе... Что дѣлать? Солгать, или сказать всю правду?

Староста Кара Али не сводилъ съ нея глазъ...

На всѣ вопросы Эмене Шерфе отвѣчала молчаніемъ.

— Я ничего не знаю!—выговорила она, наконецъ, едва слышно.

Предсѣдатель наклонился къ судьямъ и, разыскавъ въ дѣлѣ нужную страницу, громко прочелъ показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи.

Куртъ Аметъ, понимавшій по русски, съ волненіемъ ждалъ, что скажетъ свидѣтельница. Онъ чувствовалъ, что это показаніе Эмене Шерфе для него убійственно, что въ немъ ключъ къ разгадкѣ темнаго дѣла. Эмене Шерфе открываетъ внутренній смыслъ, логику совершеннаго имъ преступленія. Въ связи съ сватовствомъ его къ Салге, о чемъ суду извѣстно, показаніе Эмене Шерфе даетъ крѣпкую нить, по которой не трудно добраться до правды.

Эмене Шерфе сдѣлала надъ собой большое усиліе.

— Это неправда! Я не говорила этого слѣдователю!—сказала она и заплакала.

Въ публикѣ произошло движеніе. Староста Кара Али отвелъ глаза отъ свидѣтельницы. Главное свидѣтельство рухнуло. Теперь онъ былъ спокоенъ и считалъ дѣло почти выиграннымъ.

Кара Али опять посмотрѣлъ на Куртъ Амета. Глаза ихъ встрѣтились. По этому взгляду старосты убійца понялъ все. Все поведеніе свидѣтелей на судѣ сдѣлалось ему яснымъ. Староста Кара Али остается вѣренъ себѣ. Это онъ повліялъ на татаръ, заставивъ отказаться отъ своихъ показаній, не смотря на принятую присягу. Куртъ Аметъ видѣлъ теперь, что не русскій господинъ во фракѣ, а угрюмо молчавшій староста Кара Али—его настоящій и сильный защитникъ. Было очевидно, что староста ведетъ войну съ судомъ, что свидѣтели говорятъ не своими, а его словами.

Слѣдствіе, между тѣмъ, съ мучительной медленностью продолжается. Часы бѣгутъ. Отъ времени до времени около подсудимыхъ, стуча оружіемъ, смѣняются часовые.

Эмене Шерфе долго еще терзаютъ вопросами, но староста Кара Али спокоенъ за нее. Теперь ужъ она не выдастъ.

Судъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на фесѣ, взятомъ у Периде. Хотятъ установить тожество его съ фесомъ, ограбленнымъ у Салге.

— Вы говорили, что фесъ этотъ принадлежитъ Салге, — напоминаютъ Эмене Шерфе.

Свидѣтельница вертитъ въ рукахъ фесъ.

— Я сказала такъ, потому что онъ красный! Мнѣ казалось, что украшенія спороты!.. Фесы всѣ такъ похожи... Я не могу утверждать, что это фесъ моей сестры!

Эмене Шерфе спрашиваютъ еще, но она начинаетъ плакать. Ее, наконецъ, отпускаютъ, не добившись ничего.

Далѣе допрашиваютъ рядъ дѣвушекъ, подругъ покойной Салге. Рѣчь идетъ все о томъ же фесѣ. Употребляются всѣ усилія, чтобы выяснить, чей фесъ носила Периде. Но это не удается суду. Предварительное слѣдствіе продолжаетъ рушиться шагъ за шагомъ. Всѣ дѣвушки, такъ положительно удостовѣрявшія годъ тому назадъ, что предъявляемый имъ фесъ Салге, теперь отказываются отъ данныхъ показаній. Веселая Авашъ говорила слѣдователю: «конечно, это фесъ Салге! Я своими руками нашивала на него украшенія; сзади былъ пришитъ «сагъ-дуванъ»; спереди червонцы и бусы; я признаю фесъ, я вполнѣ увѣрена, что не ошибаюсь!»

Теперь же Авашъ говоритъ:

— Я такъ вовсе не говорила слѣдователю! Я говорила: можетъ быть, это фесъ Салге, а, можетъ быть, и нѣтъ!.. Всѣ фесы красные!

Врачъ экспертъ говоритъ много, но не сообщаетъ ничего интереснаго. Довольно много времени заняло чтеніе заключеній экспертизы. Въ публикѣ обратили вниманіе на то обстоятельство, что, по произведенной экспертизѣ, на фесѣ, взятомъ у Периде, признаковъ крови не оказалось, равно какъ не было найдено никакихъ слѣдовъ проколовъ, изъ чего можно было бы вывести заключеніе, что къ фесу были прежде пришиты какія либо украшенія. Зато было удостовѣрено, что на курткѣ Куртъ Амета есть кровяныя пятна и вырванъ лѣвый карманъ.

Въ залѣ начали уже скучать отъ монотоннаго чтенія мухортымъ секретаремъ скучнѣйшихъ и ужасно подробныхъ актовъ, какъ вдругъ предсѣдатель заявилъ, что въ карманѣ убитой были найдены рукописные стихи на татарскомъ языкѣ, и что къ дѣлу приложенъ дословный переводъ этого документа.

Староста Кара Али забезпокоился. По слухамъ, онъ зналъ, что у убитой въ карманѣ была найдена какая-то бумага, и досадовалъ, что ни ему, и никому другому изъ татаръ, не пришло въ голову обыскать убитую, до прибытія властей. Что могли заключать въ себѣ эти стихи?

— Судъ постановилъ огласить переводъ стихотворенія, найденнаго у убитой!—объявилъ предсѣдатель.

Въ залѣ воцарилась тишина. Всѣ были чрезвычайно заинтересованы.

Предсѣдатель громко и выразительно прочиталъ слѣдующее:

«Я иду къ Богу! Прощайте!»

«Прощай свѣтъ солнца, свѣтъ блѣдной, холодной луны! Я не увижу васъ больше!.. Прощайте горы и лѣсъ, и домъ отца, и тѣнистый старый орѣхъ, у подножья котораго я родилась и расла... Прощайте! Я ухожу изъ міра, гдѣ все слезы, гдѣ все такъ печально! Голосъ великаго Бога меня призываетъ!

«Прощайте! Не плачьте обо мнѣ!»

«Я иду къ Богу! Прощайте!

«Прощайте, подруги дорогія! Мы жили въ дружбѣ такъ много дней, мы вмѣстѣ работали, гуляли, и рвали цвѣты по склонамъ родныхъ горъ, такъ много спѣли пѣсенъ! Я не увижу васъ больше! Живите, славныя дѣвушки! Пойте пѣсни, которымъ я васъ научила, и иногда вспоминайте обо мнѣ! Прощайте! Я ухожу изъ міра, гдѣ все слезы, гдѣ все такъ печально! Голосъ великаго Бога меня призываетъ!

«Прощайте! Не плачьте обо мнѣ!»

«Я иду къ Богу! Прощайте!

«Прощай, мечта моей юности — мой милый, ненаглядный Меметъ! Ты не услышалъ призыва моего сердца, ты не отвѣтилъ мнѣ любовью на любовь! Живи! Будь счастливъ! Я не увижу тебя больше! Пусть русскія красавицы окружаютъ тебя, пусть заглядываются на тебя, пусть цѣлуютъ тебя! Прощай!

Я ухожу изъ міра, гдѣ все слезы, гдѣ все такъ печально! Голосъ великаго Бога меня призываетъ!

«Прощайте! Не плачьте обо мнѣ!»

«Я иду къ Богу! Прощайте!

«Прощай старикъ отецъ! Тебѣ горько будетъ разлучиться съ твоей маленькой хозяйкой. Кто уберетъ твой домъ, кто приготовитъ тебѣ обѣдать, кого ты будешь ласкать, кому дарить сладкія конфекты! Не плачь! Тамъ мнѣ будетъ лучше! Я буду въ чудныхъ садахъ рая. Посмотри на темное небо, расшитое червонцами! Это все будетъ мое богатство! Прощай! Я ухожу изъ міра, гдѣ все слезы, гдѣ все такъ печально! Голосъ великаго Бога меня призываетъ!

«Прощайте! Не плачьте обо мнѣ!»

Едва лишь предсѣдатель суда окончилъ чтеніе стихотворенія, какъ всѣ содрогнулись отъ неожиданно раздавшагося въ залѣ отчаяннаго крика. Этотъ дикій вопль, противъ воли, неудержимо вырвался изъ груди Куртъ Амета...

XXV.

Пѣсня Салге поразила Куртъ Амета въ самое сердце. Ужасъ и неизъяснимая жалость охватили его душу. Какъ могла сочинить Салге такую пѣсню? Въ ея душѣ жило таинственное предчувствіе своей судьбы!? Откуда взялась поразительная догадка о близкой смерти? Какъ могла она знать, что будетъ убита? Сатана или самъ Богъ сказали ей объ этомъ? И наряду съ этимъ смятеньемъ души, сердце убійцы сжималось отъ какого-то новаго, никогда неиспытаннаго чувства. Въ первый разъ Куртъ Амету стало жалко убитую дѣвушку, стало жаль Салге, которую онъ такъ безстыдно обманулъ и лишилъ жизни. Ему вспомнился ея чудный голосъ, ея нѣжныя пѣсни, къ которымъ онъ такъ часто прислушивался и, очарованный ихъ таинственною прелестью, забывалъ все на свѣтѣ. Ему вспомнился и тотъ лунный вечеръ, когда онъ нечаянно подслушалъ ея тихій, полный страсти, призывъ, съ которымъ она обращалась въ пѣснѣ къ своему возлюбленному. Что-то точно впилось ему въ сердце... Убійца застоналъ, вскочилъ съ мѣста и, съ мученіемъ въ лицѣ, схватился за голову руками. Потемнѣло въ глазахъ Куртъ Амета — онъ не видѣлъ больше ни освѣщенной залы, ни судей, ни всѣхъ этихъ людей, собравшихся здѣсь, чтобы смотрѣть на него, мучить его любопытными пристальными взглядами! Онъ слышалъ ревъ бури, стонъ и трескъ стараго лѣса и доносившійся издали голосъ лисицы; какъ тогда, неслись передъ нимъ, словно стая испуганныхъ птицъ, подхваченные вѣтромъ сухіе листья. Куртъ

Аметъ видѣлъ неподвижный, страшный трупъ на каменистой тропинкѣ. Онъ ощущалъ на рукахъ своихъ теплую кровь... Вонъ она, Салге! Вонъ вѣтеръ шевелитъ концомъ ея платка! Вонъ блеститъ, озаренный луною, золотой поясъ!.. Въ ушахъ Куртъ Амета звучитъ опять отчаянный крикъ Салге: «Меметъ! Меметъ!..» Вонъ мертвая голова съ открытыми, слѣпыми глазами киваетъ ему изъ за деревьевъ!.. Зачѣмъ это случилось? Зачѣмъ Салге убита?.. Куртъ Амету жаль Салге, мучительно жаль! Бѣдная Салге! Слезы льются изъ глазъ его и жгутъ лицо!

— Я хочу сказать!..—крикнулъ онъ суду и, рыдая, упалъ на скамью.

Произошло замѣшательство.

Неожиданный вопль подсудимаго потрясъ всю залу. Какая-то дама отвѣтила на стонъ Куртъ Амета крикомъ истерики. Нѣсколько мужчинъ засуетились около нея и съ трудомъ выводили изъ за скамеекъ. Звали доктора!.. Многіе повскакивали съ своихъ мѣстъ и, растерявшись, не знали, что дѣлать. Въ залѣ начинался шумъ. Предсѣдатель усиленно звонилъ и закричалъ, что удалитъ публику, если въ залѣ сейчасъ же не возстановится порядокъ.

Судебному приставу было приказано распорядиться, чтобы подсудимому подали воды.

Куртъ Аметъ сидѣлъ, отвернувшись къ спинкѣ скамейки и, склонивъ голову на руки, затихъ. Видно было только, какъ все тѣло его содрогается отъ сдерживаемыхъ рыданій. Защитникъ склонился надъ нимъ и старался его успокоить. Среди общаго замѣшательства только часовые солдаты по прежнему неподвижно стояли около подсудимыхъ, и обнаженныя шашки ихъ, отражая свѣтъ газовыхъ рожковъ, сверкали холоднымъ блескомъ полированной стали.

— Успокойтесь—сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ подсудимому.—Успокойтесь и объясните суду, что тяготитъ ваше сердце! Что вы хотѣли сказать?—И въ голосѣ предсѣдателя, когда онъ говорилъ это, слышалось невольное участіе къ подсудимому.

Куртъ Аметъ съ жадностью выпилъ воды и увидѣлъ, что староста Кара Али пристально смотритъ на него. Убійца прочелъ въ его взорѣ испугъ. Куртъ Аметъ вспомнилъ, какъ вели себя на судѣ татары свидѣтели и понялъ, отчего такъ смотритъ на него староста. И еще чьи-то черные глаза испуганно смотрѣли на него. Только теперь Куртъ Аметъ увидѣлъ между публикой своего пріятеля Бекира. Цыганъ былъ блѣденъ и не сводилъ съ него глазъ. Онъ боялся, какъ бы Куртъ Аметъ не сознался и не выдалъ его.

Староста Кара Али сидѣлъ близко. Куртъ Аметъ услышалъ, какъ онъ говоритъ по татарски:

— Молчи, Куртъ Аметъ! Не сознавайся!

Товарищъ прокурора, такъ и впившійся глазами въ подсудимаго, когда онъ застоналъ, и все время не перестававшій слѣдить за нимъ, замѣтилъ выразительный обмѣнъ взглядовъ между Куртъ Аметомъ и старостой. Онъ всталъ и заявилъ суду, что свидѣтель Кара Али переговаривается съ подсудимымъ.

— Свидѣтель Кара Али! Что вы сказали подсудимому?— строго спросилъ предсѣдатель.

— Я ничего не говорилъ!—отвѣтилъ, глядя исподлобья, староста.

Предсѣдатель удалилъ его изъ залы.

Когда распоряженіе это было приведено въ исполненіе, предсѣдатель опять обратился къ подсудимому.

— Подсудимый Куртъ Аметъ! Вы заявили, что имѣете что-то сказать суду! Я предоставляю вамъ слово! Говорите!

Но Куртъ Аметъ успѣлъ уже овладѣть собою. Хорошій порывъ прошелъ. Староста Кара Али успѣлъ напомнить Куртъ Амету о себѣ и о свидѣтеляхъ татарахъ. Сознаться теперь— значило отплатить неблагодарностью односельчанамъ, которые горой стояли за него на судѣ. Это смущало подсудимаго, онъ инстинктивно сознавалъ, что признаніе его можетъ погубить старосту, можетъ погубить цыгана Бекира. Куртъ Аметъ никого не хотѣлъ больше губить... И такъ трудно было теперь все сообразить, все обдумать и взвѣсить! Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, усталымъ! Въ душѣ его зарождалось что-то новое и важное, и ему было теперь все равно, какой бы ни состоялся надъ нимъ приговоръ.

Куртъ Аметъ всталъ и сказалъ:

— Я ничего не имѣю заявить суду!

Былъ уже первый часъ ночи, когда, послѣ краткаго перерыва засѣданія, товарищъ прокурора взошелъ на трибуну. Онъ очень опасался за исходъ дѣла. Какъ бы то ни было, а староста Кара Али достигъ своей цѣли: обвинительный актъ рухнулъ! Почва, на которой было построено обвиненіе, сильно поколебалась. И обвинитель началъ свою рѣчь въ повышенномъ тонѣ,—съ намѣреніемъ сдѣлать натискъ на присяжныхъ.

«Господа присяжные засѣдатели! Передъ вами загадочное дѣло! — началъ свою рѣчь, замѣтно волнуясь, товарищъ прокурора.—Вы видѣли, съ какимъ трудомъ пришлось слѣдствію собирать данныя къ обнаруженію преступника, какая по истинѣ мозаичная работа потребовалась, чтобы сгруппировать и привести въ связь данныя къ обвиненію убійцы несчастной, невинной дѣвушки. И вотъ теперь, когда насталъ часъ правосу-

дію сказать свое слово—все зданіе обвиненія рушилось, вся мозаика отдѣльныхъ фактовъ разбилась вдребезги, разсыпалась!..

«Но татарамъ не удастся обмануть правосудіе!—продолжалъ обвинитель, отхлебнувъ воды изъ стоявшаго передъ нимъ стакана.—Оно не нуждается въ показаніяхъ, и само отличитъ истину отъ лжи. Я утверждаю, что все, что говорили эти люди годъ тому назадъ,—все, что записано судебнымъ слѣдователемъ—одна правда. Тогда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ гнуснаго злодѣянія, передъ неостывшимъ еще трупомъ невинной дѣвушки, сдѣлавшейся жертвой коварнаго обмана, они не могли лгать!»

Послѣ этого, онъ перешелъ къ изложенію фактической стороны дѣла.

Назначенный отъ суда защитникъ, проживавшій въ Ялтѣ чахоточный присяжный повѣренный, говорилъ очень недолго. Во время перерыва, предсѣдатель просилъ его не затягивать и безъ того затянувшееся до поздней ночи засѣданіе и говорить покороче. Рѣчь защитника не оказала противовѣса страстному нападенію прокурора. Оставивъ вовсе въ сторонѣ существо дѣла, защитникъ постарался лишь смягчить участь Периде, указывая на то, что она мать подсудимаго, и что нельзя строго судить мать за любовь къ сыну.

Было уже около двухъ часовъ ночи, когда присяжные засѣдатели вышли для совѣщанія.

Не смотря на поздній часъ, публика не расходилась и была очень возбуждена. Въ залѣ слышался глухой говоръ. Присутствовавшіе на судебномъ разбирательствѣ собирались кучками и разсуждали—обвинятъ, или оправдаютъ?

— Его обвинятъ, а ее оправдаютъ!—говорили въ одномъ мѣстѣ.

— Защита была слаба! Этотъ звѣрь, говорятъ, изорвалъ въ тюрьмѣ копію обвинительнаго акта, и защитникъ не имѣлъ возможности заблаговременно познакомиться съ дѣломъ!

Какой-то отставной морякъ въ флотской формѣ, повидимому, большой резонеръ и любитель поговорить, держалъ за пуговицу пиджака пріѣзжаго предводителя дворянства и, горячась, разсуждалъ:

— Но позвольте! Вы говорите—фесъ прямая улика. Нѣтъ! Это вовсе не улика, а лучшее свидѣтельство въ пользу обвиняемой! Не говоря о томъ, что на головѣ не прячутъ краденныхъ, а тѣмъ болѣе ограбленныхъ вещей—кто же посмѣетъ надѣть на себя платье съ убитаго, съ зарѣзаннаго,— зная, что оно съ зарѣзаннаго? Вы бы надѣли?.. Нѣтъ-съ! Не надѣли бы. А женщина тѣмъ болѣе не надѣнетъ! Такъ какъ же прокуроръ, да и вы говорите, что Периде надѣла на го-

лову фесъ съ зарѣзанной Салге съ цѣлью скрыть преступленіе сына? Это парадоксъ! Это ни съ чѣмъ не сообразно!

— А окровавленная рубаха въ сундукѣ?

— А вѣдь, подсудимаго побилъ Меметъ, и рубаха тогда была окровавлена собственной кровью его! Это было всего за два-три мѣсяца до убійства!

— Такъ тогда кровь на рубахѣ была бы старая!

— А кто вамъ сказалъ, что кровь была свѣжая?—горячился морякъ.—Объ этомъ ни слова нѣтъ во всемъ процессѣ! Рубаха была старая, да еще вся изорванная и не заслуживала стирки. Периде и спрятала ее въ сундукъ—и въ этомъ нѣтъ ничего подозрительнаго. Опять повторяю, что еслибы Периде знала, что на рубахѣ кровь Салге, которую убилъ ея сынъ, то она не спрятала бы рубаху въ сундукъ. Такъ не прячутъ, такъ не хоронятъ слѣдовъ преступленія!

— Да! Пожалуй!—согласился предводитель.—Темное дѣло! А какъ прокуроръ разгромилъ татаръ?

— А какъ взвылъ Куртъ Аметъ послѣ стиховъ-то!?—Не ожидалъ! Дикій человѣкъ!—сказалъ морякъ, закуривая.

— Судъ идетъ!—провозгласилъ, наконецъ, судебный приставъ, и всѣ поспѣшно устремились въ залу.

Воцарилась мертвая тишина...

Слышно было, какъ на дворѣ уныло шумитъ вѣтеръ, и косой дождь сѣчетъ въ окна. Крупныя, холодныя капли воды, точно слезы, стекали по стекламъ, отражая въ себѣ свѣтъ залы.

Присяжные засѣдатели съ серьезными лицами неслышными шагами вереницей шли по ковру къ своимъ мѣстамъ. Всѣ молча смотрѣли на нихъ съ напряженнымъ ожиданіемъ.

Старшина присяжныхъ, тучный, до самыхъ глазъ заросшій густою, посѣдѣлой бородою докторъ выдвинулся впередъ и взволнованнымъ голосомъ сталъ читать вопросы о виновности.

Вердиктъ присяжныхъ былъ слѣдующій:

Относительно Куртъ Амета—«да! виновенъ!»

Относительно Периде—«да! виновна, но заслуживаетъ снисхожденія!»

Староста Кара Али проигралъ сраженіе...

Куртъ Аметъ, какъ несовершеннолѣтній, былъ приговоренъ въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ. Для Периде судъ понизилъ наказаніе на двѣ степени и назначилъ ей минимальную кару. Она была приговорена въ каторжныя работы на шесть лѣтъ.

Предсѣдатель приказалъ перевести обвиненнымъ приговоръ суда.

Куртъ Аметъ выслушалъ приговоръ безучастно. Периде, напротивъ, горько заплакала.

— Невинную обвинили! Охъ! Господи!—сказалъ морякъ, доказывавшій во время перерыва несообразность обвиненія Периде въ укрывательствѣ преступленія, и, крестясь, вышелъ изъ залы.

Публика, разговаривая и вздыхая, двинулась къ выходу...

XXVI.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

За это время въ знакомой намъ деревнѣ произошли нѣкоторыя перемѣны...

Старый Халиль умеръ.

Вскорѣ послѣ суда надъ Куртъ Аметомъ и Периде, старикъ отправился въ Мекку на поклоненіе гробу великаго пророка и назадъ ужъ не вернулся.

Пришло извѣстіе, что онъ умеръ тамъ отъ холеры. Бѣленькій, украшенный вѣтками разросшейся глициніи домикъ его, стоявшій нѣкоторое время пустымъ, съ забитыми окнами, опять ожилъ. Все имущество стараго Халиля перешло по наслѣдству къ сестрѣ его, многодѣтной тетушкѣ Заиде, и она живетъ теперь въ домикѣ брата со всѣмъ своимъ семействомъ. Стараго орѣха уже нѣтъ въ живыхъ. Казалось, старикъ не захотѣлъ пережить свою маленькую воспитанницу хозяйку. Съ тѣхъ поръ, какъ смолкли подъ его вѣтвями пѣсни худенькой Салге, дерево стало сохнуть. Сначала старый орѣхъ точно облысѣлъ, потому что засохла его вершина; потомъ, мало по малу, жизнь дерева прекратилась. Орѣхъ засохъ, и Абибулла срубилъ его. Остался только большой пень, который служитъ теперь новымъ хозяевамъ плахой для колки дровъ. Смаилъ, теперь уже молодой парень, колетъ дрова и садится на старый, посѣченный топоромъ, пень, чтобы отдохнуть отъ трудовъ и выкурить папиросу. Смаилъ умная голова; его любятъ въ деревнѣ, а мулла Хатипъ любитъ его больше всѣхъ; мулла очень гордится своимъ ученикомъ, потому что Смаилъ знаетъ коранъ наизусть, почти отъ доски до доски. Смаилъ усердный работникъ, такой же, какъ его отецъ, и почти самостоятельно ведетъ значительное табачное хозяйство, доставшееся имъ отъ злополучнаго дяди. Подъ его наблюденіемъ на плантаціяхъ работаютъ, вмѣстѣ съ наемными деревенскими дѣвушками, двѣ его сестренки подростки. Дѣвушки часто поютъ во время работы хорошо знакомыя Смаилу пѣсни. Это пѣсни Салге, это знакомые ему «Элаги», которые онъ записывалъ когда-то по просьбѣ автора. Смаилъ слушаетъ пѣсни и съ грустью вспоминаетъ свою милую, славную двоюродную сестрицу, свою бывшую ученицу, платившую ему

когда-то за уроки грамоты сладкими конфектами. «Бѣдная Салге!»—думаетъ Смаилъ, прислушиваясь къ пѣнію дѣвушекъ работницъ.

По вечерамъ деревня освѣщается теперь уличными фонарями, а десятскіе и сотскіе становятся передъ пріѣзжими чиновниками во фронтъ и держатъ руку подъ козырекъ. Такъ теперь требуетъ приставъ Дьяконовъ.

Староста Кара Али былъ смѣненъ...

Черезъ годъ или полгода послѣ описанныхъ событій власти были серьезно обезпокоены начавшимся среди населенія горныхъ деревень движеніемъ къ переселенію въ Турцію. Между татарами распространился слухъ, что русское правительство имѣетъ намѣреніе всѣхъ подданныхъ русской коронѣ татаръ насильственно обратить въ православіе. Какъ водится, слуху повѣрили, и мусульманское населеніе крымскихъ горъ стало волноваться. Татары собирались по кофейнямъ, галдѣли, судили и рядили. Одни, болѣе сдержанные, находили нужнымъ выждать, оправдается ли распространившійся слухъ; другіе, наиболѣе фанатичные, убѣждали продавать имущество и теперь же уходить и вступать въ подданство турецкаго султана.

Движеніе начало принимать размѣры угрожающіе. Извѣстія о начавшемся выселеніи татаръ проникли въ печать и возбудили толки. Одни объясняли причину явленія тѣмъ недовольствомъ, которое возбудило среди населенія Крыма сокращеніе правъ крестьянскаго самоуправленія, явившееся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ введенія въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ; другіе говорили, что волненіе мусульманскаго міра есть отголосокъ гоненія противъ инородческихъ элементовъ въ странѣ, начатаго въ то время нѣкоторыми распространенными органами большой столичной печати.

Однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и энергичныхъ агитаторовъ этого движенія между татарами явился не кто иной, какъ непримиримый Кара Али. Онъ разъѣзжалъ на своемъ Бельбекѣ по деревнямъ, останавливался въ кофейняхъ и, раздувая единственною ноздрею, смущалъ татаръ своими страстными рѣчами, разжигалъ между ними религіозный фанатизмъ. Бывшій староста пугалъ татаръ предстоящимъ, будто бы, въ скоромъ времени крещеніемъ мусульманъ. Онъ напоминалъ татарамъ, что съ нихъ собирали уже деньги на украшеніе русскаго храма, и утверждалъ, что это только начало, что недалеко то время, когда ихъ всѣхъ погонятъ въ русскія церкви поклоняться христіанскому Богу. Кара Али былъ хорошо извѣстенъ въ обширномъ округѣ горнаго Крыма и слылъ за очень умнаго и преданнаго религіи человѣка. И пропаганда

его имѣла успѣхъ. Татары стали одинъ за другимъ продавать имущество и переселялись.

Такъ или иначе, а фактъ смуты былъ на лицо... и это не могло не обратить на себя вниманіе мѣстной власти. Въ Бахчисараѣ, въ присутствіи большого числа нарочно приглашенныхъ со всей округи, по распоряженію начальства, татарскихъ почетниковъ и стариковъ, авторитетное лицо губернской администраціи сдѣлало разъясненіе, что волнующіе татаръ слухи о предстоящемъ, будто бы, насильственномъ крещеніи татаръ ни на чемъ не основаны и распространяются злонамѣренными людьми. Татары приглашались вернуться въ свои деревни, спокойно отдаться своимъ почтеннымъ обычнымъ занятіямъ, и всѣмъ разъяснять, что, какъ и прежде, свободѣ вѣроисповѣданія мусульманъ не угрожаютъ никакія стѣсненія.

Послѣ этого татары поколебались. Большинство было сильно привязано къ землѣ и съ отчаяніемъ думало о необходимости разстаться съ родными горами, съ дорогими могилами. Партія, склонная къ покорности русскому закону, скоро взяла верхъ надъ непримиримыми, и движеніе мало по малу улеглось.

Но все же, нѣкоторые переселились.

Однимъ изъ первыхъ переселенцевъ изъ Крыма былъ Кара Али. Онъ продалъ свое имущество греку Яни и переселился въ Трапезундъ, гдѣ имѣлъ знакомыхъ крымчаковъ.

Всѣхъ очень удивило, что у лавочника Яни оказались деньги. Въ деревнѣ, гдѣ онъ содержалъ свою захудалую лавочку и арендовалъ десятину земли подъ табакъ, никто и не подозрѣвалъ, чтобы у грека были деньги. Однако, онъ заплатилъ Кара Али за пріобрѣтенную отъ него землю и усадьбу двадцать четыре тысячи наличными деньгами, а на остальную, значительно меньшую часть долга, выдалъ вексель. Яни принесъ бывшему старостѣ деньги, завязанными въ цвѣтной платочекъ, тотъ самый, которымъ онъ обыкновенно завязывалъ себѣ уши.

— Вотъ! Двадцать цетыре тысяця!—сказалъ Яни и залился слезами. Ему жаль было разставаться съ замусленными радужными бумажками. Онѣ были ему дороги, какъ родныя сестры. Онъ копилъ ихъ всю жизнь, лелѣялъ ихъ, спалъ вмѣстѣ съ ними. Кара Али, очевидно, не понялъ душевнаго состоянія грека Яни.

— Вотъ, какой человѣкъ! За полцѣны купилъ землю и плачетъ, греческая обезьяна!—сказалъ онъ своимъ басомъ и внимательно пересчиталъ деньги.

Съ этихъ поръ Яни сдѣлался крупнымъ плантаторомъ въ деревнѣ. Онъ перепродалъ свою лавочку греку Спиро, а самъ

спеціально занялся табаководствомъ. Каждую осень, передъ Покровомъ, онъ ѣздилъ въ Мелитопольскій уѣздъ и привозилъ съ собою полную можару нанятыхъ по дешевой цѣнѣ хохлушекъ «дивчатъ» табачницъ, которыя и жили у него всю зиму, работая на «аранѣ», близь деревни. Яни быстро сталъ богатѣть, и процвѣталъ бы себѣ благополучно, еслибы совершенно неожиданно не угодилъ въ тюрьму на довольно продолжительное время. Дивчата табачницы явились какъ-то цѣлой гурьбою къ знакомому намъ товарищу прокурора и нажаловались ему на грека Яни, который, какъ онѣ заявляли, «обижалъ» ихъ. На языкѣ правосудія, квалификація дѣяній плантатора Яни оказалась нѣсколько иная. Возникло дѣло, и въ судѣ благополучный лавочникъ былъ обвиненъ въ истязаніяхъ. Яни ужасно плакалъ, визжалъ на всю залу, становился передъ судьями на колѣни, прося прощенія, но, тѣмъ не менѣе, былъ препровожденъ на высидку въ острогъ. Тамъ Яни нашелъ знакомаго человѣка, и это его немного утѣшило. Знакомый человѣкъ этотъ былъ Бекиръ. Цыгану не повезло съ табакомъ, и судъ заточилъ его въ тюрьму на полгода. Становой Дьяконовъ былъ очень доволенъ этимъ обстоятельствомъ, потому что цыганъ ловко ускользалъ отъ его лапъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ.

Проводникъ Меметъ, предметъ любви покойной Салге, сдѣлалъ быструю и очень оригинальную карьеру. Года два его не было въ Ялтѣ. Какая-то богатая, сильно пострадавшая отъ времени, московская дама увезла его съ собою заграницу. Вернувшись въ Ялту, Меметъ сталъ говорить со всѣми по французски, и одинъ за другимъ построилъ себѣ два дома, дающіе ему отличный доходъ отъ сезонныхъ пріѣзжихъ. Имущественный цензъ далъ Мемету избирательныя права, и на предстоящихъ городскихъ выборахъ онъ имѣетъ большіе шансы пройти въ гласные. Татарская партія выставляетъ его своимъ кандидатомъ.

Куртъ Аметъ и Периде были сосланы на Сахалинъ.

Ихъ сакля—брошенная, не обитаемая и не запертая—такъ и стоитъ съ того самаго дня, какъ хозяева ея были арестованы. Мало по малу жилище это приходитъ въ упадокъ и разрушается. Сакля, гдѣ жилъ Куртъ Аметъ, пользуется у татаръ дурной славой. Старыя татарки разсказываютъ, что въ пустомъ домѣ убійцы поселился шайтанъ, и онѣ слышали иногда сами, какъ онъ тамъ стучитъ и дико хохочетъ.

Периде не вынесла ссылки. Она очень скоро умерла отъ слезъ и отчаянной тоски. Унылая природа и суровый климатъ сѣвера, окружающіе люди и вся обстановка каторги произвели на Периде впечатлѣніе ужасное. Она не въ силахъ была свыкнуться съ новыми условіями жизни, душа ея протесто-

вала противъ несправедливости людей и изнывала отъ тоски по родинѣ. Периде цѣлые дни плакала, билась въ отчаяніи и роптала на Бога за жестокость.

Куртъ Аметъ примирился съ матерью передъ ея кончиной. Онъ горько плакалъ и цѣловалъ руки у умирающей, молилъ простить его и выпросить ему прощенье у Бога. Куртъ Аметъ очень измѣнился. Съ того момента, когда въ судѣ были оглашены послѣдніе «элаги» Салге, и онъ, потрясенный, заплакалъ отъ жалости и любви къ своей жертвѣ, черствое сердце его смягчилось. Вспыхнувшій тогда въ его сердцѣ огонь раскаянія не потухалъ больше.

Куртъ Аметъ замкнулся въ себѣ, сталъ тихъ и кротокъ съ людьми. Такъ же, какъ и Периде, онъ очень тосковалъ по родному Крыму. Свинцовое небо, безконечно бѣлая пелена окружавшей его холодной зимы угнетали его. Иногда, тоскуя, онъ приходилъ въ состояніе какого-то страннаго полузабытья. Ему ясно видѣлся Крымъ, родныя горы. Ему чудилось, что они сидятъ съ Бекиромъ на вершинѣ Яйлы, передъ входомъ въ пещеру, гдѣ вмѣстѣ крошили табакъ, и Бекиръ, какъ тогда, играетъ на кларнетѣ. Передъ Куртъ Аметомъ разстилается милый, родной, южный берегъ! Какъ тепло, какъ легокъ воздухъ, какъ сверкаетъ неподвижная, уходящая вдаль, безпредѣльная поверхность моря. Вонъ, внизу виднѣется Ялта, Мисхоръ, вонъ шоссейная дорога, вонъ тѣнистая, вѣчнозеленая Алупка... Музыка льется, звуки быстро бѣгутъ, мѣняясь, перебивая другъ друга и спѣша—и въ скалахъ и дальнихъ горныхъ урочищахъ откликаются, играя другъ съ другомъ.

— Что? хорошо я играю?—спрашиваетъ Бекиръ, какъ тогда.

Куртъ Амету хочется сказать цыгану:

— Хорошо, Бекиръ! Играй еще! Терзай мое сердце! Я убилъ ее! Вѣдь, я убилъ ее! Бѣдная Салге! Бѣдная козочка!

И Куртъ Аметъ плачетъ...

Вячеславъ Фаусекъ.

Нѣмецкій крестьянинъ послѣ освобожденія.

XII.

Рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими объ исчезновеніи крестьянства, встрѣчается не мало указаній противоположнаго характера: во многихъ мѣстахъ парцеллярное и крупное землевладѣніе уменьшается, а крестьянское растетъ.

Такъ, въ восточной и юго-восточной частяхъ Бранденбурга (Пруссія) случаи раздробленія крестьянскихъ участковъ весьма рѣдки. Напротивъ, тамъ, гдѣ преобладаетъ крестьянское землевладѣніе (Belzig, Westpriegnitz, Rottbus), дворянскія имѣнія часто раздробляются и переходятъ въ руки крестьянъ [1]).

То же самое происходитъ въ В. Пруссіи. Дробленіе крестьянскихъ участковъ, игравшее въ 70-хъ гг. крупную роль во многихъ частяхъ этой провинціи (Littauen, Masuren, Reg.-Rez. Königsberg и округъ Heydekrug), теперь почти прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается наклонность къ дробленію *крупныхъ* имѣній [2]). Въ Силезіи число крестьянскихъ участковъ въ періодъ 1860—1879 гг. увеличилось на 695 съ земельной площадью въ 5965 гект. [3]). Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія имѣетъ мѣсто и въ нѣкоторыхъ частяхъ Познани [4]). О дробленіи крестьянскихъ участковъ не слышно также въ Альтенкирхенскомъ бургомистерствѣ (Рейнская провинція) [5]), въ Ганноверѣ (за рѣдкими исключеніями) [6]), Верхней Франконіи (Баварія) [7]), Ольденбургѣ, Липпе, Вальдекѣ, Лауэнбургѣ и др. [8]).

Въ такомъ же благопріятномъ положеніи находятся многія мѣстности въ отношеніи концентраціи земельной собственности.

---

[1]) Sering, 81.
[2]) Ibid, 77., 78.
[3]) Miaskovski, I, 155.
[4]) Ibid., 140.
[5]) Bäuerl. Zust. I, 184.
[6]) Miaskovski, 133.
[7]) Bäuerl. Zust., III, 147, 165.
[8]) Miaskovski, I, 134.

Такъ, въ Лигницскомъ и Бреславскомъ округахъ, а также въ сѣверной части Верхней Силезіи (Пруссія) скупка крестьянскихъ земель въ послѣднее время прекратилась[1]). Въ Бранденбургѣ замѣчается уменьшеніе числа крупныхъ хозяйствъ. Съ 1858 до 1882 г. произошли здѣсь слѣдующія перемѣны въ распредѣленіи землевладѣнія [2]):

число	хозяйствъ		до	1¼	гект.	увеличилось	на	52%
»	»	отъ 1¼	»	7½	»	»	»	34%
»	»	» 7½	»	75	»	»	»	2,4%
»	»	» 75	»	150	»	уменьшилось	на	13,7%
»	»	»	выше	150	»	»	»	49,6%

Въ Помераніи раздробилось въ послѣднее время много крупныхъ имѣній [3]). Скупка крестьянскихъ земель крупными землевладѣльцами неизвѣстна также въ Вестфаліи [4]) и западной Пруссіи [5]), гдѣ, наоборотъ, нерѣдки случаи раздробленія крупныхъ имѣній. Изъ Восточной Пруссіи сообщаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гумбиненскаго округа замѣчается «въ послѣднія 20 лѣтъ систематическій ростъ мелкаго землевладѣнія» [6]). О ростѣ крупнаго землевладѣнія не слышно и въ Ганноверѣ [7]).

Тенденція, прямо противоположная концентраціи земельной собственности, болѣе всего замѣтна въ Баваріи. Изъ Rheinpfalz сообщаютъ, что тамъ происходитъ уменьшеніе числа крупныхъ владѣній и непрерывный ростъ числа среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ. Такъ какъ въ мелкихъ хозяйствахъ приложеніе рабочей силы является наиболѣе выгоднымъ, то мелкія и среднія владѣнія съ теченіемъ времени оказывались все доходнѣе и давали поэтому болѣе высокую ренту, чѣмъ крупныя. Вслѣдствіе этого послѣднія постепенно раздробляются, а земля все болѣе переходитъ въ руки мелкихъ собственниковъ» [8]). Подобный же процессъ совершается въ такъ называемомъ Westrich и въ Верхней Франконіи [9]). Въ королевствѣ Саксоніи [10]) и в еликомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарѣ [11]) скупка крестьянскихъ земель происходитъ лишь въ единичныхъ случаяхъ. Въ герцогствѣ Ольденбургѣ число крестьянскихъ владѣній увеличилось на 2326 [12]).

---

1) Sering, 84.
2) Landw. Jahb., XII, Erg. 1, стр. 104.
3) Sering, 79.
4) Bäuerl. Zust., II. 11—12.
5) Ibid., II, 271. Sering. 83.
6) Bäuerl. Zust. 320, 321.
7) Ibid., III, 89.
8) Ibid., I. 249—250.
9) Ibid., III, 147.
10) Ibid., II, 221.
11) Ibid., I, 57.
12) Miaskovski, I, 150.

Факты, сгруппированные нами на предыдущихъ страницахъ приводятъ къ тому заключенію, что процессъ капитализаціи въ области сельскаго хозяйства нельзя считать общимъ для всей Германіи. Рядомъ съ ростомъ парцеллярнаго и крупнаго землевладѣнія, совершающимся на счетъ крестьянства, происходитъ увеличеніе числа крестьянскихъ хозяйствъ; рядомъ съ капитализаціей (употребляю этотъ терминъ ради краткости) замѣчается тенденція діаметрально противоположнаго свойства. Этотъ выводъ подтверждается и оффиціальными анкетами, произведенными въ Пруссіи, Баденѣ, Гессенѣ и Вюртембергѣ. Эволюція крестьянскаго землевладѣнія наглядно иллюстрируется слѣдующей табличкой, составленной нами на основаніи перечисленныхъ обслѣдованій:

	Число обслѣдованныхъ общинъ.	Число общинъ, о которыхъ нѣтъ показаній.	Число общинъ съ эволюціей капиталистической: Общ.	Въ %	Число общинъ съ эволюціей противоположной: Общ.	Въ %	Число общинъ, гдѣ незамѣтно никакого движенія: Общ.	Въ %
Баденъ. . .	37	4	17	45,9	16	43,2	—	—
Гессенъ . .	25	—	2	8,0	8	32,0	15	60,0
Вюртембергъ.	6	—	1	16,7	3	50,0	2	33,3
Пруссія. . .	46	34	3	6,5	—	—	9	19,6
	114	38	23	20,1	27	23,7	26	22,8

Число общинъ, въ которыхъ землевладѣніе находится in statu quo или движется въ сторону крестьянства, больше чѣмъ вдвое превышаетъ число тѣхъ общинъ, въ которыхъ замѣчается упадокъ крестьянскаго землевладѣнія, сопровождаемый ростомъ парцеллярнаго и крупнаго землевладѣнія.

Итакъ, во многихъ мѣстахъ крестьянство успѣшно борется за свое существованіе; о развитіи сельскохозяйственнаго капитализма, какъ явленіи *общегерманскомъ*, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи. Это ясно для всякаго непредубѣжденнаго изслѣдователя, исходящаго не изъ апріорныхъ положеній, а изъ фактовъ дѣйствительности. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи крестьянство дѣйствительно переживаетъ трудный моментъ, что положеніе значительной части крестьянства внушаетъ серьезныя опасенія. Но откуда крестьянину ждать помощи? Мы видѣли, что германскія правительства съ самаго начала столѣтія думали больше объ интересахъ помѣщиковъ и казны, чѣмъ о благѣ крестьянъ. Политическія партіи, являющіяся въ Германіи представительницами интересовъ разныхъ классовъ населенія, до послѣдняго времени серьезно не ставили на очередь крестьянскаго вопроса. Однѣ его игнорировали, другія сознательно извращали, третьи заняты были борьбою за собственное существованіе. Исторія Германіи показала, что крестьяне могутъ разсчитывать только на собственныя силы. Но настолько ли велика поли-

тическая роль крестьянства, чтобы, выступая самостоятельной общественной силой, оно могло добиться отъ современнаго государства не палліативовъ, а крупныхъ реформъ въ пользу мелкаго землевладѣнія? Обладаетъ ли оно достаточными политическими правами, чтобы быть въ состояніи успѣшно защищать свои интересы какъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ органахъ самоуправленія? Обладаетъ ли оно, наконецъ, достаточной степенью общественнаго развитія, чтобы понять необходимость политической борьбы, чтобы сознавать, что только какъ политическая партія оно можетъ бороться съ враждебными ему силами?

Это мы увидимъ изъ разсмотрѣнія политическаго строя Германіи.

XIII.

Политическая жизнь Германіи находитъ свое внѣшнее выраженіе въ представительныхъ учрежденіяхъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ рейхстагъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, собираются интересы всего германскаго народа. Въ схваткахъ, совершающихся на аренѣ этого высшаго законодательнаго корпуса Германіи, съ наибольшей выпуклостью опредѣляется характеръ политическихъ партій, какъ представительницъ общественныхъ классовъ. Дѣятельность рейхстага возбуждаетъ большій интересъ къ себѣ, чѣмъ дѣятельность другихъ представительныхъ учрежденій. Дебаты, происходящіе въ ландтагахъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ обращаютъ на себя общее вниманіе, тогда какъ къ преніямъ въ рейхстагѣ прислушивается всякій, кто сколько-нибудь интересуется общественной жизнью. Политическимъ пульсомъ Германіи является, безспорно, рейхстагъ. Но ошибочно было бы думать, что первенствующая роль рейхстага въ ряду представительныхъ учрежденій Германіи объясняется важностью задачъ, входящихъ въ кругъ его компетенціи. Напротивъ, въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ ландтагамъ. Ихъ дѣятельность охватываетъ всѣ стороны народной жизни, начиная съ правъ личности и кончая экономическими мѣропріятіями въ пользу того или другого класса населенія. Компетенція рейхстага несравненно уже: она распространяется лишь на нѣкоторыя области, изъ которыхъ таможенная система и косвенное обложеніе являются важнѣйшими. Если, тѣмъ не менѣе, рейхстагъ играетъ болѣе выдающуюся роль въ политической жизни, чѣмъ ландтаги, то это происходитъ оттого, что онъ, какъ продуктъ прямого, тайнаго, всеобщаго избирательнаго права, служитъ истиннымъ выразителемъ народныхъ интересовъ, тогда какъ въ ландтагахъ подавляющее большинство принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ, преслѣдующимъ узкую эгоистическую политику, а народная масса представлена ничтожной горстью, лишенной всякаго значенія.

Насъ, однако, ландтаги интересуютъ больше рейхстага. Мы желаемъ опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ крестьянство въ политической системѣ Германія, и вопросъ этотъ важенъ для насъ не самъ по себѣ, а постольку, поскольку рѣшеніе его можетъ показать, въ состояніи ли нѣмецкое крестьянство, стоя на почвѣ существующей политической организаціи, собственными силами отстаивать свои интересы. Для крестьянскихъ же интересовъ наибольшее значеніе имѣетъ ландтагъ, такъ какъ два вопроса, особенно близко касающіеся крестьянства,—о положительныхъ мѣропріятіяхъ въ пользу сельскаго хозяйства и о прямыхъ налогахъ,—входятъ въ компетенцію ландтаговъ.

Кромѣ законодательныхъ учрежденій, интересы крестьянства вѣдаются мѣстными органами самоуправленія, къ числу которыхъ принадлежатъ сеймы: сельскіе (общинные), окружные и провинціальные. Въ сельскихъ сеймахъ сосредоточивается все, что касается будничной жизни крестьянина, его повседневныхъ нуждъ и заботъ. Распоряженіе общинными землями, утвержденіе общиннаго бюджета, установленіе общинныхъ налоговъ, призрѣніе бѣдныхъ,—все это относится къ компетенціи общинныхъ сеймовъ. Слѣдующую инстанцію составляютъ окружные сеймы. Изъ всѣхъ органовъ самоуправленія это—самый важный. Окружный сеймъ вмѣшивается во внутреннюю общинную жизнь, такъ какъ въ качествѣ высшей инстанціи ему принадлежитъ контроль надъ общиннымъ самоуправленіемъ. Но и самостоятельныя функціи его довольно обширны: распредѣленіе государственныхъ повинностей, возложенныхъ на округъ, и обложеніе лицъ, принадлежащихъ къ округу, самостоятельными (такъ называемыми окружными) налогами, производство расходовъ въ интересахъ округа, распоряженіе окружнымъ имуществомъ, составленіе окружнаго бюджета—вотъ сфера компетенціи окружнаго сейма. Наконецъ, провинціальные сеймы играютъ сравнительно небольшую роль. Не считая чисто спеціальныхъ административныхъ функцій, упомянемъ подачу мнѣній о государственныхъ законопроектахъ, касающихся данной провинціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ правительство. Такимъ образомъ, провинціальный сеймъ можетъ оказать нѣкоторое вліяніе на характеръ правительственной дѣятельности.

Итакъ, судьбы нѣмецкаго крестьянства находятся въ рукахъ ландтаговъ, провинціальныхъ, окружныхъ и сельскихъ сеймовъ; степень его участія въ этихъ учрежденіяхъ опредѣляетъ, слѣдовательно, роль его въ общемъ политическомъ механизмѣ, мѣсто, занимаемое имъ въ соціальномъ строѣ Германіи. Община, округъ, провинція, государство, наконецъ, имперія—вотъ тѣ политическія организаціи, которыя, расходясь концентрическими кругами, со всѣхъ сторонъ охватываютъ современнаго нѣмецкаго крестьянина. Являясь членомъ каждой изъ этихъ организацій, онъ, *повидимому*, имѣетъ полную возможность охранять свои права и отстаивать свои

интересы, доходя въ качествѣ избирателя и депутата до самыхъ высшихъ инстанцій, гдѣ вершатся судьбы всей націи. Онъ, *повидимому*, представляетъ собою теперь большую величину, чѣмъ даже въ эпоху народоправства, когда еще жива была древняя земельная община въ лицѣ Mark-und Dorfgenossenschaft. Въ самомъ дѣлѣ, тогда власть его распространялась только на внутренніе интересы общины, а теперь она выходитъ далеко за предѣлы этой соціальной клѣточки. Но такую выдающуюся роль въ государствѣ современный крестьянинъ играетъ только *повидимому*; въ самомъ же дѣлѣ значеніе его въ политическомъ механизмѣ ничтожно. Хотя представительныя учрежденія германскихъ государствъ, по своему внутреннему строю, отличаются крайнимъ разнообразіемъ, представляя собою политическій лабиринтъ, однако, при внимательномъ анализѣ, нетрудно разглядѣть ту общую черту, что значеніе народной массы вообще и крестьянства въ частности сведено въ нихъ къ минимуму.

XIV.

Начнемъ съ мѣстнаго самоуправленія *).

Въ мелкихъ общинахъ управленіе дѣлами находится въ рукахъ общинныхъ собраній, состоящихъ изъ всѣхъ гражданъ, обладающихъ общинной правоспособностью. Болѣе крупныя общины управляются сеймами, составляемыми избирательнымъ путемъ. Въ отношеніи состава обоихъ этихъ органовъ существуетъ громадная разница между сѣверо-восточной и юго-западной Германіей. Въ то время, какъ въ послѣдней половинѣ имперіи всѣ общинники имѣютъ одинаковое право участія въ общинныхъ собраніяхъ, въ сѣверо-восточной примѣняется система множественности голосовъ. Такъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, по закону 1 апрѣля 1892 г., лица, платящія отъ 20 до 50 марокъ поземельнаго и домового налога, имѣютъ 2 голоса; платящія отъ 50 до 100 марокъ—3 голоса; платящія больше 100 мар.—4 голоса. Кромѣ того, провинціальный сеймъ, по представленію окружного, можетъ повысить число голосовъ на 1, такъ что лица, которыя по количеству уплачиваемаго налога имѣли бы 2 голоса, владѣютъ 3-мя и пр. Такая же система примѣняется и относительно промышленниковъ. Въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Германіи существуетъ такой же порядокъ, съ тою лишь разницей, что тамъ принимается во вниманіе исключительно землевладѣніе. Понятно, что въ собраніяхъ, образуемыхъ такимъ путемъ, преобладаніе принадлежитъ кучкѣ

*) См. Loening, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts; Landgemeinde und Gutsbezirke in den östlichen Provinzen Preussens (Conrad's Jahrbücher, LVIII, 1892). G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. В. Ивановскій, Организація мѣстнаго самоуправленія во Франціи и Пруссіи.

богатѣевъ, распоряжающейся въ общинѣ сообразно своимъ интересамъ.

Не лучше положеніе массы тамъ, гдѣ община управляется представительнымъ учрежденіемъ. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ общинники безъ исключенія лишь въ Баваріи, Вюртембергѣ и Эльзасъ-Лотарингіи. Въ другихъ же частяхъ Германіи установлены тѣ или другія привилегіи для крупныхъ плательщиковъ податей, а въ Пруссіи и Баденѣ существуетъ трехклассная система выборовъ. Въ Пруссіи всѣ полноправные граждане общины дѣлятся на три класса, сообразно количеству уплачиваемыхъ ими налоговъ, такъ что на каждый классъ приходится треть суммы уплачиваемыхъ общиной налоговъ. Къ первому классу принадлежатъ лица, вносящія высшія нормы податей; ко второму—лица, вносящія слѣдующія нормы; къ третьему—остальныя. Конечно, самымъ многочисленнымъ классомъ будетъ третій, а самымъ меньшимъ—первый. Каждый классъ выбираетъ треть всего числа депутатовъ. Слѣдовательно, кучка богачей (нерѣдко 1—2 челов.) посылаетъ въ сеймъ такое же количество представителей, какъ десятки и сотни менѣе зажиточныхъ крестьянъ. Оба высшихъ класса имѣютъ въ общинномъ сеймѣ большинство, такъ что управленіе дѣлами сосредоточивается въ рукахъ болѣе состоятельныхъ общинниковъ, интересы которыхъ не всегда совпадаютъ съ интересами массы. Положеніе послѣдней ухудшается тѣмъ, что депутатъ не долженъ непремѣнно принадлежать къ тому классу, которымъ онъ избранъ; третій классъ можетъ послать отъ себя представителя, принадлежащаго по своему цензу къ высшимъ двумъ классамъ. Но такъ какъ въ деревнѣ бѣдные крестьяне обыкновенно находятся въ экономической зависимости отъ болѣе богатыхъ, то въ рукахъ послѣднихъ оказывается могучее средство, чтобы заставить избирателя третьяго класса подать свой голосъ за пріятнаго имъ кандидата. Давленію на избирателей дается широкій просторъ открытой подачей голосовъ, при которой всякому извѣстно, въ пользу какого кандидата голосуетъ тотъ или другой избиратель. Тайная подача голосовъ, гарантирующая (при отсутствіи злоупотребленій) свободу выбора, существуетъ въ Баваріи, Вюртембергѣ, Саксоніи, Баденѣ и Гессенѣ. Баденская система отличается отъ прусской тѣмъ, что первый классъ, состоящій изъ высшихъ плательщиковъ, составляетъ $^1/_6$ всего числа правоспособныхъ общинниковъ, второй—$^2/_6$, а третій остальныя $^3/_6$.

Общинное собраніе или общинный сеймъ выбираютъ старосту и служебный персоналъ, которые въ Пруссіи утверждаются правительствомъ. Староста пользуется довольно большой властью. Такъ, въ Пруссіи, Саксоніи, Баденѣ и Гессенѣ онъ имѣетъ право *veto* во всѣхъ случаяхъ, когда находитъ рѣшеніе собранія или сейма незаконнымъ; въ Пруссіи и Саксоніи право *veto* предоставляется ему и тогда, когда постановленіе кажется ему идущимъ въ разрѣзъ съ общей пользой. Въ томъ и другомъ случаѣ споръ рѣшается окруж-

нымъ сеймомъ, котораго, какъ увидимъ ниже, никакъ нельзя считать представителемъ народныхъ интересовъ.

Для полной характеристики общиннаго устройства нужно добавить, что въ сѣверо-восточной Германіи извѣстная часть крупныхъ землевладѣльцевъ не входитъ въ составъ сельскихъ общинъ, Это тѣ именно, которые до освобожденія крестьянъ пользовались вотчинной властью. Въ предѣлахъ своихъ помѣстій они обладаютъ тою же властью, которую имѣетъ сельскій староста. Ихъ помѣстья представляютъ, такимъ образомъ, особыя самоуправляющіяся единицы—вотчинные округи, предѣлы которыхъ опредѣляются не правомъ собственности помѣщика на землю, а тѣмъ вотчиннымъ правомъ, которое принадлежало ему до освобожденія. Поэтому, если съ тѣхъ поръ помѣщикъ продалъ часть своей земли другому, то послѣдній состоитъ подъ его властью; наоборотъ, если помѣщикъ пріобрѣлъ землю внѣ черты своего округа, то новопріобрѣтенный участокъ находится внѣ сферы его власти и входитъ составной частью въ общину. Вслѣдствіе этого нѣкоторая часть крестьянъ—именно, владѣющіе землею въ предѣлахъ вотчинныхъ округовъ—совершенно исключена изъ общиннаго самоуправленія и находится подъ властью помѣщика. Сверхъ того, самостоятельное существованіе вотчинныхъ округовъ даетъ крупнымъ землевладѣльцамъ много преимуществъ передъ общинными. Такъ, они свободны отъ общинныхъ налоговъ; сооруженіе дорогъ лежитъ всецѣло на общинѣ, хотя крупные землевладѣльцы пользуются ими больше крестьянъ. Призрѣніе бѣдныхъ помѣщикъ тоже легко можетъ свалить на общину; стоитъ ему только выстроить или нанять жилища для своихъ рабочихъ не въ предѣлахъ вотчиннаго округа, а на общинной землѣ. Такъ какъ община обязана призрѣвать всѣхъ бѣдняковъ, живущихъ въ ея предѣлахъ, то поденщикъ, истощившій свои силы въ непосильной работѣ на помѣщика и впавшій въ бѣдность, ложится бременемъ на общину.

Если на низшей ступени самоуправленія крупный землевладѣлецъ пользуется большими привилегіями только въ сѣверо-восточной Германіи, то на второй ступени, т. е. въ окружномъ самоуправленіи, привилегированное положеніе богатаго класса вообще и землевладѣльцевъ въ частности существуетъ во всей Германіи.

Разсмотримъ прежде всего систему выборовъ въ окружный сеймъ, введенную въ 1872 г. въ восточной Пруссіи, а затѣмъ распространенную и на западную.

Для выбора представителей округа послѣдній раздѣляется на три избирательныя коллегіи: 1) коллегію крупныхъ землевладѣльцевъ, 2) коллегію городовъ и 3) коллегію сельскихъ общинъ. Къ первой коллегіи принадлежатъ всѣ землевладѣльцы, уплачивающіе не менѣе 225 марокъ поземельнаго налога или налога со строеній, а также крупные промышленники, владѣльцы заводовъ и фабрикъ, уплачивающіе со своихъ предпріятій minimum 72 талера налога (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 96). Хотя въ первую коллегію входятъ и не

землевладѣльцы, но этотъ классъ играетъ въ ней преобладающую роль, такъ какъ фабриканты и заводчики устраиваютъ свои предпріятія, по преимуществу, въ городахъ и входятъ поэтому въ городскія коллегіи. Дѣйствительно, въ 1872 г., къ первой избирательной коллегіи принадлежало:

	Землевладѣльцевъ.	Промышленниковъ.
Пруссія	1.774	1
Бранденбургъ	1.307	18
Померанія	1.295	14
Силезія	2.463	36
Саксонія	1.720	40
	8.559	109

Т. е. во всей восточной Пруссіи землевладѣльцевъ (въ первой коллегіи) было въ 70 разъ больше, чѣмъ промышленниковъ, а въ Прусской пров. число первыхъ превышало число послѣднихъ даже въ 1,774 раза. Такимъ образомъ, эта коллегія по справедливости можетъ быть названа коллегіей крупныхъ землевладѣльцевъ или, такъ какъ большинство ихъ принадлежитъ къ Ritterguts—und Gutsbezitzer'амъ, коллегіей юнкеровъ.

Избирательную коллегію городовъ составляютъ городскіе магистраты и собранія городскихъ депутатовъ, образующіе для этой цѣли одно соединенное собраніе. Такъ какъ система выборовъ въ городахъ, на которой мы не будемъ останавливаться, даетъ преобладаніе крупной буржуазіи, то и окружные депутаты, выбираемые городской коллегіей, являются представителями капитала.

Третья избирательная коллегія состоитъ изъ сельскихъ общинъ округа и тѣхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, которые не вошли въ составъ первой коллегіи. Для выбора окружныхъ депутатовъ третья коллегія раздѣляется на избирательныя собранія по числу избирательныхъ округовъ. Въ эти собранія землевладѣльцы и промышленники входятъ самолично, а общины посылаютъ своихъ представителей (выборщиковъ), выбираемыхъ черезъ общинныя собранія или сеймы. Чтобы пользоваться правомъ голоса въ избирательныхъ собраніяхъ, необходимо уплачивать minimum 60 мар. налога, такъ что владѣльцы, платящіе менѣе этой суммы, должны соединяться для составленія коллективнаго голоса съ другими владѣльцами; равнымъ образомъ общины, уплачивающія менѣе 60 мар. налога и имѣющія менѣе 100 чел., соединяются съ другими общинами. Такимъ образомъ, въ сельскихъ общинахъ окружные депутаты избираются по системѣ третьестепенныхъ выборовъ: населеніе избираетъ представителей въ общинный сеймъ, послѣдніе—выборщиковъ въ избирательное собраніе, а эти—окружныхъ депутатовъ.

Сопоставляя организацію всѣхъ трехъ коллегій, мы видимъ, что окружные землавладѣльцы и промышленники являются въ нихъ

in corpore, а города и сельскія общины посылаютъ своихъ представителей: первые по системѣ двойныхъ выборовъ, вторыя— тройныхъ.

Что касается числа окружныхъ представителей, то минимумъ его законъ устанавливаетъ въ 25 чел., которые распредѣляются между избирательными коллегіями слѣдующимъ образомъ: сначала опредѣляется число городскихъ (2 кол.) и сельскихъ (1 и 3 коллегіи вмѣстѣ) депутатовъ пропорціонально количеству городского и сельскаго населенія; затѣмъ число городскихъ депутатовъ вычитывается изъ общаго числа депутатовъ, а остатокъ раздѣляется поровну между коллегіей землевладѣльцевъ и коллегіей сельскихъ общинъ. При такой системѣ окружный сеймъ не можетъ служить точнымъ выраженіемъ личнаго элемента округовъ: незначительное количество крупныхъ землевладѣльцевъ имѣетъ столько же представителей, какъ огромная масса сельскаго населенія. Такъ, напримѣръ, при введеніи закона 1872 г. все количество окружныхъ депутатовъ должно было равняться 6,269; изъ этого числа на долю 2½ мил. городского населенія приходилось 1,417 депутатовъ, на долю сельскихъ общинъ съ населеніемъ въ 8¾ милл.—2,426 и столько же на долю $8^1/_2$ тысячъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Слѣдовательно отъ городского населенія одинъ депутатъ приходился на 1,865 человѣкъ, отъ сельскаго—1 на 3,614. а отъ крупныхъ землевладѣльцевъ 1 на $3^1/_2$ семейства или, принимая семейство даже въ 20 чел. 1 на 70 чел. Другими словами, наиболѣе выгодное положеніе занимаютъ представители крупнаго землевладѣнія, затѣмъ слѣдуютъ городскія общины, въ которыхъ наибольшимъ вліяніемъ пользуются представители капитала; наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ сельскія общины. Роль крестьянъ сводится, слѣдовательно, къ минимуму.

Въ остальной Германіи организація окружнаго самоуправленія нѣсколько благопріятнѣе для народной массы, но и тамъ представители крупнаго землевладѣнія и капитала занимаютъ привилегированное положеніе. Такъ, напримѣръ, въ Баваріи землевладѣльцы. платящіе высшія нормы поземельнаго налога, засѣдаютъ въ окружномъ сеймѣ самолично, а слѣдующіе 50 крупнѣйшихъ плательщиковъ посылаютъ представителей, причемъ число первыхъ не должно превышать ¼ числа представителей отъ городскихъ и сельскихъ общинъ, а число послѣднихъ—⅛. Въ Саксоніи и Гессенѣ представители отъ крупнѣйшихъ плательщиковъ составляютъ $^1/_3$ числа представителей отъ общинъ.

Не останавливаясь на подробностяхъ организаціи окружнаго самоуправленія въ разныхъ государствахъ Германіи, скажемъ нѣсколько словъ о провинціальныхъ сеймахъ. Система выборовъ въ эти высшіе органы мѣстнаго самоуправленія также отличается большимъ разнообразіемъ. Такъ, въ Пруссіи и Гессенѣ провинціальный сеймъ состоитъ изъ представителей, назначаемыхъ окружными сей-

мами провинціи. Въ Баваріи въ составъ провинціальныхъ сеймовъ входятъ: 1) выборные отъ окружныхъ сеймовъ, 2) представители отъ крупнаго землевладѣнія, число которыхъ ограничено ¼ числа депутатовъ отъ окружныхъ сеймовъ, 3) представители духовенства и мѣстнаго университета. Въ Баденѣ провинціальные сеймы состоятъ изъ 4 группъ: къ первой относятся депутаты, назначаемые особой коллегіей, въ составъ которой входятъ выборщики, избираемые всѣми лицами, живущими не менѣе года въ данной провинціи, крупные землевладѣльцы и высшіе плательщики налоговъ; вторая группа состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ общинами черезъ посредство выборщиковъ; къ третьей принадлежатъ представители отъ городовъ, а къ четвертой—крупнѣйшіе землевладѣльцы, участвующіе въ сеймѣ самолично въ количествѣ, равномъ 1/6 числа представителей другихъ категорій. Такова же въ существенныхъ чертахъ организація провинціальнаго самоуправленія во всей Германіи. Вездѣ представители крупнаго землевладѣнія и капитала либо преобладаютъ, либо пользуются привилегіями.

XV.

Переходя къ организаціи законодательныхъ органовъ германскихъ государствъ *), констатируемъ прежде всего, что въ крупныхъ и среднихъ государствахъ законодательная власть распредѣляется между двумя камерами—палатой депутатовъ и палатой господъ, составляющими вмѣстѣ ландтагъ, а въ мелкихъ она сосредоточивается въ одной камерѣ. Оставляя пока въ сторонѣ палату господъ, разсмотримъ организацію, опредѣляющую составъ палаты депутатовъ.

Объемъ избирательныхъ правъ различается по отдѣльнымъ государствамъ. Въ то время, какъ право выборовъ въ рейхстагъ принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста, право выборовъ въ ландтаги ограничено разными условіями, сокращающими въ большей или меньшей степени контингентъ избирателей. Такъ, въ однихъ мѣстахъ (Пруссія, Баварія, Гессенъ и др.) избирателемъ можетъ быть только плательщикъ прямыхъ налоговъ, въ другихъ (Саксонія) избиратель долженъ владѣть опредѣленнымъ участкомъ земли или уплачивать опредѣленную сумму налоговъ; въ нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ избирательное право стоитъ въ зависимости отъ права участія въ общинныхъ выборахъ. На-

*) Marquardsen, Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart in Monographien. Schulze-Gaevernitz, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. Stoerk, Handbuch der deutschen Verfassungen. O. Meier, Deutsches Staatsrecht. Schulze-Gaevernitz, Das preussische Staatsrecht. Funk, Das Verwaltungs — und Verfassungsrecht des Grossh. Hessen. V. Sarwey, Das Staatsrecht des Kgr. Württemberg. Seydel, Bayrisches Staatsrecht. Opitz, Das Staatsrecht d. Kgr. Sachsen.

конецъ, во многихъ мѣстахъ активнаго избирательнаго права лишены лица, на которыхъ числится недоимка государственныхъ платежей.

Система выборовъ тоже отличается большимъ разнообразіемъ. Въ Пруссіи и двухъ мелкихъ государствахъ избиратели дѣлятся на классы по количеству уплачиваемыхъ податей. Въ другихъ государствахъ этого дѣленія нѣтъ, но кромѣ депутатовъ, входящихъ въ составъ ландтага на основаніи общихъ выборовъ, вводятся особые представители тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ съ цѣлью усиленія роли этихъ послѣднихъ въ законодательномъ корпусѣ. Изъ крупныхъ государствъ это имѣетъ мѣсто въ Вюртембергѣ, гдѣ элементъ землевладѣльческаго дворянства усиливается посредствомъ избранія изъ его среды дополнительныхъ 43 депутатовъ. Въ нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ въ палатѣ кромѣ депутатовъ участвуютъ лица, назначаемыя верховной властью пожизненно или на одну сессію.

Наконецъ, выборы бываютъ прямые (Саксонія, Вюртембергъ и др.) и косвенные, т. е. черезъ посредство выборщиковъ (Пруссія, Баварія, Баденъ, Гессенъ, Саксенъ-Веймаръ и др.), открытые (Пруссія и Брауншвейгъ) и тайные (въ другихъ государствахъ).

Было бы слишкомъ утомительно останавливаться на подробномъ описаніи избирательныхъ системъ, существующихъ въ разныхъ частяхъ Германіи. Сдѣланнаго бѣглаго обзора достаточно, чтобы видѣть, что почти во всей Германіи нѣкоторыя группы населенія пользуются привилегированнымъ положеніемъ, обусловливаемымъ либо свойствами избирательнаго права, либо системой выборовъ, либо размѣрами власти монарховъ. Наихудшія условія существуютъ въ Пруссіи, гдѣ собраны всѣ темныя стороны избирательныхъ системъ: и привилегіи для крупныхъ плательщиковъ, и косвенные выборы, и открытая подача голосовъ. Бисмаркъ, котораго, конечно, нельзя обвинить въ демократизмѣ, назвалъ систему выборовъ въ прусскую палату депутатовъ «das elendste aller Wahlsysteme». Въ виду выдающагося положенія, занимаемаго Пруссіей въ ряду германскихъ государствъ, и того значенія, которое имѣютъ прусскіе аграріи въ общегерманской политикѣ, мы считаемъ необходимымъ обстоятельнѣе познакомить читателя съ прусской избирательной системой. Въ существенныхъ чертахъ она состоитъ въ слѣдующемъ.

Каждый избирательный округъ дѣлится на избирательные участки. Жители участка, пользующіеся политической правоспособностью, дѣлятся на три класса, по числу платимыхъ ими налоговъ, такъ что на долю перваго класса, къ которому принадлежатъ крупные богачи, выпадаетъ такая же сумма налоговъ, какъ на долю второго или третьяго. Классы выбираютъ по одинаковому числу (2 или 3) выборщиковъ, которые, собравшись по округамъ, избираютъ опредѣленное число депутатовъ. Напримѣръ, если общая сумма

налоговъ, уплачиваемыхъ жителями даннаго избирательнаго участка, равна 9000 мар., то первый классъ составляютъ тѣ лица, которые, платя высшій въ сравненіи съ другими налогъ, вносятъ вмѣстѣ 3,000 мар. Можетъ случиться, что въ данномъ участкѣ имѣется одно лицо, уплачивающее 3,000 мар. налога; тогда онъ одинъ и составитъ первый классъ. Лица, уплачивающія слѣдующія 3,000 мар. налога, составляютъ второй классъ; положимъ, 2 человѣка вносятъ по 300 мар., 5 по 200, 10 по 120; эти 17 человѣкъ и образуютъ второй классъ. Остается подавляющее большинство лицъ, платящихъ низшія нормы податей или не платящихъ вовсе; конечно, такихъ наберется нѣсколько сотъ, они и составятъ третій классъ. Такимъ образомъ, одинъ избиратель перваго класса пошлетъ столько же выборщиковъ, какъ 17 избирателей второго и, можетъ быть, 400 третьяго. Такъ какъ представители двухъ высшихъ классовъ имѣютъ перевѣсъ въ избирательныхъ коллегіяхъ, то и большинство ландтага принадлежитъ къ защитникамъ интересовъ крупнаго землевладѣнія.

Нелѣпость и несправедливость прусской избирательной системы обнаружилась сейчасъ же послѣ ея введенія. Въ 1849 г. въ Пруссіи насчитывались $3^1/_4$ милл. избирателей, изъ которыхъ къ первому классу принадлежало 150 тыс., ко второму—400 тыс., а къ третьему—больше $2^1/_2$ милл. Слѣдовательно, нѣсколько больше полумилліона богачей имѣло такое же политическое вліяніе, какъ $2^1/_2$ милл. крестьянъ, рабочихъ, мелкихъ промышленниковъ и пр. Съ теченіемъ времени нелѣпость эта растетъ вмѣстѣ съ ростомъ концентраціи капиталовъ и нищеты. Въ Берлинѣ принадлежало въ 1885 г. къ первому классу 1,9% всего числа избирателей, а къ третьему—свыше 90%. Если сюда добавить открытую подачу голосовъ, то станетъ яснымъ, что права избирателей третьяго класса, находящихся большею частью въ экономической зависимости отъ работодателей, ростовщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, обращаются въ нуль. Хуже всего, конечно, положеніе крестьянъ, такъ какъ у нихъ сознаніе своихъ правъ развито во много разъ слабѣе, чѣмъ у городскихъ классовъ.

Неудивительно, поэтому, что масса не обнаруживаетъ никакого интереса къ выборамъ въ палату депутатовъ. Эти выборы остаются, такимъ образомъ, выборами меньшинства не только потому, что рѣшающее значеніе имѣютъ первые два малочисленныхъ класса, но и потому еще, что въ выборахъ принимаетъ участіе едва ли треть гражданъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ. Такъ, напримѣръ, въ 1888 г. «Freisinnige Zeitung» утверждала, что не больше 15% воспользовалось правомъ выбора. Въ крупныхъ центрахъ пульсъ политической жизни бьется сильнѣе, чѣмъ въ мелкихъ; однако, въ Берлинѣ, напримѣръ, принимало участіе въ выборахъ 1882 г. 33,8%, 1885 г. 26,16%, 1888 г. 25,1%. Можно себѣ представить, насколько рѣшенія палаты депутатовъ соотвѣт-

ствуютъ «волѣ народа»! Выборы оказываются простой фикціей, а самая палата—насмѣшкой надъ народными правами. Въ ней хозяйничаетъ горсть изъ числа «верхнихъ десяти тысячъ», распоряжающаяся судьбами народа по своему усмотрѣнію.

Но этого мало: въ большей части германскихъ государствъ, кромѣ палаты депутатовъ, существуетъ и палата господъ, состоящая изъ представителей столбового дворянства, крупнаго землевладѣнія и бюрократіи. Постановленіе одной палаты можетъ вступить въ силу не иначе, какъ съ согласія другой; предложеніе, принятое въ палатѣ депутатовъ и отвергнутое палатой господъ, не можетъ стать закономъ. Поэтому, еслибы защитникамъ народныхъ интересовъ и удалось провести въ палатѣ депутатовъ какое-либо мѣропріятіе, направленное къ благу народной массы, но разъ оно идетъ въ разрѣзъ съ интересами аграріевъ, оно не получитъ санкціи палаты господъ, этого оплота консерватизма и реакціи. Система двухъ камеръ отдаетъ всю власть въ руки земельной и денежной аристократіи, объ упорное сопротивленіе которой разбиваются всѣ благія начинанія прогрессивныхъ партій. И тамъ, гдѣ палата депутатовъ составляется на болѣе или менѣе либеральныхъ началахъ, ея дѣятельность парализуется привилегированными классами, сидящими въ первой палатѣ.

Итакъ, въ германскихъ государствахъ участіе народной массы въ законодательныхъ корпусахъ и органахъ мѣстнаго самоуправленія столь ничтожно, что она лишена возможности собственными силами защищать свои интересы. Во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ господствуетъ земельная и денежная аристократія, преслѣдующая свои личныя, узко эгоистическія цѣли. Постановленія ландтаговъ и мѣстныхъ органовъ носятъ печать сословнаго эгоизма, цинично игнорирующаго интересы другихъ классовъ, а старанія немногочисленныхъ друзей народа, попадающихъ въ представительныя учрежденія, терпятъ фіаско, оттѣняя только узко сословный характеръ «народнаго» представительства. Начиная съ общиннаго сейма и кончая ландтагомъ, вездѣ преобладающую роль играютъ богатѣи, а представители народной массы являются декораціей, не способной оказать какое-либо вліяніе на ходъ дѣлъ. Непосредственной, практической пользы отъ представительныхъ учрежденій крестьянинъ не видитъ. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что крестьяне, которыхъ вѣковая исторія и повседневная жестокая борьба за существованіе пріучили стоять исключительно на почвѣ выгоды, не придаютъ никакой цѣны ни мѣстному самоуправленію, ни общенародному представительству. Находясь на низкой степени развитія, обладая лишь скудными познаніями, вынесенными изъ сельской школы, крестьянинъ не способенъ подняться до отвлеченной точки зрѣнія и цѣнить въ представительныхъ учрежденіяхъ лишь *принципъ*. Онъ получаетъ свое политическое воспитаніе въ общин-

номъ самоуправленіи, а организаціи послѣдняго, сводящая роль крестьянина къ минимуму, способна только внушить ему равнодушіе и индефферентизмъ. Ближайшія къ крестьянину выборныя учрежденія по организаціи своей ничего не могутъ дать ему и это пріучило его къ мысли, что всѣ подобныя затѣи существуютъ лишь для баръ и денежныхъ тузовъ, что для него онѣ не имѣютъ никакого значенія. Въ результатѣ—полный индефферентизмъ крестьянской массы къ политической дѣятельности. Въ то время, какъ рабочій классъ, буржуазія, дворянство принимаютъ живое участіе въ борьбѣ партій, крестьянинъ стоитъ вдали отъ политической жизни, обходясь своими маленькими, домашними, старомодными средствами въ борьбѣ съ враждебными элементами. По своему политическому индифферентизму, крестьянинъ является живымъ анахронизмомъ въ странѣ, гдѣ политическая жизнь бьетъ ключемъ, гдѣ на почвѣ борьбы партій разрѣшаются самые сложные вопросы практической жизни. Въ своемъ общемъ недовѣріи къ представительнымъ учрежденіямъ онъ и не подозрѣваетъ, что всеобщее избирательное право даетъ ему въ лицѣ рейхстага сильное орудіе для защиты своихъ интересовъ. Подводя подъ одинъ знаменатель все, въ чемъ выражается политическая дѣятельность, онъ относится совершенно равнодушно къ выборамъ въ это высшее законодательное учрежденіе имперіи и либо вовсе не идетъ къ избирательной урнѣ, либо отдаетъ свой голосъ первому ловкому шарлатану, сулящему ему избавленіе отъ ростовщика.

XVI.

Ни въ чемъ самосознаніе общественнаго класса не проявляется съ такой яркостью, какъ въ профессіональныхъ союзахъ. Это первая форма, въ которую выливается просыпающееся сознаніе своихъ правъ въ ряду съ другими соціальными элементами. Это первая стадія общественной самодѣятельности, когда соціальная группа еще не дошла до пониманія зависимости своихъ матеріальныхъ интересовъ отъ общаго строя жизни. Здѣсь на почвѣ однородности матеріальныхъ интересовъ мало-по-малу зрѣетъ классовое самосознаніе, вырабатываются начала солидарности, которыя впослѣдствіи лягутъ въ основу политической организаціи. Ближайшіе интересы обыденной жизни служатъ тутъ фундаментомъ, на которомъ выростаетъ съ теченіемъ времени стройное зданіе партіи, руководимой болѣе общими принципами. Вмѣстѣ съ тѣмъ степень развитія профессіональныхъ союзовъ, роль, которую играютъ въ нихъ чисто профессіональные интересы, могутъ служить показателемъ общественнаго развитія даннаго класса. Отсутствіе такихъ союзовъ или незначительная ихъ распространенность свидѣтельствуютъ о недостаточномъ сознаніи общности интересовъ, о крайне низкомъ развитіи общественности въ данной группѣ, о непониманіи простой возможности совмѣстной

защиты своихъ интересовъ. Съ другой стороны, преобладаніе узко профессіональныхъ мотивовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что данная группа еще не дошла до пониманія *соціальнаго* характера своихъ интересовъ, до сознанія связи ихъ съ общимъ строемъ жизни. Поэтому, чѣмъ дальше общественная группа пошла по пути самосознанія, тѣмъ обширнѣе задачи профессіональныхъ союзовъ, тѣмъ просторнѣе рамки ихъ дѣятельности.

Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтають для насъ выдающійся интересъ сельскохозяйственные и крестьянскіе союзы. Какъ велико участіе въ нихъ крестьянъ, какой характеръ носитъ ихъ дѣятельность, какими цѣлями они задаются—рѣшеніе этихъ вопросовъ даетъ намъ ключъ къ выясненію степени общественнаго самосознанія въ крестьянствѣ.

Сельскохозяйственные союзы въ Германіи *) имѣютъ уже свою исторію. Первый союзъ сельскихъ хозяевъ возникъ еще при Фридрихѣ Великомъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ то время основано было въ Вейсензее (Тюрингенъ) сельскохозяйственное общество, и Фридриху Великому это новое учрежденіе такъ понравилось, что онъ всѣми силами сталъ насаждать подобныя же общества въ Пруссіи. Съ тѣхъ поръ сельскохозяйственые союзы продолжали развиваться и распространяться, и въ настоящее время въ Германіи насчитывается 2515 ферейновъ, объединенныхъ въ 41 центральный союзъ. Кромѣ того, имѣется множество отдѣльныхъ ферейновъ, не соединившихся въ группы. Во всѣхъ ихъ насчитывается до 320 тыс. членовъ. Центральные союзы находятся въ постоянномъ общеніи съ правительствомъ, причемъ связующимъ звеномъ служитъ въ Пруссіи Landes Oekonomie Kollegium и сельскохозяйственныя камеры. Ферейны эти преслѣдуютъ спеціальныя задачи, заключающіася въ споспѣшествованіи развитію сельскаго хозяйства и распространенію агрикультурныхъ знаній среди своихъ членовъ. Дѣятельность ихъ состоитъ въ изданіи книгъ соотвѣтствующаго содержанія, чтеніи лекцій по разнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ сельскому хозяйству, и пр. Для распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ отдаленныхъ уголкахъ государства, не обладающихъ собственными научными силами, образовался контингентъ странствующихъ лекторовъ. Число ихъ въ настоящее время доходитъ до 100. Кромѣ того, устраиваются опытныя поля, метеорологическія станціи и пр. Въ этомъ отношеніи имъ удалось сдѣлать много. Такъ, напр., въ Пруссіи изъ 24 опытныхъ станцій 21 учреждена ферейнами.

Такая спеціальная роль въ послѣднее время перестала, однако, удовлетворять сельскихъ хозяевъ. Политическія условія, развитіе

---

*) См. Fassbender, Die Bauernvereine. Stadelmann, Das landwirtschaftliche Vereinswesen in Preussen. Землевладѣніе и сельское хозяйство, изд. *Водовозовыхъ*.

индустріи и связанный съ этимъ ростъ вліянія буржуазіи, рабочее движеніе—все это вызвало у землевладѣльцевъ опасеніе за привилегированное положеніе, занимаемое ими въ государствѣ. Либеральныя вѣянія, отразившись въ экономической политикѣ, начали задѣвать интересы крупныхъ сельскихъ хозяевъ. И вотъ въ ферейнахъ стали раздаваться голоса въ пользу расширенія ихъ дѣятельности и включенія въ программу «защиты интересовъ сельскаго хозяйства въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ». Тутъ то и обнаружился истинный характеръ сельскохозяйственныхъ союзовъ; оказалось, что они состоятъ въ большинствѣ изъ юнкеровъ, которые желали воспользоваться этой организаціей для защиты своихъ узко сословныхъ интересовъ. Они начинаютъ забрасывать правительство разными требованіями, направленными къ сохраненію своихъ привиллегій. Высокія пошлины на сельскохозяйственные продукты, протекціонизмъ въ самой нелѣпой формѣ—вотъ ихъ знамя. Объявляя себя единственными столпами отечества, они претендуютъ на роль балованныхъ сынковъ, которымъ все мало, сколько имъ ни давать.

При Бисмаркѣ они чувствовали себя на высотѣ положенія. Въ собраніяхъ царилъ благодушный тонъ самодовольныхъ людей, понимающихъ, что они стоятъ на твердой почвѣ. Они смотрѣли на себя, какъ на признанныхъ представителей землевладѣнія и земледѣлія. Языкъ аграріевъ достаточно извѣстенъ: интересы отечества у нихъ означаютъ личные интересы, благо крестьянъ ими отождествляется съ благомъ юнкеровъ. Они, не стѣсняясь, называютъ себя мучениками и серьезно доказываютъ, что они, аграріи, и крестьяне—братья не только по духу, но и по карману. Повторяю, подъ крылышкомъ Бисмарка землевладѣльцы чувствовали себя недурно. Ферейны спокойно занимались вопросами объ искуственномъ удобреніи и разведеніи улучшенныхъ породъ скота, не видя надобности посвящать слишкомъ много времени политикѣ.

Но вотъ объявленъ новый курсъ. Желѣзный канцлеръ палъ. Аграріи пришли въ ужасъ; имъ мерещилось, что пришелъ конецъ ихъ благоденствію; они уже видѣли себя на краю бездны. Послышались вопли о гибели сельскаго хозяйства. Хотя новое правительство оказалось очень податливымъ въ отношеніи къ аграріямъ, но они продолжали вздыхать о золотомъ вѣкѣ бисмарковскаго режима и никакъ не хотѣли удовлетвориться тѣмъ, что предложилъ имъ «новый курсъ». Наступила эра юнкерской фронды. Прежніе вѣрные слуги престола и отечества стали устраивать крупные скандалы правительству. Ферейны дѣятельно вмѣшиваются въ политику, совершенно забывъ свою культурную миссію. Въ своемъ усердіи они доходятъ до того, что провозглашаютъ за «Союзомъ сельскихъ хозяевъ» національное значеніе и выставляютъ его единственнымъ средствомъ для спасенія отечества отъ гибели. Они приглашаютъ всѣхъ патріотовъ соединиться подъ его знаменемъ

для борьбы съ приближающейся революціей. Развитіе индустріи ведетъ Германію къ гибели; еще немного, и она окажется въ такомъ же положеніи, какъ Англія. «Если мы не хотимъ,—писала въ 1893 году одна юнкерская газета,—чтобы Германія попала въ подобное же положеніе, то мы должны всѣми силами поддерживать въ лицѣ сельскихъ хозяевъ могучій факторъ, не подвергающійся разложенію и способный оказать рѣшительное противодѣйствіе революціоннымъ элементамъ».

Съ тѣхъ поръ «новый» курсъ уступилъ мѣсто «новѣйшему», и аграріи снова оказались въ роли балованныхъ сынковъ. Правительство не упускаетъ случая заявить, какъ много оно печется о сельскомъ хозяйствѣ. Аграріи успокоились, снова занялись агрикультурой и сельскохозяйственными выставками; только изрѣдка выскочитъ какой-нибудь enfant terrible и своимъ безтактнымъ образомъ дѣйствія покажетъ, что аграріи не дремлютъ и зорко слѣдятъ за своими интересами.

Крестьяне стояли въ сторонѣ отъ этого движенія. Въ сельскохозяйственныхъ союзахъ тонъ задавали крупные землевладѣльцы, а крестьяне играли только декоративную роль. Прусская оффиціальная анкета краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ равнодушіи, съ которымъ крестьяне относятся къ дѣятельности союзовъ. Корреспонденты въ одинъ голосъ заявляютъ, что имъ извѣстны только единичные случаи участія крестьянъ въ союзахъ, да и тѣ относятся къ болѣе состоятельной части крестьянства. Союзы, носящіе названіе крестьянскихъ, являются представителями крестьянскихъ интересовъ лишь по имени. Своимъ возникновеніемъ они большею частью обязаны иниціативѣ тѣхъ же аграріевъ, задавшихся цѣлью доказать, что и крестьяне съ ними солидарны. Такіе союзы состоятъ изъ представителей болѣе зажиточной части крестьянства и существуютъ, главнымъ образомъ, въ восточной Германіи, гдѣ соціальныя условія сдѣлали крестьянина послушнымъ орудіемъ въ рукахъ крупнаго землевладѣльца. Они поютъ въ унисонъ юнкерамъ или, вѣрнѣе, играютъ чисто номинальную роль, давая имъ формальную возможность отождествлять себя со *всѣмъ* сельскимъ хозяйствомъ.

Въ послѣднее время, однако, тамъ и сямъ стали возникать и настоящіе крестьянскіе ферейны, держащіе себя вполнѣ независимо отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Послѣдніе относятся къ нимъ съ явной враждебностью, доказывая тѣмъ какъ нельзя убѣдительнѣе, какая пропасть отдѣляетъ интересы аграріевъ отъ интересовъ крестьянъ. Въ то время, какъ псевдо-крестьянскіе союзы содержатъ въ своихъ уставахъ неизмѣнный пунктъ о покровительственныхъ пошлинахъ на сельскохозяйственные продукты, настоящіе Bauernverein'ы и слышать не хотятъ о подобныхъ требованіяхъ, ставя на первый планъ чисто политическія задачи. Вопросы агрономическіе, борьба съ ростовщичествомъ и пр. занимаютъ второстепенное мѣ-

сто. Въ Баваріи есть даже такіе крестьянскіе союзы, которые вовсе исключаютъ изъ своей дѣятельности специфическіе профессіональные интересы и носятъ чисто политическій характеръ, на подобіе избирательныхъ рабочихъ ферейновъ. Это показываетъ, что въ составъ этихъ союзовъ входятъ болѣе развитыя личности крестьянства, сумѣвшія подняться до пониманія политическихъ задачъ. Истинно-крестьянскихъ союзовъ, однако, еще мало, а немногочисленный составъ ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что *масса* еще не причастна къ этому движенію и, не считая единичныхъ личностей, продолжаетъ коснѣть въ невѣжествѣ и индифферентизмѣ. Тѣмъ не менѣе, это весьма знаменательные симптомы, свидѣтельствующіе о томъ, что и въ крестьянскую среду начинаетъ проникать свѣтъ сознанія.

Политическій индифферентизмъ, низкое умственное и общественное развитіе крестьянства особенно сильно сказывается во время выборовъ въ рейхстагъ. О томъ, чтобы выступить въ качествѣ самостоятельнаго фактора въ избирательной борьбѣ, не можетъ быть и рѣчи. Зато всякаго рода политическіе аферисты находятъ обильную пищу въ крестьянской массѣ. Чтобы собрать возможно больше крестьянскихъ голосовъ, не брезгаютъ ничѣмъ: запугиваніе при помощи жандармовъ, экономическое давленіе, подкупъ, обѣщаніе всевозможныхъ благъ въ видѣ освобожденія отъ ростовщиковъ, уменьшенія тяжести налоговъ и пр.,—обѣщаніе, которое послѣ выборовъ сейчасъ же забывается,—вотъ мѣры, при помощи которыхъ пріобрѣтаются голоса крестьянъ въ томъ случаѣ, когда удается вывести ихъ изъ инертнаго состоянія. Не придавая выборамъ особеннаго значенія, они легко дѣлаются игрушкой въ рукахъ недобросовѣстныхъ агитаторовъ, пользующихся ими для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Объ опредѣленной политической окраскѣ тутъ не можетъ быть рѣчи.

Опредѣленныхъ политическихъ тенденцій мы не находимъ также у болѣе сознательныхъ элементовъ, группирующихся въ крестьянскихъ союзахъ. При своей малочисленности они не могутъ, конечно, образовать самостоятельную партію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ нѣтъ опредѣленной программы, которая заставила бы ихъ примкнуть къ одной изъ существующихъ партій. Они, повидимому, еще не усвоили опредѣленнаго взгляда на свою роль, не знаютъ еще, какія конечныя цѣли имъ нужно ставить въ своей дѣятельности, держатся чисто практическихъ стремленій, направленныхъ къ устраненію внѣшнихъ проявленій зла, не проникая въ его основныя причины. И вотъ они переходятъ отъ одной партіи къ другой, смотря по тому, какая даетъ лучшія обѣщанія. Разочаровываясь въ однихъ, они обращаются къ другимъ, пока не убѣдятся, что и эти ничего имъ не дадутъ.

Прослѣдимъ вкратцѣ главные этапы политическаго движенія крестьянъ.

До конца 70-хъ годовъ группировка политическихъ партій въ Германіи не основывалась на соціальномъ расчлененіи населенія. Онѣ различались между собою лишь своими идеалами. Заключались ли эти послѣдніе въ піэтизмѣ или вольнодумствѣ, въ свободѣ или вѣрности королю, каждая партія въ отдѣльности увѣряла, что она представляетъ интересы *всего* народа, а всѣ вмѣстѣ негодовали на соціалъ-демократію, которая-де открытымъ признаніемъ классовой борьбы принесла интересы отечества въ жертву классовому эгоизму. Этому идиллическому состоянію положило конецъ аграрно-протекціонистское движеніе. Своимъ возникновеніемъ оно обязано сильному паденію земельной ренты, которая въ предшествовавшій періодъ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, достигла необычайной высоты. Къ этому присоединилась еще зависть къ увеличивающейся соціальной роли движимаго капитала. Во главѣ движенія стояли крупные землевладѣльцы; духовенство и чиновники оказывали имъ дружеское содѣйствіе, а крестьяне и сельскіе рабочіе составляли боевую армію.

Это была первая стадія крестьянскаго движенія—періодъ главенства крупныхъ землевладѣльцевъ. Съ 1887 года дѣло мѣняется. Пошлины на предметы необходимости были по душѣ аграріямъ, но отъ нихъ ничего не выигрывали, если не теряли, крестьяне. Милитаризмъ, который главной своей тяжестью ложится на крестьянское населеніе, развивался съ каждымъ днемъ, поддерживаемый «картелемъ», къ рядамъ котораго принадлежали и аграріи. Но разоблаченію «общности» интересовъ, о которой проповѣдывали юнкеры, болѣе всего содѣйствовала водочная реформа 1887 г. «Сорокамилліонная подачка» обогащаетъ крупныхъ заводчиковъ, а гибели мелкихъ она не могла помѣшать, да и не должна была, ибо законъ имѣлъ въ виду исключительно интересы крупныхъ собственниковъ. Вздорожаніе водки вызвало раздраженіе въ средѣ крестьянъ и сельскихъ рабочихъ, являющихся главными потребителями этого напитка. Вмѣстѣ съ тѣмъ не оправдались и надежды, возлагавшіяся крестьянами на покровительственныя пошлины. Они увидѣли, что ихъ обманули, что союзники ихъ успокоились на сдѣланныхъ правительствомъ уступкахъ, а червь, подтачивающій существованіе крестьянства, продолжаетъ свою разрушительную работу. Ростовщикъ и оборщикъ податей—эти злѣйшіе враги крестьянства остались на прежнемъ мѣстѣ. Потерявъ вѣру въ консервативную партію, крестьяне, естественно, склонились на сторону антисемитовъ, поставившихъ на своемъ знамени борьбу съ тѣми именно недугами, которые болѣе всего замѣтны крестьянамъ. Лозунгъ: «долой жидовъ!» рисовалъ воображенію крестьянъ избавленіе отъ самаго злокачественнаго нароста сельской жизни—ростовщичества. Правда, ростовщиками являются не одни евреи; это хорошо извѣстно крестья-

намъ. Но ловкіе агитаторы успѣвали во время шепнуть скептику: «прежде всего отдѣлаемся отъ жидовъ, а тамъ возьмемся и за другихъ!».

Антисемитизмъ — это второй этапъ крестьянскаго движенія. Своего апогея этотъ «соціализмъ дураковъ» достигъ на выборахъ 1893 года, давшихъ небывалое дотолѣ количество антисемитскихъ депутатовъ. Но съ тѣхъ поръ крестьяне имѣли возможность убѣдиться, что антисемиты обманули ихъ такъ же безцеремонно, какъ въ свое время аграріи. «Друзья народа» не сдержали своихъ обѣщаній и, очутившись въ «высокомъ домѣ», забыли объ избирателяхъ.

Какой будетъ слѣдующій этапъ, покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, ясно, что недовольство современнымъ порядкомъ становится все сильнѣе и явственнѣе. Къ буржуазіи, представителями которой являются націоналъ-либералы и прогрессисты, крестьяне всегда относились враждебно и недовѣрчиво; заигрыванья и посулы буржуазныхъ партій до сихъ поръ не производили никакого эффекта на крестьянскую массу. Точно также двадцати-пятилѣтній опытъ показалъ крестьянамъ, что не отъ консерваторовъ и антисемитовъ ждать имъ улучшенія своей участи. Болѣе развитые изъ нихъ начинаютъ понимать, что у нихъ не можетъ быть ничего общаго съ аграріями, девизъ которыхъ—дешевый трудъ и дорогой хлѣбъ, что они не могутъ также идти рука объ руку съ буржуазіей. Броженіе, обнаруживающееся въ послѣднее время въ нѣмецкой деревнѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ нее проникаетъ сознаніе солидарности своихъ интересовъ съ интересами труда вообще, и это сознаніе выражается въ явныхъ симпатіяхъ къ рабочей партіи, успѣвшихъ уже обнаружиться довольно ярко въ Баваріи, гдѣ нѣкоторая часть крестьянъ открыто примкнула къ этой партіи.

XVII.

Резюмируемъ въ нѣсколькихъ словахъ все сказанное нами о положеніи нѣмецкаго крестьянства.

Послѣ уничтоженія крѣпостного права крестьяне оказались въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Одни совсѣмъ остались безъ земли, а другіе получили участки, недостаточные для сноснаго существованія. Высокіе выкупные платежи, непомѣрные государственные и мѣстные сборы наложили на крестьянъ тяжелое бремя съ первыхъ же шаговъ свободнаго существованія. Начать новую жизнь имъ пришлось безъ капиталовъ, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ, въ эпоху безграничнаго произвола и эксплуатаціи, не могло быть и рѣчи о накопленіи запасовъ. Правительство, окончивъ регулированіе земельныхъ отношеній, оставило крестьянъ на произволъ судьбы, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы помочь освобожденному населенію стать на ноги. Государственная политика носила исключительно отрицательный характеръ, исчерпываясь

разрушеніемъ старыхъ формъ; установивъ свободу передвиженія и неограниченный переходъ правъ на недвижимую собственность, правительство успокоилось на теоріи гармоніи интересовъ. Не имѣя дешеваго и доступнаго кредита, изнемогая подъ тяжестью высокихъ платежей, страдая отъ малоземелья, крестьянство тотчасъ же по освобожденіи поставлено было въ условія, исключающія возможность дальнѣйшаго существованія и развитія. Ростовщичество, земельная спекуляція, эксплуатація въ разныхъ формахъ дали на этой почвѣ богатый плодъ. Лицомъ къ лицу съ этими злѣйшими врагами своими крестьянство стоитъ совершенно безпомощно, не имѣя достаточныхъ политическихъ правъ, принимая незначительное участіе въ работѣ государственнаго механизма, гдѣ преобладающая роль принадлежитъ представителямъ капитала и крупнаго землевладѣнія, не встрѣчая содѣйствія со стороны партій, погруженныхъ въ свои собственные интересы. Въ результатѣ то, чего и слѣдовало ожидать: исчезновеніе крестьянства въ значительной части Германіи.

Но не есть ли упадокъ крестьянскаго землевладѣнія неизбѣжный результатъ экономической эволюціи, противъ котораго безсильны государственныя мѣропріятія? Не представляетъ ли экспропріація крестьянской собственности неотвратимый процессъ, обусловливаемый не внѣшними причинами (какъ-то: отсутствіе кредита, малоземелье, правительственный индифферентизмъ и пр.), а внутренними, кроющимися въ самой природѣ крестьянскаго хозяйства? Не результатъ ли это внутренняго безсилія мелкаго земледѣльческаго производства, не могущаго устоять въ неравной борьбѣ съ болѣе сильнымъ соперникомъ—крупнымъ производствомъ? Не происходитъ ли здѣсь то же самое, что наблюдается въ сферѣ обрабатывающей промышленности, гдѣ мелкое производство, не будучи въ состояніи выдержать конкурренцію съ крупнымъ, мало по малу исчезаетъ?

Въ нашу задачу не входитъ подробный разборъ вопроса о преимуществахъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ земледѣліи. Это старый споръ, котораго, не смотря на обширную литературу, нельзя еще считать рѣшеннымъ. Не углубляясь въ дебри абстракцій и стоя исключительно на почвѣ фактовъ, мы покажемъ, что имѣются серьезныя основанія, не допускающія рѣшить интересующій насъ вопросъ въ пользу крупнаго земледѣльческаго хозяйства, что нельзя категорически утверждать о безсиліи крестьянскаго землевладѣнія, и что, слѣдовательно, всѣ выводы, практическіе и философскіе, которые основываются на теоріи безусловнаго превосходства крупнаго хозяйства въ земледѣліи, покоятся на непрочномъ, шаткомъ фундаментѣ *).

Утверждаютъ, что въ предѣлахъ мелкаго хозяйства невозможна

*) Такъ какъ насъ интересуютъ только германскіе крестьяне, то мы пользовались исключительно нѣмецкими источниками, главнымъ образомъ, статьей Кутцлеба въ Landwirthschaftliche Jahrbücher за 1895 г. (XIV).

раціональная система земледѣлія. Дѣйствительность, однако, свидѣтельствуетъ, что во многихъ мѣстахъ Германіи нѣтъ никакой разницы съ агрикультурной стороны между крупными и мелкими хозяйствами. Преимущества, представляемыя производствомъ въ обширныхъ размѣрахъ, съ избыткомъ покрываются тщательностью обработки крестьянскихъ полей и интенсивностью труда, такъ какъ трудъ собственника имѣетъ тѣ же преимущества передъ наемнымъ трудомъ, какъ свободный передъ крѣпостнымъ, а послѣдній передъ рабскимъ. По словамъ корреспондентовъ обслѣдованія, произведеннаго обществомъ соціальной политики, крестьянское хозяйство съ агрикультурной стороны не уступаетъ помѣщичьему въ Баваріи, Баденѣ, Саксоніи, Брауншвейгѣ, Гальберштадтѣ, Ольденбургѣ и Шлезвигъ-Гольштейнѣ *). Такой же отзывъ даетъ проф. Кюнъ о провинціи Саксоніи **). При этомъ нужно замѣтить, что въ перечисленныхъ мѣстностяхъ господствуютъ самыя разнообразныя культурныя условія: въ Баденѣ и Баваріи процвѣтаютъ торговыя растенія высокихъ сортовъ, Брауншвейгъ и провинція Саксонія могутъ служить типами очень интенсивной земледѣльческой культуры и раціональнаго воздѣлыванія свекловицы, въ королевствѣ Саксоніи сильно развита фабричная промышленность, въ Ольденбургѣ и Шлезвигъ-Гольштейнѣ находится въ цвѣтущемъ состояніи скотоводство. Слѣдовательно, каковы бы ни были мѣстныя условія, крестьянское хозяйство вполнѣ способно стать на одинъ уровень съ крупнымъ.

Конечно, къ числу неоспоримыхъ преимуществъ крупнаго хозяйства принадлежитъ употребленіе машинъ. Однако, въ послѣднее время и среди крестьянъ появились въ большомъ количествѣ молотилки, саможатки и пр. ***). Но паровые плуги могутъ имѣть выгодное примѣненіе только на большихъ пространствахъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи это преимущество крупнаго хозяйства вовсе не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Одинъ изъ крупныхъ авторитетовъ въ этой области, профессоръ Меркеръ увѣряетъ, что «тщательная и во время прилагаемая конная вспашка можетъ дать такой же результатъ, какъ паровой плугъ». Вообще, въ сельскомъ хозяйствѣ машины не могутъ имѣть такого широкаго примѣненія, какъ въ обработывающей промышленности. Нѣкоторыя земледѣльческія работы совсѣмъ не могутъ исполняться механическимъ путемъ, а въ скотоводствѣ и при разведеніи нѣжныхъ торговыхъ растеній роль машинъ сводится почти къ нулю. Но и тамъ, гдѣ примѣненіе машинъ возможно, оно не всегда обходится дешевле коннаго. Такъ, напримѣръ, по словомъ Питша ****), паровой плугъ выгоднѣе употребленія лошадей только при особенно

*) Bäuerliche Zustände, I, 51, 250, 263. II, 37, 73, 92, 137, 145, 222.
**) Назв. соч., 12 и сл.
***) На этотъ фактъ указываетъ прусская оффиціальная анкета.
****) Die Theorie der Bodenbearbeitung, 159, 160.

благопріятныхъ условіяхъ и то лишь тогда, когда требуется глубокая вспашка. Къ этому нужно добавить, что техника въ послѣднее время сдѣлала крупные успѣхи въ примѣненіи машинъ къ потребностямъ мелкаго хозяйства. Таковы саковскіе плуги и сѣялки, ручныя саможатки и пр. *).

Переходя отъ земледѣлія къ скотоводству, мы и здѣсь не находимъ особенно рѣзкихъ преимуществъ крупнаго хозяйства передъ мелкимъ. Напротивъ, по словамъ свѣдущихъ людей, лучшія лошади и лучшій рогатый скотъ разводятся именно крестьянами. Рогатый скотъ первыхъ сортовъ, вывозимый изъ Шлезвигъ-Гольштейна въ Англію и Гамбургъ, принадлежитъ исключительно крестьянамъ. Аналогичные отзывы находимъ о нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ Пруссіи, Ольденбургѣ, Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ и др. Этотъ фактъ имѣетъ особенное значеніе для тѣхъ, кто видитъ въ переходѣ къ скотоводству панацею противъ сельскохозяйственнаго кризиса. Какую роль играетъ мелкое хозяйство въ разведеніи скота, лучше всего видно изъ того, что въ Германіи стоимость скота, приходящагося на 1 гектаръ земельной площади, равняется:

въ хозяйствахъ отъ 5 до 100 гектар. 159,837 — 111,647 мар.,
» » » выше 100 » 94,601 — 51,570 »

Что касается доходности, то и въ этомъ отношеніи едва ли крупное хозяйство стоитъ выше мелкаго. По словамъ такого авторитета, какъ Зеттегастъ, въ видѣ правила нужно принять, что крестьянское хозяйство даетъ болѣе высокій чистый доходъ, чѣмъ крупное; утвержденіе, будто первое по доходности уступаетъ второму, лишено всякаго основанія **). Это мнѣніе, поддерживаемое и Зомбартомъ, вполнѣ подтверждается анкетами ***).

Въ виду изложеннаго нѣтъ основанія утверждать, что крупный землевладѣлецъ побиваетъ мелкаго. Напротивъ, въ годы кризиса первый страдаетъ больше второго. Упадокъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты гораздо чувствительнѣе отражается на интересахъ крупнаго землевладѣльца, работающаго, главнымъ образомъ, для рынка, чѣмъ на интересахъ крестьянина, который большую часть своихъ продуктовъ потребляетъ самъ. Дороговизна труда, служащая предметомъ вѣчныхъ жалобъ аграріевъ, мало касается крестьянъ, которые употребляютъ наемныхъ работниковъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Наконецъ, крестьянинъ въ себѣ совмѣщаетъ землевладѣльца, предпринимателя и рабочаго, такъ что всѣ три категоріи дохода—рента, прибыль и заработная плата—сосредоточиваются въ одномъ лицѣ; это даетъ возможность крестьянину довольствоваться небольшой нормой дохода, что даетъ

*) Preser, Die Erhaltung des Bauernstandes, стр. 285.

**) Settegast, Die Landwirthschaft und ihr Betrieb. 1875—1880. I, 41, 264, 352. II, 125, III, 292.

***) См. напр. Bäuerl. Zust., II, 37, 73, 92, 222, 313 и др.

ему еще одно преимущество сравнительно съ крупнымъ землевладѣльцемъ.

Итакъ, утверждать, что мелкое земледѣльческое хозяйство страдаетъ внутреннимъ безсиліемъ, осуждающимъ его на неизбѣжную гибель, значитъ не только игнорировать рядъ научныхъ данныхъ, но и закрывать глаза передъ дѣйствительностью, показывающею, что во многихъ частяхъ Германіи наблюдается процессъ дробленія крупныхъ хозяйствъ *). Поэтому выводы, дѣлаемые на основаніи якобы доказаннаго превосходства крупнаго хозяйства надъ мелкимъ, оказываются преждевременными. Исчезновеніе крестьянства, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, не представляетъ собою неизбѣжнаго постулата экономической эволюціи, а объясняется временными, преходящими причинами. Крестьянство не обречено на гибель «самымъ ходомъ исторіи», а потому мѣропріятія, направленныя къ его охраненію, нельзя считать безплодными. Это признаютъ не только приверженцы консервативнаго лагеря **), но и многіе представители радикальнаго направленія ***). Поворотъ, замѣчаемый въ этомъ отношеніи въ рядахъ рабочей партіи ****), представляетъ много поучительнаго и для насъ.

Л. С. Закъ.

---

*) См. выше главу XII.

**) Міасковскій, Зерингъ, Шефле, Ад. Вагнеръ, Гольцъ, Зеттегастъ, Валькеръ и др.

***) См., напр., полемику по этому вопросу на страницахъ «Neue Zeit», за 1894—95 г., между Каутскимъ, Давидомъ, Геккомъ, Эрнстомъ, Адлеромъ и др.

****) Онъ обнаружился на послѣднихъ двухъ Parteitag'ахъ.

ЖРЕЦЫ.

Романъ.

(Окончаніе.)

XXX.

Какъ только по Москвѣ разнесся слухъ о томъ, что произошло передъ панихидой, и, разумѣется, слухъ, изукрашенный самыми фантастическими узорами,—жрецы науки засуетились словно муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ.

Одни возмущались поступкомъ Сбруева, другіе злорадствовали, немногіе сочувствовали, но всякій думалъ о себѣ—какъ бы не случилось чего нибудь непріятнаго по этому случаю. Какъ бы не подумали, что онъ одобряетъ дерзкую выходку своего коллеги противъ Найденова.

Хотя всѣ хорошо знали, что старый профессоръ сыгралъ очень некрасивую роль въ дѣлѣ, которое привело къ самоубійству Перелѣсова, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ господъ профессоровъ тотчасъ же рѣшили—ѣхать къ Найденову, чтобы засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе и выразить негодованіе по поводу выходки Сбруева, разсчитывая, что Найденовъ, во всякомъ случаѣ, съумѣетъ выпутаться изъ этой исторіи и остаться формально внѣ всякаго подозрѣнія. Слѣдовательно, ѣхать къ нему необходимо, а не то онъ потомъ припомнитъ и сдѣлаетъ такую пакость, что и не ожидаешь.

И на другой же день послѣ панихиды къ нему поѣхали не только профессора, считавшіе Найденова своимъ, но даже и нѣкоторые изъ считавшихъ его «чужимъ». Въ числѣ такихъ былъ и профессоръ Цвѣтницкій, хваставшій передъ панихидой, что не подастъ руки Найденову, и первый протянувшій руку.

Однако ни одинъ изъ посѣтителей не былъ принятъ.

Старый слуга всѣмъ говорилъ, что баринъ несовсѣмъ здоровъ и не принимаетъ, и визитерамъ пришлось оставлять только свои карточки.

Дѣйствительно, Найденовъ со вчерашняго дня чувствовалъ

себя нехорошо, хотя и скрывалъ это отъ жены и дѣтей. Онъ испытывалъ непривычную слабость, утомленность и временами головокруженіе. Ему все было холодно. Онъ осунулся и какъ-то сразу одряхлѣлъ. И только его глаза, по прежнему умные, пронизывающіе, порой зажигались лихорадочнымъ блескомъ.

Карточки, которыя подавалъ ему слуга, повидимому, не доставили ни малѣйшаго удовольствія старому профессору.

Напротивъ! Прочитывая фамиліи коллегъ и разныхъ другихъ лицъ оффиціальнаго міра, считавшихъ долгомъ заявить о своемъ сочувствіи, Найденовъ съ брезгливой усмѣшкой, кривившей его тонкія губы, бросалъ ихъ на письменный столъ.

Самъ никому не вѣрившій, онъ не вѣрилъ и другимъ и, хорошо понимая мотивы этого сочувствія, зналъ, что черезъ недѣлю, другую, когда уже онъ не будетъ вліятельнымъ въ университетѣ лицомъ, ни одна душа не подъѣдетъ къ крыльцу его дома, и всѣ будутъ его поносить.

Послѣ долгой безотрадной думы рѣшеніе уже имъ принято. Онъ подастъ въ отставку, уѣдетъ изъ Москвы и посвятитъ остатокъ жизни одной наукѣ.

Какъ ученаго, его вспомнятъ!

Все остальное, изъ за чего онъ, умный и самолюбивый человѣкъ, лгалъ и не останавливался ни передъ чѣмъ во всю свою жизнь, теперь потеряло въ глазахъ его всю прежнюю цѣну: и прелесть власти, и успѣхъ ловко веденной интриги, и накопленіе богатства, и видное положеніе, котораго онъ домогался всякими правдами и неправдами, и которое уже ему было обѣщано въ ближайшемъ будущемъ.

Все это казалось ему теперь ненужнымъ, безцѣльнымъ, неумнымъ, и вся его жизнь внѣ науки представлялась ему сплошной ложью, приведшей его именно къ тому, чего онъ такъ боялся.

И не потому онъ рѣшилъ уйти, что одинъ «глупецъ» застрѣлился, а другой осмѣлился публично оскорбить его. И не потому, что въ обществѣ считаютъ его виновникомъ самоубійства...

Онъ понимаетъ дѣйствительную цѣну русскаго общественнаго мнѣнія и давно равнодушенъ къ нему, хорошо зная, что не въ немъ опора для людей, ищущихъ успѣха въ жизни. И онъ не чувствуетъ себя виноватымъ въ самоубійствѣ Перелѣсова. Вольно же было ему переусердствовать и написать глупую подлость, вмѣсто умной. Вольно жъ ему было съ радостью влѣзать въ шкуру предателя и потомъ жаловаться, что его соблазнили! Не особенно сердилъ стараго профессора и Сбруевъ. Онъ былъ бы уволенъ за свою дерзость—и дѣлу конецъ. Пусть надѣваетъ лавры жертвы за свои цивическія добродѣтели и—сопьется.

Не это все заставляетъ стараго профессора все ниже и ниже опускать свою голову и думать горькую думу о полнѣйшемъ одиночествѣ, на которое онъ отнынѣ обреченъ. Не это.

Хотя между нимъ и дѣтьми не было никакого объясненія, но уже вчера въ страдальчески-скорбномъ взглядѣ Лизы и въ мрачной застѣнчивости сына онъ прочелъ свой приговоръ.

Они все видѣли, все слышали, и даже больше, чѣмъ могли выдержать ихъ нервы, и, словно бы виноватые, чувствуя на себѣ позоръ ихъ отца болѣе, чѣмъ онъ самъ, крадучись, вышли изъ толпы, блѣдные и приниженные, полные ужаса и недоумѣнія...

Но, при всемъ желаніи сомнѣваться, сомнѣнія были невозможны. Кто-то, очевидно незнавшій дѣтей Найденова, еще до появленія его на панихидѣ, читалъ рядомъ съ ними списанное письмо Перелѣсова къ ихъ отцу. Они слышали его и не знали, куда дѣваться, чувствуя, какъ горятъ ихъ щеки краской стыда.

А кругомъ имя отца произносилось вмѣстѣ съ проклятьями.

И наконецъ эта зловѣщая тишина при его появленіи... потомъ слова Сбруева и удаленіе отца, сопровождаемое общей нескрываемой ненавистью.

Братъ и сестра возвратились домой потрясенные, полные ужаса и скорби.

Передъ тѣмъ, что позвонить, они, до сихъ поръ не проронившіе ни единаго слова, вдругъ бросились другъ другу въ объятья и заплакали, какъ маленькія дѣти, несчастныя и безпомощныя.

— Мамочка не должна ничего знать... Слышишь, Миша?— прошептала, наконецъ, Лиза, глотая рыданія...

— Боже сохрани!—отвѣтилъ юноша.

И, утирая слезы, порывисто прибавилъ:

— Господи! За что? За что? Развѣ можно жить послѣ того, какъ отецъ...

Онъ называлъ теперь отца не папой, какъ раньше.

Не докончивъ фразы, онъ закрылъ руками лицо.

— Что ты, Миша... Голубчикъ... Какія мысли!—вздрагивая всѣмъ тѣломъ, прошептала Лиза, въ головѣ у которой тоже мелькали мысли о томъ, что жить невозможно.

— Какая жъ это жизнь!.. Это не жизнь, а позоръ... Кто могъ бы подумать!

— Надо быть мужественнымъ, Миша... Надо своею жизнью искупить грѣхи отца... вотъ что надо...

— Такого грѣха ничѣмъ не искупишь...

— И у насъ мама... Не забывай этого, Миша... И дай слово, что ты будешь помнить это!—значительно прибавила сестра...— Дай!..

— Ничего я не могу понять... Ничего... Тяжко, Лиза...

Они крѣпко пожали другъ другу руки и вытирали слезы.

Черезъ минуту братъ позвонилъ.

Они прошли, не показываясь матери, каждый въ свои комнаты, переживать свое ужасное горе—разочарованіе въ отцѣ, котораго обожали. Лиза нѣсколько разъ входила къ брату и, крѣпко сжимая его руку, повторяла:

— Надо быть мужественнымъ, Миша... И помни, что у насъ чудная мамочка...

И снова плакала вмѣстѣ съ братомъ.

Наконецъ, ихъ позвали обѣдать.

— Крѣпись, Миша, родной мой... Не выдавай своего горя... Пусть мама не замѣчаетъ.

— А ты! Ты блѣдна, какъ смерть, Лиза.

— Скажемъ, что разстроены... При отцѣ не говори, что были на панихидѣ. Пусть онъ не знаетъ, что мы все знаемъ... О, лучше бы, какъ прежде, ничего не знать.

— Я слышалъ иногда, но не вѣрилъ... А теперь...

Они старались казаться спокойными, когда вошли въ столовую. Отца еще не было.

Когда онъ вошелъ, блѣдный, изможденный, состарившійся и словно бы приниженный, и сѣлъ на свое мѣсто, не глядя ни на жену, ни на дѣтей, братъ и сестра почувствовали, что отецъ виновникъ смерти Перелѣсова.

И они затихли на своихъ мѣстахъ, какъ затихаютъ вдругъ въ замирающемъ страхѣ внезапно испуганныя дѣти, не смѣя проронить звука и не рѣшаясь, въ свою очередь, поднять глазъ на отца.

Найденовъ понялъ, что дѣти все знаютъ, и съ какою-то суровой сосредоточенностю хлебалъ супъ, скрывая муки отца, котораго презираютъ любимыя дѣти.

Обѣдъ прошелъ въ тягостномъ молчаніи.

Едва только онъ кончился, Найденовъ всталъ изъ за стола и ушелъ къ себѣ тосковать о потерѣ единственныхъ существъ въ мірѣ, которыхъ онъ дѣйствительно любилъ.

Когда онъ ушелъ, мать проговорила, обращаясь къ дѣтямъ:

— Какіе вы однако нервные. Какъ сильно на васъ подѣйствовала панихида!

— Да, мамочка. Признаться, обоихъ насъ разстроила.

— Вы больше не ходите туда.

— Мы не пойдемъ!—взволнованно отвѣчала Лиза.

— Довольно одной!—мрачно протянулъ сынъ.

— Но особенно разстроила эта панихида бѣднаго папу,— продолжала Найденова.—Онъ вернулся оттуда потрясенный... И, кажется, очень былъ недоволенъ, что вы ходили туда.

— Онъ развѣ знаетъ?—въ страхѣ спросила Лиза.

— Я ему сказала... Боюсь, какъ бы нашъ родной не захворалъ. Замѣтили, какой онъ мрачный былъ за обѣдомъ...

И, минуту спустя, она спросила:

— Много народу было?

— Да, много.

— Пожалѣли, значитъ, несчастнаго.

— Мать у Перелѣсова... О, какая она несчастная!.. Говорятъ, безъ всякихъ средствъ осталась... Сынъ ей помогалъ... А теперь? Мамочка! Я продала свой браслетъ съ бриллiантами...

— И отдашь деньги матери?

— Конечно... Передамъ Сбруеву.

— Твое дѣло... И я прибавлю денегъ. А узнали, кто, этотъ подлый профессоръ, который подговорилъ Перелѣсова написать ту гадкую статью... Помнишь?

Лиза похолодѣла. И, употребляя всѣ усилiя, чтобъ скрыть отъ матери охватившее ее волненiе, она съ рѣшительностью отвѣтила:

— Все это вздоръ, мамочка.

— Что вздоръ?

— А то, что какой-то профессоръ подговаривалъ. Это не профессоръ, а кто-то другой, мамочка.

— Да, другой,—подтвердилъ и сынъ.

— Кто же?

— Не знаю... Называли фамилiю, да я забыла.

— Какъ же говорили, что профессоръ, и будто обѣщалъ хлопотать о профессурѣ, а Зарѣчнаго вонъ, а Перелѣсова на его мѣсто?

— Мало ли, что говорятъ, мамочка.

— Въ Москвѣ вѣдь сплетень не оберешься. На кого угодно наплетутъ... Никто не убережется!—угрюмо замѣтилъ Миша.

— Ну и слава Богу, что не профессоръ. А то вѣдь это было бы ужасно и для него, и для его семьи... Боже сохрани, когда дѣтямъ приходится краснѣть за родителей...

Когда подали самоваръ, Лиза, по обыкновенiю, разлила всѣмъ чай. Она всегда носила стаканъ отцу въ кабинетъ, но сегодня ей было жутко идти туда, и она медлила.

— Что-жъ ты, Лизочка, не несешь папѣ чай? Вѣдь онъ любитъ горячiй... Неси ему скорѣй да разговори его хандру. Ты умѣешь, и онъ любитъ, когда ты болтаешь съ нимъ...

— Иду, иду, мамочка.

Когда молодая дѣвушка вошла въ кабинетъ и увидѣла отца, точно закаменѣвшаго въ своемъ креслѣ, съ выраженiемъ безпредѣльной мрачной тоски въ мертвенно-блѣдномъ, суровомъ и неподвижномъ лицѣ, ее охватила жалость, и въ то же время

ей представилось спокойно-важное лицо покойника Перелѣсова съ темнымъ пятномъ на вискѣ. Ей хотѣлось броситься на шею къ отцу, пожалѣть, приласкать, но какое-то брезгливое чувство парализовало первое движеніе ея сердца, и что-то внушавшее страхъ казалось въ чертахъ прежде любимаго лица. Оно словно бы стало чужимъ...

И Лиза осторожно и тихо поставила стаканъ на столъ.

— Спасибо!—чуть слышно прошепталъ старикъ и робко взглянулъ на дочь взглядомъ, полнымъ любви и страданія.

Взгляды ихъ встрѣтились. Старый профессоръ тотчасъ же отвелъ глаза. Лиза поблѣднѣла и торопливо вышла изъ комнаты. Съ порога до ушей Найденова донеслось заглушенное рыданіе дочери.

Плохо спалъ въ эту ночь старый профессоръ! Къ утру ужъ у него созрѣло рѣшеніе «бросить все» и самому уѣхать на нѣкоторое время за границу.

«Безъ меня имъ легче будетъ!»—подумалъ старикъ.

Послѣ обѣда онъ позвалъ жену въ кабинетъ и, когда та сѣла въ кресло противъ него, съ тревогой глядя на изможденное лицо мужа, казавшееся въ полусвѣтѣ лампы совсѣмъ мертвеннымъ,— онъ сказалъ:

— Чувствую, что утомился, Елена.

— Тебѣ надо посовѣтоваться съ докторами, Аристархъ Яковлевичъ... Тебя это самоубійство Перелѣсова совсѣмъ разстроило.

— Какое самоубійство? Какое мнѣ дѣло, что Перелѣсовъ застрѣлился!..—рѣзко возразилъ Найденовъ.—Сегодня его кстати ужъ и похоронили... Вѣрно рѣчи надгробныя были и все, какъ слѣдуетъ... Зарѣчный, конечно, отличился... Ты ничего не слыхала?

— Нѣтъ.

— А дѣти развѣ на похоронахъ не были?

— Они и такъ разстроены вчерашней панихидой.

— Очень?

— Развѣ ты не замѣтилъ?..

— И Миша тоже?..

— Еще бы...

— Ну, у Миши это скоро пройдетъ. У него счастливый характеръ, а Лиза...

Онъ не окончилъ начатой фразы и продолжалъ:

— И знаешь ли, что я надумалъ, Елена? Я думаю, ты одобришь мои намѣренія...

Жена, которой мужъ никогда не сообщалъ никакихъ своихъ плановъ и объявлялъ только о своихъ рѣшеніяхъ, которыя она исполняла съ безропотной покорностью кроткаго суще-

ства, боготворившаго мужа, удивленно подняла на него свои глаза и спросила:

— Ты знаешь, я всегда охотно исполняю твои намѣренія. Что ты хочешь предпринять?

— Я хочу отдохнуть и потому рѣшилъ выдти въ отставку.

— Вотъ это отлично!—радостно проговорила Найденова.

— Вы переѣдете въ Петербургъ, а я на нѣкоторое время поѣду за границу... Хочется покопаться въ итальянскихъ архивахъ... И чѣмъ скорѣе все это сдѣлается, тѣмъ лучше.

— Но какъ же ты одинъ поѣдешь, Аристрахъ Яковлевичъ? Ты хвораешь. Взялъ-бы съ собой Лизу.

— Нѣтъ... нѣтъ... я одинъ.

Въ эту минуту въ кабинетъ вбѣжала Лиза блѣднѣе смерти и крикнула:

— Мама, иди... Миша... Миша... голубчикъ...

Найденова бросилась вслѣдъ за дочерью.

Поднялся съ кресла и Найденовъ и быстрыми шагами пошелъ въ комнату сына. Мимо пробѣжалъ со всѣхъ ногъ слуга, пробѣжала въ столовой горничная.

— Что случилось?—въ смертельной тревогѣ спрашивалъ Найденовъ.

Никто не отвѣчалъ. И лакей, и горничная какъ-то растерянно показывали рукой въ корридоръ.

Старикъ бросился туда, отворилъ двери комнаты сына и увидѣлъ его блѣднаго, съ виноватой улыбкой на устахъ, сидящаго на диванѣ. Пистолетъ лежалъ на полу.

Найденовъ понялъ все и бросился къ сыну съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ.

— Ничего, ничего, успокойся, Аристархъ Яковлевичъ... Рана неопасная!—взволнованно говорила Найденова.

— Онъ нечаянно!—вставила Лиза.

— Ну, конечно, нечаянно!..—подтвердила мать.—Сейчасъ пріѣдетъ хирургъ. Я послала...

— Нечаянно?..—проговорилъ Найденовъ... Нечаян...

Онъ хотѣлъ продолжать, но какъ-то жалко и безпомощно говорилъ что-то непонятное. Лицо его перекосилось. Одинъ глазъ закрылся.

Онъ видимо силился что-то сказать и не могъ. И вдругъ онъ склонился передъ сыномъ, сталъ цѣловать его руку, издавая какое-то жалобное мычанье.

Найденова перенесли въ кабинетъ и послали за другимъ докторомъ. Черезъ полчаса пріѣхали два врача. Хирургъ нашелъ, что у сына рана не опасна—пуля счастливо не задѣла легкаго, а другой врачъ нашелъ положеніе старика опаснымъ и опредѣлилъ у него параличъ лѣвой стороны тѣла, вызванный сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ.

XXXI.

На похоронахъ Перелѣсова было всего пять профессоровъ и въ томъ числѣ: Зарѣчный, Сбруевъ и старикъ Андрей Михайловичъ Косицкій, явившійся, не смотря на предостереженія своей неугомонной воительницы-супруги, окончательно, по ея словамъ, убѣдившейся въ томъ, что мужъ спятилъ съ ума и ведетъ себя, какъ студентъ перваго курса.

— Недостаетъ, чтобъ ты еще влюбился!—не безъ ехидства прибавила она, измѣряя маленькую худощавую фигурку профессора уничтожающимъ взглядомъ.

Остальные жрецы науки блистали своимъ отсутствіемъ.

Похороны прошли безъ какого-бы то ни было «прискорбнаго инцидента» и при очень незначительномъ количествѣ публики. Никакихъ рѣчей не говорилось на кладбищѣ. При видѣ обезумѣвшей отъ горя матери теперь какъ-то не поднимался языкъ говорить о винѣ покойнаго и объ ея искупленіи. Могилу засыпали, и всѣ расходились молчаливо-угрюмые.

— А мы въ «Прагу», неправда ли, Василій Василичъ?—спрашивалъ Сбруевъ, нагоняя Невзгодина, который въ раздумьи шелъ между могилъ.

— Съ удовольствіемъ.

Звенигородцевъ, между тѣмъ, собиралъ желающихъ ѣхать завтракать въ «Эрмитажъ» или къ Тѣстову. Но такъ какъ профессора уклонились отъ предложенія, Звенигородцевъ долженъ былъ отказаться отъ мысли устроить завтракъ съ рѣчами по поводу самоубійства Перелѣсова.

Нѣсколько времени Сбруевъ шелъ молча рядомъ съ Невзгодинымъ. Вдругъ, словно бы спохватившись, онъ проговорилъ:

— А я и позабылъ познакомить васъ со своими. Они здѣсь. Хотите?

— Очень буду радъ.

— Такъ подождемъ минутку.

Они отошли въ сторону и остановились.

— А вотъ и онѣ!—промолвилъ Сбруевъ.

Невзгодинъ замѣтилъ, какъ просвѣтлѣло лицо молодого профессора, когда онъ увидалъ двухъ скромно одѣтыхъ дамъ.

Онъ подвелъ къ нимъ Невзгодина и, назвавъ его, сказалъ:

— Моя мать и сестра Соня.

И та, и другая очень понравились Невзгодину, въ особенности молодая дѣвушка.

Что-то сразу располагающее было въ выраженіи ея свѣжаго, миловиднаго лица и особенно во взглядѣ большихъ темныхъ глазъ, вдумчивыхъ и необыкновенно ясныхъ. Такіе глаза,

казалось, неспособны были лгать и глядѣли на міръ божій съ довѣрчивостью чистаго существа. Все въ этой дѣвушкѣ словно бы говорило объ изяществѣ натуры и о нравственной чистотѣ.

И Невзгодинъ невольно подумалъ: «Что за милая дѣвушка!»

Они пошли всѣ вмѣстѣ къ выходу съ кладбища.

Прощаясь, Сбруева просила Невзгодина навѣстить ихъ.

— Вечера мы почти всегда дома!—прибавила она.

Сбруевъ усадилъ своихъ дамъ на извозчика и сказалъ матери, чтобъ его не ждали.

— Мы ѣдемъ съ Василіемъ Васильевичемъ завтракать, мама!—прибавилъ онъ, застѣнчиво улыбаясь.

Мать взглянула на Невзгодина ласковымъ, почти умоляющимъ взглядомъ, словно бы просила его поберечь сына.

И Невзгодинъ поспѣшилъ проговорить:

— Мы недолго будемъ завтракать. Мнѣ надо сегодня ѣхать по дѣлу.

Черезъ полчаса Сбруевъ и Невзгодинъ сидѣли за отдѣльнымъ столомъ въ гостинницѣ «Прага».

Дмитрій Ивановичъ, молча и только улыбаясь своей милой застѣнчивой улыбкой, пилъ водку рюмку за рюмкой, сперва вмѣстѣ съ Невзгодинымъ, а потомъ, когда тотъ отказался,— одинъ.

— Люблю, знаете ли, иногда привести себя въ возвышенное настроеніе, Василій Васильичъ!—говорилъ онъ, словно бы оправдываясь, когда наливалъ новую рюмку.—Однако возвращаюсь домой безъ чужой помощи и такъ, чтобы дома не видѣли моего возвышеннаго настроенія!—прибавилъ онъ, добродушно усмѣхнувшись.

За завтракомъ Сбруевъ говорилъ мало, но, когда завтракъ былъ оконченъ, двѣ бутылки дешеваго крымскаго вина были выпиты, и Дмитрій Ивановичъ находился въ возбужденномъ настроеніи подвыпившаго человѣка, онъ заговорилъ порывисто и страстно, возвышая голосъ, такъ какъ органъ игралъ какую-то бравурную пьесу.

— Вотъ теперь я чувствую себя въ нѣкоторомъ родѣ свободнымъ гражданиномъ вселенной и могу, Василій Васильичъ, разговоры разговарить по душѣ. А трезвый—я застѣнчивъ и, знаете-ли, привыкъ помалчивать, чтобы, значитъ, невозбранно получать свои двѣсти пятьдесятъ рублей. Вѣдь это большое свинство, Василій Васильичъ,—молчать, когда хочется и обязанъ крикнуть во всю мочь: «такъ жить нельзя!..» Но я не одинъ, Василій Васильичъ... Конечно, это не оправданіе, но всетаки... я не одинъ... Понравилась вамъ моя старушка и сестра?

— Очень.

— То-то... Это, я вамъ скажу, золотыя сердца... Мать-то что перенесла, чтобы меня поднять на ноги... Охъ, какъ бѣдовала ради меня... И всѣ наши славныя... Кромѣ Сони у меня еще двѣ сестренки въ гимназіи... Зайдете—увидите, Василій Васильичъ... Ну и пилатствуешь помаленьку... Свинство свое сознаешь, но... не на улицу же пустить своихъ... Вотъ вчера я спрашивалъ васъ: отчего мы, интеллигентные люди, такія тряпки?.. Тутъ вѣдь не одна семья, не одна семья, не одна экономика, какъ хотятъ насъ увѣрить, тутъ кое что и другое... тутъ исторія, я полагаю, замѣшана, а не одно только экономическое воздѣйствіе... Иначе ужъ очень было бы мало отведено мысли и духу... Экономика—экономикой, а когда я вижу, что беззащитнаго человѣка бьютъ, хотя быть можетъ и совершенно правильно, на основаніи науки, то вѣдь хочется его защитить?.. И гдѣ больше такихъ альтруистовъ, тамъ и жить лучше, тамъ и эта самая экономика видоизмѣняется... Ну, а мы даже собственной тѣни боимся, а не то что защищать другихъ... Вотъ, хоть бы я, господинъ профессоръ зоологіи Сбруевъ... Въ возвышенномъ настроеніи хорохорюсь, а въ трезвомъ видѣ жалкій трусъ... О, еслибъ вы знали, какой трусъ!..

Дмитрій Ивановичъ отхлебнулъ изъ чашки и продолжалъ:

— Вчера, послѣ того, какъ я Найденова удалилъ—очень ужъ возмутительна была его смѣлость явиться на панихиду!—я самъ испугался своего геройства... Понимаете ли, въ чемъ даже геройство видишь... Нечего сказать, хороши мы герои... Очень даже большіе герои!—съ грустной усмѣшкой протянулъ Сбруевъ.

— Но всетаки... другіе не рѣшились этого сдѣлать, Дмитрій Иванычъ. Цвѣтницкій даже протянулъ первый Найденову руку...

— Мало ли что другіе дѣлаютъ... Другіе вотъ сегодня на похороны не пришли... Другіе навѣрно заявлять сочувствіе Найденову поѣдутъ... Читали сегодня статейку въ «Старѣйшихъ Извѣстіяхъ»?...

— Читалъ...

— Это тоже другіе... Но вѣдь я, слава Богу, еще не на столько оскотинился, чтобъ быть изъ этихъ другихъ... Я не стану извиняться, но въ глубинѣ души вчера трусилъ...

— Отчего?

— Отчего?.. Да оттого, что я русскій человѣкъ—вотъ отчего. Поступилъ въ кои вѣки, какъ слѣдуетъ, и сейчасъ же боюсь, какъ бы не лишиться мнѣ двухсотъ пятидесяти рублей... И вижу я самый этотъ испугъ и въ глазахъ матери, хотя она, конечно, голубушка, хочетъ меня увѣрить, что ничего не боится и гордится сыномъ, который... который не побоялся

ошельмовать Найденова... Гордиться-то гордится, а у самой сердце екаетъ при мысли, что я могу лишиться мѣста. Гдѣ новое-то найдешь?.. А какъ бы я хотѣлъ уйти, еслибы вы знали, Не могу я вѣчно двоиться... Тошно... И знаете ли что?

— Что?..

— Я, какъ истинный россійскій трусъ и въ то же время не потерявшій еще стыда человѣкъ, былъ бы радъ, еслибъ меня выгнали... Самъ уйти боюсь, а еслибы попросили—былъ бы доволенъ и пошелъ бы куда нибудь на частную службу или уроки бы сталъ давать... Понимаете ли, что за отсутствіе характера... что за подлая трусость!—воскликнулъ Сбруевъ, начиная заплетать немного языкомъ.

— И нѣтъ даже силенки уйти... Нѣтъ!.. Я вѣдь, Василій Васильичъ, не успокаиваю себя призрачной надеждой, что два, три порядочныхъ человѣка, среди двадцати или тридцати безстыжихъ или позорно-равнодушныхъ, имѣютъ силу что нибудь измѣнить, чему нибудь помочь, что нибудь сдѣлать. Это вѣдь самообманъ наивнаго дурака, а чаще всего ложь... компромиссъ ради жалованья, прикрытый фразами, чтобы не было зазорно очень. Не одни жрецы науки такъ разсуждаютъ нынче... Такъ живетъ громадная часть интеллигенціи... Громадная!.. На дняхъ еще одинъ господинъ, который, бывши гласнымъ, поносилъ управу, пошелъ служить въ эту самую управу... Ну и молчи, или говори прямо: пошелъ на свинство, ради жалованья. Такъ вѣдь нѣтъ: совсѣмъ изъ другой оперы поетъ...

— Насчетъ того, что одинъ добродѣтельный спасетъ сотню нечестивыхъ?

— Именно. Я, говоритъ, хоть и въ меньшинствѣ, а все-таки защищаю свои мнѣнія... А какого черта его мнѣнія, когда ихъ не слушаютъ! Вѣдь это выходитъ: покрывать своимъ именемъ всяческія гадости и полегоньку да помаленьку и самому ихъ дѣлать... Вѣдь если меня посадятъ рядомъ съ выгребной ямой, то я невольно буду благоухать не особенно пріятно... Не такъ ли?.. Все это—азбука, а теперь и она многимъ кажется какимъ-то донъ-кихотствомъ... Даже и въ литературѣ... Казалось бы: святая святыхъ... А есть у меня двоюродный братецъ... литераторъ въ современномъ вкусѣ... То есть такая, я вамъ скажу, свинья...

— Въ какомъ именно смыслѣ?

— А во всѣхъ... Ему все равно, гдѣ бы ни писать и не только въ органахъ, которые ему не симпатичны по направленію, а даже, прямо таки сказать, въ предосудительныхъ... И это называется литераторъ... Служитель свободной мысли...

— Онъ такъ же разсуждаетъ, какъ и вашъ управецъ, Дмитрій Иванычъ... Я, молъ, лично дурного ничего не пишу, мнѣ

платятъ, а что другіе пишутъ, мнѣ наплевать... Это нынче повальная болѣзнь...

— Какая?

— Отсутствіе разборчивости, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и забота только о своихъ личныхъ интересахъ. Во имя ихъ и учатся, и тратятъ массу труда, энергіи и ума. И это болѣзнь всей интеллигенціи, за рѣдкимъ исключеніями. Таково ужъ безвременье... Исторія не шутитъ и дѣлаетъ цѣлыя поколѣнія негодными при извѣстныхъ условіяхъ жизни и воспитанія. Вспомните-ка, Дмитрій Иванычъ, какъ насъ воспитывали? Чему учили въ гимназіяхъ? Что мы потомъ видѣли въ жизни? Торжество какихъ идеаловъ? А вѣдь люди вообще не герои.

— Такъ неужели такъ таки и нѣтъ сильныхъ, бодрыхъ духомъ и независимыхъ людей?—воскликнулъ Сбруевъ.

— Какъ не быть... Навѣрное есть... Я видѣлъ молодежь на холерѣ... Я слышалъ про нее во время голода... Я знаю настоящихъ рыцарей духа среди стариковъ. Такимъ людямъ трудно пробиваться къ свѣту... Но они всетаки пробиваются... И правда-то, въ концѣ концовъ, одна: возможно лучшее существованіе массъ... Въ концѣ концовъ, правда эта побѣдитъ... По крайней мѣрѣ, примѣръ Европы поддерживаетъ во мнѣ эту вѣру. Сравните, чѣмъ былъ человѣкъ труда триддать лѣтъ тому назадъ и теперь... Будущая побѣда несомнѣнна... И нечего предаваться отчаянію, Дмитрій Иванычъ...

Они долго говорили и рѣшали судьбы будущаго съ тою страстностью, на которую способны русскіе люди въ минуты подъема духа.

Сбруевъ хотѣлъ было потребовать еще графинчикъ коньяка, но Невзгодинъ деликатно напомнилъ, ему, что дома, вѣрно, его будутъ ждать къ обѣду и безпокоиться. И Сбруевъ покорно согласился съ Невзгодинымъ и крѣпко пожалъ ему руку.

Былъ четвертый часъ въ началѣ, когда они вышли изъ трактира. Хотя Сбруевъ и былъ въ «возвышенномъ настроеніи», но держался на ногахъ твердо. Тѣмъ не менѣе, Невзгодинъ рѣшилъ проводить Сбруева домой и затѣмъ ѣхать къ Измайловой, чтобы исполнить порученіе Маргариты Васильевны.

Мать Сбруева встрѣтила Невзгодина благодарнымъ взглядомъ и попросила посидѣть у нихъ. Дмитрій Ивановичъ тотчасъ же ушелъ въ свой кабинетъ и легъ спать. Невзгодинъ пробылъ въ чистенькой, скромно убранной гостинной полчаса. Его напоили чаемъ съ превосходнымъ вареньемъ, и старуха почти все время говорила о сынѣ. Соня изрѣдка вмѣшивалась въ разговоръ, разспрашивая гостя о заграничной жизни. Невзгодину было какъ-то уютно въ этой гостинной, и ему ка-

залось, что онъ давно знакомъ съ матерью и дочерью. „Такія онѣ простыя и задушевныя.

И Невзгодинъ рѣшилъ бывать въ этой маленькой, чистенькой и уютной гостиной съ бѣлыми занавѣсками, цвѣтами на окнахъ и заливающимися канарейками, — гдѣ, казалось, даже пахнетъ какъ-то особенно хорошо,—не то кипарисомъ, не то тминомъ—и гдѣ вся обстановка и эти добрые, безхитростные, казалось, люди дѣйствуютъ успокоивающе на нервы.

XXXII.

Вечеромъ Невзгодину хандрилось въ его неуютной комнатѣ. Ни работать, ни читать не хотѣлось. Тянуло къ людямъ, къ какой нибудь умной и, конечно, хорошенькой женщинѣ, съ которой можно было бы не проскучать вечеръ.

И онъ тотчасъ же вспомнилъ, что обѣщалъ Аносовой побывать у нея на дняхъ. Положимъ, прошелъ только одинъ день со времени его продолжительнаго визита, но вѣдь она звала его пріѣзжать, когда вздумается, и говорила, что рада отвести съ нимъ душу... Отчего же и не поѣхать, коли хочется? Во всякомъ случаѣ, она интересна и для беллетриста находка.

А если она удивится его столь скорому посѣщенію — на здоровье! Пусть даже вообразитъ, что онъ заинтересованъ не типомъ, а самой ею, великолѣпной вдовой, ему наплевать! Не первый разъ съ нимъ случались такія недоразумѣнія. Заинтересованный кѣмъ нибудь и впечатлительный по натурѣ, Невзгодинъ набрасывался на людей, которые казались ему интересными, и тогда ходилъ къ такимъ знакомымъ каждый день, не думая, что можетъ подать поводъ для какихъ нибудь заключеній. Но зато онъ также быстро и пропадалъ, обрывая знакомства и отыскивая новыя.

Надо предупредить объ этомъ великолѣпную вдову, чтобъ не вообразила ухаживанія,—подумалъ Невзгодинъ и, увѣривъ себя, что его тянетъ къ Аносовой исключительно ради изученія любопытнаго экземпляра московской «haute finance», — въ девятомъ часу вечеромъ поѣхалъ на Новую Басманную.

Особнякъ былъ слабо освѣщенъ. Большая часть оконъ была темна. Только въ одной комнатѣ виднѣлся огонекъ да изъ оконъ клѣтушки пріятно ласкалъ глазъ мягкій красноватый свѣтъ. Зато подъѣздъ былъ ярко освѣщенъ.

Аглая Петровна была дома и, по обыкновенію, одна одинешенька. Безъ особаго приглашенія по вечерамъ у нея никто не бывалъ, и, если она не ѣздила въ театръ или въ концертъ то обыкновенно читала и въ одиннадцать часовъ уже ложилась спать, такъ какъ вставала рано.

Она сидѣла на низенькомъ диванчикѣ около стола, на которомъ стояла красивая лампа съ большимъ краснымъ абажуромъ,—и была не въ обычномъ своемъ поношеномъ черномъ кашемировомъ платьѣ, а въ нарядной пунсовой шелковой кофточкѣ и сѣрой юбкѣ. Эта пунсовая кофточка очень шла къ ея бѣлому лицу съ блестящими черными волосами; и такъ одѣлась она съ утра не безъ надежды, что Невзгодинъ, быть можетъ, пріѣдетъ. Ей показалось, что онъ ушелъ отъ нея послѣ послѣдняго свиданія нѣсколько заинтересованный ею и безъ прежняго слегка насмѣшливаго отношенія къ ней, какъ къ милліонеркѣ, заботящейся только о наживѣ. Въ его рѣчахъ были теплыя, сочувственныя ноты, и, припоминая ихъ, она радовалась. Радовалась и ждала Невзгодина, чувствуя, что онъ вдругъ ей сталъ необыкновенно дорогъ. Цѣлый день она думала о немъ и ужъ теперь не противилась, какъ раньше, захватившему ее чувству. Онъ ей нравился, очень нравился, и она впервые познала прелесть любви, которая такъ поздно пришла къ ней нежданная и словно бы придала настоящій смыслъ всей ея жизни и сдѣлала ее необыкновенно чуткой и воспріимчивой. Она чувствовала себя какъ-то чище, просвѣтленнѣе и за послѣдніе дни далеко не съ прежнимъ интересомъ занималась дѣлами. Еще недавно эти дѣла захватывали ее всю, а теперь главнымъ въ жизни она считала привязанность къ ней Невзгодина. О, еслибъ онъ полюбилъ ее, какъ бы она была счастлива!

И мысль, что онъ никогда ее не полюбитъ и не можетъ полюбить, считая ее за женщину-дѣльца, за женщину, сознательно эксплуатирующую чужой трудъ (онъ объ этомъ безъ церемоніи говорилъ ей въ Бретани) — приводила въ уныніе Аглаю Петровну.

Онъ вѣдь не увлечется одной только физической красотой. Для такого человѣка этого мало. Ему нуженъ умъ, нужно взаимное пониманіе, нужна чуткая душа... И она вѣдь ищетъ въ немъ не любовника только, а друга на всю жизнь... Меньшаго она не возьметъ.

И наконецъ, онъ, слишкомъ впечатлительный, вѣчно склонный къ анализу, развѣ способенъ на долгую привязанность, еслибъ и увлекся?

Такія мысли отвлекали молодую женщину отъ чтенія англійской книги въ изящномъ бѣломъ переплетѣ, которая лежала передъ Аглаей Петровной.

Кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите!

Вошедшій слуга доложилъ, что пріѣхалъ господинъ Невзгодинъ.

— Просите сюда!—проговорила Аглая Петровна, чувствуя, какъ сильно забилось ея сердце при этомъ извѣстіи.

Она призвала на помощь все свое самообладаніе, чтобы не обнаружить передъ Невзгодинымъ своей тайны. Властная и гордая, она, разумѣется, не покажетъ своего чувства, чтобъ не вызвать въ отвѣтъ благодарнаго сожалѣнія. Ей этого не надо. Любовь за любовь. Все или ничего.

Онъ не долженъ ничего знать. Просто рада умному и интересному человѣку, съ которымъ пріятно поболтать—вотъ какой она возьметъ съ нимъ тонъ.

— Вотъ это мило съ вашей стороны, Василій Васильичъ, такъ скоро исполнить обѣщаніе!

Она проговорила эти слова съ привѣтливой улыбкой радушной хозяйки, но не обнаружила радости, охватившей ее при появленіи Невзгодина.

И, пожимая его маленькую руку своей крупной бѣлой рукой, попросила садиться.

— А васъ развѣ это удивляетъ, Аглая Петровна?—спрашивалъ Невзгодинъ, присаживаясь въ кресло около дивана...

— Признаюсь, немножко.

— Почему?

— Я не ждала, что послѣ короткаго промежутка вамъ захочется опять со мной поболтать.

— Какъ видите, ошиблись. Захотѣлось.

— И большое вамъ спасибо за это.

— Напрасно благодарите... Я вѣдь въ данномъ случаѣ преслѣдовалъ свои интересы.

— Вы... интересы? Какіе?

— Свои собственные... Мнѣ просто хочется поближе познакомиться съ такой интересной женщиной, какъ вы...

— Чтобъ послѣ описать?

— А не знаю... Быть можетъ...

— Спасибо и на томъ, Василій Васильичъ... Только я и безъ вашего подчеркиванія знала, что васъ люди занимаютъ, только какъ интересные субъекты, и не разсчитывала на большее! Но всетаки я очень рада васъ видѣть, Василій Васильичъ, съ какими бы цѣлями вы ни пріѣхали.

— Въ свою очередь, мнѣ приходится благодарить васъ.

— Къ чему? Вѣдь я тоже имѣю въ виду исключительно свои интересы... Недаромъ я дѣловая женщина...

— Можно спросить: какіе?

— Поболтать съ умнымъ и хорошимъ человѣкомъ... Значитъ, мы будемъ изучать другъ друга. Неправда ли?

— Отлично... Пока не изучимъ и...

— И что?

— Не надоѣдимъ другъ другу...

— Ну, разумѣется... Боюсь только, что интереснаго во мнѣ мало, Василій Васильичъ...

— Объ этомъ предоставьте судить другимъ, Аглая Петровна.

— Обыкновенная купеческая вдова!—Пожалуй, не долго и изучать... И тогда простись съ вами... Васъ и не увидишь?

— Такъ что жъ? Вамъ, я думаю, отъ этого не будетъ ни холоднѣе, ни теплѣе...

— Вы думаете? Напрасно... Я привыкаю къ людямъ... И, во всякомъ случаѣ, будетъ жаль потерять интереснаго знакомаго...

— Другой найдется... А насчетъ того, что вы обыкновенная купеческая вдова, позвольте съ вами не согласиться...

— Чтожъ во мнѣ необыкновеннаго, Василій Васильичъ?

— Будто сами не знаете?

— Себя вѣдь мало знаешь?

— Во первыхъ, красота...

— И вы ее во мнѣ находите, Василій Васильичъ?—сдерживая радость, спросила Аносова.

— Да вѣдь я не слѣпой... И такъ какъ я не собираюсь ухаживать за вами, Аглая Петровна, то могу по совѣсти сказать, что вы замѣчательно хороши!—прибавилъ Невзгодинъ, глядя на Аносову восхищеннымъ взглядомъ.

Она замѣтила этотъ взглядъ, и алый румянецъ покрылъ ея щеки.

— А во вторыхъ?—нетерпѣливо спросила Аносова.

— Несомнѣнно умная женщина, читающая хорошія книжки... Кстати, что это вы читаете, Аглая Петровна?

— Карпентера... А въ третьихъ, четвертыхъ и пятыхъ?

— Еще не пришелъ къ опредѣленному заключенію...

— Что такъ? Въ Бретани оно, кажется, у васъ составилось.

— Но теперь нѣсколько измѣнилось...

— Будто?—недовѣрчиво протянула Аглая Петровна.—Или вы деликатничаете... Не хотите сказать, что думаете обо мнѣ. Такъ хотите я вамъ скажу, что вы думаете?

— Пожалуйста...

— Вы думаете, что я сухая, черствая эгоистка, не довѣряющая людямъ, холодная натура, никого не любящая... и потому живущая въ одиночествѣ... Быть можетъ, впрочемъ, она имѣетъ и любовника, какого-нибудь юнца юнкера, но ловко прячетъ концы и пользуется репутаціей недоступной вдовы... Юнкеръ вѣдь вполнѣ подходитъ для такой женщины... Не правда ли?—добавила Аносова и нервно усмѣхнулась...

И, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Вдобавокъ по всему, занятая исключительно мыслями

о наживѣ, какъ настоящая дочь своего отца... Кулакъ, не смотря на свои литературные вкусы... Эксплуататорка чужого труда и въ то же время благотворительница, ради тщеславія. Однимъ словомъ, одна изъ типичныхъ представительницъ капитала... Сытая, счастливая буржуазка. Скажите по совѣсти, Василій Васильичъ, вѣдь вы меня считаете такою?..

Она пробовала было засмѣяться, но не могла. И въ ея черныхъ большихъ глазахъ стояло грустное выраженіе, когда она ждала отвѣта...

— Несовсѣмъ такою, Аглая Петровна... Вы черезчуръ сгустили краски, передавая то, что, по вашему мнѣнію, я долженъ думать...

— Но всетаки доля правды есть... Вы такъ думаете?..

— Каюсь, думалъ... Но, мнѣ кажется, былъ не правъ...

— А если правы?—чуть слышно проронила Аглая Петровна.

— Не хочу думать... И, во всякомъ случаѣ, вы не должны быть счастливы... Не можете быть счастливы со всѣми милліонами и именно благодаря имъ.

— Пожалуй!—раздумчиво проронила Аглая Петровна.

— Я увѣренъ, что ничто такъ не портитъ людей, какъ богатство и власть... даже порядочныхъ людей...

— И васъ бы испортило?

— Еще бы!.. Что я? Извѣстныя историческія личности, пресыщенныя богатствомъ и властью, развращались и гнали то, чему прежде поклонялись...

— А развѣ не было исключеній?

— Исключенія подтверждаютъ правило, Аглая Петровна.

— Мрачно же вы смотрите на богатыхъ людей, Василій Васильичъ... Я рада, по крайней мѣрѣ, что меня вы хоть не считаете счастливой милліонеркой...

— Какая же вы счастливая... Вы въ каждомъ должны видѣть прежде всего посягателя на ваши деньги...

— Но только не въ васъ, Василій Васильичъ!

— Надѣюсь!—заносчиво кинулъ Невзгодинъ.—Отъ этого вы вотъ и одиноки... Вы, я думаю, и искреннему чувству не повѣрили бы. Вамъ все бы казалось, что любятъ не васъ, а ваши милліоны. Не правда ли?

— Правда... Но несовсѣмъ... Я чутка... Я поняла бы. Когда нибудь я разскажу вамъ, Василій Васильичъ, плоды своихъ наблюденій съ молодыхъ лѣтъ. Тогда, изучая меня, вы, быть можетъ, простите многое... Да, вы правы, Василій Васильичъ. Богатство развращаетъ!

Аглая Петровна притихла и словно бы виновато взглянула на Невзгодина. И въ эту минуту милліоны ея казались

ей только лишнимъ бременемъ. Никогда не полюбитъ Невзгодинъ эксплуататорку милліонершу.

А Невзгодинъ, съ обычной своей манерой отыскивать вездѣ страданія, уже жалѣлъ эту красавицу-милліонерку. Не рисуется же она передъ нимъ, и съ какой стати ей рисоваться? Она навѣрное испытываетъ муки своего положенія.

И, польщенный, что она ему повѣряла ихъ, тронутый ея печальнымъ видомъ, онъ въ своей писательской фантазіи уже прозрѣвалъ драму, надѣляя «великолѣпную вдову» тѣми качествами, какія ему хотѣлось самому видѣть въ созидаемомъ имъ эфектномъ образѣ «кающейся» милліонерки. И въ эти минуты онъ даже забылъ, что «кающаяся» не только дѣлаетъ все, что можетъ дѣлать представительница капитала, но и донимаетъ рабочихъ на своихъ фабрикахъ штрафами, о чемъ онъ зналъ отъ своего пріятеля.

Женщины и особенно влюбленныя отлично умѣютъ приспособляться, отдаваясь волѣ инстинкта, и Аглая Петровна хорошо поняла, что Невзгодина можно взять благородствомъ. И онъ легко поддавался этому, не смотря на весь свой критическій анализъ и прежнія мнѣнія объ Аносовой, тѣмъ болѣе, что его самолюбіе было польщено, что такая писаная красавица желаетъ передъ нимъ оправдаться въ чемъ-то. Онъ, конечно, далекъ былъ отъ мысли, что всѣ эти грустныя изліянія «бабы-дѣльца», что эта внезапная перемѣна въ ея настроеніи и во взглядахъ на «тщету богатства», явились подъ вліяніемъ властнаго чувства, охватившаго энергичную и страстную натуру Аглаи Петровны.

И Невзгодинъ съ сочувствіемъ взглянулъ на Аносову. Какъ непохожа она была теперь, притихшая, грустная, словно бы виноватая—на ту самоувѣренную, блестящую, «великолѣпную» вдову, которую онъ видѣлъ раньше!

Точно благодарная за этотъ взглядъ, Аглая Петровна протянула Невзгодину свою выхоленную бѣлую руку. Онъ почтительно поцѣловалъ ее, а Аглая Петровна крѣпко пожала руку Невзгодина и проговорила:

— Значитъ, есть надежда, что мы можемъ быть пріятелями?

— Отчего же нѣтъ...

— И пока вы будете изучать меня... я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть...

— Боюсь, не надоѣмъ ли?

— Не кокетничайте...

— Впрочемъ—надоѣмъ, вы прикажете не принимать. Это такъ просто.

— Но только этого вы не скоро дождетесь... А теперь будемъ чай пить... Пойдемъ въ столовую или здѣсь?..

— Здѣсь у васъ отлично...

— Ну, такъ здѣсь...

Аносова подавила пуговку и велѣла подавать самоваръ.

— А вы сегодня были на похоронахъ?—спрашивала Аносова.

— Былъ.

— Надѣюсь, Найденовъ не явился?

— Да и вообще мало было.

— Я слышала, мать Перелѣсова пріѣхала?

— Да?.. Несчастная!.. Она теперь осталась безъ всякихъ средствъ послѣ смерти сына. Онъ ее содержалъ.

— Спасибо, что сказали.

— А что?

— Какъ что? Необходимо устроить старушку!..—участливо промолвила Аносова.

— Истинно доброе дѣло сдѣлаете, Аглая Петровна.

— Завтра же напишу Сбруеву. Пусть придумаетъ форму помощи, не обидную для старушки.

— А вы какъ думаете ее устроить?

— Предложу ежемѣсячную пенсію.—Пятьдесятъ рублей пожизненно. Довольно?

— Конечно. Сердечно благодарю васъ за старушку, Аглая Петровна!—горячо промолвилъ Невзгодинъ.

Онъ былъ рѣшительно тронутъ ея отзывчивостью и быстротою рѣшенія. А онъ прежде думалъ, что великолѣпная вдова благотворитъ только изъ тщеславія, чтобы о ней говорили въ газетахъ. Нѣтъ, она положительно добрая женщина!

— Есть за что благодарить!—съ грустной улыбкой отвѣтила Аглая Петровна.

Слуга подалъ маленькій серебряный самоваръ, поставилъ варенье, сливки, ромъ и лимонъ и удалился.

— Вамъ крѣпкій?

— Нѣтъ...

Невзгодинъ глядѣлъ, какъ умѣло Аглая Петровна заварила и потомъ перемыла стаканъ и чашку.

— А еще гдѣ вы были сегодня, Василій Васильичъ У Маргариты Васильевны были?

— Вчера былъ...

— Вы, кажется, часто у нея бываете?

— Нѣтъ...

— Что такъ?.. Окончили ее изучать?

— Я Маргариту Васильевну не изучалъ. Я просто былъ въ нее влюбленъ прежде...

— И долго?

— Долго.

— А что значитъ по вашему: долго?

— Два съ половиною года. Согласитесь, что очень долго.

— А теперь?

— А теперь мы добрые пріятели, вотъ и все!

Аглая Петровна радостно улыбнулась. Но вслѣдъ затѣмъ спросила:

— Но отчего же она не любитъ своего мужа?

— Могу васъ увѣрить, что не изъ за меня... Да, кажется, ни изъ за кого, а просто такъ таки не любитъ. Это хоть рѣдко встрѣчается, но бываетъ...

— А Николай Сергѣичъ такъ ее любитъ!

— Вольно-же. Люби не люби, а насильно милъ не будешь, Аглая Петровна.

— Да, не будешь!—значительно проронила молодая женщина.

Она подала Невзгодину чай и спросила:

— А вы не боитесь возвращенія чувства?

— Оно не возвращается... А бѣдную Маргариту Васильевну придется огорчить!—рѣзко оборвалъ Невзгодинъ тему бесѣды.

— Чѣмъ?

— Ваше письмо не подѣйствовало.

— Какое? Я ничего не понимаю.

— Письмо къ Измайловой. Я былъ у нея сегодня.

— И что же?

— Разумѣется, отказъ. Впрочемъ, я этого и ждалъ. По моему, большая ошибка со стороны Маргариты Васильевны было давать мнѣ такія порученія... Измайлова, говорятъ, любитъ Антиноевъ до сихъ поръ... Ну, а я... сами видите, что невзрачный кавалеръ... Тѣмъ не менѣе, я радъ, что видѣлъ знаменитую Мессалину въ отставкѣ. И какая же она страшная, эта раскрашенная старуха!..

— Какъ же она васъ приняла? Разскажите.

— Не особенно любезно. Осмотрѣла съ ногъ до головы и, прочитавши ваше письмо, недовольно повела своими накрашенными губами и, наконецъ, просила изложить, въ чемъ дѣло... Не смотря на все мое краснорѣчіе—а я былъ краснорѣчивъ, даю вамъ слово!—Измайлова отнеслась къ затѣѣ Маргариты Васильевны прямо таки неодобрительно. Какіе театры да лекціи для рабочихъ? Я этому не сочувствую... Ну, спросила, конечно, дали ли вы пятьдесятъ тысячъ или пообѣщали только, и, когда я сказалъ, что пообѣщали, она... усмѣхнулась довольно таки, признаться, многозначительно...

— Не повѣрила, что я дамъ?—усмѣхнулась Аносова.

— Какъ будто такъ. А затѣмъ стала допрашивать: кто такой я, и почему къ ней пріѣхалъ, а не Зарѣчный... Однимъ

словомъ, полнѣйшее фіаско... Не осуществить, какъ видно, Маргаритѣ Васильевнѣ своего плана...

— А вы его одобряете?

— Отчего жъ не одобрить. Дѣло, во всякомъ случаѣ, полезное...

— Ну, такъ планъ Маргариты Васильевны осуществится!— весело проговорила Аглая Петровна.

Какимъ образомъ?

— Я одна выстрою домъ, а вы, быть можетъ, не откажетесь помочь намъ совѣтомъ, какъ лучше это сдѣлать...

Невзгодинъ былъ изумленъ.

— Ну что? Немножко довольны мною, Василій Васильичъ?

— Я восхищенъ вами, Аглая Петровна, и чувствую себя передъ вами виноватымъ. Простите!

И Невзгодинъ горячо поцѣловалъ руку Аносовой.

— За что васъ прощать?

— За то, что считалъ васъ не такою, какая вы есть.

— Вы вправѣ были... Я вѣдь кулакъ-баба... Наслѣдственность сказалась.

— Вы клевещете на себя. А рѣшеніе ваше сейчасъ?.. Это что?

— Ваше вліяніе, Василій Васильичъ!

— Вы шутите, конечно.

— Какія шутки! И замѣтьте—я, безъ особенной надобности, никогда не лгу... Это результатъ нашихъ споровъ въ Бретани и вообще знакомства съ вами... У меня нравъ скоропалительный... И на добро и на зло азартный, если я кому повѣрю... Только не оставляйте своими добрыми указаніями... Ну и, кромѣ того, вѣдь мы, бабы, любимъ, чтобъ насъ описывали не очень ужъ скверно—мнѣ, значитъ, и хочется, чтобы, изучая, вы видѣли меня лучше, чѣмъ я есть... Простите бабье тщеславье, Василій Васильичъ...

— Вы преувеличиваете вліяніе моихъ споровъ!—Въ васъ просто добрая натура говоритъ.

— Думайте, какъ знаете...

Аносова заговорила о своемъ англичаникѣ-управляющемъ и нашла, что его надо убрать. Очень ужъ онъ строгъ.

И совершенно неожиданно обратилась къ Невзгодину съ просьбой: порекомендовать ей какого нибудь порядочнаго человѣка.

Когда Невзгодинъ, въ первомъ часу, прощался съ Аглаей Петровной, она спросила:

— Скоро увидимся?

— Я завтра зайду... Можно?

— Еще бы! Я рада поболтать съ интереснымъ человѣкомъ, ну, а вамъ...

— А мнѣ?

— А вамъ надо изучить новую разновидность московской купчихи. Такъ приходите!..—проговорила Аносова своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ, ласково улыбаясь глазами.

XXXIII.

Прошелъ мѣсяцъ.

Въ теченіе этого времени Невзгодинъ чуть ли не каждый день ходилъ къ Аглаѣ Петровнѣ и просиживалъ съ ней вечера въ клѣтушкѣ. Они вели долгіе разговоры, спорили, читали вмѣстѣ, знакомили другъ друга съ своими біографіями. Аносова нерѣдко посвящала Невзгодина въ свои дѣла и спрашивала его совѣтовъ. За это время они сблизились, и Аглая Петровна съ инстинктомъ любящей женщины старалась показать себя Невзгодину съ самой лучшей стороны и, дѣйствительно, подъ властью чувства, далеко не походила на прежнюю дѣловитую купчиху, скаредную и безсердечную, когда дѣло шло объ ея купеческихъ интересахъ. Всѣ, близко знавшіе Аглаю Петровну, дивились такой перемѣнѣ и приписывали ее, разумѣется, тому, что Аносова влюбилась, какъ дура, въ Невзгодина. Нечего и говорить, что безупречная доселѣ репутація Аглаи Петровны пошатнулась среди купечества, и Невзгодина называли любовникомъ Аносовой.

А, между тѣмъ, ничего подобнаго не было.

Правда, великолѣпная вдова не только интересовала молодого писателя, какъ интересный типъ для изученія, но и очень нравилась ему, импонируя своей роскошной красотой и привлекая умомъ; тѣмъ не менѣе, онъ старался скрыть это и объяснялъ свои частыя посѣщенія удовольствіемъ поболтать съ умной женщиной. До сихъ поръ онъ не обмолвился серьезнымъ признаніемъ, хотя нерѣдко и говорилъ въ шутливомъ тонѣ о красотѣ Аглаи Петровны.

Она нерѣдко ловила восторженные взгляды Невзгодина и ждала, нетерпѣливо ждала, что онъ, наконецъ, бросится къ ея ногамъ и признается, что любитъ ее, но этого не было, и Аглая Петровна влюблялась сама все болѣе и болѣе, но, разумѣется, горделиво не показывала Невзгодину, какъ онъ ей дорогъ, и какъ бы она была счастлива выйти за него замужъ.

Невзгодинъ и не догадывался, что въ него Аносова влюблена, и вѣрилъ ей, когда она говорила, что питаетъ къ нему хорошія чувства, какъ къ человѣку, который «открылъ ей глаза» и сдѣлалъ ее лучше. И онъ видѣлъ, что, дѣйствительно, имѣетъ нѣкоторое вліяніе на Аглаю Петровну, приписывая это вліяніе доброй, въ сущности, натурѣ Аносовой, но испорченной наслѣдственностью и средой.

Тѣ перемѣны, которыя она сдѣлала на фабрикѣ, удаливъ англичанина, и тѣ планы, которые она хотѣла привести въ исполненіе, не оставляли его въ сомнѣніи, что Аглая Петровна «кающаяся капиталистка».

И Невзгодинъ, нѣсколько «оболваненный» и красотой великолѣпной вдовы, и ея умѣньемъ довольно тонко льстить мужскому самолюбію, и ея «планами», уже мечталъ объ интересной темѣ для новой повѣсти, героиня которой подъ идейнымъ вліяніемъ раздаетъ свои богатства, отказываясь отъ жизни, полной роскоши и блеска... Повременамъ эта тема казалась фальшивой его художественному инстинкту, но вѣдь фактъ почти на лицо въ лицѣ Аглаи Петровны. Надо только довести его до логическаго развитія.

Впрочемъ, всѣ эти мечтанія о повѣсти не мѣшали Невзгодину повременамъ (и въ послѣднее время довольно таки часто) совсѣмъ не «идейно» заглядываться на великолѣпную вдову.

«Тоска», напечатанная въ январьской книжкѣ одного изъ петербургскихъ журналовъ, очень понравилась Аглаѣ Петровнѣ, и она въ восторженныхъ комплиментахъ признала въ Невзгодинѣ выдающійся талантъ. Дѣйствительно, у Аносовой былъ литературный вкусъ, развитой недурнымъ знакомствомъ съ нѣсколькими литературами, и она съумѣла оттѣнить лучшія мѣста повѣсти и при этомъ тонко польстить авторскому самолюбію. И онъ, хотя и находилъ похвалы неумѣренными, тѣмъ не менѣе, поддавался лести. Вѣдь такъ пріятно, когда умная и красивая женщина считаетъ васъ геніальнымъ человѣкомъ!

Впрочемъ, не одна Аглая Петровна пришла въ восторгъ отъ повѣсти. Вскорѣ по напечатаніи ея Невзгодинъ сталъ получать, пересылаемыя ему изъ редакціи, письма отъ неизвѣстныхъ лицъ, выражавшихъ свое сочувствіе и похвалы. И эти письма, искреннія и восторженныя, благодарившія за призывъ къ вѣрѣ въ идеалы, сказавшійся въ тоскѣ по нимъ,—трогали молодого писателя и въ то же время словно бы обязывали его относиться къ писательству, какъ къ общественному служенію. Наконецъ, появились въ нѣсколькихъ газетахъ и рецензіи. Почти во всѣхъ привѣтствовалось появленіе новаго таланта, на который возлагались надежды. Зато въ двухъ газетахъ повѣсть Невзгодина была обругана жесточайшимъ образомъ и именно за призывъ къ тому, что, слава Богу, «исчезло, какъ миражъ, нашедшій на бѣдную Россію въ шестидесятыхъ годахъ».

Вмѣстѣ съ полученіемъ гонорара Невзгодинъ получилъ и письмо отъ редактора, который сообщалъ, что новый разсказъ очень ему понравился и будетъ напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ и дальнѣйшаго его со-

трудничества, прибавляя, что такія вещи, какъ «Тоска» и другой разсказъ, «украшаютъ» страницы журнала.

Невзгодинъ радовался своему успѣху, хотя и нѣсколько изумленный имъ. Скептическая «жилка» мѣшала ему «возгордиться», и онъ только мечталъ о томъ, чтобы заслужить похвалы будущими своими работами. Въ немъ снова пробуждалась охота писать, и онъ по утрамъ работалъ, а вечеромъ его тянуло къ великолѣпной вдовѣ...

«Не каменная же она въ самомъ дѣлѣ!» —говорилъ онъ себѣ и въ то же время чувствовалъ, что съ ней авантюра едва ли возможна. Она не изъ такихъ... Съ ней надо закинуть на себя мертвую петлю...

Послѣ появленія «Тоски» Невзгодинъ получилъ лестныя приглашенія изъ многихъ редакцій, а издатель одного иллюстрированнаго журнальчика самъ пріѣхалъ къ Невзгодину и, отрекомендовавшись ему, безъ всякихъ церемоній спросилъ, окидывая удовлетвореннымъ взглядомъ жалкую обстановку комнаты:

— Вы сколько получаете съ листа въ вашемъ журналѣ?

— Сто рублей!—отвѣтилъ Невзгодинъ нѣсколько изумленный развязностью издателя.

— Такъ я вамъ охотно дамъ триста, и, если хотите, сію минуту пятьсотъ рублей аванса. Угодно получить?

И издатель, не дожидаясь согласія и, повидимому, не сомнѣвавшійся въ немъ, вынулъ бумажникъ, досталъ пять сторублевокъ и положилъ ихъ на столъ передъ Невзгодинымъ.

Тотъ съ улыбкой наблюдалъ за издателемъ.

— Напрасно вы безпокоились. Положите свои деньги въ бумажникъ!—проговорилъ наконецъ, улыбаясь, Невзгодинъ.

— Вы не хотите?—искренно изумился черноволосый, курчавый молодой издатель съ бойкими и плутоватыми глазками.— Вамъ можетъ быть желательно четыреста рублей съ листа и тысячу авансу?.. Что жъ, мы и это можемъ...

— Я совсѣмъ не желаю участвовать въ вашемъ журналѣ!

— Не желаете? Но позвольте спросить почему-съ? У меня сотрудничаютъ господа писатели перваго сорта... можно сказать, генералы-съ...

Издатель перечислилъ нѣсколько дѣйствительно извѣстныхъ литературныхъ именъ и продолжалъ:

— Какъ видите, компанія приличная-съ вполнѣ... И вамъ, смѣю думать, гораздо лестнѣе получить четыреста рублей съ листа, чѣмъ сто... Въ четыре раза болѣе... И читателей у меня гораздо больше... Или вы, Василій Васильичъ, обязаны контрактомъ? Такъ я съ удовольствіемъ рискну на неустойку, если она не велика-съ. Вы въ модѣ теперь, и я готовъ на жертвы-съ.

Насилу Невзгодинъ избавился отъ одного изъ болѣе юркихъ представителей современнаго издательства. Издатель ушелъ наконецъ, такъ-таки и не понявшій, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти могъ отказаться отъ такихъ блестящихъ предложеній.

Послѣ того, какъ Невзгодина расхвалили, о немъ заговорили и въ Москвѣ. Съ нимъ старались познакомиться и залучить на журъ-фиксы. Звенигородцевъ, находившій раньше, что Невзгодинъ ничего путнаго написать не можетъ, заѣзжалъ къ Невзгодину, наговорилъ ему множество пріятныхъ вещей и звалъ его вечеромъ на «журъ-фиксъ» къ одному очень умному человѣку, у котораго собираются только очень умные люди, и былъ нѣсколько огорченъ, что Невзгодинъ отказался.

Но, знакомый только съ казовой стороной своей извѣстности, Невзгодинъ, не бывавшій почти нигдѣ, и не догадывался, какова изнанка ея, и что про него говорятъ.

А говорили про него, дѣйствительно, чортъ знаетъ, что такое. Кто распускалъ про него грязныя сплетни, и къ чему ихъ распускали—кто знаетъ, но онѣ имѣли успѣхъ, какъ всякія сплетни, да еще про человѣка сколько нибудь извѣстнаго.

Говорили, что Невзгодинъ ловко-таки «обработываетъ» милліонерку. Небойсь, пишетъ объ идеалахъ, смѣется надъ всѣмъ, а самъ... подбирается къ аносовскимъ деньгамъ. Какая гнусность! Его, конечно, называли Артюромъ при великолѣпной вдовѣ. Другіе, впрочемъ, утверждали, что онъ дальновиднѣе и навѣрное женится на милліонеркѣ.

— Ждала, ждала... и не могла выбрать лучше... Нечего сказать, отличная партія!

Однажды Невзгодина встрѣтилъ на улицѣ одинъ изъ его знакомыхъ и спросилъ:—правда ли, что онъ думаетъ издавать журналъ?

— И не думалъ!—разсмѣялся Невзгодинъ.

— Однако, говорятъ...

— А пусть говорятъ... Только говорятъ ли, откуда на журналъ у меня деньги?

— Какъ, откуда? Да Аглая Петровна Аносова, говорятъ, даетъ... Вы вѣдь съ ней хорошо знакомы.

Невзгодинъ только презрительно усмѣхнулся, но тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, покоробилъ его, и онъ въ тотъ вечеръ сидѣлъ, по обыкновенію, въ клѣтушкѣ, нѣсколько раздраженный.

Онъ досадовалъ на себя, что пришелъ.

Разговоръ въ этотъ вечеръ не клеился. У обоихъ собесѣдниковъ точно на душѣ было что-то, мѣшавшее обычной бесѣдѣ. И это чувствовалось.

«И на какого дьявола я шляюсь сюда каждый вечеръ?

Зачѣмъ? Она, въ самомъ дѣлѣ, можетъ подумать, что я огорошу ее просьбами о деньгахъ на журналъ?»

— Фу, мерзость!—мысленно проговорилъ Невзгодинъ, раздражаясь отъ этой мысли еще болѣе.

Онъ рѣшился сейчасъ же уйти, чтобы не «разыгрывать дурака». Такъ она и вѣритъ его «изученію»!.. Таковская!

Невзгодинъ искоса взглянулъ на нее и остался на обычномъ своемъ мѣстѣ — на низенькомъ креслѣ у диванчика, на которомъ сидѣла Аглая Петровна, притихшая, грустная и ослѣпительно красивая.

Остался и сдѣлался еще мрачнѣе, злясь на самого себя.

XXXIV.

Минуты двѣ прошло въ молчаніи. Наконецъ, Аносова спросила:

— Что съ вами, Василій Васильичъ?—Въ тонѣ ея голоса звучала тревога.

Невзгодинъ насторожился. Онъ уловилъ эту тревогу, и въ ней ему послышалось что-то притязательное. Это нѣсколько удивило и разсердило его.

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ онъ.

— Вы чѣмъ-то раздражены?

— Положимъ... Такъ что жъ изъ этого?

— Ужъ не я ли провинилась въ чемъ нибудь передъ вами? И вы мною недовольны?

— Я? Вами? И какое я имѣлъ бы право?

— Это дѣлается безъ всякихъ правъ.

— Но всетаки выражаютъ недовольство только люди съ правами, а обыкновенные смертные просто не ходятъ къ знакомымъ, которыми недовольны.

— Даже, когда и изучаютъ?

Онъ взглянулъ на Аносову: не смѣется ли она? Но Аглая Петровна глядѣла на него такъ значительно и такъ нѣжно, что Невзгодинъ смущенно отвелъ свой взглядъ и проговорилъ:

— Сегодня была одна встрѣча на улицѣ и разговоръ, который меня раздражилъ... Да что скрывать...

И Невзгодинъ передалъ Аносовой разговоръ.

— И это могло васъ раздражить?

— Какъ видите.

— Вижу! — грустно протянула Аносова.

Она, видимо, что-то хотѣла сказать, но не рѣшалась.

— Говорите, Аглая Петровна... Говорите... я все выслушаю...

— И раздражитесь еще болѣе? А я не хочу васъ раздражать...

— Ну, какъ угодно... Сегодня мы оба въ дурномъ настроеніи, и я лучше уйду...

— Нѣтъ, не уходите, Василій Васильичъ... Не уходите... И я вамъ скажу, что хотѣла. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не взяли бы у меня денегъ на журналъ, еслибы захотѣли издавать сами?

— Конечно, нѣтъ!—рѣзко отвѣтилъ Невзгодинъ.

— Я даже такого довѣрія не заслужила? Или вы побоялись бы, что скажутъ?

— Писателю надо быть выше всякихъ подозрѣній... И, наконецъ, я никогда бы не путалъ женщину въ дѣла, которыхъ она не понимаетъ...

— Даже еслибъ женщина была вашимъ добрымъ пріятелемъ?

— Тѣмъ болѣе...

— Я такъ и думала... Очень ужъ вы горды, Василій Васильичъ... Вотъ, васъ даже и пустой разговоръ раздражилъ... А про меня, по поводу васъ, теперь и не то говорятъ, а я, какъ видите, нисколько не смущаюсь... Пусть говорятъ!..

— По поводу меня? Что жъ смѣютъ говорить? — вызывающе кинулъ Невзгодинъ и весь вспыхнулъ.

— Ишь! Уже и загорѣлись!.. Говорятъ, что я...

Аносова запнулась.

— Что вы?—нетерпѣливо переспросилъ Невзгодинъ.

— Ваша любовница!—досказала Аносова и взглянула на Невзгодина.

Тотъ совсѣмъ опѣшилъ отъ изумленія.

— Изумлены?—кинула Аносова.

— Еще бы! Сочинить такую... такую нелѣпость про васъ, чья репутація бузупречна... Какъ это глупо! воскликнулъ Невзгодинъ.

— А между тѣмъ, вѣдь это такъ правоподобно... До сихъ поръ я жила отшельницей и вдругъ почти каждый вечеръ сижу глазъ на глазъ съ молодымъ человѣкомъ... Вѣдь не всякій же знаетъ то, что знаю я...

— То есть, что?

— Что молодой человѣкъ исключительно съ литературной цѣлью навѣщаетъ женщину, еще не старую, ну и...

— Замѣчательную красавицу?—досказалъ горячо Невзгодинъ.

— Къ которой онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ!—прибавила Анна Петровна.

Невзгодинъ не принялъ вызова и воскликнулъ:

— И вы меня не выгнали до сихъ поръ, не смотря на такія сплетни?

— Я? Васъ?..

Опять Аносова такъ ласково, такъ нѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно посмотрѣла на Невзгодина, что тотъ снова смутился.

— Да развѣ мнѣ не все равно, что говорятъ! Я ничьей любовницей не была и не буду!—гордо подчеркнула она,—но пусть болтаютъ, что хотятъ! Я сама по себѣ!—усмѣхнулась Аносова.

Это пренебреженіе общественнымъ мнѣніемъ такой разсудительной и степенной женщины, какою казалась Аглая Петровна, восхитило Невзгодина и, разумѣется, пріятно щекотало его самолюбіе.

И онъ восторженно взглянулъ на красавицу вдову и благодарно сталъ цѣловать ея руку нѣсколько дольше и горячѣе, чѣмъ слѣдовало бы это въ литературныхъ интересахъ.

Но Аносова не отнимала своей горячей руки, и Невзгодинъ ее нѣсколько разъ принимался цѣловать.

— И, знаете ли, о чемъ еще на дняхъ спрашивала меня сестра?

— О чемъ?

— Скоро ли я выхожу замужъ?

— Вы? За кого?

— Да что вы за агнецъ, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ не знаете?

— Клянусь честью, не знаю.

— Да за васъ, разумѣется!

— За меня!?

И Невзгодинъ искренно разсмѣялся.

Аглая Петровна, повидимому, недовольна была этимъ смѣхомъ и спросила:

— Чему вы смѣетесь?

— Да ужъ это несравненно по своей глупости.

— Чѣмъ же такъ глупо?

— И вы еще спрашиваете? И вы охотница шутить!—съ насмѣшливой улыбкой промолвилъ Невзгодинъ, нѣсколько раздраженный.

— Я не шучу, Василій Васильичъ... Развѣ вы не видите или нарочно не хотите этого видѣть?—значительно и серьезно промолвила Аглая Петровна.

— Вы... красавица, умная женщина, милліонерка и вамъ сдѣлать такой mésalliance!.. Выдти замужъ за такого богему, нищаго писателя, человѣка такихъ взглядовъ, какъ я... и притомъ такого непривлекательнаго...

— А почемъ знать. За такого, и только за такого я бы вышла. Такого, можетъ быть, я и полюбила бы и не промѣняла его ни на кого. Да и какъ еще полюбила!—порывисто прибавила Аносова...

Она какъ будто говорила шутя, но каждое слово ея дыша-

ло неподдѣльною страстью. И Невзгодинъ словно бы неожиданно прозрѣлъ и почувствовалъ, что эта женщина не шутитъ. И ему стало жутко.

Все еще какъ бы не довѣряя этому, онъ заглянулъ въ глаза Аносовой пытливымъ, вопросительнымъ и слегка смѣющимся взглядомъ.

— Теперь вѣрите?—шепнула она, не сводя съ него своихъ темныхъ глазъ, свѣтившихся лаской, и стыдливо алѣла, словно бы виноватая, что не могла болѣе таить чувства.

— Не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю!—вызывающе повторялъ Невзгодинъ.

А самъ вѣрилъ, изумленный, что его любитъ эта властная, строгая красавица, и весь охваченный трепетомъ молодой страсти, глядѣлъ на молодую женщину восторженно-благодарнымъ взглядомъ.

— Такъ повѣрьте...

И Аносова вдругъ порывисто обвила шею Невзгодина и прильнула своими губами къ его губамъ въ долгомъ страстномъ поцѣлуѣ.

Еще мгновеніе, и она оттолкнула его.

У Невзгодина была несчастная особенность, присущая многимъ писателямъ, не терять способности наблюдать и подчасъ ядовидо смѣяться надъ собою даже въ самыя, казалось бы, счастливыя мгновенія жизни, и это вносило отраву во всѣ его увлеченія. Казалось, онъ не могъ непосредственно отдаваться впечатлѣніямъ, точно какой-то насмѣшливый бѣсенокъ сидѣлъ у него въ головѣ и нашептывалъ ему смѣшныя вещи.

Только разъ въ жизни, когда Невзгодинъ любилъ Маргариту Васильевну, онъ не анализировалъ, не потѣшался надъ собою, а просто любилъ до безумія.

И теперь, опьянѣвшій отъ поцѣлуя, онъ словно бы былъ на сторожѣ и, болѣе благодарный, чѣмъ счастливый, слушалъ, какъ Аглая, счастливая и радостная, говорила, заглядывая ему въ глаза:

— О какой же вы глупый, не смотря на весь вашъ умъ... На аршинъ подъ землею видите, а не видѣли, что я люблю васъ... Ужели не замѣчали?..

— Честное слово...

— Какой же вы скромный, и какъ это хорошо... Ну да... люблю. Вы—идолъ мой. Вѣдь ради васъ я стала другая... Ради васъ я измѣнила порядки на фабрикѣ... Ради васъ я строю этотъ домъ для рабочихъ... А вы не повѣрили, что я съ радостью пошла бы за васъ замужъ, чтобы вы были моимъ, только всегда и всегда моимъ!—властно прибавила она.— А я и всѣ мои милліоны въ вашемъ распоряженіи... Теперь

вѣрите?.. А вы... Вы любите ли меня?.. или мнѣ только это чудится въ вашихъ глазахъ... Хотите быть моимъ?..

Незгодина захватила эта порывистая, сильная страсть, и, признаться, эти милліоны на мгновеніе смутили его. Отчего не жениться? Она красива, умна... Она ему нравится, эта красавица... А на эти милліоны можно сдѣлать много хорошаго...

Но въ слѣдующее же мгновеніе онъ уже пришелъ въ ужасъ отъ мысли жениться на Аносовой.

Сидѣвшій въ головѣ его добрый бѣсенокъ высмѣивалъ его добрыя намѣренія благотворить чужими милліонами и ядовито докладывалъ, что Невзгодинъ просто женится, какъ первый прохвостъ, на милліонахъ, чтобы жить на чужіе милліоны, утѣшая себя благотворительными подачками. И это писатель, авторъ «Тоски», проповѣдующій, что богатство развращаетъ... Какой же, однако, писатель негодяй!.. На словахъ герой, а при первомъ же соблазнѣ не устоялъ... И развѣ онъ любитъ великолѣпную вдову?.. Развѣ это любовь, а не одно только вожделѣніе къ красивому тѣлу?.. Развѣ по духу она ему близка? И развѣ онъ хочетъ идти подъ ярмо и вѣчно быть въ полной собственности милліонерши, вмѣсто того, чтобъ быть свободнымъ и независимымъ писателемъ?..

— Что жъ вы молчите, Василій Васильичъ? Или вы, въ самомъ дѣлѣ, ходили только изучать меня? — почти крикнула Аглая Петровна, увидавшая, какъ загорается насмѣшливый огонекъ въ глазахъ Невзгодина.

— Я очень тронутъ вашимъ чувствомъ... Вы мнѣ нравитесь, Аглая Петровна, къ чему лукавить, но я не думалъ связывать свою судьбу...

— Съ судьбой капиталистки? — ядовито перебила она Невзгодина.—Пошутить... отчего же?.. Говорить лукавыя, вызывающія рѣчи и... простите... «я изучилъ»... и отойти, если не удастся легкая интрижка... «Поднесутъ—пью, не поднесутъ—не пью»,—такъ, кажется, говорилъ вамъ какой-то остякъ, этики котораго вы придерживаетесь?.. А что за дѣло до тѣхъ, кого вы смущали лукавыми рѣчами... На тѣхъ наплевать...

Аглая Петровна говорила, почти задыхаясь отъ гнѣва и оскорбленнаго самолюбія.

И вдругъ она смолкла. Блѣдная, какъ полотно, и прекрасная въ своемъ гнѣвѣ, она порывисто встала съ дивана.

Всталъ и Невзгодинъ.

Она смѣрила его злыми глазами и, въ бѣшенствѣ, крикнула:

— Вонъ... И никогда не показывайтесь на мои глаза...

Но, какъ только Невзгодинъ направился къ дверямъ, Аносова бросилась къ нему и, схвативъ за руку, прошептала:

— Простите... простите... Вы хорошій... славный... Я люблю васъ... Да хранитъ васъ Христосъ!

Властнымъ жестомъ приказала она Невзгодину нагнуться. Она трижды поцѣловала его въ губы, торжественно перекрестила его и сказала, говоря ему «ты»:

— Будь счастливъ, родной, не поминай меня лихомъ!

Въ голосѣ ея слышны были рыданія.

— Вы не поминайте меня лихомъ! Прощайте, Аглая Петровна! — взволнованно проговорилъ Невзгодинъ, крѣпко пожимая ей руку.

— За тобой лиха нѣтъ... И ты правъ: тебѣ путъ не надо... Ты изъ орлиной породы... Спасибо за пріязнь, за все спасибо, хорошій мой!

Когда Невзгодинъ ушелъ, Аносова безпомощно опустилась на диванъ и горько, горько заплакала.

— Видно, и мнѣ одинокой жить! — прошептала она.

На другой день она принялась за дѣла. Призванный зачѣмъ-то Артемій Захарычъ обрадовался, увидавъ свою госпожу за счетами.

XXXV.

На слѣдующее утро Невзгодину не работалось.

Онъ былъ еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ того, что такъ неожиданно произошло вчера, и, хотя жалѣлъ Аносову, но самъ испытывалъ радостное чувство человѣка, избавившагося отъ опасности.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ чуть было не увлекся и... расхлебывай потомъ кашу.

Вошелъ корридорный Петръ и подалъ телеграмму:

— Должно отъ сродственниковъ, Василій Васильичъ.

— Никого у меня нѣтъ сродственниковъ, Петръ...

— И родителей нѣтъ?

— Давно умерли. Одинъ, какъ перстъ.

Невзгодинъ развернулъ телеграмму и прочелъ:

«Приходите завтра въ часъ завтракать на новосельѣ Никольскій переулокъ домъ Гнѣздова, квартира 10. Гдѣ пропадаете? Маргарита».

— Ай да молодецъ! Вырвалась на свободу. Не ожидалъ! — весело проговорилъ Невзгодинъ, бросая телеграмму на столъ.

— Чего изволите? — откликнулся Петръ.

— Я не вамъ. Какъ сегодня на дворѣ?

— Весной оказываетъ, Василій Васильичъ. Каплетъ.

— Весной? Въ самомъ дѣлѣ, февраль на исходѣ.

— Скоро масляница,

— Скоро и я уѣду.

— На новую квартиру?

— Изъ Москвы. Сперва въ Петербургъ, а потомъ весну въ Крымъ встрѣчать, а дальше и самъ не знаю...

— Вамъ все равно, гдѣ ни жить... Пиши себѣ знай.

— То-то и хорошо... Вотъ на дняхъ получу деньги и прощайте, Петръ!—весело говорилъ Невзгодинъ, предвкушая, какъ истый бродяга, удовольствіе путешествія.

— Одни поѣдете?

— А то съ кѣмъ же?

Петръ хихикнулъ.

— А съ той барыней?

— Съ какой?

— Которая тогда къ вамъ навѣдывалась... Такая фасонистая... Еще фрукты покупали...

— То моя жена.

— Же-на?—съ меланхолическимъ изумленіемъ протянулъ Петръ.—Вы, значитъ, съ супругой вродѣ какъ будто врозь?

—И совсѣмъ врозь! — засмѣялся Невзгодинъ. — Что, не приходила она?

— То-то нѣтъ. Прикажете отказывать?

— Нѣтъ... зачѣмъ же.

Петръ вышелъ и тотчасъ же вернулся.

— Легка на поминѣ... Идутъ! — таинственно прошепталъ онъ и снова скрылся.

Черезъ нѣсколько секундъ раздался троекратный стукъ въ двери.

— Войдите!

— Я къ вамъ на одну минуту, Невзгодинъ,—проговорила Марья Ивановна, пожимая мужу руку и брезгливо оглядывая комнату,—была около, по близости, и зашла поздравить васъ... Гдѣ тутъ сѣсть у васъ?

— А вотъ сюда, Марья Ивановна! Стулъ чистый,—усмѣхнулся Невзгодинъ, подавая женѣ стулъ и оглядывая ея новую весеннюю жакетку... А поздравить съ чѣмъ пришли?

— Во первыхъ, съ литературнымъ успѣхомъ...

— А во вторыхъ?

— Съ женитьбой... Вы гораздо практичнѣе, чѣмъ я ожидала... Одобряю и поздравляю... Надѣюсь, и за разводъ вы заплатите мнѣ хорошо...

— Съ чего вы взяли?.. Я и не думаю, слава Богу, жениться.

— А на Аносовой? На этой красавицѣ-милліонеркѣ... Я объ этомъ ужъ нѣсколько разъ слышала. Говорятъ, она влюбилась въ васъ, какъ кошка...

— И не думалъ... и не влюблена она... и все это сплетни!—съ раздраженіемъ сказалъ Невзгодинъ.

— Но вы у нея каждый день бывали?

— Бывалъ.

— И кажется сдружились съ ней?

— Положимъ, и сдружился...

— Такъ вѣдь отчего и не жениться?.. Я навѣрное знаю, что она пошла бы за васъ.

— И знайте. Я вотъ не женюсь и скоро уѣзжаю.

— Да что вы сердитесь?.. И глупо дѣлаете, если упускаете такой случай... Впрочемъ, вы все такой же... Милліонами брезгаете... Ну, прощайте... А ко мнѣ что же по воскресеньямъ ни разу не заглянули?.. Или не хотите больше видѣть?—улыбнулась Марья Ивановна.

— Некогда было...

— Знаю я эти ваши некогда... Или изучали милліонерку?

— Изучалъ.

— И кончили?

— Кончилъ... И знаете-ли что?

— Что?

— Не пообѣдаемъ ли мы какъ нибудь опять въ Эрмитажѣ?

Марья Ивановна усмѣхнулась.

— Что-жъ... Пожалуй... Вы, видно, опять богаты?

— Милліоновъ нѣтъ, но сто рублей въ карманѣ. Скоро еще четыреста получу... Чѣмъ не Крезъ?

— Милліоновъ у васъ и помину не будетъ.

— То-то. Вы, кажется, меня немного знаете?

— А у меня капиталъ маленькій будетъ. Наработаю практикой.

— Не сомнѣваюсь. Вамъ и милліоны позволительны. Такъ вамъ когда угодно обѣдать?

— Могу только въ одно изъ воскресеній. Остальное время занята...

— Такъ въ это воскресенье я заѣду за вами, Марья Ивановна.

— Заѣзжайте. Въ которомъ часу?

— Въ четыре.

— Буду ждать. До свиданія. И то сегодня полчаса лишнихъ гуляю! А вы ничего... Не такъ скверно глядите, какъ тогда... Вѣрно не сочиняете запоемъ?—бросила она на ходу и ушла.

«Вотъ съ этой дамой никакихъ драмъ не можетъ быть! Признаетъ только науку и режимъ!»—усмѣхнулся про себя Невзгодинъ.

Скоро онъ вышелъ изъ дома.

XXXVI.

Въ воздухѣ, дѣйствительно, пахло весной. Солнце грѣло съ голубого неба веселое и яркое. На улицахъ была грязь... Отовсюду капало.

Невзгодина еще сильнѣе потянуло изъ Москвы. Онъ заѣдетъ въ Петербургъ, чтобы лично познакомиться съ редакторомъ, и оттуда—въ Крымъ. Никогда онъ не бывалъ въ Крыму, но слышалъ, что весной тамъ особенно хорошо.

А въ Москву онъ не вернется. Гдѣ онъ останется, онъ еще не рѣшилъ. Если понравится Петербургъ — въ Петербургѣ. Если нѣтъ—въ другомъ городѣ, но только не въ Москвѣ. Ужъ очень деньгами она пахнетъ, эта Москва, и очень ужъ болтовней занимаются москвичи. Онъ, слава Богу, вольная птица... Ничѣмъ и никѣмъ не связанъ и можетъ жить, гдѣ угодно. Литература прокормитъ. И не надо даже обращаться въ ремесленника и писать слишкомъ много. Потребности у него небольшія... Одна голова—не бѣда.

И онъ шелъ по улицѣ, веселый и бодрый, мечтая о томъ, какъ хорошо будетъ ему работаться въ Крыму, гдѣ нибудь на берегу моря. Тамъ онъ, быть можетъ, напишетъ что нибудь лучшее. И при одной этой мысли Невзгодинъ чувствовалъ въ себѣ словно бы новый подъемъ силъ.

Но воспоминаніе объ Аглаѣ Петровнѣ нѣтъ, нѣтъ да и омрачало его настроеніе... Онъ не чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней—онъ не заигрывалъ съ ней, а всетаки... И ему дѣлалось стыдно, когда онъ припоминалъ эту позорную минуту рѣшенія жениться на ней. О, какъ стыдно! Онъ непремѣнно ее опишетъ, эту минуту, правдиво, безъ утайки... И она освѣтитъ темный уголъ души человѣческой... Эта минута вѣдь пережита! Но зато такихъ минутъ ужъ не можетъ быть.

И хорошъ былъ бы онъ—супругъ милліонерки да еще такой властной, какъ Аглая. Настоящій король Лиръ въ юбкѣ. И теперь, когда онъ только ходилъ къ ней, уже чортъ знаетъ, что говорятъ, а тогда... Онъ, разумѣется, не обвинитъ человѣка, который полюбитъ женщину богатую, но вѣдь онъ ее не любилъ. Но, во всякомъ случаѣ, Аглая женщина оригинальная и сильная. Она не вретъ... Прямо призналась, что вся ея перемѣна изъ за охватившаго ея чувства. Пройдетъ чувство, и снова проявится наслѣдственный кулакъ.

Невзгодинъ долженъ былъ сознаться, что онъ ее идеализировалъ въ послѣднее время... подъ вліяніемъ увлеченія ея красотой. Но развѣ онъ думалъ, что она можетъ влюбиться въ него?

Было двѣнадцать часовъ. Невзгодинъ зашелъ въ цвѣточ-

ный магазинъ, купилъ чайныхъ розъ и велѣлъ сдѣлать букетъ. Когда онъ былъ готовъ, онъ направился къ Зарѣчной.

Дорога шла черезъ Арбатъ. На Арбатѣ онъ встрѣтился съ Сбруевымъ.

Оба радостно пожали другъ другу руки и, какъ водится, пеняли другъ другу, что давно не видались.

Невзгодинъ освѣдомился, какъ дѣла.

— По прежнему!—кисло улыбнулся Сбруевъ.

— А что Найденовъ остается здѣсь? Поправился?

— Онъ подалъ въ отставку, и его увезли за границу. Плохъ, говорятъ.

— А дѣти съ нимъ?

— Нѣтъ. Они въ Петербургѣ. Славныя, говорятъ. И у такого отца! Они-то его и доканали... Безумно любитъ ихъ, а они тогда были на панихидѣ. Ужасно.

Они поболтали еще нѣсколько минутъ и разошлись.

Въ исходѣ перваго часа Невзгодинъ былъ у Зарѣчной.

Маргарита Васильевна встрѣтила его веселая, оживленная и похорошѣвшая, въ большой комнатѣ, убранной умѣлой женской рукой, уютной, свѣтлой, посреди которой стоялъ столъ, накрытый на два прибора.

— Отъ души поздравляю васъ, Маргарита Васильевна!—привѣтствовалъ ее Невзгодинъ, подавая букетъ чудныхъ розъ.

— Вотъ это мило, что побаловали. Узнаю васъ. Что за прелесть!

Она положила цвѣты въ вазу и вазу поставила на столъ.

— Сейчасъ будемъ завтракать, а пока скажу вамъ, что ваша «Тоска» прелесть, и что сами вы безсовѣстно забыли меня.

— Я не забываю друзей.

— Такъ какъ же не заглянуть?.. Впрочемъ... я не упрекаю... Не заходили, значитъ, не хотѣлось... Вы вѣдь изучали новый типъ... Правда?

— Правда!—отвѣтилъ Невзгодинъ, краснѣя.

— И про васъ легенды ходятъ...

— Которымъ вы, надѣюсь, не повѣрили?

— Не повѣрила. Я знаю васъ и знаю цѣну московскимъ легендамъ.

— А вы давно на новомъ положеніи?

— Сегодня ровно недѣля. Устраивалась.

— И отлично устроились.

— Я довольна. У меня двѣ комнаты: эта—пріемная, кабинетъ и столовая, а рядомъ моя спальная. Нанимаю отъ жильцовъ. Тихо, спокойно, хорошо. Заработокъ есть. А для души... домъ для рабочихъ... Аносова вѣдь даетъ деньги!..

— А главное: вы чувствуете себя свободной... Не надо компромиссовъ! Не правда ли?

— Именно. И какъ это пріятно! Я только теперь это почувствовала вполнѣ... И какъ я вамъ благодарна, Василій Васильичъ... Вы поступили, какъ истинный другъ!—горячо проговорила Маргарита Васильевна.

— Мнѣ? За что.

— А за то, что вы тогда на юбилеѣ—помните?—говорили о позорѣ моего компромисса, когда я обвиняла за него мужа и другихъ... Мнѣ было больно, очень больно—вы вѣдь посыпали мою рану солью—и я на васъ сердилась... Но ваши слова... заставили меня глубже заглянуть въ свою совѣсть.

— Вы и безъ меня въ нее заглядывали.

— Заглядывала, но успокоивала себя софизмами, прикрывая звѣря въ себѣ... А у васъ есть особенная способность: взбудоражить человѣка, заставить его не особенно восхищаться собственной персоной...

— И за это доставалось таки мнѣ... Помните, какъ на холерѣ одна барынька раззнакомилась со мной... Сперва говорила: умный, а потомъ въ дураки произвела.

— А я васъ именно за это особенно и цѣню. А вѣдь вы все не вѣрили, что я перейду на новое положеніе?

— Не вѣрилъ... Да и вы сами колебались. За то, какъ обрадовался я вашей телеграммѣ!

Завтракъ прошелъ весело и задушевно. Невзгодинъ отдалъ честь и пирогу, и рябчикамъ, и бѣлому вину и разспрашивалъ Маргариту Васильевну объ ея планахъ на будущее. Она весело сообщала, что переводная работа обезпечена у нея въ одномъ журналѣ на полтораста рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, она разсчитываетъ и на компиляціи. Этого заработка ей вполнѣ достаточно; отъ помощи мужа она, конечно, отказалась. Время у нея будетъ строго распредѣлено...

— Боитесь гостей?

— Боюсь и буду принимать разъ въ недѣлю и съ большимъ разборомъ!—подчеркнула молодая женщина.—А то я предвижу, что ко мнѣ теперь будутъ являться господа, которые прежде почти не бывали.

— Это почему?

— А какъ же?.. Жена въ разводѣ. Интересный сюжетъ. Начнутся попытки ухаживанья... Я вѣдь знаю милыхъ московскихъ кавалеровъ... Ужъ у меня были съ визитами на новосельѣ... и, конечно, одни мужчины... Вчера два профессора являлись. Но я ихъ скоро спровадила и, вѣрно, больше не появятся.

— А что?

— Ужъ очень были пошлы въ своихъ любезностяхъ и сочувствіяхъ... И вѣдь всѣ эти господа говорили, въ сущности, одно и тоже...

— Вы слишкомъ требовательны, Маргарита Васильевна!

— Вы, кажется, тоже не изъ терпимыхъ къ глупости. Что дѣлать! Признаюсь, брезглива и удивляюсь, какъ другія женщины мало разборчивы... Имъ все равно, кто бы за ними ни ухаживалъ, но только бы ухаживалъ... Я знаю одну профессоршу. Очень неглупая, чуткая женщина и образованная, а при ней—можете себѣ представить?—всегда состоитъ нѣсколько кавалеровъ, какъ на подборъ, одинъ другого глупѣе...

— Несчастная!..—вставилъ Невзгодинъ.

— Нисколько. Она всѣхъ ихъ, какъ говоритъ, жалѣетъ, всѣхъ принимаетъ, со всѣми любезна и каждому назначаетъ соотвѣтственныя роли. Одинъ—поэлегантнѣе—ѣздитъ съ супругами въ театръ, другой—въ ученыя засѣданія, третій—на выставки, четвертый—по магазинамъ. И каждый увѣренъ, что общество его пріятно. Иначе вѣдь не ходили бы.

— Любопытный типикъ: коллекціонерка балбесовъ. Теперь такихъ коллекціонерокъ особенно много развелось отъ одури!—разсмѣялся Невзгодинъ.—А вы, значитъ, не хотите собирать у себя такой коллекціи?

— Спаси Богъ. Я лучше одна буду сидѣть, чѣмъ видѣть торчащаго балбеса и особенно влюбленнаго.

— Который коситъ на васъ шалые глаза, молчитъ, вздыхаетъ и вдругъ выпалитъ, что такого дурака, какъ онъ, никто не понимаетъ... Но что, если нѣсколько такихъ балбесовъ соберутся вмѣстѣ?.. Вѣдь это... ужасно!..

Невзгодинъ налилъ себѣ рюмку и, поднимая ее, сказалъ:

— Ваше здоровье, Маргарита Васильевна. Будьте счастливы, и да смилуется надъ вами судьба. Пусть въ эту комнату не заглянетъ ни одинъ балбесъ!

— Аминь!..—отвѣтила Маргарита Васильевна, чокаясь съ Невзгодинымъ.

Послѣ завтрака Маргарита Васильевна пересѣла на диванъ, а Невзгодинъ на кресло. Невзгодинъ закурилъ папироску и спросилъ:

— А Николай Сергѣичъ какъ перенесъ вашъ уходъ?

— Онъ былъ къ нему подготовленъ... Я предупреждала за два мѣсяца...

— Но, согласитесь, если вы мнѣ отрѣжете руку съ предупрежденіемъ, то руки всетаки не будетъ...

— Онъ поступилъ, какъ порядочный человѣкъ. Онъ покорился и не пугалъ меня... Скажи, что онъ застрѣлится, и я, конечно, отъ него не ушла бы... Но онъ успокоилъ меня насчетъ этого, и мы разстались дружелюбно... Конечно, ему тяжело...

— Онъ васъ такъ любитъ.

— Любитъ? Любовь—слово растяжимое, Василій Васильичъ...

Конечно, любитъ, но какъ?.. Съ тѣхъ поръ, какъ я перестала быть его женой, онъ сталъ любить меня меньше. Мы женщины вѣдь это чувствуемъ... видимъ въ глазахъ... А онъ именно любилъ во мнѣ не человѣка, а женщину... Вѣдь иначе не женился бы, зная, что я его не люблю... А больше всего страдаетъ его самолюбіе. Какъ: «жена его оставила!..»

— Ну, а всетаки вы теперь къ мужу снисходительнѣе стали, Маргарита Васильевна?—спросилъ Невзгодинъ.

— Еще бы! И онъ, въ сущности, не дурной человѣкъ... Только любилъ фразу и разыгрывалъ героя на словахъ, когда онъ самый обыкновенный трусъ и человѣкъ двадцатаго числа...

— Отчего вы въ прошедшемъ времени употребляете глаголы?

— А потому, что онъ понялъ самого себя, и... ему сдѣлалось неловко... И онъ теперь больше сталъ работать дома... Ужъ онъ не разрывается во всѣхъ учрежденіяхъ... Не гоняется за популярностью... Притихъ... Да и лучше, чѣмъ фразерствовать!

— А ораторъ онъ талантливый и професоръ хорошій. Это вѣрно!—замѣтилъ Невзгодинъ. И при его мягкости и любезности, онъ долго еще будетъ одной изъ гордостей Москвы...

— Москва за то и не особенно требовательна... Ну а вы, Василій Васильичъ, конечно, не женитесь на Аносовой, какъ говорятъ въ Москвѣ.

Невзгодинъ только разсмѣялся.

К. Станюковичъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

Наконецъ земля!

Среда, 24 іюля. Наконецъ, свершилось чудо. Мы увидѣли землю, почти уже отказавшись отъ этой надежды. Послѣ почти двухлѣтняго промежутка мы видимъ снова что-то такое, что вздымается надъ нескончаемою бѣлою линіей на горизонтѣ. Какъ долго мы мечтали объ этой землѣ, и теперь она представляется намъ точно видѣніе, точно волшебная страна! Снѣжнобѣлая, поднимается она на горизонтѣ точно далекое облако, которое можетъ исчезнуть каждую минуту. Самое удивительное то, что мы давно уже видѣли землю, не подозрѣвая этого. Я много разъ разглядывалъ ее изъ «Лагеря томленія» и полагалъ сначала, что это снѣжныя поля, но затѣмъ пришелъ къ заключенію, что это только облака, такъ какъ я нигдѣ не могъ высмотрѣть ни одной темной точки. Кромѣ того, форма ея постоянно мѣнялась, что, по моему мнѣнію, должно быть приписано туману, покрывавшему землю, но затѣмъ снова на этомъ мѣстѣ появились изумительно правильныя очертанія облаковъ. Я припоминаю теперь тотъ темный утесъ, который я принялъ за айсбергъ. Должно быть это былъ какой нибудь маленькій островокъ.

Вчера ледъ былъ болѣе изломанъ чѣмъ когда либо, такъ что было очень трудно прокладывать себѣ путь черезъ ледяные хребты, образовавшіе настоящія горы, долины и ущелья, но благодаря нашему хорошему настроенію мы всетаки подвигались впередъ. Черезъ канавы мы перебирались на каякахъ. Иногда, послѣ перехода черезъ очень плохой ледъ, мы попадали на хорошее ровное пространство и тогда быстро летѣли впередъ. Вчера утромъ, пока я ходилъ на развѣдки, Іогансенъ взобрался на холмъ и увидалъ какую-то странную темную полосу на горизонтѣ, но принялъ ее за облако, и я согласился съ нимъ. Но когда я потомъ самъ взобрался на холмъ, то увидѣлъ ту же черную полосу; она поднималась отъ горизонта до бѣлой кучи облаковъ. Чѣмъ больше я

смотрѣлъ на эту полосу и на облако, тѣмъ они казались мнѣ подозрительнѣе, и я, наконецъ, отправился за подзорною трубой. Какъ только я направилъ ее на черную полосу, то мнѣ вдругъ пришло въ голову, что это должна быть земля и притомъ недалеко отъ насъ. Это былъ глетчеръ, на которомъ выступали черныя скалы. Посмотрѣвъ въ трубу, и Іогансенъ убѣдился, что это земля. Разумѣется, мы были въ восторгѣ. Такъ вотъ, какъ выглядитъ земля, до которой мы добрались! Я представлялъ ее себѣ въ различныхъ формахъ, съ высокоторчащими вершинами и блестящими равнинами, но совсѣмъ не думалъ, что она будетъ такая. Ничего пріятнаго тутъ не было, но, тѣмъ не менѣе, мы очень ей обрадовались и, въ сущности, вѣдь мы и не могли ожидать ее иною, какъ покрытою тѣмъ же самымъ снѣгомъ, который падаетъ здѣсь. Мы разбили палатку и устроили себѣ подобающій случаю пиръ, приготовили кушанье изъ картофеля, въ предпослѣдній разъ (мы давно сохраняли картофель для этого случая), затѣмъ пеммикана, сушенаго медвѣжьяго и тюленьяго мяса и медвѣжьихъ языковъ—все было искрошено вмѣстѣ. Вторая перемѣна состояла изъ хлѣбныхъ крошекъ, поджаренныхъ въ медвѣжьемъ жирѣ, консервовъ, масла и кусочка шоколада для дессерта.

Мы полагали, что земля находится такъ близко, что мы доберемся до нея не позже слѣдующаго вечера. Іогансенъ даже думалъ, что мы въ тотъ же вечеръ ее достигнемъ. Но пришлось тащиться по пловучему льду еще тринадцать дней, испытывая такія же однообразныя мученія.

25-го іюля я записалъ: «Когда мы вчера вечеромъ остановились вслѣдствіе тумана, то мнѣ казалось, что земля близко. Сегодня утромъ Іогансенъ, отправившись за водой для варки кушанья, первымъ дѣломъ взобрался на ближайшій холмъ, чтобъ посмотрѣть гдѣ находится земля. Она находилась значительно ближе, чѣмъ прежде, и Іогансенъ увѣрялъ, что мы достигнемъ ея раньше вечера». Въ тотъ же день я открылъ еще новую землю къ западу отъ насъ, похожую на раньше видѣнную и мало возвышавшуюся надъ горизонтомъ; повидимому, она была очень далеко отъ насъ *). Мы отправились въ путь, но въ этотъ день ушли недалеко, и земля не очень-то приблизилась къ намъ. Въ субботу 27-го іюля у меня должно быть уже возникло подозрѣніе, что мы удаляемся отъ земли, такъ какъ я записалъ: «Вѣтеръ началъ дуть съ юго-запада, когда мы выступили вчера, и въ теченіе дня еще усилился. Можно было легко замѣтить, что вѣтеръ гонитъ ледъ отъ залива, и полыньи образуются именно съ восточной стороны льда. Когда я вчера вечеромъ взобрался на холмъ, то замѣтилъ на горизонтѣ темную полосу. Я разсмотрѣлъ ее въ подзорную трубу и оказалось, какъ я и предполагалъ, что это край льда или глетчера, прости-

*) Позднѣе оказалось, что это земля Кронпринца Рудольфа.

рающійся далеко въ западномъ направленіи; темная полоса тумана указывала также на присутствіе тамъ широкой канавы. Мнѣ кажется, что земля не можетъ быть очень удалена, и если ледъ хоть нѣсколько проходимъ, то мы, пожалуй, достигнемъ земли сегодня же. Вѣтеръ дулъ всю ночь, теперь же сталъ стихать, и погода прояснилась. Мы всячески стараемся удобно устроиться на ночь въ своемъ новомъ спальномъ мѣшкѣ изъ шерстяныхъ одѣялъ. Мы пробовали ложиться на голомъ льду, потомъ подложили лыжи; сегодня же ночью мы опять расположились на голомъ льду, но это твердое и не очень удобное ложе; кромѣ того, лежать на льду довольно таки холодно, особенно, если промокнешь передъ этимъ. Тѣмъ болѣе мы будемъ цѣнить теплую постель, когда она у насъ будетъ!»

Вторникъ, 30-го іюля. Мы ужасно тихо подвигаемся, но всетаки приближаемся къ землѣ. Всевозможныя препятствія какъ будто соединились противъ насъ. Теперь у меня сдѣлалась такая боль въ пояснницѣ, что, не смотря на всѣ усилія воли, я не могъ идти дальше. На трудныхъ мѣстахъ Іогансенъ долженъ былъ помогать мнѣ тащить сани. Боли у меня начались третьяго дня, такъ что къ концу пути пришлось Іогансену идти впередъ и искать дорогу. Вчера мнѣ было плохо; сегодня еще не знаю, какъ буду себя чувствовать. Но порадуюсь, если всетаки въ состояніи буду двигаться, хотя бы и съ большими страданіями. Вчера утромъ послѣ девятичасовой ходьбы мы должны были остановиться изъ за дождя, но всетаки успѣли промокнуть насквозь прежде чѣмъ нашли подходящее мѣсто для палатки. Мы просидѣли цѣлый день, но нисколько не просохли. Подъ нами образовались лужи. Но въ данную минуту дождь прекратился, и вѣтеръ отошелъ къ западу. Мы приготовили себѣ на завтракъ кашицу и готовимся выступать. Но если опять пойдетъ дождь, намъ придется остановиться, у насъ нѣтъ платьевъ для перемѣны. Не очень пріятно лежать съ мокрыми ногами и не имѣть ни сухой нитки на тѣлѣ. Мы видѣли сегодня розовыхъ чаекъ.

Среда, 31-го іюля. Ледъ совершенно непроходимъ вслѣдствіе неровностей и канавъ. Постоянное треніе и давленіе льдинъ одна на другую такъ перемалываетъ ледъ, что вода полна искрошеннымъ льдомъ. По такой водѣ невозможно ѣхать въ каякахъ, а отыскивать мѣста для переправы отнимаетъ много времени. Порою мы сами должны устраивать переправу, сдвигая кусочки льда или переправляя сани на льдинѣ. Поясница у меня все еще болитъ, Іогансенъ долженъ отыскивать дорогу, и вечеромъ и утромъ ему приходится стаскивать съ меня и надѣвать на меня панталоны. Онъ трогательно заботится обо мнѣ. Бѣдняга, ему приходиться теперь вдвойнѣ работать, и я не знаю, какъ это кончится. Но сегодня я чувствую себя лучше и, вѣроятно, скоро буду совсѣмъ здоровъ.

Четвергъ, 1-го августа. Можетъ ли быть ледъ хуже этого? Но всетаки, хотя и медленно, подвигаемся впередъ и должны быть довольны. Погода измѣнилась, солнце ярко сіяетъ, но мнѣ кажется, что южный вѣтеръ относитъ насъ дальше отъ земли. Насъ отнесло къ востоку, и мы уже больше не видимъ на западѣ земли съ черными скалами, замѣченными раньше. Но одно меня радуетъ: спина у меня почти не болитъ и, слѣдовательно, я не задерживаю нашего движенія. Теперь только я постигаю, что было бы, еслибъ одинъ изъ насъ серьезно захворалъ. Я ужасно этого боюсь.

Пятница, 2-го августа. Точно все сговорилось, чтобы не допускать насъ выбраться изъ этого пловучаго льда. Поясница больше не болитъ. Ледъ былъ вчера проходимѣе, и мы сдѣлали хорошій дневной переходъ, но вѣтеръ и теченіе снова насъ отнесли дальше отъ земли. Боюсь, что съ такими двумя врагами всякая борьба будетъ тщетной. Мы находимся теперь на 81° 36′ с. ш. Я надѣюсь только на то, что теченіе, относящее насъ отъ земли, измѣнитъ свое направленіе. Къ сожалѣнію, канавы покрылись свѣжимъ льдомъ и поэтому мы не знаемъ, какъ примѣнять каяки. Ну, а если ледъ унесетъ насъ назадъ, тогда—да, тогда...

Суббота, 3-го августа. Невыразимо трудная работа. Намъ бы никогда не сдѣлать ее, еслибъ не необходимость. Мы чертовски мало придвинулись къ землѣ, если только вообще придвинулись. За послѣдніе дни намъ уже почти нечѣмъ было кормить собакъ, птицъ мы убивали въ день не болѣе двухъ. Вчера собаки получили только по маленькому куску сала.

Воскресенье, 4-го августа. Эти канавы заставляютъ насъ дѣлать отчаянныя усилія. Намъ часто приходится идти нѣсколько сотъ метровъ по искрошенному льду или тащить сани съ одной льдины на другую, постоянно рискуя, что они провалятся въ воду.

Понедѣльникъ, 5 августа. Вчера было два счастливыхъ событія; во первыхъ, Іогансенъ не былъ заѣденъ медвѣдемъ, а во вторыхъ, мы увидали открытую воду у края глетчера. Мы выступили вчера утромъ въ 7 часовъ и добрались до такого льда, хуже котораго не бывало; какъ будто какой-то великанъ разбросалъ здѣсь громадныя глыбы и между ними наложилъ снѣгу, перемѣшаннаго съ водой, въ который мы проваливались по самое колѣно. Попадались также и глубокія лужи между глыбами; къ довершенію нашего несчастья, царилъ такой туманъ, что мы ничего не могли разглядѣть на разстояніи сотни метровъ.

Послѣ изнурительной ходьбы мы, наконецъ, добрались до канавы, черезъ которую должны были переправиться на каякахъ. Вдругъ сзади меня послышалось какое-то движеніе и Іогансенъ крикнулъ: «Скорѣе ружье!» Я обернулся и увидалъ громаднаго медвѣдя, бросившагося на лежащаго на спинѣ Іогансена. Я схватилъ ружье, лежавшее въ чехлѣ на верху каяка, какъ въ ту же минуту каякъ соскользнулъ въ воду. Моя первая мысль была также броситься

въ воду и, взобравшись на каякъ, стрѣлять оттуда, но я сообразилъ что это опасно. Я началъ изо всѣхъ силъ тащить каякъ на ледъ со всѣмъ его тяжелымъ грузомъ, стараясь въ то же время достать ружье. Оглянуться назадъ я не успѣлъ и вдругъ услышалъ Іогансена, спокойно говорившаго: «Скорѣе, скорѣе стрѣляйте, а то будетъ поздно!» О, какъ я торопился! Наконецъ, мнѣ удалось схватить за стволъ ружье. Терять времени было нельзя, медвѣдь готовился покончить съ Кайфасомъ, но я послалъ ему зарядъ въ голову и онъ упалъ мертвый между нами. Медвѣдь очевидно пробирался по нашимъ слѣдамъ, скрытый отъ взоровъ ледяными глыбами, и появился въ то время, когда мы повернулись къ нему спиной, чтобы переправиться черезъ канаву. По слѣдамъ видно было, что онъ перелѣзъ черезъ небольшой хребетъ, какъ разъ позади каяка Іогансена. Когда Іогансенъ, ничего не подозрѣвая, вернулся и наклонился чтобы взять веревку отъ саней, то онъ увидалъ звѣря, притаившагося за каякомъ. Но прежде чѣмъ онъ сообразилъ, что это за звѣрь, онъ получилъ такой ударъ въ ухо, что у него изъ глазъ искры посыпались, и онъ упалъ на спину. Онъ защищался сколько могъ руками, схватилъ звѣря за горло и крикнулъ: «стрѣляй скорѣе!». Медвѣдь увидалъ затѣмъ собаку и бросился на нее. Быстрѣе молніи Іогансенъ освободился и отползъ дальше, а медвѣдь такъ ударилъ собаку, что она завыла. Между тѣмъ Іогансенъ вскочилъ на ноги и бросился доставать свое ружье, торчавшее изъ каяка. Единственное поврежденіе, нанесенное медвѣдемъ Іогансену, заключалось въ томъ, что онъ сцарапалъ ему часть грязи со щеки, такъ что теперь виднѣлась тамъ бѣлая полоска, и слегка поранилъ ему руку. У Кайфаса также виднѣлся шрамъ на носу.

Едва мы справились съ этимъ звѣремъ, какъ увидали двухъ другихъ, выглядывавшихъ изъ за каяка. Это были медвѣжата, вѣроятно, хотѣвшіе посмотрѣть чѣмъ кончилась материнская охота. Я находилъ, что на нихъ не стоитъ тратить патроны, но Іогансенъ былъ того мнѣнія, что мясо медвѣженка много нѣжнѣе мяса стараго медвѣдя. Однако медвѣжата убѣжали. Впрочемъ они опять вернулись, и мы слышали какъ они ревѣли, призывая мать. Іогансенъ пустилъ въ нихъ пулю, но разстояніе было слишкомъ велико, поэтому онъ только попалъ въ одного изъ нихъ, который съ страшнымъ ревомъ бросился бѣжать. Пока мы рѣзали на куски медвѣдя, медвѣжата снова показались на другой сторонѣ канавы и все время, пока мы тутъ были, они вертѣлись около насъ. Покормивъ хорошенько собакъ и съѣвъ по куску сырого мяса, мы спрятали въ каяки остальное мясо и наконецъ переѣхали черезъ канаву.

Съ вершины одного изъ холмовъ я разглядѣлъ въ трубу открытую воду у подножія глетчера. Теперь, вѣроятно, намъ идти не долго. Но ледъ очень плохъ и, пожалуй, много отниметъ отъ насъ времени. Пока мы шли впередъ, мы все время слышали ревъ ра-

неннаго медвѣдя, наполнявшаго безмолвную ледяную пустыню своими горькими жалобами на жестокость людей. Непріятно было слышать это и еслибъ у насъ было время, то мы, пожалуй, вернулись бы, чтобъ прикончить звѣря. Мы видѣли, какъ медвѣжата бродили по тому мѣсту, гдѣ лежала ихъ мать, и мы уже надѣялись, что они отъ насъ отстанутъ, но вскорѣ мы снова услыхали ихъ и даже когда мы остановились, они все еще находились по близости.

Среда, 7-го августа. Наконецъ, мы по близости земли и пловучій ледъ находится позади насъ, а передъ нами открытая вода, и такъ, вѣроятно, будетъ до конца. Вчера былъ важный день.

Послѣ цѣлаго ряда усилій мы дошли до края льдовъ. Передо мною разстилалась темная поверхность моря, на которой кое гдѣ виднѣлись плавающія льдины. Далеко, далеко выдвигалась изъ воды стѣна глетчера; все было окутано туманнымъ освѣщеніемъ. Мы почувствовали приливъ невыразимой радости. Всѣ наши тревоги были за нами, а передъ нами водяной путь на родину. Я замахалъ Іогансену, находившемуся позади, шапкой, онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и крикнулъ, что есть мочи: «ура!» Конечно, надо было отпраздновать такое событіе, и мы сдѣлали это, съѣвъ по куску шоколада. Пока мы стояли и смотрѣли на воду, показалась голова большого тюленя и тихо исчезла; затѣмъ мы видѣли и другихъ тюленей, и утѣшительно было сознаніе, что мы можемъ въ каждую минуту добыть пропитанія, сколько захотимъ. Мы принялись снаряжать каяки для плаванія. Грустно было, что мы не могли взять съ собою нашихъ двухъ послѣднихъ собакъ, но мы полагали, что онѣ намъ больше не понадобятся, и тащить ихъ съ собою на каякѣ было нельзя. Тяжело было разставаться съ ними, мы къ нимъ очень привыкли. Они вѣрно служили намъ до конца, а теперь, когда наступили лучшія времена, они должны были распроститься съ жизнью. Мы не хотѣли умерщевлять ихъ, какъ прежнихъ собакъ, и пожертвовали по одному патрону на каждую. Я застрѣлилъ собаку Іогансена, а онъ мою.

Истиннымъ наслажденіемъ было видѣть, какъ каяки танцуютъ на волнахъ, и слышать плескъ воды объ ихъ бока. Уже два года мы не видали такого пространства воды. Недалеко отъѣхавъ, мы увидали, что можемъ воспользоваться вѣтромъ, и поставили паруса. Мы скользили, гонимые вѣтромъ, къ землѣ, составлявшей столько мѣсяцевъ предметъ нашихъ стремленій. Какая разница съ путешествіемъ по льду! Туманъ нѣкоторое время скрывалъ отъ насъ землю, но теперь онъ разорвался, и мы увидали глетчеръ, круто поднимавшійся передъ нами. Въ тотъ же моментъ выглянуло солнце. Я не могу себѣ преоставить утра, лучше этого. Вскорѣ мы достигли глетчера и, спустивъ парусъ, поплыли вдоль его стѣнъ, возвышавшихся на 16—20 метровъ; пристать къ этой стѣнѣ, повидимому, было невозможно. Вода глубоко размыла подножіе глетчера, но не было слышно ни грохота при образованіи

трещинъ, ни шума, производимаго падающими кусками льда, какъ это обыкновенно на большихъ глетчерахъ. Поверхность глетчера была гладкая, и никакихъ трещинъ не было замѣтно. На всей стѣнкѣ ледника замѣтны были необыкновенно рѣзко обозначенные годичные слои. Мы скоро открыли, что теченіе пролива направляется къ западу вдоль стѣнъ ледника и притомъ съ большою скоростью, такъ что мы быстро двигались. Но найти мѣсто для стоянки было нелегко, и намъ пришлось высадиться на плавающей льдинѣ. Всетаки было пріятно отдохнуть въ сознаніи, что нѣтъ надобности вставать для утомительнаго путешествія по льду. Но когда мы сегдня утромъ проснулись, то нашли, что ледъ кругомъ насъ сплотился, и я ужъ не знаю, какъ мы изъ него выберемся, хотя къ западу, недалеко, и виднѣется открытая вода.

Вторникъ, 8-го августа. Перетащивъ нашъ багажъ черезъ льдину, мы безъ большого труда добрались до открытой воды. Мы сдѣлали себѣ изъ палокъ нашихъ лыжъ весла и придѣлали къ нимъ лопасти изъ сломанныхъ лыжъ. Эти весла оказались много лучше прежнихъ неуклюжихъ веселъ изъ бамбуковыхъ палокъ съ парусиными лопастями. Погода скоро прояснилась. Тишина была мертвая, и поверхность воды лежала передъ нами, какъ зеркало, по которому плавали маленькіе кусочки льда и кое гдѣ большія льдины. Зрѣлище было удивительно прекрасное, и чудесно было сидѣть на нашихъ легкихъ суденышкахъ и скользить безъ всякихъ усилій по поверхности воды. Вдругъ передъ нами выглянулъ тюлень, а надъ нами постоянно носились птицы. Здѣсь, очевидно, нѣтъ недостатка въ животной жизни. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались вдоль ледяной стѣны, передъ нами открывалось все большее и большее пространство воды. Подулъ вѣтеръ съ сѣверо-востока, вызвавшій довольно сильное волненіе, что было непріятно, такъ какъ вода проникала въ щель между обоими связанными каяками и окачивала насъ. Вчера вечеромъ мы снова высадились на льдину и разбили палатку. Только что мы успѣли это сдѣлать, какъ пошелъ дождь.

Пятница, 9-го августа. Вчера утромъ мы должны были снова тащить сани вмѣстѣ къ каяками по льду, который сплотился возлѣ нашей стоянки. Во время этой работы я ухитрился свалиться въ воду и вымокъ насквозь. Мы съ трудомъ, наконецъ, добрались до открытой воды, но спустя нѣкоторое времa пришлось опять взяться за сани, а затѣмъ мы снова поплыли по открытому пространству воды. Сѣверо-западный вѣтеръ пригналъ ледъ къ землѣ, что было счастьемъ для насъ, такъ какъ, судя по виду атмосферы, море позади насъ было переполнено льдомъ. Надъ землею носился туманъ, и мы плохо ее видѣли. Чѣмъ дальше, тѣмъ легче было придерживаться южнаго курса, и такъ какъ вѣтеръ дулъ намъ въ тылъ, то мы поставили парусъ и плыли такъ до вечера. Пришлось только одинъ разъ взяться за весла, чтобы объѣхать ледяную гору. Трудно

было грести противъ теченія, которое здѣсь было очень сильно. Изъ за тумана мы не могли разглядѣть землю, вдоль которой плыли, но, насколько я могъ судить, она состояла изъ островов. Сначала мы проѣхали мимо большого острова, покрытаго глетчеромъ; къ западу отъ него находился маленькій островокъ, на которомъ возвышались двѣ скалы. Затѣмъ виднѣлся длинный фіордъ или зундъ, съ покрытыми льдомъ берегами и, наконецъ, маленькій низкій мысъ или, можетъ быть, островъ, на южной сторонѣ котораго мы теперь высадились.

Земля мнѣ кажется все болѣе загадачной, и я все болѣе теряюсь въ догадкахъ, гдѣ мы находимся. Очень удивительно, что берегъ тянется прямо къ югу, вмѣсто юго-запада. Я могу объяснить себѣ это только тѣмъ, что мы находимся на западномъ берегу земли Франца-Іосифа. Но съ другой стороны уклоненіе было бы слишкомъ велико, и я не могу объяснить себѣ откуда здѣсь столько розовыхъ чаекъ. На Шпицбергенѣ никто не видалъ этихъ чаекъ, а если мои предположенія справедливы, то Шпицбергенъ не долженъ быть далеко.

Суббота, 10-го августа. Вчера мы вышли на маленькій островъ, около котораго сдѣлали привалъ. Островъ былъ покрытъ ледникомъ, точно щитомъ, который постепенно спускался со всѣхъ сторонъ. Но уклонъ былъ такъ невеликъ, что наши лыжи даже не скользили сами по снѣжной корѣ, покрывавшей его. Съ верхушки открывался хорошій видъ, и такъ какъ въ это время туманъ приподнялся, то мы могли разсмотрѣть землю кругомъ. Теперь было ясно, что это были острова, и самымъ большимъ изъ нихъ былъ первый островъ. На другомъ, на которомъ возвышались двѣ скалы, виднѣлась полоса обнаженной земли. Быть можетъ, тамъ собираются розовыя чайки и устраиваютъ свои гнѣзда?

Я назвалъ первый островъ островомъ Евы, второй—островомъ Лифъ, а маленькій,—на которомъ мы теперь находимся, островомъ Аделаиды. Четвертый островъ, къ югу отъ насъ, вѣроятно видѣлъ уже Пайеръ и назвалъ островомъ Фриденъ. Всю группу островов я назвалъ «Hvidtenland» (Бѣлая Земля). Около трехъ часовъ по полудни мы, наконецъ, пробрались въ открытую воду и плыли подъ парусомъ почти до 8 часовъ вечера. Затѣмъ снова намъ встрѣтился ледъ, и мы должны были перетаскивать нашу флотилію по плоскому льду на другую сторону. Но такъ какъ, повидимому, и тутъ фарвартеръ былъ затертъ льдомъ, и теченіе было противное, то мы и рѣшили остановиться.

10-го августа мы вынуждены были частью тащить сани по льду, частью же плыть по открытой водѣ въ юго-западномъ направленіи. Плывя по открытой водѣ, мы миновали стадо моржей, лежавшихъ на льдинѣ. Пріятно было видѣть такое скопленіе пищевого матеріала на одномъ мѣстѣ, но мы не обратили на него вниманія, у насъ пока было достаточно и мяса и сала. Послѣ

обѣда мы попали въ туманъ и такъ въ туманѣ вошли въ глубокую бухту въ береговомъ льду, откуда не было выхода, такъ что мы должны были вернуться, что насъ очень задержало. Мы шли теперь западнымъ курсомъ, проходя вдоль массивнаго и неровнаго льда. Однако теченіе было противъ насъ, и въ теченіе дня образовался свѣжій ледъ, который былъ такъ толстъ, что мы больше не могли грести. Погода была холодная и безвѣтряная, и выпалъ снѣгъ. Мы высадились на ледъ и еще протащили сани до 10-ти часовъ вечера. По всѣмъ направленіямъ виднѣлись медвѣжьи слѣды, точно здѣсь всѣ медвѣди назначали себѣ свиданіе или же прошло ихъ цѣлое стадо. Никогда еще въ своей жизни я не видалъ столько медвѣжьихъ слѣдовъ на одномъ мѣстѣ. Сегодня мы навѣрное прошли 20 километровъ, но я всетаки нахожу, что мы двигаемся слишкомъ медленно для того, чтобы добраться до Шпицбергена въ этомъ году. Протащивъ нѣкоторое разстояніе по льду сани, мы добрались на слѣдующій день (11-го августа) снова до открытой воды и гребли четыре или пять часовъ. Въ то время, какъ я стоялъ на ледяномъ холмѣ и смотрѣлъ на воду, вдругъ около насъ показался чудовищный моржъ. Онъ пыхтѣлъ, лежа на поверхности воды, и глазѣлъ на насъ. Мы не обратили на него никакого вниманія и, усѣвшись въ свои каяки, поплыли дальше. Вдругъ моржъ подплылъ къ намъ совсѣмъ близко и, приподнявшись въ водѣ, фыркнулъ такъ, что воздухъ задрожалъ, грозя своими зубами нашимъ хрупкимъ судамъ. Мы схватились за ружья, но онъ исчезъ въ ту же минуту и снова появился на другой сторонѣ, у каяка Іогансена, гдѣ и повторилъ тотъ же маневръ. Моржъ нѣсколько разъ показывался и опять исчезалъ. Мы видѣли въ водѣ, какъ онъ бокомъ быстро проплывалъ подъ нашими каяками и, опасаясь, какъ бы онъ своими клыками не прорвалъ дыры въ днѣ каяка, мы отогнали его веслами. Но онъ снова вынырнулъ у самаго каяка Іогансена и, казалось, разсвирѣпѣлъ еще больше. Іогансенъ пустилъ въ него зарядъ прямо въ глаза; онъ страшно заревѣлъ, перевернулся и исчезъ, оставивъ кровавый слѣдъ въ водѣ. Мы гребли, что есть силы, сознавая, что выстрѣлъ можетъ имѣть очень опасныя послѣдствія, и почувствовали облегченіе лишь тогда, когда увидѣли, что моржъ снова вынырнулъ далеко позади насъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ исчезъ.

Мы спокойно плыли дальше и почти уже забыли о моржѣ, какъ вдругъ я увидѣлъ, что Іогансенъ подпрыгнулъ въ воздухѣ, и почувствовалъ, что его каякъ испыталъ сильный толчокъ. Я не могъ себѣ представить, что бы это такое могло быть, и осматривался кругомъ, не видать ли гдѣ пловучей глыбы, на которую могъ наткнуться каякъ. Но вдругъ опять показался моржъ возлѣ насъ, приподнявшись изъ воды. Я схватилъ ружье, и такъ какъ звѣрь не поворачивалъ головы, то я не могъ цѣлиться въ то мѣсто за ухомъ, куда легче всего ранить моржа, но времени терять было

нельзя, и я прицѣлился въ лобъ. Къ счастью, этого оказалось достаточно, и животное всплыло уже мертвымъ на поверхность воды. Съ большимъ трудомъ удалось намъ продѣлать дыру въ его толстой кожѣ, и, вырѣзавъ изъ его спины нѣсколько кусковъ жира и мяса, мы продолжали свой путь.

Въ 7 часовъ вечера теченіе перемѣнилось, и канава замкнулась, такъ что мы уже не могли плыть дальше. Но вмѣсто того, чтобы тащить сани по льду, мы рѣшили подождать, не откроется ли канава на другой день, когда перемѣнится теченіе, а тѣмъ временемъ рѣшили укоротить наши сани, какъ уже раньше я имѣлъ намѣреніе сдѣлать, и приготовить хорошія двойныя весла, чтобы можно было подвигаться быстрѣе и, плывя отдѣльно другъ отъ друга, проплывать больше разстоянія, прежде чѣмъ канава наполнится льдомъ. Пока мы занимались этимъ, туманъ, наконецъ, разсѣялся, и передъ нами на большое разстояніе къ югу и западу простиралась земля. Повидимому, это была цѣпь большихъ и маленькихъ острововъ, съ проливами между ними. Острова эти большею частью были покрыты глетчерами, и только мѣстами возвышались крутыя темныя горы. Видѣть столько земли сразу было очень пріятно.

Но гдѣ же мы? На этотъ вопросъ теперь еще труднѣе было отвѣчать. Могли ли мы, въ самомъ дѣлѣ, не смотря ни на что, приплыть къ восточной сторонѣ земли Франца-Іосифа?

Это предположеніе казалось довольно вѣроятнымъ. Но тогда мы, значитъ, сильно отклонились на востокъ и должны приготовиться къ длинному морскому путешествію, прежде чѣмъ достигнемъ мыса Флигели и земли Кронпринца Рудольфа. Мы усердно трудились, чтобы покончить съ санями, но такъ какъ туманъ постепенно разсѣевался и становилось свѣтлѣе, то мы постоянно бросали работу и взбирались на холмъ, чтобы поглядѣть на землю, размышляя о неразрѣшимой загадкѣ. 12-го августа мы легли спать только въ 7 часовъ утра.

Вторникъ, 13-го августа. Проспавъ часа два, мы вылѣзли изъ мѣшка. Теченіе перемѣнилось, и передъ нами былъ открытъ широкій путь. Отдѣльно въ каякахъ мы подвигались довольно быстро, но когда мы проплыли около восьми километровъ, намъ снова пришлось вылѣзать на ледъ, такъ какъ канава закрылась. Мы сочли благоразумнѣе подождать, не откроется ли широкая канава, когда теченіе повернетъ. Если же этого не случится, то намъ придется протащить свои сани до пролива, который я вижу на сѣверо-западѣ; судя по картѣ Пайера, это долженъ быть проливъ Раулинсона.

Однако канава не открывалась, и намъ пришлось тащить сани дальше.

Среда, 14-го августа. Мы протащили сани черезъ множество льдинъ, переѣхали нѣсколько канавъ и, наконецъ, наткнулись на

такую канаву, по которой могли плыть на веслахъ. Но вскорѣ ледъ опять сомкнулся, и намъ пришлось остановиться. Бѣлыя чайки сдѣлались очень смѣлы и ночью утащили у насъ кусокъ сала, лежавшій у самой палатки. На слѣдующій день мы продолжали свой путь такъ же, какъ и въ предшествующіе дни. Мы направились теперь по береговому льду къ тому проливу, который видѣли уже нѣсколько дней и котораго такъ старались достигнуть на каякахъ. Поверхность льда была плоская, и хорошо подвигались. Дорогой мы прошли мимо примерзшаго айсберга, самаго большого, какой только намъ случалось встрѣчать въ этихъ мѣстахъ (16—20 метровъ) *). Я бы охотно взобрался на него, чтобы посмотрѣть на окрестности; но подъемъ былъ слишкомъ крутъ, и мы достигли только трети высоты. Къ вечеру мы достигли, наконецъ, острова, куда направлялись, и въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ подъ нашими ногами оказалась земля, свободная отъ льда... Было несказанно пріятно перепрыгивать съ одной гранитной скалы на другую, но наша радость еще усилилась, когда мы нашли между камнями мохъ и цвѣты. Разумѣется, надъ этою первою свободною отъ льда землей долженъ былъ развѣваться норвежскій флагъ, и мы должны были отпраздновать это. Нашъ керосинъ давно уже пришелъ къ концу, и мы должны были устроить такую горѣлку, въ которой могла горѣть ворвань. Горячее кушанье изъ пеммикана и нашего послѣдняго картофеля показалось намъ очень вкуснымъ, когда мы сидѣли въ палаткѣ и касались ногами обнаженнаго песка. Но становится все непонятнѣе, гдѣ мы находимся. Къ западу виднѣется какъ будто широкій проливъ, но какой? Островъ, на которомъ мы теперь находимся и гдѣ мы такъ славно выспались на сухой землѣ, безъ того, чтобы подъ нами образовались лужи отъ растаявшаго льда (я пишу это утромъ 16-го августа), состоитъ изъ похожаго на морены хребта, образованнаго большими и маленькими, но преимущественно очень большими каменными глыбами, и изъ отдѣльныхъ скалъ. Я назвалъ его островомъ Гоуэна. Камни были большею частью округлены, но я не нашелъ на нихъ слѣдовъ тренія. Весь островъ едва поднимается надъ снѣжнымъ полемъ, среди котораго онъ находится. Къ западу видѣнъ еще островъ, а къ сѣверу—два островка и маленькій утесъ.

Я уже говорилъ, что проливъ на западѣ я принималъ за Раулинсонъ-зундъ, но теперь мнѣ это кажется невѣроятнымъ, такъ какъ мы не видѣли и признака Дове—глетчера, который долженъ находиться на берегу этого зунда. Еслибы это было такъ, то мы

*) Говорятъ, что недалеко отъ земли Франца-Іосифа встрѣчаются айсберги значительной величины, но я могу только сказать, что за все время нашего путешествія я не встрѣтилъ ни одного такого айсберга въ этомъ архипелагѣ; только что упомянутый айсбергъ былъ самый большой, а въ сравненіи съ гренландскими айсбергами всѣ они представляли незначительныя ледяныя массы.

должны были уже пройти глетчеръ и землю Вильчека, не примѣтивъ ни того, ни другого. Но такую возможность приходилось совсѣмъ исключить. Мы, вѣроятно, добрались до какой нибудь земли въ западной сторонѣ земли Франца-Іосифа и такъ далеко уклонились къ западу, что не видѣли ни одной изъ земель, открытыхъ Пайеромъ. Но, значитъ, мы забрались такъ далеко на западъ, что не видѣли даже земли Оскара, которая должна лежать на 82° сѣв. широт. и 52° вост. долготы? Въ самомъ дѣлѣ, это было непонятно, но какъ же объяснить иначе?

Суббота, 17-го августа. Вчера былъ хорошій день. Насколько я могу видѣть, мы находимся на открытой водѣ у западнаго берега земли Франца-Іосифа и снова можемъ надѣяться вернуться еще въ этомъ году на родину. Около полудня мы покинули нашъ мореновый островокъ и двинулись по льду къ болѣе высокому острову на западѣ. Я былъ готовъ раньше Іогансена и отправился впередъ, чтобы немного изслѣдовать этотъ островъ. Отправившись вслѣдъ за мною, Іогансенъ увидалъ медвѣдя, который направлялся къ нему. Іогансенъ приготовилъ ружье, но медвѣдь остановился, поразмыслилъ и затѣмъ отправился обратно, скоро исчезнувъ изъ вида. Островъ, до котораго мы добрались, показался намъ самымъ прелестнымъ мѣстомъ на землѣ. Я назвалъ его островомъ Торупъ. Берегъ былъ прекрасный, плоскій, старая же береговая линія усѣяна большими ракушками. Узкая полоса воды опоясывала берегъ, и въ ней виднѣлись на днѣ улитки и морскіе ежи, а кругомъ плавали мелкіе крабы. На утесахъ виднѣлись сотни маленькихъ пингвиновъ, а возлѣ насъ перелетали съ камня на камень, весело чирикая, подорожники. Вдругъ солнечный лучъ прорѣзалъ легкое облачное покрывало, и все озарилось свѣтомъ. Здѣсь была жизнь и свободная отъ льда земля, а уже не вѣчный пловучій ледъ! На днѣ моря, у самаго берега, я увидалъ цѣлые лѣса водорослей, Между скалъ виднѣлись снѣжныя поля, покрытыя красивымъ розовымъ снѣгомъ. На сѣверной сторонѣ острова на скалахъ мы наткнулись на цѣлыя сотни чаекъ, сидѣвшихъ со своими птенцами на выступахъ скалъ. Разумѣется, мы вскарабкались на верхъ, чтобы снять фотографію съ такой необыкновенной сцены семейной жизни..

Мы отправились въ путь, попробовавъ сначала плыть въ каякахъ, но скоро должны были отказаться отъ этого и вытащить сани на ледъ. Пока мы занимались этимъ, у края льда показались бородатые тюлени, высовывавшіе головы одинъ за другимъ и смотрѣвшіе на насъ удивленными глазами. Они забавлялись около насъ, то появляясь, то исчезая въ водѣ. Было бы очень легко убить одного изъ нихъ, но мы не нуждались въ пищѣ. Наконецъ, мы очутились у края льда. Передъ нами разстилалась голубая водная равнина насколько могло хватить глазомъ, и мы думали о томъ, что въ будущемъ намъ придется имѣть дѣло только съ водой.

Къ сѣверу находилась земля, *) черныя базальтовыя скалы которой круто спускались къ морю. Мы видѣли вдали голубоватый ледникъ; внутренность этой земли вся была покрыта ледникомъ. Между облаками и сушей виднѣлась красноватая полоса ночного неба, отражавшагося въ разныхъ мѣстахъ въ волнующемся морѣ. Мы гребли вдоль глетчера, покрывавшаго всю страну къ югу отъ насъ. Наше волненіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мысу, находящемуся на западѣ. Наша судьба должна была рѣшиться, доберемся ли мы еще въ этомъ году до родины или же будемъ вынуждены гдѣ нибудь зимовать здѣсь. Ноконецъ, мы достигли мыса, и наши сердца сильно забились отъ радости, когда мы увидали на западѣ много-много воды и нашли, что берегъ поворачиваетъ на юго-западъ. Мы замѣтили обнаженную гору, выступавшую на нѣкоторомъ разстояніи надъ глетчеромъ; это былъ высокій хребетъ, острый, какъ лезвіе ножа, и самый крутой и остроконечный, какой только мнѣ случалось видѣть; онъ состоялъ изъ колоннъ темнаго базальта. Мы вскарабкались на край гребня и осмотрѣли водный путь въ южномъ направленіи. Пока мы стояли тамъ, я услышалъ вдругъ за собою шумъ и, оглянувшись, увидалъ двухъ лисицъ, которыя сражались изъ за пингвина, только что пойманнаго ими. Онѣ царапались, кусались, на самомъ краю пропасти, какъ вдругъ увидали насъ, на разстояніи не болѣе десяти шаговъ. Онѣ тотчасъ же прекратили драку, удивленно посмотрѣли на насъ и начали бѣгать кругомъ, поглядывая на насъ то съ одной, то съ другой стороны. Надъ нами летали цѣлыя стаи пингвиновъ, издававшихъ пронзительные крики. Насколько мы могли видѣть, вдоль земли на западъ тянулось открытое море. Такъ какъ вѣтеръ былъ благопріятный, то мы рѣшили имъ воспользоваться и поплыть подъ парусами. Мы плыли такъ до утра, но когда вѣтеръ стихъ, то опять высадились на краю плотнаго льда и разбили палатку неподалеку отъ мыса Броггера.

Я радуюсь какъ ребенокъ при мысли, что мы, наконецъ, достигли западнаго берега земли Фринца-Іосифа, и передъ нами находится открытая вода.

Среда, 24-го августа. Препятствіямъ, должно быть, никогда конца не будетъ. Когда я брался за перо послѣдній разъ, я былъ преисполненъ надеждъ и бодрости. И вотъ бурная погода задерживаетъ насъ цѣлую недѣлю на льду, который плотно придвинулся къ берегу и сталъ всюду непроходимъ. Мы не видимъ ничего, кромѣ нагроможденныхъ хребтовъ и искрошеннаго льда. Бодрость еще осталась, но надежда—надежда на скорое возвращеніе домой, исчезла, и намъ приходится сознать, что предстоитъ провести длинную, темную зиму въ этихъ краяхъ.

---

*) Впослѣдствіи оказалось, что это была земля Кронпринца Рудольфа

Мы оставили свою послѣднюю стоянку въ полночь съ 17 на 18 августа, при чудной погодѣ; небо было облачное, и солнца не было видно, но на сѣверномъ горизонтѣ виднѣлось чудное красное сіяніе, окаймленное золотистыми облаками, и дремлющее море блестѣло и отливало всѣми цвѣтами. Чудная ночь. На гладкой, какъ зеркало, поверхности моря, на которой не было видно ни одной ледяной глыбы, насколько хватало глазомъ, наши каяки легко скользили, точно мы плыли на гондолѣ по Canale Grande въ Венеціи, и лучшаго мы не могли бы даже желать. Однако въ этомъ безмолвіи таилось что-то тревожное, и барометръ быстро падалъ. Мы старались плыть, какъ можно скорѣе, къ мысу на юго-западѣ, который я считалъ удаленнымъ отъ насъ на 22 километра и впослѣдствіи назвалъ мысомъ Клеменса Маркгема. Черезъ нѣсколько часовъ мы увидѣли ледъ, но, полагая что это только куски рыхлаго льда, занесеннаго теченіемъ, продолжали спокойно грести дальше. Но приблизившись, увидали, что ледъ довольно плотенъ и занимаетъ все большее и большее пространство, хотя изъ низенькихъ каяковъ трудно было разсмотрѣть, какъ далеко онъ простирается. Мы вскарабкались на высокій холмъ, чтобы разглядѣть дорогу. Но зрѣлище, представившееся намъ, было далеко не утѣшительно. На высотѣ мыса, къ которому мы направлялись, находилось множество маленькихъ острововъ и утесовъ, выдвигающихся на нѣкоторое разстояніе въ море. Они задерживали ледъ, лежавшій во всѣхъ направленіяхъ возлѣ нихъ и между ними. Около насъ ледъ былъ рыхлый, но дальше становился хуже, такъ что о путешествіи въ каякахъ и рѣчи не могло быть. Единственное, что намъ оставалось—это держаться берегового льда, въ надеждѣ, что случайно наткнемся на канаву, идущую вдоль берега, по которой можно было бы проплыть нѣкоторое разстояніе. На пути къ землѣ мы прошли мимо тюленя, лежащаго на льдинѣ, и такъ какъ наши запасы уже близились къ концу, то я попробовалъ было приблизиться къ нему на разстояніе выстрѣла, но онъ нырнулъ раньше и скрылся. Въ то время, какъ мы пробирались между мелкими кусками льда, мой каякъ вдругъ что-то сильно толкнуло снизу. Я оглянулся съ изумленіемъ и увидалъ позади себя громаднаго моржа, который вдругъ приподнялся и повернулся къ Іогансену, слѣдовавшему за мной. Опасаясь, что звѣрь вонзитъ свои страшные клыки въ его каякъ, Іогансенъ поспѣшно отплылъ назадъ и схватилъ ружье, лежавшее передъ нимъ. Я также не зѣвалъ и вытащилъ свое ружье изъ чехла. Но звѣрь, фыркая, погрузился въ воду, проплылъ подъ каякомъ Іогансена и вынырнулъ съ другой стороны. Іогансенъ рѣшилъ избавиться отъ такого сосѣдства и поспѣшно взобрался на ближайшую льдину. Я послѣдовалъ его примѣру, подождавъ нѣсколько времени съ ружьемъ на готовѣ, не покажется ли моржъ по близости. Я чуть-чуть не взялъ холодной ванны, такъ какъ ледъ подался, лишь только я поставилъ на него ногу, и каякъ поплылъ со мною вмѣстѣ. Я стоялъ на каякѣ и старался всячески

сохранять равновѣсіе и не опрокинуться, но еслибы моржъ явился какъ разъ въ эту минуту, то мнѣ пришлось бы принять его въ его собственной стихіи. Наконецъ, мнѣ удалось выбраться на ледъ. Еще долго плавалъ моржъ вокругъ нашей льдины, и мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы пообѣдать. Моржъ подплывалъ то къ моему каяку, то къ каяку Іогансена и, очевидно, очень желалъ напасть на насъ. Мы даже подумывали, не пустить ли въ него пулю, но пожалѣли заряда и притомъ звѣрь поворачивался къ намъ такъ, что трудно было бы убить его наповалъ. Это былъ большой моржъ, самецъ. Такія чудовища кажутся какими-то фантастическими существами. Моржъ исчезъ также неожиданно, какъ и появился, и такъ какъ мы уже кончили свой обѣдъ, то и могли снова пуститься въ путь, очень довольные тѣмъ, что во второй разъ избѣгли клыковъ моржа.

Канава, идущая вдоль берегового льда, представляла весьма мало утѣшительнаго, она сплошь была покрыта свѣже образованнымъ льдомъ, и подвигаться впередъ было нельзя. Кромѣ того, и вѣтеръ гналъ на насъ ледъ, и намъ ничего не оставалось, какъ ждать, пока не откроется проходъ. Мы вытащили спальный мѣшокъ, поставили палатку и улеглись. Однако ожиданія наши не оправдались. Вѣтеръ посвѣжѣлъ, ледъ сдвигался все больше и вскорѣ нигдѣ уже нельзя было различить открытаго пространства воды, и даже открытое море, по которому мы приплыли сюда, исчезло. Наши надежды еще въ этомъ году вернуться на родину разлетѣлись въ прахъ. Мы поняли вскорѣ, что намъ больше ничего не остается, какъ оттащить нашу поклажу дальше на ледъ и расположиться здѣсь. Тащить каяки чересъ неровной ледъ было безполезно. Мы прождали сутки, въ надеждѣ, что вѣтеръ перемѣнится, но онъ дулъ все также, и положеніе еще ухудшилось, потому что пошелъ сильный снѣгъ.

Когда Іогансенъ, стоя на краю льда, возился со своимъ каякомъ, онъ увидалъ тюленя, вынырнувшаго изъ воды. Іогансену показалось, что такого тюленя онъ еще не видалъ и онъ меня позвалъ, но въ ту же минуту на поверхности воды стали показываться, одна за другой, черныя головы тюленей, смотрѣвшихъ на насъ во всѣ глаза. Іогансенъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе; ему показалось, что тутъ что-то нечисто, но тюлени также безшумно исчезли, какъ и появились. Я утѣшилъ его, сказавъ, что это дѣйствительно такой видъ тюленя какой еще не попадался намъ, это были молодые гренландскіе тюлени (Phoca Groenlandica). Утромъ рано 21-го августа, когда я лежалъ и раздумывалъ о томъ, что будетъ съ нами, если ледъ не раскроется и у насъ не будетъ возможности пополнить наши запасы, я вдругъ услышалъ, что кто-то скребется и двигается у палатки. Выглянувъ изъ палатки, я увидѣлъ огромнаго медвѣдя. Онъ также увидалъ меня и тотчасъ же отбѣжалъ, но вскорѣ остановился и опять сталъ смотрѣть на палатку. Въ одинъ моментъ я схватилъ ружье, повѣшенное на стѣнкѣ, и пустилъ въ медвѣдя зарядъ, но хотя

онъ повалился, но оказался только раненъ, и мнѣ пришлось второй разъ выстрѣлить. Это былъ необыкновенно большой медвѣдь. На время мы были избавлены отъ всякихъ заботъ о пропитаніи, но вѣтеръ дуетъ все въ томъ же направленіи. Такъ какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, мы были слишкомъ мало защищены и притомъ находились въ непріятномъ сосѣдствѣ хребта, на который постоянно нагромождался ледъ, то мы и рѣшили перенести нашу стоянку нѣсколько дальше на береговой ледъ, гдѣ и находимся теперь. Вчера вечеромъ снова показался медвѣдь, но онъ не подходилъ такъ близко къ палаткѣ. Вчера мы совершили экскурсію внутрь страны, чтобы изслѣдовать, каково будетъ наше положеніе, въ случаѣ, если намъ придется здѣсь зимовать. Я надѣялся, что дальше встрѣчу болѣе плоскій ледъ, но ледъ становился все хуже, чѣмъ болѣе мы уходили внутрь страны, и у самаго мыса онъ былъ такъ нагроможденъ, что подойти близко было невозможно. Ледъ возвышался до самаго глетчера. Мы взобрались на него и посмотрѣли на проливъ къ сѣверу отъ мыса, и хотя ледъ былъ мѣстами болѣе уплощенный, но нигдѣ не видно было канавъ. Тутъ нигдѣ не было мѣста для постройки хижины, но на южной сторонѣ мыса было удобное мѣстечко, такъ какъ почва была довольно ровная, и, кромѣ того, можно было найти мохъ и камни, нужные для постройки. Но дальше у берега ледъ громоздился въ хаотическомъ безпорядкѣ. Нигдѣ однако не видно было канавъ во льду, гдѣ бы мы могли найти тюленей, такъ что наши надежды на дичь были очень плохи. Но мы утѣшали себя тѣмъ, что тутъ по всѣмъ направленіямъ виднѣлись медвѣжьи слѣды. На утесахъ находилось много гнѣздъ пингвиновъ, и, кромѣ того, мы видѣли лисицу. Скалы состояли изъ крупно-зернистаго базальта, но у самаго глетчера мы нашли холмъ изъ рыхлаго, частью вывѣтрившагося глинистаго сланца. Вездѣ по берегу глетчеръ былъ покрытъ краснымъ снѣгомъ, особенно красивымъ при солнечномъ освѣщеніи. Мы оба были того мнѣнія, что зимовка тутъ возможна, но думали всетаки, что попали на это мѣсто въ первый и послѣдній разъ, такъ какъ дорога сюда была настолько плоха, что мы рѣшительно не знали, какъ бы намъ удалось перетащить сюда сани и каяки. Сегодня, наконецъ, наступила перемѣна погоды, которую мы такъ жаждали. Южный вѣтеръ ночью стихъ, барометръ началъ подниматься, и вѣтеръ подулъ въ противоположномъ направленіи. Теперь весь вопросъ въ томъ, въ состояніи ли онъ будетъ разогнать ледъ?...

Въ моемъ дневникѣ наступаетъ большой перерывъ и только въ пятницу 6 декабря я написалъ: «Наконецъ, я долженъ пополнить пробѣлъ въ моемъ дневникѣ. Мнѣ приходилось заботиться о столькихъ вещахъ, что писать было некогда. Но теперь это не можетъ больше служить мнѣ оправданіемъ, такъ какъ мы цѣлые дни спимъ».

Записавъ въ своемъ дневникѣ 24 августа, я вышелъ, чтобъ поискать болѣе защищеннаго отъ вѣтра мѣста для палатки. Надѣ

ясь, что этотъ береговой вѣтеръ разгонитъ ледъ, я отправился прежде всего посмотрѣть, не видно ли какихъ нибудь признаковъ расхожденія льдинъ, но онѣ лежали такъ же, какъ прежде. Я нашелъ подходящее мѣсто для палатки, и мы уже собирались туда перебраться, какъ вдругъ ледъ треснулъ по направленію къ берегу, и образовалась широкая канава. Мы, конечно, желали, чтобы ледъ раскрылся, но никакъ не со стороны берега. Теперь намъ нужно было, во чтобы то ни стало, перебраться на береговой ледъ, чтобы насъ не отнесло въ море вмѣстѣ съ пловучимъ льдомъ. Но вѣтеръ усиливался, и было очень сомнительно, можемъ ли мы бороться съ нимъ даже на такомъ короткомъ разстояніи, какое представляла переправа черезъ канаву. Канава эта становилась все шире и шире. Мы всетаки должны были попробовать и поэтому отправились искать такого мѣста для переправы, гдѣ наши каяки были бы больше защищены отъ вѣтра. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что вода пѣнилась, и водяная пыль разлеталась по льду. Оставалось разбить палатку и ждать лучшихъ временъ. Но сколько мы ни искали, мы никакъ не могли найти достаточно защищенное мѣсто и удовольствовались, было, скудною зашитой, которую доставлялъ небольшой холмъ. Вѣтеръ такъ сильно началъ рвать палатку, что мы должны были ее спустить изъ осторожности, иначе она могла быть разорвана на куски. Мы могли всетаки спокойно спать въ своемъ мѣшкѣ, прикрытомъ сверху палаткой, хотя вѣтеръ и продолжалъ яростно завывать. Спустя нѣкоторое время, я замѣтилъ, что вѣтеръ значительно стихъ, такъ что уже можно было поднять палатку. Я вылѣзъ, чтобы посмотрѣть, какова погода, и не скажу, чтобъ былъ пріятно удивленъ, замѣтивъ, что насъ уже далеко отнесло въ море. Мы, должно быть, удалились уже на 8 или 10 километровъ отъ земли, и между нами и ею находилось открытое море. Земля виднѣлась теперь далеко на горизонтѣ и казалась совсѣмъ низкой. Между тѣмъ, погода значительно исправилась, и мы рѣшили пуститься на каякахъ. Но это было не легко, вѣтеръ все еще былъ довольно силенъ, море волновалось. Кромѣ того, кругомъ плавали отдѣльныя льдины, постоянно находившіяся въ движеніи, и мы должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы каяки не попали между ними. Наконецъ, намъ удалось выбраться на открытую воду, но тутъ пришлось убѣдиться въ нашемъ безсиліи бороться съ вѣтромъ и волнами. Намъ оставалось попробовать идти подъ парусомъ, что мы и сдѣлали, и къ нашей великой радости скоро убѣдились, что отлично подвигаемся впередъ, связавъ каяки вмѣстѣ и поставивъ парусъ. Наконецъ мы могли распрощаться съ плавучими льдами, гдѣ принуждены были отказаться отъ надежды въ этомъ году вернуться на родину. Вѣтеръ то утихалъ, то снова усиливался и мы неслись, разбрызгивая пѣну. Вода начала заливать каякъ, и мачта сильно гнулась, когда мы распустили двойной парусъ; въ концѣ концовъ, пришлось спустить его. Мы проплыли весь день и

наконецъ обогнули мысъ. Хотя вѣтеръ улегся, но мы опять распустили двойной парусъ и рѣшили плыть всю ночь вдоль берега, чтобы воспользоваться вѣтромъ, насколько можно. Миновали низкій мысъ, покрытый отлого спускающимся глетчеромъ. Кругомъ лежали острова, которые, какъ мы думали, должны были задерживать ледъ. Дальше проплыли мимо базальтоваго утеса, и такъ какъ вѣтеръ стихъ, и стало пасмурно, то мы рѣшили остановиться, потому что справа и слѣва видѣли землю и острова и не знали, въ какомъ направленіи плыть. Мы вытащили каяки на берегъ и сварили себѣ прекрасное горячее кушанье, показавшееся намъ особенно вкуснымъ послѣ съ пользою проведеннаго дня. Надъ нашими головами, на утесѣ, раздавалось щебетанье птицъ, но это намъ не мѣшало спать. Это была прекрасная гора, состоявшая изъ чудныхъ базальтовыхъ колоннъ со сводами и зубцами, напоминающими Миланскій соборъ. Когда мы встали на другой день, то погода настолько прояснилась, что мы могли лучше разглядѣть путь, по которому должны были отправиться. Казалось, будто къ востоку тянется глубокій фіордъ или зундъ, и мы могли также различить въ туманномъ воздухѣ нѣсколько островов. Такъ какъ за ночь скопилось довольно много льда, то мы думали, что придется порядочно потрудиться, прежде чѣмъ достигнемъ открытой воды. Но вышло лучше, чѣмъ мы ожидали. Впереди насъ находилась теперь открытая вода, и, повидимому, все сулило успѣхъ. Мы остановились у маленькаго скалистаго островка, имѣвшаго видъ большого камня, выдвигающагося изъ моря, и тамъ подняли мачту и парусъ. Но намъ не удалось плыть подъ парусами: вѣтеръ былъ слишкомъ слабъ, и мы снова взялись за весла. Скоро, однако, вѣтеръ опять усилился, небо заволокло и казалось надо ждать бури, а, между тѣмъ, мы были удалены еще на много миль отъ земли. Покрытая сверху до низу глетчеромъ, земля эта не была особенно заманчива, и лишь въ одномъ мѣстѣ торчалъ небольшой утесъ, о который разбивались волны. Низкій край берегового льда не могъ служить намъ хорошимъ убѣжищемъ, между тѣмъ, перспектива снова быть запертыми въ пловучихъ льдахъ вовсе не улыбалась; съ насъ было довольно, поэтому мы и направились къ землѣ, лежавшей позади насъ на нѣкоторомъ разстояніи и казавшейся вполнѣ привлекательной. Еслибы пришлось плохо, мы, пожалуй, могли бы тамъ найти хорошее мѣсто для зимовки. Не успѣлъ я ступить на эту землю, какъ увидѣлъ медвѣдя. Мы стали вытаскивать наши каяки, медвѣдь же направился къ намъ, обнюхивая наши слѣды на снѣгу. Іогансенъ выстрѣлилъ въ него, спрятавшись за каякомъ. Медвѣдь зарычалъ и хотѣлъ бѣжать, но задняя часть тѣла оказалась парализованной, такъ какъ пуля попала въ позвоночникъ, и медвѣдь могъ только вертѣться на одномъ мѣстѣ. Онъ присѣлъ въ отчаяніи на снѣгъ и началъ кусать и рвать свои заднія лапы, какъ будто въ наказаніе

за то, что онѣ не исполняютъ своего долга. Новая пуля положила конецъ его страданіямъ.

Содравъ шкуру съ убитаго звѣря, мы отправились внутрь страны, чтобы осмотрѣть наши владѣнія, и были не мало удивлены, замѣтивъ по близости того мѣста, гдѣ убили медвѣдя, двухъ моржей, спокойно лежавшихъ на льду. Дальше въ морѣ мы также увидѣли моржа, который выставилъ голову изъ воды и съ такою силою втягивалъ въ себя воздухъ, что было слышно на далекомъ разстояніи. Голова моржа, поднимающаяся надъ водой, не представляетъ ничего красиваго. Со своими чудовищными клыками, щетинистыми усами и неуклюжимъ туловищемъ, моржъ представляется какимъ-то сказочнымъ существомъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ старыя времена звѣрь этотъ далъ поводъ къ разсказамъ о необыкновенныхъ чудовищахъ, будто бы населявшихъ эти воды.

Насмотрѣвшись на моржей, мы отправились назадъ и приготовили себѣ превосходный обѣдъ изъ только что убитаго медвѣдя, а затѣмъ улеглись спать подъ палаткой. На берегу чайки, собравшись стаями, страшно шумѣли, затѣявъ споръ изъ за внутренностей медвѣдя; воздухъ наполнялся ихъ рѣзкими криками,—причудливая природа наградила этихъ красивыхъ птицъ отвратительнымъ голосомъ. Въ морѣ лаяли и пыхтѣли моржи безпрерывно, но два утомленныхъ воина не обращали никакого вниманія на весь этотъ шумъ, они спали крѣпко, хотя ложемъ имъ служила голая земля. Ночью, однако, мы были разбужены странными звуками, какъ будто кто-то страдальчески стоналъ и плакалъ. Я всталъ и посмотрѣлъ въ сторожевое отверстіе въ стѣнкѣ палатки; возлѣ медвѣжьей туши стояли медвѣдица и медвѣжонокъ и обнюхивали кровавые слѣды, причемъ медвѣдица выла, словно горюя о дорогомъ покойникѣ. Не теряя времени, я схватилъ ружье и только что осторожно просунулъ его въ отверстіе, какъ медвѣдица увидѣла меня и бросилась бѣжать, медвѣжонокъ потрусилъ за ней. Я предоставилъ имъ бѣжать и, вернувшись на свое мѣсто, снова заснулъ.

Буря, которой мы боялись, не разыгралась, но вѣтеръ былъ достаточно силенъ и рвалъ нашу износившуюся палатку. Мы надѣялись на слѣдующее утро продолжать свое путешествіе, но, къ нашему великому разочарованію, дорога оказалась закрытой, вѣтеръ снова нагналъ ледъ, и мы пока должны были оставаться тамъ, гдѣ находились. Но, въ такомъ случаѣ, намъ нужно было устроиться поудобнѣе и прежде всего позаботиться о томъ, чтобы найти хорошо защищенное мѣсто для палатки. Однако такого мѣста не нашлось. Мы натащили камней изъ подъ утеса и наложили ихъ другъ на дружку. Единственное орудіе, служившее намъ для разбиванія камня, былъ кусокъ полозьевъ отъ саней, но всего больше приходилось работать голыми руками. Мы проработали всю ночь надъ этимъ. То, что въ началѣ предназначалось лишь служить

защитой отъ вѣтра, мало по малу превратилось въ маленькою хижину съ четырмя стѣнами. Положимъ, хижина эта была не Богъ вѣсть какая и даже такъ мала, что я со своимъ шестифутовымъ ростомъ не могъ въ ней растянуться и долженъ былъ высовывать ноги изъ дверей наружу, но она была достаточно широка; мы могли въ ней лежать рядомъ, и у насъ еще оставалось мѣсто для кухоннаго аппарата. Но всего хуже было то, что она была недостаточно высока: не только стоять, но даже сидѣть въ ней сколько нибудь удобно я не могъ. Крышу мы сдѣлали изъ нашей тонкой непрочной шолковой палатки, которую растянули поверхъ лыжъ и бамбуковыхъ палокъ. Двери мы закрыли нашими куртками; стѣны же хижины были настолько сквозныя, что со всѣхъ сторонъ въ нее проникалъ дневной свѣтъ. Потомъ мы назвали ее своей берлогой, и дѣйствительно это была ужасная берлога, но мы гордились издѣліемъ своихъ рукъ. Во всякомъ случаѣ, вѣтеръ не могъ снести нашу хижину, хотя и дулъ сквозь нее. Но когда мы разослали на землю медвѣжью шкуру и улеглись на ней въ своемъ мѣшкѣ удобно и тепло, и рядомъ на лампѣ, гдѣ горѣла ворвань, поставили горшокъ съ мясомъ, то жизнь намъ показалась пріятной, не смотря на то, что хижина вскорѣ наполнилась дымомъ, отъ котораго наши глза покраснѣли, и по щекамъ потекли слезы. Такъ какъ и на другой день (28 августа) оказалось невозможно продолжать путешествіе, а между тѣмъ приближалась осень, то я и рѣшилъ перезимовать тамъ, гдѣ мы были. Безъ сомнѣнья, всего благоразумнѣе было оставаться здѣсь и тотчасъ же приняться за приготовленія къ зимѣ, пока еще есть возможность достать дичь. Я бы съ удовольствіемъ теперь застрѣлилъ тѣхъ моржей, которыхъ мы видѣли въ первый день лежащими на льду, но, конечно, ихъ уже нѣтъ. Однако море ими переполнено; они лаяли и сопѣли день и ночь. Приготовляясь къ встрѣчѣ съ моржами, мы разгрузили свои каяки, чтобы легче маневрировать съ ними во время несовсѣмъ безопасной охоты. Пока мы занимались этимъ дѣломъ, Іогансенъ увидѣлъ двухъ медвѣдей, и мы тотчасъ схватили ружья и пошли къ нимъ на встрѣчу. Іогансенъ выстрѣлилъ сначала въ медвѣдицу, она свалилась; медвѣжонокъ же, не понимая, что случилось съ его матерью, бѣгалъ вокругъ нея и обнюхивалъ ее. Но второй выстрѣливъ убилъ и его. Это было хорошее начало для зимнихъ запасовъ. Возвращаясь въ хижину за ножами, чтобы разрѣзать медвѣдей, я услыхалъ надъ головой крики. Сомнѣнія не могло быть, это были два гуся, улетавшіе къ югу! Съ какою тоской глядѣлъ я имъ вслѣдъ, пока они не исчезли, и съ какою радостью я послѣдовалъ бы за ними въ ту сторону, куда они летѣли!

Кромѣ накопленія на зиму запасовъ и горючаго матеріала, мы должны были непремѣнно выстроить себѣ настоящую хижину. Вывести стѣны было нетрудно, камней и моху было вдоволь. Зато труднѣе было выстроить крышу, и мы не могли никакъ выдумать,

изъ чего бы намъ ее сдѣлать. По счастью, мнѣ удалось найти выброшенный на берегъ, недалеко отъ нашей берлоги, хорошій кусокъ сосноваго дерева, который можетъ намъ пригодиться для крыши, и такъ какъ мы могли надѣяться, что найдемъ и другіе куски, то и отправились вдоль берега искать ихъ, но нашли только короткое сгнившее бревно, уже никуда не годное, и нѣсколько щепокъ. Тогда у меня явилась мысль употребить моржевую шкуру для постройки крыши. На слѣдующій день (29-го августа) мы рѣшили испытать счастье на охотѣ за моржами. У насъ не было особеннаго желанія выѣзжать отдѣльно въ каякѣ на охоту, и перспектива быть перевернутымъ или получить ударъ клыка въ дно каяка или бедро была не особенно заманчива. Поэтому мы связали вмѣстѣ каяки и отправились къ большому моржу, который лежалъ на поверхности воды. Мы хорошо были вооружены ружьями и гарпунами и думали, что дѣло будетъ просто. Мы безъ труда приблизились на разстояніе выстрѣла и всадили пулю въ голову звѣря. Моржъ какъ будто былъ ошеломленъ, и мы стали грести по направленію къ нему, какъ вдругъ онъ началъ яростно кружиться и бить воду. Я крикнулъ, что надо скорѣе грести назадъ, но было уже поздно—моржъ подплылъ подъ каякъ, и мы получили нѣсколько сильныхъ толчковъ снизу, пока онъ не погрузился. Однако, онъ опять вынырнулъ, и послышалось его громкое дыханіе, причемъ кровь лилась у него струей изо рта и носа и окрасила воду кругомъ. Моржъ нѣсколько разъ то погружался, то появлялся вновь на поверхности воды, и всякій разъ мы пускали въ него пулю, но моржъ обращалъ къ намъ только морду, и мы не могли убить его наповалъ, такъ какъ для этого нужно было бы цѣлиться за ухо. Во время одного изъ такихъ маневровъ я хотѣлъ второпяхъ засунуть ружье въ футляръ и нечаянно задѣлъ курокъ. Раздался выстрѣлъ. Я не мало испугался, думая, что пуля пробила дно, и со страхомъ пощупалъ свои ноги. Но вода не вливалась въ каякъ, и я успокоился; пуля пробила дыру повыше ватерлиніи. Моржъ, однако, чуть чуть повернулъ голову, и мы тотчасъ же всадили ему двѣ пули за ухо. Теперь онъ лежалъ спокойно, и мы стали грести поближе, чтобъ бросить гарпунъ, но прежде, чѣмъ мы успѣли приблизиться, онъ исчезъ въ водѣ. Это былъ печальный конецъ охоты; всѣ девять зарядовъ пропали даромъ, и мы молча повернули назадъ, чувствуя изрядное уныніе. Въ этотъ день мы уже больше не предпринимали охоты на моржей въ каякахъ, однако увидѣли вдругъ, что одинъ моржъ взобрался на береговой ледъ, недалеко отъ насъ, и скоро за нимъ послѣдовалъ другой. Сначала они страшно шумѣли и возились, но потомъ улеглись на солнцѣ и заснули. Тогда мы тихонько подкрались къ нимъ; я впереди, Іогансенъ за мной. Звѣри лежали безъ движенія, и такъ какъ одинъ изъ нихъ лежалъ въ болѣе удобномъ положеніи для выстрѣла, то я и всадилъ въ него пулю. Животное было убито наповалъ. Въ тотъ же моментъ Іогансенъ выстрѣлилъ въ другого моржа,

но только ранилъ его. Я также выстрѣлилъ въ него, но, подобно Іогансену, угодилъ въ переднюю часть головы. У моржа кровь хлынула изъ ноздрей и пасти, и онъ такъ захрипѣлъ, что воздухъ задрожалъ. Опираясь на свои чудовищные клыки, онъ лежалъ теперь спокойно и совершенно равнодушно, въ то время какъ кровь лилась ручьемъ. Не смотря на его громадное туловище и чудовищный видъ, въ его круглымъ глазахъ виднѣлась такая мольба и безпомощность, что невольно чувствовалось состраданіе къ нему и забывались при этомъ и его чудовищная наружность, и собственная нужда. Это было похоже на убійство. Я положилъ конецъ его страданіямъ, всадивъ ему пулю за ухо, но еще и теперь преслѣдуетъ меня взглядъ этого умирающаго моржа, и мнѣ чудится въ немъ мольба о помилованіи всей безпомощной расы моржей. Но участь этой расы рѣшена, такъ какъ ее преслѣдуетъ человѣкъ. Мы не можемъ, однако, отрицать, что чувствовали радость при мысли о томъ количествѣ мяса и ворвани, которое добыли сразу, и это вознагрждало насъ за истраченные даромъ заряды. Теперь надо было содрать шкуру съ моржей, раздѣлить ихъ на куски и перетащить къ мѣсту стоянки, а это было не легко. Первымъ долгомъ мы отправились за санями и ножами, но могло случиться, что ледъ оторвется отъ земли, а потому, изъ предосторожности, мы взяли вмѣстѣ съ санями и каяки. Еслибъ мы этого не сдѣлали, то трудно сказать, какая бы судьба насъ постигла. Пока мы сдирали съ моржей шкуру, вѣтеръ усилился и превратился въ настоящую бурю. Моржи лежали недалеко отъ узкой канавы, находившейся со стороны берега, и во время работы я поглядывалъ на эту канаву, чтобы видѣть, не расширяется ли она. Когда съ перваго моржа была содрана шкура, я случайно взглянулъ на берегъ черезъ ледъ и вдругъ увидалъ, что ледъ треснулъ на значительномъ разстояніи отъ насъ, и тотъ кусокъ, на которомъ мы находились, давно уже уноситъ теченіемъ. Между нами и береговымъ льдомъ была темная вода, и вѣтеръ дулъ такъ сильно, что далеко разбрызгивалъ пѣну волнъ. Терять время было нельзя; было сомнительно, въ состояніи ли мы будемъ грести противъ вѣтра и волнъ, если насъ отнесетъ еще дальше. Мы не хотѣли, однако, оставить свою добычу и поэтому нарѣзали мяса столько, сколько могли, и бросили его въ каякъ. Затѣмъ, отрѣзали часть шкуры вмѣстѣ съ жиромъ и, бросивъ ее сверху каяка, отправились къ берегу. Едва мы отошли, какъ цѣлыя стаи чаекъ бросились на полуободранные трупы моржей. Счастливыя созданія! Имъ нипочемъ вѣтеръ и волны; онѣ кричали и шумѣли, заботясь только о лакомомъ кускѣ, который лежалъ передъ ними. Пока льдина, на которой лежали моржи, не скрылась изъ глазъ, мы видѣли, какъ птицы все большими и большими стаями слетались туда. Мы напрягали всѣ силы, чтобы поскорѣй добраться до плотнаго льда. Мы хотѣли пробраться по льдинамъ, но онѣ проваливались подъ нашими ногами, и оставалось толькоплыть по водѣ,

придерживаясь подвѣтренной стороны льда. Отъѣхавъ недалеко, мы убѣдились, что нѣтъ смысла связывать наши каяки при такомъ вѣтрѣ. Пришлось развязать ихъ и грести каждому отдѣльно, а также пожертвовать кускомъ моржевой кожи съ жиромъ, такъ какъ мы не могли ее взять съ собою. Пока мы съ этимъ возились, ледъ скопился около насъ, и мы должны были поскорѣе вытащить каяки на льдину, иначе они могли быть раздавлены. Мы пытались спустить каяки въ разныхъ мѣстахъ, но вездѣ ледъ находился въ движеніи, вертясь точно въ водоворотѣ. Чуть открывался проходъ, и мы спускали каяки на воду, какъ тотчасъ же снова приходилось ихъ вытаскивать, чтобы ихъ не раздавило льдами, которые съ силою сдвигались, запирая проходъ. Нѣсколько разъ мы были на волоскѣ отъ гибели. Между тѣмъ, буря все усиливалась, водяная пѣна окачивала насъ съ головы до ногъ, и насъ относило все дальше въ море. Положеніе было не изъ пріятныхъ. Но, наконецъ, мы освободились изъ льдовъ и къ великой нашей радости замѣтили, что, употребляя всѣ наши силы, мы можемъ всетаки подвигать наши каяки противъ вѣтра. Грести, однако, было очень трудно, и у насъ руки болѣли, но мы всетаки медленно приближались къ землѣ. Море было бурное, но каяки наши были прекрасными морскими судами; даже мой каякъ, съ пробитой пулей дырой, держался на водѣ такъ хорошо, что я почти оставался сухимъ. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, мы достигли берега и могли вздохнуть спокойно. Съ истиннымъ облегченіемъ взобрались мы къ вечеру на берегъ. Какъ мы несказанно были счастливы, когда, наконецъ, очутились въ четырехъ стѣнахъ нашей низенькой берлоги и снова удобно разлеглись, хотя и вымокли насквозь. Мы сварили себѣ цѣлый горшокъ мяса, чувствуя по истинѣ волчій голодъ, и съ грустью вспоминали о потерянныхъ моржахъ, плывущихъ въ бурю на льдинѣ, но радовались, что не находимся въ ихъ обществѣ.

Я проспалъ недолго; меня разбудилъ Іогансенъ извѣстіемъ, что по близости находится медвѣдь. Въ просонкахъ я слышалъ странное глухое ворчаніе у дверей. Я вскочилъ, схватилъ ружье и вылѣзъ. Медвѣдица съ двумя медвѣжатами только что прошла мимо нашихъ дверей. Я прицѣлился въ нее, но промахнулся впопыхахъ. Второй выстрѣлъ былъ удачнѣе; медвѣдица страшно завыла и бросилась бѣжать внизъ по берегу. Тамъ она свалилась въ полынью, изъ которой всячески старалась выкарабкаться. Я подождалъ, пока она доберется до края полыньи, чтобы потомъ не нужно было ее вытаскивать, и тогда положилъ конецъ ея существованію. Между тѣмъ, оба медвѣженка вскарабкались на льдину, гдѣ они едва могли помѣститься. Льдина качалась, они то и дѣло скатывались въ воду и снова взбирались на льдину. Они жалобно выли, поглядывая на землю, и не понимая, вѣроятно, отчего такъ долго не идетъ мать. Но вѣтеръ крѣпчалъ, ихъ быстро относило теченіемъ въ море, и вскорѣ можно было разглядѣть только двѣ бѣлыя точки на темной

поверхности воды. Такъ какъ мы уже давно чувствовали себя утомленными, то и отправились къ своимъ каякамъ. Но тамъ нашимъ взорамъ представилось печальное зрѣлище. Все мясо моржей, съ такимъ трудомъ привезенное на землю, было разбросано по берегу, искромсано и наполовину съѣдено. Весь жиръ былъ тщательно выѣденъ. Медвѣди таки изрядно похозяйничали здѣсь, пока мы спали. Одинъ каякъ, въ которомъ было мясо, наполовину находился въ водѣ, другой же былъ брошенъ на землю. Медвѣди вытащили изъ него все мясо, но, къ счастью, его не повредили; мы могли простить имъ это, замѣнивъ съ выгодою моржевое мясо медвѣжьимъ. Затѣмъ мы спустили каяки и отправились за медвѣжатами. Какъ только они насъ увидали, то спрыгнули въ воду и поплыли, мы же объѣхали кругомъ и стали гнать ихъ къ берегу. Мы плыли медленно и безъ особенныхъ усилій подвигались къ землѣ. По близости мы видѣли моржей, но, по счастью, избѣгли ихъ нападенія. Пригнавъ на берегъ медвѣдей къ нашей берлогѣ, мы ихъ разстрѣляли.

Такимъ образомъ, мы убили трехъ медвѣдей въ одинъ день и это было хорошей замѣной моржей, которыхъ унесло въ море. Но кромѣ того намъ даже посчастливилось увидѣть убитаго нами наканунѣ моржа, который плавалъ у края берегового льда. Не теряя времени, мы пригнали его въ безопасное мѣсто и тамъ привязали. Это очень увеличило наши зимніе запасы. Была уже поздняя ночь, когда мы улеглись, содравъ шкуру съ медвѣдей и сложивъ ихъ въ кучу, прикрыли шкурой, чтобы чайки не растащили мяса.

Только 2-го сентября могли мы приняться за дѣло и содрать шкуру съ нашего моржа, который все еще лежалъ на водѣ. Какъ разъ у нашей берлоги былъ проходъ, соединявшій внутренній каналъ, лежащій между берегомъ и землей, съ моремъ. Въ этомъ проходѣ мы прикрѣпили моржа, надѣясь, что отсюда можно будетъ втащить его на на землю. Но сколько мы ни старались, мы могли только вытащить край льда громадную голову моржа. Въ самый разгаръ этой работы Іогансенъ вдругъ закричалъ: «Стойте, посмотрите туда!» Я обернулся. Громадный моржъ плылъ въ проходѣ прямо на насъ. Повидимому, онъ нисколько не торопился, но съ изумленіемъ смотрѣлъ на насъ во всѣ глаза. Медленно, спокойно и съ большимъ достоинствомъ подплылъ онъ къ самому краю льда, на которомъ мы стояли. Когда я приблизился къ моржу съ ружьемъ въ рукахъ, онъ поднялся и посмотрѣлъ на меня испытующимъ взоромъ. Я пустилъ въ него пулю, но только ранилъ его, и пока Іогансенъ бѣгалъ за ружьемъ и гарпуномъ, мнѣ пришлось съ нимъ бороться и палкой удерживать, чтобы онъ снова не соскользнулъ въ проходъ. Іогансенъ, наконецъ, вернулся, и моржъ былъ убитъ. Теперь наши запасы пополнились двумя моржами, съ чудовищными клыками. Мы еще разъ попытались вытащить ихъ на берегъ, но безуспѣшно. Тогда, наконецъ, мы поняли, что можемъ содрать съ нихъ шкуру только въ водѣ. Эта работа была и нелегка и непріятна, приходилось

лежать въ водѣ на моржахъ и такъ глубоко рѣзать, какъ только возможно подъ водой. Мы уже свыклись съ тѣмъ, что приходилось мокнуть; но гораздо хуже было то, что мы съ головы до ногъ перепачкались жиромъ, ворванью и кровью. Нашей бѣдной одеждѣ, которую нужно было проносить еще годъ, пришлось очень плохо въ этотъ день; она пропиталась жиромъ до самаго тѣла. Эта возня съ моржами, безъ сомнѣнія, была самою непріятною работой во все время экспедиціи. Но намъ нуженъ былъ горючій матеріалъ на зиму, хотя безъ мяса мы и могли бы обойтись.

Чайки вели роскошную жизнь во все это время, такъ какъ имъ предоставлена была масса отбросовъ, жиру и внутренностей животныхъ. Птицы собирались цѣлыми стаями и поднимали страшный крикъ днемъ и ночью. Тутъ были шумъ и жизнь со всѣхъ сторонъ. Но скоро уже солнце должно закатиться, море закроется льдами, и птицы одна за другой улетятъ на югъ; начнется полярная ночь, и такъ станетъ тихо, тихо кругомъ!

Мы съ удовольствіехъ принялись, наконецъ, за постройку хижины; выбрали для нея хорошее мѣстечко по сосѣдству и ежедневно отправлялись туда, какъ настоящіе работники, неся въ одной рукѣ ведерко съ водой, а въ другой ружье. Мы выламывали кимни, какъ могли, перетаскивали ихъ на одно мѣсто, подымали почву и воздвигали стѣны. Орудій у насъ было мало, и больше всего приходилось пользоваться собственными руками. Санныя полозья замѣняли намъ ломъ, которымъ мы выворачивали промерзшіе каменья; если не удавалось руками взрыть землю, то мы употребляли для этой цѣли палки съ желѣзными наконечниками, служившія для ходьбы на лыжахъ. Мы сдѣлали себѣ заступъ изъ лопатки моржа, привязанной къ сломанной перекладинѣ саней, и мотыку изъ моржеваго клыка. Конечно, это были довольно хрупкія орудія, но при терпѣніи можно было съ ними работать и мало по малу воздвигались прочныя стѣны изъ камня и моха. Погода становилась все холоднѣе, и это не мало затрудняло нашу работу, такъ какъ почва становилась все тверже, и камни замерзали сильнѣе; потомъ пошелъ снѣгъ.

Но велико было наше изумленіе, когда утромъ 12-го сентября мы вылѣзли изъ своей берлоги: наступила оттепель, и термометръ показывалъ 4° С. тепла. Это была самая высокая температура, какую только мы наблюдали за все время нашей экспедиціи. Со всѣхъ сторонъ неслись пѣнящіеся потоки съ горъ и глетчеровъ, и весело журча струились между камнями. Вездѣ капала и шумѣла вода и точно по мановенію волшебнаго жезла жизнь снова вернулась въ оцѣпенѣлую природу, и холмы вездѣ зазеленѣли. Можно было подумать, что мы переселились на далекій югъ, и забыть, что у дверей стоитъ долгая, долгая зима. На слѣдующій день все опять измѣнилось. Духи тепла, напрягшіе вчера свои послѣднія силы, отлетѣли, холодъ опять вернулся, пошелъ снѣгъ и все покрылъ—зима вступала въ свои права. Даже небольшія полоски земли, еще оставав-

шіяся открытыми, очутились уже во власти духовъ тьмы и холода. Я глядѣлъ на окружающую природу; какой она представлялась мнѣ пустынной и заброшенной въ своихъ волшебныхъ оковахъ! Я взглянулъ на землю у себя подъ ногами. Тамъ внизу, между камнями, макъ еще высовывалъ свои красивые цвѣты изъ подъ снѣга; послѣдніе лучи исчезающаго солнца въ послѣдній разъ ласкали его желтые лепестки; теперь макъ можетъ спрятать свои цвѣты и погрузиться въ зимній сонъ, чтобы весною проснуться для новой жизни! О, еслибъ это можно было и намъ!

Послѣ недѣльной работы стѣны нашей хижины были закончены; они возвышались всего лишь на одинъ метръ отъ земли, но мы вырыли на столько же въ глубину и полагали, что она будетъ достаточно высока, и можно будетъ стоять въ ней во весь ростъ. Теперь нужно было соорудить крышу, что было не легко. Единственнымъ матеріаломъ для этого у насъ были моржевыя шкуры и найденный кусокъ дерева. Этотъ кусокъ, имѣвшій въ толщину 30 сантиметровъ, послѣ цѣлаго дня работы, былъ, наконецъ, разрубленъ Іогансеномъ пополамъ нашимъ маленькимъ топоромъ. Съ неменьшимъ трудомъ втащили мы его на верхъ и положили поперегъ. Затѣмъ мы отправились за моржевыми шкурами, но онѣ оказались совершенно закоченѣлыми и примерзшими къ кучамъ мяса и сала, лежавшимъ подъ ними. Съ большимъ трудомъ удалось намъ освободить ихъ при помощи моржевыхъ клыковъ и камней. Не легкою задачей было также перенесеніе этихъ огромныхъ шкуръ къ хижинѣ, но всего труднѣе было растянуть ихъ, и намъ пришлось, чтобы согнуть замерзшую шкуру, поискать отверстія во льду и опустить ее въ море, чтобы она тамъ нѣсколько оттаяла. Меня, однако, безпокоило, что мы такъ давно не видѣли и признаковъ медвѣдей. Мы разсчитывали именно на нихъ, чтобы прокормиться зимой. Поэтому я очень обрадовался, когда утромъ (23-го сентября) опять увидѣлъ медвѣдя. Онъ меня не видалъ, и я поспѣшно отошелъ назадъ, пропустивъ впередъ Іогансена, у котораго было ружье, и самъ побѣжалъ за своимъ ружьемъ. Когда я вернулся, то увидѣлъ двухъ медвѣдей, одного возлѣ хижины, другого на берегу. Одинъ изъ нихъ занимался обгладываніемъ моржовыхъ шкуръ, предназначенныхъ для крыши; онъ сорвалъ ихъ и такъ согнулъ, что намъ пришлось ихъ потомъ размачивать въ морѣ. Но благодаря этимъ медвѣдямъ наши зимніе запасы очень увеличились. На другой день (24-го сентября) мы увидѣли большое стадо моржей на льду. Мы направились къ нимъ съ ружьями въ рукахъ и, чтобы не тратить зарядовъ, рѣшили прежде намѣтить жертву и убить ее наповалъ. Послѣ перваго выстрѣла поднялась невообразимая суматоха; все стадо бросилось въ воду. Мы убили двухъ: стараго и молодого, большинство другихъ нырнуло въ воду, но одинъ продолжалъ спокойно лежать и съ любопытствомъ поглядывалъ то на насъ, то на своихъ убитыхъ собратьевъ. Мы не знали, что намъ съ нимъ дѣлать, и думали, что съ насъ уже доста-

точно возни съ двумя убитыми моржами, но въ то же время очень соблазнительно было покончить съ этимъ огромнымъ чудовищемъ, пока оно было недалеко отъ насъ. Пока Іогансенъ въ него прицѣливался, я успѣлъ снять съ него фотографію. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, мы отпустили моржа, не желая тратить на него заряды. Между тѣмъ, все стадо волновалось и оглашало возхухъ своимъ рычаньемъ. Особенно разсвирѣпѣлъ одинъ старый моржъ, который, повидимому, очень хотѣлъ напасть на насъ и нѣсколько разъ возвращался къ краю льда. Наконецъ, все стадо удалилось, и мы принялись спокойно сдирать шкуру съ убитыхъ. Теперь намъ, вѣроятно, хватитъ и топлива на всю зиму, и шкуръ для покрышки хижины. Моржи еще нѣкоторое время держались по близости, и мы время отъ времени слышали сильные удары, наносимые въ ледъ снизу; ледъ съ трескомъ раскалывался, и въ отверстіе показывалась громадная голова. Звѣрь издавалъ ревъ съ вызывающимъ видомъ и затѣмъ исчезалъ опять. 25-го сентября, въ то время, какъ мы вытягивали изъ отверстія моржевыя шкуры, послышался трескъ окружающаго льда, и показалась голова моржа, но быстро опять исчезла. «Смотрите, онъ навѣрное покажется и въ этомъ отверстіи»,—эти слова были едва произнесены, какъ уже моржевая кожа въ отверстіи была сдвинута въ сторону, и показалась огромная голова со щетинистыми усами и двумя чудовищными клыками. Моржъ злобно поглядѣлъ на насъ, затѣмъ раздался сильный всплескъ, и моржъ исчезъ.

Моржовыя шкуры настолько размокли въ водѣ, что уже можно было растянуть ихъ на крышѣ. Онѣ были такъ велики, что покрывали всю крышу; мы укрѣпили ихъ, наваливъ на нихъ камни по краямъ стѣнъ. При помощи камней, мха, полосъ кожи и снѣга, который долженъ былъ служить внѣшнимъ покровомъ, мы еще больше уплотнили стѣны. Но чтобы сдѣлать хижину обитаемой, надо было внутри построить каменныя стѣнки и соорудить дверь. Эта послѣдняя состояла изъ отверстія въ одномъ углу стѣны, которое вело въ узкій проходъ, вырытый въ землѣ и прикрытый снаружи глыбами льда, вродѣ того какъ это дѣлаютъ эскимосы. Внутренній входъ мы завѣсили медвѣжьей шкурой, которую пришили къ моржовой крышѣ, наружное же отверстіе было также прикрыто медвѣжьей шкурой, висѣвшей свободно. Становилось холодно, ниже—20°C, и жизнь въ нашей низенькой берлогѣ, гдѣ мы даже не могли пошевельнуться, дѣлалась все болѣе и болѣе невыносимой; кромѣ того, дымъ отъ нашей лампы, въ которой горѣла ворвань, разъѣдалъ намъ глаза. Наше нетерпѣніе переселиться въ новое жилище, которое намъ казалось верхомъ удобства, все возрастало. Пока мы строили хижину, мы все время бесѣдовали о томъ, какъ хорошо и уютно намъ будетъ жить въ новомъ жилищѣ. Хижина была конечно невелика: 3,5 метровъ въ длину и 1,8 метровъ въ ширину. Лежа поперекъ хижины, мы упирались головою

и ногами въ стѣны. Но все таки въ ней можно было двигаться, и даже я могъ стать во весь ростъ подъ крышей. Это было особенно привлекательно. Однако прошло довольно времени, прежде чѣмъ мы все привели въ порядокъ.

Сдирая шкуры съ моржей, я вынулъ нѣсколько сухожилій, предполагая, что они намъ могутъ служить вмѣсто нитокъ, когда мы будемъ шить для себя зимнюю одежду. Только спустя нѣсколько дней я вспомнилъ, что эти сухожилія остались на льду, возлѣ труповъ. Я пошелъ за ними и увидалъ, къ сожалѣнію, что чайки и лисицы давно уже утащили ихъ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ послужило то, что я отыскалъ слѣды медвѣдя, приходившаго сюда прошлою ночью. Намъ удалось подстрѣлить его, когда онъ лежалъ около отверстія во льду, вѣроятно, подстерегая тюленя. Раненый медвѣдь провалился въ воду и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы выкарабкаться оттуда, но отверстіе во льду становилось все больше и больше. Медвѣдь постепенно слабѣлъ, и, наконецъ, голова его склонилась въ воду, ноги окоченѣли, и все стало тихо. Пока я ходилъ взадъ и впередъ, я слышалъ, какъ моржи пробивали отверстіе снизу во льду и ждалъ, что они появятся въ томъ самомъ отверстіи, гдѣ лежалъ медвѣдь. Въ тотъ же самый моментъ мертвый медвѣдь получилъ толчекъ снизу, отъ котораго подался въ сторону, и изъ отверстія высунулась огромная голова съ большими клыками. Моржъ фыркнулъ, взглянулъ презрительно на медвѣдя, потомъ на меня и исчезъ.

Мы вытащили нашего медвѣдя и, содравъ съ него шкуру, разрѣзали на части и, тяжело нагруженные, поздно вечеромъ вернулись къ своей берлогѣ. «Смотрите-ка!»—крикнулъ Іогансенъ. Я обернулся: три медвѣдя сидѣли на кучахъ моржоваго мяса и жира и лакомились имъ. Это была медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Я былъ очень утомленъ и имѣлъ страстное желаніе улечься въ спальный мѣшокъ возлѣ котелка, наполненнаго мясомъ. Однако мы выхватили ружья и стали съ осторожностью подкрадываться къ медвѣдямъ, но они замѣтили насъ и улизнули, за что мы почувствовали къ нимъ благодарность. Но медвѣди опять вернулись; наши кучи жира были для нихъ черезчуръ соблазнительны. Мы убили медвѣдицу, а дѣтеныши ея обратились въ бѣгство. На другое утро мы увидѣли, что они обнюхиваютъ шкуру и мясо убитой медвѣдицы; оказалось, что они пробыли тутъ ночь и съѣли желудокъ собственной матери, содержавшій въ своей полости куски жира. Послѣ полудня они явились еще разъ, но не подходили на разстояніе выстрѣла. На другой день мы убили еще одного медвѣдя, который спалъ на нашей кучѣ жира. Это былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ медвѣдей, когда либо видѣнныхъ мною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одинъ изъ самыхъ тощихъ; подъ кожей у него не было и слѣда жира. Вѣроятно, онъ долго постился и сильно голодалъ, такъ какъ сожралъ невѣроятное количество нашего моржо-

ваго жира. Но прежде чѣмъ сдѣлать нападеніе на наши запасы, онъ совершилъ еще другое дѣло, о которомъ мы узнали лишь впослѣдствіи,—онъ умертвилъ обоихъ медвѣжатъ, приходившихъ къ намъ. Мы нашли ихъ по близости съ расколотыми черепами; они уже совершенно окоченѣли. По слѣдамъ можно было видѣть, какъ медвѣдь гонялся за ними, но положивъ ихъ на мѣстѣ, онъ больше не трогалъ ихъ. Не понимаю, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, но должно быть онъ видѣлъ въ нихъ соперниковъ въ борьбѣ за существованіе, или, быть можетъ, это былъ старый, злой ворчунъ, не терпѣвшій молодежи?

Наши зимніе запасы теперь уже могли внушать довѣріе. Наконецъ, вечеромъ 28 сентября мы перебрались въ новую хижину, но первая ночь была для насъ холодна. До сихъ поръ мы спали вмѣстѣ въ мѣшкѣ, который сшили себѣ изъ одѣялъ, но теперь мы думали, что хижина нагрѣется отъ нашихъ жировыхъ лампъ, и мы можемъ спать отдѣльно подъ своими шерстяными одѣялами, по этому мы и распороли мѣшокъ. Наши лампы, фитилемъ для которыхъ служили кусочки бандажа изъ нашей аптеки, горѣли превосходно и давали достаточно свѣта, но развиваемой ими теплоты оказывалось недостаточно, чтобы прогрѣть нашу сквозную хижину, и мы дрожали отъ холода всю ночь. На другое утро завтракъ показался намъ превосходнымъ. Мы съѣли невѣроятное количество медвѣжьяго бульона, чтобы согрѣться. Мы рѣшили устроить у задней стѣны хижины такую широкую скамью изъ камней, чтобы можно было спать на ней вдвоемъ. Шерстяныя одѣяла были опять сшиты вмѣстѣ, и мы подостлали подъ нихъ медвѣжьи шкуры. Съ этого времени мы уже не дѣлали больше попытокъ разставаться ночью. Трудно было сдѣлать болѣе или менѣе удобное и гладкое ложе изъ замерзшихъ, угловатыхъ камней, и поэтому мы постоянно вертѣлись, чтобы хоть какъ нибудь улечься поудобнѣе и не чувствовать торчащихъ камней, но наше ложе оставалось все такимъ же твердымъ, и у насъ отъ лежанія на немъ ныли нѣкоторыя мѣста на тѣлѣ, а на бедрахъ были даже синяки. Въ одномъ углу хижины мы устроили маленькій кухонный очагъ и, продѣлавъ въ моржовой шкурѣ, которая служила намъ крышей, дыру, прикрѣпили къ ней дымовой колпакъ изъ медвѣжьей шкуры. Однако мы скоро сознали необходимость построить настоящую трубу, чтобы помѣшать вѣтру врываться въ хижину. Хижина наша подчасъ такъ наполнялась дымомъ, что едва можно было выдержать. Единственнымъ матеріаломъ для постройки у насъ были теперь ледъ и снѣгъ, и мы воздвигли изъ нихъ на крышѣ огромную трубу, которая хорошо исполняла свое назначеніе. Однако эта труба не была особенно прочна, отверстіе въ ней постепенно расширялось, и иногда изъ нея капала вода на очагъ. Но строительный матеріалъ находился у насъ въ избыткѣ, и намъ не трудно было исправлять поврежденія трубы, что пришлось дѣлать два или три раза въ тече-

ніе зимы. Мы употребили для укрѣпленія трубы моржовое мясо, кости и т. п. Наша кухня была до-нельзя проста; она исключительно состояла изъ медвѣжьяго мяса, мы варили утромъ бульонъ, а вечеромъ поджаривали куски этого мяса. Обѣда мы съѣдали всегда очень много, и, страннымъ образомъ, эта пища никогда намъ не надоѣдала и мы съѣдали ее съ большимъ аппетитомъ. Если у кого нибудь изъ насъ являлось желаніе поѣсть жира, то онъ вылавливалъ горѣлые куски сала изъ лампы или съѣдалъ остатки жира, изъ котораго мы витапливали ворвань для лампъ. Мы называли эти остатки «пирожнымъ» и находили ихъ необыкновенно вкусными. У насъ еще оставалось немного запасовъ, взятыхъ съ собою, но мы рѣшили не трогать ихъ въ теченіе зимы. Складъ припасовъ мы завалили каменьями. Лисицы уже проявили достаточно нахальства и утащили всю нашу движимую собственность, какую только могли достать. Я открылъ 10-го октября, что онѣ унесли множество мелкихъ вещей, оставленныхъ мною въ другомъ складочномъ мѣстѣ во время постройки хижины. Хуже всего было то, что онѣ утащили большой мотокъ парусныхъ бичевокъ, на которыя мы очень разсчитывали, собираясь шить себѣ на зиму одежду, обувь и мѣшки для спанья изъ медвѣжьей шкуры. Счастье, что онѣ не похитили теодолита и другихъ инструментовъ, находившихся тамъ же; вѣроятно, они показались имъ слишкомъ тяжелыми. Я страшно разсердился, сдѣлавъ это открытіе, тѣмъ болѣе, что это случилось въ день моего рожденія. Досадуя на лисицъ, я отправился въ сумерки туда, гдѣ лежали наши вещи, чтобъ посмотрѣть, нельзя ли отыскать по слѣду, куда эти черти затащили наше добро. Тутъ я встрѣтилъ лисицу, которая остановилась и присѣла въ шести метрахъ отъ меня и такъ отчаянно и отвратительно завыла, что я долженъ былъ закрыть уши. Я взялъ большой камень и бросилъ въ нее; она отбѣжала на небольшое разстояніе и, присѣвъ на край глетчера, снова завыла. Страшно разозленный я вернулся въ хижину, раздумывая, какъ намъ поступить съ этими отвратительными животными. Мы не могли на нихъ тратить зарядовъ, но могли сдѣлать для нихъ ловушку изъ камней. Мы такъ и порѣшили, но не привели въ исполненіе этого намѣренія, такъ какъ у насъ много было всякаго дѣла. Между тѣмъ, лисицы продолжали насъ тревожить. Однажды даже онѣ украли нашъ термометръ. Мы долго искали его, пока, наконецъ, не нашли въ снѣговой кучѣ. Съ тѣхъ поръ мы сдѣлались очень осторожны и всегда на ночь закрывали его камнемъ, но всетаки въ одно прекрасное утро нашли, что лисицы сбросили камень и еще разъ завладѣли термометромъ. Единственное, что намъ удалось найти—это футляръ отъ термометра; самый же термометръ мы такъ больше и не видали; ночью была мятель, и всѣ слѣды исчезли. Богъ вѣсть, какую такую лисью нору украшаетъ теперь этотъ термометръ. Это было намъ уре-

комъ, и съ тѣхъ поръ мы постарались укрѣпить свой послѣдній термометръ болѣе прочнымъ образомъ.

Время шло; солнце опускалось все ниже и ниже, и, наконецъ, 15-го октября мы увидѣли его въ послѣдній разъ надъ горами, лежащими къ югу отъ насъ; началась для насъ третья полярная ночь.

Осенью мы видѣли еще двухъ медвѣдей; но съ той поры они больше не показывались до весны. Въ нашей жизни было не особенно много разнообразія. Утро мы начинали приготовленіемъ завтрака, послѣ котораго иногда опять укладывались соснуть и потомъ совершали прогулку для моціона. Впрочемъ, мы двигались лишь столько, сколько было безусловно необходимо, такъ какъ наши платья, пропитанныя жиромъ, износившіяся и разорванныя, не годились для зимнихъ прогулокъ. Нитокъ у насъ было такъ мало, что я хотѣлъ сохранить ихъ до весны, когда придется готовиться къ путешествію. Я думалъ, что можно будетъ сдѣлать одежду изъ медвѣжьихъ шкуръ, но надо было не мало времени, чтобы очистить ихъ отъ жира и высушить. Единственнымъ способомъ достигнуть этого было разложить шкуру надъ крышею хижины, но тамъ было мѣста только для одной шкуры. Когда одна шкура была готова, то мы должны были прежде всего употребить ее для постели, потому что тѣ шкуры, на которыхъ мы лежали, были сырыя, жирныя и понемногу гнили. Устроивъ себѣ постель изъ сухихъ шкуръ, мы должны были позаботиться о спальномъ мѣшкѣ, такъ какъ нашъ мѣшокъ изъ шерстяныхъ одѣялъ мало уже согрѣвалъ насъ. Мы изготовили себѣ такой мѣшокъ только къ Рождеству. Такимъ образомъ, мы истратили всѣ шкуры и поэтому остались на зиму въ своихъ прежнихъ платьяхъ.

Прогулки тоже были сомнительнымъ удовольствіемъ. Обыкновенно вѣтеръ свистѣлъ надъ нами и крутилъ снѣгъ до такой степени, что все было окутано туманомъ. Иногда мы нѣсколько дней не высовывали носа изъ хижины, и только крайняя необходимость заставляла насъ выходить, чтобы принести льду для приготовленія воды для питья или медвѣжій окорокъ или кусокъ сала для нашей лампы. Вернувшись и чувствуя опять аппетитъ, мы принимались за приготовленіе ужина, наѣдались до сыта, залѣзали въ мѣшокъ и спали, какъ можно дольше, чтобы убить время. Въ общемъ мы вели довольно таки правильную жизнь. При помощи нашихъ жировыхъ лампъ мы могли поддерживать въ нашей хижинѣ температуру не ниже точки замерзанія; но вблизи стѣнъ было всетаки значительно холоднѣе. Сырость осаждалась на нихъ въ видѣ чудныхъ ледяныхъ кристаловъ, и въ веселыя минуты мы представляли себѣ, что живемъ въ мраморныхъ чертогахъ. Но это великолѣпіе имѣло свои неудобства: при повышеніи внѣшней температуры, или если хижина нагрѣвалась нѣсколько больше обыкновеннаго, то со стѣнъ текли небольшіе потоки, прямо на нашъ спальный мѣшокъ. Я надѣялся, что успѣю многое сдѣлать за зиму, при-

веду въ порядокъ свои наблюденія и замѣтки и напишу что нибудь о нашемъ путешествіи, но я сдѣлалъ очень мало. Мнѣ мѣшалъ работать не только скудный, дрожащій свѣтъ нашей лампы и неудобное положеніе,—приходилось или лежать на спинѣ или сидѣть на твердыхъ камняхъ, причемъ ныла каждая часть тѣла, подвергавшаяся давленію,—но и вообще вся окружающая обстановка не располагала къ труду. Быть можетъ, это зависѣло также оттого, что не было возможности сохранить въ чистотѣ написанное. Стоило только дотронуться до куска бумаги, чтобы на немъ появились коричневыя жирныя пятна, а если случайно платье коснулось бумаги, то тотчасъ же появлялась темная полоса. Наши дневники, относящіеся къ этому времени, имѣютъ отвратительный видъ; это «сальныя книги» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. О, какъ мечтали мы о томъ времени, когда у насъ снова будетъ возможность писать на чистой бумагѣ черными чернилами! Мнѣ часто стоило не малаго труда разобрать замѣтки, наброcанныя мною наканунѣ карандашемъ, и теперь я, составляя эту книгу, не мало таки тружусь надъ тѣмъ, чтобы разобрать, что было мною когда-то написано на этихъ грязныхъ темно-коричневыхъ страницахъ. Впрочемъ, иногда цѣлыми недѣлями я ничего не записывалъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ метеорологическихъ наблюденій. Да и писать было нечего. День за день появлялись и исчезали однѣ и тѣ же мысли, и въ нашихъ разговорахъ было не больше разнообразія. Именно эта пустота моего дневника и служитъ лучшею иллюстраціей нашей жизни въ теченіе девяти мѣсяцевъ.

Среда, 27-го ноября.—23°C. Вѣтряная погода. Все кругомъ сѣро, черные камни и утесы едва можно различить; куда бы ни обращались взоры, вездѣ царятъ свинцовыя сумерки. Вѣтеръ дуетъ порывами и гонитъ снѣгъ передъ собой; наверху, подъ гребнями горъ, раздается свистъ и завываніе вѣтра въ щеляхъ базальтовой стѣны; это та же вѣчная мелодія, которая раздавалась здѣсь въ теченіе всѣхъ протекшихъ тысячелѣтій и будетъ раздаваться еще и въ теченіе грядущихъ тысячелѣтій. И снѣгъ также кружится, какъ онъ кружился многіе вѣка, и наполняетъ собою всѣ щели и углубленія. Однако снѣгъ еще не покрылъ камни у подножія утеса; черные какъ прежде, они всетаки видны въ ночной темнотѣ. На свободной площадкѣ передъ хижиной скачутъ во тьмѣ зимней ночи, точно привидѣнья, двѣ фигуры, чтобы согрѣться, и такъ они будутъ бѣгать по протоптанной ими дорожкѣ день за днемъ, пока не наступитъ весна.

Воскресенье, 1-го декабря. Чудная погода! Ходить взадъ и впередъ на воздухѣ доставляетъ истинное удовольствіе. Луна превращаетъ весь этотъ ледяной міръ въ какую-то сказочную страну. Хижина находится въ тѣни, отбрасываемой горой, мрачно и грозно возвышающейся надъ нею, но ледъ и проливъ озарены луннымъ свѣтомъ. Луна какъ всегда плыветъ медленно и безмолвно, совер-

шая свое безконечное движеніе по безжизненному пространству. И все такъ тихо, такъ страшно тихо! Великое безмолвіе, которое когда нибудь наступитъ, когда земля опустѣетъ и будетъ покинута, когда лисицы больше не будутъ посѣщать этихъ моренъ, когда медвѣди не будутъ бродить по этому льду, когда даже вѣтеръ перестанетъ завывать—безпредѣльное безмолвіе! Духъ этой области носится надъ замершими водами въ видѣ сѣвернаго сіянія. Душа преклоняется передъ величіемъ ночи и смерти.

Понедѣльникъ, 2 декабря. Утро. Намъ страшно холодно теперь въ нашихъ продранныхъ жирныхъ платьяхъ, и даже небольшой вѣтеръ пронизываетъ насъ насквозь. Но вѣдь наступитъ же весна и въ этихъ краяхъ? Звѣздная ночь, ты возвышенна и прекрасна! Но ты снабжаешь духъ нашъ слишкомъ могущественными крыльями, которыми мы, пожалуй, не въ силахъ управлять. Еслибы ты могла хоть разрѣшить загадку жизни? Мы чувствуемъ себя центромъ жизни, боремся за существованіе, за безсмертіе, причемъ одинъ ищетъ его здѣсь, другой—въ другомъ мірѣ. Но кто вспомнитъ спустя цѣлую вѣчность, что жило когда-то эфемерное существо, которое съумѣло заковать въ цѣпи звукъ и свѣтъ и было настолько неразумно, что провело цѣлые годы своего короткаго существованія въ плаваніи по этимъ замерзшимъ морямъ? И неужели все это не болѣе, какъ фейерверкъ, длящійся одно мгновеніе, и вся исторія міра можетъ исчезнуть какъ золотая тучка, растворившаяся въ лучахъ вечерней зари, безслѣдно, безслѣдно, точно капризъ?

Вечеръ. Лисица продѣлываетъ съ нами разныя штуки. Сегодня она утащила одинъ изъ нашихъ парусовъ. Мы знали, кто виновникъ похищенія, но ни въ какомъ случаѣ не могли допустить, чтобы пропалъ нашъ драгоцѣнный парусъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ нашего весенняго путешествія на Шпицбергенъ. Мы искали вездѣ въ темнотѣ, но ничего не нашли и уже почти теряли надежду, какъ вдругъ Іогансенъ увидалъ парусъ на берегу. Радость наша велика, но я бы очень желалъ найти лисью нору и поискать въ ней термометръ, бичевки и др. вещи, украденныя этою скотиной.

Вторникъ, 10-го декабря. Вѣтеръ таки былъ очень сердитый. Іогансенъ открылъ сегодня утромъ, что его каякъ исчезъ, но послѣ многихъ поисковъ онъ нашелъ его, наконецъ, на камняхъ въ нѣсколькихъ метрахъ, куда онъ былъ занесенъ вѣтромъ. Плохо дѣло, если ужъ каяки начнутъ летать по воздуху. Снова появилась открытая вода. Ночью, однако, вдругъ стихло и такъ стало хорошо, что манило на прогулку.

Четвергъ, 19-го декабря. Между 6-ю и 9-ю часами утра, мы видѣли много падающихъ звѣздъ. Нѣкоторыя были очень свѣтлы и оставляли полосу свѣтящейся пыли за собою. Пріятная погода. Но днемъ и ночью теперь одинаково темно. Мы бродимъ взадъ и

впередъ въ темнотѣ по нашей ровной площадкѣ, и Богу одному извѣстно, сколько еще шаговъ намъ предстоитъ сдѣлать на ней, пока не кончится весна.

Четвергъ, 19-го декабря.—28,5 С. Опять холодно, и погода нехорошая,—такъ что выходить непріятно. Но что за бѣда? Тутъ у насъ уютно и тепло, и мы можемъ выходить, лишь когда захочется.

Приближается Рождество, веселое время. Дома всѣ теперь заняты по горло, а здѣсь мы думаемъ только о томъ, какъ бы убить время. Спать! Спать! Горшокъ весело шумитъ на очагѣ. Я сижу и жду завтрака, смотрю на мерцающее пламя, но мысли мои далеко. Какая удивительная сила заключается въ огнѣ и свѣтѣ! Всѣ существа стремятся къ свѣту, начиная отъ первобытной протоплазмы въ морѣ, до человѣка, блуждающаго по землѣ и останавливающагося во время своихъ странствованій въ лѣсу, чтобы зажечь костеръ, видъ котораго заставляетъ забывать всѣ заботы. Невольно ваши взоры приковываютъ къ себѣ змѣевидные язычки пламени, и вы смотрите на нихъ, точно хотите прочесть свою судьбу, и передъ вами проносятся пестрою вереницею воспоминанія.

При свѣтѣ лампы, въ зимній вечеръ, сидитъ она и шьетъ. Возлѣ нея стоитъ маленькая дѣвочка, голубоглазая, съ золотистыми волосами и играетъ съ куклой. Она нѣжно смотритъ на ребенка и гладитъ его по головкѣ, но глаза ея наполняются слезами, крупныя капли падаютъ на работу...

Іогансенъ лежитъ возлѣ меня и спитъ, онъ улыбается во снѣ. Бѣдняга! Ему вѣрно снится, что онъ проводитъ Рождество у своей милой. Но спи, спи, и пусть тебѣ снятся пріятныя сновидѣнія. Зима пройдетъ, и придетъ весна, весна жизни!

Воскресенье, 22 декабря. Вчера вечеромъ, я долго гулялъ, пока Іогансенъ, ради предстоящаго праздника, производилъ фундаментальную чистку нашего жилья. Онъ соскоблилъ всю золу съ нашего очага, собралъ всѣ кости и крошки мяса и выбросилъ, а затѣмъ принялся соскабливать ледъ, намерзшій на полу хижины и образовавшій толстый слой вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и отбросами.

Вторникъ, 24-го декабря. Сегодня, въ 2 часа послѣ обѣда— 24° С. Итакъ, сегодня сочельникъ, холодно и вѣтрено снаружи, холодно и сквозитъ внутри хижины. Какъ пустынно! Никогда еще мы не проводили подобнаго сочельника!

Какъ звонятъ колокола у насъ на родинѣ! Ихъ звонъ доносится ко мнѣ по воздуху, какъ хорошо! Свѣчки на елкѣ зажигаются и толпа дѣтей весело танцуетъ вокругъ дерева. Когда я вернусь домой, то непремѣнно устрою на Рождество елку для дѣтей, это время веселья, и дома въ каждой хижинѣ бываетъ праздникъ. И мы со своими скудными средствами тоже празднуемъ. Іогансенъ

вывернулъ свою рубашку; я сдѣлалъ тоже самое и смѣнилъ кальсоны, которые выжалъ въ теплой водѣ; затѣмъ я самъ вымылся немного въ теплой водѣ и употребилъ снятые мною кальсоны вмѣсто губки и полотенца. Я точно переродился; платье не такъ сильно прилипаетъ къ тѣлу, какъ прежде. На ужинъ у насъ было вареное и жареное кушанье изъ рыбной и маисовой муки, приправленное вмѣсто масла ворванью, а на десертъ мы ѣли поджаренный въ ворвани хлѣбъ. Завтра утромъ будемъ пить шоколадъ и ѣсть хлѣбъ *).

Среда, 25 декабря. Прекрасная погода, точно для Рождества, вѣтра почти нѣтъ, и свѣтитъ луна. Это вызываетъ какое-то торжественное настроеніе. Послѣ полудня, чудное сѣверное сіяніе. Сегодня первый день Рождества. На родинѣ устраиваются семейные обѣды. Я вижу почтеннаго стараго дѣда, весело улыбающагося и привѣтствующаго дѣтей и внуковъ. На дворѣ тихо падаетъ снѣгъ большими хлопьями, дѣти вбѣгаютъ свѣжія и румяныя, стряхивая снѣгъ со своихъ ногъ у входа. Въ комнатѣ свѣтло и уютно; огонь горитъ въ каминѣ, а въ окнѣ виднѣется падающій снѣгъ. Изъ кухни доносится чудесный запахъ жаренаго, а въ столовой уже накрытъ длинный столъ для хорошаго обѣда, на старинный образецъ, съ хорошимъ старымъ виномъ. Какъ все это хорошо. Можно заболѣть отъ страстнаго желанія быть дома. Но терпѣніе... лѣто наступитъ.

Вторникъ, 31-го декабря. И этотъ годъ проходитъ. Дома звонятъ въ колокола, провожая старый годъ, для насъ же звонъ колоколовъ замѣняетъ вѣтеръ, бѣшено завывающій надъ глетчеромъ и снѣжнымъ полемъ, крутя снѣжные вихри. Далеко, въ проливѣ можно видѣть эти тучи снѣга, гонимыя вѣтромъ по льду, и снѣжная пыль сверкаетъ въ лунномъ сіяніи. А полная луна тихо и безмолвно переплываетъ отъ одного года въ другой. Она свѣтитъ одинаково и добрымъ и злымъ и не обращаетъ никакого вниманія на смѣну годовъ, на лишенія, тоску. Одинокіе, покинутые, на разстояніи сотенъ миль отъ всего, что намъ дорого, мы продолжаемъ уноситься мыслями далеко. Еще разъ перевернута страница въ книгѣ вѣчности, открывается новая чистая страница, и никто не знаетъ, что на ней будетъ записано.

Новый годъ 1896.

Среда, 1 января. 1896.—41,5°. Итакъ, насталъ новый годъ— годъ радости и возвращенія домой. 1895 годъ кончился при яркомъ лунномъ сіяніи, и при лунномъ же сіяніи насталъ 1896; но холодъ страшный, самый холодный день изъ всѣхъ проведенныхъ нами

*) Ради праздника мы позволили себѣ коснуться тѣхъ припасовъ, которые хранили для предстоящаго путешествія на югъ.

здѣсь. Я это почувствовалъ вчера, когда отморозилъ себѣ кончики пальцевъ.

Пятница, 3 января. Утро. На дворѣ все еще ясно и холодно; я слышу, какъ трещитъ ледъ глетчера. Онъ лежитъ тамъ на вершинѣ горы, словно могучій снѣжный великанъ, поглядывающій на насъ въ разсѣлины. Онъ простираетъ свое гигантское тѣло и протягиваетъ свои члены по всѣмъ направленіямъ къ морю. Но какъ только дѣлается холодно, холоднѣе, чѣмъ было до сихъ поръ, онъ корчится въ страшныхъ судорогахъ, трещина за трещиной раскрываются на его огромномъ тѣлѣ, и раздается страшный шумъ, колеблющій небо и землю.

Іогансенъ храпитъ такъ, что хижина дрожитъ. Я радуюсь, что его мать не можетъ теперь его видѣть. Навѣрное она бы пожалѣла своего мальчика, который сдѣлался такимъ грязнымъ и чернымъ, весь въ лохмотьяхъ и съ полосами сажи на лицѣ. Но терпѣніе, только терпѣніе! Она его увидитъ здоровымъ и свѣжимъ.

Среда, 8 января. Вчера вечеромъ вѣтеръ сдулъ со склона сани, къ которымъ былъ привязанъ термометръ. Буря свирѣпствуетъ, яростный вѣтеръ стѣсняетъ дыханіе, если высунешь голову на воздухъ. Мы лежимъ и стараемся заснуть, чтобы скоротать время. Но это не всегда удается. О, эти долгія безсонныя ночи, когда перевертываешься съ боку на бокъ, поджимаешь ноги, чтобы немного согрѣться и жаждешь только одного на свѣтѣ—сна! Мысли уносятся на родину, но длинное, тяжелое тѣло лежитъ здѣсь, тщетно отыскивая сносное положеніе на неровныхъ камняхъ. Однако время ползетъ дальше: сегодня рожденье маленькой Лифъ, сегодня ей три года, и она навѣрно уже большая дѣвочка. Бѣдная крошка: пока ты еще не нуждаешься въ отцѣ, но слѣдующій день твоего рожденія я надѣюсь провести съ тобою. Какими мы будемъ друзьями! Ты будешь скакать у меня на колѣняхъ, и я буду разсказывать тебѣ о медвѣдяхъ, лисицахъ, моржахъ...—Нѣтъ, я не могу объ этомъ думать!

Суббота, 1 февраля. Я лежу, измученный ревматизмомъ. На дворѣ съ каждымъ днемъ становится свѣтлѣе, небо надъ ледникомъ краснѣетъ все больше, и вотъ въ одинъ прекрасный день надъ краемъ горъ поднимется солнце, и кончится наша послѣдняя зимняя ночь. Весна наступаетъ! Я часто думалъ, что въ веснѣ есть что-то грустное, потому ли, что она скоро проходитъ, или потому, что она возбуждаетъ надежды, которыхъ лѣто не выполняетъ. Но въ этой веснѣ нѣтъ грусти, ея обѣщанія должны исполниться; было бы слишкомъ жестоко, еслибы они не исполнились! Мы провели цѣлую зиму, пролежавъ въ хижинѣ, подъ землею. Какъ тосковали мы о книгахъ! Какою чудесною казалась намъ жизнь на Fram, гдѣ мы имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлую библіотеку! Іогансенъ всегда со вздохомъ вспоминалъ о новеллахъ Гейзе; онъ не успѣлъ кончить послѣднюю изъ нихъ, которую началъ читать

на суднѣ. Единственнымъ матеріаломъ для чтенія у насъ были навигаціонная таблица и корабельный журналъ, который я такъ много читалъ, что выучилъ наизусть все, что касалось норвежской королевской семьи, лицъ мнимо умершихъ и самопомощи для рыбаковъ. Но для насъ всетаки было утѣшеніемъ смотрѣть на эти книги: одинъ видъ печатныхъ буквъ заставлялъ насъ сознавать, что въ насъ осталось еще нѣчто, свойственное цивилизованному человѣку. Все, о чемъ намъ нужно было говорить, давно уже было переговорено, и у насъ почти не осталось мыслей, представляющихъ какой нибудь общій интересъ, которыми бы мы уже не обмѣнялись раньше. Нерѣдко мы занимались разсчетами, на какое разстояніе унесло Fram, и разсуждали о томъ, есть ли вѣроятность, что онъ достигнетъ Норвегіи раньше насъ. Что тогда подумаютъ о насъ наши друзья? Вѣроятно, всѣ они потеряютъ надежду снова увидѣть насъ, даже наши товарищи на суднѣ. Но гдѣ мы находимся теперь? И много ли намъ нужно еще идти? Я много разъ провѣрялъ вычисленія, сдѣланныя лѣтомъ, осенью и весною, но все выходила какая-то путаница. Казалось ясно, что мы находимся гдѣ-то далеко на западѣ, можетъ быть, на западномъ берегу земли Франца Іосифа, какъ я предполагалъ осенью. Но въ такомъ случаѣ, какую землю видѣли мы на сѣверѣ? И на какой землѣ мы впервые высадились? Отъ первой группы острововъ, которую мы назвали «Бѣлой землей», до того мѣста, гдѣ мы теперь находимся, мы сдѣлали около 7° долготы—это доказывали наши наблюденія самымъ неопровержимымъ образомъ. Но если мы теперь находимся на одной долготѣ съ мысомъ Флигели, то эти острова должны лежать на меридіанѣ настолько восточномъ, что онъ долженъ проходить между землей короля Оскара и землею Кронпринца Рудольфа; однако, мы побывали гораздо восточнѣе, а этихъ земель не видали. Какъ объяснить это? Къ тому же земля, видѣнная нами, исчезла къ югу, а на востокѣ мы не видѣли никакихъ признаковъ земли. Нѣтъ, мы не могли быть по близости ни одной изъ извѣстныхъ земель; мы, вѣроятно, находимся на какомъ нибудь островѣ, лежащемъ дальше къ западу между Землею Франца Іосифа и Шпицбергеномъ; можно предположить, пожалуй, что мы находимся на пока еще загадочной землѣ «Gillies». Но въ такомъ случаѣ нельзя понять, какимъ образомъ въ такой сравнительно узкой полосѣ могла помѣститься такая масса земли, причемъ ее совсѣмъ не видно съ сѣверо-восточнаго берега Шпицбергена. Всѣ же прочія заключенія казались намъ еще болѣе невѣроятными. Мы уже давно отказались отъ мысли, что часы наши идутъ хотя приблизительно вѣрно; ибо въ такомъ случаѣ мы должны были бы прямо пересѣчь Землю Пайера, Вильчека и ледникъ Дове, не замѣтивъ ихъ. Потому и это предположеніе пришлось отбросить. Но меня сильно смущали другія вещи. Если мы находимся на землѣ вблизи Шпицбергена, то отчегоже тамъ совсѣмъ

не встрѣчаются розовыя чайки, которыхъ мы здѣсь встрѣчали цѣлыми стаями? Къ тому же, компасъ показывалъ большія отклоненія.

Когда весною дни стали длиннѣе, я сдѣлалъ открытіе, которое привело насъ въ еще большее замѣшательство. Въ двухъ мѣстахъ на горизонтѣ приблизительно на юго-западѣ и западѣ, мнѣ показались неясныя очертанія земли. Но она должна была находиться на очень большомъ разстояніи отъ насъ. Я думалъ, что до нея не менѣе 111 километровъ *). Могла ли это быть «Сѣверо-Восточная Земля»? Но это казалось едва вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, если мы доберемся до увидѣнной нами земли, нашъ путь будетъ уже не очень длиненъ, и мы, быть можетъ, найдемъ открытую воду на всемъ пути до того мѣста, гдѣ корабль изъ Тромзэ возьметъ насъ, чтобы отвести на родину.

Мечты о всѣхъ хорошихъ вещахъ, которыя мы найдемъ на этомъ кораблѣ, служили намъ утѣшеніемъ, когда время тянулось невыносимо долго. И дѣйствительно, наша жизнь оставляла желать очень многаго. Какъ намъ хотѣлось какой нибудь перемѣны въ пищѣ! Еслибы только у насъ было немного сахару и муки въ придачу къ мясу, мы бы жили, какъ принцы. Мы подолгу мечтали о большихъ пирогахъ, не говоря уже о хлѣбѣ и картофелѣ. Какъ вознаградимъ мы себя за все это время, когда будемъ въ Тромзэ. Но будетъ ли тамъ картофель и свѣжій хлѣбъ? На худой конецъ можно удовольствоваться и морскими сухарями, особенно, если ихъ поджарить въ маслѣ и сахарѣ. Но еще лучше было бы для насъ чистое платье и книги. Ахъ, наши платья имѣли самый ужасный видъ! Мы наслаждались пріятными мечтами о большомъ, свѣтломъ магазинѣ, стѣны котораго увѣшаны новыми, чистыми, мягкими, шерстяными платьями, и мы могли выбирать изъ нихъ самыя лучшія. Можно ли представить себѣ что нибудь прелестнѣе рубашекъ, удобныхъ куртокъ, шерстяныхъ чулокъ и теплыхъ войлочныхъ туфель. А баня! Завернувшись въ спальный мѣшокъ, мы были способны цѣлыми часами толковать объ этихъ вещахъ. Теперь я только понялъ, какое великое изобрѣтеніе мыло. Мы дѣлали всевозможныя попытки отмывать грязь, но все неудачно. Вода не оказывала никакого вліянія, лучше было прибѣгать къ моху или песку. Песокъ мы находили въ стѣнахъ хижины, когда раскалывали ледъ. Лучшихъ результатовъ мы достигали, намазывая наши руки теплой медвѣжьей кровью или рыбьимъ жиромъ и затѣмъ счищая ихъ мхомъ. Тогда наши руки дѣлались мягкими и бѣлыми, какъ у самой изнѣженной дамы, и намъ почти не вѣрилось, что эти руки члены нашего грязнаго тѣла. Въ крайнемъ случаѣ, когда у насъ не было никакихъ подобныхъ принадлежностей туалета, лучшимъ средствомъ было скоблить кожу ножомъ.

*) Потомъ оказалось, что это разстояніе равнялось приблизительно 90 километрамъ.

Но если трудно было содержать въ чистотѣ наше тѣло, то относительно платья это было прямо невозможно. Мы мыли ихъ эскимосскимъ и собственнымъ способомъ, но и то, и другое было одинаково безполезно. Мы цѣлыми часами кипятили наши рубахи въ горшкѣ, но вынимали ихъ не менѣе пропитанными жиромъ. Пробовали выжимать изъ нихъ жиръ, это было немного лучше, но единственное, что давало хоть какіе нибудь результаты, было варить ихъ, а затѣмъ, пока они еще теплые, соскребать съ нихъ жиръ ножомъ. Выскобленный такимъ образомъ жиръ служилъ, конечно, прибавленіемъ къ нашему топливу. Въ теченіи всего этого времени наши бороды и волосы страшно отросли. Правда, у насъ были ножницы, но одежда наша не отличалась изобиліемъ, и мы думали, что будетъ теплѣе, если мы сохранимъ нашу прическу. Въ общемъ, однако, мы такъ привыкли къ нашему внѣшнему виду, что не находили въ немъ ничего поразительнаго, и пока мы не встрѣтились съ другими людьми, которые не совсѣмъ раздѣляли наше мнѣніе, мы не сознавали, что можно относиться критически къ нашей наружности. Жили мы мирно и никогда не ссорились. По нашемъ возвращеніи, Іогансена разъ спросили, какъ мы провели зиму, и происходили ли между нами раздоры, ибо, по общему мнѣнію, очень трудно было двумъ мужчинамъ прожить вмѣстѣ въ такомъ уединеніи. «О, нѣтъ»—отвѣчалъ онъ,—«мы никогда не ссорились, одно только: я имѣлъ дурную привычку храпѣть во снѣ, и когда это безпокоило Нансена, то онъ меня толкалъ въ спину». Я не могу отрицать правдивости его словъ, такъ какъ не разъ давалъ ему пинки, когда онъ слишкомъ громко храпѣлъ, но, къ счастью, онъ тогда только немного отодвигался отъ меня и продолжалъ спокойно спать.

Такъ проходило у насъ время. Мы всячески старались его проспать, и иногда намъ удавалось спать 20 ч. Если кто нибудь придерживается еще стариннаго мнѣнія, что цынга вызывается недостаткомъ движенія, то мы служимъ живымъ доказательствомъ противнаго. Мы чувствовали себя превосходно. Когда вмѣстѣ съ весною возвратился и свѣтъ, — мы стали охотнѣе выходить изъ хижины. Къ тому же, теперь не всегда было холодно, и часы сна, благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, сократились. Кромѣ того, приближалось время нашего отъѣзда, и у насъ много времени уходило въ приготовленіяхъ къ нему.

Вторникъ, 25 февраля. Сегодня прекрасная погода; весна начинается. Мы видѣли первыхъ птицъ; они явились съ юга, перелетѣвъ очевидно черезъ проливъ, находящійся на юго-востокѣ, и исчезли за вершиной горы, къ сѣверо-западу отъ насъ. Мы слышали ихъ веселое щебетаніе. Спустя нѣкоторое время, мы снова услышали ихъ голоса, и тогда намъ казалось, что они усѣлись на горѣ надъ нами. Это первое привѣтствіе жизни. Милыя птички, какъ намъ пріятно васъ видѣть! Такъ похоже было на весеній

вечеръ дома. Красное солнце мало по малу исчезло, оставивъ на облакахъ золотой слѣдъ, и взошла луна. Я ходилъ взадъ и впередъ передъ хижиной и воображалъ себя въ Норвегіи въ весеній вечеръ.

Пятница, 28 февраля. Я открылъ, что изъ одного куска бичевки можно сдѣлать 12 нитокъ, и теперь я счастливъ, какъ король. Теперь у насъ много нитокъ, и мы можемъ починить наши платья. Можно также распороть мѣшокъ и употребить его на нитки.

Суббота, 29 февраля. Сегодня солнце стоитъ высоко надъ ледникомъ. Мы серьезно должны беречь ворвань, если хотимъ уѣхать отсюда, а то у насъ ея не хватитъ для путешествія.

Вторникъ, 10-го марта. Третьяго дня медвѣдь появился какъ разъ во время. Дѣла наши были плохи: мясо и жиръ были на исходѣ. Въ воскресенье утромъ я былъ занятъ починкой панталонъ и башмаковъ, торопясь приготовить все это къ появленію медвѣдей. Іогансенъ, который эту недѣлю былъ поваромъ, чистилъ хижину, выметая изъ нея отбросы мяса и кости; онъ подошелъ уже къ выходу, но какъ только приподнялъ шкуру, завѣшивавшую дверь, такъ тотчасъ же бросился назадъ со словами: «Противъ двери стоитъ медвѣдь». Онъ схватилъ ружье, висѣвшее подъ крышей и опять выставилъ голову въ проходъ, но быстро отдернулъ ее, говоря: «Онъ стоитъ очень близко и, повидимому, намѣревается войти къ намъ». Затѣмъ Іогансенъ осторожно отвернулъ уголъ шкуры, прикрывавшей входъ, и просунулъ въ отверстіе локоть, чтобы стрѣлять, но это оказалось не легко. Проходъ, вообще узкій, теперь былъ заваленъ костями и кусками мяса. Я видѣлъ, какъ Іогансенъ поднялъ ружье на плечо, но потомъ опять опустилъ его, такъ какъ забылъ взвести курокъ; медвѣдь въ это время отошелъ и Іогансену были видны только его морда и лапы. Но вдругъ медвѣдь сталъ опускать одну лапу въ проходъ, словно желая войти. Іогансенъ, думая, что попадетъ медвѣдю прямо въ грудь, прицѣлился и выстрѣлилъ. Я услыхалъ глухой ревъ и шумъ удаляющихся шаговъ. Іогансенъ снова зарядилъ ружье и, высунувъ голову, сказалъ, что онъ видитъ медвѣдя, который не успѣлъ высоко подняться; вслѣдъ затѣмъ онъ выбѣжалъ за нимъ. Въ это время я лежалъ въ мѣшкѣ головою впередъ и искалъ одинъ носокъ, котораго никакъ не могъ найти. Наконецъ, найдя его, я послѣдовалъ за Іогансеномъ, вооружившись, конечно, ружьемъ, патронами, ножемъ. Я пошелъ по слѣдамъ вдоль берега и, спустя нѣкоторое время, встрѣтилъ Іогансена,—онъ догналъ медвѣдя и убилъ выстрѣломъ въ спину, недалеко отсюда. Пока Іогансенъ ходилъ за санями, я пошелъ туда, гдѣ лежалъ медвѣдь, съ цѣлью содрать съ него шкуру, но это удалось мнѣ не скоро. Приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ лежать мертвый медвѣдь, я увидѣлъ, что послѣдній находится уже далеко и довольно быстро удираетъ вдоль берега. Время отъ времени онъ

останавливался и оглядывался на меня. Я перешелъ на ледъ, думая опередить его и прогнать назадъ, чтобы потомъ не надо было далеко тащить его. Пробѣжавъ нѣкоторое время, я достигъ одинаковой высоты съ нимъ, но вдругъ онъ сталъ карабкаться на ледникъ. Я не разсчитывалъ, что «мертвый» медвѣдь способенъ на это. Необходимо было остановить его, но какъ только я приблизился на разстояніе выстрѣла, онъ исчезъ за гребнемъ горы. Скоро я снова увидѣлъ его. Я стрался поспѣть за нимъ, но это было трудно, такъ какъ я проваливался въ глубокомъ снѣгу по поясъ. Наконецъ, я опять перешелъ на ледъ, покрывавшій проливъ. Спустя немного времени медвѣдь показался изъ за отвѣснаго утеса и затѣмъ сталъ осторожно взбираться на вершину склона. Я рѣшилъ выстрѣлить, чтобы попытаться заставить его скатиться внизъ. Казалось, что на верху у него не было прочной опоры для ногъ. Подъ утесомъ дулъ страшный вѣтеръ, и я видѣлъ, что медвѣдю приходилось лежать на брюхѣ и цѣпляться когтями за ледъ, когда налетали порывы вѣтра; къ тому же передняя правая нога у него была переломлена. Я всталъ на большой камень у нижняго края склона и выстрѣлилъ. Пуля ударилась въ снѣгъ подъ самымъ медвѣдемъ и я не зналъ былъ ли онъ раненъ; какъ бы то ни было, онъ хотѣлъ перескочить черезъ сугробъ, но поскользнулся и упалъ внизъ, но снова принялся взбираться на верхъ. Я выстрѣлилъ еще разъ. Медвѣдь на минуту остановился и потомъ опять покатился по склону внизъ. Присѣвъ на корточки, я поспѣшилъ вложить въ ружье новый зарядъ. Теперь медвѣдь докатился до подножія сугроба, увлекая за собой комки и куски снѣга. Наконецъ, онъ сдѣлалъ одинъ большой прыжокъ и ударился о камень. Что-то хрустнуло, и медвѣдь растянулся рядомъ со мною въ судорогахъ: черезъ нѣсколько минутъ все было кончено. Это былъ большой медвѣдь самецъ съ прекрасной шерстью, которую пріятно было бы имѣть дома, но лучше всего было то, что онъ былъ очень жирный.

Спустя нѣкоторое время подошелъ Іогансенъ и, разрѣзавъ съ его помощью звѣря на куски, мы стащили его на ледъ и положили въ сани. Отъѣхавъ немного, мы убѣдились, что будетъ тяжело тащить медвѣдя противъ вѣтра. Поэтому половину мы сложили на ледъ и покрыли шкурой, намѣреваясь черезъ два дня придти за мясомъ. Не смотря на значительное облегченіе поклажи, намъ все-таки было трудно бороться съ вѣтромъ, и мы только поздно ночью вернулись домой. Давно уже мы не радовались такъ сильно возвращенію домой и возможности спрятаться въ мѣшокъ, поужинавъ свѣжимъ мясомъ и горячимъ супомъ. Этимъ медвѣдемъ мы питались въ теченіе шести недѣль.

Когда Іогансенъ вышелъ сегодня въ 6 часовъ утра, ему показалось, что милліоны пингвиновъ перелетаютъ черезъ проливъ; когда же мы вмѣстѣ вышли изъ хижины въ 2 часа, то увидѣли, какъ одна стая за другой летѣли къ морю, и это продолжалось до вечера.

Я видѣлъ также двухъ кайръ, пролетѣвшихъ надъ нашими головами: это были первыя кайры, видѣнныя нами.

Четвергъ, 2 апрѣля. Сегодня убитъ еще одинъ медвѣдь.

У насъ накопилось достаточное количество мяса и жира для путешествія, и мы теперь дѣятельно занимались приготовленіями къ нему.

А дѣла было еще очень много. Мы должны были сдѣлать новыя одежды изъ одѣялъ, наше платье, защищающее отъ вѣтра, и обувь требовали починки, нужно было сшить носки и перчатки изъ медвѣжьей шкуры, а также легкій хорошій мѣшокъ для спанья. Все это требовало времени; и съ этихъ поръ мы прилежно работали съ утра до поздней ночи, хижина наша внезапно превратилась въ мастерскую сапожника и портного. Сидя рядомъ въ мѣшкѣ на каменной лавкѣ, мы неутомимо шили, думая о возвращеніи домой.

Разумѣется, мы постоянно толковали о нашемъ путешествіи и находили большое утѣшеніе въ томъ, что на юго-западѣ виднѣлось темное небо, указывающее на присутствіе открытой воды. Въ виду этого, я думалъ, что наши каяки будутъ намъ очень полезны при путешествіи на Шпицбергенъ. Я уже нѣсколько разъ упоминалъ въ своемъ дневникѣ объ этой открытой водѣ. Напр., 12-го апрѣля я писалъ: «Съ мыса на юго-западѣ до сѣвера видна открытая вода, насколько хватаетъ глазъ». Подъ этимъ я разумѣю, что надъ всѣмъ горизонтомъ въ этомъ направленіи былъ видѣнъ темный воздухъ, доказывающій присутствіе открытой воды. Это не могло поразить насъ: мы должны были быть готовы къ этому, такъ какъ Пайеръ въ половинѣ апрѣля видѣлъ открытую воду еще сѣвернѣе, на западномъ берегу земли кронпринца Рудольфа.

Второе обстоятельство, заставлявшее насъ вѣрить въ близость моря, были ежедневныя посѣщенія бѣлыхъ чаекъ и буревѣстниковъ. Первыхъ бѣлыхъ чаекъ мы увидѣли 12-го марта; въ апрѣлѣ число ихъ все увеличивалось. Всѣ онѣ летали вокругъ нашей хижины и клевали остатки медвѣжьяго мяса и костей.

Во время зимы постоянное глоданіе этихъ остатковъ лисицами забавляло насъ и напоминало, что мы еще не совсѣмъ забыты живыми существами. Находясь въ полудремотѣ, мы воображали, что мы у себя дома въ нашихъ постеляхъ слышимъ, какъ въ погребѣ пируютъ мыши и крысы. Но съ наступленіемъ солнечнаго свѣта лисицы исчезли. Теперь онѣ питались маленькими пингвинами, которыхъ онѣ находили во множествѣ въ ущельяхъ горъ, и имъ уже не нужно было нашего промерзшаго медвѣжьяго мяса. Но вмѣсто лисицъ шумѣли чайки. Онѣ часто надоѣдали и мѣшали намъ спать своимъ прыганьемъ по крышѣ, такъ что приходилось выходить и прогонять ихъ, что впрочемъ успокаивало ихъ только на нѣсколько минутъ.

Воскресенье, 19-го апрѣля. Сегодня утромъ въ 7 часовъ я былъ разбуженъ тяжелыми шагами медвѣдя. Я разбудилъ Іогансена, ко-

торый зажегъ свѣтъ, пока я надѣлъ сапоги, панталоны, и выползъ изъ хижины съ заряженнымъ ружьемъ. За ночь, какъ всегда, нанесло очень много снѣгу на шкуру, закрывавшую отверстіе, такъ что трудно было выбраться изъ хижины. Наконецъ, толкнувъ шкуру изо всей силы, мнѣ удалось стряхнуть съ нея снѣгъ и высунуть голову наружу, гдѣ меня послѣ мрака сразу ослѣпило солнце. Я ничего не видѣлъ, но зналъ, что медвѣдь стоитъ тутъ за хижиной. Вскорѣ я услышалъ фырканье и пыхтѣнье и увидѣлъ медвѣдя, мчавшагося неуклюжимъ галопомъ вверхъ по склону. Я колебался стрѣлять, такъ какъ мнѣ не хотѣлось сдирать съ медвѣдя шкуру въ такую непріятную погоду. Въ концѣ концовъ, я выстрѣлилъ на авось, но промахнулся и больше уже не стрѣлялъ. Медвѣдь не былъ намъ нуженъ, и мы хотѣли только, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ наши вещи.

Воскресенье, 3 мая. Когда Іогансенъ сегодня утромъ вошелъ въ хижину, то сказалъ, что видѣлъ на льду медвѣдя, который шелъ по направленію къ землѣ. Немного позднѣе Іогансенъ вышелъ посмотрѣть на него, но медвѣдя уже не было; вѣроятно, онъ отправился къ заливу, лежащему сѣвернѣе. Но мы всетаки ждали его посѣщенія. И дѣйствительно, когда позднѣе мы сидѣли и шили, то услышали тяжелые шаги близь хижины. Медвѣдь ходилъ взадъ и впередъ, потомъ что-то потащилъ, и все стихло. Іогансенъ осторожно поползъ съ ружьемъ. Когда онъ высунулъ голову, то его сначала ослѣпилъ яркій солнечный свѣтъ, но, приглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что медвѣдь стоитъ не далеко отъ него и гложетъ медвѣжью шкуру. Пуля, пущенная ему въ голову, убила его на поваль. Это было тощее небольшое животное, но оно могло намъ пригодиться для дороги.

Прошлою ночью насъ посѣтили два медвѣдя, но они повернул назадъ около саней, стоящихъ у морены къ западу отъ насъ, въ качествѣ подставки для нашего термометра.

Во время завтрака 3-го мая, мы снова услышали шаги медвѣдя, и боясь, чтобы онъ не съѣлъ нашу ворвань, должны были убить его. Теперь у насъ было очень много мяса, и потому мы рѣшали не тратить напрасно зарядовъ. Но что насъ дѣйствительно огорчало, такъ это мысль, что намъ придется бросить всѣ наши великолѣпныя медвѣжьи шкуры. Время нашего отъѣзда приближается, и мы усердно готовимся къ дорогѣ. Наши платья уже готовы.

Когда въ субботу, 16 мая, я дѣлалъ наблюденія на вольномъ воздухѣ, то увидѣлъ на льду медвѣдя съ маленькимъ дѣтенышемъ. Я только что былъ въ томъ мѣстѣ, и звѣри обнюхивали мои слѣды; впереди шла мать, она влѣзала на всѣ холмы, гдѣ я побывалъ, поварачивалась, сопѣла и глядѣла на слѣды, потомъ спускалась внизъ и опять взбиралась на холмы. За ней слѣдовалъ медвѣжонокъ, который въ точности повторялъ всѣ ея движенія. Но,

наконецъ, они, повидимому, устали и направились къ скалѣ, за которой вскорѣ исчезли.

За послѣднія недѣли у насъ въ хижинѣ царила лихорадочная дѣятельность. Мы становились все нетерпѣливѣе, намъ хотѣлось поскорѣе двинуться въ путь, но дѣла еще оставалось много. Мы сильно чувствовали теперь недостатокъ въ запасахъ, которыми располагали на «Fram». Тамъ, быть можетъ, и не хватало кое-какихъ вещей, но тутъ у насъ ничего не было. Чего бы мы не дали теперь за коробку собачьихъ сухарей для насъ самихъ! Гдѣ намъ найти все, что намъ нужно. Для санной экспедиціи надо запастись легкой и и питательной пищей и притомъ въ довольно большомъ разнообразіи, а также легкою и теплою одеждой, прочными, практичными санями и т. д. Намъ вѣдь извѣстны эти азбучныя правила арктическихъ экспедицій. Предстоящее путешествіе, положимъ, не могло быть особенно длиннымъ; только бы добраться до Шпицбергена, чтобы тамъ найти какое-нибудь судно! Когда мы стали осматривать припрятанные нами въ началѣ зимы запасы провизіи, то нашли лишь жалкіе остатки. Отъ сырости запасы совсѣмъ испортились, драгоцѣнная мука никуда не годилась, шоколадъ распустился, а пеммиканъ имѣлъ очень странный видъ и, отвѣдавъ его, мы должны были его выбросить. Оставалось только немного рыбной муки, ржаного хлѣба, сыраго и полузаплеснѣвшаго, и левронатовой муки. Мы все это тщательно сварили въ ворвани, частью чтобы высушать, частью же, чтобы сдѣлать болѣе съѣдобнымъ. На нашъ вкусъ это было хорошо, и мы тщательно спрятали для торжественныхъ случаевъ приготовленный такимъ образомъ хлѣбъ, или чтобы питаться имъ, когда у насъ не будетъ другой пищи.

Мы не могли высушить медвѣжье мясо, такъ какъ погода была дурная, и поэтому приходилось брать съ собой насколько возможно большой запасъ сырого мяса и жира. Затѣмъ, мы наполнили ворванью три жестяные сосуда, въ которыхъ прежде хранился керосинъ. Всѣ наши надежды мы полагали на то, что встрѣтимъ дичи вдоволь. Большое затрудненіе у насъ было съ санями, которые были слишкомъ коротки, но удлинить ихъ мы не имѣли возможности. Мы просто не могли себѣ представить, какъ мы будемъ тащить на нихъ свои каяки по неровному льду, если не встрѣтимъ открытую воду на всемъ пути до Шпицбергена. Мы рисковали разбить ихъ на куски, протаскивая среди ледяныхъ холмовъ и хребтовъ, образовавшихся вслѣдствіе напора. Намъ самимъ также нелегко было снарядиться въ путь. Мы сшили себѣ новыя одежды, на что понадобилось много времени; когда мы, наконецъ, нарядились въ новыя одежды, то намъ показалось даже, что мы имѣемъ весьма представительный видъ. Мы, однако, берегли новое платье, чтобы не износить его до отъѣзда. Жалкіе остатки нашего нижняго бѣлья были тщательно вымыты передъ отъѣздомъ тѣмъ спо-

сомъ, какъ я описывалъ выше. Обувь тоже была не въ блестящемъ положеніи. Мы сдѣлали, однако, нѣчто въ родѣ подошвъ для сапогъ, употребивъ для этого моржовую кожу, соскобливъ предварительно половину ея толщины и высушивъ ее на лампѣ. Такимъ образомъ одежда у насъ была приведена въ порядокъ, хотя и не отличалась особенно опрятностью. Затѣмъ мы приготовили спальный мѣшокъ изъ медвѣжьей шкуры, выбравъ ту, которая была полегче. Но самого важною частью нашего снаряженія было наше огнестрѣльное оружіе. Оно оказалось въ хорошемъ видѣ и, осмотрѣвъ наши боевые запасы, мы увидѣли, къ великому нашему удовольствію, что ихъ хватило бы еще на нѣсколько зимъ.

Домой!

Во вторникъ, 19-го мая мы, наконецъ, были готовы къ путешествію. Наши сани стояли нагруженныя и связанныя. На прощаніе мы сняли фотографію съ нашей хижины снаружи и внутри и оставили въ ней краткій отчетъ о нашемъ путешествіи, помѣстивъ его въ мѣдную трубку, составлявшую цилиндръ воздушнаго насоса нашей лампы «Примусъ». Мы заткнули эту трубку деревянною пробкой и привѣсили на проволокѣ къ бревну на крышѣ.

Мы оставили нашу зимнюю стоянку въ семь часовъ утра и двинулись на югъ. Отвыкнувъ за зиму отъ движенія, мы находили, что наши сани довольно таки тяжело нагружены, и шли съ трудомъ. Часика черезъ два остановились, съ удовольствіемъ мечтая объ отдыхѣ. Мы испытывали особенный приливъ радостнаго чувства при мысли, что мы, наконецъ-то, снова въ дорогѣ и теперь, дѣйствительно, возвращаемся домой.

Ледъ становился предательскимъ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ землѣ, мы все чаще и чаще встрѣчали трещины, расходившіяся во всѣхъ направленіяхъ и покрытыя сверху слоемъ снѣга, такъ что разглядѣть было трудно. Пока Іогансенъ привязывалъ крѣпче парусъ и мачту къ своему каяку, чтобы вѣтеръ не могъ ихъ снести, я побѣжалъ на лыжахъ впередъ, чтобы отыскать мѣсто для стоянки. Вдругъ ледъ подо мною опустился, и я провалился въ широкую трещину, которую не замѣтилъ подъ снѣгомъ. Я старался выкарабкаться, но не могъ вытащить лыжи, крѣпко привязанныя къ ногамъ, притомъ я былъ привязанъ къ санямъ посредствомъ сбруи, такъ что повернуться не могъ. Къ счастью, во время паденія, я воткнулъ свою палку съ желѣзнымъ наконечникомъ въ ледъ на другую сторону трещины и благодаря этому могъ удержаться на поверхности и терпѣливо ждалъ, пока подойдетъ Іогансенъ. Прошло, однако, довольно много времени, и такъ какъ палка начала проваливаться, вода же поднималась все выше по моему тѣлу, то я крикнулъ, но отвѣта не получилъ; я закричалъ еще громче и услышалъ наконецъ отвѣтный крикъ. Спустя нѣсколько

минутъ, когда уже вода достигла мнѣ до груди, явился Іогансенъ и вытащилъ меня. Онъ былъ такъ занятъ своими санями, что не замѣтилъ, какъ я провалился, пока не услыхалъ моихъ криковъ. Послѣ такого опыта я сталъ осторожнѣе и уже не привязывалъ больше такъ крѣпко лыжъ къ ногамъ, когда приходилось идти по такому непрочному льду. Въ теченіе слѣдующихъ дней бушевала буря, и мы не могли идти дальше. Мы остановились у подножія глетчера. Пришлось только переносить палатку изъ за трещинъ, такъ какъ ледъ грозилъ раскрыться какъ разъ подъ нами. Здѣсь очень много моржей; когда мы идемъ по льду, то они выставляютъ головы изъ трещинъ и слѣдятъ за нами. Мы часто слышимъ, какъ они возятся и толкаютъ ледъ подъ нашими ногами. Я подошелъ къ стаду, состоявшему изъ девяти моржей, чтобы снять съ нихъ фотографію. Самка съ дѣтенышемъ нырнула въ воду, какъ только увидѣла меня, но другіе и не пошевелились, сколько я ни кричалъ. Іогансенъ швырялъ въ нихъ комками снѣга и кусками льда, но они не обращали на это вниманія. Они только ударяли своими клыками по льду и фыркали, пока я снималъ съ нихъ фотографію. Двое ближайшихъ ко мнѣ только чуть чуть приподняли головы, презрительно поглядѣли на меня и затѣмъ опять уснули. На прощаніе я ударилъ лежащаго ко мнѣ ближе моржа палкой; онъ приподнялся, недовольно захрюкалъ и, взглянувъ на меня съ изумленіемъ своими большими круглыми глазами, принялся быстро чесать затылокъ. Я снялъ еще фотографію, послѣ чего моржъ спокойно улегся. Когда мы отошли, то они всѣ снова расположились спать и лежали точно неподвижные куски мяса.

Вторникъ, 2-го іюня. Дурная погода задержала насъ вчера вечеромъ, и сегодня мы не можемъ двинуться дальше. Но къ вечеру вѣтеръ нѣсколько утихъ, и снова показалось солнце. Мы лежимъ въ углубленіи въ снѣгу и промокаемъ все сильнѣе, думая о томъ, что теперь уже іюнь, и что дома все цвѣтетъ, а мы добрались только сюда. Но еще немного и мы будемъ дома. О, объ этомъ думать слишкомъ тяжело! Еслибъ я имѣлъ какія нибудь свѣдѣнія о «Fram»! Вѣдь если онъ вернется раньше насъ, то что станутъ дѣлать тѣ, кто насъ ждетъ дома!

Припасы наши становятся весьма скудными. Мы надѣялись, что встрѣтимъ медвѣдей, но именно теперь, когда они намъ были нужны, они и не показывались. Мы рѣшили настрѣлять птицъ, но намъ удалось убить только пару буревѣстниковъ. Такъ какъ мы вскорѣ прошли мимо стада моржей, то рѣшили убить одного изъ нихъ, хотя къ этой пищѣ и относились съ презрѣніемъ. Намъ удалось убить на мѣстѣ одного моржа, между тѣмъ, какъ другіе только чуть приподняли головы, когда раздался выстрѣлъ, и затѣмъ снова заснули. Но нельзя же было сдирать шкуру съ убитаго моржа въ то время какъ другіе моржи лежали возлѣ, и поэтому намъ нужно было прогнать ихъ въ воду, такъ или иначе. Но это было нелегко. Мы

подошли къ нимъ поближе, стали кричать во всю мочь, но они только лѣниво поглядѣли на насъ и даже не пошевелились. Тогда мы стали толкать ихъ нашими палками съ желѣзными наконечниками, моржи разсердились и такъ ударили клыками по льду, что осколки разлетѣлись во всѣ стороны, но, тѣмъ не менѣе, они все таки не желали тронуться съ мѣста. Наконецъ намъ удалось согнать все стадо въ воду, продолжая толкать и бить моржей. Но и на это потребовалось время; моржи не торопясь отправлялись въ воду одинъ за другимъ, оглядываясь на насъ и недовольно хрюкая. Когда же мы принялись разрѣзывать ихъ товарища, то они снова появились и на половину вылѣзли на ледъ, какъ будто намѣревались потребовать отъ насъ объясненія нашихъ дѣйствій. Нарѣзавъ изъ моржа столько мяса и жира, сколько было намъ нужно по нашимъ соображеніямъ, мы разбили поблизости палатку и сварили прекрасную кровяную похлебку, которая представляла удивительную смѣсь изъ крови, рыбной и маисовой муки и жира. Вѣтеръ былъ хорошій, и мы всю ночь весело тащили свои сани, поднявъ на нихъ паруса. Добравшись до мыса, мы увидали открытую воду, доходящую вплоть до края покрытой ледникомъ земли. Мы тотчасъ же спустили каяки и, въ первый разъ въ этомъ году, поплыли по открытому морю вдоль края ледника. Странное чувство испытывали мы, снова взявшись за весла и видя, какъ кругомъ на водѣ кишѣли птицы. Не мало изумились мы, увидѣвъ на водѣ стаю гагаръ, а позднѣе встрѣтили двухъ гусей, и намъ показалось, что мы снова находимся въ цивилизованныхъ странахъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безпрепятственнаго плаванія, мы были задержаны прибрежнымъ льдомъ; открытая вода простиралась къ западу, по направленію къ землѣ, которую мы раньше видѣли, но которая теперь была покрыта туманомъ. Мы не знали, какой избрать путь, отправиться ли по водѣ къ западу, разсчитывая, такимъ образомъ, приблизиться къ Шпицбергену, или снова взяться за сани и тащить ихъ за собою по гладкому льду по направленію къ югу. Хотя туманъ и мѣшалъ, но мы всетаки были увѣрены, что по пути черезъ ледъ найдемъ все таки открытую воду съ южной стороны острововъ, между которыми теперь находимся. Быть можетъ, намъ удастся даже найти кратчайшій путь на Шпицбергенъ.

Мы отправились по льду къ югу (воскресенье, 7-го іюня) пользуясь все тѣмъ же сѣвернымъ вѣтромъ, и подъ парусомъ сани двигались хорошо. Пропутешествовавъ всю ночь, мы остановились на другой день утромъ (понедѣльникъ, 8-го іюня) посреди льда и въ то время, какъ бушевала сильная буря. Многочисленные острова, среди которыхъ мы находились, казались намъ все таинственнѣе. Я записалъ въ дневникѣ: «Мы открываемъ все новые острова и земли на югѣ. На западъ отъ насъ простирается большая снѣжная земля, также, повидимому, направляющаяся къ югу на большое разстояніе». Эта снѣжная земля казалась намъ въ высшей степени загадочной. Мы

не замѣчали на ней ни одной темной точки, вездѣ только снѣгъ и ледъ. Мы не могли составить себѣ ясное представленіе объ этой землѣ. Намъ казалось, что она должна быть больше тѣхъ земель, которыя намъ до сихъ поръ встрѣчались. Къ востоку мы на всемъ пути постоянно видѣли острова за островами, фіорды и проливы. Мы все это занесли на карту, такъ точно, какъ могли.

Наши запасы истощаются; у насъ остается только не много мяса на одинъ день, а между тѣмъ, мы не встрѣчаемъ ни одного живого существа, ни одного тюленя, и нигдѣ нѣтъ открытой воды. Если мы не скоро ее достигнемъ и не встрѣтимъ дичи, то намъ придется плохо.

Вторникъ, 16-го іюля. Послѣдніе дни были такъ богаты событіями, что писать было некогда. Я хочу наверстать это сегодня утромъ, когда солнце свѣтитъ въ палатку въ это чудное утро. Голубое, сверкающее море разстилается передо мною, и я могу вообразить себѣ, что нахожусь дома, въ іюньское утро.

Мы тронулись въ пятницу, 12-го іюня, прикрѣпивъ паруса къ санямъ. Въ шесть часовъ утра мы остановились для отдыха, и когда я взобрался на холмъ, чтобы произвести наблюденіе для вычисленіи долготы, то увидалъ неподалеку открытую воду. Еще лучше ее было видно съ выступа ледниковаго льда. Мы рѣшили отправиться къ водѣ кратчайшимъ путемъ и дѣйствительно скоро очутились на краю льда и опять увидѣли передъ собою голубую воду. Мы связали каяки, поставили парусъ и поплыли дальше. Наши надежды оправдались, мы хорошо подвигались впередъ. Наконецъ-то мы достигли южной части той земли, по которой такъ долго бродили и гдѣ провели такую длинную зиму. Я былъ не мало изумленъ, замѣтивъ, что этотъ южный берегъ, вдоль котораго мы плыли, прекрасно согласовался съ Лей-Смитсовской картой земли Франца Іосифа, но вспомнивъ о картѣ Пайера, отбросилъ эту мысль. Вечеромъ мы пристали къ краю льда, чтобы немного размять ноги, затекшія отъ долгого сидѣнія въ каякѣ. Кромѣ того, мы хотѣли посмотрѣть на воду въ западномъ направленіи и поэтому взобрались на холмъ. Но выйдя на берегъ, мы прежде всего подумали о томъ, какъ бы закрѣпить наши драгоцѣнныя суда. «Возьмите одинъ изъ брасовъ» *), — сказалъ Іогансенъ.—«Достаточно ли крѣпка эта снасть?»—спросилъ я.—«Да, я все время употреблялъ ее для управленіи парусомъ на саняхъ».— «Ну хорошо; особенной то крѣпости вѣдь и не нужно, чтобы удержать легкіе каяки», сказалъ я, нѣсколько сконфуженный своею чрезмѣрною боязливостью, и началъ привязывать каяки. Мы пробыли на льду нѣкоторое время, прогуливаясь взадъ и впередъ по близости каяковъ. Вѣтеръ значительно стихъ и отошелъ къ западу, и мы начали сомнѣваться, можно ли будетъ поставить парусъ для дальнѣйшаго плаванія. Мы взобрались поэтому на холмъ, чтобы точнѣе

*) Снасть, служащая для поворота рей.

опредѣлить силу вѣтра, и когда мы стояли тамъ на верху, Іогансенъ вдругъ крикнулъ: «Стой! каяки унесло!» Дѣйствительно, каяки уже отплыли на нѣкоторое разстояніе. «Вотъ мои часы»—крикнулъ я, отдавая ихъ Іогансену, и сталъ поспѣшно сбрасывать съ себя часть одежды, хотя все сбросить не рѣшался, такъ какъ со мною могли сдѣлаться судороги въ водѣ. Я спрыгнулъ въ воду, но вѣтеръ дулъ отъ берега и подгонялъ легкіе каяки, ударяя въ высокія снасти. Вода была ледяная. Трудно было плыть въ одеждѣ, каяки же все уплывали дальше и притомъ быстрѣе, чѣмъ я могъ плыть. Я болѣе чѣмъ сомнѣвался въ томъ, что мнѣ удастся ихъ поймать. Но въ нихъ заключалась вся наша надежда! Все, что мы имѣли, находилось на каякахъ, у насъ не было съ собою даже ножа. Сдѣлается ли со мною судорога и я пойду ко дну или вернусь назадъ безъ каяковъ—это было почти одно и то же, а поэтому я напрягалъ всѣ свои силы. Утомившись, я повернулся на спину и тутъ увидѣлъ, что Іогансенъ безпокойно шагаетъ по льду взадъ и впередъ. Бѣдняга! Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ и съ ужасомъ сознавалъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Потомъ онъ говорилъ мнѣ, что хуже этихъ минутъ ему не случалось переживать. Но когда я снова перевернулся и увидалъ, что подплываю ближе къ каякамъ, то во мнѣ проснулась бодрость, и я удвоилъ усилія. Однако, я чувствовалъ всетаки, что мои члены постепенно коченѣютъ. Я чувствовалъ, что продержусь уже не долго, но каяки уже были недалеко. Только бы мнѣ продержаться еще немного—и мы спасены! Наконецъ, я могъ схватиться рукой за конецъ лыжи, положенной поперегъ каяковъ, и подтянулся къ краю каяка—мы были спасены. Я хотѣлъ взобраться на каякъ, но тѣло мое такъ окоченѣло отъ холода, что это оказалось невозможно. Одно мгновеніе я думалъ, что всетаки спасеніе пришло поздно: проплывъ такъ далеко, я не въ состояніи былъ взобраться на каякъ. Но послѣ нѣкоторыхъ усилій, мнѣ удалось закинуть ногу за край саней, лежавшихъ на каякѣ, и такимъ образомъ я влѣзъ на каякъ. Я усѣлся наконецъ, но такъ окаченѣлъ отъ холода, что грести было очень трудно. Еслибъ я могъ отвязать одинъ каякъ и прикрѣпить его къ другому каяку сзади, то это было бы легче. Но я не могъ взяться за это дѣло, такъ какъ окоченѣлъ бы отъ холода раньше, чѣмъ успѣлъ бы его сдѣлать. Мнѣ нужно было прежде всего согрѣться и поэтому я гребъ, что есть силы. Холодъ лишилъ мое тѣло всякой чувствительности, но когда налетали порывы вѣтра, то мнѣ казалось, что они пронизывали меня насквозь: вѣдь на мнѣ была только тонкая и мокрая шерстяная сорочка. Я дрожалъ, зубы у меня стучали и я весь оцепѣнѣлъ, но всетаки долженъ былъ согрѣться, достигнувъ края льда. Вблизи каяка появились два пингвина. Мысль поѣсть свѣжей дичи за ужиномъ была слишкомъ соблазнительна, такъ какъ мы ощущали уже большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Я схватилъ ружье и положилъ ихъ на мѣстѣ однимъ выстрѣломъ. Іогансенъ разсказывалъ потомъ, что онъ страшно испугался,

услышавъ выстрѣлъ: онъ подумалъ, что случилось несчастье. Онъ не могъ понять, что я такое дѣлаю, и когда увидалъ, что я гребу и наклоняюсь, чтобы поднять двухъ птицъ, то подумалъ, что я сошелъ съ ума. Наконецъ, удалось добраться до края льда, но теченіе отнесло меня довольно далеко отъ нашей стоянки. Іогансенъ вскочилъ въ каякъ; вдвоемъ мы скоро добрались до прежняго мѣста. Я былъ страшно утомленъ и съ большимъ трудомъ взобрался на берегъ. Іогансенъ стащилъ съ меня мокрое платье и переодѣлъ въ кое-что изъ оставшейся въ запасѣ сухой одежды. Онъ растянулъ спальный мѣшокъ на льду и я завернулся въ него хорошенько, а онъ прикрылъ меня сверху парусомъ. Но я долго дрожалъ, пока наконецъ, теплота постепенно стала развиваться въ моемъ тѣлѣ. Ноги мои довольно долго оставались безчувственными, точно это были ледяныя сосульки. Пока Іогансенъ устанавливалъ палатку и готовилъ ужинъ изъ убитыхъ мною птицъ, я уснулъ и когда проснулся, то кушанье давно уже было готово и тихонько кипѣло на огнѣ. Горячій супъ скоро уничтожилъ послѣдніе слѣды моего плаванія.

Такъ какъ теченіе прилива было довольно сильно въ этомъ мѣстѣ, а вѣтеръ былъ настолько слабъ, что мы не могли плыть подъ парусомъ, то мы рѣшили ждать перемѣны теченія и поэтому не могли пуститься въ путь раньше слѣдующаго вечера. Мы плыли хорошо и на утро слѣдующаго дня (14-го іюня) повстрѣчали большія стада моржей, лежавшихъ на льду. Такъ какъ наши запасы мяса изсякли, то мы рѣшили воспользоваться случаемъ. Мы предпочли бы встрѣтить медвѣдя, но они что-то не показывались здѣсь въ послѣднее время. Я застрѣлилъ сначала одного, потомъ другого изъ дѣтенышей, полагая, что съ ними легче будетъ справиться. Взрослыя животныя приподнялись при звукѣ выстрѣла, и потомъ все стадо бросилось въ воду, но матери не хотѣли покидать своихъ мертвыхъ дѣтенышей и одна изъ нихъ обнюхала его и стала толкать въ воду, очевидно, не понимая, въ чемъ дѣло; она видѣла только, что изъ головы у него льется кровь. Но потомъ она стала стонать и кричать словно человѣкъ. Когда я хотѣлъ задержать ее, то она схватила своего мертваго дѣтеныша за ногу и исчезла съ нимъ въ глубинѣ. Другая мать сдѣлала то же самое, я не могъ сообразить какъ это случилось и стоялъ на краю льда, смотря вслѣдъ моржамъ. Я думалъ, что мертвые дѣтеныши всплывутъ на поверхность воды, но ничего не было видно—они исчезли навсегда. Матери, вѣроятно, утащили ихъ далеко. Тогда я отправился къ другому стаду и также убилъ дѣтеныша, но, проученный опытомъ, застрѣлилъ также мать. Трогательно было видѣть, какъ она бросилась къ своему мертвому дѣтенышу и, даже умирая, не хотѣла разстаться съ нимъ. Теперь у насъ довольно было мяса и жира и притомъ мясо было превосходное, такъ какъ у молодого моржа оно напоминаетъ вкусомъ бараній филей. Мы продолжали свой путь (въ понедѣльникъ 15-го іюня) при великолѣпной тихой погодѣ, но такъ какъ насъ окружали моржи со всѣхъ сторонъ,

то мы не рѣшались грести въ одиночку и, отплывъ немного, связали наши каяки вмѣстѣ, зная по опыту, какъ велика бываетъ назойливость господъ моржей. Они нѣсколько разъ подплывали къ намъ и высовывали голову около каяка, но вреда намъ не причинили.

Къ утру моржи исчезли и мы почувствовали себя въ большей безопасности. Вдругъ мы замѣтили одинокаго морского разбойника, выглянувшаго впереди насъ. Іогансенъ, находившійся впереди меня, тотчасъ направилъ свой каякъ на льдину, и хотя я находилъ его осторожность нѣсколько преувеличенной, но всетаки послѣдовалъ его примѣру. Но не успѣлъ я сдѣлать это, какъ вдругъ моржъ приподнялся изъ воды возлѣ меня и, ухвативъ переднею ластой каякъ, грозилъ меня опрокинуть, намѣреваясь ударить клыками въ каякъ. Я держался такъ крѣпко, какъ только могъ, и, схвативъ весло, ударилъ звѣря что есть мочи по головѣ. Но моржъ опять ухватился за каякъ и такъ нагнулъ его, что палуба очутилась почти подъ водой; потомъ онъ отпустилъ его и, приподнялся надъ водой. Я схватилъ ружье, но моржъ исчезъ также внезапно, какъ появился. Все это произошло въ одно мгновеніе, и я уже хотѣлъ крикнуть Іогансену, что опасность миновала, какъ вдругъ почувствовалъ, что мои ноги мокры. Я прислушался и услыхалъ, что вода вливается снизу въ каякъ. Повернуть и пристать ко льду было дѣломъ одной минуты; но тутъ я началъ опускаться въ воду. Надо было во чтобы то ни стало выбраться изъ каяка на ледъ,—каякъ все больше и больше наполнялся водой. Верхній край льда былъ высокій и рыхлый, но мнѣ всетаки удалось на него взобраться. Іогансенъ наклонилъ тонущій каякъ такимъ образомъ, что пробоина очутилась надъ водой, и мы протащили его къ такому мѣсту, гдѣ ледъ былъ достаточно низокъ и можно было втащить на него каякъ. Все мое имущество плавало въ водѣ внутри каяка. Я больше всего горевалъ о томъ, что вода проникла въ мой фотографическій аппаратъ и быть можетъ испортила мои драгоцѣнные снимки. И вотъ мы улеглись, разложивъ вокругъ все наше имущество для просушки. Мой каякъ долженъ быть починенъ, прежде чѣмъ мы можемъ рискнуть снова пуститься на встрѣчу моржамъ. Звѣрь сдѣлалъ порядочную дыру въ каякѣ, по крайней мѣрѣ въ 15 сантиметровъ длины. Еще мы дешево отдѣлались! Вѣдь онъ могъ бы ранить меня въ ногу клыкомъ. Плохо бы мнѣ пришлось, еслибъ это случилось далеко отъ берега и еслибъ мы не нашли такого удобнаго мѣста на краю льда, гдѣ есть подводный ледъ. Спальный мѣшокъ промокъ, но мы выжали его какъ могли, перевернули на изнанку и отлично выспались ночью. Въ тотъ же вечеръ я написалъ въ своемъ дневникѣ: «Сегодня я починилъ мой каякъ и мы залили стеариномъ всѣ швы въ обоихъ каякахъ, теперь надѣемся, что можно будетъ продолжать путешествіе. Между тѣмъ моржи все время держатся около насъ, и уставившись на насъ своими большими круглыми глазами, фыркаютъ и

ворчатъ, а иногда взбираются на край льда, какъ будто хотятъ насъ прогнать».

Вторникъ, 23 іюля. Не сонъ ли это?.. Что случилось? Я едва могу опомниться! какими изумительными случайностями полна наша жизнь! Всего лишь нѣсколько дней тому назадъ я боролся ради спасенія жизни въ водѣ, подвергался нападенію моржей, велъ жизнь дикаря уже больше года, увѣренный, что намъ еще долго придется путешествовать по льду и по морю, черезъ неизвѣданныя страны, прежде чѣмъ повстрѣчаемъ человѣческія существа. И вдругъ—мы теперь ведемъ жизнь цивилизованныхъ европейцевъ, имѣя въ избыткѣ воду, мыло, полотенце, чистыя и мягкія шерстяныя одежды, книги и все, все, о чемъ мы такъ долго вздыхали!

Было уже за полдень, когда 17 іюня я вышелъ изъ палатки. Я отправился къ краю льда, набралъ воды, зажегъ лампочку и, положивъ нарѣзанное мясо въ котелокъ, поставилъ его на огонь, а самъ приготовился снова залѣзть въ мѣшокъ и уже снялъ одинъ башмакъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что туманъ, покрывавшій землю, нѣсколько разсѣялся. Я надѣлъ опять башмакъ и влѣзъ на ближайшій холмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Легкій вѣтерокъ доносилъ съ горъ смѣшанный гулъ множества птичьихъ голосовъ. Я прислушивался къ этому отголоску жизни и слѣдилъ взорами за стаями птицъ, летавшихъ надъ моею головой. Мой взглядъ блуждалъ вдоль берега, останавливаясь на темныхъ обнаженныхъ утесахъ, скользя по холоднымъ ледянымъ равнинамъ и холмамъ и землѣ, на которой, какъ я думалъ, еще никогда не покоились взоры человѣка и которой никогда не касалось нога человѣка; она лежала предо мною въ своемъ арктическомъ величіи, закутанная въ туманный плащъ. Вдругъ до меня донесся звукъ, до такой степени похожій на собачій лай, что я вздрогнулъ. Звукъ повторился раза два, не больше, но это былъ лай несомнѣнно. Я напрягалъ слухъ, но ничего больше не слышалъ, только птицъ. Я опять сталъ смотрѣть на острова и проливы. Но лай опять возобновился и сомнѣній уже быть не могло. Тутъ я вспомнилъ, что наканунѣ слышалъ звуки, похожіе на выстрѣлы, но приписалъ это льду. Я крикнулъ Іогансену, что слышу лай собакъ. Онъ не хотѣлъ повѣрить сначала. Я сказалъ ему, что онъ можетъ думать какъ ему угодно, но я намѣренъ какъ можно скорѣй отправиться, чтобы посмотрѣть, что это такое. Я съ большимъ нетерпѣніемъ готовилъ завтракъ и высыпалъ въ супъ остатки маисовой муки въ убѣжденіи, что вечеромъ у насъ будетъ довольно мучной пищи. Поѣдая свой завтракъ, мы принялись разсуждать о томъ, кто бы это могъ быть, наши земляки или англичане? Если это та самая англійская экспедиція, которую предполагали отправить на землю Франца-Іосифа, когда мы готовились къ отплытію, то какъ намъ быть. «О, воскликнулъ Іогансенъ, мы пробудемъ съ ними день или два и затѣмъ отправимся на Шпицбергенъ, такъ какъ иначе мы не скоро

вернемся домой». На этотъ счетъ мы были совершенно согласны, но рѣшили, что запасемся у нихъ хорошей провизіей для дальнѣйшаго путешествія. Я долженъ былъ отправиться къ нимъ одинъ; Іогансенъ же долженъ былъ наблюдать за каяками, чтобы ихъ не унесло вмѣстѣ со льдомъ. Я взялъ подзорную трубу, ружье и надѣлъ лыжи, но прежде чѣмъ отправиться, еще разъ забрался на холмъ, чтобы послушать и высмотрѣть какой нибудь путь. Ничего похожаго на собачій лай не было слышно и раздавался только птичій гамъ по прежнему. Съ сомнѣніемъ въ душѣ я двинулся въ путь, но спустя нѣкоторое время увидѣлъ на снѣгу слѣды. Эти слѣды не могли принадлежать лисицѣ. Ужъ не былъ ли это волкъ? Я колебался между увѣренностью и сомнѣніями. Неужели нашимъ страданіямъ и лишеніямъ скоро наступитъ конецъ?.. Это казалось почти невѣроятно, но всетаки... Снова до моего слуха донесся лай, болѣе отчетливый, но потомъ опять довольно долго ничего не было слышно кромѣ криковъ птицъ. И снова возникло сомнѣніе... Со страннымъ чувствомъ подвигался я впередъ между холмами и неровностями. Вдругъ мнѣ показалось, что я слышу человѣческій голосъ, чужой голосъ, первый, услышанный мною послѣ трехъ лѣтъ. Какъ билось мое сердце и какъ сильно кровь прилила къ головѣ, когда я взбѣжалъ на холмъ и крикнулъ изо всѣхъ силъ! За этимъ человѣческимъ голосомъ, раздававшимся въ ледяной пустынѣ, за единственнымъ вѣстникомъ жизни, скрывалась родина и она, та, которая ждетъ меня дома! Больше я ничего не видѣлъ передъ собой, прокладывая себѣ дорогу между льдинами и холмами. Скоро я услышалъ опять зовъ и увидѣлъ съ вершины горы темную фигуру, которая медленно двигалась между холмами. Это была собака, но дальше виднѣлась еще фигура и это былъ человѣкъ. Былъ ли это Джексонъ или кто нибудь изъ его спутниковъ, или, быть можетъ, какой нибудь туземецъ? Мы быстро приближались другъ къ другу; я замахалъ ему шляпой и онъ сдѣлалъ тоже. Онъ говорилъ съ собакой и, прислушавшись, я узналъ, что онъ говоритъ по англійски. Когда я подходилъ ближе, мнѣ показалось, что я узнаю Джексона, котораго видѣлъ одинъ разъ. Я снялъ шляпу и мы протянули другъ другу руки съ сердечнымъ привѣтствіемъ. Надъ нами раскрывалось покрывало тумана, замыкавшаго для насъ весь остальной міръ; подъ нами неровный, нагроможденный глыбами пловучій ледъ, а вдали чуть виднѣлась земля; кругомъ ледъ, глетчеры, туманъ. Съ одной стороны стоялъ цивилизованный европеецъ въ англійской одеждѣ и высокихъ резиновыхъ сапогахъ, тщательно выбритый, причесанный и распространяющій запахъ душистаго мыла, который тотчасъ же различило острое обоняніе дикаря; съ другой же стороны находился дикарь, одѣтый въ грязныя лохмотья, весь выпачканный сажей и ворванью, съ растрепанными длинными волосами и всклокоченой бородой, почернѣвшей отъ дыма до такой степени, что совершенно нельзя было различить ея естественнаго

бѣлокураго цвѣта. Никто, конечно, не могъ бы догадаться, кто былъ дикарь и откуда онъ явился.

Джексонъ:—Радъ васъ видѣть.

— Благодарю, и я васъ также.

— Съ вами тутъ судно?

— Нѣтъ, моего судна нѣтъ здѣсь.

— Сколько васъ?

— У меня только одинъ спутникъ тамъ на краю льда.

Разговаривая, мы пошли по направленію къ землѣ. Мнѣ казалось, что онъ узналъ меня или, по крайней мѣрѣ, догадался, кто я, такъ какъ я не думалъ, что совершенному незнакомцу будетъ оказана такая сердечная встрѣча. Вдругъ онъ остановился и посмотрѣвъ мнѣ въ лицо сказалъ: «Да ужъ вы не Нансенъ ли?»—Да это я»—«By Iove!—воскликнулъ онъ, я страшно радъ васъ видѣть!», Онъ схватилъ мою руку и еще разъ потрясъ ее и все лицо его озарилось радостною улыбкой.—«Откуда вы явились?» спросилъ онъ.—«Я оставилъ Fram подъ 84° сѣв. ш.—отвѣчалъ я,—послѣ того какъ мы два года проплавали во льдахъ и пробравшись до 86° 15 сѣв. ш. Тамъ мы повернули назадъ и пошли къ землѣ Франца-Іосифа. Мы, однако, принуждены были перезимовать на сѣверѣ и теперь отправляемся на Шпицбергенъ».—«Поздравляю васъ отъ всей души. Вы совершили хорошее путешествіе и я радъ, что мнѣ выпало на долю первому поздравить васъ съ возвращеніемъ». Со свойственнымъ англичанамъ гостепріимствомъ, онъ сказалъ, что у него много мѣста для насъ, и что онъ со дня на день ждетъ своего судна. Какъ я узналъ потомъ,—«много мѣста» означало, что на полу хижины найдутся еще нѣсколько квадратныхъ футовъ свободными, которыми мы и можемъ воспользоваться. Конечно, я спросилъ его, что дѣлается дома, и онъ сообщилъ мнѣ, что моя жена и дочь были совершенно здоровы, когда онъ уѣзжалъ два года тому назадъ. Потомъ я говорилъ о Норвегіи и норвежской политикѣ, но онъ ничего не могъ сообщить мнѣ и я счелъ это признакомъ, что все обстоитъ благополучно. Онъ спросилъ, нельзя ли теперь же отправиться за Іогансеномъ, но я замѣтилъ, что, пожалуй, вдвоемъ намъ будетъ тяжело тащить нагруженные каяки по неровному льду, но если у него достаточно людей, то лучше послать ихъ за каяками. Если мы извѣстимъ Іогансена залпомъ изъ ружей, то онъ будетъ терпѣливо ждать. Мы такъ и сдѣлали. Скоро мы повстрѣчали еще нѣсколько человѣкъ: мистера Эрмитеджа, фотографа Чайльда и доктора Кетлица. Они сердечно привѣтствовали меня. Потомъ подошли и другіе: ботаникъ Фишеръ, Бургесъ и финляндецъ Бломквистъ (настоящее имя его было Меленіусъ). Фишеръ разсказывалъ мнѣ потомъ, что онъ тотчасъ же подумалъ, что это я, увидѣвъ человѣка на льду, но затѣмъ усумнился, такъ какъ ему говорили, что я блондинъ, а между тѣмъ передъ нимъ былъ человѣкъ съ черною бородой и волосами. Когда всѣ собрались, Джексонъ со-

общилъ имъ, что я достигъ 86°15' сѣв. ш., и семь сильныхъ голосовъ привѣтствовали меня троекратнымъ британскимъ «ура». Джексонъ отправилъ тотчасъ же своихъ людей за Іогансеномъ и нашими пожитками. Онъ сказалъ мнѣ, что у него есть письма для меня изъ дому, которыя онъ взялъ съ собою, отправляясь на сѣверъ на тотъ случай, если встрѣтитъ. Оказалось, что въ мартѣ онъ находился сравнительно недалеко отъ нашей зимней хижины.

Мы подошли къ дому, представлявшему низкую бревенчатую русскую избу, расположенную у подножія горы. Вокругъ хижины находились конюшня и четыре зданія вродѣ палатокъ, въ которыхъ хранились съѣстные припасы. Мы нашли среди ледяной пустыни теплое уютное гнѣздышко, стѣны котораго и потолокъ были обиты зеленымъ сукномъ и украшены фотографіями, гравюрами, полками, на которыхъ лежали книги и инструменты. Подъ крышей сушились платья и сапоги, а посрединѣ, въ маленькой печкѣ, горящіе уголья бросали яркій свѣтъ, какъ бы привѣтствуя насъ. Странное чувство испыталъ я, усѣвшись на удобный стулъ, среди всей этой непривычной обстановки. Сразу исчезло все, что угнетало мою душу въ теченіе трехъ долгихъ лѣтъ... Мнѣ вручили тщательно запаянную жестянку, въ которой находились письма изъ Норвегіи. Мои руки дрожали, сердце билось, когда я открылъ ее, тамъ находились вѣсти съ родины, только добрыя вѣсти. Пріятное чувство успокоенія наполнило мою душу. Потомъ былъ поданъ обѣдъ. Какое было наслажденіе снова ѣсть хлѣбъ, масло, молоко, сахаръ, кофе и многое другое, чего мы были лишены цѣлый годъ. Но величайшее наслажденіе доставила намъ возможность сбросить свои грязныя тряпки, взять теплую ванну и избавиться хоть частью отъ грязи, которая на насъ накопилась; вполнѣ отмыть ее намъ удалось лишь черезъ нѣсколько дней. Когда мы обмылись хорошенько, остригли волосы и бороду, переодѣлись въ чистое платье, то совершилось превращеніе дикаря въ европейца, и притомъ это превращеніе произошло болѣе внезапно, чѣмъ обратное превращеніе европейца въ дикаря.

Скоро явился Іогансенъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что добрые англичане привѣтствовали его и норвежскій флагъ, который онъ повѣсилъ рядомъ съ грязною шерстяною рубашкой на палкѣ по моему совѣту, чтобы мнѣ легче было найти дорогу назадъ. Англичане не позволили ему везти сани; онъ долженъ былъ идти рядомъ, какъ пассажиръ. Онъ нашелъ, что изъ всѣхъ способовъ нашего путешествія по пловучему льду это былъ самый пріятный. Скоро и онъ подвергся такому же превращенію, какъ я, и я уже не узнаю больше своего товарища, съ которымъ провелъ долгую ночь. Черный, вымазанный сажей пещерный человѣкъ исчезъ, и на его мѣстѣ находится благообразный европеецъ, который сидитъ на удобномъ стулѣ и куритъ коротенькую трубку, держа въ рукахъ учебникъ англійскаго языка...

Понедѣльникъ, 20 іюля. Мы испытываемъ все большее и большее нетерпѣніе. Ожидаемое судно «Виндвардъ» не приходитъ. Джексонъ говоритъ, что оно должно было быть здѣсь уже въ половинѣ іюня. Я такъ жажду уѣхать! Неужели намъ придется провести здѣсь зиму? Зачѣмъ мы не отправились дальше, на Шпицбергенъ? Мы бы теперь были уже дома. Глазъ все время блуждаетъ по безграничной снѣжной равнинѣ. Нигдѣ не видать ни одной темной полосы воды, всюду ледъ, ледъ! Тамъ далеко, за льдами, есть открытая вода, и, быть можетъ, тамъ качается на волнахъ корабль, который долженъ отнести насъ къ родному берегу и везетъ намъ вѣсти съ родины, отъ тѣхъ, кого мы любимъ.

Воскресенье, 26 іюля. Наконецъ, пришло судно! Я проснулся отъ того, что почувствовалъ какъ меня тащатъ за ногу. Это былъ Джексонъ; сіяя радостью, онъ сообщилъ, что пришелъ «Виндвардъ». Я бросился къ окну; судно медленно двигалось за краемъ льда, отыскивая мѣсто, гдѣ бы можно было бросить якорь. Какъ странно было мнѣ опять видѣть пароходъ! Онъ казался мнѣ высокимъ и большимъ, точно островъ. «Виндвардъ» привезъ намъ вѣсти изъ далекаго міра, съ которымъ мы были такъ долго разобщены! Все пришло въ движеніе. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и въ самыхъ удивительныхъ одѣяніяхъ смотрѣли изъ оконъ. Джексонъ и Бломквистъ выбѣжали, едва успѣвъ одѣться. Такъ какъ мнѣ нечего было дѣлать пока, то я снова улегся, но пролежалъ не долго. Бломквистъ, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ. Внимательный Джексонъ прислалъ его увѣдомить меня, что у меня дома все благополучно, но что о Fram'ѣ ничего не слышно. Это первое, о чемъ спросилъ Джексонъ. На сердцѣ у меня стало такъ легко.

Я спалъ въ эту ночь очень мало, но какъ ни старался, не могъ заснуть теперь; ничего другого не оставалось, какъ одѣться и идти на судно. Меня встрѣтили тамъ громкими привѣтствіями. Мы спустились внизъ въ просторную уютную каюту, гдѣ съ жадностью выслушивали сообщаемыя намъ новости и поглощали превосходный завтракъ. Привезенныя новости были дѣйствительно изумительны. Самымъ поразительнымъ было извѣстіе, что теперь можно фотографировать людей черезъ стѣны толщиною въ нѣсколько дюймовъ. Мы узнали также, что японцы побили китайцевъ, и еще многое другое. Не менѣе замѣчательно было то, что теперь весь міръ сталъ особенно интересоваться арктическими странами. Шпицбергенъ сдѣлался страною туристовъ. Тамъ выстроенъ теперь отель, и уже устроена почта, и даже появились почтовыя марки. Далѣе, мы узнали, что Андре дожидается тамъ попутнаго вѣтра, чтобы отправиться къ полюсу на воздушномъ шарѣ. Еслибы мы продолжали свой путь на Шпицбергенъ, то какъ разъ застали бы тамъ все это.

Итакъ, намъ предстояло проститься съ этою послѣднею станціей на нашемъ пути домой! Маленькую колонію обуяла лихорадочная

дѣятельность. Возвращающіеся домой должны были приготовиться къ отъѣзду, а тѣ, кто оставался, написать письма и проч. Но надо было торопиться. Пароходъ постоянно давалъ свистки. За прибрежнымъ льдомъ накопилось уже довольно много рыхлаго льда, и судну будетъ трудно двигаться. Наконецъ, остающіеся перебрались на берегъ, а мы, отъѣзжающіе, отправились на судно. Когда солнце выглянуло изъ за тучъ и освѣтило мысъ «Флора», мы замахали шляпами и прокричали послѣднее привѣтствіе.

7 августа, развернувъ паруса и подъ парами, мы быстро двинулись къ югу по волнующейся поверхности океана. Счастье намъ благопріятствовало. «Виндвардъ» на своемъ пути на сѣверъ встрѣчалъ много льда, черезъ который ему нужно было пробиваться. И теперь мы также встрѣчали ледъ, но онъ былъ рыхлый. Судно находилось въ хорошихъ рукахъ. Капитанъ Броунъ научился долгимъ опытомъ на китоловномъ суднѣ справляться съ препятствіями, гораздо большими, чѣмъ тотъ тонкій ледъ, который встрѣчался намъ теперь на пути. Онъ не оставлялъ своего мѣста, пока на поверхности воды оставался хоть кусочекъ льда.

Невыразимо сладостное чувство испытывали мы, видя снова передъ глазами голубое море. Мы любовались имъ, расхаживая по палубѣ взадъ и впередъ, и съ каждымъ днемъ, приближаясь къ родинѣ. Однажды утромъ мы что-то замѣтили на горизонтѣ. Это было первое парусное судно. Какое счастье находиться снова въ такихъ водахъ, гдѣ плаваютъ и другія суда! Но это судно было далеко, такъ что мы не могли подойти къ нему; потомъ мы встрѣчали и другія суда и въ теченіе дня намъ кромѣ того встрѣтились четыре большихъ чудовища—англійскія военныя суда, вѣроятно отправлявшіяся домой изъ Вардэ, куда они были посланы для наблюденій надъ солнечнымъ затмѣніемъ 9-го августа. Позднѣе вечеромъ (12 августа) я увидалъ какую-то темную полосу на горизонтѣ. Это была земля, Норвегія! Я точно окаменѣлъ и все смотрѣлъ на эту темную полосу, чувствуя, какъ въ душу мою закрадывается страхъ. Какія-то вѣсти ожидаютъ меня тамъ?

Когда я на другой день вышелъ на палубу, то мы находились у самой земли. Это былъ пустынный обнаженный берегъ, врядъ ли болѣе привлекательный, чѣмъ тотъ, который мы покинули въ туманѣ ледовитаго океана, но это была Норвегія. Капитанъ ночью плохо разсчиталъ, и мы подошли къ берегу сѣвернѣе, чѣмъ слѣдуетъ, такъ что намъ стоило нѣкотораго труда добраться въ Вардэ. Мы обогнали таможенный катеръ, который плылъ вдоль берега, но таможеннымъ чиновникамъ нечего было дѣлать у насъ и они къ намъ не явились.

Явились лоцманы, отецъ и сынъ. Они поздоровались съ Броуномъ, не ожидая встрѣтить соотечественниковъ на англійскомъ суднѣ, и потому немного удивились, услышавъ, что я говорю по норвежски. Когда же Броунъ спросилъ ихъ, знаютъ ли они кто я, то старикъ еще разъ взглянулъ на меня, и у него какъ будто про-

мелькнуло какое-то воспоминаніе. Но добрый Броунъ не могъ удерживаться и, произнеся мое имя, схватилъ старика за плечи и потрясъ его въ восторгѣ отъ того, что могъ сообщить ему такую новость! На огрубѣвшемъ отъ непогоды лицѣ стараго моряка появилось выраженіе радости и изумленія. Онъ схватилъ мою руку и поздравлялъ меня съ возвращеніемъ къ жизни; на родинѣ всѣ уже давно считали меня погибшимъ. Потомъ посыпались вопросы объ экспедиціи, о томъ, что дѣлается дома. О Fram еще не было никакихъ извѣстій. Я радъ былъ, что мои близкіе были избавлены такимъ образомъ отъ безпокойства. Тихо и незамѣченный никѣмъ вошелъ пароходъ въ гавань Вардэ. Не успѣли спустить якорь, какъ мы съ Іогансеномъ уже бросились въ лодку, торопясь на телеграфную станцію. Мы пристали къ набережной. На насъ никто и не взглянулъ, и единственнымъ существомъ, удостоившимъ насъ вниманія, была умная корова, остановившаяся посреди узкой улицы и поглядѣвшая на насъ съ изумленіемъ, когда мы проходили мимо. Эта корова такъ напомнила мнѣ лѣто, что у меня явилось желаніе подойти къ ней и погладить ее; теперь я чувствовалъ, что дѣйствительно нахожусь въ Норвегіи.

Придя на телеграфную станцію, я положилъ на конторку цѣлую пачку и заявилъ, что тутъ много телеграммъ, которыя я хотѣлъ бы немедленно отправить. Тутъ было ихъ около сотни и одна или двѣ очень длинныя, чуть не въ тысячу словъ. Начальникъ станціи посмотрѣлъ на меня испытующимъ взоромъ и спокойно принялся развязывать пачку. Но вдругъ его взоръ упалъ на подпись, стоящую внизу, и выраженіе лица измѣнилось; онъ всталъ и подошелъ къ телеграфисткѣ, сидѣвшей у стола. Когда онъ затѣмъ опять повернулся ко мнѣ, то лицо его сіяло радостью, и онъ сердечно привѣтствовалъ меня. Телеграммы будутъ немедленно отправлены, но придется для этого поработать нѣсколько дней и ночей! И вотъ аппаратъ принялся стучать и стучать; раразнеслась по всему міру вѣсть о томъ, что два члена Норвежской экспедиціи вернулась цѣлые и невредимые, и что я ожидаю прибытія Fram осенью. Мнѣ было жаль юныхъ телеграфистокъ въ Вардэ, не мало имъ пришлось поработать въ эти дни. Пришлось отправлять не только мои телеграммы, но и принимать цѣлыя сотни тѣхъ, которыя приходили изъ разныхъ мѣстъ, адресованныя не только намъ, но и жителямъ города съ просьбой сообщить о насъ извѣстія.

Когда я уходилъ съ телеграфной станціи, начальникъ сказалъ мнѣ, что въ городѣ находится мой другъ, проф. Монъ. Вѣсть о нашемъ прибытіи уже разнеслась по городу, и на улицахъ сталъ собираться народъ, поглядѣть на двухъ полярныхъ медвѣдей, направлявшихся къ отелю. Я вбѣжалъ въ гостинницу и спросилъ гдѣ Монъ. Мнѣ сказали, что онъ отдыхаетъ, но мнѣ до этого не было дѣла и я ворвался къ нему въ номеръ. Монъ лежалъ на диванѣ и читалъ, куря длинную трубку. Онъ взглянулъ съ изумленіемъ на

мою длинную фигуру, но въ ту же минуту трубка выпала у него изъ рукъ, лицо передернуло и онъ вскрикнулъ:—«Возможно ли, это Фритіофъ Нансенъ?»—Глаза его наполнились слезами, и онъ заключилъ меня въ объятія, затѣмъ наступила очередь Іогансена. Радости не было границъ; мы засыпали другъ друга вопросами, безъ всякой связи, почти безъ смысла, торопясь высказать скорѣе все, что проносилось въ головѣ. Намъ труднѣе всего было заставить Мона понять, что никакого несчастья не произошло, и что мы сами покинули наше великолѣпное судно. Но мало-по-малу онъ все понялъ. На столѣ появилось шампанское и сигары. Еще одинъ знакомый съ юга жилъ въ этой же гостинницѣ; ему нужно было поговорить съ Мономъ, и онъ вошелъ, но увидѣвъ, что у Мона гости, хотѣлъ было уйти. Но вдругъ онъ остановился, вытаращивъ на насъ глаза, и пораженный изумленіемъ остановился точно прикованный къ мѣсту. Потомъ мы выпили съ нимъ за экспедицію и за Норвегію. Ясно было, что мы должны были провести весь вечеръ у Мона, и мы сидѣли и говорили безъ умолку. Между тѣмъ, весь городъ уже узналъ о нашемъ прибытіи и, выглянувъ въ окно, мы увидали, что всѣ зданія и мачты судовъ въ гавани разцвѣтились норвежскими флагами, потомъ стали приходить телеграммы, принесшія намъ добрыя вѣсти, и всѣмъ нашимъ тревогамъ пришелъ конецъ.

Но не хватало Fram. Однако на этотъ счетъ мы были спокойны; судно должно было прибыть вскорѣ. Первое, что намъ нужно было сдѣлать, вступивъ на норвежскую почву,—это позаботиться о своемъ гардеробѣ, но не легко было пробираться по улицамъ, наполненнымъ толпой, а какъ только мы входили въ лавку, она тотчасъ же наполнялась народомъ. Мы провели нѣсколько незабвенныхъ дней въ Вардэ, гдѣ встрѣтили такой радушный и сердечный пріемъ. Утромъ, въ воскресенье 16 августа, мы простились съ Вардэ и 21-го прибыли въ Гаммерфестъ. Дорогой насъ вездѣ встрѣчали цвѣтами и флагами и теперь, когда мы вошли въ гавань самого сѣвернаго города Норвегіи, то увидѣли, что онъ весь разукрашенъ по праздничному и тысячи людей дожидались насъ на пристани. Къ моему великому удивленію я встрѣтилъ тутъ моего стараго друга сэра Джорджа Баденъ Поуэлля, великолѣпная яхта котораго находилась въ гавани. Онъ только что вернулся изъ очень успѣшной экспедиціи на Новую Землю, гдѣ наблюдалъ, вмѣстѣ съ англійскими астрономами, солнечное затмѣніе 9-го августа. Съ истинно-британскимъ гостепріимствомъ онъ предоставилъ въ мое распоряженіе свою яхту, и я охотно принялъ его приглашеніе.

Вечеромъ пріѣхала моя жена и мой секретарь Христоферсенъ, и послѣ блестящаго праздника, устроеннаго въ этотъ вечеръ въ Гаммерфестѣ въ честь нашего прибытія, мы перебрались на яхту Поуэлля, гдѣ дни летѣли незамѣтно. Телеграммы и привѣтствія непрерывнымъ потокомъ направлялись къ намъ со всѣхъ концовъ міра.

Но гдѣ же Fram? Я телеграфировалъ, что ожидаю его возвращенія въ этомъ году, а, между тѣмъ, его все еще нѣтъ! Я все больше и больше думалъ объ этомъ и, перебирая въ умѣ всѣ случайности, всетаки приходилъ къ убѣжденію, что Fram уже долженъ былъ освободиться отъ льда, если не случилось какого либо несчастія. Утромъ 20-го августа, едва я успѣлъ проснуться, сэръ Джорджъ постучался ко мнѣ въ двери и сказалъ, что какой-то человѣкъ настоятельно требуетъ свиданія со мною. Я отвѣтилъ, что еще не одѣтъ, но сейчасъ одѣнусь и выйду. Не бѣда, сказалъ сэръ Джорджъ, выходите какъ есть. Это меня удивило, и я спросилъ въ чемъ дѣло. Сэръ Джорджъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, но что очевидно дѣло спѣшное. Я, однако, одѣлся и тогда только вышелъ въ салонъ. Тамъ меня ждалъ какой-то господинъ съ телеграммой въ рукахъ. Онъ сказалъ, что онъ начальникъ телеграфа, и что у него есть для меня телеграмма, которая, какъ онъ полагалъ, должна меня сильно заинтересовать, поэтому онъ самъ и принесъ ее мнѣ. Что бы это такое было? Во всемъ мірѣ только одно могло бы заинтересовать меня! Я дрожащими руками разорвалъ конвертъ и прочелъ:

Фритіофу Нансену.

«Fram прибылъ сегодня въ хорошемъ состояніи, на суднѣ все благополучно. Отплываемъ въ Тромзе, привѣтствуемъ васъ на родинѣ. Отто Свердрупъ».

У меня захватило дыханіе, и я съ трудомъ могъ проговорить: «Fram прибылъ!» Сэръ Джорджъ, стоявшій рядомъ, вскрикнулъ отъ радости, Іогансенъ также, Христоферсенъ былъ внѣ себя отъ восторга, и среди насъ стоялъ начальникъ телеграфа, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ. Я побѣжалъ въ свою каюту и крикнулъ женѣ, что Fram прибылъ. Она также одѣлась быстрѣе обыкновеннаго и вышла на верхъ. Мнѣ все еще не вѣрилось, это была точно волшебная сказка. Я все читалъ и перечитывалъ телеграмму, чтобы убѣдить себя, что я не во снѣ это вижу, потомъ вдругъ мною овладѣло какое-то радостное спокойствіе, какого я никогда еще не испытывалъ. На яхтѣ, въ гавани и въ городѣ всѣ ликовали, съ «Виндварда», поднимавшаго якорь и собиравшагося идти въ Тромзэ, раздавалось оглушительное «ура» въ честь Fram и норвежскаго флага. Мы собирались отправиться въ Тромзэ въ тотъ же вечеръ, но рѣшили теперь отправиться въ путь, какъ можно скорѣе, чтобы настигнуть Fram въ Скерве, находящемся по дорогѣ. Я пробовалъ задержать судно телеграммой, адресованной Свердрупу, но она пришла слишкомъ поздно. Утромъ за завтракомъ было очень весело. Мы съ Іогансеномъ говорили о томъ, какъ это странно, что мы скоро увидимъ своихъ товарищей. Сэръ Джорджъ ежеминутно вскакивалъ со своего мѣста и восклицалъ, ударяя рукой по столу: Fram прибылъ! Въ самомъ дѣлѣ прибылъ!— Его жена принимала также участіе въ нашей радости.

На другой день мы входили въ гавань Тромзэ и тамъ увидѣли Fram, наше крѣпкое и испытанное судно. Удивительное чувство испытывали мы, увидѣвъ высокій такелажъ судна, его корпусъ и все, что намъ было такъ хорошо знакомо. Когда мы оставили его, оно было заковано во льдахъ; теперь оно было свободно и гордо плавало по голубому морю, по водамъ Норвегіи. Мы бросили якорь и въ слѣдующую минуту экипажъ Fram былъ у насъ на яхтѣ. Я не стану и пытаться описать наше свиданіе. Не думаю, что кто нибудь изъ насъ могъ думать и чувствовать въ эту минуту что нибудь другое, кромѣ того, что мы въ Норвегіи, что мы опять вмѣстѣ и что задача экспедиціи выполнена!

Затѣмъ мы всѣ поплыли вдоль норвежскаго берега. Впереди шелъ «Гаалаголандъ», зафрахтованное казной буксирное судно, за нимъ «Fram» и наконецъ, яхта «Отарія», изящная и легкая, на которой я находился съ женой; она насъ отвозила въ Дронтгеймъ.

Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, насъ встрѣчалъ норвежскій народъ, и вездѣ насъ одинаково горячо привѣтствовали, какъ на пароходахъ, наполненныхъ разодѣтою по праздничному толпой, такъ и на бѣдныхъ рыбачьихъ лодкахъ, одиноко стоящихъ между скалами. Точно мы совершили что нибудь необыкновенное! Вѣдь мы только исполнили свой долгъ, задачу, которую взялись выполнить. Особенно вспоминается мнѣ одно утро. Это было въ Бронезундѣ, утро было сѣрое и морозное, когда меня разбудили словами, что собралась толпа, желающая насъ привѣтствовать. Я совсѣмъ заспанный вышелъ на палубу. Весь зундъ былъ покрытъ лодками, мы медленно проѣхали между ними, но «Гаалголандъ», находившійся впереди, увеличилъ нѣсколько скорость своего хода, такъ что и мы поѣхали быстрѣе. Какой-то рыбакъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы держаться рядомъ съ нами, что было нелегко. «Вы не хотите купить рыбы?»—крикнулъ онъ мнѣ.—«Нѣтъ, не собираюсь». «Быть можетъ, вы можете сказать мнѣ, гдѣ находится Нансенъ? Онъ не на Fram»? «Нѣтъ, я полагаю, что онъ здѣсь». «О, я бы такъ хотѣлъ знать, не могу ли взойти на судно, какъ бы хотѣлось взглянуть на него». «Врядъ ли это можно; останавливаться нѣтъ времени». «Жаль! Мнѣ такъ бы хотѣлось видѣть его». Онъ усиленно гребъ, но ему становилось все труднѣе держаться наравнѣ съ нами. Онъ пристально смотрѣлъ на меня; я же, смѣясь, перегнулся къ нему черезъ бортъ; Христоферсенъ стоялъ возлѣ меня и улыбался. «Если вы такъ хотите видѣть Нансена, сказалъ я, то я могу вамъ сказать, что онъ передъ вами». «Это вы! Ахъ, какъ я не догадался! Привѣтъ вамъ на родинѣ!» И рыбакъ, опустивъ весла и вставъ въ лодкѣ, снялъ шапку... Сидя на палубѣ роскошной англійской яхты въ это прекрасное утро и любуясь норвежскимъ берегомъ, залитымъ солнечнымъ свѣтомъ, я впервые созналъ, какъ близки моему сердцу и эта страна и этотъ

народъ. Если мы внесли хоть одинъ лучъ свѣта въ жизнь этого народа, то эти три года пропали недаромъ. Я чувствовалъ сколько жизни, сколько силы скрывается въ этомъ народѣ, и какъ въ видѣніи рисовалось мнѣ его великое, богатое будущее, когда, наконецъ, его скрытымъ силамъ будетъ данъ просторъ и онѣ въ состояніи будутъ развернуться...

Мы подвигались вдоль норвежскаго берега отъ города къ городу, переходя отъ одного праздника къ другому. 9-го сентября Fram вошелъ въ фіордъ Христіаніи, гдѣ судну была устроена такая встрѣча, какой могъ бы позавидовать король. Огромные старые броненосцы и новыя суда, и маленькія проворныя миноноски шли впереди насъ. Вокругъ насъ кишѣли пароходы, наполненные людьми. Вездѣ развѣвались флаги, пушки гремѣли, раздавалось «ура» и въ воздухѣ поднимались шапки и платки. Вездѣ мы видѣли сіяющія лица, весь фіордъ какъ бы привѣтствовалъ насъ. Весь заливъ Пепервикъ превратился въ одну массу судовъ, людей, флаговъ и развѣвающихся вымпеловъ. Затѣмъ съ каждаго военнаго судна раздалось по 13 выстрѣловъ и старинный фортъ Акерсгузъ прогремѣлъ свои тринадцать выстрѣловъ, эхо которыхъ раскатилось по всѣмъ окрестнымъ холмамъ.

Вечеромъ я стоялъ на берегу фіорда. Шумъ празднества уже замолкъ, и кругомъ меня высились только темные и безмолвные хвойные лѣса. На скалѣ еще дымились и тлѣли уголья костра, зажженнаго въ честь нашего прибытія, а у моихъ ногъ плескалось море, волны котораго какъ будто шептали: «Теперь ты дома!» Мирное спокойствіе осенняго вечера благодѣтельно дѣйствовало на утомленную душу. Я не могъ не вспомнить то дождливое іюньское утро, когда я въ послѣдній разъ стоялъ на этомъ берегу. Прошло болѣе трехъ лѣтъ; мы боролись, мы посѣяли, и теперь наступило время жатвы. Душа моя была преисполнена глубокой радости и благодарности. Ледъ и долгія лунныя полярныя ночи со всѣми своими муками кажутся мнѣ далекимъ сновидѣніемъ другого міра, которое появилось и исчезло. Но какую же цѣну имѣла бы жизнь, еслибъ не было этихъ грезъ?

Подъ шумъ дождя.

Душно... душно... Мнѣ не спится.
Ночь, какъ я, безъ сна томится
И вздыхаетъ, и считаетъ маятника стукъ.
Сердцу жутко отъ покоя.
Бредитъ мысль... Открылъ окно я...
Тишиною неземною все полно вокругъ.

Садъ не дрогнетъ, не шелохнетъ,
Влаги ждетъ, безъ влаги сохнетъ...
Небо въ тучахъ; и въ пахучихъ чашечкахъ цвѣтовъ
Ароматы притаились...
Точно всѣ безъ словъ молились,
Чтобъ живою палъ росою дождь изъ облаковъ.

И неясный звукъ раздался.
То не съ вѣтки-ль листъ сорвался...
Взволновался, зашептался густолистый садъ:
Дождевыя капли съ неба,
Какъ съ колосьевъ зерна хлѣба,
Осыпаясь, учащаясь, по листвѣ стучатъ.

И какой-то шорохъ внятный,
Переливный, благодатный,
Стройно, важно и протяжно потянулъ въ вѣтвяхъ...
Будто велъ съ землею споры
И держалъ переговоры
О небесныхъ, о чудесныхъ тайнахъ и дѣлахъ.

И подъ гулъ дождя ночного
Какъ-то сладостно и ново
    Мнѣ мечталось и дышалось въ мракѣ у окна.
И казалося, со мною
Рѣчью мягкой и родною
    Говорила и сулила счастіе весна.

Чьи-то тѣни колыхались,
Чьи-то очи загорались,
    Вспоминались, улыбались милыя черты...
Дождь прошелъ... Душистый, свѣжій
Смолкнулъ садъ... Все тише, рѣже
    Трепетали и роняли капельки листы.

А. М. Өедоровъ.

О самообученіи взрослыхъ иностраннымъ языкамъ.

Снимется ли когда-нибудь съ насъ бремя изученія иностранныхъ языковъ; дождемся ли мы всемірнаго языка?

Одни отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно и стараются насъ увѣрить, что всемірнымъ языкомъ будетъ либо англійскій, либо русскій, либо какой-нибудь искусственный языкъ—волапюкъ, эсперанто или—какъ тамъ они еще называются?

Не мало есть однако же и людей строптивыхъ; они остаются при убѣжденіи, что ни намъ, ни потомкамъ нашимъ, всемірнаго языка и во вѣкъ не дождаться, такъ какъ всякій изъ существующихъ языковъ, въ силу своего собственнаго развитія, тяготѣетъ не къ объединенію съ другими языками, а къ распаденію, сообразно съ различіемъ условій говорящихъ на немъ различныхъ группъ. Что же касается искусственныхъ языковъ, то, если можно говорить о нихъ, забывъ на время о существованіи законовъ развитія человѣческой рѣчи, то придется сказать, что шансы ихъ распаденія гораздо болѣе многочисленны и сильны, чѣмъ шансы распаденія любого изъ современныхъ живыхъ языковъ: каждый изъ нихъ отстаивается своимъ прошлымъ и настоящимъ значеніемъ, каждый охраняется тою народностью, выраженіемъ которой онъ служитъ, а кто же отстаиваетъ и охраняетъ какой-нибудь волапюкъ? Зато и устойчивость волапюка оказалась менѣе прочною, чѣмъ устойчивость, не то, что языка или же нарѣчія, а любого живого говора или даже жаргона. Наконецъ, еслибы—допустимъ—всемірный языкъ, вопреки всякимъ предвидѣніямъ, и могъ бы установиться, ну, хоть для коммерческихъ или иныхъ дѣловыхъ сношеній, то вѣдь и помыслить невозможно, чтобы мы стали читать Шекспира на языкѣ эсперанто или Грибоѣдова на волапюкѣ. Вѣдь этакъ могъ бы оволапючиться человѣкъ: могъ бы наступить конецъ всему индивидуальному, характерному, живому; могло бы быть положено начало такому вырожденію духовной жизни человѣчества, расцвѣтающей роскошнымъ множествомъ разнообразныхъ

формъ проявленія, что это начало навѣрно было бы «началомъ конца».

И все же, говоря такъ, мы говоримъ о завтрашнемъ днѣ, и ради долгаго, долгаго *сегодня* надо знать то, что довлѣетъ злобѣ *сего дня*. Злобѣ же его годъ отъ года довлѣетъ уже не отечественный только языкъ, не одинъ какой-нибудь иностранный въ придачу, а два, не то три. Время изученія языковъ не только не снимается, а все становится болѣе и болѣе тяжкимъ.

Возьмемъ сперва хоть положеніе ученаго и литератора. Не очевидно ли, что развитіе международныхъ сношеній приводитъ къ такому тѣсному, часто непосредственному, сближенію людей науки и литературы разныхъ странъ между собою на съѣздахъ, конгрессахъ и т. д., что незнающему двухъ, трехъ языковъ остается только запереться дома и ни на какія международныя совѣщанія не показываться. Неизбѣжно приходится поэтому знать иностранные языки всякому, кто ученыхъ и литературныхъ съѣздовъ и конгрессовъ принципіально не отвергаетъ или, пожалуй, еще усматриваетъ въ нихъ пользу и цѣнитъ свое въ нихъ участіе.

Итакъ, ученые и литературные конгрессы и съѣзды, выражая собою развитіе международныхъ сношеній и происшедшее оттого расширеніе сцены общественной дѣятельности, способствуютъ возрастанію потребности знанія иностранныхъ языковъ. Если же мы сравнимъ съ этимъ, имѣющимъ лишь внѣшнее значеніе и количественный характеръ, элементомъ элементъ внутренній, качественный—измѣненіе методовъ научнаго познанія—то намъ придется признать, что послѣдній имѣетъ на расширеніе потребности изученія иностранныхъ языковъ еще большее вліяніе. И въ самомъ дѣлѣ, затягиваемыя въ сѣть международныхъ отношеній личности могутъ иногда внѣшнему воздѣйствію и не поддаваться, тогда какъ внутренній мотивъ не можетъ не дѣйствовать неотразимо. Бываютъ случаи, что делегатъ на какомъ-нибудь всесвѣтномъ собраніи, удививъ съѣхавшихся представителей своей спеціальности крайнею своею отсталостью и дикимъ невѣжествомъ, спрячется самъ отъ себя въ туманѣ собственнаго бреда величія и останется поэтому при мизерномъ обиходѣ своей нищенской эрудиціи, точно такъ же, какъ то бывало въ доброе старое время, когда ни о какихъ съѣздахъ и конгрессахъ не было, да и не могло быть, и помина. Но если для бравированія международнаго позора необходимо имѣть лобъ изъ необычайно крѣпкаго, а, слѣдовательно, и рѣдкаго, металла, то пренебреженіе иностранными языками для облегченія набѣговъ на науку у себя дома не затруднительно и для обыденнѣйшихъ мѣдныхъ лбовъ, хорошо приспособленныхъ къ щелканію отечественной критики. Слабость внѣшняго мотива, вскрываемая такими и подобными случаями, должна, однако же, служить для насъ хотя и отрицательнымъ, но вѣскимъ доказательствомъ важности знанія иностранныхъ языковъ, такъ какъ снаб-

женные мѣдными и иными лбами якобы-ученые неизбѣжно получают для насъ то значеніе, которое имѣли для спартанца пьяные илоты.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ внутренній мотивъ, никогда въ прикрываемыхъ мѣдною бронею пустотахъ не зарождающійся. Паденіе умозрительнаго метода и замѣщеніе его методомъ опытнымъ именно и создаетъ внутренній мотивъ, о которомъ я говорю. Въ настоящее время одни только философы продолжаютъ еще самоуслаждаться высасываніемъ изъ пальца различныхъ абструзныхъ теорій, прославляемыхъ герольдами метафизики какъ «глубокія»; для натуралистовъ же, «время, когда изученіе начиналось и оканчивалось въ гербаріи или музеѣ», миновало безвозвратно; стало ясно, что вытекающее изъ такого источника знаніе лишено жизненности: пришлось «плыть за моря, ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ». И не однихъ только натуралистовъ подхватило и понесло это мощное теченіе. Этнографическіе, лингвистическіе, фольклорные интересы дѣйствовали столь же интенсивно, какъ геологическіе, ботаническіе, метеорологическіе и т. д. Сѣверный полюсъ, внутренняя Африка, Тибетъ влекли къ себѣ неутомимыхъ изслѣдователей и порождали въ нихъ напряженную жажду къ изученію иноземныхъ языковъ, Пренебречь этимъ изученіемъ значило бы во всѣхъ этихъ случаяхъ пренебречь самимъ собою.

Но, если потребность въ опытѣ и наблюденіи и не побуждала иногда къ исканію за морями того, что подлежало имъ, то все же потребность сама собою неизбѣжно побуждала къ непосредственному ознакомленію и съ литературными источниками, отвращая отъ переводовъ. Чуждый формальныхъ отношеній, присущихъ внѣшнему мотиву, мотивъ внутренній, въ силу характера того метода, изъ котораго онъ проистекалъ, требовалъ подлинности, непосредственности, полноты, и не терпя никакой видимости, никакого показного конца, никакой поддѣлки. Истинная и дѣйствительно глубокая эрудиція возникла поэтому въ нѣдрахъ научныхъ изысканій, коренящихся въ наблюденіи и опытѣ, и дала образцы, и по обширности знаній языковъ, между прочимъ, истинно-поразительные.

Ученый и литераторъ неизбѣжно циркулируютъ, конечно, по путямъ всесвѣтныхъ сношеній и, такъ или иначе, больше или меньше, несутъ на себѣ обязательства, вытекающія изъ ихъ положенія. Это положеніе подводитъ ихъ подъ своего рода «noblesse oblige» нашего времени; но и обыкновенный читатель или заурядный обыватель, пребывающій въ мирныхъ уголкахъ, удаленныхъ отъ большихъ путей, очень часто при извѣстныхъ благопріятствующихъ условіяхъ втягиваются въ интересы всесвѣтной сутолоки и подпадаютъ всѣмъ послѣдствіямъ ея воздѣйствія. Пусть читатель и обыватель и не покушаются предаваться тому или иному спеціальному изученію, не берутся писать трактаты, не дерзаютъ пускаться въ чужіе края,—все же и у нихъ могутъ быть солидные

резоны не удовлетворяться ни количествомъ, ни качествомъ предлагаемыхъ имъ переводовъ, ни бѣглостью и отрывочностью свѣдѣній о современной текущей прессѣ на западѣ, и самимъ заботиться о добытіи ключа отъ двери, за которою находятся интересующіе ихъ подлинники. Нѣтъ необходимости, впрочемъ, чтобы читатель замѣтилъ и почувствовалъ глумленіе надъ собою переводчика, посягающаго подавить его тою галиматьей, которую онъ выдаетъ за воспроизведеніе иностраннаго оригинала; пусть читатель и признаетъ доброкачественность предлагаемаго ему перевода, пусть онъ и удовольствуется имъ, какъ переводомъ; но нельзя же отнять отъ него возможности удовлетворить желанію пережить непосредственно впечатлѣніе отъ твореній великихъ умовъ, разъ такое желаніе возникло. Вѣдь и самый лучшій переводчикъ все же тоже предатель—traduttore—traditore. Почему же и не прислушаться къ голосу самихъ писателей,—не пережить чаръ подлинной рѣчи славныхъ словесныхъ творцовъ, уловить въ ихъ писаніяхъ тотъ послѣдній, завершающій совершенство ихъ созданій штрихъ, который не поддается никакой передачѣ? Вѣдь все это значитъ пріобрѣсти еще одну душу въ свое тѣло, какъ говорилъ еще Эней Сильвій Пиколомини (папа Пій II); а кто откажется отъ этого—была бы только возможность! Возьмемъ, наконецъ, и такой еще случай: любознательность читателя, ощутившаго тѣсноту предлагаемой ему переводной литературы, устремляется въ такія области, которыя, въ силу такихъ или иныхъ обстоятельствъ, оказываются обойденными переводчиками; читатель хочетъ узнать, о чемъ писали тѣ, которые извѣстны ему только по именамъ. Одинъ только путь ведетъ въ эти неизвѣданные для него регіоны—изученіе иностранныхъ языковъ. Онъ вступаетъ на этотъ путь и вознаграждается тѣмъ отраднымъ чувствомъ, которое можетъ стать рядомъ съ душевнымъ волненіемъ путешественника, проникающаго въ неизвѣстныя страны, или ученаго, совершающаго открытіе въ наукѣ, а иногда и съ эмоціей прозрѣвающаго слѣпца. И развѣ для такого результата не стоитъ потрудиться, не стоитъ посидѣть надъ учебникомъ, не стоитъ посидѣть годъ, полтора, чтобы потомъ пользоваться пріобрѣтеннымъ всю жизнь?

Такъ намѣчаются въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя вызываютъ все болѣе и болѣе возрастающій интересъ къ изученію иностранныхъ языковъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій этого интереса слѣдуетъ считать запросъ на знаніе иностранныхъ языковъ, вызывающій предложеніе, во многихъ случаяхъ представляющее шансы на большій или меньшій заработокъ. Начиная съ «переводовъ», оплачиваемыхъ эксплуататорами крайне низко, заработокъ этотъ захватываетъ корректорскія занятія, дѣловую переписку въ торговыхъ и банкирскихъ конторахъ и т. д. Толпа, жаждущая этого заработка, хотя и относится къ знанію языковъ нѣсколько по своему, представляетъ, тѣмъ не менѣе, осо-

бенно острое желаніе овладѣть тѣмъ или другимъ языкомъ отчетливо, легко, скоро и дешево.

Въ предшествовавшихъ строкахъ я старался дать общія указанія на нѣкоторые главнѣйшіе мотивы изученія иностранныхъ языковъ. Перечисленные мною случаи относятся къ тѣмъ категоріямъ языкоизученія, въ предѣлахъ которыхъ языкъ является или средствомъ заработка или средствомъ расширенія сферы познанія и устраненія посредствующихъ моментовъ между изучающимъ ту или иную спеціальность и его источниками. Если мы представимъ себѣ, что всѣ эти случаи расположены въ линейный рядъ, въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ возрастанію интенсивности усвоенія теоріи даннаго языка, то должны будемъ признать, что рядъ нашъ не заключаетъ въ себѣ мыслимо наивысшаго теоретическаго познанія, и намъ придется во главѣ ряда поставить новый, добавочный, членъ, въ которомъ изученіе того или иного языка, хотя по по прежнему и остается средствомъ расширенія области познанія, цѣлью себѣ ставитъ въ то же самое время познаніе законовъ развитія человѣческаго языка вообще. Въ этомъ случаѣ мотивъ изученія языковъ будетъ иной, чѣмъ въ исчисленныхъ выше случаяхъ, а въ зависимости отъ мотива и способы изученія будутъ также иные; словомъ, вся постановка дѣла окажется совершенно новою.

Формулировка требованій, отвѣчающихъ такой постановкѣ изученія иностранныхъ языковъ, бываетъ различна; преимущество остается, конечно, за тою, которая будетъ отличаться послѣдовательностью. Обладающими такимъ свойствомъ можно счесть, какъ я полагаю, и соображенія профессоровъ университета въ Галле гг. Сюшье и Вагнера, изложенныя въ ихъ «Rathschläge für die Studierenden des Französischen und des Englischen an der Universität Halle», 1894. «Изученіе живыхъ иностранныхъ языковъ обыкновенно считается за дѣло легкое, сказано здѣсь, но такое мнѣніе лишено основанія, такъ какъ удовлетворительнаго завершенія своихъ занятій можетъ достигнуть только тотъ, кто усердно и ревностно посвятитъ себя загодя избранной имъ спеціальности. Многіе, удовлетворительно выполнявшіе требованія гимназическаго обученія, склонны къ преувеличенію значительности своихъ познаній и воображаютъ, что эти знанія могутъ оказаться почти достаточными для выполненія ожидающихъ ихъ учительскихъ обязанностей, а потому и допускаютъ небрежное отношеніе къ важнѣйшимъ сторонамъ университетскихъ занятій. Нѣтъ достаточныхъ предостереженій противъ такого заблужденія.

«Обученіе живымъ языкамъ, болѣе, чѣмъ какая либо другая спеціальность высшаго образованія, требуетъ, кромѣ теоретическаго знанія, еще и практическаго навыка. Съ перваго же семестра студенту предстоитъ озаботиться о томъ, чтобы имѣть возможность усиленно подвигаться по обоимъ этимъ направленіямъ.

«И лекціи поэтому распадаются на теоретическія и практи-

ческія, среднее мѣсто между которыми занимаетъ истолкованіе текстовъ.

«Важнѣйшими теоретическими лекціями считаются: лекціи по произношенію, по исторической грамматикѣ и по исторіи литературы. Практическія лекціи излагаются лекторомъ на соотвѣтствующемъ языкѣ, и сверхъ ихъ, лекторъ ведетъ бесѣды съ учащимися въ видахъ доставленія имъ возможности и самимъ упражняться въ языкѣ».

Кромѣ того, Сюшье и Вагнеръ совѣтуютъ студентамъ слушать всѣ тѣ лекціи, предметы которыхъ представляютъ точки соприкосновенія съ изученіемъ новыхъ языковъ, а именно: исторію философіи, логику, психологію и эстетику, затѣмъ еще: науку о языкѣ и особенно общую фонетику, политическую исторію, исторію культуры, исторію искусствъ и исторію нѣмецкой литературы.

Этотъ перечень не содержитъ въ себѣ всѣхъ требованій, указываемыхъ авторами «совѣтовъ», но и изъ него уже видно, что, согласно плану профессоровъ Галлескаго университета, филологи—студенты ставятся въ совсѣмъ особливое положеніе, не только непосильно-обременительное для лицъ, посвятившихъ себя инымъ спеціальностямъ, но и представляющее еще цѣлую массу совершенно безполезнаго для этихъ послѣднихъ труда. Планъ этотъ приводитъ, кромѣ того, къ тому убѣжденію, что самообученіе языкамъ для филологовъ можетъ имѣть лишь подготовительное значеніе, такъ какъ никто по сіе время и не пытался даже сооружать такіе курсы самообученія, которые конкуррировали бы со средствами, предоставляемыми филологу, при осуществленіи набросаннаго выше плана, въ университетѣ.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію условій изученія иностранныхъ языковъ помимо спеціальности филолога, я обращаю прежде всего вниманіе на то, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда языкъ является только въ смыслѣ «средства», на первый планъ выступаетъ «автоматичность» въ усвоеніи языка. Остановится ли изучающій на пассивномъ знаніи языка, или пойдетъ дальше и поучится говорить и писать на томъ языкѣ, во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы пользованіе усвоеннымъ языкомъ было, по возможности, столь же непосредственно, какъ и пользованіе роднымъ языкомъ. Такая степень совершенства его знанія представляетъ собою единственное мѣрило его успѣховъ. Что же касается сознательности его познаній, т. е. теоретической ихъ подосновы, то она хотя и должна быть преслѣдуема всякимъ учащимся, не можетъ, однако, быть развиваема при самомъ обученіи языку въ наивысшей ея степени, какъ то должно имѣть мѣсто у спеціалистовъ-филологовъ. На практикѣ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ установится, конечно, тотъ уровень сознательности усвоенія, который будетъ соотвѣтствовать уровню общаго образованія даннаго лица. При самомъ же преподаваніи возможно

будетъ посвятить теоріи лишь столько времени, сколько окажется возможнымъ безъ нанесенія ущерба преподаванію данной спеціальности, лишь бы время это соотвѣтствовало хоть минимуму тѣхъ требованій, которыя будутъ признаны неизбѣжными съ чисто-дидактической точки зрѣнія.

Пренія и споры, которые цѣлый рядъ лѣтъ велись, да и теперь еще ведутся, въ Германіи, по поводу метода преподаванія новыхъ языковъ, ясно показали, до какой степени трудно установить нормы желательной гармоніи между теоретическою и практическою сторонами преподаванія. Я не имѣю возможности разсматривать теперь вопросъ о томъ, не преувеличиваются ли трудности уясненія этихъ нормъ смѣшеніемъ спеціальностей; для насъ гораздо важнѣе другая сторона дѣла, а именно, что и по выдѣленіи филологовъ изъ круга занимающаго насъ обсужденія, все же таки не легко будетъ примирить практику, тяготѣющую къ безсознательному механизму, съ теоріей, постоянно угрожающей превратить средство въ цѣль и лишить учащагося столь драгоцѣнной для него автоматичности въ пользованіи языкомъ. И учащіе, и учащіеся равно заинтересованы въ раціональной постановкѣ этого, столь важнаго для нихъ всѣхъ, дѣла.

Только представители высшаго обученія могутъ дать и достодолжную постановку и компетентное разрѣшеніе этого насущнаго вопроса. Въ Германіи многіе изъ принимавшихъ участіе въ упомянутыхъ выше спорахъ весьма основательно настаиваютъ на томъ, чтобы профессора университетовъ не уклонялись и отъ разсмотрѣнія чисто-дидактическихъ и педагогическихъ затрудненій. И въ самомъ дѣлѣ, кто же примиритъ противорѣчія въ мнѣніяхъ преподавателей, кто установитъ и поддержитъ высоту уровня этихъ мнѣній, кто укажетъ на просвѣты вѣроятнаго будущаго? Всего этого можно ожидать только отъ университета. Учителя сплошь и рядомъ и не подготовлены къ рѣшенію высшихъ вопросовъ преподаванія, и не имѣютъ въ своемъ пользованіи всего необходимаго для углубленія въ эти вопросы матеріала, а нерѣдко лишены и необходимаго для обширныхъ занятій досуга.

Такъ представляется мнѣ положеніе дѣла въ сферѣ преподаванія иностранныхъ языковъ; посмотримъ теперь, какимъ является оно въ имѣющемъ такое обширное распространеніе «самообученіи», спеціально насъ въ настоящемъ случаѣ интересующемъ.

Я только что указалъ на трудности установленія нормъ равновѣсія между теоріей и практикой при преподаваніи; но если читатель не утеряетъ изъ виду, что при преподаваніи могутъ имѣть мѣсто различныя нормы, что однѣ и тѣ же нормы могутъ варіировать въ немъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, то онъ согласится, что установленіе этихъ нормъ въ курсѣ самообученія представляетъ несравненно большія трудности. Очевидно вѣдь, что въ такомъ курсѣ разъ навсегда и одинаково для всѣхъ должна быть установ-

лена извѣстная средняя норма, доступная для всякаго учащагося и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточная для поднятія обученія до сознательности. Урегулированные такою нормою пріемы самообученія должны быть проведены отъ начала до конца курса такъ, чтобы прошедшій его сполна былъ бы въ состояніи правильно и сознательно говорить, читать и писать, обладая при этомъ такою степенью бѣглости, которая, на сколько то возможно, приближалась бы къ полной автоматичности.

Составленіе такого курса не подъ силу всякому, хотя бы и хорошему учителю. И, если за рѣшеніе этой задачи берутся не только хорошіе, но и всякіе, зато мы и имѣемъ такую массу «самоучителей», поражающихъ скудостью взглядовъ составителей, узкостью ихъ кругозора, аляповатостью всѣхъ ихъ пріемовъ. Попробуйте учиться языку по такому курсу, и вы истоскуетесь, истомитесь, потеряете бездну времени, и въ результатѣ пріобрѣтете очень смутныя, безсвязныя, а часто и невѣрныя понятія о языкѣ, говорить на немъ никогда не научитесь, а произносить будете такъ, что дѣйствительно-знающій этотъ языкъ даже и не разберетъ, на какомъ языкѣ вы къ нему обращаетесь. Знаменитый курсъ Робертсона можно поставить во главѣ безтолково изложенныхъ и извращающихъ произношеніе «самоучителей». Человѣкъ старается, трудится, затрачиваетъ много времени, и все только себѣ же на бѣду, такъ какъ чѣмъ основательнѣе усвоитъ онъ невѣрное произношеніе или иныя погрѣшности учебника, тѣмъ труднѣе ему будетъ избавиться отъ нихъ. Переучиваться же, вообще говоря, гораздо труднѣе, чѣмъ учиться заново.

«Зачѣмъ намъ учебники и «самоучитель»?—скажетъ, пожалуй, иной читатель.—Вѣдь ни по одному изъ нихъ научиться нельзя, такъ не проще ли обратиться къ помощи учителя; такой путь едва ли не единственнно-надежный и вѣрный». Такое замѣчаніе упускаетъ изъ виду, что учителя бываютъ разныхъ достоинствъ, что хорошихъ мало, да и не всегда есть кому ихъ выбирать. Притомъ же, занятіе съ учителемъ свойственно лишь дѣтскому возрасту, а человѣкъ взрослый, допуская, что онъ и располагаетъ средствами для оплаты уроковъ *хорошаго* учителя, не всегда найдетъ для себя удобнымъ усаживаться за указку и очень часто предпочтетъ самостоятельныя занятія, лишь бы нашлись подходящія для самообученія руководства. Недостаточные люди останутся при самообученіи и по неволѣ. Такимъ образомъ, желающихъ пользоваться курсами самообученія наберется не мало, и останется только рѣшить вопросъ о томъ, встрѣчаетъ ли предъявляемый ими запросъ соотвѣтственное предложеніе.

Самоучители, по словамъ одного изъ знатоковъ дѣла, возникли въ сравнительно недавнее время, когда метода преподаванія языковъ была уже достаточно выяснена. «Большая часть обращающихся въ публикѣ самоучителей ставятъ себѣ двойную цѣль: и быть по-

собіями для школы, и служить самообученію. Въ той формѣ, однако же, въ которой составлена большая часть изданій, назначаемыхъ «для школы и для самообученія», попытка эта сводится на ничто. Для различныхъ цѣлей требуются и различныя средства. Явились поэтому многіе рутинеры, которые вознамѣрились дать пособія для одного только самообученія. Нѣкоторые обѣщаютъ научить французскому языку въ шесть недѣль, другіе—въ три мѣсяца. Достаточно, однако же, бросить бѣглый взглядъ на всю эту базарно-безстыдную спекуляцію, чтобы убѣдиться въ невѣжествѣ покупающей публики.

«Совершеннѣйшій переворотъ произвелъ выходившій въ теченіе 1854—56 годовъ «Самоучитель», составленный по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Начиная со своего перваго появленія, онъ ежегодно былъ вновь издаваемъ и улучшаемъ. Все, явившееся до сихъ поръ въ области самообученія, было имъ заслонено. Необыкновенно большимъ успѣхомъ своимъ обязанъ этотъ самоучитель особенно старательно обработанной методѣ, выдержанному идіоматическому языку содержанія и точной передачѣ произношенія». (R. Kron).

Вотъ этотъ-то самоучитель, извѣстный мнѣ по личному опыту а также и по опыту нѣсколькихъ моихъ знакомыхъ, и имѣется теперь въ обработкѣ А. Рѣдкина на русскомъ языкѣ. Г. Рѣдкинъ составилъ, кромѣ того, и самоучитель нѣмецкаго языка для русскихъ по этой же методѣ, такъ что для самообученія англійскому, французскому и нѣмецкому языкамъ у насъ есть въ настоящее время вполнѣ удовлетворительное и, пока, единственное руководство, не заслоненное никакимъ инымъ.

Громадное превосходство самоучителя Туссэна и Лангеншейдта надъ всѣми другими проистекаетъ прежде всего изъ того, что онъ возникъ при тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, важность которыхъ для выработки учебныхъ методовъ указана была мною выше: основная его идея и ея осуществленіе принадлежатъ представителямъ высшаго образованія—цѣлой коллегіи профессоровъ. Затѣмъ, самоучитель все же таки выработанъ былъ постепенно, цѣлымъ рядомъ вносимыхъ въ него улучшеній и поправокъ. Только съ 35-го изданія получаетъ онъ свою окончательную форму, которую и сохраняетъ до 47-го изданія, лежащаго теперь передо мною. Русская обработка произведена по окончательной редакціи этого учебника и уже успѣла стать извѣстною нашей публикѣ, довольно скоро раскупившей первое изданіе «самоучителя» французскаго языка.

Посмотримъ теперь, въ чемъ именно заключаются особенности этого самоучителя?

Начнемъ съ того, что характеръ *самоучителя для взрослыхъ* выдержанъ составителями вполнѣ отъ начала и до конца. Они не теряютъ изъ виду ни на минуту, что обучающимися являются лица, уже сколько-нибудь знакомыя съ роднымъ языкомъ и его грамматикой и обладаютъ и въ другихъ отношеніяхъ такою подготовкою,

которой принимающіеся за обычные учебники не располагаютъ. Составители и не считаютъ поэтому необходимымъ вести своихъ учениковъ по избитой дорогѣ грамматическихъ рубрикъ и не испытываютъ ихъ терпѣнія безконечнымъ ожиданіемъ и самомалѣйшаго даже результата занятій. Они справедливо полагаются на силы самообучающихся, какъ на вполнѣ достаточныя для движенія къ намѣченной цѣли—усвоенію языка—заразъ по всѣмъ путямъ, ведущимъ къ этой цѣли. Съ перваго же урока ученики начинаютъ читать, писать и говорить на избранномъ ими языкѣ и, такимъ образомъ, съ перваго же дня овладѣваютъ уже хоть малою частичкою того знанія, къ которому стремятся. Проходя свои уроки обязательно громко, обучающійся съ перваго же шага начинаетъ тѣ упражненія, которыя должны сообщить ему навыкъ правильнаго произношенія; разнообразныя же комбинаціи этихъ упражненій и цѣлесообразное ихъ повтореніе и приводятъ, въ концѣ концовъ, къ пользованію языкомъ совершенно автоматическому.

Для упражненій въ самоучителѣ служатъ не разрозненныя фразы и не коротенькіе отдѣльные разсказцы, а одно произведеніе извѣстнаго автора, по объему своему достаточное для всего курса, затѣмъ имѣются еще задачи, рѣшеніе которыхъ придаетъ занятіямъ самостоятельность. Кромѣ памяти, учащійся постоянно вынужденъ пускать въ ходъ свою сообразительность и вдумчивость. Заучиваніе наизусть требуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, на основаніи приводимыхъ резоновъ, представляется необходимымъ. Никакого излишняго бремени учащійся ни въ какомъ случаѣ не несетъ.

Что касается до гармоніи практики и теоріи, на трудность установленія которой я имѣлъ уже случай указать, то она у Туссэна и Лангеншейдта обосновывается на весьма вѣрномъ руководящемъ началѣ, плодотворность котораго испытывается учащимся на каждомъ шагу проходимаго имъ курса. «Если работу, которою мы теперь заняты, говорятъ они, уподобить постройкѣ дома, то можно будетъ сказать, что часть предлагаемыхъ здѣсь упражненій ведетъ къ познанію того, *изъ чего* возводится постройка, т. е. къ познанію матеріала: собираемы были кирпичи (слова), а то, *какъ* надо строить, оставалось пока неизвѣстнымъ. Для этого изучившій эту часть не располагалъ еще знаніемъ общихъ законовъ архитектуры (грамматики). Заурядный, неучившійся каменьщикъ умѣетъ, правда, класть кирпичи, но общій планъ постройки долженъ быть разъясняемъ ему архитекторомъ—иначе выйдетъ мало толку. Задача учащагося болѣе высока: ему самому приходится быть одновременно и каменьщикомъ, и архитекторомъ. Архитекторъ нерѣдко начинаетъ свою карьеру съ топоромъ или лопаткой каменьщика въ рукахъ, т. е. сперва практически изучаетъ пріемы постройки, а потомъ знакомится и съ архитектурою. Точно такъ же учащійся самостоятельно языку пріобрѣтаетъ при изученіи первой части «самоучителя» пре-

имущественно практическое *умѣнье*, причемъ накопляетъ себѣ матеріалъ; но при этомъ онъ *размышляетъ*, а потому имѣетъ возможность постигнуть также и нѣкоторые законы архитектуры языка. Такимъ образомъ, первая часть посвящена пріобрѣтенію матеріала, а попутно и изученію грамматики; а вторая—служитъ для пополненія и повторенія въ связной научной послѣдовательности того, что пройдено было въ первой».

Какъ, однако же, справляется самоучитель съ произношеніемъ? спроситъ, пожалуй, иной читатель, привыкшій думать, что усвоеніе произношенія помимо непосредственнаго подражанія слышанному невозможно. Допущеніе такой невозможности объясняется ничѣмъ инымъ, какъ незнаніемъ физіологическихъ условій произношенія всякаго вообще звука. Если же смущающійся этимъ,—по правдѣ, нѣсколько наивнымъ въ наше время заключеніемъ,—обратитъ вниманіе на то, что всякій произносимый человѣкомъ звукъ находится въ прямой зависимости отъ такого или иного взаимнаго положенія органовъ рѣчи, и путемъ опыта надъ самимъ собою убѣдится, что то или иное взаимоположеніе этихъ органовъ даетъ непремѣнно такой-то, а не иной, звукъ, то онъ пойметъ, что всякій данный звукъ можетъ быть вызванъ указаніемъ на положеніе органовъ рѣчи, но что указаніе это еще можетъ дополнять самое даже искусное подражаніе. Слѣдуя съ полною точностью указаніямъ «самоучителя», всякій можетъ быть увѣренъ, что ему всегда удастся воспроизвести всѣ звуки англійскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ совершенно правильно и выразительно. «У насъ весьма распространено представленіе,—говорится въ самоучителѣ англійскаго языка,—будто иностранному произношенію нельзя научиться по книгѣ; мы же настаиваемъ, что именно правильное произношеніе и доставитъ нашимъ читателямъ наиболѣе удовольствія, когда имъ придется практически прилагать свои познанія. Трудность передачи англійскихъ звуковъ русскими буквами можетъ быть причиною только того, что нѣкоторые звуки будутъ выходить у нашего читателя, не знающаго ни французскаго, ни нѣмецкаго языковъ, на первыхъ порахъ *несовсѣмъ* по-англійски, но это только полбѣды: недостатокъ этотъ изчезнетъ самъ собою, едва учащійся услышитъ когда-нибудь подлинную англійскую рѣчь, причемъ нѣкоторые оттѣнки, казавшіеся ему неуловимыми, станутъ ясны и понятны. Главное въ томъ, что, учась произношенію по книгѣ, учащійся бываетъ вынужденъ вникать въ начертаніе каждаго слова, результатомъ чего является не только вѣрность произношенія, но и *увѣренность* въ ней. Усвоеніе же англійскихъ словъ только *по слуху*—увѣренности этой не даетъ».

Приведенныя строки показываютъ, что самоучитель не можетъ положить на выговоръ учащагося той послѣдней отдѣлки, которою бы, такъ сказать, увѣнчивалось зданіе. Но не слѣдуетъ забывать, однако же, что этотъ завершительный моментъ относится

не къ заурядному и не къ просто хорошему даже произношенію, а къ такому, которому этой послѣдней чеканки для пріобрѣтенія вполнѣ англійскаго характера рѣчи только и не достаетъ. Не было бы такъ, невозможно было бы, учась по Туссэну и не воспользовавшись *ни однимъ* урокомъ устнаго преподаванія, все же выдержать экзаменъ на званіе учителя англійскаго языка, какъ то имѣло мѣсто по отношенію къ составителю русской обработки «самоучителя»—г. Рѣдкину.

Одною изъ особенностей «самоучителя» Туссэна и Лангеншейдта являются тѣ добрые и ободряющіе совѣты, которыми время отъ времени перемежается ходъ обученія. Всякій, кто примется за учебникъ вполнѣ серьезно, т. е. кто возьметъ на себя, во всякомъ случаѣ, не ничтожный трудъ, навѣрно оцѣнитъ важное психологическое значеніе этихъ вставокъ, не поддающихся оцѣнкѣ того, кто лишь просмотритъ курсъ или ознакомится съ нимъ поверхностно и бѣгло. «Труда бояться нечего,—говорятъ, напримѣръ, учащемуся и разъясняютъ ему значеніе этого афоризма въ приложеніи къ роду его занятій.—«Самоучитель» составленъ такъ, чтобы учащійся могъ обходиться *безъ учителя*, а потому въ немъ, по необходимости, пришлось *по нѣсколько разъ* повторять то, что въ обыкновенныхъ учебникахъ говорится только *по разу*. Представьте себѣ, въ видѣ печатной книги, все то, что добросовѣстному учителю приходится прибавить отъ себя къ учебнику, съ цѣлью объяснить разныя его мѣста и помочь ученику, — все то, что онъ вынужденъ неоднократно *повторять*: такая книга, конечно, оказалась бы гораздо объемистѣе настоящаго «самоучителя». Частое повтореніе одного и того же въ нашей книгѣ существенно сокращаетъ трудность изученія». Далѣе ему говорятъ, что всякое начало трудно; но такъ какъ одного желанія въ данномъ случаѣ недостаточно, то надо и потрудиться. Трудъ этотъ облегчаютъ, впрочемъ, всегда, когда это представляется возможнымъ, и разъясняютъ учащемуся истинное значеніе трудностей, которыя онъ, вообще говоря, склоненъ преувеличивать. Въ послѣднемъ итогѣ, когда цѣлый рядъ такихъ трудностей, благодаря прекрасно соображеннымъ указаніямъ и дѣльнымъ совѣтамъ «самоучителя», окажется препобѣжденнымъ, у учащагося установляется то ровное, спокойное отношеніе къ своей работѣ, то бодрое настроеніе, не теряя котораго онъ и можетъ довести дѣло до вожделѣннаго конца.

Вотъ это-то доведеніе дѣла до конца и является особенно желательнымъ, какъ самимъ учащимся, такъ и всѣмъ вообще сторонникамъ методы, могущей только при этомъ условіи принести всю лежащую въ ней «въ возможности» пользу и вытѣснить всѣ тѣ псевдо-самоучители, изъ-за которыхъ безплодно затрачивается столько времени и столько силъ.

Мнѣ остается еще сказать о продолжительности полнаго прохожденія курса самообученія по методѣ Туссэна. При нормальныхъ

условіяхъ для этого требуется всего только полтора года. Если всѣ требованія были при этомъ въ точности исполнены учащимся, то онъ можетъ считать себя готовымъ для сдачи устнаго и письменнаго экзамена на званіе учителя. А такъ какъ въ теченіе курса приходится безпрестанно подвергать самого себя экзаменамъ, для провѣрки которыхъ «самоучитель» даетъ полную возможность, то и окончательный экзаменъ не представляетъ собою ничего необыкновеннаго и не можетъ сопровождаться никакими неожиданностями.

Успѣхъ метода Туссэна и Лангеншейдта въ Западной Европѣ, соотвѣтствуя достоинствамъ этой методы, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіемъ ихъ признанія со стороны публики. Не безъ гордости можетъ издательская фирма нѣмецкаго оригинала сослаться на семьсотъ педагоговъ и людей науки вообще, засвидѣтельствовавшихъ печатно свой одобрительный о ней отзывъ, въ формѣ ли рецензій, изъявленій благодарности или иной. Перечень мѣстъ, гдѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ распространялись экземпляры «самоучителя», тоже не лишенъ значенія, такъ какъ съ 1856 по 87 г. такихъ мѣстъ было восемь тысячъ. (См. Statistisches Verzeichniss der Verbreitung, welche die Original Unterrichtsbriefe nach der Methode T. L. gefunden haben).

Тотъ фактъ, что, пройдя полный курсъ по «самоучителю», можно сдать экзаменъ на званіе учителя англійскаго языка, говоритъ самъ за себя такъ краснорѣчиво, что поднимать голосъ противъ методы Т. и Л., въ ея цѣломъ, или оспаривать ея основы, значило бы заводить споръ объ очевидности, да и притомъ еще такой, который впредь до представленія методы болѣе состоятельной былъ бы споромъ чисто академическимъ. Совсѣмъ иное значеніе могутъ имѣть тѣ частныя замѣчанія, которыя имѣютъ въ виду усовершенствованіе метода въ его подробностяхъ. Въ этомъ смыслѣ я бы, напримѣръ, предложилъ вовсе исключить мнемонику и даже не наводить мысль учащихся на этотъ тормазъ всякой живой и здоровой памяти; затѣмъ, для меня была бы еще желательна замѣна вычурной и приторной Атала̀ чѣмъ нибудь болѣе жизненнымъ и правдивымъ. Нельзя не удивляться при видѣ того контраста, который представляютъ французскій и англійскій курсы по отношенію выбора главной пьесы своихъ упражненій. Тогда какъ англійскій курсъ остановился на «Святочной пѣсни въ прозѣ» Диккенса и сдѣлалъ изученіе ея неизсякаемымъ источникомъ наслажденія, французскій курсъ избралъ нравственную пьесу одного изъ тѣхъ французскихъ писателей, имя котораго внѣ исторіи литературы можно бы и вовсе не упоминать, и разъ на всегда постановить себѣ—не вносить при его посредствѣ той порчи вкуса и той извращенности здравыхъ понятій, которыя онъ собою воплощаетъ. Можно бы сдѣлать и еще нѣсколько такихъ детальныхъ замѣчаній, о которыхъ, какъ и двухъ изложенныхъ выше, можно, конечно, еще спорить; но невозможно,

думается мнѣ, спорить о томъ, что всякое замѣчаніе необходимо должно исходить отъ лица, проштудировавшаго методу, провѣрившаго ее сперва опытнымъ путемъ и близкимъ отчетливымъ наблюденіемъ. Если замѣчанія лишены этихъ признаковъ, то, и исходя отъ знаменитости, они все же не могутъ имѣть для насъ убѣдительности. Такого рода замѣчаніями представляются мнѣ замѣчанія Сторма (а не Шторма, т. к. Storm—норвежецъ), помѣщенныя въ его «Englische Philologie». Стормъ утверждаетъ, что изъ накопленнаго Туссэномъ и Лангеншейдтомъ матеріала свалена слишкомъ ужъ безпорядочная куча, и при этомъ цитируетъ Шмитца, который старается представить дѣло такъ, будто самообучающемуся, въ виду черезчуръ ужъ большой массы наваливаемыхъ на него чтеній, объясненій, значковъ, примѣчаній, правилъ и цитатъ, придется воскликнуть какъ раввинамъ о талмудѣ—«это океанъ»! «Меня часто спрашивали, говоритъ Шмитцъ, возможно ли въ самомъ дѣлѣ пріобрѣсти желаемыя знанія посредствомъ этого учебника. И я всегда отвѣчалъ: кто можетъ вмѣстить все это, для того книга эта и написана».

Замѣчаніе это остроумно, но невѣрно; оно скорѣе рисуетъ первое впечатлѣніе, производимое книгой, чѣмъ даетъ результатъ близкаго съ ней знакомства; недаромъ же самъ Шмитцъ говоритъ, что онъ только *перелистывалъ* книгу, не болѣе. Помощью одного перелистыванія едва ли возможно составить вѣрное понятіе даже и о книгахъ, назначенныхъ для легкаго чтенія, а «самоучитель» не изъ ихъ числа. Шаблонная у насъ похвала: «книга де читается легко»—была бы для книги такого рода горше порицанія. Да, наконецъ, развѣ любой курсъ сколько-нибудь сложнаго преподаванія при одномъ лишь бѣгломъ просмотрѣ не покажется лѣсомъ дремучимъ? Но «самоучитель» Т. и Л. также неизбѣжно сложенъ, и не будь онъ такимъ, онъ былъ бы никуда негоденъ, какъ негодны всевозможные Робертсоны. Сложность и обусловливаемая ею трудность оріентировки сами по себѣ еще не недостатки. Упражненіе преодолѣваетъ безъ особаго напряженія предполагаемую за сложностью трудность, а упражненіе, поддерживаемое въ теченіе соотвѣтственнаго времени, даетъ навыкъ, для котораго трудности остаются уже позади. Затѣмъ, какъ весьма вѣрно и утверждаетъ «самоучитель», дѣло идетъ объ «умѣніи работать», рубя же сплеча тутъ ничего не возьмешь. И еслибы еще возможно было доказать, что умѣніе правильно читать, говорить и писать на иностранномъ языкѣ можетъ быть добыто при помощи такого-то или этакого идеально-простого аппарата, а то вѣдь теперь выходитъ такъ, что простые аппараты негодны по своей крайней простотѣ, а сложные—по своей крайней сложности. Остается все же таки отвѣтить на вопросъ: какимъ же аппаратомъ пользовались тѣ, которые выдержали экзаменъ?

О всевозможныхъ «легчайшихъ» методахъ какъ нельзя лучше

разсуждаютъ сами составители «самоучителя». «Есть не мало руководствъ по иностраннымъ языкамъ, говорятъ они, составленныхъ въ предположеніи, что чужеземное произношеніе можетъ быть объяснено въ двухъ-трехъ словахъ. Несостоятельность этого предположенія очевидна для каждаго, кто понимаетъ, что всякій языкъ обладаетъ множествомъ особенностей, не укладывающихся въ рамки какихъ бы то ни было общихъ правилъ. Произношеніе иностранныхъ словъ невозможно намѣтить общими толкованіями въ нѣсколькихъ строкахъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ составители разныхъ «легчайшихъ», «практичнѣйшихъ» и т. п. учебниковъ; тутъ требуется внимательное выслѣживаніе составныхъ звуковъ каждаго отдѣльнаго слова, что и будетъ *невольно* дѣлать, подъ руководствомъ авторовъ «самоучителя», всякій кто довѣрится ихъ преподаванію».

Поддерживая это мнѣніе и отстаивая вообще самообученіе языкамъ по методѣ Т. и Л., какъ дѣло, долженствующее принести и у насъ громадную пользу, я хотя и отдѣляюсь отчасти отъ гг. Сторма и Шмитца, людей совершенно почтенныхъ, зато остаюсь все же таки въ неменѣе почтенной, но гораздо болѣе многочисленной компаніи. Я имѣю въ виду тѣхъ сто лицъ, которыя состоятъ сотрудниками издаваемаго К. Фольмеллеромъ «Критическаго Обзора успѣховъ романской филологіи», солидарность которыхъ съ авторомъ статьи о «самоучителѣ» Т. и Л., цитированымъ выше Крономъ, состоящимъ въ числѣ этихъ ста, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Обозрѣвая рядъ курсовъ самообученія, Кронъ отдаетъ предпочтеніе двумъ изъ нихъ—курсу Туссэнъ-Лангеншейдта и курсу Гейссэра (Haeusser). Оба эти курса, по мнѣнію Крона, вполнѣ пригодны для самообученія, и разница между ними замѣчается лишь въ томъ, что въ курсѣ Гейссера на первый планъ выдвинутъ разговорный языкъ, а въ курсѣ Туссэна—книжный. Нѣкоторые пріемы и способы Гейссера притомъ же по простотѣ, ясности и легкости представляютъ высшую степень совершенства сравнительно съ соотвѣтственными пріемами и способами Туссэна. Такъ какъ курсъ Гейссера, сколько мнѣ извѣстно, для русскихъ не обработанъ, то намъ особенно интересно то, что высказываетъ Кронъ о курсѣ Туссэна. Онъ находитъ, что служащій основою уроковъ Т. текстъ Шатобріана самъ по себѣ весьма пригоденъ, грамматика изложена самымъ основательнымъ образомъ, и разговоры изъ сферы практической жизни очень полезны, но бѣглость въ разговорномъ языкѣ достигается не въ достаточной степени, и по отношенію къ усердію, усидчивости и памяти учащагося предъявлены столь высокія требованія, что многимъ упражняющимся въ языкѣ приходится остаться на полдорогѣ. Все же, громадный, безпримѣрный успѣхъ курса Т. и Л. зиждется на высоко-основательномъ методѣ, всегда правильномъ изложеніи и неизмѣнно-вѣрной передачѣ произношенія.

Если Кронъ хочетъ убѣдить насъ, что курсъ Туссена и Лангеншейдта не представляетъ собою абсолютнаго совершенства, то мы, не ищущіе такого совершенства ни въ этомъ курсѣ и ни въ чемъ другомъ, вполнѣ удовольствуемся признаніемъ за рекомендуемымъ нами «самоучителемъ» совершенства относительнаго.

Вл. Лесевичъ.

Новыя книги.

Николай Юровской. Идеалистъ, романъ въ 3-хъ частяхъ. М. 1897 г.

Не знаемъ, печаталъ ли г. Юровской что нибудь раньше „Идеалиста", но этотъ романъ обличаетъ въ немъ довольно умѣлую авторскую руку: читатель не засыпаетъ на первыхъ же страницахъ и съ любопытствомъ дочитываетъ книгу до послѣдней ея точки. Да и какъ не дочитать, когда въ этой тоненькой книжечкѣ (всего 300 страницъ небольшого формата) авторъ умудрился одновременно выказать себя—идеалистомъ, натуралистомъ, скептикомъ, символистомъ и, наконецъ, чуть ли даже не оккультистомъ?... Съ одинаковой обстоятельностью рисуетъ онъ передъ нами жизнь русскихъ и французскихъ художниковъ, писателей, актеровъ и ученыхъ. Аристократическіе салоны смѣняются въ его романѣ трактирами низшаго разбора; порывы идеальной любви—вспышками грубаго животнаго чувства; возвышенные экстазы творчества—пошлыми пьяными драками; Москва—Парижемъ и Римомъ. Словомъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, такъ въ этой миніатюрной книгѣ отразилась, надо думать, вся жизнь современнаго общества... Положительно приходится удивляться обилію познаній автора во всѣхъ областяхъ жизни, искусства и науки. Правда, встрѣчаются мѣстами курьезные промахи вродѣ того, напримѣръ, что извѣстный шведскій мистикъ Сведенборгъ названъ англичаниномъ, но это, конечно, обмолвка, не больше. Главную массу познаній проявляетъ г. Юровской въ дѣлѣ живописи и разныхъ тонкостяхъ декадентства, но мы охотно признаемъ себя полными профанами въ той и другой сферѣ, и потому готовы вѣрить здѣсь автору на слово. Интересно было бы развѣ узнать, на основаніи собственныхъ наблюденій или же только по романамъ Юисманса и комп. описано имъ, наприм., засѣданіе одного общества молодыхъ

парижскихъ художниковъ, цѣль котораго—составленіе порнографическаго словаря...

Манера письма г. Юровского чисто натуралистическая: то и дѣло мы натыкаемся въ его романѣ на „тонкіе хрящеватые носы“ и „сочныя чувственныя губы“; а домашняя обстановка героевъ изображается съ самой золаистической подробностью и точностью. Однако, задушевныя симпатіи автора, очевидно, лежатъ на сторонѣ символистической школы. „Можетъ ли человѣкъ съ душой и самолюбіемъ,—спрашиваетъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—работать для общества, у котораго нѣтъ „души“, и чей девизъ—посредственность? Невольно многіе уходятъ въ свои раковины, молчатъ или пишутъ для себя и своихъ, страннымъ болѣзненнымъ языкомъ, боясь (?) и не желая, чтобъ ихъ поняли другіе. И посмотрите, какъ издѣваются надъ ними, какой грязью забрасываютъ“! Другое дѣйствующее лицо, писатель Башиловъ, бывшій нѣкогда ярымъ народникомъ, теперь также извѣрился въ пользѣ и необходимости литературы, превратился въ отчаяннаго скептика, ворчуна на всѣхъ и на все (а особенно на женщинъ) и якшается, повидимому, съ одними только символистами и декадентами. Что касается главнаго героя, художника Сольскаго, то начинаетъ онъ съ того, что на словахъ чурается символизма, но... онъ „находится въ періодѣ художественнаго переворота“. Воспитывался онъ, какъ и всѣ его сверстники, на началахъ натурализма, но „вѣроятно, этимъ не удовлетворился, такъ какъ ищетъ чего то новаго“. Неизвѣстно пока, въ чемъ будетъ состоять это новое, но Сольскій уже съ большой страстностью разноситъ литературу, занимающуюся изображеніемъ простолюдиновъ и ихъ жизни, банальной и утомительной своимъ однообразіемъ. Все это, по его мнѣнію, лишь „этнографическія писанія, авторы которыхъ не могутъ носить имени артистовъ. Наша литература, живопись, театръ—полны смазныхъ сапоговъ и тулуповъ“.—„И гдѣ тутъ искусство, которое (есть ?) синонимъ прекраснаго и божественнаго? Я уже не говорю о тѣхъ несчастныхъ, что прибѣгаютъ къ картинѣ или роману для проведенія тенденціи (?) и филантропическихъ идей; но даже и самые добросовѣстные не могутъ избѣгнуть некрасоты, а этого искусство не переноситъ“...

Изъ этихъ взглядовъ молодого художника уже вполнѣ видно, наканунѣ какого „переворота“ мы присутствуемъ. Искусство составляетъ для Сольскаго „все“, и онъ весь погруженъ въ мечты о новыхъ и новыхъ картинахъ. Строго придерживаясь почвы реализма, онъ стремится выразить въ краскахъ *душу* современнаго человѣка, хотя постигнуть эту душу хочетъ, очевидно, изъ собственнаго нутра, такъ какъ

отъ жизни и живыхъ людей онъ всячески сторонится. „Не дѣвственникъ тѣломъ, но дѣвственникъ душою и мыслями", онъ особенно избѣгаетъ женщинъ, которыхъ считаетъ болтливыми сороками, ничего не понимающими въ искусствѣ, праздными и глупыми. Это не мѣшаетъ ему, впрочемъ, искать идеальной любви. Весьма естественно, что въ томъ мірѣ, внѣ котораго Сольскій не знаетъ женщинъ, идеальнаго объекта для любви не отыскивается, и послѣ одного жестокаго опыта нашъ герой становится еще большимъ мизантропомъ и мизогиномъ. Онъ добровольно отказывается отъ любви дѣвушки, сравнительно, чистой, простой и искренной,—говоримъ „сравнительно", потому что, судя по описанію Сольскаго, и эта особа отличается чисто-животной чувственностью: съ наибольшимъ удовольствіемъ она ведетъ бесѣды о ногахъ актеровъ, о тѣлѣ въ живописи, и однажды художникъ застаетъ ее въ саду, растянувшуюся, какъ тигрица на травѣ, „въ чемъ мать родила"... Понятно, что нашему „идеалисту" претитъ подобный культъ плоти и, слѣдуя какой-то странной логикѣ, онъ предпочитаетъ броситься въ объятія откровенной парижской распутницы. Послѣднюю онъ, впрочемъ, тоже вскорѣ прогоняетъ, и съ этихъ поръ остается наединѣ съ своимъ великолѣпнымъ идеализмомъ. Какимъ-то слабо выясненнымъ для читателя путемъ, именно въ эту пору вполнѣ вырабатывается „философско-этическая основа его *новой* жизни"; она резюмируется словами: „необходимо, какъ можно глубже чувствовать и мыслить, какъ можно больше варьировать чувства и мысли, соблюдая при этомъ душевный жаръ и восторгъ" (новаго здѣсь, замѣтимъ въ скобкахъ, ничего нѣтъ, такъ какъ Сольскій и въ самомъ началѣ романа является уже вполнѣ сформированнымъ эпикурейцемъ-аристократомъ). „Средствомъ къ высочайшему подъему духа онъ считаетъ свое искусство, которое черезъ это получаетъ въ его глазахъ печать (чего-то?) божественнаго и неземного". Почему, однако, средство это вскорѣ оказывается недостаточнымъ, и Сольскій вынужденъ прибѣгнуть къ наркотикамъ, остается для насъ невыясненнымъ; но фактъ тотъ, что Сольскій начинаетъ злоупотреблять опіумомъ и морфіемъ, и почти наканунѣ окончанія новой картины „Тайная вечеря", въ которой какъ въ лебединой пѣснѣ, хотѣлъ вылить всю свою душу и вдохновеніе, падаетъ мертвымъ къ ногамъ своего Христа.

Таковъ этотъ романъ, полный эффектовъ и всяческихъ претензій; но какой, собственно, идеалъ думалъ г. Юровской показать намъ въ своемъ „Идеалистѣ", что вообще хотѣлъ сказать фигурой этого „дѣвственника душою и мыслями" — остается его авторскимъ секретомъ.

Очерки и замѣтки. М. К—ой. М. 1897 г.

Книжка, вышедшая въ Москвѣ подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ, принадлежитъ, очевидно, уже немолодому и не начинающему автору. Посвящена она вопросу, который сильно занималъ когда-то наше общество, вызывалъ споры, разжигалъ страсти, но который теперь, въ концѣ 90-хъ годовъ, слѣдовало, казалось бы, считать вопросомъ давно порѣшеннымъ въ благопріятномъ для него смыслѣ и сданнымъ въ архивъ. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о томъ, что женщина, одинаково съ мужчиной, имѣетъ право на счастье, на трудъ, на разумную человѣческую жизнь. Да, такъ казалось бы... Но вотъ что пишетъ,—и пишетъ вполнѣ основательно,—г-жа К. въ одной изъ своихъ замѣтокъ: „Странно, почему въ нашей литературѣ существуетъ теперь какое-то презрительное, насмѣшливое отношеніе къ женщинѣ? Прежде этого не было. Насмѣшку и презрѣніе женщинѣ приходилось иногда переносить въ дѣйствительной жизни, но въ журналахъ и газетахъ надъ ней не глумились. Ясно опредѣлилось это теперешнее отношеніе къ женщинѣ въ литературѣ, кажется, съ половины 80-хъ годовъ, съ легкой руки нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, усердно осмѣивавшихъ женскую учащуюся молодежь. Тогда же вышла книга „О женщинахъ“. Теперь эта нота не только не ослабѣваетъ, но пробивается уже въ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ той части литературы, гдѣ, думалось бы, ей совсѣмъ не мѣсто“.

Выдѣляя въ особую группу такихъ выдающихся беллетристовъ, какъ гг., Короленко, Чеховъ, Станюковичъ и Маминъ Сибирякъ, имѣющіе трезвый и справедливый взглядъ на женскій вопросъ, г-жа К. подробно останавливается на романѣ г-на Потапенко „Не герой“, въ которомъ находитъ совсѣмъ другого рода тенденціи, а затѣмъ разбираетъ произведенія гг. Сергѣя Филиппова и Вопросительнаго Знака. У послѣдняго, какъ извѣстно, реакціонное безстыдство доходитъ уже до геркулесовыхъ столбовъ.

Большая половина книжки занята беллетристическими очерками, въ которыхъ рисуется (за исключеніемъ одного разсказа) все та же безотрадная доля русской женщины, какъ въ былые годы, такъ и теперь одинаково надрывающей свои силы и гибнущей въ борьбѣ за существованіе то въ образѣ курсистки, то сельской учительницы, то, наконецъ, просто швеи. Лучше всѣхъ, по нашему мнѣнію, написанъ маленькій разсказъ „Вечеръ“,—воспоминаніе о томъ, какъ Тургеневъ читалъ въ Большомъ московскомъ театрѣ отрывокъ изъ „Записокъ Охотника“.

Если очерки г-жи К. и не обнаруживаютъ въ авторѣ художественнаго таланта, то въ нихъ видишь зато его теплое,

отзывчивое сердце и находишь симпатичныя идеи. Правда, идеи эти сами по себѣ очень стары и скучны для тѣхъ, кто ихъ раздѣляетъ, скучны, кскъ всякіе труизмы, но, по нашему одичалому времени, и онѣ могутъ явиться для многихъ новыми и далеко нелишними.

Стихотворенія и прозаическія произведенія А. П. Барыковой. Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читалей Спб. 1897 г:

Кому изъ молодыхъ нашихъ современниковъ извѣстны не только стихи, но и самое имя покойной поэтессы? Одни ровно ничего о ней не слыхали, другіе, смутно что-то припомнивъ, скажутъ: „это было нѣчто ужасное, невозмонжое! Поэтическій драгунъ въ юбкѣ!".

Но помнятъ ли Барыкову, по крайней мѣрѣ, *ея* современники, люди одного съ ней поколѣнія или поколѣнія младшаго, на зарѣ котораго она пѣла въ 70-хъ годахъ свои лучшія пѣсни? Что они говорятъ и думаютъ теперь объ ея поэзіи? Вотъ что прочли мы въ одномъ изъ очень немногихъ печатныхъ отзывовъ, которыхъ удостоилось разбираемое нами изданіе „Посредника": „Это не поэзія, даже не стихотворная проза, а *нѣчто, чему нѣтъ имени въ литературѣ*. То же самое приходится сказать и объ ея разсказахъ, приторно-томныхъ, написанныхъ суконнымъ языкомъ. Правда, и ея „стихи" и ея проза преисполнены благими намѣреніями, но развѣ же это литература? Плохую услугу памяти Барыковой оказалъ „Посредникъ", извлекши весь этотъ *затхлый хламъ* изъ старыхъ журналовъ, хламъ, отъ котораго несетъ фальшью, какъ отъ всего дѣланнаго, натянутаго, нехудожественнаго и безжизненнаго. *Мы отвыкли уже отъ такой поэзіи. Думаемъ, что время ея прошло, и «Посредникъ» поступитъ правильнѣе, если „предоставитъ мертвымъ хоронить мертвыхъ"*.

Въ наше время, когда адепты нелѣпой символической школы находятъ себѣ пріютъ даже въ лучшихъ органахъ печати, конечно, трудно было и жадть, чтобы грубоватая, безхитростно-честная поэзія Барыковой встрѣтила горячій сочувственный откликъ; но, признаемся, мы не ожидали увидѣть такое обидное забвеніе, услышать такой явно несправедливый отзывъ...

Барыкова, нѣтъ спора, не стояла въ рядахъ даже и третьестепенныхъ нашихъ поэтовъ; небольшой талантъ ея страдалъ огромными недостатками формы, небрежной и временами, дѣйствительно, топорной—оговоримся на этотъ счетъ съ самаго начала, чтобы насъ не упрекнули въ пристрастіи. Но въ исторіи русской поэзіи она должна быть упомянута уже потому одному, что была чуть ли не единственнымъ поэтомъ—ученикомъ Некрасова не только въ смыслѣ идей, но и самаго стиля знаменитаго поэта. Много можно насчи-

тать у насъ талантливыхъ подражателей Пушкина, Лермонтова, Фета, но форма некрасовскаго стиха такъ своеобразна, что ни одинъ изъ усвоившихъ ее поэтовъ не могъ сохранить послѣ того и тѣни самостоятельности. Исключеніе составляла Барыкова.

Что ты глядишь мнѣ въ глаза, неисходное,
Страшное, вѣчное горе чужое,
Надъ ухомъ воешь собакой голодною,
Мучишь, грызешь, не даешь мнѣ покоя?
Чѣмъ мнѣ помочь тебѣ? Руки безсильныя
Тяжкій твой крестъ не поднимутъ, убожество!..
Бабьей слезою, горчюей, обильною,
Не омывается ранъ твоихъ множество.
Золота нѣтъ у меня всемогущаго,
Нѣтъ и громоваго голоса зычнаго.
Съ чѣмъ же пойду противъ рока гнетущаго?
Какъ я за брата вступлюсь горемычнаго?
Мнѣ-ль разорвать твои цѣпи тяжелыя,
Мнѣ-ль освѣтить темноту непроглядную,
Мнѣ ли пропѣть тебѣ пѣсню веселую,
Вѣщую, вольную пѣсню, отрадную?..

Вотъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ Барыковой, несомнѣнно очень родственный Некрасову, но сохраняющій въ то же время и свой оригинальный обликъ. По приведенному образчику читатель можетъ судить и вообще объ ея поэзіи. Риѳмы, правда, сильно хромаютъ, форма стиха тяжелая, или, вѣрнѣе сказать, суровая, жесткая. Но, скажите, читатель, по совѣсти: развѣ въ этой жесткости не чувствуется своего рода сила и поэзія? И развѣ же можно сказать, что стихи эти—„нѣчто, чему нѣтъ имени въ литературѣ"?..

„Еслибы можно было вѣрить по дѣтски,—говоритъ Барыкова въ другомъ стихотвореніи,—что луна есть небесное окно, въ которое Богъ смотритъ на землю,—

Съ какою бы жаркой мольбою
Я стала, какъ нищій, подъ свѣтлымъ окномъ,
Просила бъ за братьевъ несчастныхъ,
За братьевъ, раздавленныхъ тяжкимъ крестомъ,
Униженныхъ, темныхъ, безгласныхъ...
Просила бъ Великаго Бога любви
Взглянуть на утопшихъ въ грязи и крови!

И это развѣ не истинная также поэзія, для нашего времени пригодная даже больше, чѣмъ для какого-либо иного? Намъ лично стихи эти напоминаютъ энергичную манеру и духъ итальянской поэтессы Ады Негри, выступившей на литературное поприще значительно позже нашей Барыковой и пользующейся теперь европейской извѣстностью...

Изъ другихъ стихотвореній сборника отмѣтимъ прекрасную бытовую картину „За пяльцами", нарисованную выпукло-

яркими, истинно-поэтическими чертами. Недурны также: „Два мальчика“, „Задунай“, начало „Деревенскаго пейзажа“, „Мученица“. Правда, почти всѣхъ остальныхъ оригинальныхъ стихотвореній издатели смѣло могли бы не перепечатывать, такъ какъ большинство даже и недурныхъ по замыслу вещей испорчено здѣсь или небрежной до крайности формой, или отдѣльными грубыми выраженіями, но въ пользу Барыковой говоритъ, съ другой стороны, то обстоятельство, что, по какимъ-то совершенно непонятнымъ намъ соображеніямъ, въ изданіе не вошли многія изъ лучшихъ ея піэсъ, къ числу которыхъ прежде всего слѣдуетъ отнести „Моихъ паціентовъ“, рядъ сильныхъ и оригинальныхъ стихотвореній напечатанныхъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (старой редакціи) за іюль мѣсяцъ 82 года. Мы думаемъ, что тотъ, кто не читалъ этой прекрасной поэмы, совершенно не можетъ судить о талантѣ и своеобразной манерѣ покойной писательницы. Поэтъ, обладавшій паѳосомъ заключительныхъ строкъ „Моихъ паціентовъ“, конечно, былъ незауряднои силой, и мы думаемъ, что талантъ Барыковой не развернулся во всемъ своемъ объемѣ единственно вслѣдствіе несчастнаго пренебреженія ея къ формѣ, къ внѣшней обработкѣ стиха; но виновата въ этомъ была эпоха, создавшая Барыкову, эпоха, презиравшая поэзію формы и признававшая одну только поэзію содержанія. Подъ конецъ жизни, когда, собственно, и развилась только поэтическая дѣятельность Барыковой, ей уже трудно было наверстать упущенные годы, и, напримѣръ, длинный шестистопный ямбъ съ сплошными рифмами положительно ей не давался. Талантливая переводчица, она, къ сожалѣнію, именно этимъ метромъ написала добрую половину своихъ переводовъ, и читать ихъ—дѣйствительно, скучное и непріятное дѣло. За очень небольшими исключеніями, всѣ такіе переводы, ради ихъ неуклюжести, слѣдовало бы устранить изъ изданія. Зато посмотрите, читатель, какая сила бываетъ доступна нашей переводчицѣ, когда она обращается къ другимъ размѣрамъ и переводитъ ими, напримѣръ, „Перелетныхъ птицъ“ Ришпена, или „Оду къ западному вѣтру“ Шелли; посмотрите также, съ какой граціозной нѣжностью передана ею поэтическая повѣсть Теннисона „Спаситель“. Мы увѣрены, что даже тѣ строгіе критики, которые упрекаютъ ея переводы въ „барыковской“ дубоватости, прочитавъ эту послѣднюю вещь, признали бы стихъ ея безупречнымъ. Вотъ, напримѣръ, заключительныя строки поэмы, въ которыхъ описывается смерть Андрея, десять лѣтъ прожившаго на необитаемомъ островѣ, наконецъ, спасеннаго проходившимъ мимо кораблемъ, вернувшагося на родину и тамъ нашедшаго разбитыми всѣ лучшія мечты своего изстрадавшагося сердца:

...На зарѣ, когда румяный лучъ
Въ окошко тусклое каморки заглянулъ
И заигралъ на блѣдномъ лбу больного
И жесткую постель позолотилъ,—
Андрей вскочилъ. Пригрезился ему
Вдали корабль въ безбрежномъ морѣ свѣта.
Онъ протянулъ къ нему худыя руки
Съ восторженнымъ, сіяющимъ лицомъ
И крикнулъ: — «Парусъ, парусъ!.. Я спасенъ!..»
Корабль все приближался.., Ближе, ближе...
— «Андрей!»—позвалъ съ кормы знакомый голосъ.
— «Здѣсь!»—умирая, отвѣчалъ Андрей.

Проза Барыковой не представляетъ ничего оригинальнаго, выдающагося, но написана она, по нашему мнѣнію, такимъ чистымъ, хорошимъ рускимъ языкомъ, какимъ дай Богъ писать всякому изъ нашихъ современныхъ писателей. „Суконный" языкъ здѣсь положительно приснился строгому рецензенту...

Г. Лансонъ. Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. О. Морозова. Спб. 1897 г.

Мы имѣли случай говорить о книгѣ Лансона минувшимъ лѣтомъ по поводу выхода въ свѣтъ русскаго перевода ея первой части (въ изданіи К. Т. Солдатенкова). Это основательный обзоръ исторіи французской литературы, не отличающійся особенной глубиной общихъ взглядовъ, но полезный по количеству цѣнныхъ и провѣренныхъ фактическихъ свѣдѣній, которыя можетъ дать прилежному читателю. Собственно, лежащая передъ нами послѣдняя часть книги Лансона слабѣе предыдущихъ частей — и въ ней еще сильнѣе проглядываетъ коренной недостатокъ автора: Лансонъ не историкъ и, что еще хуже, не хочетъ быть историкомъ, его склонность къ политикѣ и къ литературнымъ критеріямъ оцѣнки писателя естественнымъ образомъ даетъ себя знать въ изложеніи недавняго прошлаго французской литературы сильнѣе, чѣмъ въ разсказѣ о ея средневѣковой жизни. Онъ охотно говоритъ дурное о людяхъ другого лагеря. Въ Сентъ-Бевѣ онъ видитъ „довольно посредственную творческую силу", нѣкоторую завистливость и озлобленіе по отношенію къ великимъ современникамъ, озлобленіе, въ которомъ чувствуется досада, вызванная невозможностью проникнуть самому въ первые ряды,... большую склонность къ сплетнѣ и скабрезнымъ разоблаченіямъ, гдѣ проскальзываетъ подъ видомъ исторической точности желаніе стараго развратника удовлетворить свое неутоленное воображеніе"; это былъ „подкупленный журналистъ" и его „Понедѣльники" производятъ „не

пріятное впечатлѣніе угодливости“. Но авторъ, видно, самъ понимаетъ, какъ мало общаго имѣетъ эта непристойная хула съ исторіей—и онъ прибавляетъ: „вотъ то дурное, что можно сказать о Сентъ-Бевѣ. Но при всемъ томъ (!) это—умъ очень тонкій, очень гибкій, очень любознательный, наиболѣе недовѣрчивый къ задачамъ и трудностямъ критики“. „Похвалы“ продолжаются въ томъ-же двусмысленномъ тонѣ. Характерныя черты Поля Луи Курье, по мнѣнію Лансона—„умственная узость, зависить, ворчливость“. Памфлеты Курье „одинаково скудны какъ по своему идейному содержанію, такъ и по мелочности самихъ обстоятельствъ, служившихъ имъ поводомъ. Какой нибудь крестьянинъ, выгоняющій своего мэра, священникъ, запрещающій своимъ прихожанамъ танцы, организація какой нибудь подписки, какой нибудь процессъ, касающійся печати—вотъ сюжеты, которыми пользуется Курье, чтобы вести свой смертельный бой съ легитимной монархіей“. Трудно повѣрить, что слова эти принадлежатъ французу на порогѣ XX вѣка. Неужто авторъ не знаетъ, что въ дѣлѣ защиты личности отъ произвола нѣтъ ничего мелкаго, что фактъ характерный не можетъ быть скуденъ идейнымъ содержаніемъ. „**Какая нибудь**“ подписка! Настоятельно рекомендуемъ нашимъ читателямъ познакомиться съ этимъ великолѣпнымъ «Simple discours» *), чтобы видѣть, какъ извращено значеніе дѣятельности Курье въ этой характеристикѣ горячаго приверженца легитимной монархіи. Хуже всего, однако, то, что вся эта характеристика Курье въ своихъ основныхъ частяхъ заимствована изъ Сентъ-Бева, того самаго Сентъ-Бева, въ творчествѣ котораго г. Лансонъ видитъ, главнымъ образомъ, посредственность и диллетантизмъ.

По исторіи французской литературы XIX вѣка у насъ есть другой трудъ, менѣе изобилующій незначительными фактами, но болѣе глубокій и интересный. Мы говоримъ о „Литературномъ движеніи въ XIX столѣтіи“ Пелисье (изд. К. Т. Солдатенкова, Москва, 1895). Здѣсь меньше именъ и библіографическихъ данныхъ, но характеристики сдѣланы съ большей твердостью, самостоятельностью и безпристрастіемъ; въ связи съ возрѣніями автора на задачи исторіи литературы, въ ней оставлены въ сторонѣ произведенія публицистики, ораторскаго искуства, мемуары, письма, путешествія, и читатель не найдетъ въ ней такихъ именъ, какъ, напримѣръ, Ройе-Колларъ, Прево-Парадоль, Лабуле, Абу, Сарду и др.; но основныя черты общаго характера литературнаго движенія намѣчены въ ней полнѣе, чѣмъ въ работѣ Лансона, и знакомство

*) «Сочиненія» Курье вышли въ этомъ году въ русскомъ переводѣ въ изданіи Л. Ф. Пантелѣева. Мы къ нимъ вернемся въ особой статьѣ.

съ ней очень полезно для освѣщенія тѣхъ данныхъ, которыя въ такомъ богатствѣ собраны въ цѣнныхъ примѣчаніяхъ къ „исторіи" Лансона. Содержаніе послѣдней весьма широко и разнообразно. Введеніемъ въ исторію французской литературы XIX вѣка служитъ здѣсь характеристика вліянія революціи на литературу. Три явленія этого переходнаго времени кажутся автору единственно достойными вниманія во всей гигантской литературѣ революціи: упадокъ свѣтскаго лоска, развитіе журналистики (Камиллъ Демуленъ) и расцвѣтъ политическаго краснорѣчія (Мирабо, Дантонъ, Наполеонъ). Литература XIX вѣка открывается госпожой де Сталь и Шатобріаномъ, представителями противоположныхъ направленій, подготовившими, однако, движеніе романтизма. Но нѣсколько писателей, предшествуя и совпадая по времени съ этимъ движеніемъ, остаются по сути своей дѣятельности въ сторонѣ отъ его главнаго потока—это публицисты (де-Мэстръ, Ламенэ, Прудонъ, Бенжаменъ Констанъ, Курье, и др.), и ораторы парламента (Ройе-Колларъ, Ламартинъ, Тьеръ) и университета (Кузэнъ, Гизо, Вильменъ, Кинэ, Мишлэ). Книга вторая посвящена романтизму; въ главѣ о романѣ этого направленія останавливаетъ вниманіе читателя неожиданное и мало обоснованное пріобщеніе къ романтикамъ такихъ несомнѣнныхъ реалистовъ, какъ Мериме, Бальзакъ и Стендаль; столь же неожиданна встрѣча съ парнассцами въ книгѣ третьей, носящей общее заглавіе „натурализмъ"; очевидно, эти ярлыки служатъ автору для обозначенія извѣстнаго времени, но не сути литературнаго движенія. Явленія послѣднихъ десятилѣтій бѣгло перебраны въ IV книгѣ.

Второй томъ книги Лансона выйдетъ, вѣрно, скоро и въ изданіи Солдатенкова, и лежащій передъ нами переводъ постигнетъ участь, вполнѣ его достойная. Это нѣчто тяжелое, нескладное и не всегда грамотное. Есть здѣсь и „курьезные опыты нравственнаго господства при помощи выбора физическихъ условій", и „томныя оцѣпенѣнія", и „размазистое краснорѣчіе" и „видѣнный предметъ" (chose vue?) и даже загадочный „правительственный человѣкъ". Деказъ сталъ Деказесъ, Руэръ—Руэ. Замѣтимъ также, что Conférence не всегда значитъ конференція—особенно тогда, когда это по просту публичная лекція.

В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ четвертый. Москва. 1898.

Настоящимъ томомъ, охватывающимъ послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя (1842—1852), заканчивается объемистый трудъ и до окончанія уже бывшій настольной книгой всякаго,

интересующагося исторіей жизни и творчества великаго писателя. Этимъ сводомъ матеріаловъ не ограничиваетъ, однако, составитель своей задачи: онъ предполагаетъ вернуться со временемъ къ своему труду, чтобы обработать его въ окончательной формѣ, т. е. дать русской читающей публикѣ полную біографію Гоголя. Мы должны сознаться, что задача эта, по нашему мнѣнію, едва ли по силамъ составителя; мы будемъ рады, если окажется, что мы ошибались, но г. Шенрокъ кажется намъ теперь лишь трудолюбивымъ и кропотливымъ собирателемъ матеріаловъ, пожалуй, даже не лишеннымъ дарованія изслѣдователемъ, — чуждымъ, однако, тѣхъ творческихъ элементовъ, какіе безусловно необходимы для біографа великаго художника или мыслителя. Уже тѣ частности выполненія этого будущаго плана, которыя намѣчены г. Шенрокомъ въ предисловіи къ послѣднему тому его труда, показываютъ, съ какимъ взглядомъ на свою задичу приступаетъ онъ къ рѣшенію ея. Онъ какъ будто совершенно не видитъ пропасти между собраніемъ матеріаловъ для біографіи и самой біографіей; онъ не обнаруживаетъ пониманія того, что жизнеописаніе писателя есть исторія психики—трудъ обобщенія и отвлеченія, онъ думаетъ продолжать свою механическую работу, предполагая „не столько расширить размѣры труда, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему...“ Возможность достигнуть „строжайшей хронологической послѣдовательности“, „опустить нѣкоторыя напечатанныя нынѣ письма, мелкія библіографическія поясненія (напр., исправленіе неточныхъ датъ), полемику, пересмотръ высказанныхъ другими мнѣній и т. п.“—вотъ чѣмъ ограничивается переработка сырыхъ матеріаловъ въ біографію, въ психологическую картину. Нельзя не согласиться съ г. Шенрокомъ, что для исполненія его плана въ желаемыхъ размѣрахъ „было бы весьма важно возможно широкое обсужденіе въ печати нѣкоторыхъ трудныхъ и спорныхъ вопросовъ, съ которыми мы встрѣчаемся при изученіи жизни Гоголя“, но не трудно понять, что для настоящаго жизнеописанія Гоголя потребуется самостоятельное критическое отношеніе къ результатамъ этого обсужденія, умѣніе охватить ихъ и обобщить. Бываютъ, конечно, случаи, когда вполнѣ оригинальный мыслитель, работающій въ извѣстной области, чувствуетъ необходимость, чтобы детальныя изслѣдованія, произведенныя другими, предшествовали его работѣ, но отъ того, кто, покоряясь своей некомпетентности, взываетъ къ суду другихъ относительно важнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ въ психикѣ великаго писателя,

мы едва ли вправѣ ожидать той біографіи, которой до сихъ поръ, наравнѣ съ Пушкинымъ, ждетъ Гоголь. Повторяемъ, мы были бы рады ошибиться, потому что между нашими изслѣдователями едва ли найдется равный г. Шенроку по знакомству со всѣми внѣшними деталями жизни Гоголя. Онъ, во всякомъ случаѣ, правъ въ своей надеждѣ, что матеріалы, столь тщательно имъ собранные, должны подвинуть впередъ дѣло изученія нашего писателя „и, во всякомъ случаѣ, устранить апріорныя или основанныя на слишкомъ недостаточномъ и отрывочномъ изученіи лжетолкованій характера Гоголя..." Одно изъ такихъ „лжетолкованій", давно уже опровергнутое въ „Очеркахъ гоголевскаго періода" и „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній", получаетъ новые и рѣшительные удары въ работѣ г. Шенрока: это мысль о переломѣ, будто бы происшедшемъ въ Гоголѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Никакого перехода отъ одного направленія къ другому, никакой измѣны не было: „онъ просто неудачно рискнулъ высказать вслухъ то, что думалъ давно про себя". Перемѣна была, но это была болѣзненная перемѣна и такъ уже тяжелаго характера, да нѣкоторое усиленіе элементовъ мистики, всегда жившихъ въ художникѣ, разросшихся вмѣстѣ съ крайнимъ истощеніемъ его силъ и пагубно повліявшихъ на его вдохновеніе. Тяжелая картина паденія творчества, безплодныхъ потерь и рокового безсилія понять вполнѣ свое положеніе раскрывается съ трагической простотой въ незначительныхъ фактахъ, собранныхъ г. Шенрокомъ. И, вспоминая при этомъ, какъ покойный критикъ „Московскихъ Вѣдомостей", Говоруха-Отрокъ, обозвалъ „лжелиберальнымъ сумбуромъ" мнѣнія А. Н. Веселовскаго о паденіи таланта Гоголя въ послѣдніе годы жизни, онъ простодушно прибавляетъ: „такимъ образомъ, серьезное изученіе біографическихъ данныхъ признается лжелиберальнымъ сумбуромъ, а рискованная безотчетная реторика въ духѣ извѣстной партіи признается какимъ-то откровеніемъ свыше".

Это послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя полно событій чрезвычайной важности. Выходъ въ свѣтъ „Мертвыхъ душъ"; развитіе піэтистской экзальтаціи; подчиненіе мрачному вліянію оберъ-прокурора Св. Синода гр. А. П. Толстого и о. Матвѣя, и не столь мрачному по формѣ, но, въ сущности, столь же страшному по своему внутреннему смыслу воздѣйствію А. О. Смирновой; сближеніе съ Шереметьевой и Віельгорской и охлажденіе почти ко всѣмъ старымъ друзьямъ, даже къ А. С. Данилевскому, Аксаковымъ, Иванову; тягостныя волненія, предшествовавшія выходу „Выбранныхъ мѣстъ", и буря, вызванная этимъ злосчастнымъ произведеніемъ; „Авторская исповѣдь", путешествіе въ Св. Землю, работа надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ душъ", безотвѣтное увлеченіе А. М. Віель-

горской и отказъ со стороны ея родныхъ, — вотъ рядъ фактовъ, знаменующихъ собой «начало конца» и съ неумолимой послѣдовательностью естественнаго процесса приближающихъ насъ къ роковой развязкѣ.

Матеріалы, собранные въ книгѣ г. Шенрока, во многихъ случаяхъ являются на свѣтъ въ первый разъ и лишь благогаря его трудамъ. Разсказы знакомыхъ и родныхъ, помнящихъ покойнаго, письма, не напечатанныя до сихъ поръ или напечатанныя съ пропусками, и другіе документы возвышаютъ цѣнность работы г. Шенрока. Къ книгѣ приложены, между прочимъ, алфавитные указатели именъ, встрѣчающихся во всѣхъ четырехъ томахъ „Матеріаловъ" и названій произведеній и встрѣчающихся въ нихъ собственныхъ именъ. Въ послѣднемъ указателѣ не пропущена даже Меджи, собачка изъ „Записокъ Сумашедшаго", но, увы, обойдены „Коровій Кирпичъ", „Колесо-Иванъ" и „Елизаветъ Воробей". Это неожиданно въ трудѣ, скрупулезная точность котораго доходитъ до такихъ ссылокъ: „Русскій Вѣстникъ", 1862, I, 58, первая строка сверху". Это не единственное мѣсто въ книгѣ, по поводу котораго вспоминается ядовитое нѣмецкое словечко Waschzettellitteratur. Но г. Шенрокъ обѣщаетъ превзойти себя и, перифразируя извѣстное изрѣченіе, избираетъ эпиграфомъ къ своему предисловію: *Feci quod potui, meliora facturus sum* (сдѣлалъ, что могъ, намѣренъ сдѣлать нѣчто лучшее). Посмотримъ.

Д. А. Линевъ (Далинъ) Вторая книга „Не сказокъ". Спб. 1898.

„Не сказки" г. Далина, первая книга которыхъ появилась въ 1895 году, представляютъ совершенно особый родъ литературы. Г. Далинъ замѣтный работникъ ежедневной прессы. Въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ слѣдитъ онъ за текущимъ газетнымъ матеріаломъ, а это—цѣлое море самыхъ разнообразныхъ житейскихъ фактовъ, начаная съ такъ называемыхъ „происшествій" и кончая порой совершенно законченными глубокими драмами. Одинъ изъ выдающихъ французскихъ писателей (кажется, Бальзакъ) признавался, что онъ охотно пробѣгаетъ газетныя хроники, находя въ нихъ нерѣдко матеріалы для своей работы. Разумѣется, для художника это только остовы, по которымъ, какъ палеонтологъ по обломкамъ костей (только гораздо свободнѣе), онъ возсоздаетъ въ воображеніи живое цѣлое, съ плотью и кровью. Далину, какъ газетному работнику, обязанному ежедневно откликаться на все, что такъ быстро мелькаетъ на поверхности газетнаго моря,—некогда, разумѣется, предаваться такой обработкѣ. Но онъ не ограничивается и ролью простого коллектора сырого газетнаго матеріала. Онъ старается вдуматься

въ значеніе каждаго факта, оживить его и придать ему по возможности рельефность живого разсказа. Получается нѣчто среднее между газетной отмѣткой и беллетристическимъ очеркомъ—рядъ миніатюръ, набросанныхъ порой живо и ярко, способныхъ остановить вниманіе и разбудить чувство читателя. Первую книгу г. Далина упрекали въ нѣкоторой приподнятости тона и изобиліи восклицаній. Дѣйствительно, лиризмъ „по поводу" факта составляетъ одинъ изъ главныхъ пріемовъ автора; но вторая книга въ значительной мѣрѣ освободилась отъ указаннаго недостатка, тонъ въ ней ровнѣе, и отъ этого внутреннее значеніе фактовъ выступаетъ рельефнѣе. Но зато по содержанію эта книга нѣсколько бѣднѣе и, пожалуй, блѣднѣе предыдущей, въ которой авторъ нашелъ возможнымъ классифицировать матеріалъ въ 5 отдѣловъ по однородности содержаніи. („Среди землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ", „Изъ деревенской хроники", „Дѣти" и т. д.). Въ настоящей книгѣ эти отдѣлы, обобщающіе однородные факты, исчезли, и каждый изъ 56 очерковъ стоитъ отдѣльно, какъ самостоятельное цѣлое. Самый подборъ фактовъ тоже бѣднѣе, и нѣкоторыя стороны жизни, бьющія въ глаза на страницахъ провинціальной прессы, не нашли отраженія въ новой книгѣ г. Далина. Мы, конечно, далеки отъ мысли ставить въ упрекъ автору эти обстоятельства, тѣмъ болѣе, что, очевидно, онъ сознавалъ ихъ и прилагалъ всѣ старанія для того, чтобы вдумчивостію и вниманіемъ къ обработкѣ вознаградить недочеты и пробѣлы ансамбля. Во всякомъ случаѣ, выхватывая свои „Не сказки" у быстротечной и все поглощающей газетной Леты, Далинъ сдѣлалъ полезное дѣло. Мы увѣрены, что книга его будетъ имѣть успѣхъ, особеннно у провинціальныхъ читателей. Есть также доля своего рода (скромнаго, правда) удовлетворенія и въ томъ, что надъ многими и многими изъ „дѣятелей", отмѣченныхъ авторомъ, печатная немезида будетъ тяготѣть долѣе, чѣмъ они полагали, судя по эфемерности ежедневной прессы...

К. Ф. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 1897.

Трудъ г. Одарченко состоитъ изъ 4-хъ частей. Первая была напечатана еще въ 1881 г. въ „Русской Мысли", которую тогда редактировалъ С. А. Юрьевъ, одинъ изъ послѣднихъ могиканъ славянофильства. Юрьевъ снабдилъ эту часть своими снисходительными примѣчаніями, но уже со второй частью автору пришлось искать пріюта въ „Русской Бесѣдѣ". Въ этомъ тихомъ и весьма мало посѣщаемомъ убѣжищѣ славянофильскихъ эпигоновъ г. Одарченко, не торопясь и на досугѣ,

напечаталъ еще три части, причемъ послѣдняя глава появилась въ декабрѣ 1896. Такимъ образомъ, въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ г. Одарченко писалъ главку за главкой, г. Васильевъ ихъ печаталъ, а кто читалъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, такъ называемая „подоплека" или специфическій и, такъ сказать, предопредѣленный свыше „народный духъ" играетъ первенствующую роль въ изслѣдованіи г. Одарченко. Онъ не можетъ согласиться съ г. Ковалевскимъ, „объясняющимъ причины возникновенія и хода общиннаго владѣнія и его разложенія однимъ факторомъ,—умственнымъ и связаннымъ съ нимъ экономическимъ развитіемъ народа", такъ какъ эти факторы (выражаясь своеобразнымъ стилемъ г. Одарченко)—„не исключительно единственны" (14). Но онъ справедливо находитъ, что, съ другой стороны, и славянофилы, выводя начало общины изъ глубины „народнаго духа", не достаточно опредѣлили, что, собственно, они подъ этимъ разумѣютъ. Онъ берется восполнить этотъ недостатокъ. Для сего онъ „намѣренъ руководствоваться самыми элементарными истинами психологіи, излагаемыми въ столь популярной формѣ, что онѣ представятся въ видѣ положеній, добытыхъ практическимъ опытомъ" (18). Эта „практическая" психологія научаетъ г. Одарченко искать начала русскаго „общиннаго духа"... въ характерѣ нервныхъ токовъ! Видите ли, въ чемъ дѣло: „Всякій нервный токъ, возбужденный впечатлѣніемъ и сопровождаемый извѣстнымъ сознаніемъ или чувствованіемъ, стремится роспространиться дальше и дальше по нервной системѣ и, проходя чувствительные нервы, проходитъ затѣмъ мозговые центры, потомъ распространяется по нервамъ двигательнымъ, порождая мускульныя движенія" (33). Далѣе: «количество движенія, возбуждаемое мускулами (sic), зависитъ отъ двухъ причинъ, во первыхъ, отъ силы нервныхъ токовъ въ чувствительныхъ нервахъ, или отъ силы и интенсивности ощущенія... А, во вторыхъ, отъ того, насколько нервная сила или нервный токъ... задерживается въ центрахъ". Вотъ въ этихъ-то двухъ первоначальныхъ данныхъ элементарной психологіи и сидитъ тотъ самый „народный духъ", который совсѣмъ не давался славянофиламъ. Теперь уже дѣло совсѣмъ просто: въ зависимости отъ указанныхъ токовъ,—„есть два основныхъ типа человѣческихъ характеровъ: характеръ экспансивный и характеръ сдержанный". Первый легко воспринимаетъ и легко отдаетъ ощущеніе въ формѣ движенія. Второй трудно воспринимаетъ и трудно отдаетъ. Славяне надѣлены характеромъ экспансивнымъ, нѣмцы сдержаннымъ, французы—сдержанно экспансивнымъ (легко воспринимаютъ, какъ и русскіе, трудно отдаютъ, какъ нѣмцы). Остальные народы примыкаютъ къ одному — увы! теперь уже

изъ трехъ—основныхъ типовъ, и, такимъ образомъ, своего рода „скала" для опредѣленія этого букета „народныхъ духовъ" установлена на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Остается только приложить ее къ вопросу объ общинѣ. Это тоже просто: въ зависимости отъ своихъ токовъ, русскій человѣкъ необыкновенно склоненъ къ общительности. Нѣмецъ, наоборотъ, склоненъ къ индивидуальности. Въ этомъ все объясненіе и вся исторія. „Первоначально община существовала у всѣхъ народовъ"... Какъ, — воскликнетъ, быть можетъ, удивленный читатель,—даже и у необщительнаго нѣмца? Причемъ же тогда его сдержанные токи?... Къ сожалѣнію, мы должны отказать читателю въ разъясненіи его недоумѣній по этому пункту, ибо, если мы будемъ останавливаться на подобныхъ мелочахъ въ трудѣ г. Одарченко, то никогда не дойдемъ до конца. Достаточно сказать, что община сначала была дана всѣмъ народамъ безъ различія ихъ нервныхъ токовъ. Но нѣмецъ ея лишился, благодаря своимъ сдержаннымъ токамъ, а русскій, благодаря своей экспансивности и общительному характеру, удержалъ. Казалось бы, сдержанно экспансивный французъ долженъ бы занять въ этомъ отношеніи середину,—но... оставимъ француза и послѣдуемъ за г. Одарченкомъ дальше.

Впрочемъ, будемъ кратки. Читатель уже замѣтилъ, что г. Одарченко человѣкъ необыкновенно благодушный. Онъ принимаетъ и развиваетъ ученіе славянофиловъ о „подоплекѣ", но не брезгаетъ и наукой гнилого запада. Онъ допускаетъ, что мы „вялы и несовершенны" именно благодаря нашимъ нервнымъ токамъ, но онъ вѣритъ въ то же время, что „стоитъ только загорѣться сокрытой въ сердцѣ русскаго народа искрѣ, и чудомъ (sic) явятся тогда матеріальныя блага". Въ одинъ прекрасный день искра загорается, и происходитъ реформа въ смыслѣ „сліянія потребительныхъ союзовъ съ территоріальными единицами мѣстнаго самоуправленія и непосредственнаго отношенія ихъ къ производительнымъ артелямъ" (274). „Рѣшающее значеніе при этомъ принадлежитъ земству", а реформа происходитъ столь быстро и рѣшительно, что и самое земство остается въ нынѣшнемъ видѣ (задачу выполняетъ „русская интеллигенція, особенно изъ среды землевладѣльцевъ"), и даже крестьяне остаются безграмотны (земство „соединитъ въ артели безграмотныхъ крестьянъ" — ib). Впрочемъ, до реформы ихъ даже и учить грамотѣ не стоитъ: „научить грамотѣ человѣка все равно, что слѣпого сдѣлать зрячимъ,—говоритъ г. Одарченко. Но если показать такому слѣпому картины разврата, роскоши и порока,—то лучше ему оставаться слѣпымъ. Надо показать ему пути правды и

добра"—въ видѣ проектированной реформы, а уже тогда можно снять и повязку слѣпоты...

„Такъ онъ писалъ темно и вяло" въ теченіе 15 лѣтъ (съ 1881 по 1896), порой, впрочемъ, переходя въ бурный паѳосъ. „Европа, Европа! много ты забираешь русскихъ средствъ, но не въ прокъ тебѣ они идутъ; законъ жизни, не желѣзный, а раскаленно - желѣзный законъ обрекаетъ каждый годъ твоихъ сыновъ на голодъ и стужу; имъ нечего надѣяться на парламенты... А бѣдные сыны русской земли, попавъ въ подобное отчаянное положеніе, еще не совсѣмъ утратили вѣру въ своего Господа І. Христа, они возстаютъ въ принципѣ противъ всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ (?!), но слабые и хилые идутъ въ больницы, сумасшедшіе дома, а буйные по Владиміркѣ..." (245). Несовсѣмъ понятно, но очень горячо, и все это завершается заявленіемъ, что „спокойна наша (т. е. г. Одарченка) собственная совѣсть", такъ какъ „нашему сердцу не чуждо чувство любви къ народу" (374).

Казалось бы, все это столь явно „невинно", что г-на Одарченка можно бы оставить наединѣ съ его чистой совѣстью, а его книгѣ предоставить спокойно слѣдовать въ унылую Лету... Но тутъ его, благодушнаго россіянина, проходившаго малопроѣзжими дорогами, усмотрѣлъ нѣкто г. Nemo изъ „Новаго Слова" и сразу рѣшилъ, что въ лицѣ г-на Одарченко можно одержать легкую побѣду надъ какою-то „партіей". „Книга г. Одарченко—заявляетъ онъ съ первой строки—есть совершенно нелѣпое произведеніе". Ну, что же, казалось-бы, дальше и разговаривать? Но г. Nemo дѣлаетъ длиннѣйшія выписки и пускается въ глубокомысленныя опроверженія. Видя, что бурное нападеніе можетъ показаться ничѣмъ не оправдываемой жестокостью, онъ предварительно самъ укрѣпляетъ позиціи противника. Г. Одарченко „только развилъ съ замѣчательной логической неустрашимостью" (!) извѣстную систему. Въ лицѣ г. Одарченко г. Nemo сражается съ Николаемъ—ономъ, съ „народниками", съ „народною партіей", съ какими-то „восточниками" и т. д. которые желаютъ, „упразднивъ обмѣнъ, прекратить, прежде всего, мѣновыя сношенія съ Европой". Господи Боже!—какія страсти! Вѣдь тогда намъ „придется проститься со всѣми благами европейской культуры, которыми только и красна наша жизнь. Ex oriente lux!—гремятъ восточники"... (29). Но,—продолжаетъ г. Nemo,—страшенъ сонъ да милостивъ Богъ..." „до сихъ поръ о прекращеніи сношеній съ западомъ не говорилъ еще ни одинъ народникъ, не говорилъ даже о прекращеніи мѣновыхъ отношеній" *). Ну, слава

*) „Новое Слово". августъ, стр. 29.

Богу, значитъ, все это только еще догадки г. Nemo. Не торопитесь радоваться. *Они* этого не говорятъ, но ихъ выводитъ на чистую воду авторъ „русскихъ токовъ“: по словамъ г. Nemo, г. Одарченко откровеннѣе другихъ. Онъ съ логической неустрашимостью развиваетъ до конца систему и прямо „не совѣтуетъ“ привозить съ запада матеріаловъ и вывозить туда хлѣбъ. Какъ хорошо, что г. Одарченко по своей откровенности раскрылъ коварные замыслы. Но вотъ, въ выноскѣ, г. Nemo совершенно неожиданно снимаетъ и съ г. Одарченко это обвиненіе: „Здѣсь, — говоритъ онъ,—я долженъ взять подъ свою защиту (отъ кого это?) г. Одарченка... въ его программѣ прямо не значится требованія прекращенія мѣнового хозяйства, потому что (!) внутри Россіи онъ его оставляетъ. И, тѣмъ не менѣе, въ своихъ практическихъ тенденціяхъ онъ сходится съ врагами мѣнового хозяйства an sich“. Итакъ, „откровенность“ г. Одарченка непричемъ. Прежде выходило, что онъ „откровеннѣе“, а у другихъ только скрытыя тенденціи. Теперь, очевидно, другіе „откровеннѣе“, а скрытыя тенденціи у г. Одарченка. Всѣ откровенны, и за всѣхъ говоритъ одинъ г. Nemo. Поистинѣ г. Одарченко могъ бы возвратить г. Nemo комплиментъ относительно „логической неустрашимости“ его полемическихъ пріемовъ.

Н. М. Геренштейнъ. Роль публициста. Спб. 1897.

Надо обладать большою смѣлостью, чтобы рискнуть выпустить въ свѣтъ брошюру, подобную той, которая лежитъ передъ нами. Въ ней—всего шесть неполныхъ страницъ; и въ пяти—довольно безсвязныхъ и скучныхъ главахъ, на которыя дѣлится это „сочиненіе“, говорится о многомъ: и объ Англіи, и о Кобденѣ, и о Екатеринѣ II и Петрѣ Великомъ, о муравьѣ и хлѣбномъ вопросѣ, о женскихъ медицинскихъ курсахъ и о Турціи, о Китаѣ, о Финляндіи, даже о выборгскомъ извощикѣ—только ничего не говорится о предметѣ, указанномъ въ заглавіи книжки—именно, о роли публициста. Этому предмету посвящены всего четыре строки въ самомъ концѣ послѣдней главы. И мы нарочно приведемъ эти строки, чтобы читатель могъ судить о томъ языкѣ, которымъ говоритъ нашъ авторъ. Вотъ эти строки: „роль и обязанность всякаго порядочнаго публициста заключается именно въ томъ, чтобы дать правильное объясненіе фактамъ и въ явленіяхъ, которыя даютъ матеріалъ для обвиненія, найти аргументъ для защиты молодыхъ жизненныхъ идей и начинаній“.

Т. И. Осадчій. Крестьянское товарищеское землевладѣніе въ Херсонской губерніи. Одесса, 1897 г.

Современная политическая экономія, можно сказать, вся построена на анализѣ общественныхъ отношеній, возникающихъ въ сферѣ городской, обрабатывающей промышленности. Сравнительная простота и однородность этихъ отношеній способствовала успѣху ихъ изученія, и вслѣдъ за выдающимися нѣмецкими экономистами мыслящее общество усвоило плодотворную въ научномъ и практическомъ смыслѣ идею о послѣдовательномъ ходѣ промышленной эволюціи. Дальнѣйшее всестороннее изученіе, однако, обнаружило недостаточность этой идеи въ приложеніи къ обширной области явленій сельскохозяйственной жизни, гдѣ отношенія сложнѣе, запутаннѣе, разнороднѣе. Пути постепеннаго обобществленія труда здѣсь могутъ оказаться нѣсколько иные, нежели въ индустріи, и потому важно слѣдить за всѣми формами его, встрѣчающимся въ дѣйствительной жизни. Къ числу такихъ формъ относится артельное или товарищеское крестьянское землевладѣніе, на которое бросаетъ нѣкоторый свѣтъ брошюра г. Осадчаго. Посвящена она крестьянскимъ товариществамъ Херсонской губерніи. Нельзя сказать, чтобы вопросы, затронутые г. Осадчимъ, освѣщались въ его брошюрѣ съ полною научною точностью и доказательностью. Авторъ нѣсколько разъ жалуется на „скудость" статистическаго матеріала, надъ которымъ ему приходилось оперировать, вынуждавшую его иной разъ прибѣгать къ „грубымъ пріемамъ" вычисленія (32) для полученія интересующихъ его отвѣтовъ; много интересныхъ сторонъ вопроса и вовсе не затронуто въ брошюрѣ. Но за всѣмъ тѣмъ г. Осадчій—участникъ одного изъ крестьянскихъ товариществъ въ Херсонской губерніи (15), въ качествѣ очевидца развертываетъ передъ нами картину, далеко не лишенную интереса. Во время происходившихъ въ прошломъ году преній въ Вольно-экономическомомъ Обществѣ по доклакду Левитскаго о земледѣльческихъ артеляхъ, очень горячіе споры возбуждалъ вопросъ о томъ, на какой почвѣ „возникли, существуютъ и будутъ развиваться земледѣльческія артели". И дѣйствительно, для правильной оцѣнки товариществъ существенно важно знать причину ихъ возникновенія: явились ли они плодомъ искусственнаго насажденія со стороны народолюбивой интеллигенціи, какъ утверждаютъ одни, или же это—организаціи, продиктованныя естественными требованіями экономической эволюціи, какъ доказываютъ другіе. По мнѣнію автора разбираемой брошюры, „товарищеская форма землевладѣнія возникла въ Новороссіи какъ бы наперекоръ стремленію населенія къ индивидуальному хозяйничанью" (1). А для такого явленія требовались реальные хозяйственные факторы.

Ихъ указываетъ г. Осадчій нѣсколько. Во первыхъ, тутъ играли роль условія частнаго землевладѣнія въ Новороссіи, гдѣ мелкихъ участковъ почти не существововало у дворянъ и купцовъ. Покупка же большихъ участковъ (отъ 500 до 1,000 и до 1,500 дес.) оказывается посильною лишь значительному по составу товариществу землевладѣльцевъ (2—3). Во вторыхъ, необходимо отмѣтить большую легкость пріобрѣтенія земли въ составѣ товарищества въ силу уменьшенія размѣра требуемыхъ затратъ на каждую десятину и открывающагося доступа къ кредиту (что особенно важно при отсутствіи у насъ правильно организованнаго мелкаго кредита). Наконецъ, побужденіемъ къ организаціи товариществъ служатъ многія другія хозяйственныя выгоды, вытекающія отчасти изъ степного характера мѣстности (интересы безопасности и удобства жизни въ степяхъ, устройства прудовъ и рытье колодцевъ въ безводной степи, удобство общаго выгона и выпаса) (2—4). Всѣ эти условія въ своей совокупности и создаютъ ту „почву", на которой возникаютъ земледѣльческія артели. Для правильнаго отношенія къ послѣднимъ необходимо далѣе отдать себѣ отчетъ въ томъ, изъ какихъ группъ населенія вербуются участники этой формы хозяйства. Удовлетворяетъ ли артель потребностямъ земледѣльческаго пролетаріата, служа для него почвой для хозяйственной и соціальной организаціи, или же она, служа интересамъ сельской буржуазіи, еще болѣе ускоряетъ процессъ дифференціаціи деревни? Въ брошюрѣ мы находимъ нѣсколько указаній на этотъ счетъ. На основаніи данныхъ подворныхъ переписей по Ананьевскому и Александрійскому уѣздамъ можно видѣть, что „товарищество даетъ возможность участвовать въ пріобрѣтеніи и малосостоятельнымъ крестьянамъ, которымъ въ одиночку не подъ силу ни покупка, ни хозяйничанье на отдѣльномъ клочкѣ; богатый же крестьянинъ, имѣющій возможность купить участокъ, на которомъ можно безъ ущерба вести хозяйство, предпочитаетъ пріобрѣтать землю безъ всякаго товарищества" (26—27). Слѣдовательно, и по вопросу о составѣ товариществъ г. Осадчій даетъ отвѣтъ въ пользу этой формы землевладѣнія. Не слѣдуетъ, однако, думать, что брошюра отличается оптимистическимъ отношеніемъ къ изслѣдуемому въ ней предмету. Глава II: „возникновеніе товариществъ и бытовая сторона ихъ жизни" (15—22) развертываетъ передъ нами картину, которую далеко нельзя назвать отрадною. Оказывается, что покупка земли для товарищескаго владѣнія и эксплуатаціи совершается сплошь и рядомъ при помощи посредниковъ—„факторовъ", подкупающихъ нерѣдко ходоковъ, опутывающихъ всякими способами товарищей и вносящихъ въ среду участниковъ артели раздоръ,

часто разрѣшаемый физическою силою. То же нерѣдко имѣетъ мѣсто при наступающемъ послѣ покупки важнѣйшемъ моментѣ основанія товарищества—раздѣлѣ усадебной и пахатной земли. Правда, по замѣчанію автора, крестьяне съ большимъ успѣхомъ пользуются въ данномъ случаѣ обычаями, вынесенными изъ общинной жизни, и „кто только присутствовалъ при этомъ дѣлежѣ, тотъ можетъ оцѣнить способности крестьянина къ классификаціи земель и по части измѣренія ихъ“ (17). Но „не смотря на здравый смыслъ товарищей, всетаки многое разрѣшается здѣсь физическою силою“ (Ibid.). И вообще товарищеская жизнь во многихъ своихъ проявленіяхъ не чужда принципа „кто дужчый, тотъ лучшый“ (17). Все это относится лишь къ одной категоріи товариществъ (о которыхъ только и говорится въ брошюрѣ)—товариществъ, основанныхъ безъ помощи крестьянскаго банка и до сихъ поръ не подчиненныхъ никакой регламентаціи. Авторъ надѣется, что со введеніемъ ея въ описываемыхъ союзахъ водворится порядокъ, какой нынѣ господствуетъ въ товариществахъ, основанныхъ съ помощью крестьянскаго банка (17). Эта мысль высказывается лишь вскользь. А, между тѣмъ, интересно было бы выяснить: являются ли описанныя неурядицы лишь результатомъ отсутствія законодательной регламентаціи, или же въ основѣ ихъ лежатъ другія, болѣе глубокія причины, напримѣръ, недостаточность сознательнаго отношенія крестьянъ къ дѣлу, трудность веденія товарищескаго хозяйства, противодѣйствіе окружающихъ условій... Итакъ: 1) Товарищества „Херсонщины“ возникли не по чьему либо капризу, а въ силу реальныхъ экономическихъ потребностей; 2) товарищества пришли на помощь преимущественно бѣднѣйшей, обезсилѣвшей части крестьянскаго населенія; 3) жизнь товариществъ заключаетъ въ себѣ много неблагопріятныхъ, печальныхъ сторонъ. Таковы три положенія, которыя отстаиваетъ г. Осадчій въ качествѣ очевидца фактовъ, имъ описываемыхъ. Интересъ его показаній въ данномъ случаѣ усиливается еще тѣмъ, что они исходятъ отъ изслѣдователя, всѣ симпатіи котораго на сторонѣ *мелкаго* крестьянскаго хозяйства. На это имѣются въ брошюрѣ категорическія указанія (стр. 31, 33 и др.).

Н. А. Каблуковъ. Лекціи по экономіи сельскаго хозяйства, читанныя въ Московскомъ Университетѣ въ 1895/6 г. (Изданіе для студентовъ). М. 1897 г.

Учебники и общіе курсы экономіи сельскаго хозяйства въ русской литературѣ, можно сказать, отсутствуютъ. Сочиненіе *Людоговскаго* (Основы сельскохозяйственной экономіи и сель-

Сельскохозяйственная экономия. А. Н. Шишкина 1894–1896.

скохозяйственнаго счетоводства, Спб. 1875), хотя и составляетъ полный курсъ предмета, но во многихъ частяхъ, особенно теоретическихъ, совершенно устарѣло. Трудъ *А. С. Ермолова* (Организація полевого хозяйства, Спб. 1891), изданный сравнительно недавно, преслѣдуетъ исключительно практическія цѣли. То же нужно сказать и о работахъ *Бара*. Наконецъ, книга *А. Ф. Фортунатова* („Сельскохозяйственная статистика Евр. Россіи", М. 1893), давая мастерскую картину основныхъ фактовъ сельской жизни нашего отечества, лишена теоретическаго ихъ освѣщенія. Имѣются, правда, еще отдѣльныя главы, посвященныя интересующей насъ области въ курсахъ политической экономіи гг. *Иванюкова*, *Исаева*, *Карышева*, но все же это—части, играющія далеко не первую роль въ общемъ содержаніи занятыхъ другими вопросами работъ.

Такая бѣдность нашей литературы по экономіи сельскаго хозяйства является особенно ощутительною именно въ настоящее время. Съ каждымъ днемъ выплываютъ на поверхность общественной жизни новые факты, напоминающіе о своеобразной жизни крестьянства, о нѣкоторой особенности законовъ, лежащихъ въ основѣ ея. Все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ томъ, что въ глубинѣ деревенской жизни совершаются сложные процессы, исключающіе возможность отождествленія ея съ жизнью городскою. Безпристрастному наблюдателю явленій дѣйствительности уже невозможно успокоиваться на простой мысли о переходномъ значеніи крестьянства, могущаго быть игнорируемымъ съ высоты отвлеченной теоріи. Безспорные факты указываютъ на то, что крестьянство не можетъ быть разсматриваемо, какъ простой матеріалъ для созданія богатой своимъ содержаніемъ городской культуры, что оно можетъ сыграть и свою самостоятельную роль въ сложномъ и трудномъ процессѣ нарожденія дальнѣйшихъ ступеней соціальной эволюціи, формированія новыхъ формъ хозяйственнаго и общественнаго быта. Такою конечною мыслью проникнута и новая работа г. Каблукова, и въ этомъ главное ея научное и общественное значеніе.

Нужна ли особая экономія сельскаго хозяйства? въ чемъ ея сущность и цѣль? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ не только рядомъ цѣнныхъ и интересныхъ главъ (по вопросамъ: о формахъ, размѣрахъ и распредѣленіи поземельной собственности, о системахъ земледѣлія, о сельскохозяйственныхъ рабочихъ и товариществахъ, объ условіяхъ кредита въ сельскомъ хозяйствѣ, о значеніи для сельскаго хозяйства международнаго рынка и т. д.), не только констатированіемъ громаднаго численнаго значенія крестьянства въ Западной Европѣ и особенно Россіи, но также, и главнымъ образомъ, той об-

щей соціологической концепціей, которая проникаетъ всѣ „Лекціи", сообщаетъ имъ живой общественный интересъ, будя мысль читателей и ставя животрепещущіе вопросы, на которые, впрочемъ, у автора не всегда даются опредѣленные и исчерпывающіе отвѣты.

Черезъ всю книгу красною нитью проходитъ мысль о коренномъ отличіи между явленіями аграрной, сельскохозяйственной жизни, съ одной стороны, и городской, индустріальной—съ другой. Въ то время, какъ въ обрабатывающей промышленности побѣда несомнѣнно на сторонѣ крупной формы ея, не то въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ къ этому имѣется цѣлый рядъ препятствій. Климатическія условія, прежде всего, дѣлаютъ невозможнымъ выдѣленіе земледѣлія въ особую отрасль занятія (55). По климатическимъ условіямъ земледѣліе не можетъ вестись круглый годъ, въ силу чего ни капиталъ, ни трудъ здѣсь не могутъ быть заняты постоянно. Это создаетъ необычайныя затрудненія для крупнаго сельскаго хозяина: съ одной стороны, его капиталъ въ теченіе извѣстной части года (иногда весьма значительной) долженъ искать примѣненія внѣ земледѣлія (57); съ другой стороны, является необходимость временнаго найма рабочихъ, найма въ различное время различнаго числа ихъ со всѣми вытекающими изъ такого мѣняющагося состава рабочихъ неудобствами (44,221). Далѣе, вліяніе климата отражается на чрезвычайномъ колебаніи урожаевъ (59), а въ зависимости отъ этого—цѣнъ, что также не соотвѣтствуетъ природѣ капитала, любящаго правильный, однообразный доходъ. Въ томъ же невыгодномъ для капиталистическаго сельскаго хозяйства направленіи дѣйствуетъ другой факторъ (хотя и болѣе поддающійся человѣческому воздѣйствію)—почва. Почва болѣе молодая приноситъ болѣе обильные плоды, производитъ ихъ дешевле, независимо отъ той или иной формы промышленности (219). Въ силу почвенныхъ условій является необходимость распредѣленія сельскохозяйственнаго производства на значительномъ пространствѣ—обстоятельство, идущее въ разрѣзъ съ стремленіемъ крупнаго хозяйства къ концентраціи производства (77). Наконецъ, въ результатѣ совокупнаго дѣйствія климатическихъ и почвенныхъ условій создается невозможность широкаго проведенія раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ (82) и невыгодная въ силу несоотвѣтствія требованіямъ раціональнаго земледѣлія частая смѣна культуръ, къ которой приходится обращаться крупному сельскому хозяину въ зависимости отъ часто колеблющагося на международномъ рынкѣ спроса на тѣ или иные продукты (345). Въ свою очередь, мелкое сельское хозяйство имѣетъ за собою цѣлый рядъ преимуществъ передъ крупнымъ—поло-

женіе, котораго нѣтъ въ промышленности обрабатывающей. Мелкое земледѣльческое хозяйство, существующее, если не исключительно, то въ очень значительной степени для цѣлей личнаго потребленія, менѣе страдаетъ отъ низкихъ цѣнъ, угнетающихъ въ формѣ хроническаго кризиса современное капиталистическое сельское хозяйство (45). Далѣе, при мелкомъ хозяйствѣ, какъ это вполнѣ установлено, приложеніе труда носитъ болѣе интенсивный характеръ (82). На основаніи всѣхъ указанныхъ чертъ „сельское хозяйство представляетъ менѣе благопріятную почву для капиталистическаго производства, чѣмъ другіе виды и отрасли промышленной дѣятельности человѣка... Поэтому, пока для капитала есть еще поле приложенія внѣ земледѣлія, онъ и не направится въ послѣднее“ (77). Это мы и видимъ въ дѣйствительности. Если капиталъ и затрачивается на земледѣліе, то онъ здѣсь получаетъ часто своебразное примѣненіе: онъ идетъ не на непосредственно-предпринимательскія цѣли, а на покупку огромныхъ земельныхъ площадей, „обработка которыхъ затѣмъ производится за счетъ мелкихъ арендаторовъ-батраковъ“ (221). Въ результатѣ, земледѣліе, какъ занятіе, находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ мелкихъ хозяевъ. Таковы взгляды автора на природу сельскохозяйственнаго промысла, рѣзко отличающагося отъ индустріи. Они важны для пониманія внутренняго смысла текущихъ фактовъ экономическаго быта Россіи. Важнѣйшія положенія автора сводятся къ тому, что 1) какъ на крестьянскихъ, такъ и на частновладѣльческихъ земляхъ замѣчается преобладаніе мелкаго землевладѣнія, и 2) что по преобладанію мелкаго землевладѣнія Россія занимаетъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ (130, 133). Какъ ни важны эти положенія, но еще интереснѣе то теоретическое освѣщеніе, которое дается имъ авторомъ. Возникаетъ капитальнѣйшій вопросъ: какова будущность этого мелкаго сельскаго хозяйства Россіи? Изъ всего вышеотмѣченнаго никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать заключеніе, будто г. Каблуковъ идеализируетъ бытъ нашего крестьянства. Совершенно наоборотъ. Авторъ отмѣчаетъ тотъ часто забываемый фактъ, что первобытное „земледѣліе“ состояло изъ добычи и переработки сырья, нужнаго въ цѣляхъ полнаго удовлетворенія личныхъ потребностей. „Но затѣмъ, когда говорятъ о земледѣліи въ настоящее время, о прелестяхъ и достоинствахъ занятія имъ, о важности сохраненія крестьянства, то совершенно забываютъ, что то идиллическое представленіе, которое создалось подъ вліяніемъ изображенія состоянія земледѣлія въ его прежнемъ видѣ, нисколько не соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, которую оно представляетъ въ настоящее время“ (52). При нынѣшнихъ условіяхъ мелкое сельское

хозяйство давно утратило свой самостоятельный характеръ, превратившись въ форму, такъ сказать, „полутоварнаго“ хозяйства (75), и работа представителей его „оплачивается хуже, нежели (работа) фабричнаго рабочаго“ (47). Каковъ же, однако, исходъ для этого земледѣльческаго пролетаріата? Въ виду отмѣченныхъ слабыхъ шансовъ на поглощеніе всего сельскаго хозяйства капиталистической формой, невольно ставится вопросъ о возможности превращенія земледѣльческихъ пролетаріевъ въ классъ фабричныхъ рабочихъ. Подошедши, такимъ образомъ, къ пресловутому вопросу „о судьбахъ капитализма въ Россіи“ и касаясь его, авторъ находитъ неправильною самую постановку вопроса въ обычной его формулировкѣ: развивается у насъ капитализмъ или нѣтъ? Во первыхъ, капитализмъ — явленіе международное, долженствующее проявиться и въ Россіи. Во вторыхъ, уже освобожденіе крестьянъ было продиктовано требованіями развивавшихся капиталистическихъ отношеній. Законнымъ авторъ считаетъ только вопросъ: „какой путь для развитія капитализма представляютъ условія русской экономической жизни“? (157). Законы капиталистическаго развитія, установленные Марксомъ на примѣрѣ Англіи, пользуются у насъ справедливымъ признаніемъ. Но г. Каблуковъ примыкаетъ къ мнѣнію о невѣрности толкованія ученія Маркса въ смыслѣ предположенія тождественности процесса экономическаго развитія всѣхъ странъ (7). Внутренній строй отношеній въ Англіи при началѣ капитализма былъ иной, нежели въ настоящее время. Такъ, по мѣрѣ возрастанія участія машинъ въ производствѣ замѣчается естественное уменьшеніе требованія рабочихъ на фабрикахъ и въ сельскомъ хозяйствѣ (9). Затѣмъ, доля участія всѣхъ странъ, не исключая Англіи, въ міровой торговлѣ падаетъ. Въ виду этого „ростъ числа рабочихъ отстаетъ отъ роста производства“, и „по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства *замедляется* превращеніе остального населенія въ классъ фабричныхъ рабочихъ“ (9). Въ наибольшей степени все это примѣнимо къ Россіи, притомъ „не въ силу какихъ либо особенностей ея экономическаго строя, а въ силу ея позднѣйшаго вступленія на эту историческую арену, гдѣ уже дѣйствовали и дѣйствуютъ ея собратья, пришедшіе туда раньше ея“ (7). Далѣе, авторъ указываетъ на то, что капитализмъ у насъ мало развитъ, нуждаясь еще въ сильной протекціонной поддержкѣ, что рынокъ ограниченъ почти предѣлами нашей страны и т. д. (10). Съ особенной же энергіей г. Каблуковъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что въ то время какъ въ 1865 году число рабочихъ (безъ горнозаводскихъ) въ Россіи составляло 1,35% всего населенія, въ 1890 г. отношеніе равнялось 0,96%. На основаніи всего этого дѣ-

лается выводъ, что русскій капитализмъ „не въ состояніи превратить въ классъ рабочихъ, и только рабочихъ, такую часть населенія, какую удалось, напримѣръ, Англіи“ (10). „Заключать... о полной аналогіи съ другими странами экономической эволюціи у насъ—представляется совершенно невозможнымъ“ (161)—таково, собственно, содержаніе „Лекцій“. Но въ чемъ же можетъ заключаться отличительная черта экономической эволюціи Россіи? На это не даетъ отвѣта авторъ. „Не предлагая никакихъ готовыхъ рѣшеній“, онъ „хотѣлъ только поставить вопросъ“ (160). Дѣло въ томъ, что центръ рѣшенія поставленныхъ вопросовъ надо искать у автора во взглядѣ на особые пути капитализма въ области сельскохозяйственной промышлености. Дѣйствіе же капитала на эволюцію аграрныхъ отношеній настолько сложно, запутанно, изученіе этихъ отношеній настолько еще несовершенно, что постановленіе окончательныхъ по этимъ вопросамъ рѣшеній можно признать преждевременнымъ. Если, потому, окончательный, такъ сказать, итогъ сочиненія г. Каблукова не удовлетворитъ многихъ своею неопредѣленностью, то за нимъ другое цѣнное достоинство—научность.

Передъ нами собраніе лекцій по предмету, составляющему необязательный университетскій курсъ: на обложкѣ книги имѣется надпись: *„изданіе для студентовъ“*, отмежевывающая спеціальный кругъ ея читателей и спеціальныя цѣли ея изданія. Но лишь пожалѣетъ тотъ, кто на основаніи этой скромной надписи пройдетъ мимо книги. Мы желаемъ ей самаго широкаго распространенія въ большой русской публикѣ, тѣмъ болѣе, что главною своею частью она посвящена вопросамъ, и менѣе сравнительно изслѣдованнымъ, и болѣе возбуждающимъ въ наше время интересъ, и имѣющимъ, дѣйствительно, капитальное значеніе для всего направленія общественной мысли и жизни.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Сочиненія **Н. Н. Златовратскаго.** Изд. третье. Въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора. Т. III. М. 97. Ц. за три тома 4 р.

Сергѣй Роміасъ. Деревня нашего времени. Очерки. М. 97. Ц. 1 р.

«Библіотека маленькаго читателя». Изд. В. С. Спиридонова. № 1.—Сборникъ разсказовъ и стихотвореній, книжка первая. Составилъ **В. Калымовъ.** Изд. второе М. 98. Ц. 25 к. № 3.—Ѳомка-дуракъ. Разсказъ **Анны Догановичъ.** Изд. второе. М. 97. Ц. 20 к. № 5.—Въ городѣ и деревнѣ.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Составилъ **А. Ивинъ**. М. 97. Ц. 30 к.
№ 6—Новая звѣздочка. Три разсказа **А. В. Круглова**. М. 97 Ц. 20 к.

Полное собраніе сочиненій **Бьернстьерне Бьернсона**. Т. VII. Переводъ съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 97. Ц. 35 к.

Бенъ-Ами. Собраніе разсказовъ и очерковъ. Томъ первый. Одесса 98. Ц. 1 р. 25 к.

Генрикъ Сенкевичъ. Камо грядеши? Романъ изъ временъ Нерона. Полный переводъ съ польскаго. Изд. Н. Аскарханова. Спб. Ц. 80 к.

Н. Пружанскій. Герои жизни. Повѣсти, разсказы и эскизы. Изд. Д. А. Наумова. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Дитя и мать. Сборникъ разсказовъ. Изд. «Посредника». Спб. 97. Ц 1½ к.

Колдунья. Разсказъ **Элизы Ожешко**. (Съ польскаго). Изд. «Посредника». М. 97. Ц. 3 к.

Графиня-тюремщица. Нѣмецкое сказаніе **Ив. Якунина (Захарьина)**. Изд. «Посредника». М. 97. Ц. 1½ к.

Нелло и Патрашъ. Разсказъ. **Уйда**. Переводъ съ англійскаго. Изд. «Посредника». М. 97. Ц. 1½ к.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Странички жизни. I-ая книжка разсказовъ. Спб. 98. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Изд. Н. М. Геренштейна. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к.

П. Черновъ. Чужое добро. Романъ изъ петербургской жизни въ двухъ частяхъ. Изд. книгопродавца Д. А. Наумова.. Спб. 98. Ц. 1 р.

А. Д. Облеуховъ. Стихотворенія. Оды. — Поэмы. — Лирика. М. 98. Ц. 2 р.

Генрикъ Сенкевичъ. Повѣсти и разсказы. Переводъ В. М. Лаврова, съ предисловіями В. А. Гольцева. Второе удешевленное изд. ред. журнала «Русская Мысль». М. 98. Ц. 1 р.

Подъ счастливой звѣздой.- Разсказы для дѣтей **Надежды Ласъ (Вакуловской)**. Спб. 98. Ц. 50 к.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ ред. **С. А. Венгерова**. Вып. VI. Мелкіе поэты 18 вѣка, дополненія и библіограф. примѣчанія (окончаніе). Спб. 97. Ц. 2 р.

Западно-европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ **О. Петерсонъ и Е. Балабановой**. Томъ II. Скандинавія. Спб. 98. Ц. 2 р.

ГастонъКуньи. Античное искусство. Греція—Римъ. Сборникъ статей по исторіи искусства, эстетикѣ и археологіи. Переводъ съ франц. В. Смирнова. Изд. К. И. Тихомирова М. 97. Ц. 1 р. 75 к.

А. А. Неустроевъ. Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа. Спб. 98. Ц. 1 р. 75 к.

D-r A. DELBRÜCK. Гамлетъ и его душевное состояніе. Перевелъ съ нѣм. Ал. Цацкинъ. Харьковъ. 97.

Геніальный поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова. Для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ **А. В. Кругловъ**. 2-е изд. В. С. Спиридонова. М. 97. Ц. 25 к.

Тина ди-Лоренцо. Театральныя и біографическія замѣтки, диктованныя **Камиллой Антона-Траверси**. Переводъ съ итальянскаго В. Л. Спб. 97.

Фридрихъ Нитцше какъ художникъ и мыслитель. Проф. **А. Риля.** Переводъ съ нѣм. З. Венгеровой. Изд. ред. журнала „Образованіе" (Библ. философовъ II). Спб. 98. Ц. 50 к.

Кроненбергъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Переводъ съ нѣм. В. Щиглевой. Изд. О. Н. Поповой („Образов. Библ». № 10) Спб. 98.

Анализъ вселенной въ ея элементахъ. **Густава Адольфа Гирна** Переводъ съ франц. Изд. Московскаго психологическаго общества. Вып. VI. М. 98. Ц. 2 р.

Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII в. и къ критической философіи. **В. А. Кожевникова.** М. 97. Ц. 2 р.

Артуръ Шопенгауеръ. Новые афоризмы. Перевелъ съ нѣм. Р. Кресинъ. Изд. Б. Н. Попова, Харьковъ. 98. Ц. 1 р.

Гербертъ Спенсеръ. Происхожденіе науки. Переводъ съ англ. Изд. О. Н Поповой. Спб. 98. Ц. 30 к.

Изученіе природы дома. Разговоры въ сумерки. Книга для юношества. Составилъ **К. Крепелинъ.** Переводъ съ нѣм. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Полчаса съ микроскопомъ. Популярное руководство къ употребленію микроскопа, какъ средства для удовольствія и поученія. Составилъ **Эдвинъ Ланкестеръ.** Переводъ съ англійскаго (съ 19-го изд.) Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 75 к.

Путеводитель по небу. Практ. руководство къ астрономич. наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой. **К. Покровскаго.** Второе дополненное изд. А. Ф. Маркса. Спб. 97. Ц. 2 р.

Э. Дюкло. Пастеръ. Броженіе и самозарожденіе. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ К. Тимирязева. Изд. ред. журнала «Русская Мысль» М. 97. Ц. 40 к.

Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Начальные уроки міровѣдѣнія, составленные **Полемъ Бэромъ.** Переводъ съ франц. подъ ред. Е. Чижова. Изд. «Посредника». М. 97. Ц. 30 к.

Животныя. 24 табл. съ 276 хромолитографирован. изображеніями животныхъ. Текстъ **Л. Шелгуновой.** Изд. Н. Аскарханова. Спб. 97. 1 р. 75 к.

Растенія и минералы. 23 табл. съ 270 хромолитограф. изображеніями растеній и минераловъ. Текстъ **Л. Шелгуновой.** Изд. Н. Асхарханова. Спб. 97. Ц. 1 р. 75 к.

Ф. Лавровъ. О заразныхъ болѣзняхъ. Общепонятное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 6 к.

Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Три очерка д-ра **Эмиля Крепелина.** Переводъ съ нѣм. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 30 к.

Половая жизнь человѣка и гигіеническое воспитаніе ребенка. Сочиненіе д-ра **А. Шмитца.** Переводъ съ нѣм. Изд. второе, Н. Лейненберга («Гигіеническая Библ.») Одесса. 98. Ц. 50 к.

Климатъ Троицкосавска-Кяхты въ гигіеническомъ отношеніи. **Талько-Грынцевича.** Иркутскъ. 97.

Отчетъ Нижегородскаго городского санитарнаго врача **Н. А. Граціанова** за 1896 г. Нижній. 97.

Орошеніе луговъ въ связи съ ихъ осушеніемъ по системѣ Петерсена. Составилъ **В. Пржепіорскій**. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 10 к.

Проф. **Придорогинъ**. Бесѣды о скотѣ. V. Воспитаніе телятъ молочной породы. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 5 к.

М. А. Нетыкса. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 60 к.

О томъ, чѣмъ и какъ удобрять землю. Составилъ **Вас. Севастопольскій**. Съ рис. Изд. „Посредника". М. 97. Ц. 15 к.

С. Архиповъ. Наставленіе къ искусственному разведенію лѣса, преимущественно хвойныхъ породъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 20 к.

Очерки Сибири для народнаго чтенія. Очеркъ первый. Иркутская губернія. Съ картой губерніи. Изд. кн. маг. П. И. Макушина. Иркутскъ. 97. Ц. 20 к.

Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Составилъ **П. Ровинскій**. Т. II. Часть I. Спб. 97.

Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Пр.-доц. Новор. Унив. **П. Шеймина**. Вып. 8-ой и 9-ый. Одесса. 97. Ц. 40 и 30 к.

Проф. А. Эсменъ. Общія основанія конституціоннаго права. Переводъ съ французскаго подъ ред. проф. В. Дерюжинскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 75 к.

Общественная жизнь Англіи. Изд. **Г. Д. Трайля**. Т. III. Переводъ съ англ. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 2 р. 50 к.

Ларра. Общественные очерки Испаніи. Переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Проф. **А. Трачевскаго**. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. **П. Г. Виноградова**. Вып. II. М. 97. Ц. 3 р. 30 к.

Т. Циглеръ. Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣм. подъ ред. и съ пред. проф. Н. И. Карѣева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 50 к.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ 3-го нѣм. изд. подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. V. Изд. Ф. А. Іогансона Кіевъ 97. Подписная цѣна (8 вып.) 3 р. 50 к.

А. Бартъ. Религіи Индіи. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ кн. С. Трубецкого. Изд. ред. журнала «Русская Мысль». М. 97. Ц. 1 р.

Ш. Летурно. Соціологія основанная на этнографіи. Переводъ съ послѣдн. франц. изд. Вып. III (послѣдній) Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 90 к.

Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки. Географическая теорія развитія современныхъ обществъ. Переводъ съ франц. М. Д. Гродецкаго. Изд. ред. журнала «Жизнь». Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

По поводу книги «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» съ приложеніемъ отвѣта проф. А. Чупрову. Проф. **Л. В. Ходскій**. Спб. 97. Ц. 75 к.

Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи. Переводъ съ англ. Е. И. Остроградскій подъ ред. пр.-доц. О. И. Остроградскаго. Вып. III. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 97. Ц. по подпискѣ (5 вып.) 2 р. 50 к.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Stattswissenschaften. Переводъ съ нѣм. подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Къ теоріи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Хлѣбные тарифы. **П. А. Шостакъ.** Спб. 97.

Что такое казенная винная монополія и ея значеніе для всѣхъ и каждаго. Очеркъ. Сочиненіе **М. О. Островскаго.** Спб. 98. Ц. 20 к.

Легальный произволъ. Замѣчанія на проектъ уложенія о наказаніяхъ. **А. Красовскаго.** Спб. 96. Ц. 1 р.

Статистико-экономическій **обзоръ** по Елисаветградскому уѣзду Херсонской губ. за 1896 годъ. Составленъ Оцѣночно-Статистич. Отд. Елисаветградской Земской Управы. Елисаветградъ. 97.

В. А. Весновскій. Рабочій вопросъ на Уралѣ. Извлечено изъ газеты «Уралъ». Екатеринбургъ. 97.

О «Вятской газетѣ». **Докладъ** Вятской губ. Земской Управы. Изд. Вятскаго Губ. Земства Вятка. 96.

Краткія статистическія свѣдѣнія о начальныхъ школахъ Псковского уѣзда, находящихся въ вѣдѣніи Псковского Уѣзднаго Училищнаго Совѣта за 1895—6 учебн. годъ. Псковъ. 97.

О рѣчныхъ классахъ при Истобенскомъ 2-хъ классномъ училищѣ Мин. Нар. Просв. Изд. Орловской уѣздной земской управы. Вятка. 97.

Я. В. Абрамовъ. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Четвертое дополненное изд. Акц. О-ва печатнаго дѣла „Издатель". Спб. 97.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VI. (Изъ «Изв. Моск. Городск. Думы»). М. 97.

Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ гор. Москвѣ за 1895 г. Составлено Статистическимъ Отд. Моск. Городской Управы. М. 97.

Владиміръ Шуфъ (Борей). На Востокѣ. Записки корреспондента о греко-турецкой войнѣ. Спб. 97. Ц. 75 к.

Педагогическіе курсы въ Москвѣ отъ Московскаго Уѣзднаго Земства. Отчетъ руководителя **Д. И. Тихомирова.** М. 97.

Отчетъ Кіевскаго литературно-артистическаго Общества за 1896—97 г. Кіевъ. 97.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла О-ва Распростр. Технич. знаній за 1896 г. М. 97.

Отчетъ о постройкѣ открытой сцены на Верхнемъ Гуляньѣ въ г. Пензѣ и объ устройствѣ на ней спектаклей за 1896-й и 1897-й гг. Пенза. 97.

Отчетъ о дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній въ г. Кишиневѣ. За 1895 и 1896 годъ. Кишиневъ 97.

Отчетъ о дѣятельности Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія. Приамурскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества за 1896 годъ. Иркутскъ. 97.

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Т. IV. Изд. Мин. Земл. и Госуд. Им. Спб. 97.

Отчетъ воскресной школы при Харьковской женской тюрьмѣ за 1896—97 г. Харьковъ. 97.

Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ города Сара-

това въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1896—97 уч. годъ. Саратовъ. 97.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1896—97 г. Тамбовъ. 97.

Очеркъ дѣятельности полтавскаго сельскохозяйственнаго общества въ связи съ общими условіями экономической жизни Россіи. **Мих. Сосновскій.** Изд. Полт. Сельскохозяйствен. Общества. Полтава. 97.

Безплатная школа для бѣдныхъ дѣтей обоего пола отчетъ за 1896—97 уч. годъ. Спб. 97.

Отчетъ о занятіяхъ по ариѳметикѣ на временныхъ курсахъ 1897 г. въ Москвѣ. **А. И. Гольденбергъ.** М. 97.

Отчетъ объ осмотрѣ начальныхъ училищъ Московскаго уѣзда, произведенномъ инспекторомъ нар. уч. Моск. губ. К. К. Кноблохомъ въ 1896—97 уч. году. М. 97.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ **К. О. Петровъ.** Шестое исправленное изд. Спб. 98. Ц. 50 к.

Русско-нѣмецкій карманный словарь. Составилъ **Г. Левинсонъ.** Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 97. Ц. 60 к.

Le **Comte Chambrun.** Vagner à Minich, Francfaurt, Nice. Paris 8. 5 fr.

Les bases sociologiques du droit et de l'état. Par **Michel-Ange Vaccaro.** Ouvrage traduit sur l'édition italienne par. I. Gaure, Paris 98. Prix 8 fr.

Народно-хозяйственные наброски.

XL. Грамотность и матеріальная обезпеченность.—XLI. Изъ экономики Шумской волости Новоладожскаго уѣзда.

XL.

Давно, около 3 десятковъ лѣтъ назадъ, уже получила распространеніе мысль о томъ, что успѣшность развитія въ народѣ знанія находится въ прямой зависимости отъ высоты уровня хозяйственнаго его благосостоянія. Насколько, однако, извѣстно, *статистическое* подтвержденіе эта мысль начала получать лишь въ послѣдніе годы. Намъ уже пришлось привести (Р. Б. мартъ 1896) нѣсколько соотвѣтственныхъ данныхъ изъ небольшого изслѣдованія г. Борисова, касающагося части Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.—Въ другой нашей работѣ («Трудъ», СПБ. 1897 § 39), мы цитировали аналогичныя цифры подворнаго изслѣдованія Орловскаго уѣзда. Въ эту минуту передъ нами нѣсколько весьма интересныхъ новыхъ данныхъ по тому же вопросу, показывающихъ пра-

вильность высказаннаго положенія для весьма разнообразныхъ мѣстностей нашей страны. Довольно подробныя цифры по этому вопросу приведены въ новомъ интересномъ изслѣдованіи г. *Борисова*: «*Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губ*». (*Изд. Херс. Губ. Зем. Управы, Херсонъ 1897*). Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: «*Главнѣйшимъ* тормазомъ успѣшнаго развитія школы является бѣдность крестьянскаго населенія. Отъ этой главной, основной причины зависитъ все: позднее начало ученія, совпадающее съ наступленіемъ зимы; слишкомъ ранній конецъ его, наступающій съ началомъ весны; неаккуратное посѣщеніе школы учащимися, происходящее нерѣдко вслѣдствіе недостатка теплаго платья и обуви; посылка дѣтей въ школу въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, когда они не нужны дома, какъ работники; невозможность удержать въ школѣ («никакими мѣрами») оканчивающихъ курсъ до пріѣзда экзаменатора и пр. и пр.» (29). Засимъ вліяніе хозяйственныхъ факторовъ на распространеніе среди крестьянъ начальнаго образованія иллюстрируется нѣсколькими примѣрами. Такъ, по группировкѣ покойнаго И. А. Базилевича данныхъ подворнаго описанія Супруновской вол. Полтавской губерніи, оказывается, что въ группѣ бѣднѣйшихъ домохозяевъ одинъ грамотный приходится на 58 душъ, въ группѣ бѣдныхъ на 39, среднихъ—на 37, богатыхъ—15 и 21; одинъ учащійся приходится въ первыхъ двухъ—на 94—95 душъ, въ третьей—на 83, а въ двухъ послѣднихъ (богатыхъ)—на 36 и 29. Выходитъ, что число грамотныхъ относительно выше въ послѣднихъ группахъ (состоятельныхъ хозяевъ) въ 3—4 раза, а число учащихся—въ 3 раза, чѣмъ въ первой группѣ (бѣдныхъ).—Въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. дворы, имѣющіе болѣе 25 дес. надѣльной земли, заключаютъ въ своемъ составѣ около трети (31,6%) грамотныхъ мужчинъ, а безземельные всего 15,2%; грамотныхъ женщинъ въ первой группѣ—6,3%, а во второй—4,7%, въ первой имѣется болѣе ¾ (77,3%) дворовъ съ грамотными и учащимися, а во второй—лишь ⅕ (21,6%). И не слѣдуетъ думать, что эти бросающіяся въ глаза различія выступаютъ только при сравненіи названныхъ крайнихъ группъ. Сопоставляя всѣ 6 группъ по размѣрамъ надѣловъ и располагая ихъ по уменьшающимся цифрамъ числа десятинъ на дворъ (болѣе 25 дес., 25—15 дес., 15—10 дес. 10—5 дес., до 5 дес. и безземельные), получаемъ слѣдующій рядъ % грамотныхъ мужчинъ—31,6; 26,3; 22,1; 20,8; 19,4; 15,2; проценты дворовъ съ грамотными и учащимися:—77,3; 62,3; 50,5; 42,2; 36.1; 21,6. Въ обоихъ приведенныхъ рядахъ уменьшеніе числа грамотныхъ и учащихся параллельно уменьшенію размѣровъ надѣла не терпитъ ни одного исключенія.—Тоже наблюдается и въ 8 уѣздахъ Воронежской губ. Располагая земельныя группы въ восходящій порядокъ (отъ имѣющихъ до 5 дес. до имѣющихъ болѣе 50 дес.) % дворовъ съ грамотными и учащимися возвышается:

въ Павловскомъ уѣздѣ отъ 44,5 до 72,8; въ Богучарскомъ—отъ 26,7 до 64,7; въ Новохоперскомъ отъ 25,3 до 75,4; въ Бобровскомъ отъ 30,3 до 71,7; въ Бирюченскомъ отъ 33,3 до 63,2; въ Валуйскомъ отъ 31,3 до 81,4; въ Коротоякскомъ отъ 16,2 до 44,8; въ Нижнедѣвицкомъ—отъ 14,4 до 42,0. «И здѣсь, на пространствѣ почти цѣлой Воронежской губ., говоритъ г. Борисовъ, весьма замѣтно проявляется вліяніе относительнаго благосостоянія крестьянъ на ихъ грамотность». Можно было бы привести еще цѣлый рядъ аналогичныхъ же данныхъ по другимъ губерніямъ. «Само собой разумѣется, прибавляетъ онъ, что и успѣшность прохожденія курса одноклассной школы находится въ полной зависимости отъ достатка семьи учащагося. Дитя изъ бѣдной семьи, плохо одѣтое, плохо обутое, часто подвергается простудѣ и другимъ заболѣваніямъ, отвлекаемое отъ занятій нуждою родителей затратитъ на прохожденіе курса сельской школы гораздо больше времени, чѣмъ дитя изъ семьи зажиточной». «Вліяніе школы касается весьма замѣтнымъ образомъ только верхнихъ, богатыхъ слоевъ крестьянскаго міра, бѣднякамъ же остаются однѣ лишь крохи отъ скромной трапезы, предлагаемой народу нашею сельскою школою» (30—31).—Аналогичные результаты дало и подворное изслѣдованіе Шумской вол. Новоладожскаго уѣзда С.-Петербургской губ. (1894). (*Статистич. Сборн. по С.-Петербургской губ. 1895, вып. II*). Если (какъ это выяснено работою статистическаго отдѣленія) школьный возрастъ, говорится тамъ, въ Петербургской губ. можетъ быть ограниченъ четырьмя годами (8, 9, 10 и 11), то окажется, что изъ 228 мальчиковъ обучается въ настоящее время 150, т. е. 66%, а изъ 197 дѣвочекъ—46, т. е. 23%, и внѣ школы остается 78 мальчиковъ и 151 дѣвочекъ. Къ какимъ же группамъ сельскаго населенія принадлежатъ эти 229 человѣкъ, осужденныхъ на безграмотность? «По нашимъ групповымъ таблицамъ, отвѣчаетъ изслѣдователь, мы можемъ прослѣдить вліяніе большей или меньшей состоятельности семьи на число грамотныхъ». Избирая признакомъ благосостоянія размѣры промысловыхъ заработковъ населенія, изслѣдователь получаетъ такія отношенія: въ группѣ съ заработкомъ болѣе 20 руб. на ѣдока имѣется грамотныхъ 25%, съ заработкомъ 20—10 р. грамотныхъ значительно меньше—18%, съ заработкомъ меньше 10 р.—16%, а въ группѣ безъ заработка—всего 10%, т. е. въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ въ первой; на одну семью приходится грамотныхъ—въ наиболѣе богатой группѣ 1,4, во второй—1,1, въ третьей—0,9, а въ наиболѣе бѣдной—0,2, т. е. если въ первой встрѣчается почти 3 грамотныхъ человѣка на 2 семьи, то въ послѣдней—всего 1 грамотный на 5 семействъ. Совершенно въ томъ же направленіи колеблются тамъ и цифры учащихся. Число учащихся мальчиковъ въ первой группѣ составляло 78%, во второй—62%, въ третьей—60%; число учащихся дѣвочекъ—31%, 20%, и 19%. «Такимъ образомъ, какъ грамотность, такъ и обученіе идетъ рука объ руку съ мате-

ріальной обезпеченностью и въ частности—съ внѣземледѣльческими заработками, которые въ настоящее время доставляютъ населенію волости главныя средства существованія» (8—9).—Это послѣднее указаніе весьма важно въ томъ смыслѣ, что оно значительно обобщаетъ рѣшеніе вопроса. Въ приведенныхъ выше группировкахъ для чисто земледѣльческихъ мѣстностей признакомъ зажиточности взятъ размѣръ надѣловъ или (какъ въ Александрійскомъ уѣздѣ—см. цитир. ранѣе статью), размѣръ крестьянскихъ посѣвовъ и сообразно этимъ признакамъ цифры грамотныхъ и учащихся давали ясно выраженныя реакціи въ смыслѣ приведеннаго выше положенія. Здѣсь (въ Шумской вол.), въ мѣстности промысловой признакомъ зажиточности взятъ заработокъ отъ внѣземледѣльческихъ занятій и реакція получилась та же. Характерно, что размѣры высѣва ржи, какъ второстепеннаго источника доходовъ мѣстнаго населенія, по словамъ изслѣдователя, оказываютъ здѣсь меньшее вліяніе на грамотность; въ таблицахъ нельзя прослѣдить такой же правильности, какъ это мы видѣли по отношенію къ промысловому заработку (9). Выходитъ, что не только среди земледѣльческаго населенія, но и среди промысловаго распространіе грамотности находится въ прямой зависимости отъ увеличенія доходности его занятій.

XLI.

Упомянутое подворное изслѣдованіе Шумской волости, изданное подъ редакціей г. Яковенко, представляетъ немалый интересъ не одной только указанной своей стороной. Предпринятое по постановленію губернскаго земскаго собранія въ видѣ опыта для выработки программы и способовъ организаціи продовольственной статистики, оно пока, къ сожалѣнію, не послужило образцомъ для дальнѣйшихъ такихъ же работъ по Петербургской губерніи. И объ этомъ слѣдуетъ очень пожалѣть не только потому, что такое изслѣдованіе дѣйствительно служитъ «выясненію причинъ, дѣлающихъ населеніе несостоятельнымъ», но—и еще важнѣе—потому, что, благодаря ему, «въ связи съ общимъ статистическимъ описаніемъ губерніи, произведеннымъ въ 1882 году, явилась возможность сравнить состояніе крестьянскаго хозяйства въ два момента, отдѣленныя промежуткомъ въ 12 лѣтъ и изъ сравненія почерпнуть указанія, въ какомъ направленіи развивалось это хозяйство, по какому пути оно идетъ, и каковы могутъ быть результаты, если всѣ условія останутся неизмѣнными» (стр. 1). Не имѣя въ виду исчерпать всего матеріала, который дается этой весьма содержительной работой, мы считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько иллюстрацій къ сказанному.

Обратимся прежде всего въ землевладѣнію. Среднее количество земли на ѣдока, на работника и на хозяйство за 12 лѣтъ, конечно, уменьшились, такъ какъ за этотъ промежутокъ времени населеніе возрастало, а покупки земли сдѣланы были всего двумя общинами

и только въ количествѣ 102 дес., при площади надѣльной земли въ 8600,6 дес. Пріобрѣтенныя отдѣльными домохозяевыми въ частную собственность 1477 дес. въ этотъ счетъ не идутъ. — Итакъ средній размѣръ земельнаго обезпеченія двора въ волости уменьшился съ 10,1 дес. на 8,7 дес. (стр. 17), т. е. на 1,4 дес. или почти 14%, или на 1/7. Но увеличеніе населенія прогрессируетъ, слѣдовательно, надо думать, что наличнаго земельнаго фонда въ Шумской волости хватитъ, приблизительно, лишь лѣтъ на 50, причемъ черезъ десятка два лѣтъ занятіе земледѣліемъ тамъ станетъ совершенно невозможнымъ.

Переходя отъ этихъ среднихъ цифръ къ распредѣленію земли между отдѣльными домохозяевами, замѣчаемъ прежде всего, что относительное количество имѣющихъ полевой надѣлъ и усадьбу уменьшилось съ 84,7% на 83,6%; больше сократилось число имѣющихъ только усадьбу—съ 10,6% на 9,0% и еще больше—число бездомовыхъ, сохранившихъ полевой надѣлъ—съ 2,4 на 0,9%; за то число бездомовыхъ и безнадѣльныхъ увеличилась довольно значительно—съ 2,8% на 6,5%. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени число полныхъ хозяевъ уменьшается, какъ и тѣхъ, которые, хотя и лишились усадьбы, но сохранили свой полевой надѣлъ; съ другой стороны, замѣтно растетъ количество лицъ, потерявшихъ всякія связи съ земледѣліемъ. «Процессъ обезземеленія, замѣчаетъ изслѣдователь, совершался въ Шумской волости въ разсматриваемый періодъ довольно энергично. Въ числѣ обезземеленныхъ оказываются не только слабосильные и, такъ сказать, побитые въ экономической борьбѣ, но и дѣятельные, предпріимчивые, которые, *благодаря несоразмѣрно тяжелымъ налогамъ, лежащимъ на землѣ,* предпочли заняться другими, болѣе выгодными дѣлами». Эти чаще всего проживаютъ въ Петербургѣ и имѣютъ тамъ опредѣленныя занятія (у 92 постоянно отсутствующихъ въ полномъ составѣ семействъ имѣется всего 29 надѣловъ, въ то время, какъ у остальныхъ приходится въ среднемъ около 2 надѣловъ на семью).

Еще детальнѣе рисуетъ сказанный процессъ слѣдующая табличка *).

	1882. Число семей.	1882. Онѣ составляютъ % всего числа	1894. Число семей.	1894. Онѣ составляютъ % всего числа.	Въ 1894 г. больше (+) или меньше (-) на:
1) Безнадѣльныхъ	111	13,6	146	15,5	+ 1,9%
2) Имѣющихъ не болѣе 5 надѣл.	107	13,1	267	28,2	+ 15,1 »
3) » 2—5 »	591	72,1	522	55,2	— 16,9 »
4) » 5—7 »	10	1,0	11	1,1	+ 0,1 »
5) » болѣе 7 »	2	0,2	—	—	— 0,2 »

*) На основаніи таблички г. Яковенко (стр. 18).

Эти данныя представляютъ большой интересъ. За 12 лѣтъ въ Шумской волости значительно уменьшилась средняя (3-я) группа, владѣющая 2—5 надѣлами. Въ подобныхъ группировкахъ, которыя дѣлались для другихъ мѣстностей на основаніи подворныхъ изслѣдованій 80-хъ годовъ, тоже наблюдался аналогичный фактъ—средне-состоятельныя группы сокращаются въ своемъ численномъ составѣ. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего новаго. Но вотъ что характернѣе для послѣдняго времени. Сокращеніе численности средней группы не сопровождается здѣсь соотвѣтственнымъ возрастаніемъ какъ болѣе состоятельныхъ, такъ и менѣе состоятельныхъ группъ, а лишь *однѣхъ послѣднихъ*. Въ самомъ дѣлѣ, ничтожное усиленіе въ 1894 г. группы 4-й на 0,1% парализируется еще большимъ сокращеніемъ группы 5-й на 0,2%; въ 1882 г. болѣе 5 надѣловъ имѣли въ волости 12 семействъ, а въ 1894 г. только 11; тогда было двѣ семьи, пользовавшихся болѣе чѣмъ 7 надѣлами, теперь такихъ не встрѣтилось совсѣмъ. Значитъ, большой и увеличивающейся концентраціи надѣловъ въ рукахъ немногихъ семей въ данномъ случаѣ не замѣчается. Съ другой стороны, все уменьшеніе трехъ послѣднихъ группъ (17%) цѣликомъ отразилось на соотвѣтственномъ увеличеніи (на $^1/_6$) двухъ первыхъ—наименѣе состоятельныхъ группъ, т. е. цѣлая $1/_6$ часть семействъ за 12 лѣтъ перекочевала изъ высшихъ по имущественному положенію группъ въ низшія. Размѣръ земельнаго обезпеченія, какъ указано, уменьшился приблизительно настолько же, даже на нѣсколько меньшую величину (на $^1/_7$). Въ частности число однихъ безземельныхъ увеличилось почти на 2%. Это ужъ даже не дифференціація, не отслоеніе богатыхъ отъ бѣдныхъ, а просто всеобщій постепенный упадокъ земледѣльческаго промысла у всѣхъ крестьянскихъ группъ.

Изслѣдователь задается вопросомъ, насколько указанное дробленіе надѣловъ находится въ соотвѣтствіи съ производительными и потребительными признаками двора, т. е. насколько равномѣрно оно совершается. Ближайшее разсмотрѣніе цифровыхъ матеріаловъ приводитъ его, однако, къ выводу, что оно не сообразуется ни съ числомъ рабочихъ мужского пола, ни съ числомъ наличныхъ душъ мужского пола, ни, наконецъ, съ числомъ ѣдоковъ. Оказывается, что чѣмъ больше въ семьѣ рабочихъ, тѣмъ меньше на каждаго рабочаго приходится земли; въ семьяхъ, состоящихъ, напримѣръ, изъ 4-хъ рабочихъ, на каждаго рабочаго приходится въ среднемъ въ 2 раза меньше земли, чѣмъ слѣдовало бы при распредѣленіи земли по рабочимъ силамъ; въ зависимости отъ этого получается и полное несоотвѣтствіе между числомъ надѣловъ, приходящимся на семью, и ея рабочими силами. Далѣе, цифры показываютъ и то, что чѣмъ въ семьѣ больше душъ мужского пола, тѣмъ она располагаетъ относительно и меньшимъ количествомъ земли; семьи съ 1—2 душами пользуются большимъ числомъ десятинъ, чѣмъ имъ слѣдовало бы при равномѣрной раз-

версткѣ, а семьи съ 4 и болѣе душами—меньшимъ; слѣдовательно, не существуетъ даже приблизительнаго распредѣленія по наличнымъ душамъ мужского пола. Наконецъ, то же получается и при сопоставленіи числа надѣловъ съ количествомъ ѣдоковъ; хотя количество земли, приходящейся на 1 семью, и увеличивается съ числомъ ѣдоковъ, но весьма мало и далеко не пропорціонально увеличенію числа послѣднихъ; маленькая семья имѣетъ земли больше, чѣмъ ей полагалось бы по числу ѣдоковъ; семья съ 6 ѣдоками имѣетъ въ среднемъ почти столько же, сколько ей полагается имѣть, а семьи болѣе многолюдныя имѣютъ меньше, чѣмъ имъ слѣдовало бы (стр. 19—22).

Чѣмъ же, однако, вызывается существующее распредѣленіе надѣловъ, если ни одинъ изъ упомянутыхъ признаковъ не играетъ замѣтной роли въ данномъ случаѣ? Наблюденіе показало, что въ вопросѣ объ отобраніи надѣловъ отъ однихъ домохозяевъ и передачѣ ихъ другимъ большое значеніе получаютъ соображенія фискальнаго характера. Сопоставляя поэтому цифры надѣловъ, находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ семействъ съ распредѣленіемъ недоимокъ, изслѣдователь получаетъ слѣдующее. Разсчетъ на одного работника показываетъ, что за исключеніемъ безнедоимочныхъ хозяйствъ во всѣхъ остальныхъ на работника приходится тѣмъ меньше надѣловъ, чѣмъ больше накоплено недоимокъ. «Поэтому, если не какъ совершившійся фактъ, то какъ направленіе, въ которомъ идетъ жизнь, можно сказать, что общины Шумской волости въ дѣлѣ распредѣленія надѣловъ сообразуются съ недоимками, т. е. съ требованіями фиска» въ большей мѣрѣ, чѣмъ съ прочими упомянутыми признаками. «Можно допустить, что если наблюденія будутъ распространены на болѣе обширную территорію, если пройдетъ больше времени, и общинная жизнь будетъ развиваться въ томъ же направленіи, то отмѣченный фактъ получитъ еще болѣе ясное выраженіе» (22—24).

Надо, слѣдовательно, признать, что въ основѣ этого процесса лежатъ непосильные платежи, нарушающіе правильность распредѣленія надѣловъ между отдѣльными семьями, и тѣмъ еще болѣе осложняющіе послѣдствія прогрессивнаго роста малоземелія.

Что касается до крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендъ, то, не смотря на неполноту свѣдѣній по этому предмету для 1882 г., все же представляется возможнымъ констатировать, что аренды эти тогда распространены были менѣе, чѣмъ въ 1894 г.; за 12 лѣтъ число единолично арендующихъ домохозяевъ поднялось съ 297 — 36% всего ихъ числа—на 403 (48%), т. е. ровно на треть. Это увеличеніе арендъ можно, конечно, было предвидѣть и a priori, основываясь на уменьшеніи среднихъ размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія на дворъ. Потребность въ землѣ, какъ понятно послѣ сказаннаго выше, должна была возрасти у всѣхъ группъ населенія волости. Семьи, участвующія въ единоличной и обществен-

ной арендѣ, составляютъ громадную величину 84,5% числа всѣхъ семей; въ волости нѣтъ ни одной общины, члены которой не участвовали бы въ одной или другой, или въ той и другой вмѣстѣ. Особенно распространена общественная аренда (45 общинъ изъ 55), которая бываетъ подчасъ и подневольная, вслѣдствіе неудобства распредѣленія надѣльныхъ земель, хотя это замѣчаніе не касается большинства случаевъ. Но рядомъ съ этимъ необходимо отмѣтить, что лучше удовлетворяютъ своей потребности въ землѣ семьи болѣе состоятельныя, чѣмъ болѣе бѣдныя. Въ самомъ дѣлѣ, среди высѣвающихъ 4—2 мѣры ржи процентъ арендующихъ семей возвышается до 88,5—96,0%, среди высѣвывающихъ 1—2 мѣры онъ равенъ 93—92, среди имѣющихъ надѣльную землю, но не сѣющихъ ржи—45,5% и среди не имѣющихъ земли—лишь 4,2%. Или по другому признаку, арендной платы приходится на работника: при посѣвѣ 4 мѣръ—26 руб., при посѣвѣ 4—3 мѣръ—9 руб. 65 коп., при посѣвѣ 3—2 мѣръ—8 руб. 60 коп., при посѣвѣ 2—1 мѣръ—7 руб. 20 коп., при посѣвѣ менѣе 1 мѣры—5 руб. 5 коп., у не сѣющихъ ржи—1 руб. 20, коп. и, наконецъ, у не имѣющихъ надѣльной земли—всего 36 коп. (стр. 32—33). Въ обоихъ случаяхъ получаются ряды, понижающіеся въ прямомъ отношеніи съ размѣрами посѣвовъ.

Далѣе, надѣльная земля сдается въ аренду 153 домохозяевами. Не слѣдуетъ думать, что это все—промышленники, нашедшіе себѣ болѣе выгодныя занятія въ столицѣ. Изъ указаннаго числа только 17 человѣкъ принадлежатъ къ проживающимъ на сторонѣ постоянно, чего нельзя сказать объ остальныхъ 136, составляющихъ 16% всего числа хозяевъ. Изъ нихъ четвертая часть сдаетъ свою землю цѣлыми надѣлами, а ¾—отдѣльными полосами. Динамики явленія, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ прослѣдить нельзя, по отсутствію данныхъ для 1882 г. Но сама по себѣ приведенная цифра, конечно, велика (1/6 домохозяевъ) и заслуживаетъ вниманія. «Просматривая причины сдачи надѣловъ въ аренду,—говоритъ изслѣдователь,—мы замѣтили, что бѣдность, отсутствіе сѣмянъ, лошади, скота вообще, навоза и т. п. заставляютъ крестьянина сдавать часть или весь надѣлъ: одного нужда заставляетъ сдать надѣлъ и на полученныя деньги купить хлѣба, другой сдаетъ свои полосы потому, что все равно—что чужой-ли кто будетъ сѣять овесъ, или онъ самъ будетъ обсѣменять поля чужимъ овсомъ и т. п. Сравнительно рѣдки указанія на такія случайныя причины, какъ смерть хозяина, хозяйки, когда хозяйство разомъ приходитъ въ разстройство; въ большинствѣ случаевъ видно, что необходимость сдать землю подготовляется исподволь» (35), что и понятно при томъ процессѣ прогрессивнаго роста малоземелія и неравномѣрности распредѣленія надѣловъ, о которыхъ рѣчь шла выше. Увеличеніе безхозяйности и должно быть непремѣннымъ спутникомъ этихъ процессовъ.

Большой интересъ имѣетъ, далѣе, сопоставленіе доходовъ отъ промысловъ съ нѣкоторыми признаками, характеризующими веденіе земледѣльческаго хозяйства населенія Шумской волости. На промыслахъ въ 1894 г. крестьяне заработали 107½ тыс., а сельское хозяйство дало имъ только 66½ тыс.; въ 1882 г. доходъ отъ промысловъ былъ исчисленъ въ 77 тыс., а отъ сельскаго хозяйства — въ 117 тыс. Отношенія, очевидно, обратныя, роли обоихъ источниковъ доходовъ перемѣнились: тогда промыслы доставляли лишь 40%, а земледѣліе 60% общей суммы дохода, а теперь первые даютъ около 60%, а второе около 40%. «Если цифры наши,—говоритъ изслѣдователь,—даже только приблизительно вѣрны, то онѣ указываютъ на сильное паденіе крестьянскаго хозяйства, заставившее населеніе усиленно искать внѣземледѣльческихъ заработковъ и, благодаря только Петербургу и вызываемымъ имъ промысламъ, населеніе нашло эти заработки и не было окончательно разорено». Но увеличивающійся недоборъ отъ земледѣлія все же не покрывается промысловыми заработками, какъ можно видѣть изъ того, что сумма дохода отъ обоихъ источниковъ съ 194 тыс. въ 1882 г. опустилась на 174 тыс. въ 1894 г. (59).

Итакъ, неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится крестьянское земледѣліе, и которыя въ значительной мѣрѣ указаны выше, заставляютъ населеніе волости усиленно искать внѣземледѣльческихъ занятій. Какъ же отражается это обстоятельство на его сельскомъ хозяйствѣ? Прежде всего a priori приходитъ мысль о томъ, что какая нибудь болѣе или менѣе многочисленная часть крестьянъ забрасываетъ свои надѣлы, порываетъ связь съ землей и обращается въ профессіональныхъ промышленниковъ. Оказывается, однако, совсѣмъ противоположное. То, чтó даютъ въ этомъ случаѣ цифровыя сопоставленія, представляетъ поэтому глубокій интересъ. Близость Петербурга позволяетъ развиваться въ Шумской волости мѣстнымъ заработкамъ и, слѣдовательно, позволяетъ продолжать заниматься земледѣліемъ, крѣпко держаться за землю, не смотря на уменьшающуюся ея доходность. Этотъ примѣръ позволяетъ думать, что забрасываніе земель, можетъ быть, не встрѣчалось бы, или встрѣчалось бы гораздо рѣже и въ другихъ мѣстностяхъ, еслибы развитіе мѣстныхъ кустарныхъ и иныхъ промысловъ получило надлежащую организацію и поддержку; не развивался бы тогда съ такой силой отходъ—этотъ первый симптомъ развитія безхозяйности, не происходило бы такого бѣгства въ города, какое наблюдается въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что наблюдается въ Шумской волости. Промыслами тамъ занимаются почти всѣ семьи. Непромысловыя составляютъ весьма небольшую группу—около 5%; въ составѣ ихъ имѣется всего 2½% ѣдоковъ. Хозяйственное положеніе ихъ представляется въ описаніи довольно неяснымъ, и потому о нихъ мы говорить не будемъ. Остальное населеніе (95% семействъ съ 97½%

ѣдоковъ) дѣлится изслѣдователемъ на три группы: I) зарабатывающіе 20 и болѣе рублей, II) 19—10 р. и III) 9 р. и менѣе. Группируя, далѣе, разные хозяйственные признаки этихъ категорій, получаемъ слѣдующее.

Число хозяйствъ, збрасывающихъ землю, равняется у первыхъ—18%, у вторыхъ—19%, у третьихъ—20%, т. е. чѣмъ меньше промысловый заработокъ, тѣмъ чаще забрасывается земля. Въ томъ же направленіи, но гораздо значительнѣе, измѣняются цифры хозяйствъ, сдающихъ землю — въ первой группѣ только 14%, во второй — 17%, а въ третьей — 22%, т. е. въ полтора раза больше, чѣмъ въ первой. Чужимъ инвентаремъ обрабатываютъ землю въ первой—16%, во второй—19%, а въ третьей крупное число 27%. Стало быть, безхозяйность развивается безусловно въ прямой зависимости отъ сокращенія доходовъ отъ промысловъ. Т. е. доходы эти употребляются на поддержку хозяйства; чѣмъ они выше, тѣмъ рѣже встрѣчаются въ группѣ безхозяйные. И далѣе—тѣмъ больше замѣчается стремленіе къ расширенію надѣльнаго хозяйства: сумма, выплачиваемая однимъ дворомъ за аренду, составляетъ въ среднемъ у первыхъ 11 р., у вторыхъ—9 р. и у третьихъ всего 8 р.; число хозяйствъ съ наемнымъ рабочимъ—20%; 13%, и 12%. «Общій смыслъ этихъ цифръ таковъ: чѣмъ крестьянскія семьи больше зарабатываютъ на разныхъ промыслахъ, тѣмъ меньше среди нихъ забрасывающихъ свои полосы, тѣмъ меньше сдающихъ землю въ аренду, меньше работающихъ чужимъ инвентаремъ, и тѣмъ больше они приарендовываютъ земли на сторонѣ и больше пользуются въ своемъ хозяйствѣ наемнымъ трудомъ».—Итакъ, промысловые заработки, при возможности имѣть эти заработки преимущественно на мѣстахъ и въ зимнее время, не только не отвлекаютъ крестьянскаго населенія отъ сельскаго хозяйства, но, напротивъ, удерживаютъ его у хозяйства, спасаютъ крестьянина отъ необходимости забросить землю, сдать ее и т. д. (60—61).

Въ соотвѣтствіи съ сказаннымъ колеблятся и цифры скота. На 10 хозяйствъ въ первой (съ наибольшими заработками) группѣ приходится 10 лошадей, во второй—9, а въ третьей—8; коровъ—въ первой 15, во второй—14, а въ третьей 13; на 100 мѣръ посѣва головъ скота (лошадей и коровъ) у первыхъ—33, у вторыхъ—30 у третьихъ—29, т. е. семьи, больше зарабатывающія, держатъ больше лошадей и больше коровъ и имѣютъ возможность лучше удобрять свою пашню (61).

Эти отличія между отдѣльными группами населенія Шумской волости сказываются, конечно, и на результатахъ ихъ хозяйства. Такъ, размѣры посѣвовъ ржи у нихъ уменьшаются вмѣстѣ съ уменьшеніемъ промысловыхъ заработковъ: у первыхъ (зарабатывающихъ болѣе другихъ) высѣвается по 1,5 мѣры на ѣдока, у вторыхъ—по 1,3 мѣры, а у третьихъ—по 1,2 мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сборы ржи колеблются въ томъ же направленіи: съ 1 мѣры посѣва собрано у пер-

выхъ 3,4 м., у вторыхъ—3,3, у третьихъ—только 3,0, что указываетъ на возможность для первыхъ больше и лучше обрабатывать землю и нѣсколько лучше обставлять свое продовольствіе. «Первая, наиболѣе зажиточная группа семей прикупила по 8,5 пуд. муки на ѣдока, которые вмѣстѣ съ собственнымъ хлѣбомъ даютъ около 12 пуд. на ѣдока. Вторая группа, собравшая меньше первой собственнаго хлѣба, должна была больше прикупать; и дѣйствительно, благодаря своимъ заработкамъ, она еще можетъ это сдѣлать и прикупаетъ по 9,3 пуда на ѣдока, которые вмѣстѣ съ собственнымъ хлѣбомъ даютъ 12 съ лишнимъ пудовъ. Третья группа при своихъ скудныхъ заработкахъ, не смотря на еще большую недостачу собственнаго хлѣба, не можетъ, однако, увеличить пропорціонально прикупку и ограничивается покупкой уже только 8,1 пуд. на ѣдока, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ изъ собственнаго хозяйства даетъ только около 10 пуд. на ѣдока. Такимъ образомъ, можно сказать, что прикупка ржаной муки, какъ показатель потребленія, находится въ обратномъ отношеніи къ посѣву и въ прямомъ отношеніи къ величинѣ заработка» (62—3).

Весьма характерны, наконецъ, данныя о числѣ лицъ, занимающихся такими промыслами, которые вынуждаютъ ихъ проживать внѣ семьи и отрываютъ отъ земледѣлія. Изъ 100 промышленныхъ лицъ живутъ на сторонѣ въ семьяхъ: высѣвающихъ свыше 4 мѣръ на ѣдока—8 человѣкъ, высѣвающихъ 4—3 мѣры—18, 3—2 мѣры 18, 2—1 мѣру—20, менѣе 1 мѣры—28, не сѣющихъ и не имѣющихъ надѣльной земли—42, не сѣющихъ, но имѣющихъ надѣльную землю—51. Чѣмъ больше посѣвъ, тѣмъ меньшее число лицъ порываетъ связи съ землей, и наоборотъ. Заработокъ первой группы составляетъ въ годъ въ среднемъ на лицо 168 р., второй группы—130 р., четырехъ промежуточныхъ группъ—отъ 97 до 73 р., а послѣдней—63 р. (стр. 63).—Слѣдовательно, высота мѣстнаго заработка обусловливаетъ большую или меньшую возможность поддерживать сельское хозяйство, а въ зависимости отъ этого обстоятельства находится и размѣръ хроническаго отхода и число отрывающихся отъ земледѣлія. Больше мѣстный заработокъ—лучше идетъ хозяйство, больше лицъ остается на мѣстѣ и не бѣжитъ въ столицу на болѣе или менѣе постоянное жительство.—Но если можетъ a priori казаться, что такое бѣгство болѣе обезпечиваетъ человѣка, чѣмъ пребываніе на малодоходномъ надѣлѣ, постепенно уменьшающемся въ своихъ размѣрахъ, то и это окажется невѣрнымъ, ибо, какъ упомянуто, въ группѣ лицъ, изъ которыхъ уходитъ 8%, каждое лицо въ среднемъ зарабатываетъ 168 р. въ годъ, въ группѣ съ 18% уходящихъ—130 р., а въ группѣ съ 51% уходящихъ—только 83 р., а съ 42%—всего 63 р. Чѣмъ больше въ группѣ развитъ отходъ, тѣмъ менѣе каждый промышленникъ зарабатываетъ. Едва ли есть возможность при этихъ условіямъ говорять о выгодности рвать связи съ землей.

Размѣры статьи не позволяютъ намъ познакомить читателей съ высоко интересными свѣдѣніями, сообщаемыми, далѣе, о задолженности Шумской волости. Обойти этотъ предметъ молчаніемъ, однако, рѣшительне невозможно. По вычисленіямъ изслѣдователя, обязательные платежи въ 1894 г. составляли 23% валового дохода отъ земледѣлія, т, е. почти четвертая часть валового дохода должна была пойти на уплату податей. «Цифра эта не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ: такой тягости не можетъ вынести не только коммерческое, но какое бы то ни было предпріятіе». Конечно, крестьянское земледѣліе не можетъ давать 23% чистаго дохода даже въ годы высшихъ урожаевъ. «Отсюда ясно, что хотя платежи лежатъ на землѣ, но выплачиваются они въ дѣйствительности изъ посторонних заработковъ» и составляютъ около 13% послѣднихъ. Эта средняя цифра колеблется по извѣстнымъ уже намъ промысловымъ группамъ слѣдующимъ образомъ: въ первой (вырабатывающей болѣе другихъ) платежи составляютъ 8% заработка, во второй—19%, а въ третьей—38%. Выходитъ обратная пропорціальность: чѣмъ меньше кто можетъ платить, тѣмъ относительно больше онъ долженъ платить. Послѣдняя группа должна отдавать безъ малаго $^2/_5$ своего и безъ того скуднаго заработка. «При такомъ обремененіи труда невозможно ожидать, чтобы населеніе исправно отбывало лежащія на немъ денежныя повинности». Въ результатѣ недоимочность Шумской волости—«поразительныхъ размѣровъ»: недоимка равна полуторному годовому налогу; на семью въ среднемъ приходится 25 р., на 1 работника—18 руб. До какихъ размѣровъ доходитъ недоимочность въ отдѣльныхъ случаяхъ, можно судить по тому, что есть семьи съ недоимкой въ 108 и даже въ 131 р. на 1 работника! Естественный спутникъ недоимочности—задолженность въ частныхъ рукахъ, увеличивающаяся тѣмъ болѣе, что помощи кредита крестьяне лишены и принуждены занимать деньги изъ 7, 10, 15 и даже изъ 120% (чаще всего 15%). Въ общей сложности недоимки и частные долги составляютъ 51½ тыс. руб. и по среднимъ размѣрамъ такой общей цифры задолженности наши промысловыя группы различаются между собой весьма мало: въ первой (въ среднемъ на 1 хозяйство) падаетъ 62 р. 91 к., во второй—62 р. 65 к., въ третьей—61 р. 28 к. Очевидно, суммы долговъ настолько огромны по сравненію съ крестьянскимъ бюджетомъ, что передъ ними совершенно стушевываются тѣ все же весьма небольшія различія, которыя имѣются въ размѣрахъ заработковъ отдѣльныхъ группъ. «Возьмемъ ли мы задолженность по отношенію къ землѣ, или по отношенію къ промысловымъ заработкамъ,—говоритъ изслѣдователь,—все равно, получаются цифры, указывающія на чрезвычайное обремененіе крестьянскаго бюджета недоимками и долгами, на обремененіе, котораго не можетъ выносить ни земля, ни трудъ. Если по отношенію къ накопившимся недоимкамъ могутъ быть приняты нѣкоторыя мѣры облегченія (пересрочка выкупныхъ недоимокъ, сложеніе другихъ и

т. п.), то труднѣе указать какой нибудь выходъ изъ частной задолженности».

Въ концѣ концовъ—ухудшающіяся условія крестьянскаго землевладѣнія сокращаютъ доходность земледѣлія, сообразно этому возрастаетъ роль промысловъ, которые нѣсколько отодвигаютъ полную ликвидацію хозяйства и даютъ возможность хоть нѣсколько его поддерживать. Но и этотъ источникъ доходовъ крестьянъ не можетъ служить достаточнымъ коррективомъ, во первыхъ, потому что возрастаніе его не покрываетъ увеличенія недобора въ земледѣліи, а во вторыхъ, потому, что наличныя податныя условія являются совершенно непосильнымъ для крестьянскаго бюджета бременемъ. Въ результатѣ—огромная, безнадежная задолженность и кабала у ростовщиковъ. Получается положеніе, при которомъ даже не происходитъ отслоенія богатаго слоя деревни—все стремится по наклонной плоскости въ одну общую бездну нищеты...

Н. Карышевъ.

Два рабочихъ закона.

II.

Какъ только освобожденный крестьянинъ, выслушавъ манифестъ 19 февраля 1861 года, осѣнилъ себя крестнымъ знаменьемъ и призвалъ благословеніе Божіе на свой свободный трудъ,—помѣщикъ сталъ жаловаться на вновь явившагося на свѣтъ вольно-наемнаго рабочаго. Жалуется онъ и до сихъ поръ; жалуется и проситъ о государственномъ вмѣшательствѣ для «упорядоченія» своихъ отношеній съ рабочими. Рабочія неурядицы являются такимъ же больнымъ мѣстомъ въ нашемъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, какъ и безденежье, которое тоже служитъ предметомъ непрекращающихся жалобъ съ самаго освобожденія.

Чтобы вести хозяйство наемнымъ трудомъ необходимо обладать оборотнымъ капиталомъ для покупки рабочей силы, необходима, съ другой стороны, и наличность такого рынка труда, на которомъ всегда можно было бы купить эту рабочую силу въ требуемомъ количествѣ и надлежащаго качества.

Нельзя сказать, чтобы частное землевладѣніе было совсѣмъ обездолено капиталами въ пореформенную эпоху. Итогъ одной только выкупной ссуды, назначенной за отошедшую крестьянамъ землю, простирался къ 1 января 1894 г. до 896 милл. рубл.; за отчисленіемъ 316 милл. на уплату долговъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ,

чистый остатокъ составляетъ 580 м. р. Затѣмъ еще 1,404 милл. рублей выдано была (по 1 янв. 1896 г.) подъ залогъ помѣщичьихъ земель ипотечными банками, казенными, общественными и акціонерными. Принимая въ разсчетъ всѣ издержки по реализаціи той части ссудъ, которая выдана была бумагами, общая масса капиталовъ, поступившихъ въ распоряженіе землевладѣльцевъ, во всякомъ случаѣ, оказывается весьма солидною, но безденежье всетаки остается хроническимъ.

Нѣчто подобное происходитъ и по отношенію къ рабочему вопросу. Уже при самомъ освобожденіи условія надѣленія крестьянъ землею установлены были такимъ образомъ, что одна надѣльная земля не давала крестьянину достаточно средствъ, чтобы существовать и платить подати. Аренда помѣщичьей земли и работа на сторонѣ являлась для него экономическою необходимостью. Эта необходимость усиливалась съ каждымъ годомъ, вмѣстѣ съ ростомъ населенія при неподвижности земельнаго обезпеченія и съ постояннымъ возрастаніемъ фискальныхъ требованій, не сопровождавшемся такимъ же возрастаніемъ платежныхъ силъ населенія. Процессъ дифференціаціи, начавшійся внутри самой деревни, отлагалъ цѣлый слой фактически, если не юридически безземельныхъ семей, единственный источникъ существованія которыхъ заключался въ продажѣ своей рабочей силы. Все это вмѣстѣ создавало такой рынокъ труда, на которомъ предложеніе въ общемъ превышало спросъ, предъявляемый частновладѣльческимъ хозяйствомъ. И всетаки, въ концѣ концовъ, выходитъ такъ, что огромныя массы крестьянъ-рабочихъ скитаются по Россіи въ поискахъ за работою, и въ то же время владѣльцы хронически жалуются на необезпеченность ихъ хозяйствъ рабочею силою.

Для устраненія хроническаго безденежья землевладѣніе—по крайней мѣрѣ, привилегированная его часть—обращается со своими требованіями къ государству. Государственный кредитъ и государственная казна должны служить источниками для созданія оборотныхъ капиталовъ помѣщичьему хозяйству. Къ государственной власти обращается помѣщикъ и для того, чтобы обуздать вольнаго рабочаго и подвергнуть его приводу во владѣльческую экономію. Трудно послать государству упрекъ, чтобы оно оказывалось равнодушнымъ къ интересамъ нанимателя въ области рабочаго сельскохозяйственнаго законодательства. «Положеніе о наймѣ на сельскія работы», изданное еще одиннадцать лѣтъ тому назадъ (12 іюня 1886 г.), прямо направлено было на поддержку этихъ интересовъ. Послѣдовавшее затѣмъ въ іюнѣ 1889 г. учрежденіе земскихъ начальниковъ передало юрисдикцію по спорамъ между сельскохозяйственными рабочими и нанимателями въ руки сословнаго органа, представителей котораго всего менѣе можно заподозрить, конечно, въ предубѣжденности въ пользу сельскихъ рабочихъ противъ ихъ нанимателей-землевладѣльцевъ. Но всѣ эти мѣропріятія оказываются, однако, недостаточными съ

точки зрѣнія той стороны, въ пользу которой онѣ направлены. Требованія о болѣе энергическомъ государственномъ вмѣшательствѣ въ данную отрасль хозяйственныхъ отношеній и объ усиленіи мѣръ внѣшняго принужденія рабочихъ къ выполенію договоровъ съ нанимателями, не перестаютъ раздаваться и въ единичныхъ, и въ коллективныхъ заявленіяхъ заинтересованной стороны. Навстрѣчу этимъ требованіямъ идетъ тотъ законопроектъ новыхъ правилъ о наймѣ на сельскія работы, разсмотрѣнію котораго посвящена настоящая замѣтка. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію основныхъ положеній этого законопроекта—такъ, какъ они передаются газетами, въ которыхъ были опубликованы—мы считаемъ, однако, необходимымъ привести нѣсколько самыхъ бѣглыхъ фактическихъ замѣчаній относительно общей обстановки и условій примѣненія наемнаго труда въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Это дастъ намъ нѣкоторыя точки опоры для того, чтобы разобраться въ вопросѣ, насколько правиленъ тотъ путь, на которомъ проектируемыя правила пытаются найти выходъ изъ теперешнихъ неустройствъ въ области сельскохозяйственнаго найма.

При освобожденіи крестьянъ у насъ не было создано особаго класса безземельныхъ батраковъ, который составилъ бы готовый контингентъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ для помѣщичьихъ хозяйствъ. Искать такихъ рабочихъ приходилось въ средѣ крестьянъ-землевладѣльцевъ, хозяйничающихъ на своемъ надѣлѣ. Это ставило наше владѣльческое хозяйство въ нѣсколько особыя условія, изъ которыхъ оно не вышло и до настоящаго времени. Правда, земельная обезпеченность нашего крестьянства—какъ мы уже гово-говорили выше—была далеко не такова, чтобы крестьяне могли явиться независимыми производителями, существующими на счетъ хозяйства на собственномъ надѣлѣ. Они становились неизбѣжно въ экономическую зависимость отъ помѣщика, нуждаясь въ его землѣ для приложенія своего труда. Но крестьянинъ охотнѣе бралъ помѣщичью землю въ аренду, чѣмъ продавалъ свой трудъ, а вынужденный къ такой продажѣ предпочиталъ такія ея формы, при которыхъ менѣе разрывалась его связь съ собственнымъ хозяйствомъ. Конечно, нужда могла заставить согласиться на всякія условія и искать заработка гдѣ бы то ни было и въ какой бы то ни было формѣ. Каждую весну огромная масса крестьянства изъ центральной, густонаселенной и малоземельной полосы Россіи снимается съ своихъ мѣстъ и идетъ на югъ и юго-востокъ, въ «степь», искать работы и хлѣба, которыхъ нельзя добыть дома. Съ другой стороны, среди сельскаго населенія всегда существовали такія группы, хозяйственная самостоятельность которыхъ была крайне неустойчива и неминуемо должна была рушиться при неблагопріятно сложившихся обстоятельствахъ. Но оба эти элемента—

и отхожіе работники, скитающіеся въ поискахъ за работою, и слабыя крестьянскія хозяйства, не выдерживавшія борьбы за свое существованіе,—давали малонадежный матеріалъ для сформированія крѣпкаго ядра сельскихъ батраковъ для вольнонаемнаго помѣщичьяго хозяйства. Если прибавить къ этому отсутствіе знаній, энергіи и хозяйственныхъ навыковъ среди владѣльческаго класса, привыкшаго къ легкому хозяйничанью при помощи дарового подневольнаго труда при крѣпостномъ правѣ, то сдѣлается вполнѣ понятнымъ, что на развалинахъ крѣпостныхъ отношеній трудно было у насъ сложиться типичному батрацкому частно владѣльческому хозяйству, сходному съ тѣмъ, какое существуетъ, напримѣръ, въ остзейскомъ краѣ. И до сихъ поръ еще такая форма хозяйствованія не завоевала себѣ сколько нибудь широкаго распространенія, по крайней мѣрѣ, въ коренной Россіи. Наибольшая часть помѣщичьей земли сдается въ аренду крестьянамъ. Для обработки остальной, меньшей доли примѣняется наемный трудъ въ различныхъ формахъ, занимающихъ переходное, промежуточное мѣсто между первоначальными крѣпостными хозяйственными порядками и вольнонаемнымъ, капиталистическимъ хозяйствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Наиболѣе типичными представляются три такихъ формы—отработочная, испольная и издѣльная.

Отработочная форма всего ближе къ «барщинѣ» крѣпостного періода. Сущность этой формы найма заключается въ томъ, что крестьяне обязываются выполнить тѣ или иныя работы въ хозяйствѣ помѣщика за предоставляемую имъ въ аренду землю или за пользованіе разными хозяйственными угодьями. Отработочный наемъ производится или для полной обработки 1 десятины или 2 десятинъ, или же на отдѣльныя работы. Въ первомъ случаѣ за каждую десятину владѣльческой земли, предоставляемую въ пользованіе, крестьяне обязаны обработать (своимъ инвентаремъ и скотомъ) для владѣльца такое же или большее (послѣдніе случаи гораздо чаще) количество земли, убрать, а иногда и обмолотить хлѣбъ. По большей части, взявшіе въ обработку извѣстное количество десятинъ земли крестьяне обязываются еще и разными дополнительными работами или денежными доплатами. Очень часто отработки соединяются съ арендою, денежною или натуральною, т. е. составляютъ придатокъ къ арендной платѣ, иногда очень высокой. Весьма распространены случаи отработковъ за выпасъ скота, встрѣчающіеся почти повсемѣстно. Уплата работою имѣетъ мѣсто и по многимъ другимъ поводамъ. «На мужикѣ лежитъ масса отработковъ по экономіи—читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ изслѣдованій частно владѣльческаго хозяйства *)—за землю онъ отработываетъ, за пастбище, въ большинствѣ случаевъ, тоже отработываетъ, рѣже платитъ деньгами, отрабаты-

*) «Курская губернія въ сельско-хозяйственомъ отношеніи». И. А. Чуйкова. 1895, стр. 96—97.

ваетъ онъ за пользованіе экономическимъ быкомъ, наконецъ, даже за мытье своего бѣлья на экономическомъ берегу рѣки». Отработочная система—самая дешевая для помѣщика и самая тяжелая для мужика. Въ Курской губ., напримѣръ, гдѣ отработки очень широко практикуются, «самый простой и распространенный способъ пользованія землею за отработки состоитъ въ томъ, что крестьянинъ за одну сданную десятину долженъ вполнѣ обработать для экономіи двѣ десятины соотвѣтствующаго хлѣба, т. е. подготовить вполнѣ землю, посѣять, убрать, свезти въ скирды и покрыть. Если спросъ на землю со стороны крестьянъ великъ, то бываетъ такая отдача, что крестьянинъ за одну десятину подъ озимый хлѣбъ и одну подъ яровой—обработываетъ для экономіи 2 десятины озимыя и 3 яровыя или помогаетъ въ вывозкѣ навоза, въ поставкѣ зерна въ городъ или на желѣзную дорогу» *). До какихъ предѣловъ падаетъ цѣна труда при отработочной системѣ, при неблагопріятныхъ для нанимающагося условіяхъ землевладѣнія, можетъ дать понятіе слѣдующій разсчетъ, сообщаемый землевладѣльцемъ Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ., корреспондентомъ департамента земледѣлія. «Въ нашей мѣстности, читаемъ мы въ этой корреспонденціи, сдаютъ землю крестьянамъ подъ годичное пользовоніе за 15 р. (подъ ярь) и 16 р. (подъ озимь) за 1 дес. Крестьянинъ можетъ получить только тогда 1 дес. за такую цѣну, если обяжется въ счетъ слѣдуемыхъ съ него денегъ за эту землю обработать отъ 1 до 2 дес. ярового (по 2 р. 50 к.—3 р. за дес.) и озимую (по 3—4 р. 50 к), а остальные, недостающіе до 15—16 р. за снятую десятину, онъ уплачиваетъ наличными, когда хлѣбъ, посѣянный на снятой имъ десятинѣ созрѣетъ, но еще не начатъ уборкой». Подъ словами «обработать землевладѣльцу 1 десятину» — объясняетъ корреспондентъ—надо понимать три вспашки сошныхъ, двѣ бороньбы, посѣвъ, полку, возку въ усадьбу или куда укажутъ, кромѣ того греча и горохъ должны быть обмолочены, а солома сложена. Если сдѣлать учетъ рабочимъ днямъ, какъ коннымъ, такъ и пѣшимъ и оцѣнить по тѣмъ цѣнамъ, которыя стоятъ въ данной мѣстности въ то время, когда прозводится каждая работа, то окажется, что обработка 1 десятины подъ озимь стоитъ, въ среднемъ, 10 р. 50 к., подъ ярь 10 р., а гороха и гречи 12 р. 50 к. При отработочномъ наймѣ, какъ мы видѣли, эти работы оцѣниваются въ 3—4½ р. за десятину озимую и въ 2—2½ р. за десятину подъ яровое **). Такъ же низко цѣнится трудъ, которымъ крестьяне оплачиваютъ пользованіе лугами пастбищами и др. тому подобными угодьями. «Недостатокъ луговъ и пастбищъ—читаемъ мы въ сводѣ свѣдѣній, собранныхъ Валуевскою коммиссіею—вынуждаетъ крестьянъ обращаться къ владѣльцу и

*) Ibid., 96

**) «Сельскохозяйственныя и статистич. свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ», вып. V, ст. 141—2.

предлагать свой трудъ почти за безцѣнокъ». Вообще, по заключенію составителей свода, этотъ способъ снабженія хозяйствъ рабочими силами (отработки за угодья) «въ рукахъ владѣльцевъ составляетъ могучее средство, съ помощью котораго многіе изъ нихъ умѣютъ подчинить себѣ трудъ окрестнаго населенія почти въ той же степени, въ какой онъ находился до освобожденія» *). Отработочная система распространена почти повсемѣстно, наиболѣе широко практикуется она тамъ, гдѣ условія землевладѣнія менѣе благопріятны для крестьянскаго населенія.

Другую, также широко распространенную форму натуральной оплаты наемнаго труда составляетъ *испольный* или *издольный* наемъ. Этотъ наемъ гораздо выгоднѣе для крестьянина, нежели отработки, уже потому, что крестьянинъ остается распорядителемъ своего труда, отдавая владѣльцу только долю продукта. Затѣмъ и условія испольщины по большей части легче, чѣмъ условія отработковъ. Издольный наемъ совершается или на полную обработку (съ уборкой) 1 десят. или на выполненіе извѣстныхъ отдѣльныхъ работъ. Въ первомъ случаѣ крестьянинъ, взявшій исполу владѣльческую землю, обрабатываетъ ее своимъ скотомъ и инвентаремъ, засѣваетъ, смотря по условію, своими или владѣльческими сѣменами и убираетъ хлѣбъ за право полученія въ свою пользу извѣстной, заранѣе договоренной доли урожая (⅓, $^2/_5$, $^1/_2$, $^2/_3$).

Дѣлежъ производятся обыкновенно необмолоченными снопами, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на обязанности испольщика лежитъ также и обмолотъ владѣльческаго хлѣба. Въ чистомъ видѣ испольщина встрѣчается, впрочемъ, весьма рѣдко. Почти всегда, сверхъ работъ, относящихся непосредственно къ воздѣлыванію данной, снятой въ испольную обработку земли, испольщикъ обязывается выполнить (за ту же плату, долею урожая) еще нѣкоторыя другія хозяйственныя работы (убрать покосъ, привезти дровъ, свезти хлѣбъ, вывезти навозъ и т. д.) или доплатить извѣстную сумму деньгами. Изъ отдѣльныхъ работъ испольный наемъ всего чаще примѣняется къ уборкѣ хлѣба и иногда къ молотьбѣ. И въ этомъ случаѣ по большей части имѣютъ мѣсто доплаты со стороны нанимающагося, деньгами или трудомъ.

При натуральныхъ формахъ найма помѣщику не только не нужно держать собственнаго инвентаря, но ему не нуженъ даже и оборотный капиталъ,—если всѣ работы оплачиваются землею и продуктами. Это, конечно, самая первобытная форма самостоятельнаго частно-владѣльческаго хозяйства. Слѣдующую ступень составляетъ денежный наемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ встрѣчается всего чаще въ частныхъ хозяйствахъ нестепной черноземной полосы и въ боль-

*) «Докладъ Высоч. учрежд. коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи». Спб. 1873, т. 2-й, прил. V, стр. 5—6.

шей части нечерноземных великороссійских губерній,—именно наемъ *издѣльный*. При денежномъ издѣльномъ наймѣ, также какъ и при натуральныхъ формахъ найма, крестьяне работаютъ собственнымъ инвентаремъ и скотомъ, такъ что здѣсь владѣлецъ долженъ имѣть деньги только для расплаты съ рабочими, расходовъ на инвентарь ему не требуется. Съ другой стороны и здѣсь качество работы не можетъ превышать того уровня, какого оно достигаетъ въ хозяйствахъ крестьянскихъ.

Издѣльный наемъ, также какъ и испольный, и отработочный, производится или на полную обработку десятины, или «круга» т. е. десятины въ озимомъ, яровомъ и паровомъ поляхъ, или же на отдѣльныя работы, напр., на одну вспашку, уборку, серпомъ или косою и т. д. Первый способъ издѣльнаго найма (на полную обработку десятины или круга) почти всегда сопряженъ съ выдачею крупныхъ задатковъ, или даже всей условленной суммы задолго впередъ. Крестьяне заподряжаются съ зимы, а иногда даже за нѣсколько лѣтъ ранѣе; такъ что въ данномъ случаѣ наемъ на работы имѣетъ видъ своеобразной кредитной операціи. Въ Тамбовской губ. отрядныя земледѣльческія работы извѣстны среди населенія подъ именемъ «закладыванія подъ круги», такъ какъ обязательство выполнить весь кругъ работъ на 1 или 2 десятинахъ является обезпеченіемъ полученныхъ впередъ денегъ,—крестьянинъ закладываетъ за долгъ свой трудъ. Условія этого кредита очень тяжелы—цѣны отряднаго найма съ выдачею задатковъ гораздо ниже тѣхъ, по которымъ таксируется трудъ при наймѣ предъ самымъ выполненіемъ работъ. Особенно распространенъ отрядный наемъ въ центральномъ черноземномъ районѣ. Здѣсь онъ является преобладающею формою денежной оплаты наемнаго труда. Центральный районъ характеризуется, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайне низкими цѣнами отряднаго найма. «Зимою, за долгій срокъ до наступленія самыхъ работъ—читаемъ мы въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній» по Спасскому у. Тамбовской губ.—хозяинъ-наниматель опредѣляетъ ихъ цѣну и, разумѣется, низкую, въ виду неизвѣстности будущаго урожая и въ виду требованія рабочихъ получить всѣ деньги впередъ при наймѣ, вслѣдствіе чего у хозяина могутъ быть потери отъ вольной или невольной неисправности преждевременно нанявшихся рабочихъ. Рабочіе зимою вовсе не могутъ выстаивать на какой нибудь цѣнѣ, такъ какъ они тогда являются собственно заемщиками денегъ у землевладѣльца»,—а заемъ этотъ бываетъ крайне необходимъ. Стоимость полной обработки 1 дес. (съ уборкою хлѣба) по показаніямъ хозяевъ обходится въ черноземныхъ нестепныхъ губерніяхъ, при отрядномъ наймѣ, въ 5—7 р.; по свѣдѣніямъ, собраннымъ Валуевскою коммиссіею, въ Тульской и Рязанской губ. за обработку и уборку пары десятинъ (озимой и яровой) платилось отъ 7 до 10 р.; въ Орловской губерніи были уѣзды, гдѣ

каждый рабочій день, при отрядномъ наймѣ, обходился въ 12 к. *). Въ нечерноземныхъ губерніяхъ—гдѣ также распространенъ отрядный наемъ съ выдачею задатковъ—обработка «круга» или «гнѣзда» обходится дороже, чѣмъ на густо населенномъ черноземѣ (въ нечерноземной полосѣ рабочія платы вообще выше, нежели въ черноземной), но и здѣсь, «закладываясь подъ кругъ», крестьянинъ получаетъ много меньше того, что стоилъ бы его трудъ при вольномъ наймѣ предъ самымъ выполненіемъ работы.

Заблаговременный наемъ съ выдачею задатковъ практикуется и для выполненія отдѣльныхъ земледѣльческихъ работъ (главнымъ образомъ, на уборку хлѣбовъ), но здѣсь эта форма найма не можетъ считаться преобладающею: на отдѣльныя работы чаще нанимаютъ рабочихъ тогда же, когда эти работы производятся. Поэтому и рабочія платы здѣсь выше, чѣмъ при наймѣ на полную обработку, и притомъ менѣе устойчивы.

Наемъ рабочихъ на *извѣстный срокъ* характеризуетъ большее развитіе самостоятельной дѣятельности нанимающихъ хозяйствъ, чѣмъ указанныя выше формы издѣльнаго найма, денежнаго и натуральнаго. На срокъ нанимаются поденщики и батраки. Поденный наемъ составляетъ какъ бы переходную ступень между издѣльною и батрацкою работою. Поденные рабочіе нанимаются и на хозяйскихъ харчахъ, и на своихъ, работаютъ они и своимъ, и хозяйскимъ инвентаремъ; поденный наемъ существуетъ для рабочихъ пѣшихъ и конныхъ (рабочій съ лошадью или съ волами, при его сохѣ, плугѣ или телегѣ), женщинъ и подростковъ. Поденно рабочіе нанимаются вездѣ, хотя ни въ одной мѣстности этотъ способъ найма не можетъ считаться преобладающимъ. Изъ всѣхъ сельскихъ рабочихъ молотьба и полка производятся чаще всего поденными рабочими, при другихъ работахъ поденщиками пополняется обыкновенно недостающее число рабочихъ годовыхъ, сроковыхъ или издѣльныхъ. Цѣны поденныхъ работъ подвержены въ общемъ гораздо большимъ колебаніемъ, чѣмъ оплата батрацкаго труда.

Батраки (годовые и сроковые) живутъ обыкновенно въ имѣніи и кромѣ платы деньгами пользуются помѣщеніемъ и харчами отъ нанимателя. Работаютъ они хозяйскими орудіями и хозяйскимъ скотомъ. Батрачное хозяйство представляетъ собою наиболѣе развитую форму частновладѣльческаго хозяйства, пользующагося наемнымъ трудомъ. Но эта форма въ чистомъ и въ полномъ видѣ встрѣчается относительно рѣдко; какъ общее явленіе она существуетъ только въ прибалтійскомъ краѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной окраины. Вездѣ въ остальной Россіи она соединяется съ другими способами найма и примѣняется только къ выполненію нѣкоторыхъ хозяйствен-

*) См. «Докладъ Высоч. учрежд. комм. для изслѣд. нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства». СПБ. 1873, т. 2, прилож. V, стр. 5.

ныхъ работъ, иногда лишь на небольшой площади владѣльческой запашки.

Чаще всего батрацкая система примѣняется собственно *къ обработкѣ* пашни. Районъ *преимущественнаго* распространенія обработки владѣльческой пашни (не сдаваемой въ аренду) собственнымъ инвентаремъ владѣльцевъ и трудомъ постоянныхъ или сроковыхъ рабочихъ составляетъ западная, южная и частью юго-восточная окраина Европейской Россіи, начиная съ сѣвера, отъ губерніи Петербургской и захватывая далѣе губерніи прибалтійскія (Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую), литовскія (Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, а также Минскую губернію бѣлорусской группы), юго-западныя (Кіевскую, Волынскую, Подольскую), южныя степныя (Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и Донскую область) и южныя части губерній Харьковской, Саратовской, Самарской и Уфимской. Внѣ этого сплошного района тѣ же формы примѣненія наемнаго труда являются господствующими во владѣльческихъ хозяйствахъ (вообще немногочисленныхъ) губерній Московской и Ярославской, промышленной группы.

Въ остальной, большей части Европейской Россіи—охватываемой съ запада и съ юга описанной полосой распространенія владѣльческихъ хозяйствъ съ собственнымъ инвентаремъ—господствуетъ почти исключительно, или пользуется значительнымъ распространеніемъ обработка пашни *крестьянскими орудіями и скотомъ* и наемъ *издѣльный*, за деньги или въ формѣ отработковъ или же отдача земли въ обработку исполу. Владѣльческія хозяйства съ собственнымъ инвентаремъ и батрацкимъ трудомъ встрѣчаются, впрочемъ, и здѣсь, но гораздо рѣже. Въ сѣверной черноземной группѣ губерніи Курская, Черниговская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская), въ среднемъ Поволжьѣ (Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская и Уфимская губ.) и въ сѣверо-западной и центральной части нечерноземной полосы (губ Псковская, Новгородская, Тверская, Владимірская, Костромская) *) крестьянскій инвентарь и связанныя съ нимъ формы найма пользуются рѣшительнымъ преобладаніемъ. Среднія черноземныя губернія (Воронежская, Полтавская и Харьковская) являются переходною полосою отъ этого района къ южной окраинѣ съ преобладаніемъ собственннаго владѣльческаго хозяйства, а губерніи Калужская, Смоленская, Витебская и Могилевская—къ западной **).

Очерченный выше районъ преобладанія хозяйствъ съ владѣль-

---

*) Мы оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ губерніи крайняго сѣвера (Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую), а также сѣверо и юго-восточныя (Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Астраханскую), въ которыхъ владѣльческое зерновое хозяйство имѣетъ совсѣмъ ничтожные размѣры.

**) См. «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства». Спб. 1897, т. I, стр. 169—170.

ческимъ инвентаремъ далеко не представляетъ однороднаго цѣлаго по отношенію къ способамъ и пріемамъ хозяйствованія. Въ немъ можно различить нѣсколько рѣзко разнящихся одна отъ другой хозяйственныхъ областей.

Такъ, совершенно особымъ характеромъ отличается хозяйство южной и юго-восточной степной полосы. Степной районъ характеризуется экстенсивною культурою, неустойчивостью урожаевъ—достигающихъ здѣсь иногда громадныхъ размѣровъ, а иногда не дающихъ почти ничего—огромными посѣвами пшеницы и очень рѣдкимъ населеніемъ. Наибольшая часть земледѣльческихъ работъ выполняется здѣсь пришлыми рабочими, идущими изъ густонаселенныхъ губерній нестепной черноземной полосы. Юго-западныя, малороссійскія и центральныя (или сѣверныя) черноземныя губерніи снабжаютъ рабочими Новороссію и Донскую область, среднее Поволжье—юговосточный, заволжскій степной районъ. Нанимаются рабочіе на годъ, на лѣто, или поденно. Преобладаетъ лѣтній, сроковой наемъ (всего чаще съ марта или апрѣля по октябрь или ноябрь). Въ Новороссіи въ общемъ правилѣ землевладѣльцы ведутъ свои хозяйства сами, въ юго-восточномъ, заволжскомъ районѣ значительная часть земель сдается, болѣе или менѣе мелкими участками, съемщикамъ, преимущественно крестьянамъ. Наемъ пришлыхъ рабочихъ производится уже этими съемщиками. Кромѣ срокового найма въ степномъ районѣ практикуются и другіе способы пользованія наемнымъ трудомъ (исполу, въ видѣ отработковъ, рѣже—издѣльный за деньги), но распространены они здѣсь гораздо менѣе, чѣмъ наемъ батраковъ и поденщиковъ.

Рабочій вопросъ всего острѣе стоитъ именно въ степной полосѣ. Какъ неустойчивы здѣсь урожаи, такъ точно измѣнчива и обезпеченность хозяйствъ наемными рабочими. Ихъ оказывается то избытокъ, то недостатокъ, въ зависимости отъ чего и высота рабочихъ цѣнъ подвержена здѣсь крайнимъ колебаніямъ. Происходитъ это не оттого, чтобы колебался притокъ рабочихъ силъ, а оттого, что рѣзкая измѣнчивость урожаевъ создаетъ неодинаковый спросъ на эти силы въ урожайные и неурожайные годы. Движеніе рабочихъ изъ густо населенныхъ черноземныхъ губерній на югъ имѣетъ массовый, стихійный характеръ. Каждую весну сотни тысячъ рабочихъ, гонимые нуждою, снимаются съ своихъ мѣстъ и идутъ на югъ, въ степи, въ надеждѣ найти тамъ заработки,—идутъ большею частью пѣшкомъ, побираясь Христовымъ именемъ, спускаются по рѣкамъ въ самодѣльныхъ посудинахъ, «дубахъ», не всегда благополучно минующихъ мели и пороги, рѣже пользуются пароходными и желѣзнодорожными сообщеніями, причемъ совершать переходъ приходится имъ по большей части въ условіяхъ мало подходящихъ къ обычнымъ способамъ передвиженія людей. Доставка на мѣста изъ болѣе отдаленныхъ частей района отхода требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ что движеніе начинается го-

раздо ранѣе, чѣмъ сколько нибудь приблизительно опредѣляются виды на предстоящій урожай. Рабочіе идутъ на рискъ. Если они попадаютъ на мѣсто въ урожайные годы—всѣ рабочіе берутся на расхватъ и по весьма высокимъ цѣнамъ. Но часто бываетъ не такъ. На югѣ не рѣдкость, когда нѣсколько неблагопріятныхъ дней уничтожаютъ сразу всѣ надежды на урожай. Рабочимъ, оказавшимся «излишними», приходится отправляться назадъ ни съ чѣмъ. Все, что было собрано дома, ушло на дорогу, а на родинѣ ждетъ тотъ же голодъ, который заставилъ искать хлѣба въ дальнемъ отходѣ...

Большая часть рабочихъ нанимается на все лѣто, на крупныхъ весеннихъ ярмаркахъ, по цѣнамъ, которыя устанавливаются въ виду предполагаемаго въ то время размѣра урожая и спроса на рабочія руки. Такой наемъ практикуютъ преимущественно крупныя экономіи, старающіяся заблаговременно обезпечить себя рабочими. Иногда онѣ прибѣгаютъ и къ зимнему найму, съ выдачею задатковъ. Впрочемъ, случаи зимняго найма становятся все рѣже и рѣже; владѣльцы считаютъ безцѣльнымъ къ нему прибѣгать, такъ какъ и при этомъ способѣ найма они не гарантированы отъ ухода рабочихъ въ горячую пору.

Поденные рабочіе нанимаются предъ самымъ началомъ уборки; только тогда выясняются вполнѣ размѣры жатвы, которую предстоитъ собрать, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и размѣры дѣйствительнаго спроса на рабочія вуки. Цѣны поденныхъ работъ нерѣдко значительно разнятся отъ тѣхъ, по которымъ состоялись условія съ рабочими сроковыми. Если онѣ оказываются высокими, сроковые рабочіе начинаютъ требовать прибавокъ къ своей платѣ или же массами бросаютъ нанимателей и идутъ на рынки найма, гдѣ торопящіеся съ уборкою хозяева спѣшатъ заручиться рабочими руками, хотя бы и на очень тяжелыхъ условіяхъ. Но бываютъ и другіе случаи. Дѣйствительный урожай можетъ оказаться ниже ожиданій. Помѣщикъ, заподрядившій рабочихъ съ весны, начинаетъ тяготиться ими и старается всячески избавиться отъ «лишнихъ» рукъ и ртовъ—экономія въ пищѣ, вычеты, задержка платы и разныя другія косвенныя мѣры пускаются въ ходъ, чтобы побудить рабочихъ бросить работу и искать ее въ другомъ мѣстѣ. Иногда часть рабочихъ просто разсчитывается до срока. Такъ идетъ съ перемѣннымъ счастьемъ, изъ года въ годъ, постоянная борьба между двумя заинтересованными сторонами: въ урожайный годъ рабочій, чувствуя, что преимущество на его сторонѣ, старается вырвать такую плату, которая вознаградила бы его за все то, что приходится терпѣть въ годы неудачные; вынужденный къ уступкамъ, чтобы не потерять совсѣмъ жатвы, наниматель наверстываетъ свои потери въ тѣ годы, когда предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ, и рабочіе должны соглашаться на всякія условія, чтобы не остаться безъ хлѣба.

Въ послѣдніе годы шансы рабочаго въ этой борьбѣ систематически понижаются. Два теченія идутъ противъ него. Съ одной стороны, растущая колонизація южнаго края сокращаетъ потребность въ пришлыхъ рабочихъ. Другимъ, еще болѣе страшнымъ врагомъ является жатвенная машина, все болѣе и болѣе завоевывающая себѣ мѣсто въ южныхъ хозяйствахъ и вытѣсняющая съ рынка жнеца и косаря.

Прилегающая къ южному району западная окраина—гдѣ тоже распространены хозяйства, обработывающія землю владѣльческимъ инвентаремъ—находится совершенно въ иныхъ условіяхъ по отношенію къ наемному труду. Если степная полоса страдаетъ отъ недостатка рабочихъ рукъ, то въ западномъ густо населенномъ районѣ земледѣльческихъ рабочихъ оказывается избытокъ. Изъ южной, черноземной части района массы рабочихъ идутъ на заработки въ степной край, въ сѣверной, нечерноземной—лишнія для земледѣлія руки ищутъ занятій въ неземледѣльческихъ промыслахъ (главный заработокъ даетъ здѣсь сплавъ лѣса). Поэтому обработка земли ведется здѣсь преимущественно мѣстными рабочими. Если хозяева и прибѣгаютъ иногда къ найму рабочихъ изъ другихъ мѣстностей, то не столько изъ-за недостатка мѣстныхъ, сколько для того, чтобы препятствовать поднятію рабочихъ платъ. Цѣны на трудъ въ этомъ районѣ вообще невысоки и очень устойчивы. Въ обоихъ отношеніяхъ оказывается рѣзкая противоположность съ степнымъ краемъ. Средняя плата годовому рабочему для всей Россіи составляла въ 10-лѣтіе 1882—91 г.. 62,1 рубл., maximum приходился при этомъ на степной край—88,3 р., для губерній юго-западныхъ (Кіевской, Волынской, Подольской) средняя составляла 41,6 р., для сѣверо-западныхъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ—44,5 р.

Въ западномъ краѣ батрацкій трудъ примѣняется преимущественно къ *обработкѣ* пашни. При уборкѣ хлѣбовъ широко практикуется испольная система (въ южной части района) и поденщина (въ сѣверной части). Рабочіе и поденные, и сроковые законтрактовываются часто заранѣе. Пріемы найма принимаютъ иногда при этомъ своеобразную форму. «Рабочихъ лѣтнихъ—сообщаетъ ольвіопольскій корреспондентъ департамента земледѣлія—контрактуетъ зимой, за годъ или за два, а потомъ доставляетъ подрядчикъ-еврей, для чего предоставляется въ его распоряженіе казарма, провизія и дрова. Онъ получаетъ авансомъ по 13—14 р. за каждаго рабочаго, а потомъ по 63 к. за каждый отработанный рабочимъ день; погашая такой платой расходы по найму, расходы на жалованье рабочимъ (5—9 рублей въ мѣсяцъ) и на ихъ содержаніе, онъ имѣетъ при этомъ еще довольно значительный барышъ». Рабочіе нанимаются по большей части въ ближнихъ уѣздахъ, но «иногда подрядчикъ ѣздитъ за рабочими даже въ Могилевскую губернію въ

поискахъ за наймомъ по возможно дешевой цѣнѣ, особенно когда рабочіе бываютъ дороги» *). Въ сѣверной части района имѣется довольно значительное количество безземельныхъ крестьянъ (большею частью изъ бывшей шляхты). Во многихъ имѣніяхъ строютъ спеціальныя усадьбы для жилья безземельныхъ рабочихъ, которые за пользованіе этими усадьбами или другими угодьями обязываются поденными отработками или же, по мѣрѣ надобности, опредѣленнымъ числомъ дней въ недѣлю, причемъ число обрабатываемыхъ дней въ въ недѣлю доходитъ иногда до трехъ **)—какъ при бывшей крѣпостной барщинѣ. Эти безземельные и пришлые рабочіе, стекающіеся сюда изъ привислянскихъ и нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній, а также изъ Австріи и Пруссіи, значительно способствуютъ пониженію рабочихъ платъ.

Типическою областью батрацкаго хозяйства являются прибалтійскія губерніи. Здѣсь не одна только обработка пашни, но всѣ вообще земледѣльческія работы выполняются обыкновенно при помощи владѣльческаго инвентаря, живого и мертваго, трудомъ постоянныхъ годовыхъ рабочихъ, живущихъ въ экономіи. Въ рѣдкихъ относительно случаяхъ имѣетъ мѣсто также наемъ сроковыхъ, лѣтнихъ рабочихъ, еще рѣже встрѣчается наемъ поденный и издѣльный. Наконецъ, нѣкоторая, весьма незначительная часть земель сдается въ испольную обработку. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, батрацкой системѣ. Рабочія платы въ прибалтійскомъ районѣ относительно высоки и очень устойчивы. Средняя плата годовому рабочему въ остзейскихъ губерніяхъ, за 10-лѣтіе 1882—91 г., составляла 81,6 р., почти столько же, сколько въ южномъ степномъ районѣ (88,3 р.); если же присоединить къ платѣ и стоимость годового содержанія рабочаго, которая выражалась, за тотъ же періодъ, для степного края цифрою 46,4 р., а для остзейскаго—63,3 р., то цѣны наемнаго труда оказываются въ послѣднемъ районѣ наивысшими. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемся здѣсь съ очень интенсивною культурою и высокимъ развитіемъ земледѣльческой техники.

Въ послѣдовательной скалѣ различныхъ формъ частновладѣльческаго хозяйства, пользующагося наемнымъ трудомъ, хозяйства прибалтійскаго края занимаютъ высшую ступень, на низшихъ ступеняхъ стоятъ хозяйства центральнаго района съ ихъ примитивными способами эксплуатаціи наемнаго труда и южныя степныя—отличающіяся хищническимъ во всѣхъ смыслахъ характеромъ, и по отношенію къ землѣ, и по отношенію къ труду. Въ промежуткѣ размѣщаются остальныя, смѣшанныя формы хозяйствованія, встрѣчающіяся въ разныхъ районахъ Европейской Россіи.

---

*) «Сельскохозяйственныя и статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ». Вып. V. Спб. 1892, стр. 81,

**) Тамъ же, стр. 337.

Жалобы на затрудненія съ рабочими всего чаще и настойчивѣе идутъ изъ земледѣльческаго центра и съ юга, т. е. изъ тѣхъ двухъ районовъ, гдѣ и владѣльческое хозяйство стоитъ очень не высоко, и рабочій обрѣтается далеко не въ авантажѣ. Въ сущности, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ объ однихъ и тѣхъ же крестьянахъ черноземной земледѣльческой полосы, которые даютъ главный контингентъ пришлыхъ рабочихъ и для степного юга и юго-востока. Жалуются хозяева и на недостатокъ, и на дороговизну рабочихъ рукъ, но центральнымъ пунктомъ всѣхъ жалобъ являются указанія на частыя случаи неисполненія рабочими заключенныхъ съ нанимателями договоровъ. И только по этому пункту и можно говорить о фактическихъ основаніяхъ указываемыхъ затрудненій. Трудно отрицать, что рабочіе часто бѣгутъ съ работы или совсѣмъ на нее не являются, хотя самые размѣры этого явленія крайне преувеличиваются печальниками горя хозяйскаго. Говорить о «дороговизнѣ» рабочихъ рукъ, при существующихъ размѣрахъ рабочихъ платъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, значитъ придавать слову дороговизна уже слишкомъ условное значеніе; точно также и представленіе о недостаткѣ рабочихъ можетъ явиться лишь въ результатѣ извѣстной аберраціи— при обобщеніи на массу случаевъ того, что имѣетъ мѣсто въ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ той или другой мѣстности и въ тотъ или другой моментъ времени. Мы знаемъ, напр., что южные хозяева могутъ испытывать затрудненія найти достаточно рабочихъ при неожиданно высокихъ размѣрахъ урожая, но возводить такія затрудненія въ общее правило было бы грубо ошибочно. «Что у насъ нѣтъ недостатка рукъ, говоря вообще—писалъ еще въ 70-хъ годахъ извѣстный знатокъ нашего сельскаго хозяйства И. А. Стебутъ,—доказывается уже сравнительно низкой цѣной на рабочій трудъ, доходящей мѣстами до 12 коп. въ день поденщицѣ и 20 коп. поденщику въ рабочую пору—весной и осенью. Цѣны возвышаются чрезвычайно, съ 1 р. 50 к. до 2 и 3 р. въ день, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, только въ исключительныхъ случаяхъ, въ нашихъ южныхъ степяхъ, и то въ страдное время уборки хлѣбовъ, къ тому же, въ особо урожайные годы. Поэтому весь недостатокъ рабочихъ рукъ и дороговизна ихъ, на которые слышатся частыя жалобы, сводятся къ не экономическому употребленію ихъ, какъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, такъ и въ государствѣ вообще *).

Жалобы на неустойчивость сельскихъ рабочихъ въ исполненіи ихъ договоровъ съ хозяевами слышатся уже очень давно. Давно предлагаются и проекты разныхъ мѣропріятій, чтобы обезпечить хозяину трудъ его рабочаго. Часть этихъ предложеній вошла уже и въ законъ—все содержаніе нашего рабочаго законодательства, по-

*) «Докладъ Выс. учрежд. коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельск. хоз.», т. II, прил. V, стр. 4.

скольку оно касается сельскихъ рабочихъ, преслѣдуетъ именно эту цѣль. Сюда же направленъ и тотъ новѣйшій законопроектъ, основныя положенія котораго недавно опубликованы въ газетахъ.

Побудительныя причины, которыя заставляютъ работника выполнять извѣстныя работы въ чужую пользу, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, установленныхъ закономъ или договоромъ, могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ. Прежде всего, рѣшающимъ моментомъ можетъ быть здѣсь внѣшнее принужденіе,—прямое насиліе или постановленіе закона, охраняемое карательною санкціею. Такъ стоитъ дѣло при господствѣ несвободныхъ отношеній. При крѣпостномъ правѣ трудъ крестьянина является обязательною повинностью его въ пользу помѣщика, за исполненіемъ этой повинности наблюдаетъ власть. Первымъ, ближайшимъ органомъ этой власти является самъ помѣщикъ — облеченіе собственника извѣстною долею власти по отношенію къ лицамъ, стоящимъ къ нему въ обязательныхъ по имуществу отношеніяхъ, составляетъ характеристическую, основную черту крѣпостного строя. Въ позднѣйшихъ, смягченныхъ формахъ несвободныхъ отношеній роль государства не ограничивается одною лишь санкціею выполненія рабочими ихъ обязательствъ, но распространяется и на содержаніе этихъ обязательствъ. Заставляя работника нести возложенную на него повинность, государство регулируетъ и размѣры этой повинности. Вмѣшательство его является, такимъ образомъ, двухстороннимъ,—установленіе условій работы не оставляется на полный произволъ собственника.

Когда трудъ признается свободнымъ, внѣшняя, принудительная санкція исполненія рабочимъ обязательствъ, имъ на себя принятыхъ, отпадаетъ. Договорныя отношенія личнаго найма входятъ въ сферу имущественнаго, гражданскаго права. Законъ охраняетъ ихъ постольку, поскольку охраняется и всякая гражданская сдѣлка.

Но экономическая, внутренняя необходимость можетъ быть столь же повелительна, какъ и внѣшнее принужденіе. Имущественныя отношенія между нанимателемъ и нанимаемымъ могутъ сложиться такъ, что рабочій неизбѣжно долженъ принять тѣ условія найма, какія ему будутъ предложены, и не имѣетъ возможности отъ нихъ уклониться. Существуютъ такія комбинаціи обстоятельствъ, при которыхъ рабочій не можетъ выбирать между наймомъ у того или другого хозяина. Онъ долженъ работать у того, съ кѣмъ его столкнула судьба, и вынужденъ подчиняться поставленнымъ имъ требованіямъ. Отработки крестьянъ за угодья сосѣднему владѣльцу по большей части носятъ именно такой характеръ. По существу трудъ и здѣсь является подневольнымъ.

Въ большинствѣ случаевъ, однако, принудительный характеръ экономической необходимости для крестьянина-рабочаго продавать свой трудъ не имѣетъ такой абсолютной формы. Если крестьянинъ не можетъ обойтись безъ заработка, то это не значитъ еще, что-

бы онъ совсѣмъ былъ лишенъ возможности выбирать тѣ или другія формы этого заработка, искать такого помѣщенія своего труда, которое представляется ему менѣе тяжелымъ и болѣе прибыльнымъ. Въ такихъ случаяхъ санкціею, обезпечивающею выполненіе договора, является соображеніе выгоды. Это соображеніе, конечно, весьма относительное и условное. Вопросъ о выгодности рѣшается сравненіемъ тѣхъ условій, въ которыхъ долженъ работать нанимающійся, съ средними условіями рынка. Рабочій можетъ считать выгодною и очень низкую абсолютно цѣну своего труда, если на данномъ рынкѣ онъ не можетъ получить большей. Конечно, и здѣсь есть извѣстный minimum, извѣстный низшій предѣлъ абсолютной величины рабочей платы, за которымъ она ни въ какомъ случаѣ не можетъ признаваться выгодною, но этотъ предѣлъ въ сельскомъ быту очень растяжимъ. Въ соображеніе выгодности работы, помимо ея цѣны, входитъ также и степень прочности и постоянства даваемаго ею заработка. Чѣмъ болѣе эта прочность, тѣмъ ниже спускается тотъ minimum, при которомъ рабочій дорожитъ работою, какъ выгодною, и, наоборотъ, при заработкѣ, имѣющемъ до извѣстной степени характеръ азартной игры—каковы, напримѣръ, условія дальняго земледѣльческаго отхода въ степной край—только высокая относительно ставка можетъ удовлетворить работника. Если оба эти условія —и извѣстная высота заработка, и извѣстная степень его прочности—отсутствуютъ, отсутствуютъ и главныя гарантіи устойчивости рабочаго договора.

Эти послѣднія соображенія совершенно примѣнимы къ положенію наемнаго труда въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.

Какъ мы уже говорили, наиболѣе частые случаи нарушенія рабочими ихъ обязательствъ указываются въ сообщеніяхъ, идущихъ изъ центральнаго земледѣльческаго района и изъ южныхъ степныхъ губерній, пользующихся преимущественно трудомъ пришлыхъ рабочихъ. Центральный земледѣльческій районъ есть область крайне низкихъ рабочихъ платъ. Низкой цѣнѣ труда здѣсь способствуетъ уже относительная густота населенія, вслѣдствіе которой предложеніе труда превышаетъ спросъ, и значительная часть рабочихъ рукъ должна искать заработка на сторонѣ. Къ этому присоединяется еще нѣсколько другихъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи, неблагопріятныхъ для мѣстнаго крестьянства обстоятельствъ (главнымъ образомъ, невыгодныя земельныя условія, отсутствіе или недостатокъ другихъ заработковъ, кромѣ земледѣльческихъ, фискальныя тяготы и пр.). Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ причинъ, въ данномъ районѣ, охватывающемъ значительную часть всей земледѣльческой Россіи, сложились очень тяжелыя формы земледѣльческаго найма. Денежный наемъ имѣетъ здѣсь, какъ мы видѣли выше, форму своеобразной кредитной операціи. Крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ запродаетъ свой трудъ заранѣе, задолго до выполненія взятыхъ на себя работъ, запродаетъ подъ вліяніемъ крайней необхо-

димости имѣть деньги осенью и зимой. Нерѣдко онъ принимаетъ на себя обязательства совершенно непосильныя. «Причина дурного хода дѣлъ—говорятъ составители свода данныхъ о системахъ и способахъ веденія хозяйства, помѣщеннаго въ докладѣ Валуевской коммиссіи—заключается не въ томъ лишь, что крестьяне менѣе заботятся объ исполненіи заключеннаго ими условія, а нерѣдко въ физической невозможности исполнить ихъ. Недостатокъ земли у крестьянъ (особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они получили лишь четверть надѣла въ даръ) и накопленіе значительныхъ недочетовъ въ платежѣ повинностей заставляетъ крестьянъ соглашаться на самыя невыгодныя для себя условія. Въ такихъ обстоятельствахъ крестьяне принимаютъ на себя обязательства, выполнить которыя они не въ силѣ безъ окончательнаго разстройства своихъ хозяйствъ» *). Хозяева хорошо сознаютъ совершенную неизбѣжность неисполненія нѣкоторой части договоровъ и заранѣе учитываютъ это обстоятельство въ наемной цѣнѣ. Какъ тяжелы условія займовъ подъ работу, — каковыми являются въ существѣ договоры найма, заключаемые съ выдачею напередъ всей условленной суммы или крупныхъ задатковъ — и какъ низки рабочія цѣны, устанавливаемыя въ такихъ договорахъ, мы уже видѣли выше. Прибавимъ къ тому, что было приведено, еще одно компетентное свидѣтельство. «При наймѣ съ зимы—показывалъ въ Валуевской коммиссіи воронежскій землевладѣлецъ А. С. Ермоловъ (нынѣ министръ земледѣлія)—уплачиваются деньги впередъ, но зато этотъ способъ найма вдвое и втрое дешевле лѣтняго... въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщики злоупотребляютъ положеніемъ крестьянъ и даютъ цѣны, по которымъ невозможно требовать отъ крестьянина, чтобы онъ сработалъ хорошо. Въ прошломъ, напримѣръ, году (1872), когда положеніе крестьянъ было бѣдственное, они у нѣкоторыхъ хозяевъ нанимались исполнять всѣ работы (вспахать, посѣять и убрать), получая за все это по 2 руб. отъ десятины, между тѣмъ какъ лѣтомъ нужно было заплатить за десятину minimum 15 руб. Крестьяне, чтобы покрыть заработокъ, нанимаются заразъ у 3—4 помѣщиковъ и получаютъ такимъ образомъ 8—10 рублей. Разумѣется, имъ было совершенно невозможно исполнить принятыя на себя обязательства. Но когда къ подобнымъ чрезмѣрно дешевымъ цѣнамъ помѣщики не прибѣгаютъ, то рабочихъ можно имѣть въ достаточномъ количествѣ и на исполненіе работъ жаловаться нельзя» **).

Это говорилось двадцать пять лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ экономическое положеніе крестьянина черноземной полосы не улучшилось, не повысились и цѣны на его трудъ, по прежнему запро-

*) Докладъ Высоч. учр. комм. для изсл. нынѣшн. полож. сельск. хоз., т. II, прил. V.

**) Докладъ Выс. учр. коммис., Приложеніе VI, часть II, стр. 55—56.

даваемый впередъ подъ гнетомъ нужды. Немудрено, что и послѣдствія этого оказываются такія же, какъ и тѣ, на которыя и въ то время жаловалось большинство хозяевъ.

Въ степномъ, малонаселенномъ раойнѣ обстановка наемнаго труда совершенно иная, чѣмъ въ центральной полосѣ, характеризующейся избыткомъ рукъ. Но и здѣсь ее трудно назвать нормальною. Мы уже говорили выше о формахъ и условіяхъ найма на югѣ и юго-востокѣ Европейской Россіи. При господствующей здѣсь рѣзкой измѣнчивости и урожаевъ, и спроса на трудъ, и рабочихъ цѣнъ, заработокъ пришлаго рабочаго тоже не имѣетъ въ себѣ ничего прочнаго. Крестьянинъ-рабочій идетъ въ степь на рискъ—или не получить ничего, или сразу заработать много. Первые случаи гораздо чаще и работнику-неудачнику приходится очень много вытерпѣть въ неблагопріятные годы. Зато онъ и старается сорвать все, что только можетъ, когда счастіе поворачивается въ его сторону. Нужно замѣтить, что въ такихъ случаяхъ и хозяева не щадятъ другъ друга, безъ стѣсненія переманивая одинъ у другого «рабочія руки». Идетъ война каждаго противъ всѣхъ изъ-за добычи, которая можетъ ускользнуть изъ рукъ, если упустишь дорогое время. Можно ли ожидать, чтобы одинъ полуголодный рабочій остался въ сторонѣ отъ этой всеобщей погони за наживой и, свято соблюдая условіе, заключенное съ нимъ предусмотрительнымъ хозяиномъ въ то время, когда настоящая цѣна труда еще не выяснилась, продолжалъ работать въ горячую пору по цѣнамъ вдвое и втрое низшимъ противъ тѣхъ, которыя предлагаются на рынкѣ. Въ сущности, главная часть жалобъ на пришлыхъ степныхъ рабочихъ сосредоточивается около ихъ требованій прибавки къ условленной платѣ, когда поденныя цѣны стоятъ выше сроковыхъ. И можно указать цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что тамъ, гдѣ такія прибавки практикуются, жалобы на притязательность и недобросовѣстность рабочихъ слышатся гораздо рѣже. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ хозяйствъ дѣло стоитъ не такъ: никакой внутренней связи, никакихъ умѣряющихъ остроту постоянной борьбы между заинтересованными сторонами соглашеній мы не встрѣчаемъ, и каждая изъ этихъ сторонъ старается воспользоваться всѣми выгодами, которыя предоставляетъ ей благопріятное стеченіе обстоятельствъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ основѣ неурядицъ въ отношеніяхъ между рабочими и нанимателями лежатъ очень глубокія *экономическія* причины. Неправильныя отношенія рабочихъ къ обязательствамъ, на себя принятымъ, коренятся въ ненормальности самыхъ условій и обстановки наемнаго труда.

Многочисленные проекты «урегулированія» рабочихъ отношеній, которые выдвигаются представителями извѣстной группы землевладѣльцевъ чуть не съ самаго момента эмансипаціи, стоятъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Они ищутъ выхода изъ теперешняго положенія на почвѣ *юридической*, добиваясь возстановленія того

принудительнаго характера, который имѣли отношенія между хозяиномъ и рабочимъ при господствѣ несвободныхъ, крѣпостныхъ порядковъ. Государство должно *заставить* рабочихъ исполнять обязательства, вытекающія изъ договоровъ найма, точно также какъ въ крѣпостную эпоху оно принуждало крестьянъ къ выполненію ихъ обязательныхъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ.

Главнѣйшія требованія, выставляемыя въ этихъ проектахъ, могутъ быть сформулированы такъ.

Первымъ и центральнымъ пунктомъ этихъ требованій является предположеніе объ установленіи особыхъ *рабочихъ книжекъ*, обязательныхъ для крестьянъ, нанимающихся на какія бы то ни было сельскія работы. Такая книжка должна составлять какъ бы второй паспортъ рабочаго. Въ книжку записывается каждый договоръ, заключаемый рабочимъ, отмѣчаются всѣ разсчеты, съ нимъ произведенные, и всѣ взысканія и штрафы, на него наложенные. Книжка является и аттестатомъ, изъ котораго каждый наниматель видитъ прошлое рабочаго, и гарантіей въ томъ, что на нанимающемся рабочемъ не лежитъ уже другого обязательства, и, наконецъ, удостовѣреніемъ факта найма и его условій, на случай обращенія къ содѣйствію власти.

Для обезпеченія исполненія договора рабочимъ предполагается установить *уголовную* отвѣтственность за уходъ съ работы или неявку на работу. Какъ извѣстно, договоръ личнаго найма, какъ всякая *гражданская* сдѣлка, по общему закону можетъ влечь за собою, въ случаѣ нарушенія его которою нибудь изъ сторонъ, только имущественныя послѣдствія: потерпѣвшая сторона можетъ искать со стороны нарушившей обязательство понесенные убытки или особо выговоренную неустойку. Какъ изъятіе изъ этого общаго правила существуетъ законъ, карающій стачки рабочихъ для одновременнаго оставленія работы до срока. Землевладѣльческіе проекты требуютъ примѣненія уголовныхъ взысканій и ко всѣмъ единичнымъ случаямъ неустойки рабочаго въ принятомъ на себя обязательствѣ. Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ идутъ еще далѣе: помимо уголовныхъ взысканій, они выставляютъ еще требованіе о водвореніи ушедшаго рабочаго во владѣльческой экономіи мѣрами власти, объ обязательномъ приводѣ на работу рабочаго, ею обязавшагося. Рабочій, вступившій въ невыгодную или непосильную для себя сдѣлку—чѣмъ бы это ни вызывалось, крайнею нуждою, легкомысліемъ или недобросовѣстностью—долженъ выполнить ее, во что бы то ни стало; ни уголовная, ни имущественная отвѣтственность не могутъ его отъ этого избавить.

Дальнѣйшія требованія касаются облегченія и ускоренія процедуры разбирательства по жалобамъ нанимателей на рабочихъ и, наконецъ, предоставленія нанимателю извѣстной доли дисциплинарной власти, которая поддерживала бы его авторитетъ предъ рабочимъ.

Часть этихъ предположеній, какъ мы уже говорили, получила осуществленіе въ законѣ. «Положеніе о наймѣ на сельскія работы» 12 іюня 1886 г. создало значительныя преимущества для одной изъ сторонъ въ договорѣ найма. Дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи сдѣланъ былъ передачею дѣлъ о нарушеніяхъ договоровъ на сельскія работы въ руки земскихъ начальниковъ (по закону 12 іюля 1889 года). Однако, постановленія названныхъ узаконеній удовлетворяютъ далеко не всѣ требованія, выставлявшіяся авторами землевладѣльческихъ проектовъ.

Такъ, прежде всего, обязательная для всѣхъ случаевъ найма на сельскія работы рабочая книжка до сихъ поръ еще остается только въ области желаній. На основаніи ст. 12 «Положенія» 12 іюня 1886 г. «договоры о наймѣ могутъ быть заключаемы какъ словесно, такъ и письменно», причемъ «заключеніе словесныхъ наймовъ не подлежитъ никакимъ формальностямъ» (ст. 13). Законъ «предоставляетъ» только «лицамъ, желающимъ пользоваться особыми преимуществами по исполненію договоровъ о наймѣ», «заключать ихъ по установленнымъ для этого договорнымъ и разсчетнымъ листамъ» (ст. 16).

Вопросъ о рабочихъ книжкахъ для сельскихъ рабочихъ имѣетъ уже у насъ длинную исторію. Онъ дебатировался много разъ и въ различныхъ обществахъ, съѣздахъ, собраніяхъ и въ нѣсколькихъ правительственныхъ коммиссіяхъ. До сихъ поръ, однако, проекты установленія второго, добавочнаго паспорта, въ видѣ рабочей книжки, для крестьянскаго населенія, нуждающагося въ заработкѣ, не встрѣчали поддержки въ законодательныхъ сферахъ. Въ обязательномъ введеніи письменныхъ договоровъ найма, при безграмотствѣ массы населенія, справедливо усматривалось огромное отягощеніе для крестьянства и поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ со стороны низшей сельской администраціи. На стѣснительность обязательнаго заключенія договоровъ по книжкамъ указывали и многіе землевладѣльцы, преимущественно крупные: дѣйствительно, обязательное выполненіе разныхъ сложныхъ формальностей при наймѣ большихъ партій для выполненія срочныхъ и спѣшныхъ работъ могло создавать большія затрудненія для хозяевъ. Въ виду всего этого «Положеніе» 12 іюня оставило за рабочими книжками тотъ же факультативный характеръ, который онѣ имѣли и ранѣе, съ тѣхъ поръ, какъ были въ первый разъ введены въ нашемъ законодательствѣ временными правилами для найма сельскихъ рабочихъ 1 апрѣля 1863 г.

Зато законъ 12 іюня пошелъ на встрѣчу другой части требованій, предъявлявшихся представителями интересовъ нанимателей. Положеніемъ установленъ цѣлый рядъ взысканій за нарушеніе рабочими принятыхъ ими обязательствъ. Такъ именно, арестъ до 1 мѣсяца назначенъ за неявку на работу или самовольный уходъ съ нея сельскаго рабочаго, обязавшагося срочнымъ договоромъ по договор-

ному листу (мнѣніе госуд. сов. 12 іюля 1886, ст. 6). Тому же взысканію подвергается и «сельскій рабочій, получившій отъ нѣсколькихъ нанимателей задатки при наймѣ по договорному листу на исполненіе сдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ работъ, которыхъ завѣдомо не можетъ выполнить въ условленное время, въ случаѣ неисполненія означенныхъ работъ, согласно заключеннымъ условіямъ» (ст. 7). Арестъ или денежное взысканіе законъ назначаетъ и нанимателю «за наемъ сельскаго рабочаго, завѣдомо связаннаго, на то же время, срочнымъ договоромъ съ другимъ нанимателемъ по договорному листу» (ст. 3).

По отношенію къ обязательному *приводу* уклоняющагося работника во владѣльческую экономію законъ остановился на половинной мѣрѣ. На основаніи 99 ст. «Положенія», «нанимателю, нанявшему рабочаго по договорному листу, предоставляется въ случаѣ неявки или самовольнаго ухода рабочаго, не прекращая заключеннаго съ нимъ договора, заявлять о томъ полиціи въ семидневный срокъ со времени неявки или ухода рабочаго» Съ своей стороны, полиція, получивъ отъ нанимателя заявленіе о неявкѣ или самовольномъ уходѣ рабочаго, должна немедленно принять «мѣры къ разысканію его и затѣмъ обязываетъ рабочаго вернуться къ нанимателю, причемъ назначаетъ для сего кратчайшій, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, срокъ и разъясняетъ рабочему его обязанности и послѣдствія неисполненія предъявленнаго требованія» (ст. 100). Такимъ послѣдствіемъ является, однако, не обязательный приводъ рабочаго къ нанимателю, во что бы то ни стало, а наложеніе на него указаннаго выше взысканія, причемъ наниматель лишается уже права искать съ рабочаго и денежнаго вознагражденія за то же нарушеніе.

Въ видахъ поддержанія авторитета хозяина законъ предписываетъ рабочему повиноваться нанимателю, исполнять безпрекословно и усердно его требованія, согласно заявленному условію (ст. 35), и «вести себя благопристойно, трезво и почтительно къ хозяину, его домашнимъ и лицамъ, отъ него приставленныхъ для надзора за работами и рабочими» (ст. 37). Соблюденіе этихъ требованій законъ охраняетъ страхомъ наказанія: «за грубость противъ нанимателя и членовъ его семейства, а равно за открытое, соединенное съ дерзостью, неповиновеніе нанимателю или лицу, коему ввѣренъ надзоръ за работами и рабочими, виновный въ томъ сельскій рабочій подвергается аресту не свыше 1 мѣсяца (мн. госуд. сов. 12 іюня 1886 г., ст. 4). «Положеніе» 1886 г. вооружаетъ дисциплинарною властью надъ рабочими и самого нанимателя непосредственно. Ст. 50 «Положенія» предоставляетъ нанимателю право «подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за прогулъ, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу».

Вычетъ за прогулъ не долженъ «превышать двойной платы,

какая причиталась бы рабочему за прогульное время», въ остальныхъ случаяхъ предѣльнымъ размѣромъ вычета назначается двойная поденная плата (ст. 51). Нужно замѣтить при этомъ, что въ отличіе отъ штрафовъ, существующихъ для фабричныхъ рабочихъ—суммы которыхъ обращаются въ особые капиталы, имѣющіе спеціальное назначеніе,—вычеты изъ платы сельскимъ рабочимъ могутъ производиться нанимателемъ въ свою собственную пользу.

Проектъ новаго «Положенія о наймѣ на сельскія работы» идетъ гораздо далѣе закона 1886 года въ опредѣленіяхъ, клонящихся къ огражденію интересовъ нанимателей.

Центральнымъ, самымъ существенномъ нововведеніемъ новаго проекта является предположеніе о безусловной обязательности рабочей книжки во всѣхъ случаяхъ найма. Такая книжка должна быть у каждаго нанимающагося на сельскохозяйственныя работы на срокъ, на поденную, испольную и сдѣльную работу. Заключеніе договора найма безъ договорной книжки влечетъ и для нанимателя, и для нанимающагося наказаніе арестомъ до 3 дней.

Дальнѣйшія вновь проектированныя постановленія касаются, главнымъ образомъ,расширенія случаевъ примѣненія взысканій какъ съ рабочихъ за нарушеніе договоровъ, такъ и съ нанимателей за заключеніе сдѣлокъ съ рабочими, связанными уже условіями съ другими нанимателями, а также и съ лицъ, содѣйствующихъ такъ или иначе рабочимъ въ ихъ уклоненіяхъ отъ исполненія обязательствъ предъ нанимателями. Такъ, къ существующимъ уже постановленіямъ о наказаніяхъ рабочихъ за неявку на работу или уходъ съ нея, а также за умышленную порчу хозяйскаго имущества, грубость противъ хозяина и пр.,—проектъ прибавляетъ еще рядъ взысканій «за стачку между рабочими какого либо имѣнія прекратить работы до истеченія установленнаго срока для того, чтобы понудить хозяина къ повышенію получаемой ими платы», — взысканій, размѣры которыхъ могутъ доходить до 3-мѣсячнаго ареста для зачинщиковъ и мѣсячнаго для участниковъ. При наймѣ рабочихъ на рынкахъ найма «лица, путемъ насилія и угрозъ препятствующія рабочимъ вступать въ договоры съ нанимателями, иначе какъ на условіяхъ, этими лицами назначенныхъ, наказываются тюремнымъ заключеніемъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Тюрьмою же проектъ угрожаетъ сельскимъ рабочимъ, служителямъ, приказчикамъ или лицамъ, завѣдующимъ имѣніемъ безъ формальной довѣренности, за обманъ хозяина при исполненіи его порученія, если обманъ сопряженъ съ ущербомъ для хозяина и учиненъ съ корыстною цѣлью «или въ интересахъ родственниковъ либо однообщественниковъ обвиняемаго». Укрывательство рабочихъ, разыскиваемыхъ полиціею, подвергаетъ виновныхъ аресту до 3 дней или денежному взысканію до 15 р. Какъ мы упоминали выше, законопроектъ не щадитъ и нанимателей, дѣйствующихъ во вредъ другимъ нанимателямъ. Онъ назначаетъ двухнедѣльный арестъ, за

заключеніе,—безъ книжки или по книжкѣ—договора съ рабочимъ, завѣдомо для нанимателя связаннымъ уже обязательствомъ съ другимъ лицомъ. Мѣра взысканія повышается до мѣсячнаго ареста въ случаяхъ, когда наниматель употребилъ «особыя средства, чтобы сманить къ себѣ рабочаго, находящагося на работѣ у другого нанимателя».

Такимъ образомъ, выполненіе рабочихъ обязательствъ обставляется цѣлою сѣтью уголовныхъ взысканій. Эта уголовная санкція распространяется притомъ на всѣ безъ исключенія случаи найма на сельскія работы, а не на одну только часть ихъ, какъ это имѣетъ мѣсто по закону 1886 г...

Н. Анненскій.

Земство и сельскіе рабочіе.

Вопросъ о наемномъ трудѣ въ сельско-хозяйственной промышленности обратилъ на себя вниманіе земствъ еще очень давно, вскорѣ по введеніи земскихъ учрежденій. Вопросъ этотъ представлялъ огромное значеніе для всѣхъ районовъ земской Россіи, такъ какъ всюду земледѣліе является главною отраслью хозяйственной дѣятельности населенія, но всего острѣе стоялъ онъ на югѣ и юго-востокѣ. Здѣсь при очень широкомъ развитіи земледѣльческаго производства и рѣдкости населенія оказывается крупный недостатокъ рабочихъ рукъ. Отъ этого наибольшая часть земледѣльческихъ работъ выполняется въ этомъ районѣ пришлыми рабочими. Огромныя массы рабочаго населенія ежегодно двигаются изъ внутреннихъ губерній на югъ. Это стихійное, не урегулированное движеніе сопряжено съ громадною растратою народнаго труда. Естественно, что южныя земства не могли не остановить вниманія на вопросѣ о мѣрахъ для предупрежденія такой растраты. Съ другой стороны, выдвигались впередъ и интересы мѣстныхъ хозяевъ, нанимателей рабочихъ, которые искали способовъ обезпеченія своихъ хозяйствъ рабочею силою. Преобладаніе этихъ интересовъ придавало иногда земскимъ проектамъ и земскимъ мѣропріятіямъ извѣстный классовой, землевладѣльческій оттѣнокъ. Справедливость требуетъ сказать, впрочемъ, что такіе случаи составляли меньшинство, и что въ большей части своихъ начинаній въ этой области земства стояли на почвѣ общихъ хозяйственныхъ интересовъ мѣстнаго населенія.

На путь практическихъ мѣропріятій по рабочему вопросу выступило первымъ одно изъ поволжскихъ земствъ — сызранское, Симбирской губерніи. Работать ему приходилось въ такой обста-

новкѣ: оно имѣло предъ собою давно истощенную землю и населеніе, которому каждый годъ къ концу зимы обыкновенно нечѣмъ питаться. Между тѣмъ, въ маѣ и іюнѣ за Волгой уже созрѣваетъ трава и начинаются покосы. И вотъ увлекаемый голодомъ и нарочно распускаемыми слухами о томъ, что за Волгою травы невиданныя и цѣны косарямъ громадныя, нагорный крестьянскій людъ массами начинаетъ устремляться въ степь, гдѣ есть надежда найти не только пропитаніе, но и хорошій заработокъ. Искусственно вызываемое чрезмѣрное предложеніе труда неизбѣжно ведетъ къ такому же пониженію заработной платы, и многимъ часто приходится работать за безцѣнокъ или возвращаться домой съ еще большей нуждой. Въ лѣтнюю страду та же исторія повторяется снова. Только во время уборки хлѣбовъ движеніе рабочихъ бываетъ еще неудержимѣе и часто кончается еще болѣе трагично, чѣмъ весною. При всей своей бѣдности, сызранское земство еще въ 1873 году рѣшило помочь такому печальному положенію вещей и съ этою цѣлью учреждены были земскіе агенты, въ задачи которыхъ преимущественно входило собираніе свѣдѣній о состояніи травъ и хлѣбовъ, какъ на нагорной, такъ и на луговой сторонѣ, и о цѣнахъ на рабочія руки на рынкахъ, являющихся мѣстомъ скопленія рабочихъ. Распространеніе этихъ свѣдѣній давало возможность въ извѣстной степени регулировать движеніе, парализуя вредное вліяніе сочиняемыхъ эксплуататорами слуховъ *). Извѣстія о цѣнахъ на работы въ Заволжьи сызранская земская управа еженедѣльно сообщала во всѣ волостныя правленія уѣзда. Пополняя собою сообщенія, дѣлавшіяся и губернскимъ начальствомъ, свѣдѣнія эти должны были указывать крестьянамъ, насколько для нихъ выгодны работы на сторонѣ, а волостнымъ старшинамъ служить руководствомъ при выдачѣ недоимщикамъ паспортовъ. Въ сессію 1875 года сызранская земская управа, желая дать дѣлу болѣе широкую постановку, предложила на обсужденіе земскаго собранія слѣдующія мѣры: 1) войти въ соглашеніе съ сосѣдними земскими управами, преимущественно съ никольскою, самарскою, хвалынскою, корсунскою и кузнецкою, о солидарной дѣятельности по упорядоченію рабочаго движенія и, прежде всего, о взаимномъ обмѣнѣ извѣстій объ урожаѣ и цѣнахъ на трудъ; 2) собранныя свѣдѣнія литографировать и разсылать, кромѣ волостныхъ правленій и земскихъ агентовъ, также и тѣмъ изъ жителей уѣзда, которые заявятъ желаніе получать эти извѣстія; послѣднія, сверхъ того, вывѣшивать на улицахъ и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Движущимъ нервомъ всей организаціи этой, очевидно, являлись земскіе агенты (въ числѣ ихъ были и женщины: Абразанцева-Нечаева, Пустошкина, Граббе, Бестужева), дѣятельность которыхъ съ самаго начала оказалась чрезвычайно полезной. Однако, земской агентурѣ не суждено было развиться, а

*) Д. Л. Мордовцевъ. «Десятилѣтіе русскаго земства». Стр. 79—84.

равно не нашли осуществленія и приведенныя мѣры, предложенныя управою земскому собранію. Замѣчательно то, что противъ названныхъ мѣръ оппозиція шла не только со стороны администраціи, но и отъ самого земскаго собранія. Нѣкоторые гласные высказали въ собраніи опасеніе, что если крестьяне будутъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о высокихъ за Волгою цѣнахъ на рабочія руки, то они непремѣнно уйдутъ, создавши для мѣстныхъ владѣльцевъ положеніе, поистинѣ отчаянное. И вотъ, собраніе,—большинствомъ, впрочемъ, двухъ голосовъ—отклоняетъ назначеніе ничтожной суммы въ 250 рублей на наемъ корреспондентовъ по дѣламъ земской агентуры. Послѣдовавшія мѣры администраціи вполнѣ отвѣчали такому настроенію земскаго большинства. Протестъ губернатора обратилъ въ pia desideria даже и тѣ предложенія сызранской управы, которыя одобрены были земскимъ собраніемъ.

Не увѣнчалась успѣхомъ и попытка бывшей ростовской уѣздной земской управы Екатеринославской губерніи, сдѣланная въ томъ же 1875 году и преимущественно имѣвшая цѣлью обезпечить нанимателямъ достаточное количество рабочихъ. Сущность ея сводится къ слѣдующему: 1) примѣняясь къ извѣстіямъ о количествѣ посѣвовъ, земская управа установляетъ нормальную рабочую плату на лѣтній періодъ; 2) управа выступаетъ обязательнымъ посредникомъ при наймѣ помѣщиками рабочихъ; не производя никакихъ предварительныхъ выдачъ,—въ видѣ ли задатковъ или денегъ на проѣздъ и т. п.,—управа обезпечиваетъ нанимаемымъ только фактъ заработка и размѣръ его.

Для успѣшнаго выполненія задачи своей, ростовская управа вступила въ переписку съ управами мѣстностей, откуда приходятъ рабочіе, о взаимномъ обмѣнѣ надлежащихъ извѣстій и вообще о совмѣстномъ веденіи дѣла упорядоченія рабочаго движенія. Но въ земскихъ собраніяхъ другихъ губерній и уѣздовъ предложеніе ростовской управы не встрѣтило дружественнаго отклика, и это рѣшило участь ея благихъ начинаній. Вотъ нѣкоторыя подробности, не лишенныя значительнаго интереса. Херсонское уѣздное земское собраніе вопреки докладу своей управы, полагавшей, что по экономическому положенію Херсонскаго уѣзда, земству бы слѣдовало воспользоваться ростовскимъ проектомъ, всетаки отвергло его, выставивъ при этомъ слѣдующіе мотивы. Участіе земства въ заключеніи договоровъ о наймѣ уже по однимъ юридическимъ причинамъ должно потерпѣть полнѣйшее фіаско; но и по устраненіи этихъ причинъ, у нанимателей всетаки не будетъ увѣренности въ томъ, что они получатъ рабочихъ, соотвѣтствующихъ требуемымъ качествамъ. Управа не можетъ представить никакого ручательства въ томъ, что рабочіе своевременно доставлены будутъ на мѣсто, и что они не предъявятъ такихъ новыхъ требованій, которыя при несогласіи нанимателей повлекутъ за собой печальныя осложненія во взаимныхъ отношеніяхъ сторонъ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, хер-

сонское уѣздное земское собраніе постановило: способъ найма рабочихъ по прежнему предоставить самимъ нанимателямъ.

Землянское уѣздное земское собраніе Воронежской губерніи, соглашаясь содѣйствовать ростовской управѣ въ распространеніи извѣстій о цѣнахъ и прочихъ условіяхъ найма въ Ростовскомъ уѣздѣ, требовало отъ нея, чтобы обѣщаемая въ объявленіяхъ рабочая плата была гарантирована земствомъ. Полтавское уѣздное земское собраніе отказалось принять какое бы то ни было участіе въ осуществленіи ростовскаго проекта на томъ основаніи, что это послужило бъ къ подрыву владѣльческихъ хозяйствъ Полтавскаго уѣзда, гдѣ многіе помѣщики во время косьбы и уборки хлѣбовъ сами ощущаютъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и вынуждены искать ихъ въ другихъ болѣе населенныхъ мѣстахъ *). Но особенно любопытными представляются тѣ доводы, по которымъ ростовскій проектъ отвергнутъ былъ александровскимъ земскимъ собраніемъ Екатеринославской губерніи.

Они такіе. Во 1-хъ, цѣны на трудъ создаются экономическимъ закономъ предложенія и спроса, принудительно установленныя цѣны вызываютъ репрессивныя мѣры, которыя врядъ ли помогутъ улучшенію хозяйства, не говоря ужъ о томъ, что всякое стѣсненіе рабочаго въ свободномъ распоряженіи его силами весьма нежелательно, какъ средство, дающее возможность нанимателю эксплуатироватъ нанимаемаго. И для самихъ землевладѣльцевъ комбинація эта можетъ представить не мало опасностей; они могутъ очутиться въ серьезномъ затрудненіи, взявъ на себя весною обязательства, исполнить которыя къ концу лѣта или осенью окажется невозможнымъ по причинамъ, абсолютно недоступнымъ воздѣйствію человѣческой воли. Во 2-хъ, устраненіе задатковъ при заключеніи договора представляется мѣрою крайне непрактичной и на дѣлѣ вовсе не осуществимой; задаточныя деньги, обыкновенно необходимыя для покрытія повинностей, и являются главной приманкой для уходящихъ на сторону крестьянъ; совершается ли заключеніе договора дома на мѣстѣ или на далекомъ отъ родины рынкѣ,—все равно крестьянинъ, если онъ не поденщикъ или не нанимается на очень короткій срокъ, не станетъ на работу у нанимателя, не получивши задатка.

Въ 1875 году маріупольская земская управа Екатеринославской губерніи и въ 1877 году прилукская управа Полтавской губерніи, въ видахъ предупрежденія чрезмѣрнаго наплыва рабочихъ въ одни годы и недостаточности количества ихъ въ другіе, рѣшили обратиться къ собиранію свѣдѣній не только въ своихъ, но и въ сосѣднихъ уѣздахъ, о состояніи травъ и хлѣбовъ и о предвидящейся потребности въ рабочихъ рукахъ. Свѣдѣнія эти получа-

*) «Отхожіе сельскохозяйственные промыслы». Труды коммиссіи тайнаго совѣтника Звегинцева. Стр. 117 и 118.

лись въ управѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и разсылались въ волостныя правленія. Однако ожидавшіеся результаты достигнуты не были, и дальнѣйшее собираніе упомянутыхъ свѣдѣній было оставлено *).

Купянское земское собраніе 1885 года, озабочиваясь вопросомъ объ организаціи раціональнаго сбыта продуктовъ народнаго труда, устроило справочное сельскохозяйственное бюро, которое, между прочимъ, имѣетъ цѣлью содѣйствовать сближенію спроса труда съ предложеніемъ, принимая заявленія, какъ отъ лицъ, ищущихъ управляющихъ, прикащиковъ, мастеровыхъ и *чернорабочихъ*, такъ и отъ представителей труда о желаніи наняться **).

Въ 1888 году, по иниціативѣ александровскаго земскаго собранія, екатеринославское земское собраніе поручило управѣ своей войти въ сношенія съ таврической и херсонской губернскими земскими управами по вопросу о мѣрѣ обезпеченія правильнаго притока рабочихъ въ Екатеринославскую губернію на лѣтнія сельскохозяйственныя работы. Всѣ упомянутыя губернскія управы къ первому мая 1889 года соберутъ, предполагалось, свѣдѣнія о видахъ на урожай густо населенныхъ губерній—Курской, Орловской, Полтавской и Харьковской для распространенія среди мѣстнаго населенія.

На предложеніе екатеринославской губернской земской управы первая отвѣтила губернская управа херсонская, но отвѣтила отказомъ, мотивируя его мѣстными климатическими условіями: нѣсколько дней засухи или нѣсколько своевременно выпавшихъ дождей могутъ вдругъ совершенно измѣнить всѣ прежніе виды на урожай; это обстоятельство лишаетъ предположенія о будущемъ урожаѣ всякой положительной достовѣрности. Понятно, что вызовъ рабочихъ, основанный на такихъ предположеніяхъ, можетъ породить множество вредныхъ недоразумѣній. Что касается управы таврической, то на обращенное къ ней предложеніе она отвѣтила изъявленіемъ согласія, только къ первому мая она ничего не успѣла собрать, а въ серединѣ мая прислала увѣдомленіе о томъ, что нужныя свѣдѣнія представлены ей не всѣми уѣздными земскими управами, и что въ виду уже состоявшейся каховской ярмарки, сообщеніе этихъ извѣстій екатеринославской управѣ представляется запоздалымъ и потому безполезнымъ. Что касается земскихъ управъ отдѣльныхъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи, то изъ нихъ одни не прислали никакихъ свѣдѣній, другія же собирали такія, которыя во всѣхъ отношеніяхъ оказались неудовлетворительными ***).

Такъ и эта попытка окончилась неудачей.

---

*) «Отхожіе сельскохоз. пром.». Стр. 119—121.

**) Я. В. Абрамовъ. «Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ». Стр. 240, 241.

***) «Отхожіе сельскохоз. пром.». Стр. 122, 123.

Среди значительной массы не получившихъ удовлетворенія ходатайствъ имѣются многія ходатайства земскихъ собраній различныхъ районовъ о разрѣшеніи съѣздовъ представителей земствъ,—съѣздовъ окружныхъ и столичныхъ,—для выработки, между прочимъ, общихъ мѣропріятій по урегулированію ежегоднаго движенія рабочихъ въ южныя губерніи изъ центальной полосы *). Можно указать на постановленіе харьковскаго уѣзднаго земскаго собранія въ іюнѣ 1885 года **) и симбирскаго губернскаго земскаго собранія въ очередную сессію 1896 года ***) о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства о принятіи мѣръ къ упорядоченію отношеній по найму на лѣто сельскихъ рабочихъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ обширный, детально разработанный проектъ, съ которымъ выступила александровская уѣздная земская управа Екатеринославской губерніи, поддержанная екатеринославскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Проектъ этотъ даетъ такую организацію движенія сельскихъ рабочихъ.

Во всемъ районѣ, пользующемся пришлыми сельскими рабочими изъ однихъ и тѣхъ же губерній, уѣздныя земскія управы еще зимой собираютъ самыя полныя и точныя свѣдѣнія какъ о размѣрѣ посѣвовъ, такъ и о количествѣ рабочихъ, которое понадобится въ каждомъ хозяйствѣ при среднемъ урожаѣ. Даннымъ этимъ дѣлаются поуѣздныя сводки, сообщаемыя по принадлежности губернскимъ земскимъ управамъ. Въ свою очередь, послѣднія имѣющіяся въ распоряженіи ихъ свѣдѣнія группируютъ по цѣлой губерніи. Параллельныя изслѣдованія ведутся и въ районѣ, высылающемъ рабочихъ. Уѣздныя земскія управы собираютъ возможно точнѣйшія свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ, намѣренныхъ отправиться «въ отходъ», и избираемыхъ ими мѣстахъ. Сводныя таблицы по волостямъ и районамъ, въ которые отхожане изъ волости намѣрены отправиться, сообщаются уѣздными управами своей губернской земской управѣ, сводныя таблицы которой изготовляются за всю губернію. Затѣмъ, по соглашенію всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, какъ губерній, нуждающихся въ рабочихъ, такъ и губерній посылающихъ ихъ, учреждается центральное бюро, въ которомъ сосредоточиваются всѣ приведенныя свѣдѣнія. Такое устройство дѣлаетъ возможнымъ для центральнаго бюро еще зимой черезъ губернскія и земскія управы посылать предостереженія противъ отправки народа въ такія мѣста, гдѣ работы не предвидится, и приглашенія отправиться туда, гдѣ ожидается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Весной, когда опредѣлившіяся уклоненія урожая отъ ожидаемой нормы указываютъ на предстоящее лѣтомъ измѣненіе въ спросѣ на рабочія руки, уѣздныя земскія управы производятъ при-

*) Я. В. Абрамовъ. «Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ». Стр. 282.
**) Недѣля, 27/85.
***) См. «Жизнь Юга», № 1/97, стр. 13.

близительное исчисленіе процента, на который этотъ спросъ, по сравненію съ среднимъ урожаемъ, увеличился или уменьшился, и заключенія свои черезъ губернскія земскія управы сообщаютъ по телеграфу въ центральное бюро, которое съ своей стороны полученныя извѣстія передаетъ всѣмъ заинтересованнымъ губернскимъ земскимъ управамъ, а чрезъ нихъ и уѣзднымъ; послѣднія экстренными способами оповѣщаютъ населеніе. Въ томъ же порядкѣ централизуются и пускаются затѣмъ въ населеніе заключенія о послѣдствіяхъ дальнѣйшихъ явленій, способныхъ влiять на энергію спроса на рабочія руки. По достиженіи первыми рабочими партіями, такъ сказать, авангардомъ сельскохозяйственной арміи, пунктовъ найма, съ театра дѣйствій посылаются также свѣдѣнія о цѣнахъ на трудъ. Организація эта вполнѣ основательно отвергаетъ какъ принудительное установленіе цѣнъ, такъ и всякое посредничество земства при наймѣ рабочихъ. Екатеринославская губернская земская управа, признавая, съ своей стороны, что центральное бюро въ томъ только случаѣ въ состояніи будетъ разрѣшить свою задачу, когда всѣ безъ исключенія земства обоихъ заинтересованныхъ районовъ отнесутся къ этому дѣлу съ полнымъ вниманіемъ и серьезностью и примутъ всѣ мѣры къ своевременному собиранію требуемыхъ свѣдѣній—полагала возбудить предъ правительствомъ мотивированное ходатайство о созывѣ съѣзда отъ всѣхъ уѣздныхъ земствъ заинтересованныхъ губерній, не только для принципіальнаго рѣшенія вопроса объ упорядоченіи наплыва въ степныя губерніи пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но и для принятія отдѣльными земствами положительныхъ мѣръ къ практическому осуществленію предлагаемаго проекта *).

Говоря о проектѣ александровской земской управы, слѣдуетъ кстати замѣтить, что идея центральнаго рабочаго бюро на югѣ Россіи высказана была еще въ 1882 году Н. П. Ползыковымъ. Незнаніе мѣстъ урожая влечетъ за собою значительныя потери и серьезныя затрудненія не только для рабочихъ, но и для хозяевъ, одинаково страдающихъ, какъ при недостаткѣ, такъ и при чрезмѣрномъ наплывѣ рабочихъ. Для устраненія этихъ неудобствъ, соединенными усиліями южнорусскихъ земствъ учреждается,—въ Харьковѣ, напримѣръ, «Центральный приказъ отхожаго промысла». Непосредственно въ Приказъ по телеграфу стекаются свѣдѣнія отъ уѣздныхъ управъ губерній—Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, изъ земли Войска Донскаго и Терской и Кубанской областей. По мѣрѣ полученія, свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ заносятся въ особыя книги. Въ такихъ пунктахъ, какъ Полтава, Курскъ, Лозовая и др., должны существовать отдѣленія Приказа. Уѣздныя земскія управы губерній: Курской, Пол-

*) «Отхожіе промыслы», стр. 128—131.

тавской, Черниговской, Воронежской и Харьковской заблаговременно, въ простой и простолюдину понятной формѣ сообщають въ волостныя правленія о цѣляхъ и мѣстахъ пребыванія Приказа и его отдѣленій. Въ отдѣленіяхъ составляются списки о лицахъ, намѣренныхъ отправиться «въ отходъ» и намѣченныхъ ими мѣстахъ. Находясь въ постоянныхъ телеграфныхъ и почтовыхъ сношеніяхъ между собой, Приказъ и его отдѣленія могутъ регулировать рабочее движеніе. Зная по спискамъ своимъ размѣры предложенія и спроса труда въ различныхъ мѣстахъ, Приказъ и его отдѣленія направляютъ рабочихъ туда, гдѣ въ нихъ ощущается недостатокъ, и удерживаютъ притокъ ихъ въ такія мѣста, гдѣ рабочій комплектъ уже пополненъ. Правильное веденіе списковъ съ точными отмѣтками о всякихъ измѣненіяхъ въ положеніи дѣла и энергичная дѣятельность Приказа и его отдѣленій послужатъ достаточной порукой за вѣрный успѣхъ. Организація эта, по мнѣнію г. Ползыкова, не можетъ потребовать значительныхъ затратъ, и бюджеты проектируемаго Приказа и его отдѣленій не должны выходить изъ предѣловъ какихъ-нибудь десятковъ и сотенъ рублей *).

До послѣдняго времени, кромѣ отдѣльныхъ отрывочныхъ мѣръ, не претендующихъ на широкое значеніе, какъ напримѣръ постановленіе днѣпровской уѣздной земской управы: въ разрѣшенномъ ей къ изданію «Листкѣ объявленій по сельскому хозяйству» помѣщать также свѣдѣнія о сельскихъ рабочихъ, въ видахъ содѣйствія правильному передвиженію ихъ **),—земства по разнымъ причинамъ не могли проявить и не проявили по этому вопросу соотвѣтствующей капитальному значенію его и несомнѣнно доступной для нихъ дѣятельности. Блестящее исключеніе представляетъ собой земство Херсонской губерніи. Къ дѣятельности этого земства мы и обратимся теперь.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы должны остановиться на попыткѣ 1872 года, неосуществленіе которой не можетъ, впрочемъ, возбудить особаго сожалѣнія. Еще въ 1872 году херсонскимъ губернскимъ земствомъ возбужденъ былъ вопросъ объ обезпеченіи краю достаточнаго притока рабочихъ изъ внутреннихъ губерній. Практическихъ результатовъ однако не вышло никакихъ, и все дѣло ограничилось запискою г. Декарьера, предлагавшаго слѣдующую организацію снабженія юга рабочими, нѣкоторыя черты которой впослѣдствіи были воспроизведены уже извѣстнымъ намъ проектомъ александровской земской управы объ учрежденіи центральнаго рабочаго бюро. Уѣздныя управы, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, опредѣляютъ количество нужныхъ землевладѣль-

*) См. отчетъ объ изслѣдованіи отхожаго промысла между Харьковомъ и Таганрогомъ. Харьковъ. 1882 г. Изданіе Харьковскаго Статистическаго Комитета.

**) «Жизнь Юга», № 17—37, стр. 306.

цамъ рабочихъ, цѣны послѣднимъ и продолжительность срока работъ. Губернскія земскія управы южныхъ губерній ежегодно въ надлежащее время запрашиваютъ управы внутреннихъ губерній о количествѣ лицъ, желающихъ отправиться на лѣтнія работы на опредѣленные сроки по предлагаемымъ цѣнамъ. Отвѣты сосредоточиваются въ губернскихъ управахъ, которыя, соотвѣтственно требованіямъ уѣздныхъ управъ, резверстываютъ рабочихъ по уѣздамъ. Управы уѣздныя продолжаютъ разверстку, распредѣляя рабочихъ между отдѣльными нанимателями. Послѣднее достигается уѣздной управой посредствомъ посылки на мѣсто найма задаточныхъ денегъ и условій по установленному образцу, которыя, по предъявленіи нанимающимся, свидѣтельствуются законнымъ порядкомъ и затѣмъ отсылаются нанимателямъ. Послѣ того рабочіе отправляются къ назначенные пункты, гдѣ и разбираются хозяевами. Каждый нанявшійся обязательно снабжается рабочею книжкой, въ которой записываются продолжительность найма, начальный и конечный моменты срока его и время отпуска, съ указаніемъ, состоялся онъ послѣ или до истеченія срока. За совершеніе договора безъ книжки обѣ стороны подвергаются значительному штрафу. Цѣль этой мѣры—прекратить постоянно практикующееся переманиваніе рабочихъ одними землевладѣльцами у другихъ. Херсонское земство ни въ какомъ отношеніи ничего не потеряло оттого, что записка г-на Декарьера не получила дальнѣйшаго движенія.

Усиленную и несомнѣнно плодотворную дѣятельность по рабочему вопросу херсонское земство начало проявлять въ девяностыхъ годахъ. Выразилась она, съ одной стороны, въ теоретической разработкѣ вопроса на основаніи правильно поставленныхъ наблюденій и земскихъ изслѣдованій, съ другой стороны — въ принятіи мѣръ къ улучшенію жизненныхъ условій нахожаго люда во время пребыванія его въ Херсонской губерніи на земледѣльческихъ работахъ. Въ обоихъ отношеніяхъ выдающуюся роль здѣсь играетъ цѣлесообразная и оригинальная организація санитарнаго надзора надъ пришлыми рабочими.

Если возьмемъ весь южный районъ, то въ наиболѣе острыхъ формахъ значеніе рабочаго вопроса дало себя почувствовать въ Херсонской губерніи вообще и въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ въ особенности.

Занимая громадную площадь плодороднаго чернозема, при довольно рѣдкомъ населеніи, Херсонскій уѣздъ постоянно нуждается въ пришлыхъ рабочихъ, къ услугамъ которыхъ прибѣгаютъ даже мѣстные крестьяне, сами нанимающіеся въ сосѣднія экономіи только въ неурожайные годы и въ крайнемъ лишь случаѣ. Такимъ образомъ, мѣстное хозяйство находится въ зависимости отъ климатическихъ и культурныхъ условій. Обстоятельство это вмѣстѣ съ особеностями сельскохозяйственнаго производства, вообще, чрезвычайно невыгодно отражается на устойчивости отношеній

между рабочими и хозяевами, тѣмъ болѣе, что практика еще не успѣла отношенія эти ввести хоть въ сколько нибудь опредѣленную норму, подобно промышленности фабрично-заводской, гдѣ всѣ фазы дѣла извѣстны заранѣе, и отношенія работодателей къ рабочимъ приняли довольно прочный характеръ. На пространствѣ всего періода роста хлѣбовъ до момента полной ихъ зрѣлости сельскій хозяинъ не можетъ быть увѣренъ въ размѣрахъ урожая. Даже при началѣ уборки трудно ручаться за то, что весь хлѣбъ будетъ убранъ и вымолоченъ, что не побьетъ его градомъ, не съѣстъ саранча. Предположенный урожай не выяснился еще, но съ наймомъ рабочихъ необходимо спѣшить. Въ Херсонскомъ уѣздѣ колебаніе цѣнъ на рабочія руки зависитъ не только отъ приведенныхъ причинъ, но и отъ разныхъ случайностей. «Такъ, напримѣръ, на таврическомъ берегу р. Днѣпра прошли дожди, и виды на урожай подаютъ надежды —рабочая цѣна сразу поднялась; на херсонскомъ берегу дождя не было, и хорошій урожай не предвидится,—но херсонскій хозяинъ долженъ платить такую же цѣну рабочимъ, какъ и таврическій»*). При хорошихъ видахъ ни урожай «договоренные рабочіе требуютъ прибавки и въ случаѣ отказа оставляютъ своего первоначальнаго хозяина и нанимаются къ другому за высокую плату. Бываютъ случаи и обратные, т. е. когда хозяинъ, послѣ найма рабочихъ, убѣждается въ томъ, что будетъ неурожай, онъ разными прижимками сбавляетъ условленную плату рабочимъ, а иногда, что потворяется чаще, разсчитываетъ часть рабочихъ» **). Хозяева постоянно недовольны рабочими, рабочіе хозяевами и вѣчно обвиняютъ другъ друга въ недобросовѣстности. «Въ жалобахъ тѣхъ и другихъ есть много правды»***). Не меньше затрудненій вызываетъ рабочій вопросъ и въ Елизаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. Появленіе пришлыхъ рабочихъ начинается здѣсь съ наступленіемъ мая. Рабочій народъ подвигается съ сѣвера, изъ губерній Полтавской и Кіевской. «Плыве щука зъ Кременчуга; куды гляне, трава вьяне». Такъ характеризуется народомъ движеніе, совпадающее съ началомъ косовицы ****) и слѣдующее въ двухъ направленіяхъ: 1) параллельно теченію Днѣпра, къ Каховкѣ, къ 9-му мая на ярмарку, 2) черезъ Ровное, Константиновку, Вознесенскъ въ Одесскій уѣздъ. «Рѣдкія партіи заходятъ въ знакомыя экономіи, гдѣ имъ жилось хорошо, чтобы стать на «строкъ», т. е. поступить въ сроковые работники; большинство же не желаетъ и говорить о цѣнѣ; нанять хожихъ рабочихъ въ это время

*) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. Т. VI Херсонскій уѣздъ. Херсонъ. 1890 г. Стр. 261.

**) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. Т. VI. Херсонскій уѣздъ. Херсонъ. 1890 г. Стр. 261.

***) Ibidem.

****) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ., томъ II, Елизаветградскій уѣздъ. Херсонъ. 1886 г. Стр. 250.

на пути трудно: нужно ѣхать въ Каховку для найма на базарѣ, что и дѣлаютъ нѣкоторыя юго-восточныя экономіи».

Въ Херсонской губерніи меньше другихъ уѣздовъ нуждается въ пришлыхъ рабочихъ Александрійскій уѣздъ, но и здѣсь есть немало экономій, прибѣгающихъ къ найму рабочихъ изъ Кіевской и Полтавской губерній. «Привычка искать заработковъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ настолько укоренилась въ мѣстномъ населеніи, и такая масса народа идетъ туда искать счастья, что мѣстныя экономіи при хорошемъ урожаѣ нуждаются въ рабочихъ. Рабочій, вышедшій изъ Александрійскаго уѣзда, не нанявшись въ Каховкѣ на ярмаркѣ (9 мая), никогда не спѣшитъ обратно домой, даже зная, что дома хорошій урожай. Онъ идетъ изъ Каховки дальше—въ Крымъ, Маріуполь и Бердянскъ или въ Херсонъ, Вознесенскъ, Одессу, такъ что въ концѣ мая или началѣ іюня на мѣстномъ базарѣ въ Братолюбовкѣ, или на сосѣднихъ—въ Казанкѣ и Кривомъ Рогѣ гораздо легче найти рабочаго изъ Кіевской и Полтавской губерній, чѣмъ изъ Александрійскаго уѣзда. Явленіе это крайне ненормально и вредно отражается, какъ на интересахъ крупныхъ хозяйствъ, такъ и на интересахъ самого рабочаго, ищущаго хорошаго тамъ, гдѣ насъ нѣтъ; но факты эти создала жизнь». *).

И факты давно уже взывали къ соотвѣтствующимъ мѣрамъ. Если земству по разнымъ причинамъ, часто отъ него независящимъ, до послѣдняго времени и не удалось осуществить ничего положительнаго въ этомъ смыслѣ, то не было зато недостатка въ различныхъ проектахъ рѣшенія вопроса, который, напримѣръ, въ елизаветградскомъ земскомъ собраніи сдѣлался предметомъ постояннаго обсужденія еще съ 1866 года, когда управа доложила собранію записку г. Бурхановскаго, предлагавшаго устроить при экономіяхъ эмеритуры для годовыхъ рабочихъ съ гарантіей и содѣйствіемъ земства **). Въ 1867 году тоже собраніе опять возвращается къ рабочему вопросу и постановляетъ возбудить ходатайство о введеніи обязательности договорной книжки (или другого замѣняющаго ее документа), о возложеніи на волостныя правленія наблюденія надъ тѣмъ, чтобы крестьяне не нанимались на работы, которыхъ не могутъ исполнить, и о посылкѣ мировыми посредниками неисправныхъ рабочихъ на публичныя работы ***).

Затѣмъ, въ послѣдующее время собраніе останавливалось на недостаткахъ процессуальныхъ законовъ с подсудности исковъ, вытекающихъ изъ договоровъ о наймѣ на сельскія работы, на переманиваніи рабочихъ, нуждающемся, будто, въ усиленной репрессіи,

*) Матеріалы для оцѣнки земель Херс. губ. Т. III, Александрійскій уѣздъ. 1888 г., стр. 225, 226.

**) Е. И. Борисовъ. Систематич. сводъ постановленій Елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1865—1895 г. Стр. 385.

***) Ibidem. Стр. 386.

на необходимости уравненія, по юридической силѣ, словесныхъ условій о наймѣ съ условіями, совершенными по договорному листу, на желательности удешевленія тарифовъ для проѣзда земледѣльческихъ рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ и мн. др. *).

Но сознаваемая всѣми южными земствами необходимость принятія положительныхъ мѣръ по рабочему вопросу, по разнымъ причинамъ, долго не приводила ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Сознаніе это болѣе реальное выраженіе получило лишь въ недавнее время въ дѣятельности херсонской губернской земской управы, создавшей блестящую организацію санитарнаго надзора надъ сельскохозяйственными работами. Организація эта, въ сравнительно недолгій періодъ своего существованія, помимо ближайшей, спеціально медицинской, задачи своей, собрала множество фактовъ, проливающихъ свѣтъ на наиболѣе существенныя и важныя стороны рабочаго вопроса. Собранные мѣстными санитарными врачами на лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ матеріалы, подробно раскрывающіе предъ нами условія, въ которыхъ находятся рабочіе какъ во время своихъ странствій, такъ и во время исполненія работъ во владѣльческихъ экономіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются до сихъ поръ единственнымъ источникомъ фактическихъ свѣдѣній, по которымъ можно судить о размѣрахъ движенія рабочихъ силъ къ рынкамъ найма въ Херсонскую губернію и вообще на югъ.

На санитарное значеніе нахожаго люда, лѣтомъ прибывающаго въ губернію громадными массами, главнымъ образомъ, на роль его въ распространеніи сифилиса, обращено было вниманіе херсонскаго земства еще въ 1875 году. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ съ очереди и не сходилъ. Выработанная въ 1889 году, по порученію губернской медицинской коммиссіи докторомъ Уваровымъ программа проектировала систему изслѣдованія, «улавливающую три фазы жизни сельскохозяйственныхъ рабочихъ: 1) рабочіе въ пути, 2) рабочіе на рынкѣ (мѣстѣ найма) и 3) рабочіе на мѣстѣ труда» **).

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ санитарнымъ врачамъ удалось выполнить только часть этой обширной программы. Къ XII херсонскому губернскому съѣзду врачей, имѣвшему мѣсто въ въ 1891 году, докторъ Н. И. Тезяковъ, съ одной стороны, путемъ спеціально произведенныхъ изслѣдованій рабочихъ на рынкахъ и въ нѣкоторыхъ экономіяхъ, съ другой стороны, путемъ обработки зарегистрированныхъ въ земскихъ амбулаторіяхъ свѣдѣній о болѣзненности сельскихъ рабочихъ, собралъ значительные матеріалы, которыми вполнѣ подтверждается, что «сельскохозяйственные рабочіе вообще, а пришлые изъ другихъ губерній въ особенности, при

*) Ibidem. Стр. 386—391.

**) Н. И. Тезяковъ. Сельскохозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи. 1886 г. Стр. 1 и 2.

настоящемъ санитарно-экономическихъ условіяхъ ихъ быта, не только служатъ благопріятною средою для развитія всякаго рода заболѣваній, но, при своей подвижности, являются разносчиками разныхъ болѣзней по губерніи» *). Однако, основанный на этихъ данныхъ докладъ, гдѣ докторомъ Тезяковымъ предлагаются практическія мѣры къ предупрежденію распространенія въ губерніи инфекціонныхъ болѣзней, съѣздомъ врачей, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, разсмотрѣнъ не былъ **). Но о судьбахъ санитарнаго дѣла позаботились голодъ, холера и тифъ... По предложенію земскаго санитарнаго врача, елизаветградскій комитетъ Краснаго Креста, желая, съ одной стороны, придти на помощь идущему изъ сѣверныхъ губерній голодному люду, съ другой—парализовать возможность заноса имъ сыпного тифа, въ февралѣ 1892 года постановилъ открыть, при содѣйствіи земства, амбулаторію и дешевую столовую на весеннее время для пришлыхъ рабочихъ. Въ мартѣ херсонская губернская управа обратилась въ уѣздныя земскія управы съ слѣдующими предложеніями относительно пришлыхъ рабочихъ: оказывать имъ безплатно медицинскую помощь, безплатно помѣщать въ земскія больницы заразныхъ больныхъ и, по возможности, производить осмотръ рабочихъ въ экономіяхъ, тотчасъ послѣ найма. Къ нѣкоторымъ городамъ губернскою управой обращена была просьба сдѣлать бараки или навѣсы для укрытія рабочихъ отъ непогоды, съ безплатною выдачей горячей воды, и взять на себя устройство народныхъ столовыхъ. Такъ возникли изоляціонные бараки, устроенные губернскимъ земствомъ въ Бобринцѣ, Вознесенскѣ и Березовкѣ, и двѣ дешевыя столовыя благотворительнаго Комитета Краснаго Креста на ст. Знаменкѣ и и въ г. Елизаветградѣ. Управленіе этого города отвело для столовой и амбулаторіи при ней большое каменное зданіе, а полиція приняла мѣры, чтобы рабочіе собирались исключительно вблизи столовой, куда должны были приглашаться и наниматели ***). Кромѣ Знаменки и Елизаветграда, надзоръ за рабочими былъ установленъ въ Бобринцѣ, Береславѣ, Херсонѣ и Каховкѣ. Къ стыду нѣкоторыхъ городовъ Херсонской губерніи нужно сказать, что они до сихъ поръ слишкомъ мало дѣлаютъ для облегченія участи рабочихъ, прибывающихъ наниматься. Такъ, напр., гор. Николаевъ съ обширнымъ полумилліоннымъ бюджетомъ не имѣетъ сносныхъ бараковъ, тогда какъ черезъ Николаевъ проходитъ масса нанимающихся ****). Мѣстомъ сбора рабочихъ служитъ здѣсь Сѣнная площадь, гдѣ зданіе для дешевой столовой и навѣсъ для пріюта рабочихъ устроены благотворительнымъ обществомъ. Благодаря срав-

*) Ibidem. Стр. 2.
**) Ibidem. Стр. 3.
***) Н. И. Тезяковъ, тамъ же, стр. 4 и 5.
****) Недѣля, № 28. 1897, стр. 891.

нительной дороговизнѣ обѣдовъ, ими пользуется небольшой процентъ прибывающихъ сюда рабочихъ. Санитарный надзоръ надъ пришлыми рабочими впервые возникъ здѣсь лишь въ 1895 году, лѣчебно-продовольственный пунктъ открытъ губернскимъ земствомъ совмѣстно съ городскою управой *).

Первые опыты вполнѣ удались и показали, что санитарный надзоръ за рабочими на базарахъ возможенъ и не требуетъ со стороны общественныхъ органовъ значительныхъ матеріальныхъ затратъ». При этомъ регистрація всѣхъ партій, впервые примѣненная въ Знаменскѣ и. Елизаветградѣ, не вызвала недоразумѣній, и если не была проведена достаточно полно, то по причинамъ недостатка медицинскаго персонала и необходимой опытности **) Наступившая вскорѣ холерная эпидемія снова сосредоточила вниманіе земства на организаціи медико-санитарнаго надзора за пришлыми рабочими. Благодаря помощи, оказанной Комитетомъ Наслѣдника Цесаревича ассигнованіемъ въ пособіе херсонскому земству 20 тысячъ рублей, открыто было четырнадцать продовольственныхъ пунктовъ на мѣстахъ нахожденія главнѣйшихъ рынковъ, куда скопляются пришлые рабочіе. Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ на всѣхъ пунктахъ велась тщательная регистрація рабочихъ на артельныя карты и особо на индивидуальныя карты обѣдающихъ (въ амбулаторіяхъ)». Въ амбулаторіяхъ при столовыхъ медицинская помощь оказана 11% общаго количества рабочихъ, бывшихъ на пунктахъ. При ненормально высокомъ коэффиціентѣ заболѣваемости вообще выдѣлились болѣзни заразныя и зависящія отъ недостаточнаго, если не сказать болѣе, и плохого питанія» ***).

Въ слѣдующемъ 1894 г., убѣжденная въ правильности избраннаго пути, губернская управа организовала надзоръ за рабочими въ 17 сборныхъ пунктахъ, изъ которыхъ въ 14-ти были открыты дешевыя столовыя и безплатныя амбулаторіи и въ трехъ только амбулаторіи, съ регистраціею проходящихъ партій на особыя карты. Въ помощь санитарнымъ врачамъ по завѣдыванію хозяйственной стороной учрежденій и производству регистраціи приглашены были медицинскіе студенты старшихъ курсовъ московскаго университета. За недостаткомъ персонала, зарегистрированы далеко не всѣ партіи, бывшія на рынкахъ найма; однако зарегистрировано 66 тысячъ рабочихъ; исключивъ отсюда тѣ партіи, которыя записаны на 2—3 пунктахъ, всетаки получается внушительная цифра въ 56,464 человѣкъ, находившихся подъ санитарнымъ надзоромъ ****).

Въ 1895 году, кромѣ усиленія персонала новой санитарной организаціи, губернской управой составлена была подробная инструк-

*) Н. И. Тезяковъ, о. с. стр. 60.
**) Н. И. Тезяковъ, о. с. Стр. 6.
***) Ibidem. Стр. 7 и 8.
****) Н. И. Тезяковъ, тамъ же, стр. 7 и 8.

ція для однообразнаго веденія дѣла на всѣхъ лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ, за 4 года существованія лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ произведена систематическая регистрація болѣе 150 тысячъ рабочихъ, медицинская помощь оказана слишкомъ 20 тысячамъ больныхъ, дешевыхъ обѣдовъ выдано болѣе 160 тысячъ порцій. Нѣкоторые рынки для найма обзавелись спеціально построенными зданіями для пріюта рабочихъ» *).

Неудивительно, что такая энергичная дѣятельность вскорѣ привлекла къ себѣ вниманіе и сочувствіе. Къ сожалѣнію, противъ санитарной организаціи, съ самаго начала ея дѣятельности, стали раздаваться жалобы; указывали будто мѣропріятія земства способствуютъ повышенію заработной платы, что открываемыя земствомъ столовыя окончательно облѣнятъ рабочихъ. При всей голословности, жалобы эти, повидимому, раздѣляются до извѣстной степени и нѣкоторыми уѣздными земствами Херсонской губерніи. Такъ, елизаветградское, ананьевское и тираспольское уѣздныя земскія собранія, высказываясь за постоянное существованіе лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ съ характеромъ не только санитарныхъ учрежденій, но и рабочихъ биржъ, отказались отъ устройства дешевыхъ столовыхъ изъ опасенія, что онѣ поведутъ къ еще большему повышенію цѣнъ на рабочія руки. Высказалось противъ дешевыхъ столовыхъ и херсонское уѣздное земское собраніе **). Совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло одесское земское собраніе, считающее одной изъ важнѣйшихъ обязанностей земства безплатное снабженіе пришлыхъ рабочихъ кровомъ, пищей, водой, необходимою чистотою и медицинскою помощью. «Устройство сельскохозяйственныхъ рынковъ,—докладывала въ 1894 году одесская управа одесскому земскому собранію—на которые стекаются тысячи рабочихъ въ ожидаданіи найма, должно составлять для земства предметъ заботы, истекающій изъ самыхъ элементарныхъ представленій о справедливости». Земское собраніе съ этимъ согласилось ***).

Здѣсь слѣдуетъ также указать на участливое отношеніе къ успѣху санитарнаго надзора надъ пришлыми рабочими и со стороны днѣпровскаго земства Таврической губерніи. На его средства въ мѣстечкѣ Каховкѣ, вошедшей въ районъ дѣятельности херсонской санитарной организаціи, устроены три балагана для амбулаторій, гдѣ медицинская помощь дается безплатно; тяжко больные принимаются въ мѣстную земскую лѣчебницу также безплатно; безвозмездно же лѣчебница снабжала ярмарочныя амбулаторіи лѣкарствами ****).

Херсонская губернская земская управа въ своемъ докладѣ собранію по поводу дешевыхъ столовыхъ для пришлыхъ рабочихъ

*) Н. И. Тезяковъ. Сельскохозяйственные рабочіе. Стр. 9.
**) Н. И. Тезяковъ. Стр. 11, 12 и 13.
***) Н. И Тезяковъ. Стр. 11, 12 и 13.
****) Ibidem. Стр. 63.

опровергаетъ близорукія жалобы землевладѣльцевъ на обусловливаемое существованіемъ безплатныхъ столовыхъ поднятіе цѣнъ на рабочія руки. Во первыхъ, дешевыя столовыя, группируя рабочихъ, самимъ нанимателемъ облегчаютъ отыскивать ихъ. Во вторыхъ, *дешевыя* столовыя—*не безплатныя*. Въ третьихъ, жалобы на дороговизну рабочихъ слышатся постоянно и тамъ, гдѣ дешевыхъ столовыхъ никогда не было, слѣдовательно, дѣло не въ нихъ.

«Нужно хотя немного сочувствія къ этой многомилліонной массѣ, гонимой постоянной нуждой за десятки, сотни верстъ въ поиски за работой, за кускомъ хлѣба, нужно видѣть, какое отчаяніе царитъ среди этой массы при слабомъ спросѣ на рабочія руки; нужно, наконецъ, взглянуть на цифры отчетовъ дешевыхъ столовыхъ, свидѣтельствующія о томъ, что большинство рабочихъ ими не пользуется, за неимѣніемъ за душею и тѣхъ пятаковъ, которые нужны для уплаты за обѣды,—чтобъ разъ на всегда умолкнуть съ подобными обвиненіями. Какъ ни сильно хохлацкое упрямсто, какъ ни обидно оставлять за собою такую массу зря потраченныхъ дней, какъ ни стыдно возвращаться домой съ пустыми руками, но многіе рабочіе идутъ домой, исходивъ уже всѣ базары, растративъ всѣ свои гроши и потерявъ всякую надежду гдѣ либо наняться... Не слѣдуетъ, конечно, закрывать глаза передъ фактами, гласящими, что рабочіе иногда дѣйствительно оставляютъ на произволъ экономіи, что въ нѣкоторыя хозяйства они даже избѣгаютъ наниматься, но это не потому, что есть на рынкахъ для рабочихъ дешевыя столовыя, а по совершенно инымъ мотивамъ» *).

Многія экономіи стараются возможно меньше расходовать на продовольствіе рабочихъ, которое въ среднемъ рѣдко превышаетъ 8 — 10 коп. въ сутки; наиболѣе частымъ поводомъ къ уходу рабочихъ изъ экономій являются плохіе харчи **).

Къ завѣдывающему лѣчебно-продовольственнымъ пунктомъ въ Голтѣ являлось болѣе десяти партій, ушедшихъ съ работы, не получивъ ни платы, ни паспортовъ и бросивши даже котомки; бѣглецы «выставляли причиной ухода и дурную пищу, и систематическія прижимки, и даже побои, направленные къ тому, чтобы рабочихъ заставить уйти, и, слѣдовательно, потерять право на заработанную плату»***). Въ нынѣшнемъ году съ наступленіемъ весны рабочіе огромными массами скопились на югѣ Екатеринославской губерніи и въ Крыму: благодаря этому, въ Каховкѣ во время Никольской ярмарки «плата рабочимъ на срокъ до Покрова не превышала 45 рублей, въ болѣе же сѣверныхъ пунктахъ края приходилось тогда же нанимать полнорабочихъ по 70 р., полурабочихъ по 50 и дѣвокъ по 40 руб. на тотъ же срокъ». Слухъ о высокихъ

*) Н. И. Тезяковъ. Сельскохозяйственные рабочіе. Стр. 13.
**) Н. И. Тезяковъ, тамъ же, стр. 92.
***) Н. И. Тезяковъ, стр. 66.

цѣнахъ въ сѣверной части Новороссіи не замедлилъ распространиться среди рабочихъ, которые двинулись изъ Каховки и Херсона на сѣверъ. Это движеніе тотчасъ же повліяло на уровень наемныхъ цѣнъ, которыя въ общемъ не превышали 55 р. рабочему и 34 р. дѣвкѣ на срокъ по 1-е октября. «Пониженію заработной платы не мало еще способствовали феноменальные ливни, шедшіе здѣсь въ теченіе всего мая, положившіе на землю много хлѣба и сверхъ того, послужившіе причиной сильной ржавчины не только на стебляхъ озимой пшеницы, но даже и на всѣхъ почти яровыхъ хлѣбахъ... Когда землевладѣльцы и арендаторы, нанявшіе рабочихъ по 70 руб., увидѣли, что они сдѣлали большой промахъ, то поспѣшили принять самыя энергичныя мѣры противъ дорого стоящихъ рабочихъ. Съ этою цѣлью были пущены въ ходъ—плохое содержаніе пришлаго люда, обремененіе его непосильной, почти двадцати-часовой работой и проч., когда же все это не помогло, тогда хозяева нѣмцы стали практиковать кулачную расправу съ рабочими, которые послѣ этого должны были уже поневолѣ бросить службу, оставляя даже заработанныя деньги въ рукахъ землевладѣльцевъ. Разговаривая недавно съ толпой такихъ «бѣглецовъ»,—продолжаетъ авторъ сообщенія,—мы узнали, что не только хозяева наниматели, но даже ихъ администрація щедро награждаетъ зуботычинами и заушеніями 70-ти рублевыхъ рабочихъ».

Во всякомъ случаѣ странно и со стороны землевладѣльцевъ даже неблагодарно жаловаться на дѣятельность санитарной организаціи и устраиваемыхъ ею столовыхъ. Прежде всего, благодаря все возрастающему наплыву рабочихъ, усиленному распространенію сельскохозяйственныхъ орудій и застою въ расширеніи посѣвовъ, цѣны на рабочія руки въ Херсонской губерніи систематически понижаются, и баснословныя цѣны на нихъ принадлежатъ уже къ области минувшаго *). Но дешевыя столовыя, оказывается, не менѣе полезны для нанимателей, чѣмъ для нанимаемыхъ, какъ это видно изъ любопытнаго сообщенія д-ра Трутовскаго. «Въ Березовку рабочіе пришли весною ко времени сѣнокоса, но, по случаю лившихъ тогда дождей, одни изъ хозяевъ не начинали косовицы, ожидая улучшенія травъ, другіе не могли приступить къ работамъ—мѣшалъ дождь. День или два ясныхъ—начинаютъ косить, затѣмъ дождь—и работа прекращается, рабочихъ отпускаютъ. Только немногія экономіи, взявъ рабочихъ, держали ихъ и въ дни, когда дожди препятствовали работѣ. Большинство же, особенно мелкіе землевладѣльцы, пробавлялись поденными, и разъ погода не позволяла работать—тотчасъ разсчитывали рабочихъ. Вслѣдствіе этого часть рабочихъ, не имѣя чѣмъ кормиться, ушла домой. Другая же часть, по заявленію самихъ рабочихъ, благодаря только столовой, которая въ кредитъ продовольствовала ихъ, осталась. Слѣдовательно,

---

*) Н. И. Тезяковъ, стр. 66, 67.

только благодаря столовой, рабочія руки были сохранены для мѣстнаго населенія. При хорошо поставленной регистраціи рабочихъ, въ столовыхъ Елизаветградскаго уѣзда во всякое время имѣлись вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ, только что прибывшихъ изъ тѣхъ или другихъ мѣстностей или же возвращающихся обратно, за отсутствіемъ спроса на рабочія руки въ болѣе южныхъ рынкахъ; отъ вновь прибывающихъ рабочихъ завѣдывающіе столовыми получали свѣдѣнія о количествѣ еще идущихъ партій. Съ другой стороны, въ столовыхъ группировались свѣдѣнія о количествѣ нанимаемыхъ рабочихъ и цѣнахъ на рабочія руки» *). Вообще, въ интересахъ нанимателей—обратить столовыя въ такихъ пунктахъ, какъ Раздѣльная, Бирзула, Березовка и пр., въ постоянныя учрежденія. Открываемыя теперь съ цѣлью предупрежденія заноса инфекціонныхъ болѣзней, столовыя въ будущемъ должны устраиваться для того, чтобы «дать рабочимъ до пріисканія работъ не только сухое помѣщеніе и дешевую пищу, но также, напримѣръ, и свѣдѣнія для руководства въ незнакомомъ краю». «Преслѣдованіе гуманныхъ и благотворительныхъ цѣлей, справедливо замѣчаетъ г. Гроссулъ-Толстой,—нисколько не исключаетъ достиженія вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлей утилитарныхъ, лишь бы только въ стремленіи къ послѣднимъ не проглядывала эксплуатація ближняго. Земство, оказывая благотвореніе рабочимъ въ видѣ устройства для нихъ центральныхъ помѣщеній для ночлега и отдыха, съ дешевою пищей, можетъ имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ и практическую цѣль устроить такія мѣста для скопленія рабочихъ, гдѣ землевладѣльцы, нуждающіеся въ рабочей силѣ, могли бы всегда удовлетворить свои требованія» **). И въ настоящее время лѣчебно-продовольственные пункты, дѣйствительно, являются въ высшей степени полезнымъ суррогатомъ рабочихъ бюро, хотя этимъ ихъ роль далеко не исчерпывается. Бѣглаго взгляда на вопросные пункты, внесенные въ регистраціонныя карты, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ громадномъ значеніи статистическаго матеріала, собираемаго херсонскими санитарными врачами. Не касаясь имѣющей спеціальный характеръ регистраціи больныхъ, скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи «карты партіи рабочихъ», «личной или особой карточки» и «карты для регистраціи экономическихъ рабочихъ». Въ первую изъ нихъ заносятся свѣдѣнія о величинѣ партіи, о числѣ въ ней мужчинъ и женщинъ, о ихъ семейномъ положеніи, званіи, мѣстожительствѣ, времени выхода изъ дому и др., а также о причинахъ, понуждающихъ къ уходу на заработки (безземелье, малоземелье, избытокъ въ семьѣ рабочихъ рукъ, обремененіе недоимками и дол-

*) Н. И. Тезяковъ. Организація санитарнаго надзора надъ пришлыми сельскохозяйственными рабочими въ Херсонской губ. Херсонъ. 1894 г. стр. 21.

**) Н. Тезяковъ, о. с. Стр. 21.

гами, недостаточность заработка на мѣстѣ, плохой урожай), о размѣрѣ земельнаго надѣла. На особой карточкѣ для каждаго отдѣльнаго рабочаго обозначается, между прочимъ, откуда и когда рабочій пришелъ, который разъ онъ въ данной мѣстности, условія передвиженія и питанія въ пути и мн. др. Карта для регистраціи экономическихъ рабочихъ даетъ, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ, состоитъ ли опрашиваемый годовымъ, сроковымъ или поденнымъ рабочимъ въ экономіи, давно ли въ ней находится, принадлежитъ ли къ разряду рабочихъ полу-рабочихъ или четверть-рабочихъ и др.

Надо замѣтить, что успѣшное веденіе регистраціи въ значительной мѣрѣ обусловлено существованіемъ столовыхъ, какъ притягательныхъ центровъ для рабочихъ массъ. Только устройство столовыхъ дало возможность въ Елизаветградскомъ уѣздѣ точно опредѣлить число всѣхъ рабочихъ, явившихся для найма на базары. Вотъ, для примѣра, какъ велось дѣло въ г. Елизаветградѣ. Каменное зданіе, находящееся близь вокзала на ярмарочной площади, представляетъ собою большихъ размѣровъ казарму, въ которой помѣщается: амбулаторія съ квартирой для фельдшера, пріютъ съ нарами для 80 человѣкъ, столовая и кухня. Хозяйствомъ завѣдываютъ члены санитарно-исполнительной коммиссіи, амбулаторіей—санитарный врачъ. При амбулаторіи постоянно находится фельдшеръ, опрашивающій и регистрирующій *всѣхъ* вновь приходящихъ рабочихъ; при большомъ наплывѣ, къ нему временно прикомандировывается другой фельдшеръ. Кухонный персоналъ состоитъ изъ эконома и повара. Для наблюденія за порядкомъ около столовой дежуритъ полицейскій, сообщающій фельдшеру о вновь прибывающихъ партіяхъ. Выдачей обѣдовъ—цѣною въ 5 коп., 3 и 2 коп.—завѣдуютъ особые дежурные. Въ дежурствѣ принимаетъ горячее участіе и мѣстная интеллигентная молодежь. Каждый желающій обѣдать предварительно опрашивается и заносится на особую карточку, на оборотѣ которой отмѣчается сумма, уплаченная за обѣдъ, отпускаемый экономомъ по предъявленіи карточки. «За два года опыта такая регистрація вполнѣ установилась, рабочіе уже достаточно освоились съ нею и безъ боязни отвѣчаютъ на всѣ вопросы» *). Съ теченіемъ времени рабочіе настолько привыкли къ регистраціи и къ записямъ стали относиться настолько серьезно, что «по наймѣ не уходили съ пункта, пока фельдшеръ не запишетъ, куда, сколько, за какую плату и на какое время нанялись. Въ этомъ отношеніи собранъ очень цѣнный матеріалъ елизаветградскою столовою, который при разработкѣ освѣтитъ многія стороны нашей злобы дня—рабочаго вопроса» **).

Это крупный успѣхъ. Извѣстно, съ какимъ боязливымъ недо-

*) Н. И. Тезяковъ. Организація санитарнаго надзора надъ пришлыми сельскохозяйственными рабочими. Стр. 14.

**) Н. И. Тезяковъ, о. с, Стр. 21 и 22.

вѣріемъ,—имѣющимъ, конечно, свои основанія и исторически легко объяснимымъ,—народъ нашъ относится ко всякимъ опросамъ. Собираніе статистическихъ свѣдѣній требуетъ не только значительнаго такта со стороны опрашивающаго, но еще и отсутствія условій, способныхъ въ опрашиваемыхъ пробудить исконную подозрительность. Но чувство это всегда просыпается, когда начинаютъ отбирать показанія объ имени, отчествѣ, званіи и заработкѣ—о такихъ вещахъ, которыя «по человѣчеству» постороннихъ людей интересовать не должны и значеніе могутъ имѣть либо фискальное, либо полицейско-сыскное... Любопытные въ этомъ смыслѣ факты приводятся Н. П. Ползыковымъ, изслѣдовавшимъ отхожіе промыслы между Харьковомъ и Таганрогомъ въ маѣ 1886 г. по порученію харьковскаго статистическаго комитета. Изслѣдованіе производилось въ вагонахъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, въ которыхъ ѣхали рабочіе. Г. Ползыковъ натолкнулся на два случая, когда, отвѣтивши ему на всѣ вопросы, сказать имя, отчество и фамилію вопрошаемые отказались наотрѣзъ. Пугаетъ новизна дѣла. Въ каждомъ вагонѣ при началѣ опроса люди слушаютъ съ недоумѣніемъ и, послѣ небольшого колебанія, рѣшаются спросить: Что это значитъ,—столько лѣтъ они ѣздятъ на заработки, но никогда ни о чемъ ихъ никто не разспрашивалъ, а вдругъ интересуются мельчайшими подробностями ихъ путешествія. Одинъ изъ отказавшихся назвать фамилію, парень лѣтъ 22-хъ, очень энергично обратился къ товарищамъ со словами: «Ребята! Не говори, какъ звать, чтобъ чего не было, больно уже онъ много знать хочетъ; одно слово, не говори да и только» *). И въ Херсонской губерніи, при производившейся на лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ регистраціи, на первыхъ порахъ, по свидѣтельству г. Гроссулъ-Толстого, «рабочіе пугались записей, полагая, что послѣднія дѣлаются затѣмъ, чтобы съ нихъ взыскивать расходы. Къ записямъ безъ фамилій рабочіе относились болѣе довѣрчиво» **).

Зарегистрированные отвѣты, непосредственно полученные отъ десятковъ тысячъ рабочихъ на лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ, не могутъ не составить драгоцѣннаго матеріала, вліяніе котораго должно сказаться не только на теоретическомъ изученіи многихъ важнѣйшихъ вопросовъ экономической жизни страны, но и на практической ихъ постановкѣ. Въ недолгій періодъ своего существованія, херсонская санитарная организація не успѣла еще выработать регистраціонныя карты съ строго опредѣленнымъ содержаніемъ, и вопросные пункты, съ несомнѣнною пользой для дѣла, могли бы быть значительно расширены и дополнены, но не

*) Отчетъ объ изслѣдованіи отхожаго промысла между Харьковомъ и Таганрогомъ. Харьковъ. 1882 г. Стр. 12 и 13.

**) Н. И. Тезяковъ. Организація санитарнаго надзора надъ пришлыми рабочими. Стр. 13.

слѣдуетъ забывать какъ новизны дѣла, такъ и того факта, что *санитарная* организація и не могла задаваться особенно широкой и во всѣхъ своихъ деталяхъ разработанной *экономической* программой. Общее впечатлѣніе, выносимое изъ знакомства съ работами херсонской санитарной организаціи по надзору и наблюденію за пришлыми въ губернію сельскохозяйственными рабочими это то, что предоставленная исключительно собственнымъ силамъ и въ самомъ веденіи дѣла не встрѣтившая столь естественной въ данномъ случаѣ поддержки со стороны представителей земской статистики *) организація, тѣмъ не менѣе, успѣла сдѣлать чрезвычайно много, чуть ли не больше, чѣмъ могла...

Говоря о дѣятельности херсонскаго земства по рабочему вопросу, нельзя не остановиться въ частности и на вопросѣ о предупрежденіи несчастій съ рабочими, происходящихъ отъ сельскохозяйственныхъ машинъ и другихъ земледѣльческихъ орудій. Быстрое распространеніе въ черноземномъ районѣ и особенно на югѣ Россіи всевозможныхъ машинъ и орудій, увеличивающееся съ каждымъ годомъ участіе въ сельскохозяйственныхъ промыслахъ женщинъ и дѣтей—все это чрезвычайно обостряетъ вопросъ о мѣрахъ противъ травматическихъ поврежденій въ средѣ земледѣльческихъ рабочихъ и дѣлаетъ его безусловно неотложнымъ. Но успѣшная борьба съ этимъ зломъ, очевидно, доступна одному лишь правительству, которое, несомнѣнно, могло бы сильно повліять на него изданіемъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ законовъ. Дѣйствующія общія узаконенія и 46 статья Положенія о наймѣ на сельскія работы, во всякомъ случаѣ, фактически являются слишкомъ ничтожной гарантіей земледѣльческихъ рабочихъ отъ столь часто случающихся съ ними несчастій во время производства сельскохозяйственныхъ работъ. Такое положеніе дѣла побудило, наконецъ, земства возвысить свой голосъ въ защиту здоровья и жизни рабочихъ. Земскимъ врачамъ принадлежитъ здѣсь иниціатива. Регистрація многочисленныхъ случаевъ травматическихъ поврежденій по Екатеринославской и Херсонской губерніямъ доставила значительный матеріалъ, обнаружившій всю громадность того зла, которое происходитъ отъ отсутствія обязательныхъ правилъ о недопущеніи къ работамъ при сельскохозяйственныхъ машинахъ малолѣтнихъ и неопытныхъ рабочихъ и о снабженіи машинъ предохранительными приспособленіями. Вопросъ объ обязательности для заводовъ, приготовляющихъ конныя косилки, дѣлать сидѣнія глубже и снабжать ихъ поручнями изъ круглаго желѣза, чтобы погонщикъ имѣлъ возможность свободнѣе держаться въ сидѣньи при движеніи косилки, возбужденъ былъ, по предложенію доктора Синицкаго, бердянскимъ земскимъ собраніемъ. Съ мнѣніемъ этимъ согласилось таврическое губернское земство и возбудило ходатайство о томъ, чтобы къ употребленію

*) См. Сборникъ Херсонскаго Земства № 6, 1897 г. Стр. 164.

допущены были косилки одной лишь указанной конструкціи. Губернскій съѣздъ екатеринославскихъ врачей, на основаніи доклада, сдѣланнаго докторомъ Сочинскимъ, поднялъ въ маѣ 1895 г. вопросъ объ изданіи обязательныхъ постановленій, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ: a) какъ приводный валъ, такъ и нѣкоторыя другія части машины должны быть хорошо защищены досками; b) къ работамъ при машинахъ не должны допускаться малолѣтніе; c) никакая работа на молотилкѣ вечеромъ послѣ захода солнца не должна производиться и пр. Въ докладѣ своемъ ананьевскому съѣзду врачей въ 1894 году докторъ И. П. Волоховъ настаивалъ на обязательномъ примѣненіи при молотилкахъ защитительныхъ приспособленій, вродѣ предохранительнаго барабаннаго щита, и патентованнаго предохранительнаго самодѣйствующаго аппарата для снабженія барабана снопами, и предлагалъ ходатайствовать: a) объ установленіи болѣе точной регистраціи поврежденій машинами; b) о приведеніи въ извѣстность чрезъ подлежащія учрежденія или черезъ посредство близкихъ къ сельскому хозяйству лицъ числа машинъ съ приспособленіями или безъ нихъ, а также, по возможности, общаго числа несчастныхъ случаевъ въ отдѣльности по каждой работающей машинѣ; c) о признаніи обязательными предохранительныхъ приспособленій на всѣхъ молотильныхъ машинахъ, работающихъ въ деревняхъ. 13-й херсонскій губернскій съѣздъ врачей, обсуждавшій, между прочимъ, и вопросъ о предупрежденіи несчастій съ рабочими отъ земледѣльческихъ машинъ, принялъ слѣдующія положенія:

a) Губернское земство должно издать обязательныя постановленія, воспрещающія употребленіе машинъ безъ надлежащихъ защитительныхъ приспособленій; составленіе соотвѣтствующаго проекта возлагается на особую коммиссію по выбору губернскаго съѣзда врачей.

b) Рабочіе, получившіе увѣчья отъ машинныхъ поврежденій, должны имѣть право на обезпеченіе. Въ случаѣ увѣчья по винѣ хозяина машины потерпѣвшій обезпечивается за счетъ послѣдняго. Вопросъ о страхованіи сельскихъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и разработки.

c) Всѣ травматическія поврежденія отъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій должны самымъ тщательнымъ образомъ регистрироваться на особыя карты. Матеріалъ этотъ долженъ ежегодно разрабатываться и публиковаться.

«Такимъ образомъ, по иниціативѣ врачей во многихъ южныхъ земствахъ серьезно поставленъ вопросъ о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ къ уменьшенію несчастныхъ случаевъ среди сельскихъ рабочихъ» *). Большаго земство и не могло сдѣлать въ этой области,

*) Н. И. Тезяковъ. «Объ огражденіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ отъ поврежденія сельскохозяйственными орудіями». Вѣстникъ обществ.

такъ какъ изданіе соотвѣтствующихъ обязательныхъ правилъ находится внѣ предѣловъ его компетенціи.

Остается сожалѣть, что дѣятельность санитарной организаціи херсонскаго губернскаго земства по надзору за пришлыми рабочими является у насъ полнымъ исключеніемъ. Правда, кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ принимаются нѣкоторыя мѣры для улучшенія положенія пришлыхъ рабочихъ, но мѣры эти являются слишкомъ отрывочными, совсѣмъ несистематизированными. Можно указать на чайную, устроенную мѣстнымъ благотворительнымъ обществомъ въ слободѣ Покровской, Саратовской губерніи, на столовую и чайную, открытыя въ Сызрани *), на два барака, при которыхъ состоитъ безплатно подающій медицинскую помощь санитарный врачъ, въ Ейскѣ, главномъ рынкѣ труда на Кубанщинѣ **). Но все это представляется слишкомъ недостаточнымъ, по сравненію съ потребностями милліоновъ рабочаго люда, стихійно бредущаго въ поискахъ заработка отъ одного рынка къ другому. Такъ, въ Ростовѣ,—куда весною и лѣтомъ чуть ли не ежедневно длинные поѣзда, подвигающіеся черепашьимъ шагомъ, въ товарныхъ вагонахъ, биткомъ набитыхъ задыхающимися въ этихъ душныхъ коробкахъ людьми, подвозятъ рабочихъ цѣлыми тысячами,—кромѣ небольшой столовой и чайной благотворительнаго общества, имѣется только одинъ баракъ на 1000 человѣкъ, и громадная масса народу вынуждена во всякую погоду располагаться на Сѣнной площади, особенно въ праздничные дни кишащей скитальцами, изъ которыхъ многіе приходятъ на заработки съ женами и дѣтьми. На станціяхъ, гдѣ помѣщеніе третьяго класса для рабочихъ, какъ пассажировъ четвертаго класса, закрыты, послѣднимъ опять приходится оставаться подъ открытымъ небомъ. Особенно большія неудобства рабочіе встрѣчаютъ на станціяхъ Крыловской и Тихорѣцкой и вообще на узловыхъ. ***),

Въ такихъ же условіяхъ находятся пришлые рабочіе и въ низовьяхъ Волги ****).

Въ самое послѣднее время стала замѣтно выдѣляться дѣятельность санитарно-эпидемической организаціи самарскаго губернскаго земства, во многомъ напоминающая образцовую дѣятельность херсонской санитарной организаціи. Частыя эпидеміи въ губерніи давно уже обратили вниманіе самарскаго земства на значеніе пришлыхъ

гигіены, судебной и практической медицины. Т. XXXI—кн. 2-я. Августъ 1896 г. Стр. 98—100.

*) Н. Пономаревъ. О передвиженіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, направляющихся въ юго-восточныя мѣстности Россіи. «Сельское Хозяйство», № 2, 1896 г.

**) А. Бѣлобородовъ. Пришлые рабочіе на Кубанщинѣ. Сѣверн. Вѣстн. № 2, 1896 г.

***) Приазовскій край. № 152—187.

****) См. «Биржевыя Вѣдомости», № 187—1897 (второе изданіе).

рабочихъ въ распространеніи заразныхъ болѣзней. Тревожные слухи о чумѣ и вызванныя ими опасенія побудили губернскую земскую управу къ сформированію особаго временнаго персонала съ возложеніемъ на него специальнынъ обязанностей. Персоналъ этотъ образованъ изъ трехъ отрядовъ врачебныхъ и двухъ отрядовъ студенческихъ, снабженныхъ медикаментами и извѣстнымъ образомъ распредѣленныхъ по губерніи. Особенно важное значеніе придано нѣкоторымъ пунктамъ Новоузенскаго, Николаевскаго и Бузулукскаго уѣздовъ, расположеннымъ на границѣ губерній Астраханской и Оренбургской и области Уральской *). «Дѣятельность каждаго отряда должна заключаться въ веденіи амбулаторіи на пунктѣ пребыванія и при разъѣздахъ, въ борьбѣ съ эпидеміями, въ случаѣ ихъ появленія, и въ санитарномъ надзорѣ за пришлыми рабочими, который долженъ выразиться въ подачѣ медицинской помощи рабочимъ на пунктѣ ихъ наемки, а также и на хуторахъ, экономіяхъ». Въ параллель съ этой основной задачей, на временный персоналъ возлагается предварительное изслѣдованіе санитарнаго положенія пришлыхъ рабочихъ по программамъ, пріуроченнымъ къ пунктамъ наемки и экономіямъ. Самая регистрація производится по карточной системѣ, путемъ занесенія свѣдѣній на особыя карты **). Одновременно съ обязанностями по веденію амбулаторій, санитарно-эпидемическій персоналъ долженъ обращать особенное вниманіе на пришлое населеніе. Въ этихъ цѣляхъ систематически ведется наблюденіе надъ пришлымъ населеніемъ въ мѣстахъ, гдѣ происходитъ наемъ, и на мѣстахъ приложенія труда. Въ помощь врачамъ приглашаются выпускные студенты. Обязанный придерживаться данной программы, персоналъ этотъ не лишается, однако, права расширять ее по собственной иниціативѣ. «По порученію санитарнаго бюро губернской земской управы, врачи и выпускные студенты, подъ руководствомъ врачей, занимаются также спеціальными изслѣдованіями по программамъ, предложенными санитарнымъ бюро». ***) Всѣ зарегистрированные факты подвергаются систематической сводкѣ и въ обработанномъ видѣ, при подробномъ отчетѣ, представляются въ губернскую земскую управу ****).

Программа предварительнаго изслѣдованія санитарнаго положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, временно пришедшихъ въ Самарскую губернію, между прочимъ, содержитъ и слѣдующіе вопросы.

Описаніе пунктовъ найма: главные хутора, число рабочихъ, прибывающихъ на рынки найма, ихъ родина.

Когда и какъ происходитъ наемъ на полевыя работы: на какіе сроки совершается наемъ и т. п.

---

*) Врачебная хроника Самарской губерніи, № 4, 1897 г. Стр. 65 и 66.
**) Ibidem, стр. 66 и 67.
***) Врачебная Хроника Самарской губ. № 4, 1897 г. Стр. 67 и 68.
****) Ibidem. Стр. 69.

Гдѣ располагается пришлый народъ въ ожиданіи найма: за селомъ въ полѣ, или въ избахъ или на площади; имѣются ли бараки или навѣсы для пріюта рабочихъ; въ противномъ случаѣ, какъ располагаются рабочіе: подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, или въ палаткахъ, или на возахъ.

Способъ передвиженія: какъ народъ прибываетъ изъ мѣста постояннаго жительства—пѣшкомъ, на подводахъ, пароходахъ, по жел. дорогѣ.

Какъ организуются пришлые рабочіе въ партіи для найма, и гдѣ это происходитъ—на родинѣ, въ пути, на мѣстѣ наемки; условія поступленія въ партію въ зависимости отъ возраста, пола, семейнаго положенія, народности, условія продовольствія такихъ партій въ пути и на мѣстѣ работы.

Отхожіе рабочіе, прибывающіе на промыслы цѣлыми семьями: число и составъ этихъ семействъ—по возрасту и полу.

Имущественное положеніе пришлыхъ рабочихъ на мѣстѣ найма и на работѣ.

Условія питанія рабочихъ.

Болѣзненность ихъ: вліяніе спеціальныхъ условій, которыми обставлены рабочіе и др.

Въ програму включается также собираніе свѣдѣній о трактахъ и дорогахъ, по которымъ происходитъ движеніе пришлыхъ рабочихъ на работы и обратно домой.

Что касается положенія рабочихъ на мѣстахъ приложенія труда, то для изслѣдованія его выработана такая программа: Экономіи, требующія рабочихъ въ значительномъ количествѣ; число постоянныхъ и временныхъ рабочихъ на хуторахъ. Перечисленіе хуторовъ, имѣющихъ бараки или казармы для постоянныхъ и временныхъ рабочихъ; гдѣ живутъ рабочіе въ теченіе недѣли, въ полѣ только или также на хуторахъ; на хуторѣ или въ полѣ происходитъ ночевка, завтракъ, обѣдъ и ужинъ рабочихъ. Распредѣленіе рабочаго дня: рабочіе часы, часы отдыха, время ѣды. Имѣется ли въ полѣ для рабочихъ кровъ отъ зноя и дождя въ видѣ палатокъ; каковы эти палатки, и кому принадлежатъ онѣ.—Какъ продовольствуются рабочіе: качественный и количественный составъ пищи, число ежедневныхъ кормежекъ, насколько широко и въ какихъ хуторахъ рабочимъ предлагаются мясо и рыба. Санитарное положеніе рабочихъ помѣщеній.

Выполненіе приведенной программы и особенно той ея части, которая касается положенія рабочихъ въ экономіяхъ, санитарному персоналу предлагается возможно болѣе индивидуализировать по отдѣльнымъ хуторамъ *).

Заканчивая нашъ очеркъ, замѣтимъ въ заключеніе, что срав-

---

*) Врачебная Хроника Самарской губ. № 4 1897. Стр. 69—73.

нительно съ тѣмъ, что для пришлыхъ рабочихъ предстоитъ еще сдѣлать, сдѣланное уже представляется крайне ничтожнымъ.

Е. Варбъ.

Англійскій театръ.

(Письмо изъ Англіи).

I.

— Скажите, пожалуйста, есть ли въ современной Англіи драматурги, up-to-date, какъ вы ихъ называете?—помнится, предложилъ я вопросъ знакомому англичанину, когда я только что пріѣхалъ. Англичанинъ былъ изъ того типа, который вообще встрѣчается въ «bording-hous'»ахъ: въ политикѣ большой шовинистъ, твердо и неукоснительно увѣренный, что «England's soldiers of the Queen», рано или поздно, обратятъ весь міръ въ провинцію Британской имперіи; считающій лорда Салисбюри величайшимъ мудрецомъ, какого только создавалъ свѣтъ; благоговѣющій передъ богатствомъ; глубоко презирающій «mob», т. е. народъ и вождей его; за обѣдомъ забавляющій дамъ анекдотами изъ жизни «знаменитыхъ людей», т. е. лорда Сутерленда, герцога Норфолькскаго и т. д. Типъ, нужно признаться, не особенно интересный для иностранца. Мой знакомый крайне былъ удивленъ моимъ вопросомъ.

— Конечно, есть! И какіе талантливые! Джильберъ, Барнаръ, Джорджъ Симсъ, Вильсъ, Генри Джонсъ, Гранди, Гамильтонъ и много другихъ. Да, англійская сцена не оскудѣла талантами. Она, какъ всегда, впереди всѣхъ,—горделиво закончилъ собесѣдникъ.

Признаться, тогда я былъ нѣсколько сконфуженъ. Мнѣ казалось, что я знакомъ порядочно съ англійской литературой, между тѣмъ, изъ перечисленнаго цѣлаго десятка «талантовъ» я не зналъ ни одного. Впослѣдствіи лишь мое смущеніе разсѣялось, когда мнѣ пришлось встрѣчаться съ профессіональными англійскими журналистами, которые удивленно поднимали брови, слыша имена Гранди, Генри Джонса и др. Если возможно сочетаніе понятій «неизвѣстная знаменитость», то именно это опредѣленіе слѣдуетъ примѣнить къ современнымъ англійскимъ драматургамъ. Съ одной стороны, у нихъ есть все, что дается «славой»: ихъ имена кричитъ громко апплодирующая толпа, пьесы имъ доставляютъ огромныя состоянія. И, въ то же время, въ литературѣ ихъ имена или совсѣмъ неизвѣстны, или же ассоціируются съ какимъ нибудь скан-

аломъ. Въ первую голову современныхъ англійскихъ драматурговъ слѣдуетъ поставить Джильбера. Антрепренеры за нимъ гонятся съ широко раскрытыми кошельками: бери сколько хочешь, только пиши; его фарсы выдерживаютъ 500 представленій подрядъ. Между тѣмъ, въ литературѣ внѣ сцены онъ извѣстенъ лишь сборникомъ комическихъ балладъ. Въ нихъ «комизмъ» заключается, главнымъ образомъ, въ буффонствѣ. Чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе о сборникѣ, я возьму одну наиболѣе популярную балладу, распѣваемую во всѣхъ Music-halls, о которыхъ далѣе. Пѣсня называется: «Человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

«Въ году 18.., а далѣе вамъ и знать не зачѣмъ, жилъ старый, высохшій хрычъ, извѣстный подъ кличкой: «человѣкъ съ эксцентричными понятіями». Онъ спалъ всегда на спинкѣ кровати, а подъ одѣяло въ постель пряталъ сапоги. Прежде, чѣмъ раздѣться, онъ внимательно осматривалъ всѣ складки матраса: нѣтъ ли тамъ клоповъ и женщинъ. Чтобы не изнашивать башмаковъ, онъ ходилъ всегда на рукахъ; въ редискѣ ѣлъ одну зеленую ботву, а корешки отбрасывалъ прочь. Свой обѣдъ всегда носилъ въ шляпѣ; когда же былъ адмиральскій часъ, заворачивалъ губы кверху и нахлобучивалъ шляпу по самую шею. Зубы онъ чистилъ купленной по случаю старой метлой, а подъ подбородкомъ развелъ грибы. Онъ подписывалъ чеки бородавкой. Таковъ былъ «человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

«Онъ ѣлъ лишь одну требуху, курилъ газету, читалъ лишь трубку, а носъ утиралъ каминными щипцами. Таковъ былъ человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

Перечисленіе дѣяній «эксцентричнаго человѣка» очень длинно, поэтому я приведу изъ баллады лишь конецъ, гдѣ описывается смерть героя.

«Онъ пошелъ побриться къ куаферу; бритва скользнула и снесла ему носъ. Старый хрычъ схватилъ его и быстро приставилъ; но увы! наоборотъ, ноздрями вверхъ. Когда джентельменъ возвращался домой, пошелъ сильный дождь, и носъ наполнился водой до самаго края. Наступило наводненіе, а герой не умѣлъ плавать; напрасно онъ кричалъ о помощи и молилъ подать лодку. Дождь усилился и залилъ мозгъ. Такъ утонулъ въ своемъ собственномъ носу человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

Эта баллада можетъ дать представленіе не только о всемъ сборникѣ, но и вообще о комическихъ пѣсняхъ, пользующихся такою любовью всей Англіи. Послѣ изданія сборника своего, Джильберъ всецѣло посвятилъ себя сценѣ. О нѣкоторыхъ фарсахъ, написанныхъ имъ, я буду говорить дальше. Вторая современная знаменитость, Бариаръ, прежде, чѣмъ сталъ драматургомъ, сотрудничалъ въ мелкихъ юмористическихъ журнальчикахъ. Онъ издалъ книжку «Happy Thoughts», составленную изъ ряда буффонныхъ набросковъ. Послѣдніе—въ духѣ «человѣка съ эксцентричными

понятіями», только написаны прозой, а не въ стихахъ. Кромѣ «Happy Thoughts», Барнаръ написалъ еще рядъ пародій на романы Уйда, не безъизвѣстной и у насъ въ Россіи писательницы. Нѣкоторыя изъ этихъ пародій, какъ, напримѣръ, «Strapmore», «By Weeder» и др. очень забавны. Но юмористъ не имѣетъ никакой цѣли, вышучивая романы. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы вышло «funny» (потѣшно). Тутъ шутовство ради шутовства. Такую литературу еще, кажется, Лессингъ опредѣлилъ: «Witz und Witz auf Nichts gegründet». То же самое можно сказать о Джорджѣ Симсѣ, который раньше сцены дебютировалъ забавнымъ дневникомъ горничной («Mary Jane's Memoirs»). Комизмъ заключается въ наивномъ тонѣ горничной, описывающей совсѣмъ не наивныя вещи. «Мемуары Мэри Джэнъ» до сихъ поръ составляютъ любимое чтеніе той публики, для которой издаются такіе журналы, какъ «Tit-Rits», «Auswers», «Pelican», «Golden Penny» и др. Современный «знаменитый» драматургъ Вильсъ написалъ цѣлый рядъ сенсаціонныхъ романовъ съ мѣстами дѣйствія то въ Андахъ, то въ Центральной Африкѣ, то на Фиджіевыхъ островахъ. Я помню лишь одинъ эпизодъ изъ этой безконечной литературы. Герои взбираются на недоступную вершину Андовъ, и тамъ ихъ аттакуетъ цѣлая армія... пауковъ. Армія эта длиною въ милю и столько же имѣетъ въ ширину. Три героя заѣдены пауками, а четвертый—спасенъ... арміей крысъ, вѣковѣчныхъ враговъ пауковъ на этихъ вершинахъ. Я забылъ заглавіе романа; но помню, что прочелъ его въ лучшемъ семейномъ англійскомъ журналѣ, въ «Windsor Magazine». Любимые герои Вильса, какъ и цѣлой фаланги другихъ современныхъ англійскихъ романистовъ, пишущихъ для «слугъ Господина Купона»—сыщики, искатели приключеній и пр. Такого рода романы серьезная англійская критика опредѣляетъ очень остроумно: «въ нихъ нѣтъ спинного хребта» (the are lacking in backbone). Дѣйствительно, отсутствіе «хребта», основной идеи, дѣлаетъ произведеніе подобнымъ какому-то слизняку.

Я перечислилъ драматурговъ, которые что-то писали, пока очутились присяжными поставщиками современныхъ театровъ; авторовъ, имя которыхъ можно найти не только на театральныхъ афишахъ. Присоединю сюда еще Генри Джонса, который года три назадъ выступилъ съ проектомъ... соединить церковную проповѣдь со сценой. Видите-ли, англійскіе проповѣдники издревле славятся своими снотворными способностями. Славу эту они съ честью поддерживаютъ до сихъ поръ. Вотъ Джонсъ и предложилъ написать такую драму, въ которой были бы проповѣди. Предполагалось, конечно, что публика не заснетъ на представленіи ихъ въ театрѣ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ знаменитостей драматурговъ, какъ Гранди, Гамильтонъ, Пайнеро и др., имена которыхъ совершенно неизвѣстны внѣ предѣловъ театра. Недавно умершій Гаррисъ, которому сцена дала званіе баронета, деньги, извѣстность и пр.,

кромѣ мелодрамъ, писалъ лишь поздравительные стихи для рождественскихъ карточекъ. Популярный драматургъ Бахананъ внѣ сцены хорошо извѣстенъ развѣ тѣмъ, которыхъ несчастная обязанность заставляетъ читать присылаемыя въ редакціи рукописи. Онъ—авторъ непризнанныхъ поэмъ и отвергнутыхъ романовъ, навѣки похороненныхъ въ редакціонныхъ корзинахъ. Достойно замѣчанія, что драмы Баханана необыкновенно изобильны убійствами, простыми и квалифицированными. Въ каждомъ актѣ кого нибудь убиваютъ. Можно подумать, что авторъ хочетъ отомстить такимъ образомъ неблагодарному человѣчеству, не оцѣнившему по достоинству романовъ и поэмъ писателя.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ современные знаменитые драматическіе писатели или десятистепенные таланты въ другихъ областяхъ литературы, какъ Джильберъ, какъ Барнаръ, какъ Симсъ; или же пошли на сцену, потому что потерпѣли крушеніе, какъ романисты или поэты; потому что всѣ другіе литературные пути имъ были заказаны. Таковы Гранди, Гамильтонъ и др. Мнѣ припоминается совершенно англійское сравненіе, сдѣланное однимъ журналистомъ относительно современныхъ драматурговъ: — They turn to the stage just as the horses that do not possess a distinguishing turn of speed are turned to steeplechasing (Драматическіе писатели попадаютъ на сцену точно такъ, какъ попадаютъ на стиплчезъ скаковыя лошади, которыя не обладаютъ достаточно быстрымъ аллюромъ).

II.

Посмотримъ, однако, каковы на «стиплчезѣ» тѣ, которые оказались негодными, какъ «рысаки», Быть можетъ, тутъ-то они и развернули свой талантъ. Вѣдь, если Гоголь былъ геніальнымъ юмористомъ и, въ то же время, великимъ драматическимъ писателемъ, то Мольеръ, насколько извѣстно, не писалъ ничего, кромѣ комедій, точно такъ же, какъ у насъ Островскій. Прежде всего, посмотримъ, каковы внѣшнія условія англійской сцены. Кромѣ двухъ-трехъ театровъ, принадлежащихъ актерамъ, всѣ остальные въ Лондонѣ находятся во владѣніи акціонерныхъ обществъ, особыхъ синдикатовъ. Синдикатъ давно уже выработалъ свой взглядъ на драму: «Хороша та пьеса, которая привлекаетъ зрителей; скверна та, которая не даетъ сбора». Синдикаты постарались найти секретъ «хорошихъ» пьесъ: угадать вкусъ той публики, которая посѣщаетъ театръ. Разъ секретъ былъ найденъ, постарались создать пьесу, состоящую, такъ сказать, изъ «эссенцій». Англійская «большая» публика состоитъ изъ двухъ элементомъ; одна часть ея, если можно такъ выразиться, поднялась снизу: это зрители, вышедшіе изъ народа, который лишь въ послѣдніе двадцать лѣтъ пріобщился къ литературѣ. Другая часть—осѣла сверху; это своего рода подонки

среднихъ классовъ. Каждый изъ этихъ элементовъ тяготѣетъ по своимъ симпатіямъ къ тому классу, который выдѣлилъ его. Одна часть большой публики создала уже свою періодическую литературу, въ которой ключемъ бьютъ новыя силы. Писатели, вышедшіе сами изъ народа, высказали въ этой литературѣ свои симпатіи и антипатіи, но англійскій народъ еще не имѣетъ вполнѣ *своего* театра. Синдикаты тоже еще не находятъ нужнымъ считаться со вкусами этой публики. Зато высказались вполнѣ вкусы другой части «большой» публики, отлично угаданные владѣльцами театровъ. Классическія пьесы ставятся въ Лондонѣ только въ одномъ театрѣ, не принадлежащемъ синдикату. Съ другой стороны, старинныя чувствительныя мелодрамы все болѣе изгоняются изъ центральнаго Лондона къ окраинамъ, гдѣ живетъ бѣдное населеніе. Изъ большихъ Вестъ-Энденскихъ театровъ, лишь одинъ Дрюриленъ ставитъ еще мелодрамы, сильно модифицированныя уже. Отъ старыхъ требованій осталось лишь одно—«hapy end», счастливый конецъ. Ни одинъ театръ въ Лондонѣ, да, вѣроятно, во всей Англіи не приметъ пьесы, въ которой не было бы счастливаго конца. Я знаю такой случай. Антрепренеръ одного изъ лондонскихъ театровъ обратился къ знакомому, знающему русскій языкъ, съ просьбой указать на пьесу, которая подошла бы для мѣстной сцены. Знакомый указалъ на «Смерть Ивана Грознаго» Алексѣя Толстого. Когда переводчикъ передалъ содержаніе, антрепренеръ сказалъ, что пьеса подойдетъ, пожалуй; нужно только измѣнить кое что: устроить какой нибудь парадъ въ серединѣ и, самое главное, измѣнить конецъ: сдѣлать его счастливымъ. Антрепренеръ предложилъ слѣдующую «поправку»: заставить Грознаго превратиться въ добраго властелина, благословляющаго въ концѣ пьесы бракъ юныхъ героевъ (которыхъ тоже слѣдовало вставить). Переводчикъ наотрѣзъ отказался «исправить» трагедію, и, такимъ образомъ, англійская сцена не увидитъ «Смерти Ивана Грознаго». Трудно представить себѣ что либо болѣе шаблонное, чѣмъ англійская модифицированная мелодрама. Вольтеръ въ своемъ философскомъ словарѣ жалуется на шаблонность французскихъ трагедій, въ которыхъ все можно предвидѣть, даже самыя риѳмы стиховъ. Если въ концѣ стиха говорится про письмо (lettre), мы во второмъ стихѣ услышимъ, какъ его слѣдуетъ передать (remettre). Героиня не можетъ проявить своего безпокойства (alarmes), какъ сейчасъ же мы увидимъ ея слезы (larmes). Peut-on voir un vers finir par *César* et n'être pas sûr de voir des vaincus traînés après son *char*»? Интересно, что сказалъ бы Вольтеръ, еслибы въ теченіе мѣсяца обошелъ наиболѣе выдающіеся лондонскіе театры? Въ пьесѣ стереотипны всѣ ситуаціи, всѣ герои, всѣ страсти. Да не въ нихъ и сила. Не на этомъ держится пьеса, а на центральномъ «сценическомъ» эфектѣ. Послѣдній крайне разнообразенъ. Въ мелодрамѣ «Two Little Vagabonds», которая дается уже триста вечеровъ

подрядъ въ «Princess»—на сценѣ устраивается каналъ со шлюзами, съ настоящей водой. Въ новой пьесѣ «The White Heather», на которую теперь ломится публика,—на сценѣ часть Темзы, любимое мѣсто для прогулокъ лондонцевъ. Въѣзжаютъ пароходики и настоящія лодки, подъ веслами плещетъ настоящая вода. Но объ этой пьесѣ—ниже. Въ мелодрамѣ «Деревенская ярмарка»—на сценѣ устраиваются настоящія скачки. Самое главное, придумать сценическій эффектъ. За хорошую идею даютъ цѣлыя состоянія. Когда центральный эффектъ придуманъ, «manager», т. е. антрепренеръ, уполномоченный синдикатомъ, призываетъ драматическаго писателя и предлагаетъ ему написать пьесу, въ которую входилъ бы эффектъ. Такимъ образомъ, если механикъ придумалъ штольню съ подъемными машинами, авторъ долженъ вставить въ свою пьесу героевъ рудокоповъ; если гибнущій пароходъ—моряковъ и т. д. Центральный механическій эффектъ служитъ key-note, какъ говорятъ англичане, для всей пьесы. Имъ намѣчаются даже комическія сцены. Обыкновенно антракты въ англійскихъ театрахъ очень коротки. Чтобы дать возможность поставить сложныя декораціи, требуемыя «эффектомъ», вводится спеціальная картина, такъ называемая, front-scene. На авансценѣ бесѣдуютъ комическія лица въ то время, какъ за декораціей строятъ спѣшно «эффектъ». До характеровъ никому нѣтъ дѣла. Какъ увидимъ, въ концѣ концовъ, драма тоже теряетъ свой спинной хребетъ и превращается въ рядъ отдѣльныхъ сценическихъ эффектовъ. Герои что то говорятъ, что-то дѣлаютъ; но публикѣ не до нихъ: она любуется замѣчательной декораціей, необыкновеннымъ свѣтовымъ эффектомъ, чудомъ театральной механики и т. д. Старая англійская мелодрама, построенная исключительно на злосчастьяхъ героя, все болѣе и болѣе, какъ я сказалъ, отодвигается къ окраинамъ. Тамъ, въ бѣдныхъ театрахъ, вы можете увидѣть еще, какъ публика заливается слезами, вмѣстѣ съ героиней, и какъ грозитъ расправиться со злодѣемъ. Тамъ на ряду со смѣшными, деревянными героями, вы увидите великолѣпные портреты, выхваченные цѣликомъ изъ народной жизни. Два вора, выведенные въ мелодрамѣ «Two little Vagabonds», своего рода, шедевры. Говорятъ, актеры, играющіе ихъ, около мѣсяца прожили въ трущобахъ, изучая тамъ типы. Въ то время, какъ «герои» играютъ отвратительно, бытовыя роли передаются мастерски. «La plus vile canaille paraissait sur le théâtre anglais avec des princes», писалъ когда-то Вольтеръ. И замѣчаніе осталось вѣрнымъ до настоящаго времени, если его примѣнить къ мелодрамамъ отживающаго типа. Вѣрны и слѣдующія слова: «ces princes parlaient souvent comme la canaille». Въ мелодрамахъ же новаго типа нѣтъ ужъ ничего живого. Реализмъ декорацій, какъ будто бы, развился на счетъ реализма дѣйствія. Кромѣ сценическаго эффекта, «manager» требуетъ еще отъ автора, чтобы онъ ввелъ военныя эволюціи, марши, парады и пр. Тотъ новый зри-

тель типа журнала «Tit-Bits», о которомъ я говорилъ вначалѣ, большой шовинистъ. Вѣдь онъ преклоняется предъ «хозяиномъ», а хозяину нужны «рынки». Какъ же не восторгаться силой, которая поддерживаетъ эти «рынки»! Когда «Томи-Аткинсъ» (англійскій солдатъ) въ единственномъ числѣ, его никто не пуститъ на порогъ; но когда онъ въ массѣ, имъ любуются, ему апплодируютъ. Я не знаю ни одной модной мелодраммы, въ которой не было бы солдатскаго парада. Нужно видѣть восторгъ публики, когда на сценѣ появляются шотландскіе полки, въ юбкахъ безъ штановъ. Патріоты изъ за лавочныхъ прилавковъ, изъ банковъ, винокуренныхъ заводовъ и ссудныхъ кассъ вскакиваютъ съ мѣстъ, машутъ платками и затягиваютъ: «Rule, Britania»...

III.

Изъ только что сказаннаго, мнѣ кажется, можно уже видѣть, что простора у творчества современныхъ англійскихъ драматурговъ не много. Даже, еслибы явился талантъ, онъ почувствовалъ бы себя слишкомъ сильно связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Да еще чѣмъ? Добро бы лишь одними условностями въ видѣ «счастливаго конца», а то изобрѣтательностью театральнаго механика. Творчество англійскаго драматурга, если можно такъ выразиться, должно идти по опредѣленной дорогѣ, отмѣченной вѣками. Свернуть куда либо въ сторону для него совершенно невозможно. Посмотримъ теперь, какого рода произведенія являются результатомъ такого творчества. Не такъ давно лучшій англійскій артистъ сэръ Генри Ирвингъ (или Эвингъ, какъ произносятъ здѣсь) обратился въ Бирмингамѣ, гдѣ ему поднесли почетное гражданство, на банкетѣ, къ присутствующимъ со слѣдующей рѣчью: «Я не могу не упрекнуть нѣкоторыхъ авторовъ французскихъ пьесъ въ томъ, что они сдѣлали смѣшными семейныя добродѣтели и изъ этого смѣшного устроили основной рычагъ дѣйствія. Такимъ образомъ, въ умѣ зрителей мало-по-малу изглаживается та демаркаціонная линія, которая всегда должна рѣзко отдѣлять добро отъ зла и выпукло отмѣчать то, что можно, отъ того, чего нельзя. Такимъ образомъ, создается атмосфера нравственной распущенности, дѣйствующая мало-по-малу на тѣхъ, которые дышутъ ею. Духъ распутства прививается воображенію женщинъ и молодыхъ людей. Они свыкаются съ опасными понятіями и, наконецъ, начинаютъ думать, что вся цѣль жизни заключается лишь въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, составляетъ только мимолетное явленіе. Театръ ни въ коемъ случаѣ не долженъ поэтизировать грубое и двухсмысленное». Безъ сомнѣнія, слова золотыя. Но, подобно герою Данте, французскіе драматурги могли бы обратиться къ ихъ суровымъ англійскимъ критикамъ со словами: «Намъ хорошо извѣстно, что та монета, о которой ты говоришь, очень высокой пробы; но покажи прежде, есть ли она въ твоемъ кошелькѣ?» Вопросъ не лишній. Правда, адюль-

тера въ англійской драмѣ нѣтъ. Ни одинъ антрепренеръ не принялъ бы пьесы, въ которой есть любовь, не разрѣшенная предварительно пасторомъ. Въ прошломъ году въ «Принсесъ»—театрѣ весь сезонъ держалась мелодрама «Drink» (возобновленная опять теперь), передѣланная изъ романа «Assomoir» Золя. Но какъ передѣланная! Жерваза—законная жена Лантье. Въ концѣ пьесы Жерваза въ зимнюю ночь идетъ на бульвары... конечно, не за тѣмъ, что у Золя,—идетъ просить милостыни. Ее встрѣчаетъ Гужонъ, который теперь разбогатѣлъ, hapy end (счастливый конецъ) въ наличности. Гужонъ поднимаетъ руки кверху и тѣмъ патетическимъ деревяннымъ голосомъ, которымъ обладаютъ лишь одни англійскіе трагики на сильно «благородныя» роли, начинаетъ торжественно выть, что отнынѣ ничто ихъ не раздѣлитъ. Публика апплодируетъ герою, а для довершенія всего, тутъ же карается порокъ: мужъ Виржини убиваетъ изъ ревности жену и Лантье. Какъ видите, переводчикъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы публика «не свыкалась съ опасными понятіями». Итакъ, адюльтера въ англійской мелодрамѣ нѣтъ. Зато широкій просторъ дается другимъ страстямъ: грубая животная месть, убійство, пытки и даже смертная казнь фигурируютъ очень часто на сценѣ въ модныхъ пьесахъ. На придачу, если мотивы, побуждающіе героевъ убивать или же мучить—фальшивы до невѣроятности, зато съ поразительнымъ реализмомъ обставляется само дѣйствіе. Въ драмѣ «Woman and Cards» на сценѣ гильотина. Палачъ связываетъ осужденнаго, продѣлываетъ весь «туалетъ» его, какъ говорятъ французы, и все это методически, какъ будто дѣйствительно собираются снести голову. Нужны стальные нервы, чтобы высидѣть до конца. Въ модной драмѣ «Boys Together»—человѣка распинаютъ и приколачиваютъ къ дереву гвоздями его руки. Сцена и безъ того тяжелая, а тутъ еще для «реализма» дерево обливаютъ красной краской. Получается впечатлѣніе, какъ будто бы предъ вами только что зарѣзали человѣка. На афишахъ публикуется, кромѣ того, что гильотина—«реликвія» своего рода, что столбы ея—«настоящіе». Иностранецъ сильно разстроитъ себѣ нервы на англійской мелодрамѣ, пока дождется «счастливаго конца».

Однако, познакомимся нѣсколько ближе съ двумя тремя модными мелодрамами, даваемыми въ театрахъ Вестъ-Энда для *новаго* зрителя. Начну съ пьесы «Boys Together», о которой я только что упоминалъ. Берегъ моря. Пароходъ снаряжается въ Африку, чтобы смирить Суданъ. Гнусятъ волынки, пищатъ бубны, ревутъ барабаны. Отряды солдатъ одинъ за другимъ отчаливаютъ въ лодкахъ, чтобы пересѣсть на пароходъ.

«It's the Soidiers of the Queen, my lads,
Who've been my lads, who're seen, my lads,
Iu the fight for England's glory»—

поютъ солдаты модную патріотическую пѣсню. Герой Фрэнкъ, Вил-

ларсъ тоже уѣзжаетъ на чужбину. Онъ — капитанъ шотландскаго полка. Нѣжно прощается онъ съ дѣвицей въ лиловомъ, которая, патетически прижимая ладонь къ груди, голоситъ, закатывая глаза къ небу: «Всегда ваша!» На томъ же пароходѣ уѣзжаетъ въ Суданъ военнымъ корреспондентомъ злодѣй пьесы Гуго Форситъ. Когда-то онъ былъ школьнымъ товарищемъ героя, который побѣдилъ его въ какой-то необыкновенно важной партіи крокета. Съ тѣхъ поръ злодѣй затаилъ месть, страшную, непримиримую, и лишь ищетъ случая. Съ этой именно цѣлью онъ ѣдетъ въ Суданъ. Вилларсъ радостно встрѣчаетъ своего школьнаго товарища, и такъ какъ герои мелодрамы отнюдь не такіе «businessmen», какъ вообще англичане, тутъ же передаетъ ему свое завѣщаніе и проситъ заботиться о невѣстѣ, если онъ самъ, герой, будетъ убитъ. Такова завязка пьесы. Въ слѣдующемъ актѣ мы въ Суданѣ. Англичане дерутся съ дикарями. Гремятъ пушки, трещитъ ружейная перестрѣлка; сцена наполняется дымомъ. Запахъ пороха заставляетъ чихать дамъ, даже на верхней галлереѣ. Но хотя «An Englishman can be a soldier too»,—какъ поютъ на сценѣ солдаты, — враги одерживаютъ верхъ своею численностью. Небольшой англійскій отрядъ взятъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ герой и злодѣй. Послѣдній сейчасъ же переходитъ къ непріятелю и затѣваетъ черную интригу, чтобы погубить Вилларса. Онъ прячетъ въ его палаткѣ сокровища шейха, потомъ обвиняетъ героя въ воровствѣ. Вилларса арестуютъ, отъ него отворачиваются товарищи по несчастью, и вотъ шейхъ приговариваетъ его къ смерти. Героя привязываютъ къ дереву, прибиваютъ его руку гвоздемъ и оставляютъ въ пустынѣ. Здѣсь онъ долженъ погибнуть отъ голода. Форситъ проявляетъ всю черноту своей души, глумится надъ привязаннымъ и въ концѣ плюетъ ему въ лицо. Но о забытомъ всѣми несчастномъ героѣ заботится авторъ. Въ рѣшительную минуту является женщина-туземка, которая освобождаетъ героя. Мы вновь въ Англіи. Злодѣй распустилъ всюду слухъ про то, за что наказанъ Вилларсъ, такъ что отъ послѣдняго отвернулись всѣ, какъ отъ вора. Не вѣритъ лишь дѣвица въ лиловомъ платьѣ. Она еще выше поднимаетъ руки и еще болѣе патетически закатываетъ глаза. Но злодѣй не знаетъ покоя. Онъ увѣренъ въ смерти Вилларса, а, между тѣмъ, трепещетъ и не можетъ спать ночью. Вотъ и теперь, въ полночь (конечно, на дворѣ буря, и молніи сверкаютъ), онъ сидитъ у себя и дрожитъ при каждомъ шорохѣ. Форситъ поднимаетъ глаза и застываетъ: въ углу стоитъ Вилларсъ (конечно, какъ слѣдуетъ мстителю: въ длинномъ черномъ плащѣ, съ всклокоченными кудрями, нависшими на блѣдный лобъ). Быстро мститель выхватываетъ кинжалъ и прибиваетъ имъ руку злодѣя къ столу. Затѣмъ, Вилларсъ требуетъ, чтобы Форситъ подписалъ документъ, въ которомъ признается во всемъ. Злодѣй повинуется. Все кончается благополучно. Общество убѣждается въ томъ, что Вилларсъ не свершилъ

кражи, лиловая дѣвица опять закатываетъ глаза, но уже отъ счастья, злодѣй бросается въ море. Boys Together продержались два сезона подрядъ въ одномъ изъ лучшихъ театровъ (въ *Адельфи*). Одинъ изъ отмѣнно серьезныхъ критическихъ журналовъ «Атенеумъ»—отозвался о пьесѣ, что она внушаетъ «An idea of loyalty, trust and affection» (идею лойяльности, долга и вѣрности).

Какъ видите, въ нѣкоторыхъ случаяхъ англійскіе театральные критики смотрятъ нѣсколько подъ инымъ угломъ, чѣмъ мы, русскіе. Перехожу затѣмъ къ драмѣ «White Heather», которая въ этотъ сезонъ имѣетъ колоссальный успѣхъ въ Дрюрилэнѣ. О пьесѣ говорили задолго до того еще, какъ она была поставлена. Говорили о поразительныхъ декораціяхъ, о замѣчательныхъ костюмахъ, объ остроуміи ея и т. д. Что касается сценарія, то онъ, дѣйствительно, поразительный. «White Heather», своего рода, чудо театральной техники. Въ пьесѣ не одинъ «центральный эффектъ», а цѣлый рядъ ихъ. Въ первомъ дѣйствіи—верещакъ въ Шотландіи. Горы покрыты бурымъ ковромъ вереска; вдали—избы, изъ трубъ которыхъ валитъ «настоящій» дымъ; на сценѣ пасутся «настоящія» овцы; по косогору ползутъ навьюченныя шотландскія пони. Бывалые люди узнаютъ даже мѣсто. Всѣ любуются великолѣпной декораціей, не обращая совершенно вниманія на дѣйствующихъ лицъ. Потомъ является внутренность англійской биржи съ цѣлыми толпами «зайцевъ», маклеровъ, простыхъ игроковъ и пр. Далѣе—шлюзы на Темзѣ, по дорогѣ въ Гамтонъ Кортъ. Это мѣсто отлично знакомо каждому лондонцу: здѣсь устраиваются лѣтомъ пикники; сюда каждое воскресеніе сотни увеселительныхъ пароходовъ доставляютъ тысячами «holidaymakers». Въ силу этого, каждый можетъ рѣшить, на сколько удачно декорація передаетъ дѣйствительность. Громкіе апплодисменты доказываютъ, что иллюзія полная. Изъ подъ шлюзовъ бьетъ «настоящая» вода. По рѣкѣ плывутъ пароходики, набитые зрителями.

Смотрите, какой реализмъ! Даже мальчишки тутъ!—раздаются голоса. Возлѣ шлюзовъ всегда собираются нищіе-мальчишки. Они, какъ обезьяны, взбираются на стоящіе въ водѣ столбы и выкидываютъ на вершинѣ различныя штуки, рискуя каждую минуту полетѣть въ воду. Въ награду, съ параходовъ летятъ пенсы. Вотъ, и эти-то мальчишки есть на сценѣ. Опять публика любуется декораціями, плохо обращая вниманіе на то, что говорятъ. Но вотъ самый главный «гвоздь». На сценѣ—часть морского дна, на которомъ, полузарытое въ илѣ, покрытое водорослями, лежитъ затонувшее судно. Вокругъ плывутъ стаи рыбъ, начиная отъ мелкихъ, кончая акулами. На днѣ копошатся крабы. Въ это время на верху, на поверхности воды, показывается парусное судно, съ котораго опускается водолазъ. Подъ водой водолазъ встрѣчаетъ другого и начинается нѣмой бой. И, наконецъ, заключительная сцена—великосвѣтскій костюмированный вечеръ. «Костюмы тѣ же самые,

которые были на «Fancy-ball» у герцогини Девонширской»,—значится на афишахъ. И публика опять созерцаетъ блестящіе наряды, забывая объ игрѣ.

Пробѣгая только что написанныя строки, я подумалъ, что, пожалуй, я современную англійскую драму описываю такъ, какъ описывали когда-то итальянскую Лихачевъ да Ѳоминъ, посланные Алексѣемъ Михайловичемъ во Флоренцію, къ «Фердинандусу, тушпанскому герцогу и гранъ дуку». «Объявилися палаты и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ палатахъ объявилося море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, и на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди» и т. д.

Но, право, декораціи самое главное въ White Heather. Въ драмѣ, кромѣ того, есть еще балетъ, маршировка, катаніе на велосипедахъ въ аристократическомъ Батерсипаркѣ, но она «is lacking in backbone»: въ ней нѣтъ «спинного хребта». Богатый лордъ женился по шотландскому закону, т. е. безъ пастора, на героинѣ на своей яхтѣ «White Heather». Бракъ внесенъ въ корабельный журналъ; но яхта затонула, а съ нею и всѣ доказательства. Лордъ отрицаетъ свой бракъ и хочетъ жениться на богатой американкѣ. У лорда отъ брака есть сынъ—Дикъ. И вотъ завязка. Нужно достать доказательства брака, иначе Дикъ—незаконный сынъ. Отъ героини отвернулись всѣ, но у нея есть два друга: одинъ—любящій ее племянникъ мужа — Алекъ, другой — деревенскій парень Робъ, другъ дѣтства. Молодые люди рѣшаются достать со дна моря доказательства брака и ѣдутъ къ тому мѣсту, гдѣ погибла яхта «White Heather». Въ водолазномъ костюмѣ спускается Робъ. На днѣ онъ встрѣчается съ другимъ водолазомъ, съ лордомъ, который спустился, чтобы достать корабельный журналъ и уничтожить его. Лордъ ударяетъ Роба кинжаломъ; но смертельно раненый другъ героина успѣваетъ перерѣзать питательную трубку аппарата лорда. Послѣдній задыхается и погибаетъ въ водѣ, а Робъ выноситъ на поверхность моря журналъ и умираетъ на берегу. Иначе какъ же? Вѣдь тогда на руку героини явились бы два претендента. Алекъ убѣждается, что запись въ журналѣ цѣла. Дикъ, значитъ, рожденъ съ соблюденіями всѣхъ правилъ, требуемыхъ оффиціальною англійскою моралью. Съ этой вѣстью Алекъ спѣшитъ къ героинѣ и сообщаетъ ей двойную радостную вѣсть (что найденъ журналъ и убитъ мужъ) на балу «съ костюмами отъ герцогини Девонширской»; занавѣсъ падаетъ. Авторъ не повѣнчалъ Алека съ героиней, и публика недоумѣваетъ нѣсколько. Я помню письмо, которое появилось на другой день послѣ перваго представленія въ «Daiy Mail». Авторъ писалъ, что онъ очень радъ, что теперь нѣтъ преградъ для брака между Алекомъ и героиней. Какъ вдругъ, его поразила слѣдующая мысль. Вѣдь героиня была прежде женой дяди Алека, т. е. его теткой. И онъ,

авторъ письма, смущенъ: можно ли жениться племяннику на овдовѣвшей теткѣ? Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности слѣдить за «Daily Mail» и, поэтому, не могу сказать вамъ, разрѣшено ли смущеніе автора письма или же нѣтъ.

Я упомянулъ о комическомъ элементѣ въ модныхъ мелодрамахъ. Есть онъ, конечно, и въ «White Heather». Такова герцогиня Маріонъ, которая, по замыслу автора, должна изображать типичную лэди «старой веселой Англіи», лэди, не зараженную тлетворнымъ духомъ модной Франціи, рѣжущую правду-матку всѣмъ въ глаза. Нужно сознаться, что автору, прежде всего, удалось доказать вѣрность словъ Вольтера о томъ, что на англійской сценѣ «les princes parlent souvent comme la plus vile canaille». Объ «остроуміи» же герцогини судите по слѣдующимъ образцамъ, которые остались у меня въ памяти.

— Вы напомнили мнѣ знакомаго джентельмена, который, побрившись, сказалъ цирульнику: «никогда еще въ жизни не встрѣчалъ такого куафера».—Стараюсь сдѣлать все возможное, чтобы угодить,—отвѣчалъ тотъ.—«Я имѣю въ виду оригинальность вашу,—продолжаетъ джентельменъ. Вы единственный куаферъ, который не сообщилъ мнѣ, что у меня рѣдѣютъ волосы на макушкѣ».—Вы тоже единственный знакомый, который ни разу не сказалъ, что я полнѣю.

Или вотъ разсказываемый ею анекдотъ № 2. Герцогиня сообщаетъ, какъ обратилась разъ съ вопросомъ къ полисмену, который только что вытащилъ изъ воды молодую дѣвушку.—Что вы сдѣлали съ ней?—спросила я.

— Я позволилъ ей уйти,—отвѣтилъ мнѣ полисменъ.—Она мнѣ сказала, что она репортеръ, которую редакторъ послалъ собрать матеріалы для статьи: «Мои ощущенія, когда я тонула».

IV.

Точно такъ, какъ народилась своеобразная періодическая печать «безъ мыслей», точно такъ же появилась того же типа модная драма, все болѣе и болѣе превращающаяся въ простое «show» (зрѣлище). Въ самыхъ общихъ чертахъ я старался показать, какъ внѣшніе аксесуары вытѣснили мало-по-малу «спинной хребетъ» изъ модной англійской драмы. Но и она имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ Лондонѣ лишь еще одинъ-два модныхъ театра. Въ сердцѣ Лондона, т. е. въ театрахъ, лежащихъ близъ Чарингъ-Кросса и Лейстеръ-сквера она уже давно вытѣснена, если можно такъ выразиться, драматизированнымъ «Tit-Bits». Это «музыкальныя комедіи» и «эскизы», даваемые въ «Music-Halls». «Музыкальныя комедіи» это—смѣсь грубаго фарса съ французской опереткой. На сценѣ даютъ другъ другу затрещины, толстые мужчины переодѣваются въ платья горничныхъ, герои швыряютъ другъ друга въ лохани съ водой. Это—комическій элементъ. У француз-

ской же оперетки взяты только «эксцентричные» танцы, потому что Джону-Буллю совершенно не даются шаловливые мотивы, и мелодіи модныхъ музыкальныхъ комедій просто жалки. Публика въ этихъ театрахъ состоитъ не изъ рабочихъ, мелкихъ учителей, солдатъ, матросовъ и т. д., которые смотрятъ мелодраму стараго типа; не изъ банкирскихъ клерковъ, приказчиковъ, подносчицъ въ кабакахъ (barmaids), лавочниковъ и т. п., наслаждающихся модифицированной мелодрамой того типа, какъ «White Heather»,—а изъ людей, сравнительно, хорошо обезпеченныхъ. Въ этихъ театрахъ мѣста стоятъ не дешевле полкроны (около пяти четвертаковъ); за сносное же нумерованное мѣсто нужно заплатить 7 ш. 6 пенсовъ (около трехъ съ полтиной). Въ этихъ театрахъ представленіе начинается поздно; публика же пріѣзжаетъ обыкновенно къ 10 часамъ, къ выходу на сцену звѣзды труппы. Точно такъ, какъ въ модифицированной драмѣ на первомъ мѣстѣ—декораціи, въ «музыкальной комедіи» главнѣе всего танцы и исключительно съ задираніемъ ногъ. «Звѣзды» во время танцевъ выбиваютъ тактъ носкомъ башмака о тамбуринъ, который держатъ надъ головой. Я былъ бы поставленъ въ крайнее затрудненіе, если бы мнѣ пришлось излагать содержаніе «Гейшы», идущей въ «Дейли» вотъ уже 450 вечеровъ подрядъ, или же «French Maid», пользующейся такимъ же успѣхомъ въ «Терри», или «О, Сусанна!». Какъ излагать содержаніе, котораго нѣтъ? Вь перемежку съ оплеухами, со швыряніемъ въ лохань да съ танцами идутъ «нумера», т. е. комическіе куплеты, которые потомъ распѣваются всѣмъ Лондономъ. Я приведу здѣсь одинъ куплетъ изъ наиболѣе моднаго теперь «нумера», изъ «French Maid»:

I once had a lover always whistling,
Never mind what grief he had,
He Kept on as blithely as a dicky-bird,
And whistled till he drove me mad.
When, one day, his poor uncle Jerry died,
People came in crowds, because
He had left his money to my love;
But when they found him, there he was—
(Припѣвъ) He was whistling as merry as a bird
He was whistling away.
Nothing worried him-now, wasn'tit absurd?
He was whistling this tune all day".

(Былъ однажды у меня возлюбленный, который вѣчно свисталъ, какое бы горе у него ни было. Вѣчно онъ былъ веселъ, какъ птенчикъ, и свисталъ, пока рѣшительно свелъ меня съ ума. Однажды умеръ его дядя Джери; люди приходили къ моему возлюбленному толпой, потому дядюшка оставилъ ему свои капиталы. И что же, когда пришли люди, мой милый весело насвистывалъ, какъ птичка. Онъ насвистывалъ вѣчно. Ничто не могло его огорчить. Онъ насвистывалъ весь день одинъ и тотъ же мотивъ). Какой именно мо-

тивъ,—вамъ скажетъ первая шарманка, какъ только вы высадитесь на англійскій берегъ. Каждый куплетъ сопровождается танцами. Рѣшительно трудно понять, какъ это можно слушать десять-двадцать разъ подрядъ, какъ герой «was whistling all day» свиститъ, а между тѣмъ такіе любители есть. Посѣтители аристократическихъ театровъ, о которыхъ я говорю, болѣе или менѣе постоянны. Публика по тридцать разъ смотритъ одну и ту же «French Maid» и каждый разъ съ одинаковымъ, повидимому, наслажденіемъ любуется, какъ старую тетку племянникъ швыряетъ въ лохань съ водой (О! Сусанна!) или же, какъ бьютъ лакея на балу (French Maid). То же модифицированіе въ смыслѣ утраты «спинного хребта» мы наблюдаемъ въ своеобразныхъ англійскихъ пьесахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пантомимъ», хотя, въ сущности говоря, послѣднее названіе никогда не было вѣрно. Даются «пантомимы» во время Рождества, величайшаго праздника «Старой Англіи». Старинный обычай держится такъ твердо, что, начиная съ boxing-day (второй день Рождества), пантомимы вытѣсняютъ изъ всѣхъ театровъ на цѣлый мѣсяцъ всѣ сезонныя пьесы. Прежде «пантомимы» составлялись на фабулы наиболѣе популярныхъ сказокъ: «Золушка», «Красная Шапочка», «Алладинъ», «Симбадъ Мореходецъ»,—таковы герои. Въ «пантомимахъ», самое главное, бывали «превращенія». Въ концѣ концовъ, все заканчивалось классической Арлекинадой: на сцену являлись мистеръ Пончъ, жена его Джуди, констебль, палачъ Джэкъ Кэтчъ и пр. герои англійскаго ярмарочнаго театра. Тогда пантомимы не отличались остроуміемъ, но бывали забавны своею наивностью. То были нѣчто вродѣ той «most lamentable comedy», которую собирались поставить Выдра, Основа, Буравъ и Рыло въ комедіи «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Въ послѣднее время «пантомимы» значительно измѣнились. До сихъ поръ содержаніе ихъ—народныя сказки; но въ «Алладинѣ» поютъ патріотическую пѣсню про британскихъ моряковъ; Симбадъ-Мореходецъ говоритъ о гражданскихъ добродѣтеляхъ сильныхъ міра сего, а Сандрильона восхваляетъ въ куплетахъ храбраго «доктора Джима» (Джемсона) и «великаго патріота» Сесиля Родса, недавнихъ африканскихъ героевъ. Къ сожалѣнію, въ лести сильнымъ міра сего повинны были порой даже величайшіе геніи; но у нихъ хоть эта лесть выходила изящна, какъ, напримѣръ, стихи изъ той же комедіи по адресу Елизаветы:

„....A certain aim he (купидонъ) took
At a fair vestal, throned by the west“ и т. д.

(Купидонъ прицѣлился въ прекрасную весталку, царящую на западѣ). У современныхъ же пиндаровъ лесть охранителямъ «рынковъ» выходитъ груба, пошла и топорна. Въ «пантомиму» ворвался еще и другой современный элементъ—танцы съ подниманіемъ ногъ подъ угломъ въ 180°. Такъ танцуютъ всѣ граціозныя ска-

зочныя героини: Сандрильона, Спящая царевна и даже «Дѣти въ лѣсу».

Чтобы высидѣть до конца одну пьесу, хотя бы и безъ «спинного хребта», требуется все же нѣкоторое напряженіе нервовъ. И вотъ создается рядъ зрѣлищъ, не требующихъ уже никакого вниманія. Это—«эскизы» и «нумера», представляемые въ «Music-Halls». Послѣдніе въ Лондонѣ рѣшительно вытѣсняютъ представленія другого типа. «Music-Halls» принадлежатъ акціонернымъ компаніямъ, которыя не жалѣютъ денегъ звѣздамъ. Ни въ одномъ театрѣ артисты такъ много не получаютъ, какъ въ Music-Halls. Гонораръ достигаетъ до 4 тысячъ фунтовъ въ годъ, и это за «эскизъ», представить который занимаетъ всего 10—15 минутъ. «Эскизы» это—слѣдующее. Артистъ выходитъ въ своеобразномъ костюмѣ, изображая «coster-monger'a» (разнощика), бродягу и пр., поетъ комическую пѣсню и танцуетъ. Нужно отдать справедливость: *внѣшній* типъ переданъ великолѣпно. Актеръ мѣсяцами изучаетъ типъ, потому что найти хорошій «эскизъ» значитъ—найти богатство. Славится своими эскизами Гузъ-Элленъ. Кромѣ «эскизовъ», какъ я сказалъ, въ Music-Halls есть еще «нумера», состоящіе опять же изъ комическихъ пѣсенъ и изъ танцевъ, но исполняемыхъ женщинами. Публика въ Music-Halls'ахъ пестрая, но, главнымъ образомъ, это—посѣтители «музыкальныхъ комедій». Music-Halls—законодатель модныхъ мотивовъ для всего Лондона. И тутъ пѣніе чередуется съ патріотическими эволюціями; теперь всюду еще показываютъ «jubilee-shows», являющіеся послѣднимъ отзвукомъ «брилліантоваго юбилея».

Лѣтъ пятьдесятъ пять тому назадъ русскій писатель помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью объ одной драмѣ. Между прочимъ, онъ высказалъ нѣсколько мыслей о театрѣ. «Безотчетный духъ критики овладѣлъ и театромъ... Сочинитель пишетъ пьесу для того, чтобы пояснить свое сомнѣніе... Театръ высшая инстанція для рѣшенія жизненныхъ вопросовъ... Все тяготящее, занимающее извѣстную эпоху, само собою вносится на сцену и обсуживается страшной логикой событій и дѣйствій, развертывающихся и свертывающихся передъ глазами зрителей... На сценѣ жизнь схвачена во всей ея полнотѣ, схвачена въ дѣйствительномъ осуществленіи лицами, на самомъ дѣлѣ, «en flagrant délit» (Капризы и Раздумье). Какъ сильно былъ бы разочарованъ поклонникъ англійской культуры, еслибы, исходя изъ этихъ положеній, онъ сталъ бы изучать современный театръ! «Безотчетный духъ критики» и глупая лесть наглому герою съ большой дороги Родсу! «Высшая инстанція для разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ» и «Boys Together!» «Жизнь en flagrant délit» и оплеухи, и юморъ «French Maid». На всемъ современномъ англійскомъ театрѣ лежитъ тяжелая

печать пошлости, ограниченности, безцвѣтности... Но изучающій театръ былъ бы совершенно неправъ въ своемъ заключеніи. И «White Heather», и «О, Сусанна!», и «Music Halls» такой же показатель, какъ тѣ «модные» англійскіе романы, о которыхъ я говорилъ уже мѣсяца два тому назадъ.

Діонео.

«Историческая миссія» Австріи.

(Письмо изъ Австріи).

Какъ единогласно утверждаютъ всѣ историки извѣстнаго пошиба, каждое государство имѣетъ свое провиденціальное назначеніе, призвано выполнить ту или иную миссію. Кто хотѣлъ утверждать это отъ имени науки, тотъ ставилъ себя подъ авторитетную защиту Гегеля и настаивалъ, что въ такую-то націю вселилась «абсолютная идея», «міровой духъ» въ такой-то стадіи своего развитія. И оказывалось съ этой точки зрѣнія, что въ Греціи, напримѣръ, процвѣтали искусства именно потому, что «абсолютъ» избралъ народъ древней Эллады для того, чтобы при его помощи претворить въ жизнь идею красоты, а въ римскомъ народѣ искала воплощенія идея «lex». Кто былъ свободенъ отъ науки, тотъ просто утверждалъ, что провиденціальнымъ назначеніемъ данной націи является претвореніе въ жизнь именно излюбленной имъ формы жизни.

Есть своя историческая миссія и у Австріи, при помощи которой каждому должно стать яснымъ, что Австрія всегда и въ каждый моментъ ведетъ вполнѣ цѣлесообразную политику, а не подчиняется принципу: «довлѣетъ дневи злоба его». Еще недавно признавалось всѣми, да и теперь еще раздѣляется многими, убѣжденіе, что миссія Австріи—распространить сферу нѣмецкаго вліянія и нѣмецкую культуру на государства Балканскаго полуострова. Это, конечно, не мѣшаетъ провиденціалистамъ въ Сербіи утверждать, что Сербія призвана создать «Великую Сербію» и привить всему Балканскому полуострову сербскую культутуру; болгарамъ утверждать то же самое о «Великой Болгаріи», а грекамъ носиться съ идеею «панэллинизма». Отчасти это усиленіе политической самостоятельности балканскихъ государствъ, а, главнымъ образомъ, непреодолимая сила соперничества со стороны Россіи, заставляетъ Австрію рѣже вспоминать объ этой своей исторической миссіи, тѣмъ болѣе, что условія внутренней жизни Австріи заставляютъ выдвинуть другую историческую миссію, которая болѣе извѣстна подъ именемъ «австрійской государственной идеи».

Идея сводится къ слѣдующему: по разноплеменности своего населенія Австро-Венгрія представляетъ въ миніатюрѣ всю Европу или даже весь земной шаръ; въ окончательномъ своемъ развитіи Европа должна превратиться въ одну семью народовъ, но эта идея не можетъ внѣдриться въ жизнь въ другихъ государствахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе однородный составъ населенія; Австрія же какъ разъ поставлена въ противоположныя условія, и поэтому ей то предопредѣлено претворить въ жизнь идею братства народовъ и явить міру отрадную картину мирнаго сожительства различныхъ народностей.

Безспорно, миссія очень высокая. Но кто рѣшится утверждать, что австрійскія правительства когда либо руководились сознаніемъ этой миссіи? Не тогда ли они руководились ею, когда старались искоренить среди чеховъ всякое напоминаніе объ ихъ славянскомъ происхожденіи, когда переименовывали чешскіе города, замѣняя славянскія имена нѣмецкими, когда чешскихъ дѣтей насильно гнали въ нѣмецкія школы—словомъ, когда считались дозволенными всѣ самыя насильственныя мѣры, долженствовавшія привести къ онѣмеченію чешскаго народа? Не тогда ли, когда насильственнымъ сохраненіемъ латинскаго языка старались заставить венгровъ забыть о томъ, что они—живая національность? Не теперь ли, когда противъ неспособныхъ еще дать достаточный отпоръ славянскихъ народностей продолжаетъ проводиться таже система насильственнаго онѣмечиванія? Развѣ идеологи Габсбургской монархіи, желая найти теоретическое оправданіе этой политики насилій, не утверждали въ свое время, что Австрія призвана служить оплотомъ германизма противъ славянскаго моря, и что именно въ этомъ заключается провиденціальное назначеніе Австріи.

Къ счастью, для высокой идеи, которую Австрія теперь пришлось признать своею исторической миссіею, послѣдняя volens-nolens должна была осуществлять ее, такъ какъ того требовалъ составъ населенія Австріи, въ которой нѣмецкій элементъ по своей численности не могъ подавить остальные элементы и долженъ былъ примириться съ неизбѣжностью культурнаго роста остальныхъ національностей.

Первая съумѣла высвободиться изъ подъ опеки Австріи Венгрія, и судьбѣ угодно было, выражаясь языкомъ мистиковъ, чтобы Венгрія же нанесла coup de grâce австрійскому централизму и по отношенію къ остальнымъ національностямъ и чтобы она ускорила моментъ рѣшенія славянскаго вопроса. Мистики могутъ усмотрѣть и въ этомъ перстъ Божій, хотя на самомъ дѣлѣ все произошло гораздо проще, и вопросъ объ австро-венгерскомъ соглашеніи, по поводу котораго былъ поставленъ на очередь чешскій вопросъ, не заключаетъ въ себѣ ничего мистическаго.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ передъ каждымъ австрій-

скимъ правительствомъ стоялъ въ качествѣ неотвратимаго memento mori вопросъ о возобновленіи соглашенія съ Венгріей.

Вопросъ этотъ имѣетъ свою длинную исторію и постоянно служитъ камнемъ преткновенія въ политикѣ обѣихъ половинъ монархіи. Какъ справедливо замѣтилъ одинъ венгерскій депутатъ, среди всѣхъ европейскихъ государствъ, вступившихъ въ торговые договоры, не найдется другой пары, которая бы такъ оскорбительно поносила другъ друга по поводу этого договора, какъ обѣ части двуединой, нераздѣльной и братской Австро-Венгріи. Съ перваго дня заключенія этого договора обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ беззастѣнчивой эксплуатаціи и въ прямомъ грабежѣ. Австрія всегда утверждаетъ, что Венгрія, участвуя въ огромной суммѣ общеимперскихъ расходовъ (свыше 150 милл. флориновъ) лишь 30% противъ 70%, падающихъ на долю Австріи, пользуется почти даромъ всѣми благами, предоставляемыми ей двуединымъ союзомъ. Эти 30% она считаетъ еще обидно малыми и потому, что въ таможенномъ доходѣ, которымъ покрывается значительная часть общеимперскихъ расходовъ, доходъ Венгріи составляетъ едва какихъ нибудь 19%, такъ какъ въ Венгрію мало ввозится товаровъ, а, между тѣмъ, при разверсткѣ Венгрія считается въ половинной долѣ таможенныхъ доходовъ. Далѣе, Австрія обвиняетъ Венгрію въ томъ, что отсутствіе таможенной линіи между обѣими половинами монархіи, позволяющее Венгріи ввозить безпошлинно свои сырые продукты въ Австрію, печально отражается на австрійскомъ земледѣліи. Наконецъ, Австрія утверждаетъ, что при заключеніи торговыхъ договоровъ съ земледѣльческими странами всегда принимаются во вниманіе аграрные интересы Венгріи, что невыгодно отражается на австрійской индустріи. Въ награду за все это Австрія требуетъ, чтобы были выработаны новыя условія долевого участія (квоты) Венгріи въ общеимперскихъ расходахъ, чтобы основаніемъ этихъ условій была сумма прямыхъ налоговъ, такъ какъ Венгрія успѣла сильно разбогатѣть на счетъ Австріи, или численность населенія въ обѣихъ половинахъ монархіи, и доказываетъ, что всякій иной разсчетъ докажетъ, какъ несправедливо отношеніе 30 : 70, и что гораздо справедливѣе было бы установленіе отношенія доли Венгріи къ долѣ Австріи, по крайней мѣрѣ, какъ 42 къ 58.

Венгрія, въ свою очередь, утверждаетъ, что торговый договоръ съ Австріею ей только вреденъ. Какъ земледѣльческая страна, она много выиграла бы отъ фритредерской системы, а, между тѣмъ, ей теперь приходится ввозить дорогіе австрійскіе продукты и отказываться отъ менѣе дорогихъ иностранныхъ; что еслибы она и рѣшилась сама на покровительственную политику, то жертвы, которыя она приносила бы для этого, могли бы, по крайней мѣрѣ, быть искуплены развитіемъ у себя собственной индустріи, а теперь безпошлинный ввозъ продуктовъ австрійской индустріи за-

ставляетъ ее отказаться отъ надежды когда либо стать на собственныя ноги въ промышленномъ отношеніи; что торговый баллансъ при настоящихъ условіяхъ всегда заключается къ невыгодѣ Венгріи въ виду усиленнаго ввоза австрійскихъ товаровъ. Наконецъ, что она добровольно взяла на себя 30% австрійскаго государственнаго долга, который былъ совершенъ въ періодъ абсолютизма, до венгерскаго возстанія, и который она могла бы признать для себя необязательнымъ. На основаніи всего этого она и слышать не хочетъ объ увеличеніи ея доли участія въ общеимперскихъ расходахъ.

Но еще большее недовольство вызываетъ особенно среди партіи венгерской независимости это соглашеніе своимъ политическимъ характеромъ, который, по ея словамъ, дѣлаетъ Венгрію придаткомъ Австріи и заставляетъ забывать о характерѣ чисто личной уніи, связывающей обѣ половины монархіи. Съ перваго момента добровольнаго приглашенія на венгерскій престолъ Габсбурговъ, находившихся въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ послѣднимъ венгерскимъ королемъ, павшимъ въ битвѣ при Могачѣ (въ 1526 г.). Венгрія неукоснительно оттѣняла личный характеръ этой уніи и ревниво оберегала свою самостоятельность. Каждая попытка Габсбурговъ сильнѣе привязать Венгрію къ Австріи натыкалась на упорное сопротивленіе. Потребовались десятки лѣтъ, раньше чѣмъ венгерскій ландтагъ рѣшилъ признавать обязательнымъ для Венгріи порядокъ престолонаслѣдія въ домѣ Габсбурговъ. Сначала венгерскій ландтагъ далъ свое согласіе лишь на то, что Венгрія будетъ *избирать* своимъ королемъ того изъ Габсбурговъ, который въ порядкѣ престолонаслѣдства возсядетъ на австрійскій престолъ; и лишь въ 1687 г. онъ призналъ что каждый австрійскія императоръ въ правильномъ порядкѣ престолонаслѣдства eo ipso—король Венгріи. Но передъ воцареніемъ Маріи Терезіи Габсбургскому дому пришлось агитировать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы получить согласіе Венгріи на признаніе наслѣдницы австрійскаго престола королевою Венгріи, такъ какъ венгерцы вспомнили, что ихъ договоръ съ Габсбургами простирается только на мужскихъ потомковъ. Да и теперь еще Венгрія признаетъ только потомковъ императоровъ Карла, Іосифа и Леопольда и считаетъ возможнымъ наступленіе такого момента, когда для нея перестанетъ быть обязательною и личная унія съ Австріею.

Личная унія, заключенная съ цѣлью защиты Венгріи отъ Турціи, постепенно привела къ болѣе тѣсному сближенію: создались общая австро-венгерская армія и общее дипломатическое представительство. Эти факторы и легли въ основу «Прагматической санкціи», коей создана въ 1867 г. формула австро-венгерскаго дуализма. «Прагматическая санкція» считаетъ незыблемыми основами союза: признаніе династіи, содержаніе общей арміи и общаго дипломатическаго представительства. Для осуществленія этихъ за-

дачъ существуетъ общеимперское министерство, въ которое входитъ общій министръ иностранныхъ дѣлъ, общій военный министръ (кромѣ отдѣльнаго для каждой половины монархіи) и общій министръ финансовъ. Они вырабатываютъ смѣту общеимперскаго бюджета, который затѣмъ поступаетъ на обсужденіе делегацій. Это сближеніе вызвало и необходимость дальнѣйшаго сближенія: учрежденіе общаго банка, общей монетной системы, общей таможенной линіи и уничтоженіе таможенъ на границѣ Австріи и Венгріи, однообразную налоговую систему, общій тарифъ и т. д.

Но въ то время, какъ политическое соглашеніе считается незыблемымъ и заключеннымъ на вѣки, финансовое соглашеніе возобновляется черезъ опредѣленные промежутки (черезъ каждыя десять лѣтъ).

Въ интересахъ охраненія полнаго паритета при обсужденіи общихъ потребностей, а также для контроля дѣятельности общаго министерства былъ созданъ крайне своеобразный институтъ «Делегацій», не существующій въ такомъ видѣ ни въ одной странѣ. Делегаціи—это коммиссіи, депутаціи, состоящія изъ опредѣленнаго числа членовъ и избираемыя обѣими палатами обѣихъ половинъ монархіи только на одинъ годъ, т. е., на одну сессію австрійскаго рейхсрата и венгерскаго рейхстага. Число членовъ каждой изъ этихъ делегацій не должно быть больше 60; каждая делегація выбираетъ самостоятельно изъ своей среды своего президента и свое бюро. Делегаціи ежегодно созываются императоромъ-королемъ на опредѣленный срокъ и въ томъ городѣ, гдѣ въ данное время пребываетъ глава государства. Но даже въ этомъ пунктѣ венгерская легислатива не забываетъ о необходимости постоянно напоминать о равноправности Венгріи и въ § 32 выражаетъ желаніе, чтобы «засѣданія делегацій происходили попеременно то въ Вѣнѣ, то въ Будапештѣ, то въ столицѣ какой-нибудь другой изъ земель Габсбургской короны, если какою-нибудь изъ этихъ странъ будетъ выражено подобное желаніе». Каждая делегація имѣетъ совершенно отдѣльныя засѣданія и сообщаетъ свои резолюціи письменно другой делегаціи. Но если троекратный обмѣнъ письменными «нунціями» не привелъ къ положительному результату, т. е. каждая делегація осталась при своемъ мнѣніи по поводу какого нибудь вопроса, предложеннаго на обсужденіе обѣихъ делегацій, то устраивается совмѣстное засѣданіе австрійской и венгерской делегацій. Однако и это засѣданіе не должно носить совѣщательнаго характера; на этихъ совмѣстныхъ «засѣданіяхъ безъ разсужденій» спорная резолюція подвергается не обсужденію, а только голосованію, т. е. строго соблюдается принципъ полной самостоятельности обѣихъ делегацій при обсужденіи общихъ вопросовъ. Собраніе считается законнымъ лишь въ томъ случаѣ, если отъ каждой делегаціи явились не менѣе $^2/_3$ ея членовъ; число членовъ общихъ делегацій должно быть равное; если въ одной делегаціи оказалось

на лицо больше членовъ, чѣмъ въ другой, то излишекъ удаляется по жребію. Совмѣстное засѣданіе ведутъ поочередно оба президента; бюро каждой делегаціи ведетъ протоколъ на своемъ языкѣ; окончательно принятою считается та резолюція, которая получила абсолютное большинство голосовъ.

Въ кругъ вліянія делегацій входятъ лишь такія области политической и экономической жизни, которыя по закону признаны вполнѣ опредѣленно «общими» для обѣихъ половинъ монархіи. Делегаціи при обсужденіи этихъ вопросовъ не могутъ быть связаны никакими инструкціями пославшихъ ихъ законодательныхъ корпусовъ. Главный изъ этихъ вопросовъ, который ежегодно обсуждаютъ делегаціи,—это общій для обѣихъ половинъ имперіи бюджетъ, вырабатываемый «общимъ» министерствомъ по указаніямъ обоихъ—австрійскаго и венгерскаго министерствъ. «Общее» министерство отвѣтственно передъ каждою изъ делегацій. Принятая делегаціями смѣта «общаго» бюджета получаетъ силу закона по утвержденіи ея императоромъ; никакихъ измѣненій въ эту смѣту законодательные корпуса Австріи и Венгріи вносить не могутъ и должны обсуждать ее только цѣликомъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ торговымъ договоромъ между Австріею и Венгріею. Этотъ договоръ обсуждается въ совмѣстныхъ засѣданіяхъ особыхъ депутацій отъ законодательныхъ палатъ обѣихъ половинъ монархіи, которыя за годъ до истеченія срока могутъ заявить, что отказываются отъ него.

Но помимо всѣхъ этихъ предосторожностей, Венгрія предусмотрительно выработала еще одинъ важный пунктъ въ своей конституціи, по которому и засѣданія делегацій, и совмѣстныя работы депутацій могутъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда въ Австріи правильно функціонируютъ конституціонныя учрежденія. Венгрія желаетъ сноситься только съ австрійскимъ парламентомъ, а если таковой въ Австріи перестаръ существовать и замѣненъ абсолютистскимъ режимомъ, то всѣ обязательства Венгріи по отношенію къ Австріи прекращаются. Она тогда разсматриваетъ Австрію, какъ сосѣднюю державу, и совершенно самостоятельно рѣшаетъ вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ ней. Она можетъ сохранить союзъ съ нею, но можетъ и отказаться отъ него, оставаясь связанною съ Австріею лишь личною уніею.

Этимъ путемъ Венгрія сдѣлалась въ извѣстной мѣрѣ надежнымъ оплотомъ австрійской конституціи и значительно осложнила задачи австрійскаго правительства, которое нерѣдко обнаруживало тенденцію разсѣкать Гордіевъ узелъ пріостановленіемъ конституціи и замѣною парламентскихъ резолюцій императорскими указами.

Возобновленіе договора съ Венгріею всегда сопровождалось большими трудностями, но всѣми чувствовалось, что на этотъ разъ трудности будутъ почти непреодолимаго характера. Поэтому австрійскому правительству предстояло раньше всего озаботиться пріобрѣ-

теніемъ въ парламентѣ прочнаго большинства. И эта необходимость выдвинула на ближайшую очередь славянскій вопросъ въ Австріи.

Ростъ славянскаго элемента въ Австріи и усилившееся значеніе его въ австрійскихъ дѣлахъ выразились раньше всего въ томъ, что составъ послѣдняго парламента отнималъ у правительства всякую надежду составить для себя большинство изъ нѣмецкихъ группъ. Въ то же время чехи, напр., могли явиться самыми ярыми противниками возобновленія договора съ Венгріею, такъ какъ они участвуютъ львиною долею въ доходахъ Австріи, и несправедливое распредѣленіе квоты отражается, самымъ чувствительнымъ образомъ, именно на нихъ. Всякое правительство должно было поэтому, даже при полномъ своемъ нежеланіи опереться на славянъ, точно опредѣлить свое отношеніе къ славянству, которое чувствовало, что наступилъ моментъ, когда оно можетъ въ извѣстной мѣрѣ диктовать правительству свои условія. Но послѣдующія событія заставили правительство, поддерживаемое одною частью славянъ—поляками—позаботиться о привлеченіи къ себѣ и другой главной части австрійскихъ славянъ—чеховъ—и открыть въ Австріи новую эру славянской политики.

Исполненіе этой важной для всей будущности Австріи и въ высшей степени отвѣтственной задачи, съ которою не легко было бы справиться и какому нибудь великому реформатору, выпало на долю гр. Бадени.

Еще задолго до приглашенія его на постъ президента австрійскаго министерства, на Бадени смотрѣли, какъ на «kommenden Mann». Ему предшествовала слава несравненнаго администратора, обширнаго государственнаго ума, необыкновеннаго творческаго таланта. Но первая же его программная рѣчь въ парламентѣ вызвала замѣтное разочарованіе. Онъ тогда говорилъ очень много, но ничего не сказалъ. Въ его рѣчи было все, что должно сказать всякое новое министерство, было упомянуто о цѣломъ рядѣ реформъ; но по главному вопросу, который въ тотъ моментъ волновалъ всю Австрію, по вопросу о борьбѣ національностей, онъ высказался въ самомъ неопредѣленномъ смыслѣ. Поскольку въ фразеологической оболочкѣ его мыслей можно было уловить нѣчто осязательное, оно сводилось къ тому, что онъ всегда будетъ считаться съ культурными заслугами нѣмецкаго народа, которому Австрія обязана своимъ развитіемъ, т. е., уже это обѣщаніе противорѣчило вполнѣ тому, что онъ впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ. Далѣе, обѣщано было разсмотрѣніе законопроектовъ прежняго министерства относительно реформы выборнаго права, налоговой реформы.

Но самымъ опредѣленнымъ образомъ среди всѣхъ общихъ фразъ о патріотизмѣ, идеальныхъ цѣляхъ, справедливости, безпристрастности прозвучали слова: «мы желаемъ руководить парламентомъ, а не быть имъ руководимымъ». Это было громкое, самоувѣренное напоминаніе о пресловутой «желѣзной рукѣ» Бадени и ясно указы-

вало на стремленія новаго правительства. Какъ истый бюрократъ, Бадени, не принимавшій до тѣхъ поръ участія въ парламентской жизни, считалъ, что административныя мѣры—лучшая система правленія, даже когда рѣчь идетъ о согласованіи такихъ разнородныхъ интересовъ, какъ интересы разношерстнаго конгломерата національностей, входящихъ въ составъ Австріи. Онъ хотѣлъ превратить парламентъ въ канцелярію, которая должна была отличаться отъ привычныхъ ему канцелярій лишь тѣмъ, что здѣсь не молча принимали бы инструкціи, а позволяли бы себѣ немного разсуждать объ нихъ, чтобы затѣмъ принять угодное правительству рѣшеніе. Въ этомъ заключалась вся политическая мудрость новаго правительства, но Бадени «подвелъ счетъ безъ хозяина», безъ парламента, который состоитъ, въ концѣ концовъ, не изъ чиновниковъ, а изъ народныхъ представителей, обязанныхъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ своими избирателями.

«Внѣпарламентская», политика, идеалъ которой привелъ изъ забитой Галиціи въ Вѣну Бадени, еще, можетъ быть, могла бы имѣть успѣхъ нѣкоторое время, еслибы правительство должно было только отправлять текущія дѣла, еслибы передъ нимъ не стояли такія сложныя задачи, какъ примиреніе національностей въ Австріи, возобновленіе соглашенія съ Венгріею, созиданіе и утвержденіе новыхъ основъ политической организаціи въ Австріи. Но Австрія какъ разъ переживала такой моментъ, когда вся страна зорко слѣдила за каждымъ шагомъ своихъ представителей въ парламентѣ и чутко прислушивалась къ каждому ихъ слову. Еслибы отдѣльныя парламентскія группы и захотѣли вступать за кулисами въ сепаратныя соглашенія съ правительствомъ, какъ онѣ это дѣлали прежде, то онѣ теперь не отваживались на это, такъ какъ онѣ чувствовали надъ собою неослабный надзоръ общественнаго мнѣнія. Единственная партія, которая отважилась на это, была христіанско-соціальная. Занявъ въ парламентѣ скамьи крайней лѣвой и записавшись въ оппозицію, она на самомъ дѣлѣ, послѣ признанія Люэгера бургомистромъ Вѣны, вступила въ тѣсныя отношенія съ правительствомъ и нерѣдко спасала его своими мнимо-оппозиціонными предложеніями. Но и эта партія въ послѣдніе дни замѣтила свою ошибку, которая могла погубить ее въ глазахъ общественнаго мнѣнія; въ послѣднюю минуту она вѣроломно повернула фронтъ и теперь всячески старается замести слѣды своего прежняго поведенія. Обстоятельства оказались гораздо сильнѣе всѣхъ разсчетовъ вожаковъ различныхъ партій.

Бадени былъ поставленъ въ условія, при которыхъ его иниціатива имѣла рѣшающее значеніе. Австрійское министерство по закону не отвѣтственно передъ парламентомъ и можетъ оставаться у власти и осуществлять свои намѣренія даже послѣ того, какъ палата выразила ему хотя бы многократно недовѣріе. Императоръ австрійскій, единственное лицо, передъ которымъ отвѣтственно министерство, оказывалъ Бадени безграничное довѣріе и узаконялъ

всѣ мѣры, которыя глава министерства считалъ цѣлесообразными. «Желѣзная рука» Бадени (эта кличка была присвоена гр. Бадени по аналогіи съ кличкою «желѣзный канцлеръ», котораго онъ старался копировать) была все время совершенно свободна и достаточно вооружена, и, тѣмъ не менѣе, она была все время не свободна и должна была продѣлывать какъ разъ не то, для чего она подымалась.

Первый опытъ въ этомъ смыслѣ былъ продѣланъ Бадени въ исторіи съ утвержденіемъ въ званіи бургомистра Вѣны вожака христіанско-соціально- антисемитской партіи. Эта партія, представляя собою минимальную величину въ качественномъ отношеніи, съумѣла однако ловко воспользоваться обстоятельствами и сдѣлаться на время величиною перваго разряда въ количественномъ отношеніи. Теперь уже и недальновидные люди могутъ замѣтить признаки разложенія этой партіи, но въ моментъ перехода власти въ руки Бадени линія возрастанія силы этой партіи только приблизилась къ своему кульминаціонному пункту. Вынесеннаго этою могучею, хотя и мутною волною Люэгера Бадени сначала ни за что не хотѣлъ утвердить въ званіи бургомистра. Но народное движеніе тогда уже оказалось сильнѣе воли Бадени. Онъ долженъ былъ уступить, но тогда уже показалъ, какъ мало онъ способенъ принаровлять свои дѣйствія къ требованіямъ конституціоннаго государства. Вмѣсто того, чтобы открыто признать положеніе, получившееся въ результатѣ законныхъ выборовъ, онъ повелъ закулисную игру: устроилъ Люэгеру аудіенцію у императора; Люэгеръ на время отказался отъ требованія утвердить его на основаніи ясно выраженной воли народа бургомистромъ; затѣмъ послѣ цѣлаго ряда подходовъ и интригъ желаніе Люэгера всетаки было исполнено. Эту систему приватныхъ соглашеній съ одними группами противъ другихъ Бадени началъ примѣнять и къ парламенту.

Первыя оффиціальныя заявленія Бадени были такого рода, что былъ моментъ, когда австрійскій рейхсратъ представлялъ рѣдкое зрѣлище парламента безъ опредѣленно выраженной оппозиціи: за исключеніемъ крайнихъ, маловліятельныхъ по своему численному составу фракцій, всѣ парламентскія группы находили въ программной рѣчи Бадени фразу или намекъ, который можно было комментировать въ смыслѣ обѣщанія исполнить выставленныя ими требованія.

Покончивъ съ реформою избирательнаго права, которая представляла слишкомъ «спѣлый плодъ» и была достаточно подготовлена предыдущими министерствами, чтобы встрѣтить серьезную оппозицію въ парламентѣ, имѣвшемъ въ каждую минуту достаточное большинство въ пользу этой реформы, Бадени очутился лицомъ къ лицу съ двумя кардинальными вопросами: соглашеніе съ Венгріею и примиреніе славянъ съ нѣмцами. Эти два вопроса, которые составляютъ подоплеку системы каждаго австрійскаго прави-

тельства и которые въ ту минуту находились въ остромъ кризисѣ своего развитія, Бадени считалъ вполнѣ возможнымъ разрѣшить своими «средствіями». Не имѣя никакой опредѣленной политической системы, онъ готовъ былъ править и противъ нѣмцевъ и съ нѣмцами, и противъ славянъ и со славянами, лишь бы добиться возобновленія договора съ Венгріею, что стояло на первой очереди.

Въ новомъ парламентѣ, избранномъ на основаніи расширеннаго избирательнаго права, соотношеніе партій было такое, что представители славянскихъ народностей, сплотившись въ одну группу, могли играть въ немъ рѣшающую роль. Они и поспѣшили сплотиться, составивъ въ парламентѣ самую солидарную группу, которая, безъ малаго, располагала большинствомъ голосовъ. Нѣмецкій элементъ, наоборотъ, былъ представленъ въ парламентѣ непримиримыми фракціями: самая сильная нѣкогда нѣмецкая группа—нѣмецко-либеральная партія — вошла въ значительно ослабленномъ видѣ и имѣла непримиримыхъ противниковъ въ лицѣ нѣмецко-католической партіи, партіи антисемитовъ и др.

Бадени, склонявшійся больше всего къ программѣ нѣмецко-клерикальной партіи и желавшій слѣдовать традиціонной политикѣ австрійскихъ министерствъ и вѣнскаго двора, попробовалъ сначала сдѣлать базисомъ своихъ операцій нѣмецкое меньшинство, къ которому онъ надѣялся привлечь какую-нибудь другую сильную численно фракцію. Начались закулисные переговоры, къ которымъ Бадени считалъ себя спеціально призваннымъ, и попытки примирить непримиримое. Бадени не скупился на обѣщанія и старался склонить на свою сторону самыми противорѣчащими обѣщаніями наиболѣе оппозиціонные другъ другу элементы. Но это оказалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что Бадени и самъ сознавалъ невозможность дальнѣйшей анти-славянской политики, особенно политики анти-чешской, такъ какъ чехи могли составить сильную помѣху австро-венгерскому соглашенію. Однако Бадени считалъ еще въ это время поддержку нѣмецкаго элемента такимъ неоспоримымъ пунктомъ своей программы, что попросился въ отставку, когда его переговоры съ нѣмцами окончились неудачею. И, тѣмъ не менѣе, когда онъ остался у власти, онъ круто повернулъ фронтъ и избралъ своимъ базисомъ славянскій элементъ, изъ котораго онъ создалъ посредствомъ прибавленія къ нему нѣмецко-клерикальной партіи славянско-клерикальное парламентское большинство.

Но и теперь еще онъ не рѣшался дѣйствовать лойяльно и сдѣлаться парламентскимъ правительствомъ, опирающимся въ своихъ дѣйствіяхъ на парламентское большинство, а предпочиталъ «обходить» парламентъ, шушукаясь постоянно съ представителями то одного, то другого лагеря. Чехамъ онъ давалъ торжественныя обѣщанія немедленно ввести реформу въ вопросѣ о государственномъ языкѣ въ Богеміи; нѣмцамъ онъ не менѣе торжественно заявлялъ, что не приметъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ безъ ихъ

вѣдѣнія, и, повидимому, былъ вполнѣ увѣренъ, что и политическіе принципы, и государственныя соображенія самымъ удобнымъ образомъ можно замѣстить хитростью и ловкими политическими маневрами.

Результатомъ его политики было, однако, лишь то, что онъ не пользовался довѣріемъ среди славянскаго большинства, а нѣмецкое меньшинство послѣ изданія имъ распоряженія о языкахъ объявило его политическимъ обманщикомъ, лгуномъ, политическимъ авантюристомъ, какъ выражались нѣкоторыя газеты, и рѣшило прекратить съ нимъ всякія сношенія. Въ концѣ концовъ, наступилъ моментъ, когда парламентское положеніе въ Австріи опредѣлялось формулою: «непримиримая обструкція лѣвой и отсутствіе довѣрія къ министерству со стороны правой». Иными словами, и парламентское меньшинство, въ составъ котораго вошла вся объединившаяся нѣмецкая оппозиція, и парламентское большинство, составившееся изъ всѣхъ славянскихъ партій Австріи плюсъ нѣмецко-католическая партія,—оба не довѣряли политикѣ правительства.

Во всякой другой конституціонной странѣ такое ненормальное положеніе правительства нашло бы себѣ естественный исходъ въ министерскомъ кризисѣ или, въ крайнемъ случаѣ, въ новомъ обращеніи къ голосу общественнаго мнѣнія, т. е. въ избраніи новой палаты депутатовъ. Но въ Австріи, сохранившей архаическую институцію отвѣтственности министерства не передъ народными представителями, а передъ короною, дѣло приняло болѣе трагическій оборотъ. Оппозиція и не скрывала, что она является въ парламентъ не для того, чтобы работать, а съ нарочною цѣлью парализовать работу парламента. Поэтому-то она и не останавливается ни передъ какими мѣрами, содѣйствующими осуществленію ея печальной задачи. Въ число этихъ мѣръ входитъ и затягиваніе преній путемъ нагроможденія поправокъ на поправки, и требованіе поименныхъ голосованій для каждой маловажной резолюціи и требованіе постановки на очередь не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу вопросовъ, и, наконецъ, какъ послѣднее средство, скандалъ, хотя-бы это и дискредитировало значеніе парламента. Благодаря этимъ ненормальнымъ условіямъ, засѣданія парламента приняли такой скандальный характеръ, что о продолженіи ихъ на тѣхъ же основаніяхъ не могло быть и рѣчи, и враги парламентаризма радостно потирали руки. Парламентское большинство, пользуясь своею возможностью принимать обезпеченнымъ большинствомъ голосовъ какія ему угодно мѣры, позволяло себѣ одно нарушеніе парламентскаго устава за другимъ, а оппозиція на все отвѣчала такимъ шумомъ и такими скандалами, которые сводили на нѣтъ всѣ мѣропріятія большинства, такъ какъ ни одинъ законопроектъ не могъ быть поставленъ на обсужденіе.

Съ обѣихъ сторонъ страсти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разгорались, и каждый день подливалъ масла въ огонь. Къ

концу сессіи всѣ уже почти забыли объ исходномъ пунктѣ раздоровъ, распоряженіи о языкахъ. Всѣ говорили лишь о событіяхъ дня и боролись за возстановленіе того или иного нарушеннаго парламентскаго устава.

Славянское большинство, желая угодить правительству и поддержать его требованія въ награду за распоряженіе о языкахъ, самымъ циничнымъ образомъ попирало конституцію и сдѣлало президіумъ въ такой степени ненавистнымъ меньшинству, что послѣднее считало по отношенію къ нему все дозволеннымъ. По адресу президіума сыпались всѣ ругательства, существующія на нѣмецкомъ языкѣ, вплоть до самыхъ неприличныхъ; появленіе ненавистнаго президента, Абрагамовича, привѣтствовалось всякій разъ криками: «Вонъ, убійца конституціи! вонъ, преступникъ! измѣнникъ!» и т. п. Поляки оппозиціи (рабочей партіи), кричали и въ парламентѣ, и на народныхъ собраніяхъ, что Абрагамовичъ и Бадени, имѣющіе всею своею политикою въ виду только интересы шляхты, позорятъ своимъ поведеніемъ польскій народъ. Отсюда постоянно раздавались крики: «вонъ, польскіе шляхтичи! Вы хотите здѣсь ввести галиційскій режимъ! На вашихъ рукахъ кровь галиційскихъ крестьянъ!» Чехи оппозиціи обращались съ такими же оскорбленіями по адресу вице-президента, Крамаржа, и скандалъ росъ съ каждымъ днемъ. Наконецъ, большинство позволило себѣ такое грубое нарушеніе конституціи, для котораго оно-же само не могло найти никакого оправданія. Дѣйствуя только подъ вліяніемъ минуты, оно позволило себѣ при помощи полнаго нарушенія всѣхъ формъ провести насильно въ палатѣ «законъ Фалькенгайна», разрѣшавшій президенту призывать военную силу противъ нарушающихъ порядокъ депутатовъ. И на слѣдующій же день австрійскій парламентъ былъ свидѣтелемъ неслыханно-позорнаго зрѣлища, передачи законодательнаго корпуса народныхъ представителей во власть полицейскаго отряда. Самъ президентъ призвалъ въ парламентъ полицію и приказалъ ей насильно выносить изъ парламента непокорныхъ депутатовъ. Это зрѣлище было въ такой мѣрѣ позорно, что теперь даже виновники его—младочехи—стараются всѣми силами доказать, что они не такъ поняли законъ Фалькенгайна, и пробуютъ обѣлить себя. Эта мѣра переполнила чашу. Послѣ этого къ обструкціонерамъ присоединились и тѣ элементы оппозиціи, которые до сихъ поръ не принимали активнаго участія въ обструкціи. Оппозиція, прогнавъ съ президентской трибуны президіумъ, овладѣла этою трибуною и рѣшилась не допускать болѣе на это мѣсто Абрагамовича и Крамаржа. На слѣдующій день во имя защиты конституціи къ оппозіиціи присоединилось все политически-зрѣлое населеніе Вѣны. Сорока-тысячная толпа устроила грозную демонстрацію передъ рейхстагомъ и овладѣла на нѣсколько часовъ улицею. А еще черезъ день казавшееся еще наканунѣ незыблемымъ министерство Бадени должно

было, уступая требованіямъ народа, поспѣшно выйдти въ отставку и передать дѣло временному министерству изъ чиновниковъ подъ президентствомъ барона Гауча.

Теперь, когда пало это министерство, оказавшееся неспособнымъ рѣшить ни одной изъ стоявшихъ передъ нимъ задачъ, всѣ спрашиваютъ себя съ удивленіемъ, какъ такое министерство могло продержаться такъ долго у власти. Въ теченіе двухъ лѣтъ оно было тяжелымъ кошмаромъ Австріи, пробудило къ жизни всѣ клерикально-реакціонныя тенденціи, урѣзывало путемъ многочисленныхъ конфискацій и безъ того достаточно ограниченную свободу печати въ Австріи, грубо нарушало законъ о коалиціи и распустило успѣвшія сформироваться профессіональныя рабочія организаціи, подготовляло почву для окончательной клерикализаціи школъ, но рядомъ съ этою отрицательною дѣятельностью не сдѣлало ничего положительнаго, что оправдывало бы его существованіе. Поставивъ себѣ задачею проведеніе австро венгерскаго соглашенія, оно вскорѣ должно было признать свое безсиліе и ограничиться стремленіемъ провести хотя бы отстрочку уже существующаго соглашенія на одинъ годъ, но и этого не могло добиться. Даже тѣ некрупныя положительныя реформы, которыя парламентъ уже принялъ (какъ уничтоженіе тяжелаго налога на газеты, уничтоженіе лоттерей, увеличеніе жалованья чиновникамъ и т. п.) министерство не приводило въ дѣйствіе подъ разными предлогами.

Что же составляло силу кабинета Бадени, паденіе котораго Вѣна и многіе другіе города праздновали торжественными иллюминаціями? Отвѣтъ на это слѣдуетъ искать только въ составѣ политическихъ группъ парламента, слабость котораго составляла всю силу Бадени.

Ни одна изъ численно сильныхъ партій австрійскаго парламента не обладаетъ достаточно жизнеспособною программою, чтобы объединить вокругъ себя всѣ дѣятельные элементы палаты. Господствовавшая до недавняго времени нѣмецко-либеральная партія совершенно изжила свою програму и въ послѣдніе годы не способна была одарить Австрію ни одною живою идеею. Очутившись послѣ геройскаго напряженія силъ въ 1848 г. въ положеніи «beati possidentes», эта партія уже вскорѣ послѣ своей побѣды начала неизлѣчимо хирѣть и, наконецъ, окончательно захирѣла. Выросшая на идеяхъ конца прошлаго столѣтія, которыя она считала своимъ долгомъ и соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ провести въ жизнь, она дала Австріи все, что могла ей дать программа «чистаго либерализма», т. е. представительную форму правленія, свободу мысли, свободу слова (въ извѣстныхъ предѣлахъ), свободную школу и полную вѣротерпимость.

Это, конечно, не малая заслуга, но послѣдняя половина нашего столѣтія поставила передъ человѣчествомъ новыя задачи. Вышеозначенныя формы жизни считаются въ настоящее время во

всемъ цивилизованномъ мірѣ не тѣми идеалами, къ которымъ должно только стремиться, а необходимыми данными, столь же естественными, сколько и географическая среда, въ предѣлахъ которой должно устраивать свою жизнь. Но нѣмецко-либеральная партія на этихъ идеалахъ и застыла. Новыя требованія, поставленныя выступившею на арену политической дѣятельности широкою массою населенія, не встрѣтили никакого сочувствія въ рядахъ либеральной буржуазіи, отмежевавшей себѣ извѣстный размѣръ правъ и цѣпко державшейся за нихъ. Требованіе уступить частицу этихъ правъ, подѣлиться ими съ остальною, самою обширною частью населенія, встрѣчало только глухой отпоръ со стороны нѣмецко-либеральной партіи, и она, наконецъ, пропиталась такимъ страхомъ къ поднимавшейся изъ глубинъ народной жизни волнѣ, что предпочла скорѣе сдѣлаться податливымъ прислужникомъ правительства, чѣмъ идти рядомъ съ прогрессивными народными элементами. Это рѣшило судьбу либеральный партіи въ Австріи. Вся ея послѣдующая дѣятельность была какъ бы спеціально направлена на то, чтобы лишить либерализмъ того ореола, которымъ моглибы окружить его легковѣрные люди, способные увлекаться словами. Либералы безпощадно разрушали возможность такихъ иллюзій. Въ качествѣ прислужниковъ правительства, они оказывали самое упорное сопротивленіе не только соціальнымъ реформамъ, но и реформамъ политическимъ, хотя бы непосредственно вытекавшимъ изъ ихъ либеральной программы. Они охотно изображали собою таранъ, который правительство пускало въ ходъ всякій разъ, когда нужно было выступить противъ демократическихъ требованій, и, наконецъ, потеряли даже право на самое названіе либеральной партіи и вполнѣ заслужили кличку псевдо-либераловъ, подъ которою они извѣстны теперь.

Все талантливое, все мало-мальски выдающееся бѣжало изъ рядовъ этой окаменѣлой партіи, и часть ихъ, во главѣ съ профессоромъ Филипповичемъ, рѣшила выдѣлиться въ особую *прогрессивную* партію, пробующую воскресить старый либерализмъ, подновленный программою соціальныхъ реформъ и подкрашенный нѣсколько радикализмомъ; но эта партія, обзаведшаяся своимъ органомъ, носитъ пока только академическій характеръ, а политическая физіономія ея еще не выяснилась, такъ какъ она, образовавшись почти наканунѣ выборовъ, не успѣла еще провести ни одного своего кандитата въ парламентъ.

Вторая сильная теперь партія,—младочешская, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ окрашивала своею дѣятельностью всю жизнь австрійскаго парламента, не смотря на свою малочисленность. Она представляетъ теперь еще болѣе инертную массу, чѣмъ либеральная партія, и какъ бы старается подтвердить всѣмъ своимъ поведеніемъ извѣстное положеніе: власть портитъ, портитъ не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыя партіи. Лучшею ихъ характери-

стикою является то, что у нихъ теперь нѣтъ иной клички, какъ «старые младочехи», въ которой заключается намекъ на то, что они уподобились своимъ прежнимъ врагамъ, старочехамъ.

Сила младочеховъ заключалась не только въ ихъ національномъ знамени, а и въ той программѣ соціальныхъ и политическихъ реформъ, которая позволила выступить имъ въ качествѣ истинной демократической партіи, привлекавшей къ себѣ и такіе элементы, которые были беззаботны на счетъ національныхъ требованій, а домогались демократическихъ реформъ. Находясь въ оппозиціи, эта партія представляла собою наиболѣе прогрессивный элементъ въ парламентѣ, являлась и единственною талантливою защитницею либеральныхъ реформъ; ея представителями были произнесены лучшія рѣчи по вопросу о расширеніи избирательныхъ правъ; своею критикою реакціонныхъ дѣйствій правительства она нерѣдко перетягивала въ свой лагерь даже своихъ противниковъ, но теперь все это «tempi passati».

Національный разсчетъ заставляетъ ихъ закрывать глаза на все остальное; ради него они считаютъ дозволительнымъ союзъ не только съ нѣмецкими клерикалами, но и съ польскою шляхтою, такъ цинично попирающею всѣ народныя права въ Галиціи. Но и среди младочеховъ есть лица, для которыхъ культурные интересы ихъ страны стоятъ на первомъ планѣ, пожалуй, даже выше національныхъ разсчетовъ; эти лица не забываютъ, что именно тѣ крупицы свободы, которыя были отвоеваны у правительства, и позволили развиться чешскому движенію такимъ могучимъ потокомъ; что немаловажную опору для чешскаго движенія составило общественное мнѣніе Европы, которое привѣтствовало это движеніе, какъ освободительное; что сила этого движенія и признанныя за чешскою національностью права на болѣе замѣтную, болѣе активную и даже руководящую роль въ жизни Австріи зиждилась на культурныхъ успѣхахъ этой національности, на томъ, что эта національность явилась въ извѣстный моментъ единственнымъ porte-parole'емъ прогрессивныхъ стремленій страны. Эти лица и стараются поэтому отстоять лучшія завоеванія чешскаго народа и самымъ энергичнымъ образомъ протестуютъ противъ нынѣшней тактики руководителей младочешскаго движенія; отъ нихъ уже отдѣлилось радикальное крыло, рѣшившее отстоять свободу школы; младочешскіе вожаки уже не вызываютъ теперь того энтузіазма среди чешской интеллигенціи, какой они вызывали раньше, а масса чешскаго народа начинаетъ сильно льнуть къ обще-австрійскому рабочему движенію, ставящему на первый планъ соціальныя и политическія реформы.

Младочешской парламентской группѣ грозитъ, такимъ образомъ, опасность оказаться въ противорѣчіи съ требованіями своего народа, и, если ей не удастся теперь же добиться уступокъ отъ правительства, она рискуетъ явиться послѣ новыхъ выборовъ въ до-

вольно ослабленномъ видѣ въ парламентѣ. А результатомъ этого будетъ лишь то, что младочешская группа перестанетъ играть исполняемую ею теперь главную роль въ политическихъ комбинаціяхъ, и осуществленіе ея требованій будетъ отложено на неопредѣленное время,—иначе говоря, съ нею можетъ случиться именно то, что уже пришлось однажды пережить старочешской партіи.

Но пока что, въ парламентѣ господствуетъ исключительно націоналистическое теченіе младочешской группы, и они оставались нѣмы, пока правительство не затрагивало ихъ національныхъ интересовъ.

Это чрезмѣрное оттѣненіе національныхъ тенденцій является не только моментальнымъ печальнымъ фактомъ и не только для одного младочешскаго движенія. Этимъ элементомъ начинаютъ проникаться и всѣ другія общественныя движенія въ Австріи и даже такія движенія, которыя исходили изъ прямо противоположныхъ принциповъ. Австріи, благодаря ея внутренней національной жизни, можетъ быть, будетъ принадлежать честь внесенія національной розни въ интернаціональное движеніе, провозгласившее принципъ братства всѣхъ народовъ и старавшееся поставить его на мѣсто принципа національной борьбы.

Аттаку противъ этого принципа, составляющаго лучшее завоеваніе человѣческой мысли; сдѣлавшаго возможнымъ протестъ нѣмецкой рабочей партіи противъ насильственнаго отторженія отъ Франціи Эльзасъ-Лотарингіи; сдѣлавшаго возможнымъ совмѣстную демонстрацію нѣмецкихъ и чешскихъ рабочихъ въ Прагѣ противъ нѣмецко-чешскаго шовинизма; ведущаго на всѣхъ пунктахъ борьбу противъ шовинистскихъ тенденцій и занесшаго на страницы исторіи тѣ единичные отрадные факты, на которыхъ отдыхаетъ глазъ,—противъ этого-то принципа повела аттаку польская рабочая партія, требующая, чтобы всюду поляки организовывались въ самостоятельныя партіи и оттѣняли спеціально польскія политическія требованія. Съ такою программою они выступили, напримѣръ, на послѣднемъ руссинскомъ конгрессѣ, и забитые, загнанные руссины, должны были напомнить полякамъ, что они не желаютъ національной борьбы, не желаютъ ослабить соціальное движеніе.

Съ аналогичнымъ же требованіемъ польская рабочая партія выступила и на послѣднемъ конгрессѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи въ Гамбургѣ, гдѣ она заявила, что въ польскихъ округахъ должны кандидировать исключительно лица, владѣющія польскимъ языкомъ, т. е. предпочтительно поляки, и очень бурно протестовали противъ сдѣланнаго имъ возраженія въ томъ смыслѣ, что достоинства кандидата опредѣляются его способностями, а не національностью, и что нѣмецкая соціалъ-демократія не позволитъ внести національный элементъ въ свою программу.

Третью замѣтную въ количественномъ отношеніи и многошумящую группу въ парламентѣ, составляетъ христіанско соціали-

стически-антисемитская партія Люэгера, но она представляетъ такое умственное и нравственное убожество, что съ нею серьезно не считаются. Это та партія, съ которою, во время послѣдняго интернаціональнаго конгресса въ Цюрихѣ для защиты труда, просили не смѣшивать себя «христіанско-соціалистическія» партіи остальныхъ странъ. На Цюрихскомъ конгрессѣ она прославилась сдѣлавшеюся теперь исторической фразою: «мы требуемъ воскреснаго отдыха для рабочихъ, главнымъ образомъ, потому, что человѣкъ, вопреки мнѣнію атеистовъ, не происходитъ отъ обезьяны». Въ Австріи она выѣзжаетъ на лжи и клеветѣ, обвиняя рабочую партію въ томъ, что она существуетъ на «жидовскія» деньги, что хочетъ воздвигнуть гоненіе на религію, на институтъ брака и т. п. Чѣмъ эта партія могла-бы осчастливить народъ въ случаѣ достиженія ею власти, она прекрасно показала въ теченіе своего двухлѣтняго хозяйничанія въ Вѣнѣ, муниципалитетъ которой всецѣло перешелъ въ ея руки. Первымъ ея подвигомъ было уменьшеніе суммы, ассигнованной на школьныя пособія для дѣтей неимущихъ родителей, на 50,000 гульд. въ годъ...

Но этимъ не ограничилось ея вторженіе въ школьное дѣло; она покушается на самую свободу школьнаго преподаванія и безцеремонно удаляетъ учителей, не исповѣдующихъ ея символа вѣры. Послѣднія дѣйствія антисемитическаго муниципалитета успѣли даже вызвать сильное броженіе среди учительскаго персонала и имѣли лишь ту положительную заслугу, что послужили толчкомъ къ тѣсному сплоченію учителей Нижней Австріи, которые рѣшили образовать союзъ для борьбы съ посягательствомъ на свободу школьнаго образованія.

Ни одного изъ обѣщаній, данныхъ этою партіею своимъ мелкобуржуазнымъ избирателямъ и избирателямъ изъ среды неорганизованной рабочей массы передъ выборами, она, конечно, не могла выполнить. При существующихъ условіяхъ она не можетъ разрѣшить ни квартирнаго вопроса, ни вопроса о дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, ни вопроса о низкомъ уровнѣ рабочей платы. Такія обѣщанія она могла дѣлать, или прибѣгая къ сознательному обману, или по своему глубокому невѣжеству въ вопросахъ экономической политики.

Остальныя парламентскія партіи (за исключеніемъ польскаго кôло, вошедшаго теперь въ составъ славянскаго большинства) слишкомъ малочисленны, чтобы оказывать существенное вліяніе на парламентскую жизнь или послужить опорою для правительства. Это скорѣе фракціи, входящія въ ту или иную комбинацію, сулящую имъ какія нибудь моментальныя выгоды, чѣмъ настоящія политическія партіи.

Такимъ образомъ, безплодность дѣятельности австрійскаго парламента, неспособность его взять на себя руководительство государственною жизнью страны является не случайностью, а коре-

нится въ органическихъ причинахъ австрійскаго государственнаго строя. Причины эти: пользовавшееся до сихъ поръ покровительствомъ высшей власти соперничество національностей, подавленіе одной національности другою, предоставленіе привилегій одной на счетъ другой на основаніи пользовавшагося высшимъ авторитетомъ девиза: divide et impera, и устарѣлая система организаціи законодательнаго корпуса на основаніи куріальныхъ выборовъ, т. е., представительства интересовъ отдѣльныхъ группъ, курій. Эта система противорѣчитъ всему строю жизни современной культурной страны, гдѣ интересы отдѣльныхъ группъ переплетаются сотнями незамѣтныхъ, но очень крѣпкихъ нитей.

Областная автономія, гарантирующая огражденіе интересовъ меньшинства, и всеобщее избирательное право, при которомъ кандидаты, выступая передъ разноплеменною публикою, связанною только общими интересами, не могли бы опираться на національную исключительность въ качествѣ знамени для политическаго дѣятеля,—это необходимыя условія для приданія жизнеспособности австрійскому парламенту.

Доказательство этого можно видѣть уже въ томъ, что выборы въ учрежденной передъ послѣднимъ обновленіемъ парламента 5-й куріи, обнимавшей народную массу, состоялись уже далеко не на почвѣ националистскихъ вожделѣній; въ этой куріи чехи и нѣмцы, поляки и руссины вотировали за одного и того же кандидата, выступавшаго съ одобренною ими, какъ экономическою и политическою группою, программою соціально-политическихъ реформъ. Но съ этою программою выступаетъ только рабочая партія, слишкомъ еще малочисленная въ парламентѣ, чтобы повернуть колесо парламентской жизни. Однако, рѣчь можетъ теперь идти не о кризисѣ парламентаризма въ Австріи вообще, какъ силятся изобразить дѣло реакціонные элементы, а о кризисѣ обветшалыхъ формъ австрійскаго парламентаризма.

Старый парламентаризмъ сослужилъ Австріи не маловажную службу. Одна изъ здѣшнихъ газетъ сообщала, будто художникъ Верещагинъ, присутствовавшій при одномъ изъ скандальныхъ засѣданій парламента, сказалъ одному журналисту въ отвѣтъ на вопросъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ засѣданіемъ: «Это, конечно, очень грустное зрѣлище. Но во сколько разъ было бы печальнѣе, еслибы эти раздоры были вынесены на улицу и въ бой другъ съ другомъ выступили бы не депутаты, а представляемые ими народы?»

Насколько это было бы печальнѣе, показали послѣднія событія въ Прагѣ. Какъ только населеніе потеряло надежду на то, что интересующій его вопросъ будетъ разрѣшенъ парламентомъ, въ Прагѣ вспыхнуло формальное возстаніе, и улицы чешской столицы обагрились кровью.

Именно въ Австріи, гдѣ сталкиваются такъ часто многоразлич-

ные интересы разныхъ національностей, парламентаризмъ явился благодѣтельнымъ громоотводомъ, спасшимъ ее отъ вынесенія борьбы на улицу, отъ внутреннихъ междуусобицъ.

Только конституціонныя учрежденія могли бы доставить извѣстную гарантію въ томъ, что при рѣшеніи чешскаго вопроса, занявшаго мѣсто прежняго венгерскаго, будетъ избѣгнуто повтореніе печальныхъ страницъ въ исторіи Австріи. Но для этого долженъ подвергнуться соотвѣтствующимъ измѣненіямъ самый австрійскій парламентаризмъ. Старый вожакъ чешскаго народа Ригеръ на дняхъ только выразился по поводу послѣднихъ событій, приведшихъ къ необходимости прекратить засѣданія парламента: «Эти печальные факты доказываютъ лишь весь non sens существованія въ Австріи централистскаго парламента, который долженъ быть замѣщенъ мѣстными ландтагами».

Прекращеніе дѣятельности парламента, къ которому прибѣгло министерство Гауча, не считается рѣшеніемъ вопроса даже въ министерскихъ кругахъ. Первымъ результатомъ этого явилось то, что венгерское министерство уже вынуждено было заявить, что если къ веснѣ будущаго года Австрія не въ состояніи будетъ строго конституціоннымъ путемъ принять соглашеніе съ Венгріею, то послѣдняя не будетъ считать себя связанною съ первою. При этомъ партія назависимости въ Венгріи (партія Кошута) доказываетъ, что пріостановленіе дѣйствія конституціи въ Австріи дѣлаетъ необязательною для Венгріи и «прагматическую санкцію», т. е., содержаніе общей арміи и общаго дипломатическаго представительства. Для Австріи это весьма сильная угроза, такъ какъ выполненіе этого плана низвело бы Австрію на положеніе второклассной державы; но еслибы дѣло и не зашло такъ далеко, то и прекращеніе хозяйственно-экономическаго единства обѣихъ половинъ монархіи можетъ вызвать достаточно серьезныя послѣдствія. Австрія, само собою разумѣется, не откажется надолго отъ конституціи, которая здѣсь имѣетъ своихъ достаточно надежныхъ защитниковъ; парламентъ придется созвать и придется найти какой-нибудь modus procedendi. И единственный возможный modus, какъ начинаютъ сознавать здѣсь, заключается въ децентрализаціи и образованіи изъ Австріи союза государствъ.

У Австріи имѣются уже въ зародышѣ всѣ учрежденія этого характера: у нея есть мѣстные ландтаги, которые могутъ, при расширеніи ихъ компетенціи, превратиться въ мѣстные парламенты, гораздо болѣе приспособленные къ разрѣшенію и улаженію недоразумѣній между двумя-тремя національностями данной области, чѣмъ мало-подвижный центральный парламентъ, которому приходится рѣшать національный вопросъ сразу по отношенію ко всѣмъ національностямъ. Она создала делегаціи, служащія чѣмъ-то вродѣ Bundesrath'а пока только для Австріи и Венгріи. Но Венгрія предвидитъ уже возможность вступленія въ этотъ союзъ на одинако-

выхъ началахъ и другихъ національностей. Чехи, между прочимъ, всегда говорятъ, что они считаютъ свое парламентское представительство лишь чешскою делегаціею въ Вѣнѣ, и не признаютъ вѣнскаго парламента въ его настоящемъ видѣ.

Это естественный ходъ развитія политическихъ учрежденій, если развитіе ихъ будетъ совершаться нормально. Австрія тогда выполнитъ свою «историческую миссію», не потому, правда, что ей предопредѣлено, а потому, что иначе она существовать не можетъ. А это тоже достаточная причина. Недаромъ же не существуетъ до сихъ поръ оффиціальнаго слова для общаго наименованія всѣхъ земель, лежащихъ по сю сторону Лейты. Въ венгерскихъ оффиціальныхъ документахъ для этихъ земель употребляется описательный терминъ; въ договорахъ пишется обыкновенно: «земли венгерской короны и остальныя земли Габсбургской короны». А въ австрійскихъ оффиціальныхъ документахъ эти земли опредѣляются описательнымъ терминомъ: «коронныя земли, представленныя въ рейхсратѣ». Названіе этой страны, равно какъ и политическій укладъ ея, только теперь созидаются, и намъ приходится присутствовать при тяжелыхъ мукахъ родовъ этого новаго политическаго организма.

П. Звѣздичъ.

Вѣна 13 (1) декабря.

Литература и жизнь.

О дѣлѣ г-жи Поповой и о союзѣ писателей.

Передо мной лежатъ двѣ брошюры: г. А. Попова—«Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести Союза русскихъ писателей» и г. К. Льдова—«Вопіющее дѣло». Обѣ брошюры посвящены дѣлу бывшихъ сотрудниковъ «Новаго Слова» съ г-жею Поповой, разбиравшемуся судомъ чести Союза писателей. Г. Поповъ былъ въ этомъ дѣлѣ представителемъ г-жи Поповой и такъ и подписался подъ своей брошюрой: «Довѣренный бывшей издательницы «Новаго Слова» А. Поповъ». Г. Льдовъ не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ дѣлу. Какъ тотъ Пушкинскій рыцарь, «духомъ смѣлый и прямой»,

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму—
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,

онъ написалъ о дѣлѣ г-жи Поповой три статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», издалъ ихъ отдѣльной брошюрой съ прибавленіемъ четвертой, вновь написанной, въ концѣ которой задаетъ себѣ или читателямъ рядъ вопросовъ, и заключаетъ такъ: «Посильный отвѣтъ на эти вопросы не замедлитъ появиться въ слѣдующей брошюрѣ». Тогда, можетъ быть, г. Льдовъ и постигнетъ испепелившее его душу видѣніе, а до сихъ поръ онъ волнуется, негодуетъ, недоумѣваетъ—и ничего не понимаетъ. Но непостижное уму видѣнье неотступно преслѣдуетъ его, «и какъ громъ, его угроза поражаетъ»—онъ самъ хорошенько не знаетъ кого.

Я не намѣренъ входить во всѣ подробности дѣла бывшей издательницы «Новаго Слова» съ бывшими сотрудниками этого журнала, но считаю всетаки нужнымъ напомнить его въ самыхъ общихъ чертахъ.

О. Н. Попова пріобрѣла журналъ отъ г. Баталина въ 1895 г., а въ началѣ 1897 г. продала его г. Семенову. Въ этотъ промежутокъ времени между издательницей, съ одной стороны и, сотрудниками, съ другой, происходили разныя недоразумѣнія, все обострявшіяся, и, наконецъ, выяснилась полная невозможность совмѣстнаго участія въ дѣлѣ. Съ обѣихъ сторонъ предлагались разные выходы, между прочимъ, шли переговоры и о передачѣ журнала, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, сотрудникамъ, во главѣ которыхъ стоялъ С. Н. Кривенко, но ничего изъ этого не вышло, и, какъ уже сказано, г-жа Попова продала журналъ г. Семенову. Составъ редакціи и направленіе журнала рѣзко измѣнились. Въ апрѣлѣ настоящаго года гг. Абрамовъ и Скабичевскій, въ качествѣ уполномоченныхъ группою бывшихъ сотрудниковъ «Новаго Слова», обратились въ комитетъ Союза писателей съ заявленіемъ, предлагающимъ на разсмотрѣніе суда чести слѣдующіе четыре вопроса: 1) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе продать журналъ, не предложивши сотрудникамъ взять его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ онъ проданъ г. Семенову? 2) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе скрывать отъ работавшей въ журналѣ группы писателей свое намѣреніе продать журналъ? 3) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе продавать журналъ, созданный работами людей одного направленія, людямъ совсѣмъ другого направленія? 4) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе, завязавъ переговоры съ г. Кривенко о передачѣ журнала и назначивъ срокъ для окончанія переговоровъ, будучи недовольна предложенными условіями и не сдѣлавъ желательныхъ ей поправокъ, приступать къ продажѣ журнала въ другія руки?

Судъ чести, на который довѣреннымъ г-жи Поповой явился А. Н. Поповъ, былъ, по случаю приближенія лѣтняго времени, далеко не въ полномъ составѣ. Приговоръ подписанъ тремя судьями: предсѣдательствовавшимъ В. Д. Спасовичемъ и членами—В. А. Манасеинымъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитомъ. Послѣдніе двое «приз-

наютъ г-жу Попову нравственно неправою въ продажѣ журнала «Новое Слово» въ томъ видѣ, какъ эта продажа совершилась; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они признаютъ наличность многихъ обстоятельствъ, значительно уменьшающихъ неправоту г-жи Поповой, а именно: 1) болѣзненной нервности г-жи Поповой, оставшейся у нея послѣ тяжкой перенесенной ею болѣзни; 2) безкорыстной затраты крупныхъ суммъ на изданіе журнала; 3) нѣсколько безпорядочнаго, повидимому, веденія сотрудниками хозяйственной части изданія; 4) недостаточнаго знакомства г-жи Поповой съ тѣмъ, какого направленія будетъ держаться новая редакція «Новаго Слова», и могутъ ли принять участіе въ журналѣ прежніе сотрудники; 5) участія нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Новаго Слова» въ «Недѣлѣ», хотя и не по спорнымъ между этими двумя журналами вопросамъ, въ такое время, когда журналы эти вели между собою полемику. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній Судъ чести по большинству голосовъ опредѣлилъ: признать О. Н. Попову нравственно неправою въ томъ, что она продала журналъ «Новое Слово» лицамъ иного, хотя прогрессивнаго направленія, не исчерпавъ всѣхъ средствъ для продажи журнала своимъ прежнимъ сотрудникамъ, но неправота г-жи Поповой въ значительной мѣрѣ уменьшается перечисленными въ мотивахъ настоящаго приговора смягчающими вину ея обстоятельствами».

В. Д. Спасовичъ, хотя и подписавшій приговоръ, остался при особомъ мнѣніи, заключительныя строки котораго гласятъ: «Членъ суда В. Спасовичъ, признавая, что О. Н. Попова не оказывается ни нарушившею по настоящему дѣлу какія бы то ни было нравственныя обязанности по отношенію къ жалобщикамъ Я. В. Абрамову и А. М. Скабичевскому, ни поступившею вопреки установившимся въ современной печати правиламъ и приличіямъ, полагаетъ жалобу гг. Абрамова и Скабичевскаго, какъ неосновательную, оставить безъ послѣдствій».

Тотчасъ по окончаніи дѣла г-жа Попова выбыла изъ Союза писателей, членомъ котораго была съ самаго его основанія, а затѣмъ г. Поповъ издалъ свою брошюру «Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ». Въ брошюрѣ напечатаны, кромѣ предисловія и послѣсловія,—заявленіе гг. Абрамова и Скабичевскаго, представленное въ комитетъ Союза писателей для передачи въ судъ чести; рѣчь г. Попова на судѣ, приговоръ суда и особое мнѣніе г. Спасовича. Подъ брошюрой подписано: 30 мая 1897, а цензурная помѣтка: 23 іюня 1897. Въ августовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» появилась первая громоносная статья г. Льдова, въ которой, между прочимъ, читаемъ: «Со времени выхода въ свѣтъ брошюры г. Попова по настоящее время, когда мы приступаемъ къ этой статьѣ, прошло три недѣли; между тѣмъ никакихъ указаній на фактическія неточности въ перепечаткѣ этихъ документовъ (обнародованныхъ въ брошюрѣ г. Попова) заявлено не было. Въ

виду этого считаемъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, какъ на матеріалъ вполнѣ основательный».

Основательность эта была однако поколеблена письмомъ В. А. Манасеина въ редакцію «Сына Отечества» (№ 212). В. А. Манасеинъ писалъ: «Въ брошюру г. Попова не вошли цѣликомъ ни показанія свидѣтелей по дѣлу, данныя ими по дѣлу, ни рѣчи гг. Абрамова и Скабичевскаго, сказанныя ими послѣ свидѣтельскихъ показаній. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, сообщенныя г. Поповымъ, далеко не полны. Всѣ члены суда (гг. Спасовичъ, Фанъ-деръ-Флитъ и я) ко времени появленія брошюры г. Попова разъѣхались, а потому и не могли свидѣться, чтобы сдѣлать какое-либо заявленіе по поводу этой брошюры сообща». Тѣмъ не менѣе, г. Манасеинъ не счелъ возможнымъ откладывать разъясненіе, по крайней мѣрѣ, одной изъ «неточностей» брошюры, а именно: «Г. Поповъ увѣряетъ, будто бы я на судѣ позволилъ себѣ «наводить» г. Кривенко на отвѣты. Не говоря уже о томъ, что для такого нарушенія самыхъ начальныхъ правилъ порядочности (которое, конечно, не могло бы быть допущено и предсѣдателемъ суда) не было никакого повода, такъ какъ до суда я рѣшительно ни въ какихъ (ни въ дружескихъ, ни во враждебныхъ) отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ тяжущихся не состоялъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ томъ числѣ и гг. Поповыхъ) даже ни разу въ жизни не видалъ, и самаго факта, заявленнаго г. Поповымъ, не было вовсе».

Письмо г. Манасеина вызвало вторую статью г. Льдова, фельетоны г. Скабичевскаго о томъ же дѣлѣ г-жи Поповой—третью, анонимная замѣтка «Сына Отечества»—четвертую, а всѣ онѣ вмѣстѣ составили брошюру «Вопіющее дѣло». Остальная печать отнеслась къ дѣлу г-жи Поповой очень сдержанно. Только «Московскія Вѣдомости», «Міровые Отголоски», да г. Н. Энгельгардтъ въ «Новомъ Времени» (не считая «Сѣвернаго Вѣстника») заслужили въ этомъ отношеніи одобреніе г. Льдова, который патетически восклицаетъ въ своей брошюрѣ: «Статьи, вошедшія въ эту брошюру, устанавливаютъ факты явнаго оклеветанія г-жи Поповой. Остается еще выяснить вопросъ болѣе важный въ общественномъ отношеніи: почему это произошло? и почему обращеніе г-жи Поповой къ суду общественнаго мнѣнія не вызвало единодушнаго взрыва негодованія? не вызвало даже отголоска?.. Что за *темная, мущая сила* (курсивъ г. Льдова) препятствуетъ выясненію правды, когда въ дѣло замѣшаны главари мнимо-передового направленія, давно уже окоченѣвшаго въ своей косности и своекорыстной нетерпимости? Чей властный перстъ дерзко пригрозилъ органамъ русской печати, изъявъ изъ обсужденія вопросъ, во всякомъ случаѣ, касающійся ея насущнѣйшихъ интересовъ? Почему, въ самомъ дѣлѣ, только четыре періодическія изданія отважились пренебречь «либеральнымъ» изъятіемъ изъ сферы гласности процесса г-жи По-

повой?.. Посильный отвѣтъ на эти вопросы не замедлитъ появиться въ слѣдующей брошюрѣ».

Тѣмъ временемъ происходило слѣдующее. 23 іюля въ засѣданіи комитета Союза писателей было доложено письмо гг. Скабичевскаго и Оболенскаго, въ которомъ они, указывая на брошюру г. Попова, «находятъ ее по существу представляющею въ искаженномъ видѣ дѣло О. Н. Поповой съ бывшими сотрудниками «Новаго Слова», а въ той формѣ, въ которой она издана, могущею быть принятою за изданіе самого Союза и просятъ комитетъ заявить въ газетахъ, что означенная брошюра издана г. Поповымъ безъ вѣдома комитета и суда чести». Комитетъ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбу гг. Скабичевскаго и Оболенскаго, такъ какъ брошюра подписана самимъ г. Поповымъ, и сомнѣній въ ея происхожденіи быть не можетъ. Выступать съ своимъ мнѣніемъ о брошюрѣ г. Попова комитетъ также не счелъ возможнымъ, такъ какъ подробности судоговоренія ему неизвѣстны. При этомъ, однако, не касаясь дѣла по существу, комитетъ «находитъ, что а) г-жа Попова, въ качествѣ члена Союза подчиняя свое дѣло рѣшенію суда чести, обязана подчиняться и всѣмъ существующимъ на сей предметъ правиламъ, и прежде всего уставу Союза; б) § 28 устава допускаетъ печатаніе приговоровъ Суда чести только по просьбамъ сторонъ, обращеннымъ къ комитету, и съ разрѣшенія сего послѣдняго; в) что выходъ г-жи Поповой изъ состава Союза, когда дѣло ея уже было разсмотрѣно, не можетъ освобождать ее ни отъ одного изъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя въ то время, когда она состояла членомъ Союза; и г) что въ виду этого г-жа Попова не имѣла права разрѣшать своему повѣренному, какимъ продолжаетъ себя называть авторъ брошюры, печатать таковую, что, по мнѣнію комитета, является со стороны г-жи Поповой неправильнымъ по отношенію къ Союзу поступкомъ». Это постановленіе комитета было прочитано въ ближайшемъ общемъ собраніи членовъ Союза писателей.

Затѣмъ въ газетахъ появились слѣдующіе документы:

Къ рѣшенію суда чести по дѣлу г-жи Поповой съ сотрудниками «Новаго Слова».

Предсѣдатель комитета союза взаимопомощи русскихъ писателей П. Н. Исаковъ проситъ насъ напечатать письмо къ нему непремѣннаго члена суда чести при союзѣ К. К. Арсеньева и объясненіе В. Д. Спасовича по дѣлу г-жи Поповой съ сотрудниками «Новаго Слова».

I.

М. г. Петръ Николаевичъ. Судъ чести при союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, разсмотрѣвъ въ засѣданіи 28-го октября обвиненіе, взведенное въ брошюрѣ г. Попова на одного изъ членовъ суда чести по дѣлу г-жи Поповой съ гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ, В. А. Манасеина, въ предложеніи одному изъ свидѣтелей «наводящихъ» вопросовъ, про-

сил предсѣдательствовавшаго по этому дѣлу, В. Д. Спасовича, изложить письменно тѣ обстоятельства судоговоренія, по поводу которых возникло вышеозначенное обвиненіе.

Написанное, вслѣдствіе этого, заявленіе В. Д. Спасовича, подтвержденное третьимъ судьею, П. П. Фанъ-деръ-Флитомъ, судъ чести въ засѣданіи 5-го ноября постановилъ передать въ комитетъ союза съ просьбою принять мѣры къ оглашенію его въ печати.

Исполняя это постановленіе суда, имѣю честь препроводить при семъ заявленіе В. Д. Спасовича, а также выписку изъ журнала засѣданія суда чести, 28-го октября.

Примите и пр.

К. Арсеньевъ.

6-го ноября 1897 г.

II.

Въ судъ чести союза взаимопомощи русскихъ писателей.

Въ апрѣлѣ и маѣ сего года въ судѣ чести С. В. Р. П. производилось дѣло по жалобамъ сотрудниковъ журнала «Новое Слово» Я. Абрамова и А. Скабичевскаго на бывшую издательницу этого журнала О. Н. Попову, которой повѣреннымъ и представителемъ по дѣлу явился мужъ ея, полковникъ Поповъ. Сей послѣдній, оставшись недоволенъ рѣшеніемъ суда чести 12-го мая и получивъ отъ меня, какъ предсѣдательствовавшаго на судѣ, копію сего рѣшенія, «рѣшился» апеллировать къ суду общественнаго мнѣнія и издалъ особую брошюру, въ которой хотя и помѣстилъ въ концѣ ея приговоръ суда чести, но предпослалъ ему свое собственное изложеніе процесса по документамъ, будто бы находящимся въ распоряженіи суда чести. На стр. отъ 12-й до 15-й брошюры, озаглавленной: „Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ передъ судомъ чести". Петербургъ. 1897 г., г. Поповъ помѣстилъ ту заключительную рѣчь предъ судомъ чести, которую онъ, будто бы, произнесъ 9-го мая. Въ составѣ этой рѣчи имѣются, на стр. 24-й и 25-й, слѣдующія слова, направленныя противъ одного изъ членовъ суда, В. А. Манасеина, и содержащія неблагопріятную оцѣнку его образа дѣйствій при дачѣ показаній на судѣ С. Н. Кривенко: «Послѣ ряда *наводящихъ* вопросовъ, предложенныхъ членомъ суда г. Манасеинымъ, онъ, г. Кривенко, уже обнаружилъ *колебаніе* и допускалъ возможность иного толкованія». Въ той же рѣчи, на слѣдующій 26-й стр. брошюры, помѣщены слова, которыя усугубляютъ неблагопріятное для В. А. Манасеина значеніе выраженія «наводящихъ», употребляемаго на стр. 25-й: «интересно было бы знать, рядомъ какихъ *наводящихъ* вопросовъ можно было бы довести г. Кривенко и въ этомъ случаѣ до *отрицанія* имъ высказаннаго».

Въ качествѣ лица, предсѣдательствовавшаго на судѣ чести по дѣлу г-жи Поповой, считаю долгомъ заявить мой протестъ противъ брошюры, напечатанной г. Поповымъ, и возразить: 1) противъ утверждаемаго имъ нахожденія въ судѣ документовъ, которые могли бы послужить къ разъясненію дѣла и 2) противъ приписываемаго брошюрой В. А. Манасеину неблаговиднаго образа дѣйствій его на судѣ.

Судъ чести имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы, представленные ему либо сторонами, либо допрашиваемыми свидѣтелями. Свидѣтельскія показанія самъ я записывалъ, они имѣются при дѣлѣ, но относительно невѣрной ихъ передачи къ приговорѣ не заявлено никѣмъ возраженій. Что касается доставленныхъ документовъ, судъ извлекъ изъ нихъ все то, что онъ счелъ относящимся въ дѣлу, и помѣстилъ въ приговорѣ, самые же документы онъ возвратилъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ они были получены, и въ числѣ которыхъ имѣется и самъ г. А. Поповъ.

Что касается подробностей допроса С. Н. Кривенко на судѣ, то самъ г. Поповъ признаетъ въ брошюрѣ нижеслѣдующія обстоятельства. Г-жа

Попова назначила окончательнымъ срокомъ для развязки вопроса о передачѣ журнала 1-е февраля. 24-го января г. Кривенко, имѣя въ виду выгодную комбинацію, просилъ отсрочки до 26-го (а потомъ и до 28-го) января. А. Поповъ отвѣтилъ ему письмомъ отъ 25-го января, что излишне говорить объ отсрочкѣ до конца января, когда срокъ назначенъ на 1-е февраля, противъ чего Кривенко не возражалъ на письмо. Въ приговоръ суда занесено (стр. 59 брошюры), что въ засѣданіи суда 29-го апрѣля Кривенко не могъ объяснить, имѣлъ ли онъ въ виду, когда писалъ свое письмо отъ 24-го января, отдалить срокъ развязки за 1-е февраля. Изъ сопоставленія этихъ обстоятельствъ вытекаютъ нижеслѣдующіе выводы:

1) что, такъ называемые г. Поповымъ, „наводящіе“ вопросы были предлагаемы судомъ въ полномъ его составѣ. Предлагалъ ихъ, между прочимъ, и г. Манасеинъ, но они одинаково интересовали весь составъ суда, такъ какъ необходимы были въ виду страннаго и бросавшагося въ глаза обстоятельства, какъ могъ г. Кривенко, располагая болѣе дальнимъ срокомъ, хлопотать объ отсрочкѣ до момента, предшествующаго сроку болѣе дальнему, который несомнѣнно ему принадлежалъ;

2) что, коль скоро на вопросы суда г. Кривенко не далъ никакого отвѣта, то возможно ли говорить о томъ, что онъ „обнаружилъ колебаніе“ или что онъ „допустилъ возможность иного толкованія“. На письмо А. Попова Кривенко, не возражая, молчалъ, изъ каковаго молчанія г. Поповъ выводитъ, конечно, не толкованіе, а только заключеніе, что, должно быть, Кривенко соглашается. 29-го апрѣля на судѣ г. Кривенко объясненій не далъ, значитъ, одно и то же, что молчалъ. Изъ двухъ молчаній г. Кривенко можно дѣлать какія угодно заключенія, напримѣръ, что онъ не хотѣлъ или что онъ не могъ дать объясненіе усмотрѣнной судомъ несообразности, но нельзя никакъ установить, что онъ колебался или что разно одно и то же положеніе толковалъ, когда онъ никакого положенія и не ставилъ.

Г. Поповъ помѣщаетъ выраженіе о «наводящихъ вопросахъ» В. А. Манасеина въ рѣчи, якобы имъ произнесенной въ судѣ 9-го мая. Какъ предсѣдательствовавшій на судѣ, я заявляю, что ничего подобнаго г. Поповъ въ засѣданіи 9-мая не произносилъ, что еслибы эти слова были произнесены, то всѣ члены суда не потерпѣли бы такого оскорбительнаго порицанія, направленнаго противъ одного изъ нихъ, и либо потребовали бы, чтобы г. Поповъ взялъ свои слова назадъ и извинился, либо прекратили бы засѣданіе, устранивъ повѣреннаго стороны, очевидно, не понимавшаго, какъ держать себя на судѣ. Очевидно, что слова, относящіяся къ г. Манасеину, сочинены были авторомъ брошюры послѣ произнесенія судомъ приговора, вслѣдствіе чего она имѣетъ въ томъ видѣ, въ какомъ напечатана, значеніе не защитительной рѣчи, а апелляціи къ общественному мнѣнію, которую г. Поповъ счелъ цѣлесообразнымъ принести.

В. Спасовичъ.

Октября 30-го 1897 г.

Въ отвѣтъ на это разъясненіе В. Д. Спасовича, г. Поповъ помѣстилъ въ № «Новостей» отъ 25 ноября письмо въ редакцію, изъ котораго видно, что имъ была приготовлена записка, но читалъ онъ ее на судѣ въ сокращенномъ видѣ. «Въ настоящее время—пишетъ г. Поповъ—не берусь возстановить, что было опущено и что прочтено полностью. Для существа дѣла не важно, къ какому времени относится мое заявленіе о «наводящихъ вопросахъ», но не имѣю основаній утверждать, что высказанное мною по поводу вопросовъ, предложенныхъ членомъ суда В. А. Манасеинымъ г. С.

Кривенко, могло относиться къ прочимъ гг. судьямъ. Были ли «колебанія» или ихъ не было, имѣли ли нѣкоторые вопросы, предложенные «свидѣтелю-обвинителю» г. Кривенко, характеръ наводящихъ вопросовъ или нѣтъ,—этимъ частностямъ процесса, вѣроятно, суждено остаться въ числѣ спорныхъ пунктовъ, и предоставимъ разрѣшить ихъ совѣсти участвовавшихъ въ судѣ лицъ. «Сочинять» ничего не сочинялъ ни до, ни послѣ произнесенія приговора, а изложилъ все согласно документамъ и тому, чему былъ очевидцемъ».

Г. Льдовъ счелъ нужнымъ заявить, что «*ни разу въ жизни не видѣлъ* (курсивъ г. Льдова) не только г-жи Поповой, но и г. Попова, не только г. Кривенко, но и г. Абрамова, не только г. Скабичевскаго, но и г. Щепотьева, не только г. Рубакина, но и гг. Поссе, Яроцкаго, В. и К. Тимирязевыхъ, Фанъ-деръ-Флита» (стр. 77). Въ этомъ мы должны видѣть залогъ нелицепріятнаго отношенія г. Льдова къ дѣлу. Я долженъ сознаться, что *такихъ* залоговъ безпристрастія я, съ своей стороны, представить не могу. Напротивъ, почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ занимающей насъ исторіи я знаю болѣе или менѣе хорошо, а съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ даже очень близокъ и стоялъ у одного съ ними дѣла. На это имѣются указанія и въ брошюрѣ г. Попова. Онъ пишетъ: «Скорбный листъ журнала «Новое Слово» необходимо начать съ воспоминаній о журналѣ «Русское Богатство», въ которомъ довѣрительница моя принимала участіе до пріобрѣтенія ею «Новаго Слова». Этимъ участіемъ О. Н. Попова была обязана С. Н. Кривенко, пригласившему ее въ число пайщиковъ «Русскаго Богатства». Весною 1895 г. недоразумѣнія среди участниковъ въ «Русскомъ Богатствѣ» достигли размѣровъ, вызвавшихъ кризисъ. Вопросъ о продолженіи сотрудничества С. Н. Кривенко былъ поставленъ ребромъ и разрѣшился его выходомъ изъ журнала» (стр. 12) Вмѣстѣ съ г. Кривенко изъ нашего журнала вышли и нѣкоторые другіе сотрудники, вышла и г-жа Попова, принимавшая въ журналѣ участіе въ качествѣ издательницы: сняла свою подпись и безъ всякаго спора полностію получила обратно затраченныя ею деньги. Такимъ образомъ, мы *единовременно* разстались и съ г-жей Поповой, и съ г. Кривенко, котораго г. Поповъ считаетъ главнымъ виновникомъ непріятностей, пережитыхъ г-жею Поповою. Думаю, что это гарантія нашего безпристрастія не менѣе значительная, чѣмъ незнакомство г. Льдова съ г. Кривенко и г жею Поповой. Къ этому надо прибавить, что личныя мои добрыя отношенія съ г-жею Поповой не прерывалось и съ выходомъ ея изъ «Русскаго Богатства»,—не счелъ бы нужнымъ объ этомъ упоминать, еслибы на эти добрыя отношенія не было указаній въ той же брошюрѣ г. Попова, объ чемъ мнѣ придется еще говорить.

Итакъ, я не имѣю никакихъ основаній класть лишнія гири на ту или другую чашку вѣсовъ суда чести, разбиравшаго дѣло г-жи Поповой и сотрудниковъ «Новаго Слова». Я отнюдь не заподозриваю и безпристрастіе г. Льдова, но то непостижное уму видѣнье, которое сожгло его душу, стоитъ между нимъ и истиной, заслоняя и извращая ее. Возражая В. А. Манасеину, г. Льдовъ пишетъ, что онъ вовсе не утверждалъ, будто «г. Поповъ совершенно вѣрно передалъ все, происходившее на судѣ». Г. Льдовъ знаетъ, что судопроизводство изложено г. Поповымъ «неполно», но то, что изложено, изложено вѣрно. Такъ говоритъ теперь г. Льдовъ. Въ дѣйствительности онъ утверждалъ въ августовской статьѣ «Сѣвернаго Вѣстника» нѣчто гораздо большее, а именно: такъ какъ въ теченіе трехъ недѣль «никакихъ указаній на фактическія неточности» брошюры г. Попова не было, то мы «считаемъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, какъ на матеріалъ *вполнѣ основательный*». Между тѣмъ, онъ неоснователенъ, этотъ матеріалъ. Не основателенъ уже въ силу своей неполноты. Свидѣтельскія показанія, равно какъ и рѣчи гг. Абрамова и Скабичевскаго, не напечатаны г. Поповымъ, и мы такъ и не знаемъ, что въ нихъ подтверждало или опровергало показанія самого г. Попова. Этого мало. Судъ чести нашелъ нужнымъ исправить лишь одну «неточность» брошюры г. Попова, именно ту, которая касалась одного изъ членовъ суда. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ брошюрѣ не было другихъ «неточностей». Все дѣлопроизводство мнѣ неизвѣстно, но мнѣ пришлось принять въ немъ нѣкоторое участіе, которое кажется г. Льдову даже очень значительнымъ. И въ мѣру моего участія я могу указать въ брошюрѣ г. Попова весьма существенныя неточности, наличность которыхъ, къ счастію, можетъ быть доказана при помощи документовъ, г. Поповымъ опубликованныхъ.

Я приведу цѣликомъ то мѣсто брошюры г. Льдова, въ которомъ онъ, опираясь на брошюру г. Попова, опредѣляетъ мою роль въ дѣлѣ:

«Въ спискѣ свидѣтелей, приводимомъ г. Поповымъ на стр. 2-й брошюры, не упомянуто одно лицо, сыгравшее видную роль во время судопроизводства. Лицо это—г. Н. К. Михайловскій. На стр. 35-й брошюры г. Поповъ сообщаетъ, что судъ чести пригласилъ г. Михайловскаго, *въ качествѣ эксперта* (курсивъ г. Льдова), для опредѣленія различія въ направленіяхъ журнала «Новое Слово» при прежней и новой редакціяхъ. «Н. К. Михайловскій—говоритъ г. Поповъ—высказалъ мнѣніе и по существу дѣла. Передачу журнала лицамъ другого направленія г. Михайловскій призналъ неправильнымъ дѣйствіемъ, но совершеннымъ при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину г-жи Поповой. Полагаю,—добавляетъ г. Поповъ,—что такая предупредительность со стороны Н. К. Михайловскаго не могла входить въ кругъ дѣйствій экспертизы». Въ мотивированномъ приговорѣ (стр, 64-я) мы находимъ подтвержденіе

этихъ словъ г. Попова, хотя тамъ г. Михайловскій названъ *не экспертомъ, а свидѣтелемъ* (курсивъ мой. Н. М.). «По мнѣнію г. Михайловскаго,—говорится въ приговорѣ,—г-жа Попова, вѣроятно, не знала, какого направленія г. Семеновъ. Онъ (г. Михайловскій) полагаетъ, что передача журнала марксистамъ была дѣйствіемъ неправильнымъ, потому что существуетъ острая и принципіальная разница между народниками и марксистами, но онъ признаетъ, что имѣются и смягчающія вину О. Н. Поповой обстоятельства, заключающіяся во 1) въ объявленіи Поповой, предлагающемъ подписчикамъ возвратъ имъ подписныхъ денегъ за время до 1-го октября 1897 г.; во 2) въ нашихъ литературныхъ нравахъ, допускающихъ совмѣстное постоянное сотрудничество однихъ и тѣхъ же писателей въ журналахъ весьма различныхъ направленій; въ 3) наконецъ, въ томъ, что она не знала, какому собственно направленію принадлежитъ г. Семеновъ». Свойство мнѣнія, выраженнаго г. Михайловскимъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію объ экспертизѣ. Если къ этому присоединить *показаніе г. Попова, что ни одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ* (курсивъ мой, Н. М), выяснится съ еще большею наглядностью, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, на лицо не свидѣтельское показаніе, а экспертиза, да еще съ предрѣшеніемъ приговора. Приговоръ гг. Манасеина и Фанъ-деръ Флита является ничѣмъ инымъ, какъ распространеннымъ повтореніемъ экспертизы г. Михайловскаго, а послѣдняя часть «особаго мнѣнія» г. Спасовича—ея опроверженіемъ» («Вопіющее дѣло», 20—21).

Не буду останавливаться на томъ, что въ мотивахъ приговора есть пункты, которые совершенно отсутствуютъ въ выраженномъ мною мнѣніи, которые были извѣстны суду, но не были и не могли быть извѣстны мнѣ («безкорыстная затрата крупныхъ суммъ на изданіе журнала», «нѣсколько безпорядочное, повидимому, веденіе сотрудниками хозяйственной части изданія»). Не буду останавливаться и на томъ, что, по г. Льдову, «свойство мнѣнія, выраженнаго г. Михайловскимъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію объ экспертизѣ», а, по г. Попову, «такая предупредительность со стороны Н. К. Михайловскаго не могла входить въ кругъ дѣйствій экспертизы». Гораздо интереснѣе упоминаемое г. Льдовымъ «показаніе г. Попова, что ни одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ». Такого показанія *нѣтъ* въ брошюрѣ г. Попова, какъ можетъ удостовѣриться каждый читатель: г. Льдовъ сочинилъ это показаніе. Вѣрно, однако, что на стр. 35-й своей брошюры г. Поповъ утверждаетъ, будто на судъ я былъ «приглашенъ въ качествѣ эксперта»; и это есть «неточность», влекущая за собой, какъ сейчасъ будетъ видно, довольно важныя послѣдствія.

Въ сохранившемся у меня приглашеніи предсѣдательствовавшаго на судѣ В. Д. Спасовича, помѣченномъ 5-мъ мая, значится: «Судъ чести союза взаимопомощи русскихъ писателей призналъ

необходимымъ при разбирательствѣ дѣла между гг. Я. В. Абрамовымъ и А. М. Скабичевскимъ и г-жею О. Н. Поповою, съ другой стороны, спросить Васъ въ качествѣ *свидѣтеля»*. Согласно съ этимъ, и въ приговорѣ суда, и въ особомъ мнѣніи г. Спасовича я называюсь «свидѣтелемъ», и только г. Поповъ называетъ меня «экспертомъ». Кѣмъ я былъ вызванъ,—одною изъ сторонъ или обѣими, или самимъ судомъ, натолкнутымъ ходомъ дѣла на необходимость выслушать мои свидѣтельскія показанія,—я не знаю. Я отвѣчалъ на вопросы обѣихъ сторонъ и членовъ суда. Въ числѣ отвѣтовъ были и тѣ, которые приводитъ г. Поповъ, а за нимъ и г. Льдовъ, и которые, пожалуй, имѣютъ характеръ экспертизы. Но вѣдь вызванъ я былъ всетаки въ качествѣ свидѣтеля и давалъ свидѣтельскія показанія. Почему же объ нихъ умалчиваетъ г. Льдовъ? Можетъ быть, потому, что ему такъ нужно въ виду его собственной цѣли, а, можетъ быть, потому, что объ нихъ умалчиваетъ и г. Поповъ. Однако въ брошюрѣ послѣдняго можно найти указанія на тѣ вопросы, которые мнѣ задавались, какъ *свидѣтелю*.

Въ брошюрѣ цѣликомъ напечатано заявленіе гг. Абрамова и Скабичевскаго, поданное ими въ комитетъ Союза для передачи въ судъ чести. И тамъ, между прочимъ, читаемъ: «Недоумѣвая по поводу этой продажи, противорѣчившей всѣмъ предыдущимъ переговорамъ, одинъ изъ сотрудниковъ, г. Оболенскій, 8 февраля поѣхалъ къ г. Попову и услышалъ отъ него, что относительно продажи журнала все рѣшено безповоротно. Затѣмъ г. Максимовъ счелъ необходимымъ, по личному своему побужденію, также съѣздить къ гг. Поповымъ съ цѣлью сдѣлать еще одну попытку предотвратить такой неожиданный исходъ дѣла; но и онъ услышалъ отъ гг. Поповыхъ, что все дѣло кончено безповоротно, и что они считаютъ свои дѣйствія правильными, въ виду того, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ будто бы по совѣту и съ одобренія писателя Н. К. Михайловскаго» (стр. 11). Въ мотивахъ приговора, также цѣликомъ напечатанныхъ г. Поповымъ, между прочимъ, говорится: «По вопросу о томъ, держали ли Поповы въ тайнѣ свое намѣреніе продать журналъ г. Семенову, имѣются въ дѣлѣ слѣдующія данныя... Встрѣтивъ въ Союзѣ писателей Н. К. Михайловскаго, О. Н. Попова на вопросъ его о продажѣ, факта продажи не отрицала, но не считала эту продажу конченною. Того же числа, въ пятницу (7 февраля), зная, что уже разгласилось, что «Новое Слово» должно перейти къ марксистамъ, О. Н. Попова письменно обратилась къ Н. К. Михайловскому, какъ къ лицу особенно ею уважаемому, съ объясненіями о г. Семеновѣ, какъ о покупщикѣ журнала, который поѣхалъ теперь въ Москву и тогда (т. е. по возвращеніи) пріобрѣтетъ ли онъ журналъ или нѣтъ—дастъ отвѣтъ» (стр. 62—63). И далѣе: «Изъ показанія свидѣтеля Н. К. Михайловскаго оказывается, что 7-го февраля въ Союзѣ взаимопомощи О. Н. Попова пришла въ смущеніе на вопросъ его: точно ли она

продаетъ журналъ марксистамъ, и отвѣчала, что г. Семеновъ не имѣетъ ничего общаго съ марксистами, что и подтверждала въ письмѣ Михайловскому того же числа (пятница 7 февраля)» (стр. 64). Наконецъ, въ особомъ мнѣніи В. Д. Спасовича, въ числѣ «обстоятельствъ въ пользу О. Н. Поповой», упоминается, что г-жа Попова «совсѣмъ не знала 4-го февраля, обязуясь продать журналъ г. Семенову, что онъ марксистъ; она была встревожена 7-го февраля, когда узнала о томъ въ союзѣ взаимопомощи, и писала подъ этимъ впечатлѣніемъ письмо къ Н. К. Михайловскому» (стр. 73).

Изъ всего этого видно, что мои *свидѣтельскія* показанія и представленное въ подтвержденіе ихъ письмо г-жи Поповой играли немаловажную роль въ дѣлѣ. Они были нужны для разъясненія показанія г. Максимова, слышавшаго отъ гг. Поповыхъ, что продажа журнала совершилась по моему совѣту и съ моего одобренія. Еслибы этотъ фактъ на судѣ подтвердился, то, конечно, это было бы еще однимъ мотивомъ для приговора въ пользу г-жи Поповой. Но ни въ приговорѣ, ни въ особомъ мнѣніи г. Спасовича этотъ мотивъ не указанъ. Значитъ, фактъ не подтвердился, но г. Поповъ въ своемъ изложеніи дѣла совсѣмъ обходитъ этотъ эпизодъ, хотя и упоминаетъ (стр. 29), что г. Максимовъ «желалъ получить свѣдѣнія отъ гг. Поповыхъ». Точно также обойдена въ изложеніи г. Попова и моя бесѣда съ О. Н. Поповой въ Союзѣ писателей 7-го февраля и ея письмо ко мнѣ отъ того же числа. А, между тѣмъ, обстоятельства эти очевидно, имѣли для суда важное значеніе, ибо они неоднократно упоминаются и въ приговорѣ, и въ особомъ мнѣніи В. Д. Спасовича. Очевидно, далѣе, что, утверждая, что я былъ приглашенъ «въ качествѣ эксперта», г. Поповъ впадаетъ въ «неточность», а слѣдомъ за нимъ идетъ г. Льдовъ, игнорируя мои свидѣтельскія показанія и уже прямо отъ себя сочиняя «показаніе г. Попова, что ни одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ».

Повторяю, изъ всего дѣлопроизводства я знаю только ту долю, въ которой мнѣ лично пришлось участвовать. Но могутъ спросить,— почему же я такъ долго молчалъ о касающейся меня «неточности»? Пламенный г. Льдовъ уже черезъ три недѣли послѣ выхода въ свѣтъ брошюры г. Попова считалъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, «какъ на матеріалъ вполнѣ основательный», потому что, дескать, никакихъ указаній на фактическія неточности не было. Почти столь же пламенный г. Quidam въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», по поводу вышеприведеннаго заявленія г. Спасовича о брошюрѣ г. Попова, говоритъ о «скандальномъ молчаніи суда чести». Судъ чести, какъ уже давно указалъ В. А. Манасеинъ, молчалъ по той простой причинѣ, что судьи (и, главнымъ образомъ, предсѣдательствовавшій по дѣлу г-жи Поповой г. Спасовичъ) отсутствовали. А мнѣ, въ свою очередь, казалось, что до того или иного отклика суда чести не слѣдуетъ касаться брошюры г. Попова, ибо

только суду извѣстно дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Судъ чести нашелъ нужнымъ обратить вниманіе только на одинъ пунктъ брошюры, бросавшій незаслуженную тѣнь на одного изъ членовъ суда. Объ этомъ можно пожалѣть, хотя, съ другой стороны, нельзя не пожалѣть и судей, которымъ пришлось бы вновь пересматривать все дѣло. Но, и помимо необходимости выждать заключенія, къ которому придетъ судъ чести, я, признаюсь, и теперь съ большою неохотою взялся за перо, чтобы писать о дѣлѣ г-жи Поповой. Я думаю, всякій, кому дорого достоинство литературы, согласится съ тѣмъ, что лучше бы было, еслибы это дѣло совсѣмъ не возникало. Я не о судѣ чести говорю,—онъ велъ себя безупречно, и этому ни мало не противорѣчитъ разногласіе судей. Что же касается поведенія обѣихъ сторонъ и ихъ взаимныхъ отношеній до суда, то я и теперь, по возможности, обойду его молчаніемъ. Тѣмъ болѣе, что и матеріалъ для сужденія обо всемъ этомъ имѣется слишкомъ односторонній. Меня занимаютъ, главнымъ образомъ, тѣ общіе выводы изъ процесса г-жи Поповой, которые съ такою настойчивостью дѣлаются и развиваются г. Льдовымъ и «Московскими Вѣдомостями» подъ предлогомъ рыцарской защиты правды, потерпѣвшей въ лицѣ г-жи Поповой. «Дѣло г-жи Поповой еще не кончено», настойчиво утверждаютъ эти рыцари правды и, дѣйствительно, не даютъ кончиться, если не ему самому (оно давно кончено), то разговорамъ объ немъ. Я не надѣюсь, разумѣется, прекратить эти разговоры настоящей статьей, но, быть можетъ, мнѣ удастся пролить нѣкоторый свѣтъ на побудительныя причины рвенія, съ которымъ рыцари ухватились за дѣло г-жи Поповой.

Вернемся къ тѣмъ моимъ отвѣтамъ на вопросы сторонъ и членовъ суда, которымъ можетъ быть приписанъ характеръ экспертизы. Г. Льдовъ полагаетъ, что приговоръ есть лишь распространенное повтореніе моей экспертизы, а особое мнѣніе г. Спасовича—ея опроверженіе. О первой половинѣ этого предложенія я уже говорилъ: въ мотивахъ приговора приведены факты, которыхъ я не имѣлъ,—а отчасти и не могъ имѣть въ виду по незнакомству съ дѣломъ. Что же касается особаго мнѣнія г. Спасовича, то я рѣшительно не понимаю, какъ можно увидѣть въ немъ только «опроверженіе» высказанныхъ мною мнѣній. Всѣ три указанныя мною «въ пользу О. Н. Поповой» обстоятельства г. Спасовичъ принялъ во вниманіе и только призналъ ихъ не «смягчающими», а «вполнѣ извиняющими» (Поповъ, 73). Едва ли это можетъ назваться опроверженіемъ. Въ полномъ согласіи съ выраженными мною общими положеніями, г. Спасовичъ высказываетъ, однако, отличный отъ моего взгляда на данный именно случай. Онъ пишетъ въ своемъ особомъ мнѣніи: «Литература, конечно, требуетъ, чтобы писатели были устойчивы въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы они ихъ не мѣняли неискренно изъ за личныхъ видовъ, чтобы они не переходили изъ одного лагеря въ другой, прямо ему враждебный, но это

начало относится къ главнымъ идейнымъ теченіямъ, непримиримымъ между собою, а не къ разновидностямъ одного и того же теченія, расходящимся не въ цѣляхъ, которыя, можетъ быть, одинаковы, а въ путяхъ для достиженія этихъ цѣлей» (Поповъ, 72—73). И далѣе г. Спасовичъ выражаетъ мнѣніе, что направленія старой и новой редакцій «Новаго Слова» представляютъ собою именно такія «разновидности» одного и того же теченія. Стало быть, еслибы г-жа Попова продала «Новое Слово» хоть тому же, напримѣръ, г. Льдову, то и г. Спасовичъ нашелъ бы это дѣйствіе неправильнымъ (вопросъ о формальномъ правѣ издательницы распоряжаться своею собственностью стоитъ внѣ спора). Г-нъ Льдовъ, опираясь на мнѣніе г. Спасовича, воздавая хвалу его логичности и добросовѣстности, иронизируетъ по адресу другихъ «литераторовъ, участвовавшихъ въ разбирательствѣ дѣла», такъ: «По ихъ мнѣнію, издатель, не желающій подвергнуться осужденію въ трибуналѣ чести, не имѣетъ права отказаться отъ дальнѣйшаго веденія убыточнаго дѣла. Продать журналъ онъ можетъ только правовѣрному члену своего прихода, да и то собравъ тщательныя справки, нѣтъ ли какого либо изъяна въ его profession de foi. Не мѣшаетъ въ такомъ случаѣ прибѣгнуть и къ авторитетной экспертизѣ. Союзъ, конечно, учредилъ бы и бюро для подобной экспертизы— еслибы имѣлась какая нибудь возможность найти хотя двухъ единомысленныхъ «высоко доровитыхъ» и «глубоко-чтимыхъ» публицистовъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ самые «именитые» изъ нихъ ни въ чемъ не сходятся другъ съ другомъ,—гдѣ одинъ говоритъ «да», другой говоритъ «нѣтъ» (Льдовъ, 43—44).

Г. Льдовъ ошибается. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ «именитости» того или другого изъ «литераторовъ, участвовавшихъ въ разбирательствѣ дѣла», всѣ они, насколько можно судить по брошюрѣ г. Попова, вполнѣ согласны относительно значенія того, что г. Льдовъ называетъ «приходами».

Разногласіе только въ подробностяхъ. Г.Спасовичъ считаетъ направленія старой и новой редакціи «Новаго Слова» лишь разновидностями одного и того же теченія, а, напримѣръ, сама г-жа Попова смотритъ на это дѣло иначе. Изъ приговора и изъ особаго мнѣнія г. Спасовича видно, что г-жа Попова, узнавъ о направленіи, которое долженъ принять журналъ въ рукахъ новой редакціи, «пришла въ смущеніе», «была встревожена» (Поповъ, 64, 73). Г. Поповъ, правда, протестуетъ противъ самой постановки вопроса о направленіи, но, во первыхъ, и онъ опирается при этомъ на тотъ фактъ, что «редакція новаго состава до сихъ поръ не погрѣшила противъ интересовъ общественныхъ и не обнаружила ретроградности» (ib. 36); а во вторыхъ, въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе мнѣніе самой г-жи Поповой: она была «смущена», «встревожена». И это совершенно понятно. Г-жа Попова не просто издательница, берущаяся за литературное предпріятіе съ цѣлью полу-

ченія дохода. Судъ, близко ознакомившійся съ дѣломъ, призналъ «безкорыстную затрату г-жею Поповой крупныхъ суммъ на изданіе журнала». Въ журналѣ она принимала участіе не только капиталомъ безъ всякаго разсчета на доходъ, но и какъ сотрудникъ, а отчасти, повидимому, и какъ редакторъ. И во всей брошюрѣ г. Попова нѣтъ слѣда какихъ бы то ни было идейныхъ разногласій г-жи Поповой со старой редакціей «Новаго Слова»: она одного съ ней «прихода», какъ сказалъ бы г. Льдовъ. Она даже крѣпче держалась этого «прихода», чѣмъ нѣкоторые члены редакціи и ближайшіе сотрудники стараго «Новаго Слова». Г. Поповъ сообщаетъ, что она была недовольна сотрудничествомъ г. Абрамова за неразборчивость, съ которою тотъ участвуетъ въ органахъ различныхъ направленій, и негодовала на г. Оболенскаго за его участіе въ «Недѣлѣ»; негодовала, наконецъ, и на г. Кривенко за его равнодушное отношеніе къ этимъ «приходскимъ» непорядкамъ. Изъ совокупности этихъ данныхъ слѣдуетъ, что г-жа Попова никакимъ образомъ не можетъ стоять на точкѣ зрѣнія своего пламеннаго защитника, г. Льдова.

Въ вопросѣ о направленіи, поскольку онъ могъ интересовать судъ по дѣлу г-жи Поповой, «прогрессивность» и «ретроградность», мнѣ кажется, совсѣмъ непричемъ. Я, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло гораздо проще, когда излагалъ свое мнѣніе суду. Мнѣніе это напечатано г. Поповымъ, и здѣсь я приведу только ту иллюстрацію, которую предложилъ на усмотрѣніе суда. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ объявленіяхъ «Новаго Слова» значилось въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ почтенное имя г. Николая —она (я взялъ для иллюстраціи это имя, какъ незамѣшанное въ судѣ, г. Николай —онъ не подписывалъ коллективнаго заявленія сотрудниковъ о выходѣ изъ журнала и держался, повидимому, совершенно въ сторонѣ отъ редакціонныхъ недоразумѣній), и читатель, подписывавшійся на «Новое Слово», разсчитывалъ получить статьи, между прочимъ, и г. Николая —она и людей, близкихъ ему по образу мыслей. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день читатель получаетъ книжку «Новаго Слова», въ которой не только нѣтъ того, что ему было обѣщано, но есть, напротивъ, въ высшей степени рѣзкое осужденіе взглядовъ г, Николая —она, равно какъ и прочихъ сотрудниковъ. Въ «прогрессивную» ли или «ретроградную» сторону подался при этомъ журналъ, это безразлично для тѣхъ двухъ послѣдствій, которыя несомнѣнно вытекаютъ изъ такой рѣзкой перемѣны. «Читатель-другъ» прямо обманутъ и оскорбленъ въ своихъ идейныхъ симпатіяхъ; читатель безразличный еще болѣе утверждается въ своемъ безучастіи къ различнымъ теченіямъ общественной мысли. И г-жа Попова, такъ сливавшаяся душою со старой редакціей, такъ ревниво оберегавшая этотъ «приходъ» и ради него именно предпринявшая журналъ, меньше, чѣмъ кто нибудь, могла бы протестовать противъ выраженнаго мною на судѣ мнѣнія.

Но, признавъ продажу журнала при данныхъ условіяхъ поступкомъ неправильнымъ, я счелъ долгомъ указать на обстоятельства, говорящія въ пользу г-жи Поповой. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ возвращеніе денегъ подписчикамъ. Если этимъ не устранялся грѣхъ относительно читателей безразличныхъ, то по крайней мѣрѣ «читатели-друзья» старой редакціи получили нѣкоторое удовлетвореніе. Затѣмъ г-жа Попова могла бы сослаться на пословицу: «съ волками жить—по волчьи выть». У насъ нынѣ до такой степени распространена между господами писателями прискорбная неряшливость въ выборѣ органовъ печати для сотрудничества, что и г-жа Попова—всетаки не писатель по профессіи—могла ею заразиться. Третье соображеніе въ пользу г-жи Поповой состояло въ томъ, что она, можетъ быть, не знала, въ чьи именно руки переходитъ журналъ. Я выразилъ на судѣ эту мысль въ видѣ предположенія, а судъ, имѣвшій возможность ближе узнать всѣ подробности дѣла, пришелъ на этотъ счетъ къ болѣе рѣшительному заключенію. Г. Спасовичъ въ своемъ особомъ мнѣніи говоритъ: «совсѣмъ не знала» (Поповъ, 73), а гг. Манасеинъ и Фанъ-деръ-Флитъ говорятъ о «недостаточномъ знакомствѣ г-жи Поповой съ тѣмъ, какого направленія будетъ держаться новая редакція «Новаго Слова», и могутъ ли принять участіе въ журналѣ прежніе сотрудники» (75).

Итакъ, моя «экспертиза», во первыхъ, вовсе не опровергается по существу особымъ мнѣніемъ г. Спасовича, а во вторыхъ, находится въ полномъ согласіи съ образомъ мыслей самой г-жи Поповой, поскольку онъ выясняется брошюрой г. Попова.

Въ брошюрѣ г. Попова есть два загадочныя мѣста. На стр. 18 читаемъ: «Довѣрительница моя, «страстно, горячо любя дѣло, увлеклась только моральнымъ къ нему отношеніемъ» и, не имѣя ни съ чьей стороны предупрежденія, что лицамъ, занимающимъ «двойное положеніе», слѣдовало бы остерегаться вступать въ Союзъ русскихъ писателей, чтобы не создавать ни для себя, ни для кого другого «психологической путаницы»,—отзывчиво отнеслась къ злобѣ дня и вступила въ Союзъ въ числѣ учредителей».

Поставленныя здѣсь г. Поповымъ въ ковычки слова заимствованы имъ изъ письма г. Оболенскаго къ г-жѣ Поповой. До письма этого намъ нѣтъ дѣла, какъ и вообще до подробностей тѣхъ недоразумѣній, которыя существовали между г-жею Поповой и сотрудниками,—мы имѣемъ для этого слишкомъ недостаточный и односторонній матеріалъ. А то, что намъ въ данномъ случаѣ нужно, объясняется слѣдующими словами г. Попова. «Всѣ шансы на проявленія всякаго неудовольствія были не на сторонѣ моей довѣрительницы. Вступая въ Союзъ русскихъ писателей, она знала, что двойственность ея положенія (положенія издательницы-писательницы), отмѣченная г. Оболенскимъ, можетъ смутить и другихъ

членовъ союза, не допускающихъ предвзято никакихъ соглашеній между интересами издателя и писателя» (27).

Сопоставляя эти двѣ цитаты, читатель долженъ придти въ нѣкоторое недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ,—знала г-жа Попова или не знала, что, въ качествѣ издательницы-писательницы, ее ждетъ въ Союзѣ какое-то особенное, и именно невыгодное положеніе? По второй цитатѣ выходитъ, что «знала», а по первой—что «не имѣла ни съ чьей стороны предупрежденія» на этотъ счетъ. Но загадочность обѣихъ цитатъ этимъ не исчерпывается. Причемъ тутъ вообще Союзъ писателей? За мнѣнія г. Оболенскаго, лично имъ выраженныя, правильны они или не правильны, Союзъ вовсе не отвѣтственъ. Далѣе, въ составѣ Союза есть не мало людей, занимающихъ «двойственное положеніе» издателей и писателей, такъ что и съ этой стороны по малой мѣрѣ странно противопоставлять г-жу Попову Союзу или Союзъ г-жѣ Поповой. Г-жа Попова была до своего выхода изъ Союза такимъ же его членомъ, какъ и гг. Нотовичъ, Суворинъ, Филипповъ, Гуревичъ, А. Острогорскій, кн. Ухтомскій и другіе издатели-писатели; какъ гг. Кривенко, Скабичевскій и прочіе сотрудники «Новаго Слова» старой редакціи, и какъ главные сотрудники «Новаго Слова» новой редакціи (гг. Поссе, Струве, Туганъ-Барановскій). Органъ Союза—судъ чести не имѣлъ никакихъ основаній предпочитать интересы однихъ членовъ Союза интересамъ другихъ. Судьи чести суть избранники общаго собранія, въ томъ числѣ и г-жи Поповой, и другихъ издателей-писателей, и представителей старой и новой редакціи «Новаго Слова». Конечно, и судъ чести, подобно всякому другому суду, можетъ впасть въ ошибку. Но даже и въ этомъ случаѣ Союзъ, какъ цѣлое, не подлежитъ никакимъ нареканіямъ. Помимо автономнаго положенія, занимаемаго судомъ чести въ Союзѣ, въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, признать даже счастливымъ обстоятельствомъ разногласіе судей въ дѣлѣ г-жи Поповой: вѣдь г. Спасовичъ есть такой же представитель Союза, какъ и гг. Манасеинъ и Фанъ-деръ-Флитъ. Такимъ образомъ, намеки г. Попова на какое-то «предвзятое» отношеніе Союза къ дѣлу г-жи Поповой лишены самомалѣйшей тѣни основательности.»

А слѣдомъ за г. Поповымъ идутъ г. Льдовъ и «Московскія Вѣдомости». Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе собственно отъ дѣла г-жи Поповой.

Въ № 313 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая замѣтка, подписанная Quidam:

«Юмористическое учрежденіе, именующее себя *Союзомъ русскихъ писателей*, занялось обсужденіемъ вопроса: слѣдуетъ или не слѣдуетъ намъ заключать съ Франціей литературную конвенцію. Какъ тема для болтовни, это подходящая тема. Отчего «союзникамъ» и не потолковать насчетъ конвенціи? Хотя большинство членовъ «Союза» принадлежитъ къ числу тѣхъ иксовъ и игрековъ, которые менѣе всего достойны названія писателей, хотя эти иксы и игреки на добрую половину являются счастли-

выми обладателями превосходныхъ, чисто еврейскихъ, фамилій, однако возможно, что и —

Кто нибудь проболтается
Добрымъ словцомъ.

«Короче говоря, противъ принципіальнаго обсужденія вопроса о конвенціи въ нѣдрахъ «Союза» возражать нѣтъ причины. Но «Союзъ» принципіальнымъ обсужденіемъ вопроса довольствоваться не хочетъ. Онъ заявляетъ съ полною откровенностью, что ему нужно во чтобы то ни стало занять тутъ самую важную, первѣйшую позицію. Онъ уполномочиваетъ, кого слѣдуетъ, хлопотать, чтобы въ дѣлѣ заключенія и примѣненія конвенціи ему, Союзу, предоставили исключительныя права. Онъ будетъ посредникомъ, суперъ-арбитромъ, и ужъ не знаю кѣмъ и чѣмъ еще — въ сношеніяхъ русскихъ литераторовъ и издатетей съ французскими и французскихъ съ русскими.

«Стремясь къ подобной узурпаціи, Союзъ, разумѣется, знаетъ, что дѣлаетъ. Хотя въ составъ его входитъ около трехсотъ человѣкъ, однако эта цифра далеко не представляетъ всей массы пишущихъ. Даже въ количественномъ отношеніи Союзъ не имѣетъ вида авторитетнаго учрежденія. Касательно качественнаго отношенія нѣтъ надобности и рѣчи поднимать. Заправилами Союза являются люди одной, рѣзко опредѣленной, литературной партіи. Какимъ же образомъ такой самозванный «Союзъ русскихъ писателей» можетъ претендовать на главенствующую роль въ дѣлѣ, обнимающемъ интересы дѣйствительно *всей* литературной братіи, безъ различія направленій? Мы находимся здѣсь предъ лицомъ не только-крайне претенціознаго, но прямо таки нахальнаго сборища. Это сборище, состоящее изъ либераловъ и радикаловъ, кричащихъ о свободѣ, независимости и прочихъ громкозвучащихъ для профановъ вещахъ, требуетъ для себя положенія безпримѣрнаго.

«Трудно сомнѣваться въ полномъ фіаско которое неминуемо потерпитъ домогательство Союза. Однако, не характерны ли эти домогательства? Не показываютъ ли они, что наша «передовая» писательская группа все больше и больше распоясывается, становится все циничнѣе и циничнѣе въ своихъ требованіяхъ?

«Возмущаться распоясанностью нашихъ «прогрессистовъ» я отнюдь не намѣренъ, потому что слишкомъ хорошо ихъ знаю. Они дѣйствуютъ, если угодно, съ полною логичностью. Было время, когда имъ удаловась добиваться успѣха улещиваніемъ и умасливаніемъ. Это время проходитъ. Значитъ, надо перемѣнить пріемъ и, вмѣсто улещиванія, брать напроломъ. Авось удастся.

«Дѣйствительно, чѣмъ рискуетъ «Союзъ» въ томъ стучаѣ, если его домогательства провалятся? Да рѣшительно ничѣмъ! Наоборотъ, если домогательства увѣнчаются успѣхомъ, то выигрышъ останется крупный. Вѣдь посредничество «Союза» въ сношеніяхъ съ французскими авторами и книгоиздателями поставитъ въ зависимость отъ него рѣшительно весь нашъ прикосновенный къ литературѣ міръ. А Союзъ въ этомъ выгодномъ положеніи будетъ брать взятки... борзыми щенками. Драматурги даютъ уже эти взятки (припомните дѣло г. Щеглова), будутъ давать и романисты, и поэты, и ученые.

«Махинація тонкая и хорошо разсчитанная. Въ изобрѣтательности гг. «прогрессистамъ» отказать нельзя. Одно ихъ только, надо полагать, смущаетъ: *не разрѣшенное* еще дѣло г-жи Поповой. Ахъ, сколько оно имъ уже доставило непріятностей! Ахъ, сколько оно доставитъ еще въ будущемъ!!».

Непристойность этой замѣтки, нисколько, впрочемъ, не удивительная на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей», не требуетъ доказательствъ. Но приходится указать на ея лживость. Лживо утверж-

даетъ мало почтенная московская газета, будто Союзъ «заявляетъ, что ему нужно, во что бы то ни стало, занять тутъ самую важную, первѣйшую позицію», будто «онъ уполномочиваетъ, кого слѣдуетъ, хлопотать, чтобы въ дѣлѣ заключенія и примѣненія конвенціи ему, Союзу, предоставили исключительныя права»; будто онъ хочетъ быть «посредникомъ, суперъ-арбитромъ въ сношеніяхъ русскихъ литераторовъ и издателей съ французскими и французскихъ съ русскими». Все это—неправда, и когда одна петербургская газета назвала нелѣпостью и вздоромъ сообщеніе г. Quidam, онъ въ № 319 «Московскихъ Вѣдомостей» побѣдоносно сослался на репортерскій отчетъ «Новаго Времени» объ одномъ изъ общихъ собраній Союза писателей. Свою первую замѣтку г. Quidam называетъ при этомъ «замѣткой о новыхъ притязаніяхъ Союза писателей, требовавшаго, чтобы ему, въ случаѣ заключенія конвенціи съ Франціей, были предоставлены права *единственнаго посредника* (курсивъ г-на Quidam) въ сношеніяхъ между иностранными и русскими писателями». А изъ отчета «Новаго Времени» г. Quidam приводимъ слѣдующія слова: «При этомъ намѣчались, какъ наиболѣе главные, пункты, чтобы коммиссія въ случаѣ принятія конвенціи у насъ, въ Россія, выработала *положеніе о томъ, что посредникомъ между иностранными и русскими писателями въ данномъ отношеніи является единственный въ Россіи «Союзъ писателей»*.

Послѣдній курсивъ тоже принадлежитъ г-ну Quidam, и если читатель потрудится сравнить два его курсива, то, безъ сомнѣнія, полюбуется фокусническою ловкостью, съ которою на его глазахъ «единственный въ Россіи Союзъ писателей» превращается въ «единственнаго посредника между иностранными и русскими писателями». Союзъ писателей пока, дѣйствительно, единственный въ Россіи, но это отнюдь не значитъ, что Союзъ домогается положенія единственнаго посредника. И если г. Quidam приставляетъ прилагательное «единственный» совсѣмъ не къ тому существительному, къ которому оно относится въ отчетѣ «Новаго Времени», то это свидѣтельствуетъ либо о слабости его собственнаго пониманія, либо о злонамѣренномъ разсчетѣ на слабость пониманія читателей. Предоставляю ему выбрать любое изъ этихъ объясненій. Но и помимо передержки съ прилагательнымъ «единственный», г. Quidam совершенно напрасно ссылается на сообщеніе «Новаго Времени», которое, дескать, «не вызвало со стороны комитета Союза никакихъ поправокъ или оговорокъ». Комитету и нечего было оговаривать или поправлять; изъ сообщенія «Новаго Времени» отнюдь не слѣдуютъ тѣ выводы, которые дѣлаетъ г. Quidam. Вопросомъ о конвенціи занимались два общихъ собранія членовъ Союза, а въ третьемъ (28 ноября) была избрана спеціальная коммиссія для разработки вопроса. Заключеній своихъ коммиссія еще не представила Союзу, который, слѣдовательно, никакихъ постановленій и не могъ еще сдѣлать. Въ общихъ же собра-

ніяхъ говорилось разное, и за конвенцію и противъ нея. Говорилось, между прочимъ, и о возможности для Союза стать посредникомъ между русскими и иностранными писателями. Я лично, такой мысли не выражавшій, не вижу въ ней, однако, ничего преступнаго или «безпримѣрнаго», «нахальнаго» и даже думаю, что по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ своимъ членамъ Союзъ обязанъ будетъ взять на себя роль посредника, въ случаѣ заключенія конвенціи. Какъ бы то ни было, но Союзъ отвѣтственъ только за постановленія общаго собранія, а отдѣльныя мнѣнія, выражаемыя по тому или другому поводу членами Союза, на ихъ отвѣтственности и лежатъ. А такъ какъ до сихъ поръ по вопросу о конвенціи происходилъ лишь обмѣнъ мнѣній между членами Союза, то всѣ разсужденія г. Quidam о домогательствахъ Союза суть по истинѣ вздоръ и нелѣпость.

Интересно, что и вторая замѣтка г. Quidam оканчивается напоминаніемъ о дѣлѣ г-жи Поповой. На этотъ разъ г. Quidam киваетъ въ сторону «Сына Отечества», въ числѣ сотрудниковъ котораго есть нѣсколько лицъ изъ бывшей редакціи «Новаго Слова», призвавшихъ г-жу Попову къ суду чести. Это еще понятно, но когда гг. Quidam и Льдовъ дѣлаютъ изъ г-жи Поповой какого-то козыря, которымъ побиваютъ Союзъ, то приходится только руками разводить. Г. Quidam называетъ Союзъ «сборищемъ, состоящимъ изъ либераловъ и радикаловъ, кричащихъ о свободѣ, независимости и прочихъ громкозвучащихъ для профановъ вещахъ». Допустимъ, что это опредѣленіе, своею нескладностью свидѣтельствующее о чрезвычайномъ волненіи чувствъ автора,—совершенно вѣрно. Но, вѣдь, г-жа Попова была однимъ изъ членовъ-учредителей Союза, слѣдовательно, тоже «кричала о громкозвучащихъ вещахъ». Жаловались на нее тоже кричащіе о громкозвучащихъ вещахъ, хотя она передала журналъ въ руки тоже членовъ Союза и, слѣдовательно, опять таки кричащихъ о громкозвучащихъ вещахъ. Очевидно, что это умноженіе всѣхъ трехъ элементовъ задачи на равную величину криковъ о громкозвучащихъ вещахъ ничего объяснить не можетъ, а потому надо, казалось бы, оставить «громкозвучащія вещи», совсѣмъ въ сторонѣ. Однако, «Московскія Вѣдомости» усиленно напираютъ на эту сторону, да и г. Льдовъ энергически громитъ «гнилостное разложеніе» въ средѣ «либеральной», «передовой», «наиболѣе вліятельной» журналистики. Пусть такъ, но Союзъ—опять-таки тутъ непричемъ.

До сихъ поръ я не упоминалъ еще объ одномъ органѣ Союза—комитетѣ. Быть можетъ, онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ нибудь не корректно. На это въ брошюрѣ г. Льдова есть довольно таки не тонкій, но совершенно неосновательный намекъ. По окончаніи дѣла въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе (г. Льдовъ приводитъ его изъ «Казанскаго Телеграфа»): «Судъ чести при Союзѣ писателей, подъ предсѣдательствомъ г. Спасовича, въ составѣ

двухъ судей, разсматривалъ жалобу Скабичевскаго и Абрамова на бывшую издательницу «Новаго Слова» Попову, обвинявшуюся въ продажѣ ею изданія безъ окончательныхъ переговоровъ съ главными сотрудниками и безъ ихъ согласія. Двое судей признали Попову виновной, но заслуживающей снисхожденія. Предсѣдатель остался при особомъ мнѣніи». Г. Льдовъ недоволенъ редакціей этого сообщенія и мечетъ громы въ «неизвѣстнаго злоумышленника», пустившаго это сообщеніе въ оборотъ. Не будучи столь подозрителенъ или проницателенъ, какъ г. Льдовъ, я не думаю, чтобы тутъ былъ злой умыселъ, но, конечно, сообщеніе составлено дурно и двусмысленно: оно оставляетъ слишкомъ большой просторъ догадкамъ относительно характера особаго мнѣнія г. Спасовича,—можетъ быть, оно состояло въ отрицаніи смягчающихъ обстоятельствъ. Г. Льдовъ интересуется вопросомъ, откуда же взялось это двусмысленное сообщеніе, и хотя принужденъ остановиться на «неизвѣстныхъ злоумышленникахъ», но иронизируетъ при этомъ такъ: «появилось сообщеніе очевидно само собою, такъ сказать, безлично, по волѣ стихій, безъ всякаго участія чьей-либо преднамѣренной руки... а резолюція всетаки перекочевываетъ изъ архивовъ союза на столбцы всероссійской прессы» (62—63). Спрашивается, почему, г. Льдовъ думаетъ, что резолюція суда перешла на столбцы всероссійской прессы «изъ архивовъ Союза». Резолюція была сообщена обѣимъ судившимся сторонамъ, у сторонъ есть, конечно, знакомые, интересующіеся исходомъ дѣла, у этихъ знакомыхъ еще знакомые, а затѣмъ слѣдуетъ обыкновенная механика распространенія слуховъ, попадающихъ и въ печать. § 28 устава Союза писателей гласитъ: «Если примиреніе сторонъ не состоялось, судъ чести постановляетъ рѣшеніе, которое по желанію одной изъ сторонъ или обѣихъ может быть опубликовано черезъ комитетъ, буде этотъ послѣдній не найдетъ къ тому препятствій». Ни одна сторона къ комитету не обращалась, и онъ совершенно одинаково отнесся къ обѣимъ, помимо него появившимся публикаціямъ,—«неизвѣстнаго злоумышленника» и г. Попова. О первомъ онъ не имѣлъ никакого сужденія, не имѣлъ бы его и о второмъ, еслибы не вышеупомянутое ходатайство гг. Скабичевскаго и Оболенскаго. Ходатайство это, какъ уже сказано, комитетъ отклонилъ, равно какъ и вообще отказался отъ выраженія какого бы то ни было мнѣнія о брошюрѣ г. Попова, такъ какъ подробности дѣла извѣстны лишь суду. Правда, комитетъ довелъ до свѣдѣнія общаго собранія, что признаетъ «неправильнымъ поступкомъ» опубликованіе г-жею Поповой (въ лицѣ ея довѣреннаго) рѣшенія суда помимо комитета, а «неизвѣстному злоумышленнику» никакого порицанія не выразилъ, но вѣдь этотъ неизвѣстный злоумышленникъ неизвѣстенъ даже проницательному г. Льдову, и комитетъ рисковалъ получить отъ него совершенно справедливый отвѣтъ: вашъ 28 параграфъ обязателенъ для г-жи Поповой, какъ члена Союза,

но вовсе не обязателенъ для меня, неизвѣстнаго злоумышленника, для котораго, подобно гг. Льдову, Quidam и проч., ваши законы не писаны.

Г. Quidam пугаетъ Союзъ *«неразрѣшеннымъ»* дѣломъ г-жи Поповой. Нѣтъ, это дѣло разрѣшено, оно никакому перерѣшенію не подлежитъ и никакихъ «непріятностей» Союзу не принесетъ. Пусть даже бывшіе сотрудники «Новаго Слова» вполнѣ заслуживаютъ того освѣщенія, которое бросаетъ на нихъ брошюра г. Попова (я вовсе не выступаю ихъ адвокатомъ), это не имѣетъ никакого отношенія къ Союзу писателей. И конечно, г. Поповъ въ принципѣ совершенно правъ, говоря, что, «еслибы даже престижъ нѣкоторыхъ членовъ Союза русскихъ писателей и могъ пострадать, то кто-же рѣшился бы этихъ «нѣкоторыхъ» отождествлять со всѣми русскими писателями» (стр. 2). Правда, г. Quidam имѣетъ въ виду не всѣхъ русскихъ писателей,—въ высшемъ благородствѣ, напримѣръ, г. Льдова онъ также увѣренъ, какъ г. Льдовъ увѣренъ въ высшемъ благородствѣ г. Quidam'а—а только скопище «кричащихъ о громкозвучащихъ вещахъ»; ну, а этотъ народъ стоитъ внѣ закона, съ ними церемониться нечего. И вы понимаете, что дѣло г-жи Поповой есть для г. Quidam'а именно только козырь, которымъ онъ думаетъ побить «кричащихъ о громкозвучащихъ», будто бы овладѣвшихъ Союзомъ. И такъ какъ ему дѣла нѣтъ ни до здраваго смысла, ни до истины, ни даже до вѣрной передачи прилагательнаго «единственный», то, надо думать, онъ еще много разъ осчастливитъ г-жу Попову своею защитой.

Не устанетъ и г. Льдовъ, какъ онъ уже и теперь сообщаетъ: насъ ждетъ еще, по крайней мѣрѣ, одна его брошюра, посвященная все тому же дѣлу г-жи Поповой. Но г. Льдовъ, даже превосходя г. Quidam'а пламенною энергіей своего краснорѣчія, вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнѣе его въ одномъ отношеніи. Хотя и онъ говоритъ о виновности Союза и тѣхъ, которые «кричатъ о громкозвучащихъ вещахъ», но въ выраженіяхъ не столь опредѣленныхъ. Онъ не только laisse quelque chose à deviner, но, повидимому, и самъ еще не докопался до корня зла. Онъ говоритъ о какой-то «указкѣ властнаго эксперта», о какой-то «темной, лгущей силѣ, препятствующей выясненію правды», о какомъ-то «властномъ перстѣ, дерзко пригрозившемъ органамъ русской печати», словомъ, о какомъ-то «непостижномъ уму видѣньи», связанномъ съ Союзомъ и «кричащими», но не тождественномъ съ ними. Борьба съ этимъ видѣніемъ и составитъ содержаніе слѣдующей брошюры г. Льдова. Боюсь только, что къ тому времени дѣло г-жи Поповой до такой степени всѣмъ надоѣстъ, что и новый подвигъ г. Льдова не принесетъ ему лавровъ.

Ник. Михайловскій.

Дневникъ журналиста.

Сіонистское движеніе среди евреевъ.

I.

Историческое движеніе истекающаго XIX вѣка отличается особою сложностью, особо запутаннымъ переплетомъ явленій и событій, плохо укладывающихся въ одну общую характеристику... Если XV вѣкъ есть вѣкъ Возрожденія, XVI—реформаціи, XVII—абсолютизма и католической реакція, XVIII—просвѣтительной литературы и революціи, то *чего же* періодомъ представляется наше многострадальное, столь же великое, сколько и печальное столѣтіе? Совершенно ни съ чѣмъ въ исторіи несоизмѣримое развитіе положительнаго знанія составляетъ гордость нашего вѣка и не можетъ быть пропущено въ его характеристикѣ, но можно ли назвать XIX столѣтіе вѣкомъ положительнаго знанія? Ничѣмъ не заслоняемое по своему громадному значенію, оно, это развитіе положительнаго знанія, не заслоняетъ, однако, ни столь же громаднаго развитія техники, ни капитализма, ни глубокихъ политическихъ преобразованій, внутреннихъ и внѣшнихъ, ни широкаго развитія идей, ни потрясающихъ народныхъ движеній... Если XIX столѣтіе есть вѣкъ положительнаго знанія, то не менѣе того оно является вѣкомъ техники, вѣкомъ капитализма, вѣкомъ демократизма, вѣкомъ милитаризма, вѣкомъ націонализма, вѣкомъ совершенно новаго соотношенія политическихъ силъ образованнаго міра, вѣкомъ освобожденія порабощенныхъ народовъ, вѣкомъ ожесточенной международной борьбы, вѣкомъ постепеннаго объединенія европейскихъ государствъ въ европейскомъ концертѣ, вѣкомъ пара и электричества; а уложить всѣ эти «вѣка» въ одну характеристику, вродѣ Возрожденія или Реформаціи, конечно, невозможно. И еще долго будетъ невозможно. Только на большомъ разстояніи времени опредѣлится то важнѣйшее, что переживетъ свой вѣкъ и послужитъ основою для будущаго развитія. То и будетъ характеристикою нашего вѣка. Теперь мы, напримѣръ, знаемъ, что главнымъ историческимъ дѣломъ XV вѣка была литература Возрожденія, а не борьба между Франціей и Габсбургами, которая преимущественно занимала современниковъ. Послѣдствія литературы Возрожденія и по сейчасъ живы, а результаты борьбы французскихъ королей и германскихъ императоровъ давно сгладились послѣдующими историческими событіями. У европейцевъ XV вѣка не могло быть этой исторической перспективы, какъ не имѣемъ ея и мы для нашего времени. Естественно, если мы затрудняемся выдѣлить важнѣйшее, исторически главенствующее въ про-

цессѣ современнаго историческаго развитія. Многое, что шумитъ и мозолитъ глаза въ настоящее время, не оставитъ глубокаго слѣда и будетъ забыто потомками. Другое, что можетъ казаться затѣненнымъ и мало обѣщающимъ, расцвѣтетъ на многіе вѣка и оставитъ многочисленные плоды и незабываемые уроки.

Мы не доживемъ до возможности воспользоваться и для нашего времени этимъ критеріемъ исторической перспективы, но мы не можемъ ждать ея для оцѣнки текущихъ событій, для опредѣленія своего отношенія къ нимъ, своего въ нихъ участія словомъ и дѣломъ. Поневолѣ мы должны пользоваться другими критеріями, способными болѣе или менѣе приблизить насъ къ пониманію современности. Оставляя полное индуктивное изслѣдованіе нашей эпохи послѣдующимъ поколѣніямъ, мы принуждены болѣе пользоваться дедукціями. Богатые уроки прошлаго даютъ намъ возможность создавать болѣе или менѣе ясное и достовѣрное представленіе объ общемъ ходѣ человѣческой исторіи, объ *историческомъ прогрессѣ*, а это общее представленіе мы и примѣняемъ затѣмъ и къ событіямъ современности, которая сама по себѣ плохо поддается индуктивному изслѣдованію. Оцѣнка современныхъ событій, какъ содѣйствующихъ или противодѣйствующихъ человѣческому прогрессу, самая распространенная оцѣнка въ настоящее время, но представленіе о прогрессѣ очень не одинаково, а потому очень разнообразна и оцѣнка современныхъ явленій даже среди людей, вообще довольно близкихъ по своему міровоззрѣнію. Въ числѣ вопросовъ, гдѣ разногласіе особенно замѣтно, и гдѣ точная формулировка прогрессивности явленія особенно отстала, надо назвать и вопросъ *націонализма*. Люди, сходящіеся въ главныхъ основахъ своего политическаго и общественнаго credo, часто радикально расходятся въ своемъ отношеніи къ націонализму, явленію, возникшему и развившемуся преимущественно въ XIX вѣкѣ и составляющему одну изъ самыхъ отличительныхъ особенностей этого сложнаго вѣка.

XVIII вѣкъ еще не зналъ націонализма. Покончивъ въ XVII вѣкѣ съ религіозными распрями и обратившись къ идеямъ религіозной терпимости, цивилизованное человѣчество XVIII вѣка охотно отдыхало на этихъ гуманныхъ идеяхъ, медля одни распри замѣнять другими, одну нетерпимость устранять для другой. Начало XIX вѣка увидѣло эту замѣну, это возрожденіе взаимной нетерпимости и глубокой вражды народныхъ массъ другъ къ другу. Что національная нетерпимость и національная вражда отнюдь не представляются благами, съ этимъ никто, конечно, не станетъ спорить. Многіе, однако, скажутъ, что націонализмъ можно отдѣлить отъ нетерпимости и вражды. Другіе найдутъ, что націонализмъ тѣсно связанъ съ патріотизмомъ и является лучшею охраною независимости и свободы народовъ. Третьи укажутъ, что только національное развитіе культуры обезпечиваетъ ея прочность и плодотворность и т. д. Въ настоящее время вопросы эти снова невольно возникаютъ въ умѣ,

когда наблюдаешь возникновеніе въ современномъ человѣчествѣ новаго націонализма, именно еврейскаго, именуемаго обыкновенно *сіонизмомъ*. Это овощь самаго послѣдняго времени, и съ нею я и хочу познакомить читателя на этихъ страницахъ. Движеніе это особенно интересно для насъ, русскихъ, потому что въ предѣлахъ Россіи живетъ около двухъ третей еврейскаго народа. Для насъ не можетъ быть безразлично, въ какую сторону направится самосознаніе этой шестимилліонной массы нашихъ соотечественниковъ, а сіонистское движеніе обѣщаетъ не мало неожиданностей. Дѣло даже не столько въ осуществимости задачъ, выставляемыхъ этимъ движеніемъ, сколько въ тѣхъ чувствахъ, которыя оно можетъ оставить въ сердцахъ многочисленнаго народа, обиженнаго исторіей и желающаго снять съ себя эту обиду. Есть разные способы прекратить эту обиду, добыть человѣческія права, обезпечить человѣческое достоинство. Сіонизмъ предлагаетъ одно такое рѣшеніе и обращается съ своимъ воззваніемъ не къ уму, а къ давно и глубоко наболѣвшему сердцу. Въ послѣднемъ его сила, и потому-то съ нимъ надо серьезно считаться, не смотря на утопичность его плановъ и неосуществимость программы. Какое бы fiasco ни потерпѣли эти планы, какая бы неудача ни постигла эту программу, движеніе оставитъ глубокое впечатлѣніе, и на его почвѣ созрѣютъ плоды, которые не все и предвидѣть можно.

Разскажемъ сначала исторію этого движенія.

II.

Печальною эпидеміей, какой-то роковой волной прокатились еврейскіе погромы въ 1881 году по Новороссіи, Украйнѣ, Литвѣ и Польшѣ, по всей такъ называемой «чертѣ осѣдлости» въ предѣлахъ Россіи. Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ этого явленія. Тѣмъ болѣе, что мнѣ уже не разъ приходилось писать о немъ. За то здѣсь совершенно умѣстно говорить о послѣдствіяхъ погромовъ. Съ одной стороны, суровая репрессія противъ буйствовавшей массы надолго поселила въ ней озлобленіе противъ евреевъ, а съ другой стороны, репрессивныя мѣры, принятыя противъ евреевъ (въ видѣ новыхъ ограниченій ихъ правъ), усилили и упрочили въ ихъ средѣ тягостное и оскорбительное впечатлѣніе погромовъ.. Эти-то впечатлѣнія и ихъ плоды я и имѣю въ виду въ настоящее время, когда хочу коснуться исторіи еврейскаго вопроса за послѣднее время. Вмѣстѣ съ развитіемъ антисемитизма въ Западной Европѣ, погромы и репрессивныя мѣропріятія и послужили исходною точкою новаго фазиса въ исторіи этого злополучнаго вопроса, въ исторіи этого несчастнаго народа, не находящаго себѣ мѣста на землѣ.

Еще въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ еврейскій вопросъ представлялся совершенно въ иномъ свѣтѣ, нежели теперь. Онъ имѣлъ двѣ стороны: еврейскую неполноправность, съ одной

стороны, неполноправность, завѣщанную временемъ религіозной нетерпимости и гоненій, а, съ другой стороны, еврейскую отчужденность и замкнутость, которыя были созданы еврейской идеей мессіанизма, гоненіями евреевъ, взаимною религіозною нетерпимостью, и питались затѣмъ невѣжествомъ и неполноправностью. Оставляя прошедшее прошедшему, въ настоящемъ и будущемъ вопросъ сводился къ просвѣщенію евреевъ и ихъ эмансипаціи (т. е. дарованію гражданской полноправности). И рѣшеніе вопроса представлялось вопросомъ времени. Просвѣщеніе среди евреевъ несомнѣнно распространялось, а съ нимъ выдѣлялись изъ еврейства все болѣе многочисленные слои, чуждые нетерпимости и фанатизма, лишенные той слѣпой и пламенной вѣры въ свою избранность и близкое пришествіе Мессіи, которыя мѣшали ихъ сближенію съ христіанами. Параллельно съ этимъ повсемѣстно расширялись и гражданскія права евреевъ. У насъ въ Россіи правленіе Александра II было эпохою этого постепеннаго, но постояннаго расширенія правъ евреевъ. Среди евреевъ, такимъ образомъ, были только два теченія, ортодоксальное талмудическое и просвѣтительное реформаторское. Среди христіанъ—тоже два теченія, одно, желавшее поспѣшить равноправностью, и другое, стоявшее за постепенность. Во всемъ образованномъ обществѣ всего цивилизованнаго міра *въ принципѣ* не было разномыслія въ этомъ отношеніи. При этихъ условіяхъ, можно было запастись терпѣніемъ и ждать постепеннаго уравненія евреевъ и постепеннаго ихъ просвѣщенія. Дебаты сосредоточивались на частныхъ вопросахъ, и паденіе талмудической исключительности представлялось дѣломъ такого же близкаго будущаго, какъ и исчезновеніе послѣднихъ слѣдовъ неполноправности евреевъ...

Замкнутость и отчужденность евреевъ созданы были въ свое давнее время гоненіями, на той же почвѣ выросла и ихъ солидарность въ борьбѣ за существованіе, то, что называютъ ихъ кагальностью. Прежде, однако, чѣмъ эмансипація успѣла сгладить эти плоды гоненія и розни, ростъ капитализма до нельзя обострилъ борьбу за существованіе въ европейскихъ обществахъ. Естественно, если уже готовая, уже воспитанная исторіей взаимная солидарность евреевъ сослужила имъ нѣкоторую службу въ этой обострившейся борьбѣ за существованіе. Естественно также, если нѣкоторые успѣхи, даруемые солидарностью, возбудили неудовольствіе противъ евреевъ со стороны другихъ ихъ соотечественниковъ. Но уже совершенно неестественны и для человѣчества недостойны тѣ формы, которыя приняло это неудовольствіе, антисемитизмъ, гоненія, погромы. Печальны и тѣ формы, въ которыя отлилось отвѣтное движеніе среди евреевъ. Мнѣ случалось многократно бесѣдовать о печальномъ проявленіи нетерпимости и несправедливости со стороны христіанъ. Сегодня, какъ уже упомянуто, я займусь преимущественно отвѣтными движеніями, возникшими среди евреевъ, движе-

женіями, которыя, если не по ихъ побужденію, то по ихъ значенію я не могу не признать столь же печальными и вредными.

Погромы 1881 года были, какъ выше сказано, могучимъ толчкомъ для возбужденія этого броженія въ еврейской средѣ. Я уже упомянулъ, что среда эта въ то время раздѣлялись на два элемента: ортодоксальную, еще замкнутую и отчужденную массу и просвѣщенное, пріобщившееся къ европейской культурѣ меньшинство. Послѣднее постепенно росло, количественно и качественно, реагируя и на массу, отрѣшавшуюся мало по малу отъ былого недовѣрія ко всему окружающему міру. Надо сознаться, что міръ этотъ далъ достаточно оснований для такого недовѣрія. Погромы и преслѣдованія только укрѣпили въ массѣ эти чувства, воспитанныя давнею исторіей. Нѣкоторое новое упроченіе нѣсколько поколебленной было традиціи—вотъ что могло и должно было произойти въ массѣ, т. е. никакого серьезнаго измѣненія или преобразованія въ установившемся состояніи. Совсѣмъ иное видимъ мы въ просвѣщенномъ еврейскомъ меньшинствѣ, принявшемъ европейскую культуру. Здѣсь новый фазисъ еврейскаго вопроса, новая эпоха еврейской исторіи вызвали цѣлое крупное броженіе и цѣлый рядъ совершенно новыхъ явленій, значительно измѣнившихъ само содержаніе еврейскаго вопроса и способныхъ серьезно повліять на еврейскую исторію. Въ какомъ смыслѣ, объ этомъ мы и собираемся поговорить сегодня.

Обида погромовъ, антисемитическаго движенія, всяческой реакціи въ еврейскомъ вопросѣ отразились прежде всего на религіозномъ сознаніи просвѣщеннаго еврейскаго меньшинства. До тѣхъ поръ совершенно равнодушное къ вопросамъ вѣры, оно вдругъ выдѣлило изъ своей среды теченія, которыхъ обида, переживаемая столь неожиданно, заставила вспомнить о *своей* религіи, которая одна и является *роднымъ* для еврея, не съумѣвшаго найти родное себѣ въ родинѣ, населенной столькими обидчиками. Многіе и многіе просвѣщенные евреи нашли въ историческомъ отечествѣ это родное, не смотря на обиду, и съумѣли съ трогательною вѣрностью и рѣдкимъ безпристрастіемъ сохранить чрезъ годы этого пристрастія. Другіе, не нашедшіе родного для себя, пошли искать его... И прежде всего они начали искать его въ религіи своего народа. Вѣроятно, не мало было и такихъ, которые прямо вернулись къ талмуду, во всей его неприкосновенности, догматической и обрядовой. Другіе были, однако, уже достаточно испорчены европейскою культурою, чтобы зайти такъ далеко. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ религіозной реформы, одновременно возникшихъ въ разныхъ пунктахъ, населенныхъ евреями. Въ Кишиневѣ возникло общество *Новозавѣтнаго Израиля*, въ Одессѣ—*Новый Израиль*, въ Елизаветградѣ—*Духовно-библейское братство*.

Первыя свѣдѣнія объ этихъ сектахъ среди еврейскихъ интеллигентовъ сообщила въ печати брошюра г. Бенъ-Сіонова «Новый

Израиль» (Одесса, 1882 г.). Очень заинтересовался этимъ движеніемъ и покойный В. О. Португаловъ, издавшій объ этомъ брошюру подъ заглавіемъ «Знаменательныя движенія въ еврействѣ» (С.-Петербургъ, 1884 г.). Тогда нѣкоторые просвѣщенные евреи, въ томъ числѣ и Португаловъ, возлагали большія надежды на это движеніе, полагая, что, проникнувъ въ еврейскую массу, оно послужитъ толчкомъ къ выходу изъ талмудической косности, къ началу раціоналистическаго религіознаго мышленія, къ сближенію съ другими исповѣданіями. Нѣкоторые даже пробовали называть эти секты еврейскимъ штундизмомъ. Всѣ эти надежды и ожиданія не сбылись ни въ малѣйшей мѣрѣ, и нижеслѣдующихъ строкъ, написанныхъ мною въ 1884 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» по поводу брошюры Португалова, болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы охарактеризовать ихъ историческое значеніе. Я писалъ тогда слѣдующее:

«Братство это, какъ явствуетъ и изъ изложенія г. Португалова и изъ вышеупомянутой брошюры г. Бенъ-Сіонова,—представляется одною изъ тѣхъ эфемерныхъ интеллигентныхъ сектъ, которыя остаются чуждыми народной средѣ и не оставляютъ никакого слѣда въ религіозной жизни народа. Мало ли такихъ и великосвѣтскихъ и малосвѣтскихъ сектъ появлялось и среди русскихъ культурныхъ людей съ тѣмъ, чтобы исчезнуть безъ малѣйшаго вліянія на религіозное сознаніе народа. Не болѣе того вправѣ мы ожидать и отъ новой еврейской секты, какъ бы интересно и поучительно ни было ея вѣроученіе. По крайней мѣрѣ, пока мы не будемъ имѣть извѣстій, что новыя еврейскія секты, болѣе или менѣе отрицающія талмудъ и подвергающія Библію раціоналистическому толкованію, проникли въ сѣрую не культурную еврейскую массу, до тѣхъ поръ ихъ возникновеніе, если и знаменательно, то никакъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ г. Португаловъ. Онѣ знаменательны лишь, какъ реакція въ средѣ еврейской интеллигенціи въ сторону юдаизма и противъ болѣе рѣшительнаго раціонализма, сблизившаго еврейскую интеллигенцію съ интеллигенціей русской. Между тѣмъ, г. Португаловъ полагаетъ видѣть въ этихъ братствахъ явленіе прогрессивное, идущее отъ талмуда къ свободной мысли. Такими они были бы, еслибы проявились въ средѣ не культурнаго еврейства и были бы тогда явленіемъ прогрессивнымъ. Теперь же это шагъ назадъ, отъ свободной мысли къ талмуду и едва ли движеніе это не должно быть признано рѣзко регрессивнымъ. Только въ этомъ отношеніи оно и знаменательно».

Приговоръ этотъ, конечно, былъ рѣзокъ, но настолько справедливъ, что оказался точнымъ предсказаніемъ, а осужденное въ цитированныхъ строкахъ движеніе уже завершившимъ полный фазисъ своего развитія. Его нѣтъ уже, и слѣдовъ оно не оставило. Оно было выраженіемъ реакціоннаго настроенія въ нѣкоторой части еврейской интеллигенціи и безслѣдно исчезло, какъ только это

реакціонное настроеніе нашло болѣе яркое выраженіе, способное вдобавокъ найти больше сочувственнаго отклика въ еврейской массѣ, преданной талмудизму. Справедливость моего приговора, оправданнаго такъ скоро ходомъ исторіи, мнѣ важна потому особенно, что рядомъ съ отзывомъ объ еврейскихъ религіозныхъ реформаторахъ, я тогда же коснулся (вслѣдъ за Португаловымъ) и перваго проявленія еврейскаго націонализма, этого, какъ я только что выразился, болѣе яркаго выраженія еврейской реакціи. Вотъ, между прочимъ, что тогда, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, можно было уже отмѣтить и предвидѣть по этому нынѣ столь развившемуся вопросу:

«Брошюра Autoemancipation является (подобно упомянутымъ сектамъ) тоже однимъ изъ выраженій этого возрожденія юдаизма и его національной исключительности. Она во всѣхъ отношеніяхъ представляется явленіемъ, болѣе знаменательнымъ, нежели интеллигентно-сектантскіе пустоцвѣты. Тѣ не возбуждаютъ сочувствія даже въ средѣ культурнаго еврейства и являются нерѣшительнымъ и непослѣдовательнымъ выраженіемъ пробуждающагося среди культурнаго еврейства стремленія къ возвращенію на лоно традицій юдаизма. Брошюра же «Самоосвобожденіе» была встрѣчена просто восторженно еврейскою прессою и весьма многочисленною частью культурнаго еврейства. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, является полнымъ выраженіемъ этого крайняго юдофильства, не мирящагося ни на чемъ меньше, какъ основаніе еврейскаго государства. Къ сожалѣнію, г. Португаловъ, затронувъ этотъ сюжетъ и коснувшись этого движенія среди образованныхъ евреевъ, ограничивается брошюрою Autoemancipation и совершенно игнорируетъ факты, краснорѣчивымъ объясненіемъ которыхъ является это произведеніе ученаго еврея. Напримѣръ, палестинскіе проекты и движеніе образованной еврейской молодежи въ Обѣтованную Землю стоятъ же не меньше, нежели хотя бы и очень краснорѣчивыя страницы берлинской брошюры, которая и сама дѣлается явленіемъ знаменательнымъ лишь въ свѣтѣ этихъ фактовъ. Или хотя бы тонъ и характеръ русско-еврейской прессы, особенно сравнительно съ ея же тономъ и характеромъ въ шестидесятыхъ годахъ? Только эти факты, въ связи съ фактами юдофобства, погромовъ и гоненія, воздвигнутаго на евреевъ, и могутъ дать объясненіе и брошюрѣ «Самоосвобожденіе». и духовно-библейскому братству, которые сами по себѣ, внѣ этой связи и отношеній, остаются и непонятными и отнюдь не знаменательными».

Таково было начало этого движенія, нынѣ уже пріобрѣвшаго историческое значеніе. Поиски родного, потребность имѣть родное и неумѣніе сродниться съ историческимъ отечествомъ породили и религіозную реакцію въ культурномъ еврействѣ и еврейскій націонализмъ. Эфемерность перваго движенія и значеніе второго можно было предвидѣть съ самаго ихъ возникновенія. Нѣкоторая

удача, съ которою я успѣлъ разобраться въ фактахъ начинавшейся реакціи еврейской интеллигенціи, даетъ мнѣ лишнее удостовѣреніе, что я не ошибся выборомъ точки зрѣнія и критерія. Мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ реакціоннымъ, возникшимъ въ отвѣтъ на реакціонное же движеніе антисемитическое. Интеллигентно—еврейскія секты, брошюра Autoemancipation, палестинскіе проекты г. Ліліенблюма, этого «еврейскаго Писарева», какъ его называли когда-то, съ этого началось движеніе, въ истекающемъ 1897 году нашедшее себѣ такое яркое выраженіе во всемірномъ конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ.

III.

Упомянутая берлинская брошюра Autoemancipation вышла въ 1882 году и вскорѣ была переведена въ русско-еврейской прессѣ, именно въ «Разсвѣтѣ» г. Лиліенблюма, который и взялъ подъ свое покровительство это зарождающееся движеніе. На горячую проповѣдь *Разсвѣта* откликнулась нѣкоторая часть образованной еврейской молодежи и выдѣлила изъ себя первыхъ колонистовъ Палестины. Впослѣдствіи фирма Ротшильда облегчила эти опыты колонизаціи, пріобрѣтая въ Палестинѣ значительныя земельныя владѣнія и сдавая ихъ участками въ аренду этимъ интеллигентамъ колонистамъ, пожелавшимъ «сѣсть на землю», только на палестинскую. Стремленіе «сѣсть на землю» дало имъ и названіе еврейскихъ народниковъ.

Между тѣмъ, это тогда еще не сіонистское, а народническое движеніе вызвало въ средѣ русскаго культурнаго еврейства и противодѣйствіе. Въ этомъ направленіи приходится отмѣтить прежде всего книжку г. Ф. Б. Геца «Что такое еврейство?» (С.-Петербургъ, 1885 г.). Этотъ извѣстный еврейскій ученый рѣшительно возсталъ противъ всякаго измѣненія въ бытѣ и дѣятельности евреевъ. Онъ рекомендовалъ своимъ единовѣрцамъ: «идти по той же дорогѣ, по которой шли ихъ предки, пользоваться тѣми же испытанными пріемами въ борьбѣ за національное существованіе, которыми пользовались и они» (стр. 58). Другими словами, все должно остаться по старому въ еврейской средѣ, но вѣдь именно это «старое», хотя первоначально и созданное гоненіями, впослѣдствіи именно и содѣйствовало расцвѣту антисемитизма и новой нетерпимости! Рецептъ г. Геца могъ быть принятъ едва ли значительною частью еврейской интеллигенціи. Онъ годился только для ортодоксальной массы, которая и безъ того цѣпко держалась и держится талмудическихъ традицій. Для культурнаго еврейства, не склоннаго увлечься палестинскими проектами г. Лиліенблюма, необходима была другая точка зрѣнія, другая программа. Въ этомъ смыслѣ надлежитъ отмѣтить книжку г. Х. Житловскаго «Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства» (Москва, 1887 г.).

Авторъ упомянутой книжки—образованный еврей, горячо преданный интересамъ своего многострадальнаго народа, но не потерявшій подъ вліяніемъ горькаго чувства перенесенной обиды ни хладнокровія, ни способности анализа, ни однажды выработаннаго общаго міровоззрѣнія. Книжка г. Житловскаго, не смотря на свою сжатость, можетъ служить хорошимъ источникомъ для перваго ознакомленія съ интересующимъ насъ движеніемъ, которое онъ прямо называетъ реакціоннымъ. «Характеристическая черта этого движенія (читаемъ мы у г. Житловскаго, стр. 124)—смѣшеніе понятій, соединеніе до сихъ поръ не сочетавшихся вещей: докторъ конца XIX вѣка и битье трефной посуды во имя національнаго возрожденія! Г. Лиліенблюмъ, *еврейскій Писаревъ*, и борьба съ цивилизаціей! *Новая жизнь* и какой-то раввинъ въ качествѣ агента палестинофиловъ! Въ этомъ движеніи трудно не замѣтить этихъ двухъ противоположностей: стремленіе къ *новой* жизни и *возвратъ* къ средневѣковой религіозности». Останавливаясь на этомъ внутреннемъ противорѣчіи палестинофильства, авторъ продолжаетъ (стр. 126): «Удастся ли нашимъ націоналистамъ примирить принципы національности и принципы прогресса въ частности для евреевъ? Удастся ли имъ доказать, что сохраненіе еврейской національности *желательно* съ точки зрѣнія умственнаго и нравственнаго прогресса евреевъ и *возможно* средствами, не противурѣчащими этому прогрессу, или надо это считать дѣломъ неисполнимымъ?» Такъ формулировалъ г. Житловскій вопросы, возбужденные еврейскимъ націоналистическимъ движеніемъ десять лѣтъ тому назадъ. Формулировка была вполнѣ удачная, еслибы не являлся прежде всего вопросъ, существуетъ ли вообще еврейская національность, вопросъ, Ренаномъ рѣшенный отрицательно. Но объ этомъ ниже.

Гг. Гецъ и Житловскій—скептики. Движеніе пріобрѣтало, однако, и новыхъ горячихъ сторонниковъ и адептовъ. Въ этомъ отношеніи не лишена интереса книга г. Рафаила Лемблана «Вырожденіе евреевъ и Палестина» (Ананьевъ, 1889 г.). Точка зрѣнія автора, фанатически преданнаго палестинской идеѣ, болѣе оригинальна, чѣмъ остроумна или справедлива. По его мнѣнію, еврейскій народъ, въ настоящихъ условіяхъ его существованія, внѣ Палестины, фатально осужденъ на полное вырожденіе. Оно уже началось и развивается съ ужасающею быстротой, заставляющей поспѣшить возвратомъ къ нормальному быту, а такимъ нормальнымъ бытомъ можетъ быть только трудовая, преимущественно земледѣльческая жизнь на территоріи собственнаго отечества, на землѣ, политой потомъ и кровью предковъ. Но гдѣ, однако, доказательства исходнаго тезиса о вырожденіи евреевъ? Повсемѣстно засвидѣтельствованная быстрота размноженія евреевъ вполнѣ противорѣчитъ этому тезису, какъ и ихъ успѣхи въ борьбѣ за существованіе. Г. Лембланъ не касается этой стороны вопроса. Онъ подходитъ съ дру-

гой стороны и пытается доказать, что евреи поголовно душевно разстроены уже теперь, а затѣмъ представятъ, пожалуй, примѣръ цѣлаго народа, одержимаго поголовнымъ помѣшательствомъ! Это уже черезчуръ, какъ будто... Изъ многочисленныхъ, но большею частью совершенно не убѣдительныхъ доводовъ увлекающагося автора можно считать достойными вниманія указанія на то, что среди евреевъ процентъ помѣшанныхъ, такъ же, какъ и процентъ преступныхъ, сравнительно больше, нежели среди другихъ народностей. Но и эти серьезные доводы теряютъ въ значительной мѣрѣ свою доказательность, если сообразить, что евреи преимущественно горожане а въ городахъ и заболѣваемость, и преступность сильнѣе; что евреи занимаются профессіями, которыя вообще даютъ большой процентъ заболѣваемости и преступности; что евреи подвержены разнымъ ограниченіямъ и запретамъ, нарушеніе которыхъ составляетъ цѣлую категорію проступковъ, неизвѣстныхъ другимъ слоямъ населенія...

Доказавъ, какъ онъ думаетъ, что «приведенныя данныя характеризуютъ евреевъ, какъ племя въ состояніи дегенераціи» (стр. 52), г. Лембланъ набрасываетъ планъ ихъ возрожденія, причемъ замѣчаетъ, что «съ возрожденіемъ еврейства связано излѣченіе и исправленіе его» (стр. 56). Лѣкарствами же онъ считаетъ—*отечество и производительный трудъ*. «Внѣ Палестины,—восклицаетъ нашъ авторъ (стр. 63),—мы всегда чувствуемъ себя жалкими цыганами, безъ традицій съ землей, отечествомъ. Пусть стѣны нашего разрушеннаго храма, пусть развалины, попадающіяся то тамъ, то сямъ въ Палестинѣ, реставрируютъ въ нашей больной памяти и наше прошлое величіе, нашу прошлую доблесть; пусть плугъ, копая землю, копаетъ на землѣ своихъ отцовъ, на той землѣ, съ которой я связанъ столькими цѣпями родства, величіе которой создали мои предки, и съ этимъ плугомъ могу быть маленькимъ великимъ предкомъ въ будущемъ великаго народа». Такъ больное чувство, порожденное въ тысячахъ еврейскихъ сердецъ обидою и несправедливостью, диктовало и больную мысль, болѣзненную мечту, искавшую не въ задачахъ будущаго, а въ развалинахъ давно похороненнаго безвозвратнаго прошлаго, найти исходъ для своего народа... Они мечтали и мечтаютъ о новомъ исходѣ, который повторилъ-бы Exodus временъ Моисея, направляясь въ ту же Обѣтованную Землю! И эта поэтическая мечта экзальтированнаго и болѣзненно настроеннаго воображенія вдругъ охватываетъ массы людей, являя міру новый примѣръ массоваго помѣшательства!..

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, что за странная мечта? Переселить болѣе девяти милліоновъ ремесленниковъ и торговцевъ съ многочисленными семействами въ страну, едва ли способную прокормить бо-

лѣе милліона, уже занятую другимъ народомъ, вовсе не нуждающуюся въ ремесленникахъ и торговцахъ, находящуюся подъ владычествомъ могущественной варварской орды, заключающую неприкосновенныя святыни многихъ другихъ народовъ... Все это такъ элементарно дико, такъ явно неосуществимо, такъ въ корнѣ абсурдно, что, казалось бы, и обсуждать тутъ нечего, а между тѣмъ тысячи несомнѣнно умныхъ и образованныхъ людей не только серьезно обсуждаютъ эту смѣшную утопію, но собираютъ средства на ея осуществленіе, агитируютъ, пропагандируютъ, находятъ все новыхъ и новыхъ адептовъ, переносятъ движеніе въ среду самой ортодоксальной массы...

Начавшись въ Россіи въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, палестинское движеніе въ половинѣ девятидесятыхъ годовъ перекинулась въ Западную Европу. Погромы и нетерпимость къ евреямъ породили движеніе въ Россіи; успѣхи антисемитизма въ Германіи и Австріи перенесли его въ Западную Европу. Недавнее торжество антисемитизма въ Вѣнѣ, недавніе еврейскіе погромы въ Богеміи и Румыніи должны, конечно, еще больше питать движеніе. Не спрашивайте у этого движенія «*зачѣмъ оно?*» потому что оно не съумѣетъ вамъ толково и съ здравымъ смысломъ отвѣтить на этотъ вопросъ, но если вы спросите «*отчего оно?*» вы получите тогда и опредѣленный отвѣтъ, понятный всякому человѣческому сердцу. Вамъ могутъ отвѣтить вполнѣ резонно, что европейцы ихъ не желаютъ, ихъ обвиняютъ во всевозможныхъ гнусностяхъ, преслѣдуютъ всяческими способами, не гнушаясь даже насиліемъ, не щадя даже женской чести... Вотъ они и уходятъ... Но куда, однако? Одни въ Соединенные Штаты, другіе въ Аргентину, третьи — въ Палестину. Послѣднихъ наименьше, но *идея* есть только у нихъ, больная, утопическая, неосуществимая, но все-таки идея, говорящая уму и сердцу, отвѣчающая совѣсти и достоинству. Поэтому то Штаты и Аргентина могутъ принять нѣкоторое число евреевъ, которымъ родныя обиды стали невыносимы, но серьезнаго общественнаго значенія эти частныя миграціи имѣть не могутъ, хотя бы еще десятки Гиршей пожертвовали для этого еще сотни милліоновъ. И поэтому же движеніе въ Палестину, которая почти вовсе не способна принять иммигрантовъ, можетъ пріобрѣсти и отчасти уже пріобрѣло немаловажное общественное значеніе, можетъ серьезно повліять на самосознаніе и самочувствіе еврейскаго народа и можетъ надолго извратить отношенія евреевъ къ прочимъ народностямъ, съ которыми ихъ исторія помѣстила на одной территоріи, и съ которыми придется продолжать сожительство и послѣ поэтическаго угара сіонистской утопіи.

Изданная недавно въ Одессѣ брошюра г. С. Пэна «Первый всемірный конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ» сознается, что за пятнадцать лѣтъ палестинскаго движенія Обѣтованная земля могла

пріютить не больше десяти тысячъ переселенцевъ! Это такъ ничтожно сравнительно съ размѣромъ задачи, что явная неудача эта способна была бы отрезвить каждаго, еслибы европейская нетерпимость не давала все новой и новой пищи этой больной и благородной мысли. И вотъ только что цитированная брошюра утѣшаетъ себя за медленность практическихъ результатовъ движенія тѣмъ, что «зато духовные его результаты въ смыслѣ объединенія націи и широкаго распространенія проповѣдуемыхъ сіонизмомъ идей огромны» (стр. 10). Но *объединеніе* евреевъ русскихъ, германскихъ, французскихъ не значитъ ли *разъединеніе* ихъ съ народами русскимъ, германскимъ, французскимъ? Г. Пэнъ радуется, что успѣхи въ этомъ отношеніи огромны! И въ то время, какъ въ Палестинѣ успѣхи были ничтожны! Еслибы въ Палестинѣ успѣхи были значительны, то это еврейское объединеніе, восхваляемое г. Пэномъ, было бы важно, какъ подготовка Exodus'а, а для продолженія сожительства съ европейскими народами такое объединеніе можетъ принести много вреда и горестей, и прежде всего самому еврейскому народу.

Современные успѣхи сіонизма такъ характеризуетъ цитируемая брошюра: «Въ настоящее время сіонистскія общества и союзы имѣются во всѣхъ городахъ Западной Европы, гдѣ только живутъ евреи. Ихъ особенно много въ Австро-Венгеріи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Англіи и Сѣв. Америкѣ, но ихъ также немало въ Германіи, Франціи, и въ послѣднее время они образовываются и въ Италіи. Въ Россіи также существуетъ по утвержденному 9 Февраля 1890 года г. министромъ внутреннихъ дѣлъ уставу общество вспомоществованія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ.—Въ настоящее время въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ издается на разныхъ языкахъ 29 періодическихъ изданій сіонистскаго направленія, и двѣ газеты Zion (Берлинъ) и Die Welt (Вѣна) посвящены сіонистскимъ интересамъ». Съ 1896 года въ челѣ движенія сталъ извѣстный вѣнскій журналистъ д-ръ Герцль, издавшій книгу «Еврейское государство». Хотя эта книга лишь повторяла идеи вышедшей четырнадцать лѣтъ назадъ уже нами упомянутой брошюры «Самоосвобожденіе», но почва нынѣ оказалась лучше подготовленной, и книга Герцля стала событіемъ въ исторіи сіонизма. Вслѣдъ за Герцлемъ присталъ къ движенію и Максъ Нордау. Вожди нашли, что настало время созваніемъ конгресса еще энергичнѣе двинуть дѣло пропаганды и распространенія сіонистской идеи. Конгрессъ состоялся въ концѣ августа настоящаго 1897 года въ Базелѣ, въ Швейцаріи. Заимствуемъ изъ упомянутой брошюры г. Пэна существенное изъ отчета о засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ конгресса.

Первоначально мѣстомъ конгресса былъ избранъ Мюнхенъ, но мѣстные евреи воспротивились этому, указывая, что они уже имѣютъ германское отечество и вовсе не желаютъ дать поводъ думать,

будто они ищутъ другого отечества. Они полагали, не безъ основанія, что сіонисты могутъ испортить ихъ отношенія съ другими соотечественниками. Протестъ мюнхенскихъ евреевъ былъ настолько категориченъ, что организаціонный комитетъ конгресса съ Герцлемъ во главѣ увидѣлъ себя вынужденнымъ измѣнить первоначальному выбору и перенести мѣсто съѣзда въ Швейцарію, столь привычное мѣсто всяческихъ конгрессовъ и съѣздовъ, что никто не заподозритъ туземцевъ въ солидарности съ конгрессіонистами. Тѣмъ не менѣе, мюнхенская неудача побудила организаціонный комитетъ разослать и напечатать циркулярное посланіе успокоительнаго содержанія, что ничего тайнаго въ совѣщаніяхъ конгресса не будетъ, и «его пренія не будутъ противорѣчить законамъ какой либо страны и нашимъ гражданскимъ обязанностямъ». Цѣлью конгресса объявлены «обмѣнъ мнѣній по сіонистскимъ вопросамъ, а также увеличеніе и расширеніе программы сіонизма». Программа конгресса выработана организаціоннымъ комитетомъ слѣдующая.

1) Старѣйшій изъ членовъ открываетъ конгрессъ.
2) Д-ръ Теодоръ Герцль привѣтствуетъ собраніе и говоритъ о значеніи конгресса.
3) Выборъ предсѣдателя и членовъ бюро.
4) Д-ръ Максъ Нордау читаетъ «О положеніи евреевъ въ мірѣ».
5) Выработка программы сіонистовъ; докладчики—д-ра Бирнбаумъ и Фарбштейнъ.
6) Сіонистская организація: а) соединеніе всѣхъ дѣйствій сіонистовъ въ одномъ центрѣ; б) основаніе неприкосновеннаго національнаго фонда; в) программа дѣйствій сіонистовъ; докладчикъ—д-ръ Боденгеймеръ.
7) Палестинская колонизація: а) о покупкѣ земель въ Палестинѣ; б) объ основаніи новыхъ колоній; в) подготовленіе колонистовъ; г) экспортъ и импортъ Палестины; д) культура Палестины.

Открытіе конгресса было назначено на 29 (17) августа. Продолжительность—три дня. Въ конгрессѣ приняли участіе 204 делегата: изъ Россіи (55), Германіи (37), Австро-Венгріи (36), Швейцаріи (15), Франціи (10), Англіи (8), Болгаріи (6), Румыніи (5), Соединенныхъ Штатовъ (4). Кромѣ того, по три, по два и по одному отъ Бельгіи, Голландіи, Сербіи, Турціи, Швеціи, Персіи и Палестины. Изъ послѣдней—два. Въ числѣ участниковъ можно отмѣтить девять дамъ. Нѣкоторое незначительное число участниковъ конгресса я не съумѣлъ распредѣлить по странамъ.

Первое засѣданіе 17 августа было открыто, согласно программѣ, старѣйшимъ членомъ конгресса, д-ромъ Липпе, причемъ немедленно, по его предложенію, было вотировано слѣдующее *первое* постановленіе сіонистскаго конгресса: «Собравшіеся сегодня въ Базелѣ представители еврейскаго народа (*представители народа?*) уполномачиваютъ предсѣдателя передать султану чувства преданности и благодарности за защиту (?), оказываемую имъ (!) ихъ единовѣрцамъ». Султанъ оказывается другомъ и защитникомъ угнетенныхъ народовъ и въ цѣломъ мірѣ больше никто!.. Неужели

нѣкто? И неужели султанъ, Абдулъ-Гамидъ? И это постановленіе принято единогласно безъ преній. Но что оно такое? Едва ли преднамѣренный дикій вызовъ цивилизованному міру... Скорѣе новый яркій симптомъ массоваго помѣшательства.

Вслѣдъ за тѣмъ вступительную рѣчь-программу произнесъ д-ръ Теодоръ Герцль, который и былъ избранъ президентомъ конгресса.

V.

«Антисемитизмъ насъ соединилъ»,—сказалъ Герцль въ своей вступительной рѣчи и этими словами, самъ того не замѣчая, указалъ на то, что сіонизмъ не есть явленіе самостоятельное, но отраженное. Сіонизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ европейской реакціи, которая выразилась въ разныхъ печальныхъ явленіяхъ, въ томъ числѣ и въ антисемитизмѣ. Безъ реакціи не было бы антисемитизма, безъ антисемитизма не было бы сіонизма, который, такимъ образомъ, есть одно изъ выраженій реакціи, ею питаясь и, въ свою очередь, ее питая. «Сіонизмъ,—продолжаетъ Герцль выяснять его развитіе и значеніе,—сіонизмъ *прежде всего* требуетъ возвращенія евреевъ къ іудейству, а *потомъ* уже возвращенія въ еврейскую страну». Это «потомъ» не осуществимо, но оное «прежде всего»—весьма и весьма осуществимо, и эти слова Герцля лучше всего и полнѣе всего выясняютъ возможные и вѣроятные результаты движенія: возвращеніе болѣе или менѣе значительной части культурнаго еврейства къ талмуду и ортодоксальному юдаизму. Мои бѣглыя указанія 1884 г. (выше цитированныя), болѣе подробный анализъ г. Житловскаго въ 1887 г. находятъ себѣ полное подтвержденіе въ этихъ словахъ рѣчи-программы сіонисткаго конгресса. «Сіонизмъ уже тѣмъ замѣчателенъ—говоритъ дальше Герцль,—что онъ привелъ въ исполненіе то, что прежде казалось невозможнымъ: онъ тѣсно соединилъ прогрессивные элементы еврейства съ консервативными». Совершенно справедливо, какъ нѣсколько ниже замѣчаетъ ораторъ, что «такое соединеніе было возможнымъ лишь на почвѣ національнаго», но національнаго безпринципнаго, не вносящаго въ самосознаніе никакой *новой* идеи, а потому и охраняющаго традиціонное statu quo. Поэтому вполнѣ ошибается ораторъ, когда полагаетъ, что соединеніе культурнаго и ортодоксальнаго еврейства совершалось «безъ взаимныхъ уступокъ». Ортодоксальное еврейство не уступило ничего; культурное уступило свой раціонализмъ, свою свободную мысль, потому что «сіонизмъ прежде всего требуетъ возвращенія къ іудейству», какъ говоритъ самъ Герцль. Отъ кого онъ требуетъ? Не отъ ортодоксальныхъ талмудистовъ, конечно... Уступки, такимъ образомъ, были, но правда, что не взаимныя. Этотъ первый, по нашему мнѣнію, важнѣйшій параграфъ своей рѣчи-программы Герцль заключаетъ выводомъ, что «конгрессъ поэтому займется изысканіемъ духовныхъ

средствъ для возрожденія и поддержанія еврейскаго національнаго самосознанія». Возрожденіе еврейской исключительности въ средѣ культурнаго еврейства—дѣло, конечно, достижимое, и оно явится главнымъ историческимъ дѣломъ сіонизма. Поэтому эту часть рѣчи-программы предсѣдателя конгресса я и считаю важнѣйшей.

Хотя «прежде всего» сіонизмъ требуетъ возвращенія къ юдаизму, но «потомъ» и въ еврейскую страну. Такъ сказалъ президентъ и въ съѣздѣ сіонистовъ. Ознакомимся же теперь съ мнѣніями рѣчи-программы объ этой *второй* задачѣ сіонизма. «Если предположить, говоритъ Герцль, что ежегодно переселится въ Палестину десять тысячъ человѣкъ, а всѣхъ евреевъ девять милліоновъ, то для разрѣшенія еврейскаго вопроса посредствомъ колонизаціи Палестины потребуется не менѣе 900 лѣтъ. Это, по меньшей мѣрѣ, непрактично! Между тѣмъ, цифра 10,000 эмигрантовъ въ годъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ слишкомъ фантастическая. Кромѣ того, при такой цифрѣ турецкое правительство несомнѣнно освѣжитъ старый запретъ, положенный на эмиграцію (иммиграцію?.) евреевъ въ Палестину...». Какъ все это справедливо. За пятнадцать лѣтъ переселилось 10 тысячъ, ораторъ умножилъ силу движенія въ пятнадцать разъ, справедливо находя это невѣроятнымъ, и всетаки оказывается 900 лѣтъ для переселенія! И притомъ размноженіе не принято во вниманіе... Ораторъ принимаетъ во вниманіе и вѣроятность запрета со стороны турокъ... На что же онъ надѣется? Тутъ-то и начинается та изумительная аберрація мысли, которая называется теперь сіонизмомъ. «Переселеніе евреевъ въ Палестину дастъ этой бѣдной (*дѣйствительно очень бѣдной и скудной*) странѣ, даже всему оттоманскому государству, притокъ свѣжихъ силъ неизбалованнаго народа. Его величество султанъ долженъ быть очень доволенъ и онъ для нихъ добрый монархъ». Его величество калифъ правовѣрныхъ *долженъ быть очень доволенъ* увеличеніемъ въ своей странѣ числа гяуровъ? Это уже походитъ на бредъ... Хотя далѣе, въ минуту просвѣтлѣнія, почтенный ораторъ и сознаетъ, что «о полномъ исходѣ евреевъ не можетъ быть и рѣчи», тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ ему говорить, что «преимущества (*для Турціи?*), проистекающія отъ переселенія *цѣлаго* народа, такъ велики, что они должны оказать самое благопріятное вліяніе на ходъ переговоровъ». И какъ ultima ratio: «Слѣдуетъ также прибавить, что финансовая помощь, которую евреи могутъ предложить Турціи—первостепенной важности для нея, такъ какъ она можетъ послужить для удаленія многихъ внутреннихъ золъ (*конечно, только для новыхъ вооруженій*), отъ которыхъ эта страна нынѣ страдаетъ». Деньги турки, разумѣется, возьмутъ, если евреи имъ ихъ дадутъ, но, когда придетъ очередь, и рѣзать ихъ будутъ такъ же, какъ болгаръ, грековъ, армянъ, маронитовъ, іезидовъ... Мало ли перебрали турки денегъ

у армянъ и грековъ! Тоже торговыя націи. Тоже не мало богачей и финансистовъ имѣютъ въ своей средѣ.

Такова сущность вступительной рѣчи-программы д-ра Герцля. Эта программа имѣетъ двоякую цѣль: 1) возрожденіе еврейской исключительности въ средѣ культурнаго еврейства и 2) возрожденіе еврейскаго государства въ Палестинѣ. Первая задача не только достижима, но отчасти уже и достигнута сіонизмомъ; вторая—какой-то бредъ больного ума, воспитаннаго больнымъ чувствомъ вѣковой обиды.

Вторымъ говорилъ Максъ Нордау. Какъ упомянуто, предметомъ его рѣчи было положеніе евреевъ въ мірѣ. Печальное положеніе это извѣстно, и Нордау только свелъ воедино эту картину безправія и гоненія, нетерпимости и вражды. Онъ забылъ только упомянуть, что антисемитизмомъ вовсе не исчерпывается отношеніе европейской мысли и европейскихъ обществъ къ евреямъ; что всѣ просвѣщенныя и прогрессивныя теченія европейской жизни горячо и вполнѣ искренно желаютъ евреямъ такого же просвѣщеннаго и прогрессивнаго развитія, какъ и прочимъ европейскимъ народамъ; что они такъ же проклинаютъ нетерпимость и вражду и взываютъ къ братству и равноправности; что будущность самихъ европейскихъ обществъ зависитъ отъ значенія и силы этихъ просвѣщенныхъ и прогрессивныхъ теченій, которыя, трудясь надъ общими задачами справедливости и прогресса, только и могутъ дать справедливое и прогрессивное рѣшеніе и еврейскому вопросу; что сіонизмъ, поэтому, какъ всякое разъединеніе, только ослабляетъ силу и значеніе просвѣщенной мысли, нанося удары прогрессу вообще, положенію евреевъ въ частности и въ особенности.

Максъ Нордау не даетъ программы. Онъ справедливо изобразилъ печальное положеніе евреевъ. Онъ погрѣшилъ только, не указавъ на благопріятныя силы въ самихъ европейскихъ обществахъ, но въ его заключительныхъ словахъ встрѣчаемъ слѣдующее прекрасное мѣсто: «Никто не долженъ оставаться равнодушнымъ къ нуждѣ евреевъ, ни христіане, ни евреи. Большой грѣхъ допустить племя страдать нравственно и тѣлесно, племя, дарованій котораго не отрицаютъ самые злѣйшіе враги. Великій грѣхъ падаетъ и на дѣло цивилизаціи, въ прогрессѣ котораго евреи могли бы быть вовсе не равнодушными зрителями». Все это вполнѣ справедливо, но причемъ тутъ сіонизмъ? Максъ Нордау призываетъ къ единенію христіанъ и евреевъ, а сіонизмъ ведетъ къ разъединенію...

Послѣ рѣчи Нордау прочитаны были доклады о положеніи евреевъ въ разныхъ странахъ. Лишній разъ обнаружилось, что оно повсемѣстно печально (исключеніе Англія). Истину, однако, не мѣшаетъ повторять почаще и эта часть засѣданій конгресса была бы самая интересная и важная, если бы «отчетъ» ее опубликовалъ не въ такомъ краткомъ извлеченіи.

За отчетами слѣдуетъ обсужденіе программы сіонизма. Докладывали Бирнбаумъ и Фарбштейнъ. Аргументація Бирнбаума чисто теоретическая. Болѣзнь еврейства отсутствіе чувства національности. Излѣченіе болѣзни одно—пріобрѣсти собственную землю. Въ сущности, Бирнбаумъ говорилъ не о *программѣ*, а объ *идеѣ* сіонизма. Вторымъ докладывалъ Фарбштейнъ. Онъ выставилъ тезисомъ, что «сіонизмъ слѣдуетъ такъ же разсматривать, какъ соціально-политическое движеніе высокой важности. Сіонисты желаютъ путемъ систематическихъ переселеній евреевъ въ Палестину не только образовать еврейское общество, но также измѣнить экономическое положеніе евреевъ: изъ евреевъ торговцевъ и ремесленниковъ образовать народъ, занимающейся сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью». Это очень хорошо, конечно, но причемъ тутъ Палестина и сіонизмъ? Обращеніе къ земледѣлію и промышленности въ привычномъ климатѣ и при хорошо знакомыхъ условіяхъ, культурныхъ и экономическихъ, конечно, гораздо легче, и Палестина въ этомъ случаѣ только новое затрудненіе. Докладчикъ думаетъ иначе. Онъ заключаетъ свой докладъ слѣдующими положеніями: «1) Опредѣленныя причины сдѣлали изъ евреевъ, особенно въ Западной Европѣ, торговцевъ. Эти же причины сдѣлали изъ евреевъ Западной Европы исключительно жителей городовъ, хотя они лишены (были лишены?) преимуществъ городскихъ бюргеровъ. *Сіонизмъ является радикальнымъ средствомъ противъ этой анормальности.* 2) Евреи восточной Европы, вслѣдствіе такихъ же историческихъ причинъ, сдѣлались мелочными торговцами, лавочниками и мелочными же ремесленниками. Всѣ стремленія къ улучшенію ихъ быта разбиваются о правовыя и экономическія условія жизни евреевъ въ этихъ странахъ. *И тутъ единственнымъ радикальнымъ средствомъ является сіонизмъ*». Почему, однако? Еслибы этотъ сіонисткій бредъ въ самомъ дѣлѣ являлся единственнымъ средствомъ, еврейскому народу предстояло бы погибнуть... По счастью, дѣло обстоитъ иначе. Самъ докладчикъ говоритъ, что «стремленія къ улучшенію ихъ быта разбиваются о правовыя и экономическія условія». Значитъ, необходимо изслѣдовать эти условія, надо ихъ изучать, выяснять, вырабатывать необходимыя реформы, проводить всѣми средствами въ жизнь, а не убаюкивать милліоны обездоленныхъ миражемъ Обѣтованной Земли!

Этимъ исчерпывается все наиболѣе интересное и важное на конгрессѣ сіонистовъ. Остальное отчасти дѣло чисто организаціонное, отчасти же повтореніе уже выше изложеннаго. Подведемъ итоги. Что же такое сіонизмъ? Это, во первыхъ, возрожденіе еврейской исключительности въ тѣхъ еврейскихъ слояхъ, которые, воспринявъ европейскую культуру, успѣли было примкнуть къ европейскимъ обществамъ, къ ихъ мысли, быту и труду. Во вторыхъ, сіонизмъ есть сближеніе между ортодоксальною еврейскою массою и «возрождающеюся» еврейскою интеллигенціей и, если послѣдняя возрож-

дается отъ этого къ исключительности ортодоксальной массы, то и сама ортодоксальная масса можетъ позаимствовать у «возрождавшихся» ихъ націонализмъ, поставя между собою и другими соотечественниками не только вѣроисповѣданіе (какъ было доселѣ), но еще и національность. Въ треьихъ, наконецъ, сіонизмъ есть марево, которое манитъ девять милліоновъ человѣкъ туда, гдѣ едва можетъ помѣститься милліонъ, изъ культурныхъ странъ въ дикія, изъ подъ цивилизованныхъ правительствъ подъ власть варварской орды; изъ умѣреннаго привычнаго уже для тысячей поколѣній климата въ подтропическій... Если это не бредъ разстроеннаго ума, то что же назвать бредомъ?

VI.

Основная фальшъ сіонистскаго движенія, кромѣ его реакціонной подкладки и бредовой формы, основная и ничѣмъ не оправдываемая фальшъ—націонализмъ. Ибо еврейской національности не существуетъ въ мірѣ; а существуетъ только еврейскій народъ, соединенный не національностью, а вѣроисповѣданіемъ. Кромѣ этническаго родства, если не единства, понятіе національности заключаетъ много другихъ элементовъ, столь же необходимыхъ, какъ и этническое родство. Прежде всего, языкъ. Это элементъ до такой степени важный, что въ настоящее время націонализма онъ заслоняетъ собою даже этническій признакъ. Но евреи не имѣютъ своего *еврейскаго родного* языка. Древній языкъ — мертвый языкъ. Не на немъ думаютъ, чувствуютъ, бесѣдуютъ, поютъ и плачутъ современные евреи. Въ этомъ отношеніи евреи распадаются на столько же группъ, на сколько народностей распадается Европа. За языкомъ слѣдуетъ словесность и литература. Древняя литература—это только религія, средневѣковая—только религіозное толкованіе, новой, собственно говоря, нѣтъ. Евреи писатели распредѣлены по всѣмъ европейскимъ литературамъ. Что сказано объ языкѣ и литературѣ, надлежитъ сказать объ искусствѣ, нравственныхъ идеалахъ, мистическихъ и метафизическихъ идеяхъ, правовыхъ понятіяхъ, техническихъ навыкахъ, вообще о культурѣ. Но *безъ всего этого* нѣтъ и не можетъ быть національности. Однако *ничего этого* своего еврейскаго нѣтъ у евреевъ (современныхъ). На одномъ этническомъ родствѣ ничего человѣческаго не создашь, потому что это аргументъ зоологическій, отнюдь не антропологическій, еще меньше этнографическій. Ренанъ отрицаетъ, однако, и этотъ зоологическій аргументъ.

Когда евреи, одновременно съ христіанами, были разсѣяны по римской имперіи всесильною волею римскихъ цезарей, наступила эпоха усиленнаго прозелитизма обѣихъ религій. Ренанъ полагаетъ, что въ началѣ, цѣлые вѣка, евреи такъ же усиленно обращали южныхъ европейцевъ въ юдаизмъ, какъ христіане—въ христіан-

ство. Почти истребленный семитическій еврейскій народъ возродился благодаря этому могучему притоку греческихъ, латинскихъ, кельтическихъ, иберійскихъ и другихъ европейскихъ прозелитовъ. Естественно, если евреи не сохранили языка. Греки, итальянцы, галлы, иберы, принимая іудейство, сохраняли свой языкъ, какъ и и принимая христіанство, сначала тоже по происхожденію еврейское. Поэтому семитическій элементъ, можно сказать, потонулъ въ индо-европейскомъ, и современные европейскіе евреи суть такіе же индо-европейцы, какъ французы, нѣмцы, или славяне. И въ самомъ дѣлѣ, если, отрѣшившись отъ усвоенныхъ съ дѣтства предубѣжденій, вы внимательнѣе всмотритесь въ разнообразіе европейскихъ типовъ, то усмотрите двѣ главныхъ разновидности: сѣверную (славяне и германцы) и южную (латинскіе народы, греки и евреи). Евреи по типу менѣе отличаются отъ французовъ или итальянцевъ, чѣмъ эти послѣдніе отъ нѣмцевъ и русскихъ. Присутствіе среди евреевъ значительнаго процента рыжихъ и нѣкотораго процента блондиновъ доказываетъ, что и сѣверныя европейскія расы участвовали въ образованіи той группы европейскаго населенія, которая называется евреями, по исповѣдуемой ею религіи. Между семитами рыжіе и блондины невозможны. Невозможна и полная бѣлокожесть евреевъ. Да и типъ семитовъ иной. Надо только сравнить для этого араба и еврея. Конечно, въ этомъ мнѣніи можетъ быть нѣкоторое преувеличеніе, но къ какимъ бы скромнымъ размѣрамъ ни свели бы мы историческую справку Ренана, этническое единство оказывается уже нарушеннымъ, и послѣдній, самъ по себѣ недостаточный, но единственный признакъ національности—устраненнымъ. Нечего, стало быть, и говорить о землѣ предковъ. Для однихъ она, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ у вратъ Сіона; для другихъ у струй Дуная, на островахъ Эгейскаго моря, на холмахъ Рима, на равнинахъ Прованса... Вѣдь караимы, исповѣдующіе юдаизмъ, не могутъ же говорить о своемъ сіонскомъ отечествѣ! Эти караимы, тюрки по происхожденію, являются тоже памятникомъ времени іудейскаго прозелитизма. Напомнимъ и легенду о еврейскихъ вѣроучителяхъ, склонявшихъ князя Владиміра къ принятія юдаизма.

Такимъ образомъ, основная неправда сіонизма—въ націонализмѣ. Его основная ничѣмъ не устранимая правда — та потребность, которая лучше всего формулирована г. Лемблaномъ въ выше цитированной книжкѣ, потребность, выражающаяся двумя словами «отечество и производительный трудъ». О производительномъ трудѣ говоритъ и г. Фарбштейнъ. Онъ немыслимъ въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ въ Палестинѣ. Ему должна быть создана возможность на родинѣ европейскаго еврея. Здѣсь же, и только здѣсь, и его отечество.

Еслибы тѣ милліоны, которые Гиршевскій эмиграціонный комитетъ затрачиваетъ на переселеніе евреевъ въ Аргентину, онъ

затрачивалъ на пріобрѣтеніе земельной собственности въ Европѣ, организацію образцовыхъ еврейскихъ хозяйствъ—школъ, на сосредоточеніе въ нихъ по возможности большаго числа подростающаго еврейскаго поколѣнія, на устройство хозяйствъ (въ кредитъ) выпускаемыхъ и обучаемыхъ земледѣльческому труду молодыхъ людей и на помощь дальнѣйшему развитію этихъ хозяйствъ, то онъ въ десять тысячъ разъ скорѣе подвинулъ бы рѣшеніе еврейскаго вопроса, нежели эмиграціей. Взрослыхъ людей, способныхъ перейти къ новой отрасли труда и совершенно новымъ условіямъ быта, всегда найдется немного, а перевоспитать молодое поколѣніе—задача, болѣе благодарная и не утопическая. Къ тому же, организація земледѣльческихъ еврейскихъ школъ не могла бы возбудить подозрѣнія, что это только способъ обхода закона о разселеніи евреевъ въ деревняхъ. Да и это соображеніе указываетъ на нѣкоторое затрудненіе только въ Россіи. Его нѣтъ въ Австріи, гдѣ никто не помѣшалъ бы основанію земледѣльческихъ колоній и взрослыми. А, между тѣмъ, самый вопросъ о производительномъ трудѣ для евреевъ есть вопросъ именно русскій и австрійскій, отчасти балканскій. Здѣсь живетъ около восьми милліоновъ евреевъ изъ девяти. Въ Англіи всего 150 тысячъ, всѣ средняго сословія.

Производительный трудъ, конечно, не только земледѣльческій. Русскіе евреи — давно искусные ремесленники, но милліоновъ портныхъ и башмачниковъ никому не надобно. Сила экономической необходимости гонитъ поэтому еврейскую бѣдноту къ фабричному, извозному, черному городскому труду. Дѣло еврейской интеллигенціи—придти на помощь этой теперь уже значительной рабочей еврейской массѣ, позаботиться о ея просвѣщеніи, о братскихъ чувствахъ къ другимъ рабочимъ. На этой почвѣ переработки еврейскаго народнаго быта можно ожидать многаго.

Гдѣ же отечество еврея? Конечно, тамъ, гдѣ онъ находитъ себѣ *родное*? Родную религію онъ несетъ съ собою, но родина его, его родной языкъ, идеалы, привязанности, навыки, культура—въ томъ европейскомъ обществѣ, съ которымъ онъ связанъ исторически. Онъ и сроднился съ этими обществами, и будемъ надѣяться, что сіонизмъ только поколеблетъ, но не порветъ эту связь родства и патріотизма.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Казанскій миссіонерскій съѣздъ.—Мѣры воздѣйствія на расколъ и сектантство.—Итоги урожая 1897 г.—Извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстъ.—Калмыцкій голодъ.—Совѣщаніе по вопросу о введеніи земства въ Астраханской губерніи.—Юбилей М. М. Стасюлевича.

Въ послѣднее время среди нашего духовенства замѣчается особое оживленіе въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ и сектантствомъ. Въ теченіе весны и начала лѣта велись дѣятельныя подготовленія къ имѣвшему состояться въ Казани всероссійскому миссіонерскому съѣзду для выясненія современнаго состоянія раскола и сектантства и для изысканія наиболѣе цѣлесообразныхъ пріемовъ борьбы съ тѣмъ и другимъ. Съѣздъ противораскольничьихъ и противосектантскихъ дѣятелей осуществился въ Казани 22 іюля и продолжался до 5 августа. Нельзя не согласиться съ авторомъ статьи, описывающей въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ ходъ и содержаніе съѣзда, что такое явленіе, какъ съѣздъ съ разныхъ концовъ Россіи лицъ, научно и практически знакомыхъ съ разными проявленіями религіозно-сектантскаго движенія въ народѣ и призванныхъ высказать о нихъ свой авторитетный судъ, дать свои заключенія о мѣрахъ и способахъ борьбы съ ними, съ надеждой на довѣріе къ ихъ указаніямъ со стороны духовной и свѣтской власти,—безспорно, имѣетъ право на вниманіе къ себѣ, какъ «одно изъ крупнѣйшихъ церковно-общественныхъ событій нашего времени». И вниманіе это было привлечено при появленіи въ печати первыхъ же свѣдѣній о происходившемъ на съѣздѣ. На почвѣ этихъ свѣдѣній возникла полемика, о которой мы упомянемъ ниже, и которая, въ свою очередь выдвинула очень существенные вопросы въ области отношенія нашего законодательства къ раскольникамъ и послѣдователямъ различныхъ сектъ. Матеріалы для сужденія о томъ, что дѣйствительно происходило и обсуждалось на Казанскомъ съѣздѣ, до настоящаго времени продолжаютъ появляться на страницахъ нашихъ духовныхъ журналовъ, откуда мы по преимуществу и будемъ ихъ почерпать.

Миссіонерскій съѣздъ минувшаго лѣта является третьимъ по числу: предыдущіе собирались въ Москвѣ въ 1887 и 1891 гг. Но съѣздъ нынѣшняго года отличается отъ предшествовавшихъ какъ по многолюдству состава и особому оживленію, такъ и по характеру подлежавшихъ обсужденію вопросовъ. Тогда какъ на первомъ съѣздѣ присутствовало только 67 человѣкъ, на второмъ 133, число собрав-

шихся на казанскомъ съѣздѣ равнялось почти 200. Разница сказывалась также въ качественномъ составѣ членовъ съѣзда: тогда какъ на прежнихъ съѣздахъ подавляющее число делегатовъ выпадало на долю лицъ, принадлежащихъ къ епархіальному управленію, едновѣрческихъ священниковъ и начетчиковъ, на послѣднемъ съѣздѣ былъ значительный элементъ преподавателей по предмету раскола и сектантства въ духовныхъ семинаріяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ общемъ не менѣе ¾ всего состава членовъ составляли лица, получившія богословское образованіе и въ томъ числѣ 74 члена съ высшимъ академическимъ. Миссіонеровъ начетчиковъ безъ образованія, являющихся сотрудниками въ дѣлѣ миссіонерскаго служенія, было до 45. Но надо замѣтить, что въ рѣшеніи вопросовъ практическаго характера главное значеніе естественно выпадало на долю миссіонеровъ дѣйствующихъ, какъ ближе стоящихъ къ практической сторонѣ дѣла.

Авторъ «Внутренняго Церковнаго Обозрѣнія» въ журналѣ «Странникъ» высказываетъ соображеніе, что на созваніе съѣзда въ минувшемъ лѣтѣ повліяло извѣстное дѣло о самопогребеніи 29 раскольниковъ тираспольскаго уѣзда, въ февралѣ текущаго года, во время всероссійской переписи. «Этотъ фактъ раскольничьяго изувѣрства—говоритъ онъ—и возникшіе по поводу его толки между расколовѣдами о принадлежности изувѣровъ къ тому или другому виду установленной классификаціи раскольничьихъ толковъ и сектъ еще разъ показали, что наши свѣдѣнія о современномъ расколѣ, при всемъ множествѣ прекрасныхъ и капитальныхъ сочиненій въ этой области, все еще недостаточны, и что они нуждаются въ постоянномъ обновленіи и освѣженіи». Однако занятія съѣзда приняли направленіе, главнымъ образомъ, къ разъясненію вопросовъ, возникающихъ на почвѣ борьбы не столько съ расколомъ старообрядчества, сколько съ разными формами раціоналистическаго и мистическаго сектантства, возникшими въ болѣе или менѣе недавнее время. Это направленіе въ дѣятельности съѣзда опредѣлялось отчасти самою программою его, разосланной по епархіямъ Св. Синодомъ вмѣстѣ съ указомъ о предполагаемомъ открытіи съѣзда. Программа эта, составленная извѣстнымъ дѣятелемъ по изученію сектантства, чиновникомъ особыхъ порученій при г. оберъ-прокурорѣ Св. Синода, В. М. Скворцовымъ, напечатанная въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» заключалась въ слѣдующемъ:

«I. По сектовѣдѣнію и расколовѣдѣнію. Нынѣшнее состояніе раціоналистическаго сектантства. Секты старыя и новѣйшія и ихъ взаимныя отношенія. Духоборчество старое и новое въ Закавказьѣ и внѣ его. Районъ его распространенія. Опредѣленіе отличительныхъ чертъ и степени церковной и соціальной вредности этой секты. Соображенія о мѣрахъ и способахъ борьбы съ этой сектою со стороны церкви. Отношеніе къ духоборчеству народа, закона и государства. II. Молоканство и раздѣленіе его. Донскіе толки. Отличительныя черты ученія и культа послѣднихъ Районъ распространенія ихъ и степень прозелитизма. Отношеніе молокан-

скихъ сектъ къ штундобаптизму. Степень церковной и соціальной вредности молоканской секты. Сужденіе о наилучшихъ мѣрахъ и способахъ борьбы съ этою сектою и объ отношеніи къ ней народа, гражданскаго правительства и закона. Примѣнимъ ли, по существу ученія, законъ 1894 года къ собраніямъ молоканскихъ толковъ? III. Штунда, баптизмъ, пашковщина и толстовщина. Опредѣленіе чертъ сходства и различія и взаимныхъ отношеній этихъ сектъ между собою. Организація сектъ, способы, средства и условія быстраго распространенія ихъ. Районъ и центры. Характеръ и направленіе этихъ сектъ. Отношеніе къ существующимъ формамъ и строю общественной и государственной жизни. Степень вредности этихъ сектъ и отношеніе ихъ къ церкви и государству. Сужденія о мѣрахъ и способахъ борьбы съ ними и объ отношеніи православнаго населенія, закона и правительства и въ частности отношеніи закона 1894 года о собраніяхъ къ новѣйшимъ сектамъ. IV. Новыя секты: малеванство, адвентизмъ, субботство. Опредѣленіе ихъ отличительныхъ чертъ и степени вредности, районъ распространенія. V. Мистическія секты. Существующіе виды, толки и наименованія мистическаго сектантства. Нынѣшнее состояніе, направленіе и характеръ мистическаго сектантства. Отличительныя черты, виды гнусности и степень вредности тайныхъ сектъ. Чѣмъ объяснить живучесть хлыстовства. Новый законъ о хлыстовствѣ и значеніе его для сектантства. Какъ относиться духовенству къ опознаннымъ и осужденнымъ хлыстамъ? Районъ распространенія, главнѣйшіе центры и главари сектъ мистическихъ. О практикуемыхъ въ епархіяхъ мѣрахъ и способахъ воздѣйствія на хлыстовъ. VI. Нынѣшнее состояніе раскола старообрядчества, новое направленіе въ воззрѣніяхъ и въ полемическихъ пріемахъ поповщины и безпоповщины и новые толки о расколѣ. Къ вопросу о вредности и о правительственныхъ ограничительныхъ мѣрахъ въ отношеніи изувѣрныхъ раскольничьихъ толковъ. VII. По миссіонерской методикѣ. О наилучшихъ полемическихъ и апологетическихъ способахъ и пріемахъ обличенія заблужденія раціоналистическихъ сектъ. Какъ обличать новѣйшія сектантскія лжемудрованія адвентизма, субботства и толстовства? Какіе лучшіе способы привлеченія сектантовъ и раскольниковъ на бесѣды. Объ усиленіи общецерковнаго моленія и составленіи молитвенныхъ прошеній о вразумленіи заблудшихъ. О составленіи коллективными трудами миссіонеровъ подстрочныхъ толкованій на пререкаемыя мѣста Священнаго Писанія и объ изданіи миссіонерской Библіи. Составленіе списка вредныхъ для православія по своему содержанію изданій. Пересмотръ правилъ о миссіяхъ и каталога миссіонерскихъ библіотекъ и др. VIII. Объ общихъ церковно-гражданскихъ мѣропріятіяхъ, относящихся къ миссіи и сектантству. О мѣрахъ пресѣченія сектантской пропаганды особенно среди рабочихъ на фабрикахъ. Къ вопросу объ отвѣтственности за пропаганду и совращеніе изъ среды сектантовъ же. Какія собранія сектантовъ считать соблазнительными? О распространеніи дѣйствія закона 1894 г. на другіе сродные съ штундою толки. Какъ смотрѣть на собранія хлыстовства? О бракахъ штундистскихъ и о мѣрахъ къ огражденію отъ совращенія подрастающаго поколѣнія. Объ отношеніи церковныхъ школъ вообще и двухклассныхъ учительскихъ особенно къ миссіи. Объ учрежденіи миссіонерскихъ курсовъ и школъ для подготовки начетчиковъ изъ народа. IX. Объ устройствѣ и о служебныхъ правахъ миссіонеровъ. Миссіи—епархіальныя, окружныя и приходскія. Объ образованіи миссіонерскихъ епархіальныхъ фондовъ на нужды внутренней миссіи. О служебныхъ правахъ, пенсіи и объ обязанностяхъ епархіальныхъ миссіонеровъ. Объ отношеніяхъ епархіальныхъ миссіонеровъ къ окружнымъ, къ братствамъ, консисторіямъ и приходскому духовенству».

Еще въ большей степени постановка занятій на съѣздѣ опре-

дѣлилась, благодаря рѣчамъ его руководителей, въ особенности проф. Н. И. Ивановскаго и В. М. Скворцова, изъ которыхъ первый какъ товарищъ предсѣдателя съѣзда по отдѣлу расколовѣдѣнія (предсѣдателемъ былъ избранъ ректоръ Казанской Духовной Академіи, архимандритъ Антоній) обратился къ собранію съ обширною рѣчью, подробно выясняя общія задачи и характеръ дѣятельности открывающагося съѣзда. По словамъ его, со времени перваго съѣзда, имѣвшаго въ виду, главнымъ образомъ, борьбу съ расколомъ старообрядчества, въ теченіе 12 лѣтъ помимо раскола «надвинулась съ иноземнаго запада другая туча, заволокшая мѣстами чистый горизонтъ православія. Разумѣемъ штунду, получившую широкое распространеніе на югѣ Россіи». Далѣе ораторъ указалъ на цѣлый рядъ издавна существовавшихъ, но получившихъ новое оживленіе сектъ, а также вновь возникшихъ сектъ раціоналистическаго характера, на распространеніе идей графа Толстого, духоборчество и проч. Все это значительно расширило кругъ миссіонерской дѣятельности и осложнило задачу миссіонерскихъ съѣздовъ. Уже на второмъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ 1891 г. между вопросами, подлежавшими обсужденію, былъ и вопросъ о штундизмѣ, а отчасти и о другихъ сектахъ. Теперь, заключилъ профессоръ,—«вопросъ о расколѣ является не цѣлымъ, а только частью». Далѣе опредѣляя задачу съѣзда, профессоръ говорилъ слѣдующее: «На насъ лежитъ долгъ по меньшей мѣрѣ разоблачить передъ кѣмъ слѣдуетъ, предъ людьми здраваго смысла, предъ людьми власти и порядка гнилыя язвы сектантства; проявленія изувѣрства у однихъ, гнусныя дѣянія у другихъ, противообщественныя стремленія у третьихъ, кощунственныя богохуленія у четвертыхъ, разоблачить и мѣропріятія указать, дабы ни власть, ни народъ православный не встрѣчали такихъ сюрпризовъ, какой преподнесло намъ тираспольское дѣло, какіе мы видѣли нѣсколько лѣтъ назадъ у алатырскихъ хлыстовъ и недавно у хлыстовъ оренбургскихъ, про какіе читали по тарусскому дѣлу, или по шадринскому; хотя не государство созвало насъ сюда, хотя не представителями порядка общественнаго мы являемся, но въ нашемъ отечествѣ искони вѣковъ люди церкви являлись людьми, ратующими за крѣпость и спокойствіе быта гражданскаго и строя государственнаго, «да поживутъ всѣ тихо и безмолвно во всякомъ благочестіи и чистотѣ». Связь эта людей церкви и людей государства не должна и, надѣемся, не будетъ порвана. Вотъ почему и мы считаемъ себя призванными, гдѣ то будетъ нужно, разоблачать тѣ стороны сектантства, которыя ведутъ къ подрыву порядка общественнаго, во имя ли простого соціализма, религіею прикрывающагося, какъ у гр. Толстого, или просто по безсмысленному фанатизму, опирающемуся на нелѣпыя доктрины, какъ у многихъ сектантовъ». («Спб.—скій Духовный Вѣстникъ», № 13).

Въ томъ же смыслѣ въ рѣчи, не менѣе энергичной, высказался

В. М. Скворцовъ, развивая мысль о церковно-общественномъ и государственномъ значенiи миссiонерства и вытекающихъ отсюда задачахъ открывающагося съѣзда. «Дѣло миссiи, говорилъ онъ въ заключенiи своей рѣчи, снять маску съ нашего сектантства и правдиво доказать обществу и государственной власти, что нѣтъ и быть не можетъ свѣта во тьмѣ заблужденiй сектантства... Нашъ долгъ— предостеречь стражей отечества, что отдѣлившееся отъ единства церкви, укоренившееся въ свободомыслiи сектантство наше представляетъ собою и въ государственномъ отношенiи горючiй матерiалъ, который, при анархической искрѣ, подобной духоборческой, способенъ съ теченiемъ времени въ любомъ мѣстѣ разразиться страшнымъ политическимъ пожарищемъ и заражать свѣжую атмосферу духовно политическаго мiросозерцанiя нашего православнаго населенiя и играть въ руку враговъ церкви и отечества. Долгъ миссiи стойко и мужественно выяснять всѣмъ и каждому, «что сѣмя свято—стоянiе града», а не политико-экономическiя утопiи, что только подъ сѣнiю православно-нацiональныхъ, истинно русскихъ идеаловъ прочно развитiе благосостоянiя и силы русскаго государства, а не въ сепаратизмѣ сектантства». (Моск. Вѣд. № 241).

Получивъ, такимъ образомъ, въ рѣчахъ товарища Оберъ-Прокурора св. Синода В. К. Саблера, присутствовавшаго при открытiи съѣзда, Н. Ивановскаго, В. Скворцова руководящiя идеи, участники съѣзда приступили къ занятiямъ. Для разрѣшенiя вопросовъ практическаго характера было составлено нѣсколько коммиссiй: коммиссiя по вопросамъ о единовѣрiи, для разработки свѣдѣнiй о новѣйшемъ сектантствѣ, по пересмотру каталога книгъ для миссiонерскихъ библiотекъ, преподавательская коммиссiя, коммиссiя для выясненiя служебныхъ правъ и обязанностей миссiонеровъ, коммиссiя для выясненiя вопроса о преподаванiи Закона Божiя въ начальныхъ школахъ селенiй, зараженныхъ расколомъ и сектанствомъ, коммиссiя для разъясненiя *недоумѣнныхъ вопросовъ* въ практикѣ миссiонерскихъ собесѣдованiй съ раскольниками и сектантами. Была еще небольшая по числу участниковъ коммиссiя для рѣшенiя вопроса о томъ, къ какой сектѣ принадлежали жертвы извѣстной тираспольской катастрофы, бывшей предметомъ особаго вниманiя *). Кромѣ того, была еще намѣчена коммиссiя по объясненiю дѣйствующаго законодательства о расколѣ и сектантствѣ и по вчинанiю и веденiю дѣлъ судебныхъ, но занятiя этой коммиссiи не состоялись, и разработка намѣченныхъ для нея вопросовъ замѣнилась краткимъ сообщенiемъ проф. Ивановскаго о задачахъ и основныхъ требованiяхъ судебной экспертизы. На общихъ собранiяхъ

*) Участвовавшiе при обсужденiи этого вопроса миссiонеры на съѣздѣ склонялись къ тому мнѣнiю, что замуравленные тираспольскiе сектанты принадлежали къ поповщинскому толку противоокружниковъ.

съѣзда происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей между членами съѣзда, примѣрныя собесѣдованія съ раскольниками и сектантами, представляемыми кѣмъ либо изъ участниковъ съѣзда, и чтеніе рефератовъ, изъ которыхъ большинство было прочитано лишь въ сжатомъ изложеніи, составленномъ особою коммиссіею, и лишь важнѣйшіе были прочитаны сполна и подверглись обсужденію на съѣздѣ. Такими докладами были: докладъ херсонскаго миссіонера М. А. Кальнева о тираспольскомъ дѣлѣ, проф. Буткевича—о толстовской колоніи въ харьковской губер., В. М. Скворцова—о кавказскихъ духоборцахъ и малеванщинѣ, проф. Ивановскаго о сектѣ странниковъ и о смыслѣ соборныхъ опредѣленій 1667 г., преподавателя Виѳанской духовной семинаріи С. Д. Муретова—по поводу новѣйшихъ полемическихъ пріемовъ раскольничьихъ писателей. Былъ также предложенъ вниманію съѣзда обширный докладъ архіепископа рязанскаго Мелетія о мѣрахъ противъ раскольниковъ и сектантовъ, который, однако, предметомъ обсужденія не былъ. (Богосл. Вѣстн. окт. 127).

Теоретическіе результаты съѣзда, въ которомъ безспорно участвовали лица весьма ознакомленныя съ современными направленіями религіозной мысли народа и формами, въ которыя выливаются его вѣроученія, заслуживають серьезнаго интереса. Прежде всего на съѣздѣ неоднократно было констатируемо усиливающееся распространеніе сектантства и упорство, которое проявляетъ въ своемъ существованіи расколъ. При самомъ открытіи съѣзда В. К. Саблеръ въ рѣчи своей говорилъ: «Враги святой церкви многочисленны; число ихъ растетъ, и самыя условія жизни нашего вѣка способствуютъ болѣе чѣмъ прежде быстрому распространенію зла». Объ усиливающемся распространеніи штундизма и о вновь возникающихъ сектахъ говорилъ въ своей рѣчи и пр. Ивановскій, находя подтвержденіе въ сообщеніяхъ отдѣльныхъ миссіонеровъ. Получившаяся въ результатѣ обмѣна мнѣній и на основаніи прочитанныхъ докладовъ, картина раскола сектантства на Руси произвела на нѣкоторыхъ участниковъ съѣзда удручающее впечатлѣніе, граничащее иногда какъ бы съ сознаніемъ своего безсилія и, во всякомъ случаѣ, съ признаніемъ необходимости крайняго напряженія силъ въ борьбѣ съ возрастающимъ вліяніемъ противниковъ. Описывая свои впечатлѣнія отъ съѣзда авторъ статьи въ «С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ», пишетъ: «еслибы дословно воспроизвести всѣ рѣчи, сказанныя на съѣздѣ, получился бы свитокъ, на коемъ крупными буквами надо начертать слова: стонъ, жалость и горе. Не одно столѣтіе живетъ расколъ, и много сдѣлано для ослабленія его и примиренія съ Церковію, но точно многоголовая гидра—онъ: уменьшится число его приверженцевъ въ одномъ мѣстѣ, оно увеличится въ другомъ; тамъ, гдѣ онъ считался безобиднымъ явленіемъ, онъ вдругъ распускался цвѣткомъ, въ родѣ тираспольскаго дѣла, взволновавшаго не только рус-

скихъ людей, но и многихъ на западѣ. Миссіонеры съ грустью отмѣчали явленія изъ міра раскола, съ которыми нѣтъ возможности бороться» (№ 32). Подобное усиленіе враждебной силы вынуждало съѣздъ изыскивать мѣры не только духовнаго воздѣйствія на раскольниковъ, но и воздѣйствія путемъ государственнаго законодательства. Въ области сектантства съѣздъ единогласно призналъ одинаковую вредность для церкви и государства баптизма и пашковщины, штунды во всѣхъ ея разновидностяхъ и постановилъ ходатайствовать о примѣненіи къ баптизму и пашковщинѣ закона 1894 г. Съѣздъ призналъ также особо вредною толстовщину, считая послѣдователей ея организованною сектою, къ чему, однако, врядъ ли есть какія либо основанія, судя уже по одному тому, что при изложеніи ученія толстовца кн. Д. Хилкова основнымъ принципомъ его на съѣздѣ указывалось положеніе: всякая ассоціація есть зло.

Въ результатѣ сообщеній и докладовъ миссіонеровъ, разработанныхъ въ особыхъ коммиссіяхъ, и по обсужденіи докладовъ этихъ коммиссій въ общемъ собраніи были установлены основныя черты существующихъ въ настоящее время сектъ. Краткія характеристики ихъ, насколько то выяснилось на съѣздѣ, находимъ мы въ «С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ» (№ 37). По ихъ направленію секты были раздѣлены на раціоналистическія (штундизмъ, баптизмъ, молоканство, пашковщина, духоборство и толстовщина) и мистическія (хлысты и скопцы). Было, между прочимъ, установлено, что въ сектантствѣ въ настоящее время замѣчается довольно характерное движеніе: различныя секты пытаются сблизиться между собою и объединиться. Такъ штундизмъ переходитъ въ баптизмъ, толстовщина находитъ благопріятную почву для объединенія съ духоборцами и штундистами; хлыстовщина сливается съ молоканствомъ; сектами, имѣющими наиболѣе прочную и развитую организацію, съѣздъ призналъ штундизмъ, баптизмъ и пашковщину. Но существованіе организаціи въ нѣкоторыхъ сектахъ не мѣшаетъ, однако, постоянному разложенію ихъ на отдѣльные толки. Когда между сектантами происходятъ разногласія, то недовольные часто уходятъ въ другія мѣста и здѣсь начинаютъ свою пропаганду. При этомъ движеніе сектантства идетъ съ юга и изъ сѣверной столицы въ центральныя губерніи. Новые толки, выдѣляемые сектантствомъ, бываютъ иногда съ крайне отрицательнымъ направленіемъ, до атеизма включительно, или же переходятъ въ болѣзненный мистицизмъ, какъ это мы видимъ въ малеванщинѣ, этой прямой отрасли штундизма. Новѣйшіе сектанты дѣятельно ведутъ свою пропаганду среди старыхъ, чѣмъ, разумѣется увеличиваются ряды новѣйшихъ сектъ. Такъ, извѣстны случаи перехода изъ хлыстовщины въ сектантство, изъ молоканъ въ баптистовъ, изъ штундистовъ въ толстовцевъ.

Таковы общія замѣчанія о современномъ характерѣ сектант-

ства въ Россіи, извлеченныя изъ матеріаловъ съѣзда. Ознакомившись съ этими матеріалами, нельзя не придти къ признанію какъ дѣйствительной важности разсматриваемаго явленія, такъ и большой сложности его. Крайнее разнообразіе сектъ, присутствіе или отсутствіе въ нихъ чертъ дѣйствительнаго изувѣрства, различные оттѣнки въ отношеніяхъ ученій къ существованію гражданской власти,—все это побуждаетъ, повидимому, къ возможно болѣе осмотрительному и осторожному установленію какихъ-либо законодательныхъ ограниченій по отношенію къ послѣдователямъ вѣроученій, отдѣлившихся отъ догматовъ православной церкви, тѣмъ болѣе сверхъ существующихъ законовъ, далеко не отличающихся терпимостью и снисходительностью. Въ чемъ же заключались тѣ мѣры духовнаго и матеріальнаго воздѣйствія, которыя были выдвинуты съѣздомъ, какъ наиболѣе цѣлесообразныя въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ?

Свѣдѣнія объ этихъ мѣрахъ ранѣе появленія ихъ въ духовной печати появились въ печати общей, сначала въ видѣ сообщеній казанскихъ и поволжскихъ газетъ, а затѣмъ въ корреспонденціи «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 221). Эта послѣдняя корреспонденція обратила на себя общее вниманіе прессы и подверглась многимъ комментаріямъ, довольно единодушно, впрочемъ, отнесшимся къ нѣкоторымъ частямъ намѣченной съѣздомъ программы мѣропріятій. Вотъ та часть корреспонденціи, которая излагаетъ перечень принятыхъ и подвергнутыхъ обсужденію на съѣздѣ мѣръ къ ослабленію раскола и сектъ: «воспретить раскольникамъ открывать школы для обученія своихъ дѣтей и закрыть всѣ имѣющіяся у нихъ въ настоящее время школы, объявить принадлежность къ «особенно вреднымъ» сектамъ «порочащимъ обстоятельствамъ», чтобы дать этимъ право крестьянскимъ обществамъ подвергать исключенію изъ своей среды и ссылать въ Сибирь тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые будутъ замѣчены въ принадлежности къ вредной сектѣ; признать изданія лютеранскихъ богослужебныхъ книгъ на русскомъ языкѣ «опасными», воспретить сектантамъ принимать въ работники или въ услуженіе лицъ православнаго вѣроисповѣданія, не достигшихъ совершеннолѣтняго возраста, а за совершеннолѣтними, поступающими въ работники или въ услуженіе къ сектантамъ, учреждать надзоръ черезъ приходскихъ священниковъ. Въ виду того, что штундисты, лишенные съ 1894 года права собираться на моленія, стали въ послѣднее время посѣщать съ этой цѣлью лютеранскія церкви, имѣющіяся вблизи мѣстъ ихъ осѣдлости, причемъ пасторы совершаютъ для нихъ богослуженія на русскомъ языкѣ, съѣздъ постановилъ просить черезъ св. синодъ правительство о запрещеніи отправленія богослуженій на русскомъ языкѣ въ лютеранскихъ церквахъ, находящихся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ штундисты. Наконецъ, въ виду того, что въ дѣйствующемъ нынѣ Уложеніи о наказаніяхъ, въ статьѣ, воспрещаю-

щей проповѣдываніе раскола и сектантскихъ ученій, говорится, что отвѣтственности за это подлежатъ лишь лица, распространяющія упомянутыя ученія «публично», съѣздъ постановилъ просить св. синодъ обратиться въ коммиссію, занятую въ настоящее время составленіемъ новаго Уложенія о наказаніяхъ, съ предложеніемъ исключить это слово «публично» изъ указанной выше статьи или замѣнить его какимъ нибудь другимъ словомъ, такъ какъ оно даетъ судебнымъ установленіямъ поводъ толковать эту статью въ томъ смыслѣ, что воспрещаются проповѣди раскола и сектантскихъ ученій только на площадяхъ и улицахъ. Таковы главнѣйшія постановленія съѣзда, принятыя единогласно всѣми принимавшими въ немъ участіе почти безъ преній. Какъ полезныя для дѣла борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, предлагались и обсуждались въ съѣздѣ, между прочимъ, еще и такія мѣры: исходатайствованіе изданія закона, на основаніи котораго можно было бы отбирать отъ раскольниковъ и сектантовъ ихъ дѣтей, причемъ для воспитанія ихъ въ православной вѣрѣ устроить въ каждой епархіи особые пріюты. Обсужденіе этой мѣры отняло у съѣзда почти цѣлое засѣданіе одного дня, но, въ концѣ концовъ, мѣра эта была отвергнута въ виду тѣхъ затрудненій, которыя духовному вѣдомству неизбѣжно пришлось бы встрѣтить при устройствѣ пріютовъ для воспитанія раскольничьихъ и сектантскихъ дѣтей».

Сообщеніе газеты о томъ, что на съѣздѣ обсуждалась мѣра отобранія дѣтей у раскольниковъ и отвергнута была лишь на основаніи практическихъ соображеній, а также рекомендована была конфискація имущества раскольниковъ и сектантовъ, повергло въ «невообразимо тяжелыя думы» даже князя Мещерскаго, забывшаго на этотъ разъ свою собственную склонность къ мѣрамъ принудительнаго характера. «Вѣдь, очевидно, — пишетъ онъ,—что на этомъ съѣздѣ созваны были самые лучшіе представители церковной іерархіи, самые усердные и самые просвѣщенные ревнители православія, и тогда говоришь себѣ: если при этомъ лучшемъ и отборномъ наличномъ составѣ миссіонерскаго съѣзда онъ могъ безпрепятственно и съ легкимъ сердцемъ цѣлый день посвятить на обсужденіе такихъ мѣръ, какъ отбираніе дѣтей и конфискованіе имуществъ раскольниковъ и сектантовъ, то что же должно происходить во имя интересовъ православія и въ дѣлѣ борьбы его съ расколомъ и ересью въ тѣхъ многихъ темныхъ уголкахъ Русской земли, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ не лучшіе и не отборные, а обыкновенные церковные люди?»

Сомнѣніе въ истинности сообщенія московской газеты, существовавшее какъ у автора «Дневника», такъ и у другихъ органовъ печати, не замедлило найти себѣ откликъ въ печати духовной...

Разногласіе по этому поводу невольно заставляетъ насъ обратить вниманіе на то, почему миссіонерскій съѣздъ не отличался той публичностью и гласностью, которая свойственна всѣмъ

съѣздамъ и которая устранила бы, конечно, всѣ пререканія по поводу на немъ происходившаго? Въ рѣчи своей профессоръ Ивановскій сравнивалъ съѣздъ миссіонеровъ со съѣздомъ врачей: миссіонеры точно такъ же, какъ врачи, заняты борьбою со своего рода заразой, болѣзнями эпидемическаго свойства. Профессоръ не преминулъ указать на важность и въ данномъ случаѣ соблюденія гигигіеническихъ условій, *разобщенія больныхъ отъ здоровыхъ*. Но параллель, проведенная профессоромъ академіи между обоего рода съѣздами, является неполной. Съѣзды врачей всегда публичны, хотя на съѣздахъ спеціалистовъ присутствіе сторонней публики, повидимому, менѣе имѣетъ за себя основаній, чѣмъ, напримѣръ, на съѣздѣ миссіонеровъ, гдѣ обсуждаются вопросы, знакомство съ которыми вмѣняется въ долгъ всякому христіанину. Въ заключеніе съѣзда, какъ сообщалось въ газетахъ, принимавшіе въ немъ участіе выразили желаніе, чтобы черезъ годъ они вновь были созваны на съѣздъ, который слѣдуетъ устроить въ С.-Петербургѣ, чтобы засѣданія ихъ могли быть посѣщаемы высшими начальствующими лицами, что весьма важно для дѣла борьбы съ расколомъ и сектантствомъ. Желательно, конечно, чтобы на съѣздъ этотъ были допущены также и представители печати и всѣ интересующіеся дѣломъ. Совершенно справедливо говорилъ въ своей вступительной къ съѣзду рѣчи товарищъ г. оберъ-прокурора св. синода В. К. Саблеръ: «Борьба съ сектантствомъ и расколомъ не должна бояться свѣта» («С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ», № 31).

И правительство и духовенство не разъ приходили къ сознанію полной непригодности репрессивныхъ мѣръ въ дѣлѣ обращенія отпавшихъ отъ православія и ограниченія ихъ вліянія на окружающую среду. Еще императоръ Александръ I въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ относительно духоборовъ, отъ 9 декабря 1816 г. выражается такъ: «Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборами въ продолженіи 30 лѣтъ, до 1801 г., не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея». И дальнѣйшая многострадательная исторія духоборовъ подтверждала только то, что чѣмъ болѣе примѣнялись къ нимъ мѣры репрессіи, тѣмъ болѣе расло ихъ упорство и фанатизмъ. Когда ихъ, выселенныхъ на Кавказъ, въ 1887 г. застало введеніе общей воинской повинности, которую ранѣе они въ силу ихъ убѣжденій отбывали иными повинностями, они были застигнуты врасплохъ и внѣшне подчинились ей, выполняя разныя механическія требованія начальства, но имѣя въ виду никогда не употреблять оружія въ дѣло. Но когда ихъ общественное имущество стоимостью около полумилліона, записанное на одно лицо, по смерти этого послѣдняго было передано правительственнымъ распоряженіемъ въ личную собствен-

ность наслѣднику умершаго, измѣнившему духоборческому ученію, и они оказались разоренными; когда представители ихъ, въ томъ числѣ выбранный распорядитель общественнаго имущества, были высланы въ Архангельскую губернію—духоборческое движеніе приняло опредѣленный и рѣзкій характеръ. «Большинство духоборовъ, пишетъ «Степной Край (№ 110), около 12-ти тысячъ человѣкъ, рѣшили съ полной строгостью держаться временно оставленныхъ ими преданій отцовъ, отказались отъ употребленія табаку, вина и мяса и отъ всякаго излишества, равномѣрно раздѣлили между собою все свое имущество, восполнивъ такимъ образомъ недостатки тѣхъ, которые къ тому времени оказались обѣднѣвшими и нуждающимися, и собрали новый общественный капиталъ. Вмѣстѣ съ этимъ, они отказались также и отъ всякаго участія въ отбываніи воинской повинности, этого, по ихъ понятію, дѣла насилія.

«Въ подтвержденіе же искренности своего рѣшенія не употреблять насилія даже для защиты себя, духоборы лѣтомъ 1895 г. сожгли все свое оружіе, имѣвшееся у нихъ, какъ у всѣхъ кавказскихъ жителей, а находившіеся на военной службѣ отказались продолжать ее.

«Сожженіе оружія духоборы произвели, по общему уговору, въ ночь съ 28 на 29 іюня 1895 г. при пѣніи псалмовъ, одновременно въ трехъ мѣстахъ: въ Тифлисской и Елизаветпольской губ. и въ Карской обл., въ послѣдней оно произошло безпрепятственно; въ Елизаветпольской губ. 40 человѣкъ духоборовъ были заключены въ тюрьму.

«Въ Тифлисской же губ. сожженіе оружія происходило близь с. Горѣлаго, населеннаго той партіей, въ рукахъ которой находилось отобранное у духоборовъ общественное имущество. Узнавъ о намѣреніи духоборовъ сжечь оружіе и испугавшись ихъ большого скопленія, горѣловцы донесли администраціи объ этомъ событіи.

«На мѣсто происшествія были высланы казаки и пѣхота, которые прибыли сюда утромъ, когда уже догоралъ костеръ, уничтожившій оружіе духоборовъ. Около 300 человѣкъ духоборовъ, отказавшихся отъ званія чиновъ запаса, и около 30 человѣкъ, отказавшихся отъ дѣйствительной службы, были заключены въ тюрьму и въ дисциплинарный батальонъ. Затѣмъ болѣе 400 семей были высланы изъ Ахалкалакскаго уѣзда въ 4 другихъ уѣзда Тифлисской губ. и разселены по грузинскимъ деревнямъ, отъ 1 до 5 семей на деревню. Вотъ въ общихъ чертахъ исторія послѣднихъ событій среди духоборовъ.

«Съ осени 1895 г. среди разселенныхъ духоборовъ появились эпидемическія болѣзни: лихорадка, тифъ, дифтеритъ, дизентерія; смертность у дѣтей была особенно велика. Выселенные изъ холоднаго горнаго климата въ жаркій климатъ кавказскихъ долинъ, гдѣ и мѣстные жители страдаютъ отъ лихорадокъ, духоборы почти поголовно переболѣли.

«Въ прошломъ году у большинства духоборовъ уже появились признаки голоданія—куриная слѣпота, цынга. Смертность увеличилась. Въ Сигнахскомъ уѣздѣ изъ 100 семей духоборовъ (около 1.000 душъ), въ продолженіе года умерло 106 человѣкъ. Въ Горійскомъ уѣз. изъ 110 семей умерло 91 человѣкъ. Въ Тіонетскомъ уѣз.—83 человѣка. Значительна смертность и среди духоборовъ, содержимыхъ въ тюрьмахъ и въ дисциплинарныхъ батальонахъ».

И до послѣдняго времени газетѣ сообщаютъ о крайне бѣдственномъ положеніи духоборовъ, принявшихъ на себя сверхъ кары высылки съ насиженныхъ мѣстъ еще и цѣлый рядъ каръ въ видѣ болѣзней, безработицы, голоданія. А между тѣмъ, само православное духовенство не можетъ отказать имъ въ трудолюбіи и трезвомъ аскетическомъ образѣ жизни (Спб. Дух. Вѣстн. № 37). И тамъ, гдѣ эти трудолюбивые и настойчивые люди могли устроиться маломальски хорошо и находили примѣненіе своему труду, они не только быстро создавали собственное образцовое хозяйство, но и оказывали благотворное вліяніе на окружающихъ. Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Кавказскаго Сельскаго Хозяина» напечатана статья о вліяніи духоборовъ на мѣстные обычаи въ Горійскомъ уѣздѣ въ сел. Скра.

«Между прочимъ, нѣкоторые крестьяне переняли у нихъ способъ косить хлѣбъ, между тѣмъ, какъ они до нынѣшняго года всегда жали. Хотя опытъ этотъ оказался неудачнымъ, но причины были поняты ими, и они обѣщаютъ въ будущемъ году, во избѣжаніе осыпанія и для болѣе удобной нагрузки на арбы, косить раньше, чѣмъ въ нынѣшнемъ году. Даже крестьянки поддались ихъ вліянію, напримѣръ, ввели у себя прялки вмѣсто веретенъ; поставлено ими также нѣсколько ткацкихъ станковъ, изготовленныхъ духоборами и заимствованныхъ у духоборокъ; но что важнѣе всего, такъ это то, что подъ вліяніемъ послѣднихъ распространяется среди женщинъ обычай помогать мужчинамъ на полевыхъ работахъ. Въ томъ же сел. Скра, какъ и во всѣхъ грузинскихъ деревняхъ, женщины не помогали мужчинамъ на полѣ, въ этомъ-же году онѣ часто встрѣчались на своихъ и даже чужихъ поляхъ. Этотъ фактъ нужно считать отраднымъ, потому что обычай не принимать участія въ работахъ мужчинъ основанъ не на благосостояніи населенія, а на отсталомъ предубѣжденіи».

Не менѣе яркій примѣръ того, къ чему могутъ приводить особо стѣснительныя мѣры ограниченія правъ раскольниковъ, представляютъ факты изъ настоящей жизни скопцовъ, сосланныхъ въ Якутскую область. Имъ была запрещена одно время всякая отлучка съ мѣстъ своего поселенія, запрещенъ и въѣздъ въ городъ для сбыта продуктовъ своего хозяйства. «Это запрещеніе отлучекъ, пишетъ «Сибирскій Листокъ», произвело на скопцовъ до такой степени ошеломляющее впечатлѣніе, что они готовы вѣрить теперь даже такимъ нелѣпымъ слухамъ, какъ то,—будто дома всѣхъ скопцовъ казна беретъза себя, а скопцовъ переселятъ къ устьямъ Лены, и на мѣсто

скопцовъ «пришлютъ» переселенцевъ. Кромѣ того, изданъ-де будетъ такой законъ, въ силу котораго скопцамъ нельзя будетъ жить на одномъ и томъ же мѣстѣ поселенія болѣе 5-ти лѣтъ;—пройдетъ 5 лѣтъ, скопцовъ снова переселять—и т. д. Чему не повѣритъ напуганное воображеніе скопца, по отношенію къ которому нѣтъ никакихъ точныхъ указаній въ законѣ? Скопецъ не знаетъ, что для него дозволено закономъ, чего нельзя.

«Въ основѣ ученія скопцовъ лежитъ идея искупленія первоначальнаго грѣха путемъ всякаго рода «страдъ»,—принимающихъ разныя формы, начиная съ ограниченій пищи и «радѣнія» (родъ религіознаго танца подъ напѣвъ «распѣвцевъ») и кончая наложеніемъ «большой печати» (полнаго оскопленія). Но до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь скопчества не подмѣчалъ среди нихъ никакихъ крайнихъ мѣръ, въ родѣ «самосожженія», «голодной смерти» и т. п. Въ настоящее время приходится наблюдать и эту форму пассивнаго протеста, который, какъ мы думали, отошелъ уже въ область мрачныхъ преданій русской старины.

«Подъ вліяніемъ помянутыхъ мѣропріятій надъ скопцами, среди нихъ одновременно у нѣсколькихъ человѣкъ явилось желаніе прекратить добровольно свою жизнь: кто отъ голода, кто самосожженіемъ, кто повѣсившись на крестѣ. Мы знаемъ около 10 человѣкъ, дошедшихъ до такой крайности возбужденія.

«Своевременная отмѣна запрещенія отлучекъ многихъ успокоила. Но 6 человѣкъ вотъ уже нѣсколько дней почти ничего не ѣдятъ, роздали все свое имуществе бѣднымъ и готовятся умереть. Они говорятъ, что гоненіе на нихъ есть прямое доказательство пришествія антихриста, и что иного спасенія нѣтъ, какъ отрѣшиться отъ всего земного и «положить душу свою». Чѣмъ больше они голодають, тѣмъ больше возбуждаются,—и фанатизму ихъ нѣтъ границъ». («Ниж. Лист.» № 150).

Сама духовная литература констатируетъ факты обратнаго дѣйствія ограничительныхъ противъ сектантовъ законовъ и мѣръ. «Орловскія Епархіальныя Вѣдомости» пишутъ: «Судебные процессы, бывшіе въ началѣ 90-хъ годовъ по поводу пропаганды пашковской секты, воочію показали, что эта пропаганда не умирала въ орловской губерніи послѣ закона 1884 года, а только подъ дѣйствіемъ этого закона притихла изъ открытой и явной перешла въ тайную.

Лжеученіе перебрасывается, подобно пожару, изъ одного мѣста въ другое,—и тамъ, гдѣ, повидимому, не было никакихъ признаковъ уклоненія отъ православія, вдругъ появляется прочно организованное сектантское гнѣздо». О томъ же пишетъ авторъ статьи о петербургскихъ пашковцахъ въ «СПБ-скомъ Духовномъ Вѣстникѣ» (№ 3): «Притихшая на время послѣ встряски (!) 1884 г., эта секта въ послѣднее время пріободрилась и снова принялась за свою «миссіонерскую дѣятельность». Какъ оказывается секта воспользо-

валась этимъ временемъ, чтобы, замкнувшись въ себѣ самой, нѣсколько привести себя въ порядокъ, выработать для своей дѣятельности болѣе или менѣе опредѣленные пріемы соотвѣтственно теперешнему своему положенію, усовершенствовать теоретическія начала ученія. И они достигли въ этомъ, по завѣренію автора статьи, значительныхъ успѣховъ, чѣмъ, въ свою очередь, объясняются замѣтные успѣхи ихъ пропаганды за послѣднее время.

А штунда? Эта секта, навлекшая на себя особыя преслѣдованія, какъ бы почерпаетъ въ нихъ силу для дальнѣйшаго распространенія. «Утихшая было въ концѣ 80-хъ годовъ, пишетъ «Миссіонерское Обозрѣніе», пропаганда штунды снова оживилась, вожаки штундо-пашковцы развили свой прозелитизмъ, энергію и смѣлость до страстности. Сектантское броженіе усилилось не только въ старыхъ пунктахъ, но коснулось и новыхъ мѣстъ, гдѣ о штундизмѣ до сихъ поръ не было и понятія. Такъ въ истекшемъ году, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, штунда проникла въ Калужскую губернію и въ Нижегородскую. Въ истекшемъ году, между прочимъ, штунда получила значительное развитіе въ привислянскомъ краѣ, среди населенія католическаго исповѣданія, главнымъ образомъ. Въ юго-западномъ, гдѣ пропаганда штундизма въ послѣдніе годы совсѣмъ было притихла, и броженіе было ослаблено и успокоено, въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ районахъ (каневскій) оно вновь вспыхнуло и выразилось въ значительномъ количествѣ отпаденій отъ православія. Въ поволжскихъ губерніяхъ и на сѣверномъ Кавказѣ штундо-баптизмъ проявлялъ также усиленный прозелитизмъ и сдѣлалъ значительныя завоеванія въ молоканской и хлыстовско-шалопутскихъ сектахъ».

Таковы результаты борьбы съ расколомъ и сектанствомъ путемъ репрессивныхъ и ограничительныхъ мѣръ. Конечно, рядомъ, съ тѣмъ велась и борьба съ ними путемъ миссіонерской дѣятельности, собесѣдованій, увѣщанія, диспутовъ миссіонеровъ и пастырей церкви съ послѣдователями раскола и сектъ. Но, безъ сомнѣнія, этотъ родъ борьбы съ ними не оставался безъ вліянія примѣняемой рядомъ практики преслѣдованій. И вліяніе это могло отражаться на успѣшности миссіонерской проповѣди только отрицательно.

На съѣздѣ было высказано, что всѣ новѣйшія секты сходны въ томъ, что послѣдователи ихъ всячески стараются избѣгать бесѣдъ съ православными пастырями или учителями. Вслѣдствіе этого миссіонеры часто затрудняются, какъ вызвать на бесѣду того или другого сектанта. Вопросъ этотъ подробно обсуждался въ частныхъ и общихъ засѣданіяхъ съѣзда, но къ опредѣленному рѣшенію относительно этого вопроса не пришли и предоставили его благоразумію каждаго миссіонера. Намъ представляется, что подобная уклончивость со стороны руководителей сектантскаго движенія естественно обусловливается тѣми послѣдствіями, которыми сопровождается для нихъ публичное исповѣданіе своихъ убѣжденій, и

будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать мнѣніе, что «нужны энергичныя мѣры духовнаго и матеріальнаго воздѣйствія въ особенности на вожаковъ сектаторовъ»... (СПБ. Дух. Вѣстн. № 32, стр. 618).

На съѣздѣ упоминалось, что бывали случаи, когда сами православные указывали на распростанителей иновѣрія и почти силою заставляли ихъ вступать въ бесѣду съ миссіонеромъ. Конечно, результаты подобныхъ собесѣдованій врядъ ли могутъ быть плодотворны. Мало того, бываютъ, очевидно, случаи, когда сектанты привлекаются на собесѣдованія съ миссіонерами черезъ полицію, такъ какъ на съѣздѣ рекомендовалось примѣнять эту мѣру осторожно, въ виду того, что сектанты стараются подобное дѣйствіе миссіонера обратить въ пропаганду своихъ ученій передъ народомъ, выставляя себя мучениками за вѣру. Нечего и говорить, что только свободный обмѣнъ мнѣній имѣетъ силу кого бы то ни было убѣждать.

Между тѣмъ, многочисленные факты и отзывы, приводимые въ тѣхъ же духовныхъ журналахъ, показываютъ, что тамъ, гдѣ раскольники или сектанты не имѣютъ основаній ничего опасаться, они не только не уклоняются отъ споровъ и бесѣдъ и отъ всякаго общенія съ православными священниками и миссіонерами, но охотно прибѣгаютъ къ нимъ. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, «Церковный Вѣстникъ» (№ 16). «Признаки сближенія оторвавшихся отъ церкви раскольниковъ съ православными по прежнему наблюдаются нерѣдко. Относящіеся сюда примѣры по мѣстамъ настолько многочисленны, что нѣкоторые обозрѣватели жизни раскола въ отдѣльныхъ епархіяхъ, миссіонеры и братства, на основаніи этихъ примѣровъ, находятъ возможнымъ дѣлать общія заключенія о благопріятномъ для православной церкви настроеніи раскольниковъ. Въ отчетѣ калужскаго братства св. апостола Іоанна Богослова до 1896 г. относительно массы старообрядческой сказано: «только старообрядцы небольшихъ сравнительно и глухихъ деревень, гдѣ мало православныхъ, гдѣ почти никогда не было бесѣдъ, отличаются фанатизмомъ. Большая же часть старообрядцевъ, особенно въ селахъ, гдѣ ведутся частыя бесѣды, весьма расшатана въ отстаиваніи старины. Главнымъ образомъ, сказать это нужно про молодежь. Она, какъ получившая обученіе въ большинствѣ случаевъ въ школахъ земскихъ и церковно-приходскихъ, остается въ расколѣ просто по привычкѣ, потому что такъ велятъ отцы и дѣды. Но и эти послѣдніе въ большинствѣ далеки отъ ненависти къ православной церкви. Нерѣдки случаи, когда они при встрѣчахъ со священникомъ вступаютъ съ нимъ въ бесѣды, во многихъ селахъ приглашаютъ въ свои дома на праздникахъ съ крестомъ и иконами. Многіе изъ старообрядцевъ посѣщаютъ православные храмы во время, напримѣръ, вѣнчанія или погребенія знакомыхъ, нѣкоторые ходятъ даже на молитвы. А раскольники села Глазова,

проживающіе въ Петербургѣ, сочли для себя возможнымъ сдѣлать пожертвованіе на построеніе православнаго храма».

Не надо при этомъ думать, что подобное отсутствіе фанатизма и нетерпимости по отношенію къ православной церкви свойственно только представителямъ старообрядческаго раскола. Вотъ факты, показывающіе, что при извѣстномъ къ нимъ отношеніи то же отсутствіе враждебности къ православной церкви и ея служителямъ обнаруживаютъ и послѣдователи сектантства: штундисты, молокане, хлысты и проч. Въ томъ же «Церковномъ Вѣстникѣ» приводится слѣдующій случай.

«Во время служенія молебновъ въ домахъ прихожанъ на пасхальной недѣлѣ въ нынѣшнемъ году, я, пишетъ священникъ, получилъ приглашеніе посѣтить одну мѣстную штундистскую семью, въ качествѣ гостя. Священникъ принялъ приглашеніе, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, что онъ войдетъ въ домъ въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и предварительно отслужитъ въ домѣ молебенъ. Глава семьи выразилъ на это согласіе, съ условіемъ, чтобы и ему не мѣшали молиться по своему. При входѣ въ комнату священникъ привѣтствовалъ хозяевъ словами: «миръ дому сему», на что послѣдовало отвѣтное привѣтствіе: «миръ входу вашему». Началось — пишетъ священникъ—служеніе молебна. Обстановка была нѣсколько необычна, какъ для насъ, такъ и для сектантовъ. Все же тѣ и другіе, видимо, были молитвенно высоко настроены. Сектанты, не дѣлая на себѣ крестнаго знамени, благоговѣйно сложили руки на груди, съ большимъ вниманіемъ вслушивались въ слова пѣснопѣній и присматривались къ нашимъ дѣйствіямъ. По отпустѣ я осѣнилъ св. крестомъ всѣхъ присутствующихъ. Православные подошли къ кресту, а съ сектантами я похристосовался и троекратно съ каждымъ поцѣловался. Послѣ этого я разоблачился и отпустилъ пѣвчихъ. Хозяинъ угостилъ ихъ, хозяйка щедро одѣлила яйцами. Меня любезно пригласили на стаканъ чаю и посадили на почетное мѣсто.

За чаемъ мнѣ скоро удалось сдѣлать разговоръ интереснымъ для моихъ собесѣдниковъ.

— «Какъ,—обратился я къ домохозяину,—находишь ты православный обрядъ молитвы? Сейчасъ вы молились всей семьей вмѣстѣ съ нами и, хотя молились по своему, но очень усердно. Почему бы вамъ не имѣть общенія съ нами по вѣрѣ? По какой причинѣ вы не желаете соблюдать всего нашего православнаго обряда и, очевидно, чуждаетесь нашихъ храмовъ и православнаго богослуженія?

— «Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—особо мы не сторонимся отъ васъ. Одно намъ противно, что вы какъ будто отдаете предпочтеніе внѣшнему служенію Богу, а мы, по Евангелію, служимъ Богу духовно»...

Ставропольскій епархіальный противосектантскій миссіонеръ, въ

отчетѣ своемъ за вторую половину 1896 г., указываетъ подобные же случаи. Упомянувъ о своихъ богослуженіяхъ и бесѣдахъ, миссіонеръ пишетъ:

«Люди идутъ изъ храма, съ бесѣды, и просятъ еще молитвы и назиданія себѣ отдѣльно. Кто они?—я и не спрашиваю. Означается потомъ—приходятъ: католики, лютеране, кальвинисты (въ хуторѣ Романовскомъ), прося благословенія и молитвы, хлысты, раскольники, старообрядцы,—всѣхъ пріемлю, всѣхъ благословляю, о всѣхъ молюсь, и всѣ молятся со мною».

Духовный органъ, изъ котораго извлекаемъ мы приведенные примѣры, справедливо замѣчаетъ: «Къ возможно кроткимъ и снисходительнымъ отношеніямъ къ благомыслящимъ изъ раскольниковъ и сектантовъ располагаетъ многихъ сознаніе нѣкоторой вины за самими членами православной церкви въ созданіи и усиленіи раскола и сектантства и признаніе того, что иногда обстоятельства жизни, складывающіяся независимо отъ воли раскольниковъ и сектантовъ, приводили ихъ къ отчужденію отъ православной церкви». (Ц. В. № 33, 1062).

Примѣръ кроткаго и снисходительнаго отношенія къ раскольникамъ и сектантамъ, всегда достигающаго своей цѣли уничтожать взаимныя враждебность и отчужденіе, подаютъ иногда и авторитетные представители православнаго духовенства. Такъ «Курл. Губ. Вѣд.» сообщаютъ подробности о пребываніи архіепископа Арсенія въ Иллукстскомъ уѣздѣ. «Мѣстные старообрядцы въ Скрудалинской волости встрѣтили владыку съ почетомъ и хлѣбомъ-солью. Тотъ, въ свою очередь, благословилъ хлѣбъ-соль, вкусилъ отъ нея и предложилъ раздѣлить ее съ нимъ подносившихъ, благодарилъ собравшихся до 200 чел. за оказанную встрѣчу, пожелалъ имъ благополучной и счастливой жизни и хорошаго урожая. Затѣмъ, по просьбѣ старообрядцевъ, онъ посѣтилъ ихъ моленную и присутствовалъ при пѣніи стариннымъ напѣвомъ. Въ заключеніе, поблагодаривъ ихъ еще разъ за встрѣчу и честь, владыка выразилъ имъ свое сожалѣніе, что хотя у нихъ есть такъ много общаго съ православными и хорошаго, однако, они всетаки не принадлежатъ къ единому стаду подъ Единымъ Пастыремъ Начальникомъ Христомъ, что между ними и православными есть всетаки различіе; но онъ вѣруетъ, что при помощи Божіей всѣ эти разногласія со временемъ сами собою изгладятся, и что старообрядцы сольются съ православною церковью».

Конечно, не всегда раскольники и сектанты обнаруживаютъ подобное примирительное отношеніе къ представителямъ православія, но, въ свою очередь, не всегда они и встрѣчаютъ его со стороны послѣднихъ.

Поселившіеся въ началѣ настоящаго столѣтія въ Таврической губерніи молокане имѣли до послѣдняго времени право свободнаго моленія въ осо[illegible] молитвенныхъ домахъ, но

прошломъ году миссіонеры Таврической епархіи произвели изслѣдованія, давшія имъ основаніе признать второй Донской толкъ, послѣдователи котораго живутъ въ Ново-Васильевкѣ Бердянскаго уѣзда, не молоканствомъ, но штундизмомъ, вслѣдствіе чего молитвенный домъ въ Ново-Васильевкѣ, служившій четыремъ стамъ душамъ, закрытъ. Тогда видный представитель молоканства Захаровъ напечаталъ въ оффиціальномъ духовномъ органѣ «Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» опроверженіе обвиненія молоканъ въ штундизмѣ, а Ново-Васильевское общество подало прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ оно доказываетъ, что «молокане никогда не имѣли ничего общаго со штундистами, что вредныхъ соціалистическихъ убѣжденій штунды не признаютъ (дѣйствительно, у молоканъ сильно развитъ капитализмъ) и просятъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить открыть имъ ихъ молитвенный домъ и тѣмъ не лишать 400 душъ христіанъ возможности молиться Богу и возносить моленія о благоденствіи Царя, родныхъ и о своихъ повседневныхъ нуждахъ».

Чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно. Приведенный случай представляетъ собою одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ недоразумѣній, которыя возникаютъ на почвѣ различенія тѣхъ или иныхъ сектантскихъ толковъ. Трудность этого дѣла была признана на самомъ казанскомъ съѣздѣ. Такъ, депутаты съѣзда, разсматривая штундизмъ, баптизмъ и пашковщину, пришли къ выводу, что «установить сходныя черты этихъ сектъ гораздо легче, чѣмъ ихъ различіе». Но врядъ ли путь, который былъ избранъ на съѣздѣ для установленія законодательнаго отношенія къ нимъ, былъ избранъ правильно. Съѣздъ высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ эти секты въ одинакавой мѣрѣ опасны и вредны какъ для церкви, такъ и для государства своимъ крайнимъ ученіемъ, фанатизмомъ, прозелитизмомъ, и потому весьма желательно, чтобы законъ 1894 г. былъ распространенъ на пашковцевъ и баптистовъ наравнѣ со штундистами, и чтобы общія собранія первыхъ были воспрещаемы наравнѣ съ собраніями послѣднихъ. Подобное упрощеніе вопроса врядъ ли отвѣчало совѣту, преподанному въ самомъ началѣ съѣзда Н. Ивановскимъ, быть по вопросамъ о внѣшнихъ мѣропріятіяхъ возможно болѣе осмотрительными и осторожными.

Какъ разъ по этому поводу не такъ давно состоялось рѣшеніе правительствующаго сената, разсматривавшаго въ кассаціонномъ порядкѣ слѣдующее дѣло. 42 человѣка баптистовъ были приговорены мировымъ судьею, а затѣмъ и съѣздомъ мировыхъ судей ростовскаго округа къ штрафу въ размѣрѣ отъ 15 до 40 руб. за открытіе молитвеннаго собранія. Въ своемъ постановленіи съѣздъ руководствовался тѣми основаніями, что распоряженіемъ административной власти молитвенныя собранія нѣкоторыхъ сектантовъ, въ число которыхъ входили и баптисты, воспрещены; что баптизмъ и штундизмъ различныя наименованія одной и той же секты: что

послѣдователи баптизма и штундизма признаются приверженцами одинаковаго догматическаго ученія, однихъ и тѣхъ же молитвенныхъ обрядовъ, составляя, такимъ образомъ, одну секту, и что баптисты и штундисты расходятся лишь во взглядахъ относительно рѣшенія вопроса времени крещенія. Но правительствующій сенатъ по уголовному кассаціонному департаменту, до котораго дѣло восходило по кассаціонной жалобѣ обвиненныхъ, нашелъ, что Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ отъ 4 іюля 1894 г. касается исключительно штундистской ереси и не можетъ быть распространено органами административной власти на другія вѣрованія и секты; что баптизмъ, такимъ образомъ, не можетъ быть отождествленъ со штундизмомъ; что распоряженіе административной власти не можетъ быть признано законнымъ, а примѣненіе 29 ст. уст. о наказаніяхъ къ дѣяніямъ подсудимыхъ не должно имѣть мѣсто, — опредѣлилъ: приговоръ съѣзда мировыхъ судей и все производство по дѣлу отмѣнить.

Самое установленіе принадлежности данныхъ лицъ къ нѣкоторымъ изъ признанныхъ вредными сектъ подвержено большимъ случайностямъ и возможнымъ ошибкамъ. Такъ на съѣздѣ не мало говорилось о крайней трудности установить принадлежность къ сектѣ хлыстовъ въ виду ихъ скрытности и о способахъ ихъ распознаванія. «Было говорено, что они выглядятъ истомленными и блѣдными; любятъ обильно намащать волосы. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мужчины хлысты носятъ бѣлыя рубахи и штаны, а женщины синіе сарафаны и черные платки, подъ которыми повязываются платки бѣлые. Въ Самарской епархіи хлысты носятъ на себѣ кресты особаго устройства съ сіяніемъ, причемъ на оборотной сторонѣ написано «Царю Небесный». Вообще какъ по одеждѣ, такъ по жилищамъ и пищѣ хлысты отличаются отъ православныхъ. Они очень любятъ чистоту въ домѣ: полы тщательно вымыты и блестятъ какъ паркетъ. Мясной пищи обыкновенно избѣгаютъ (этотъ признакъ характеренъ для хлыстовъ въ Малороссіи, гдѣ только у хохла хлыста нельзя найти сала). Но, заключаетъ не безъ основанія органъ, изъ котораго мы приводимъ настоящія свѣдѣнія (Спб. Дух. В. № 37), по этимъ признакамъ еще не всегда можно узнать хлыста». И съѣздъ остановился, какъ на пріемѣ распознаванія принадлежности сомнительнаго лица къ хлыстовщинѣ, на томъ, чтобы на исповѣди требовать отъ него клятвеннаго отреченія отъ хлыстовщины.

Но если трудность распознаванія принадлежности къ этой или другой сектѣ можетъ заботить достаточно освѣдомленныхъ въ дѣлѣ представителей церкви, то тѣмъ болѣе рискованнымъ является предоставленіе этой задачи представителямъ власти свѣтской, въ частности низшимъ чинамъ полиціи. Тутъ представляется настолько обширное поле для всякихъ недоразумѣній, ошибокъ и произвола, что нельзя не выразить желанія, чтобы

функція ихъ въ этомъ отношеніи была возможно болѣе ограничена. Въ примѣръ сказаннаго можетъ служить слѣдующее недавно разбиравшееся дѣло. 2 октября въ зарайскомъ уѣздномъ съѣздѣ земскихъ начальниковъ разсматривалась въ кассаціонномъ порядкѣ жалоба крестьянина Володина на приговоръ земскаго начальника 2-го участка. 30-го апрѣля текущаго года полицейскій урядникъ д. Луховицъ, проходя по улицѣ, услышалъ въ избѣ кр. Суслина какое-то пѣніе. Войдя туда, онъ засталъ тамъ мѣстныхъ крестьянъ и крестьянку и на вопросъ, что они дѣлаютъ, получилъ въ отвѣтъ, что они пѣли духовныя пѣсни. Это подало мысль полицейскому уряднику привлечь ихъ къ отвѣтственности за неисполненіе объявленныхъ полиціей правилъ, запрещающихъ общественныя молитвенныя собранія лицамъ, принадлежащимъ къ сектѣ штундистовъ. На разбирательствѣ дѣла у земскаго начальника обвиняемые не признали себя виновными, заявивъ, что они не штундисты и общественнаго молитвеннаго собранія не устраивали. Земскій начальникъ приговорилъ ихъ къ 10-ти рублевому штрафу.

«Защитникъ (пом. прис. пов. В. А. Маклаковъ), ссылаясь на сенатскія разъясненія, указывалъ на неправильности, допущенныя въ приговорѣ. Министерскій циркуляръ, на который ссылалась полиція, запрещаетъ собранія только штундистамъ; изъ протокола же полицейскаго урядника вовсе не видно, чтобы привлекаемыя къ отвѣтственности лица были штундистами; не установлено это и на судѣ у земскаго начальника, и изъ его приговора даже не видно, считаетъ ли онъ самъ ихъ таковыми. Товарищъ прокурора въ своемъ заключеніи также высказалъ убѣжденіе, что приговоръ земскаго начальника долженъ быть отмѣненъ. Судьи послѣ непродолжительнаго совѣщанія *утвердили* приговоръ земскаго начальника» (Рус. Вѣд.). Дѣло поступитъ въ высшую инстанцію.

Когда въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ нашемъ журналѣ дѣлалась попытка опредѣлить районъ и размѣры постигнувшаго Россію неурожая, то для сужденія о томъ не имѣлось еще вполнѣ точныхъ данныхъ. Въ настоящее время опубликованы результаты оффиціальной статистики по вопросу о размѣрахъ урожая 1897 года: на дняхъ появилось изданіе центральнаго статистическаго комитета «Урожай 1897 года. I. Озимые хлѣба и сѣно»; еще ранѣе были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ» итоги урожая главнѣйшихъ хлѣбовъ по свѣдѣніямъ корреспондентовъ. Оба источника рисуютъ положеніе вещей настолько неблагопріятнымъ для значительной полосы Россіи, что, очевидно, безъ значительнаго напряженія силъ со стороны государства и общественныхъ учрежденій, предстоящій 1898 годъ обойтись не можетъ...

Общій сборъ озимыхъ хлѣбовъ, согласно исчисленію центральнаго статистическаго комитета, простирался въ 1897 г. въ 60 губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи и Привислянскаго края до 1,071,480 тысячъ пудовъ (около 957,000 тыс. пудовъ ржи, остальное пшеница). Если сравнивать это количество зерна со сборомъ озимыхъ хлѣбовъ въ 1896 году, то оказывается, что по отношенію къ нему въ 1897 г. получился недоборъ до 265,970 тысячъ пудовъ, иначе говоря, валовой сборъ 1897 года составляетъ всего 80,1% сбора 1896 года. Если же сравнить сборъ озимыхъ хлѣбовъ настоящаго года со среднимъ за послѣднія пять лѣтъ (1892—1896), то недоборъ истекающаго года опредѣлится до 257,326 тысячъ пудовъ, составляя 80,6% сбора средняго за пятилѣтіе. На основаніи этихъ данныхъ центральный статистическій комитетъ признаетъ урожай озимыхъ хлѣбовъ въ 1897 г. въ общемъ *неудовлетворительнымъ.* Министерство земледѣлія въ своихъ выводахъ объ урожаѣ хлѣбовъ по свѣдѣніямъ корреспондентовъ выражается еще рѣшительнѣе: «въ общемъ итогѣ по Европейской Россіи урожай главнѣйшихъ хлѣбовъ получился *плохой.* Итоги сбора всѣхъ хлѣбовъ по Европейской Россіи получились ниже средняго, за исключеніемъ кукурузы, сборъ которой превысилъ средній». По мнѣнію авторовъ свода данныхъ объ урожаѣ 1897 г. въ «Изв. Мин. Земл. и Гос. Им.», недоборъ этого года не достигъ тѣхъ размѣровъ, какихъ достигалъ въ 1891 г., но по общей суммѣ могъ бы подойти къ недобору 1880 г., который былъ за послѣднее двадцатилѣтіе наиболѣе значительнымъ послѣ неурожая 1891 года.

Причиною неурожая нынѣшняго года была, какъ извѣстно, упорная и продолжительная засуха, вредное вліяніе которой усиливалось еще болѣе постоянными восточными и юго-восточными вѣтрами. Крайняя пестрота урожая, признается характерною чертою настоящаго года.

Оставляя въ сторонѣ частности, общая картина неурожая представляется, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, въ слѣдующемъ видѣ. Если сопоставить сборъ озимыхъ въ 1897 г. со среднимъ за послѣднее пятилѣтіе, то отдѣльныя мѣстности Европейской Россіи по относительной высотѣ урожая могутъ быть сгруппированы въ слѣдующія четыре категоріи: 1) Въ первой изъ нихъ, куда слѣдуетъ отнести районы: Центральный земледѣльческій, Новороссійскій, а также Сѣверный Кавказъ, озимые хлѣба дали плохой сборъ, составляющій по отношенію къ среднему сбору за послѣднее пятилѣтіе отъ 45 до 50% 2) Слѣдующее мѣсто по высотѣ урожая занимаютъ районы: Средневолжскій, Нижневолжскій, Югозападный и Малороссійскій, въ которыхъ озимые хлѣба дали больщій, хотя тоже неудовлетворительный сборъ: 65—85% сбора послѣдняго пятилѣтія. 3) Сборъ близкій къ среднему (90—95%) получился въ губерніяхъ Пріуральскихъ и Привислянскихъ. Общій недоборъ во всѣхъ вышеозначенныхъ областяхъ, обнимающихъ 63 губерній противъ средняго сбора за пяти-

лѣтіе, превышаетъ 300,000 тыс. пуд. 4) Выше средняго, наконецъ, озимые хлѣба уродились въ районѣ Московскомъ-Промышленномъ, въ губерніяхъ: Литовскихъ, Бѣлорусскихъ, Пріозерныхъ, Прибалтійскихъ и въ двухъ губерніяхъ Крайняго Сѣвера. Однако, переборъ хлѣба въ этихъ областяхъ (26,728 тыс. пуд.) совершенно ничтоженъ по сравненію съ вышеуказаннымъ недоборомъ его въ большей части имперіи, въ виду чего и не можетъ парализовать его вредныя послѣдствія. Если мы взглянемъ на картограмму, изображающую въ изданіи центр. статист. ком. процентное отношеніе урожая озимыхъ хлѣбовъ 1897 г. къ сбору среднему за пятилѣтіе, и проведемъ на картѣ Европейской Россіи линію отъ верховьевъ Камы къ верховьямъ Днѣстра, то вся сѣверо-восточная половина Россіи оказывается со сборомъ ниже средняго. Особенно зловѣщимъ пятномъ выдѣляются область войска Донского, Астраханская и часть Оренбургской губерніи.

Урожай въ Азіатской Россіи по своему географическому распредѣленію имѣетъ нѣкоторое сходство съ урожаемъ въ Россіи Европейской: на сѣверѣ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ хлѣбъ уродился хорошо и далъ нѣкоторый переборъ, напротивъ въ лежащихъ къ югу отъ Сибири Средneазіатскихъ областяхъ таже засуха была причиною плохого сбора хлѣба.

Свѣдѣнія корреспондентовъ министерства земледѣлія, дополняя данныя центральнаго статистическаго комитета, говорятъ мало утѣшительнаго и о сборѣ яровыхъ хлѣбовъ. Урожай оказался также плохой, и районы плохого сбора этого хлѣба совпадаютъ съ таковыми же районами плохого урожая ржи. Ячмень далъ удовлетворительный урожай въ общемъ итогѣ только въ губерніяхъ прибалтійскихъ, сѣверныхъ и двухъ южныхъ: Бессарабской и Екатеринославской; въ остальныхъ же губерніяхъ сборъ его получился неудовлетворительный или плохой. Подобно овсу и ячменю только въ немногихъ на перечетъ губерніяхъ удовлетворительно уродились и прочіе яровые хлѣба: яровая пшеница, просо, гречиха, горохъ.

Плохой урожай зерновыхъ хлѣбовъ усугубляется въ настоящемъ году въ черноземныхъ губерніяхъ не вполнѣ удовлетворительнымъ сборомъ картофеля и скуднымъ сборомъ кормовыхъ средствъ для скота. Та же упорная засуха и юго-восточные сухіе вѣтры помѣшали въ 1897 г. и удачному росту травъ, которыя уродились хуже, чѣмъ въ среднемъ за послѣднія 5 лѣтъ.

Имѣя въ виду, что чистый остатокъ озимыхъ хлѣбовъ равняется въ настоящемъ году въ 60 губерніяхъ 819,496 тыс. пудовъ, центр. стат. комит. вычисляетъ, что на душу наличнаго внѣ городского населенія приходится 9,3 пуд., тогда какъ въ среднемъ за пять лѣтъ съ 1892—1896 г. приходилось на душу 12,3. Лишь въ тяжелый 1891 г. приходилось на душу меньшее количество озимаго хлѣба—8,2 пуда.

Такъ говорятъ числовыя данныя о имѣющихся запасахъ хлѣба, взятыя въ широкомъ масштабѣ, но по отдѣльнымъ уѣздамъ и мѣстностямъ преимущество передъ печальной памяти 1891—92 гг. отнюдь не всегда остается за нынѣ переживаемымъ годомъ. Корреспондентъ «Русск. Вѣд.» изъ Тулы пишетъ отъ 1 декабря.

«По сравненію съ 91—92 тяжелыми годами положеніе вещей оказывается хуже. Въ 1896 году было собрано съ десятины ржи 26 пуд., овса 36 пуд., теперь ржи 22, а овса только 17 пуд. Въ 1891 и 1892 годахъ былъ недородъ одной ржи, и не было такого сплошного недорода озимыхъ и яровыхъ, какъ это случилось въ текущемъ году. Если въ тѣ страшные года крестьянское хозяйство сильно расшаталось, то что же сказать о нынѣшнемъ годѣ, тѣмъ болѣе, что едва ли вполнѣ изгладились слѣды предшествующихъ неурожайныхъ лѣтъ? Изъ уѣздовъ уже съ начала осени начинаютъ поступать грустныя сообщенія. Въ Новосили населеніе усиленно распродаетъ скотъ, а это, между тѣмъ, уѣздъ, менѣе другихъ пострадавшій отъ недорода; въ Богородицкомъ уѣздѣ уже начинаютъ употреблять въ пищу лебеду; въ Бѣлевскомъ крестьяне бѣгутъ на заработки и съ охотой берутъ такую низкую плату, какъ 15—20 к. въ день. Особенно сильно пострадалъ Веневскій уѣздъ, гдѣ положеніе населенія совершенно отчаянное». (№ 335).

Такія же извѣстія приходятъ изъ разныхъ уѣздовъ Орловской губерніи.

«Всѣ единогласно утверждаютъ, пишутъ въ «С. Отеч.» изъ Елецкаго уѣзда, что нынѣшній годъ неизмѣримо хуже голоднаго 1891 г., такъ какъ тогда въ здѣшней мѣстности уродились кормовыя травы и овесъ, а нынѣ не только хлѣбовъ, но и кормовъ нѣтъ, и ѣсть нечего ни людямъ, ни скоту. Отапливаться также нечѣмъ, такъ какъ въ урожайные годы крестьяне жгутъ солому и навозъ, а теперь все истреблено—частью продано въ уплату податей и недоимокъ, а частью—прожито. Кормовые запасы здѣсь такъ рѣдки и ничтожны, что даже за деньги нигдѣ нельзя купить, кромѣ города, сѣна или соломы. Землевладѣльцы сами опасаются за недостачу корма во время длинной и суровой зимы и приберегаютъ кормъ для своего скота. Бѣдняки-мужики распродали свой скотъ за безцѣнокъ и готовы сами себя запродать, лишь бы прокормиться съ семьями. Къ несчастью, не уродился даже картофель, эта основа крестьянской пищи. Крестьяне почти распродали весь свой скотъ и покупаютъ муку изъ елецкаго элеватора, отъ земства, гдѣ установлена дешевая продажная цѣна, сравнительно съ рыночной (65 к. вмѣсто 85-ти, а для вдовъ и сиротъ—48 коп.)».

Изъ Гжатскаго у. Смоленской губ. пишутъ въ «Смол. Вѣстн.» отъ 11 ноября, что какъ только наступила зима, загудѣли вьюги, затрещалъ морозъ, дороги покрылись разнымъ бездомнымъ людомъ, ищущимъ подаянія. «Одѣтые въ лохмотья старухи, старики и дѣти массами бродятъ по селеніямъ и городу, прося подаянія. Но—

увы!—скупо нынѣ подается «Христова милостыня»!.. Получая почти въ каждомъ домѣ вмѣсто милостыни «Богъ дастъ» и «не прогнѣвайся», чтобъ собрать себѣ хлѣба на дневное пропитаніе, несчастнымъ горемыкамъ приходится обходить нѣсколько селеній, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ нестерпимой стужи. Большинство крестьянъ сами доѣдаютъ послѣднія крохи. Нужда повсюду наводитъ панику, а въ особенности крестьяне ужасаются въ виду недостатка корма для скота. Цѣна на сѣно возрасла до 30 к. и выше за пудъ. Если у кого изъ крестьянъ не хватитъ собственнаго корма—тотъ долженъ будетъ раззориться въ корень».

Эти толпы нищихъ, бродящихъ по дорогамъ,—знакомая картина для тѣхъ, кто видѣлъ близко деревню и ея жизнь въ злополучный 1891 годъ: это первые признаки того, что и дворы, владѣющіе хозяйствомъ, уже обезсиливаютъ передъ грозящей перспективой рано или поздно самимъ пойти на поиски Христовой милостыни. Знакомы также этимъ лицамъ и тѣ противорѣчія, которыми начинаетъ дарить насъ деревенская обстановка, возбуждая недоумѣніе у однихъ, недовѣріе у другихъ.

Въ «Тамбовск. Губ. Вѣд.» напечатана корреспонденція изъ козловскаго уѣзда, въ которой разсказывается, какъ, вслѣдствіе неурожая, мужикъ сталъ, наконецъ, «сладко ѣсть». Дѣло въ томъ, что безкормица скота заставляетъ крестьянина рѣзать скотину на мясо; и вотъ цѣна на говядину упала на базарахъ до крайняго минимума.

«Увидала деревня,—разсказываетъ корреспондентъ,—что съ базара много не унесешь, и рѣшила рѣзать рогатую скотину дома для собственнаго пропитанія. Стали организоваться компаніи изъ 2—3-хъ хозяйствъ въ цѣляхъ дѣлежки освѣжеванныхъ тушъ. У одного, напримѣръ, корова предназначена къ зарѣзу. Цѣнитъ онъ ее въ 12 руб. Брать все мясо отъ нея за себя больно ужъ «начетисто», а половину очень даже возможно. Идетъ онъ къ сосѣду и предлагаетъ вступить въ артель изъ половины, а то такъ изъ третьей доли и т. п. Затѣмъ, когда компанія образовалась, корову рѣжутъ, шкуру продаютъ, а мясо дѣлятъ на соотвѣтственное число частей. Въ дѣлежку входитъ, разумѣется, и цѣна шкуры, такъ что мясо оказывается не дороже $1^1/_2$—2 к. за фунтъ.

Тотъ же корреспондентъ отмѣчаетъ другое любопытное явленіе, на которое наблюдателямъ деревни пришлось натолкнуться еще въ 1891 голодномъ году,—это обиліе крестьянскихъ свадебъ.

«Свадьбы, по случаю дешевизны мяса, также играются усиленно. Иной бы не женилъ малаго или не выдалъ дѣвки еще годокъ-другой, а нынче нарочно спѣшитъ съ этимъ: «глядишь—все десятка, а то и двѣ въ карманѣ останется. По прежнему, 6—7 пудовъ стравить гостямъ, значитъ, наказаться худо-плохо на двадцать цѣлковыхъ. А нынче это встанетъ за пятерку»... высчитываетъ нашъ мужичекъ.

Будемъ однако надѣяться, что не про всѣхъ дѣятелей, стоящихъ близко къ народу и его нуждамъ, можно сказать, что изъ тяжелаго

урока 1891 года, «они ничему не научились и ничего не забыли». Вторая половина октября и ноябрь мѣсяцъ прошли въ рядѣ экстренныхъ и очередныхъ собраній уѣздныхъ земствъ. Въ повсемѣстной лихорадочно возбужденной работѣ, рядомъ съ вопросомъ о народномъ образованіи, стоялъ вопросъ о продовольственной помощи населенію пострадавшихъ мѣстностей и о пособіи ему на обсѣмененіе полей въ ближайшемъ будущемъ. Результаты всѣхъ этихъ обсужденій, долженствующіе опредѣлиться на предстоящихъ декабрьскихъ очередныхъ губернскихъ собраніяхъ, еще не вполнѣ извѣстны, и мы вернемся къ нимъ позднѣе. Но, безъ сомнѣнія, передъ громадностью открывающейся нужды средства однихъ земствъ окажутся недостаточными; потребуется поддержка и со стороны частной благотворительности и, главнымъ образомъ, со стороны государства. Въ столь исключительномъ положеніи, въ какомъ оказываются теперь земства нѣкоторыхъ губерній, ихъ роль сводится прежде всего къ самому широкому предстательству о народной нуждѣ передъ правительствомъ, въ ознакомленіи его возможно болѣе точномъ съ размѣрами и характеромъ этой нужды, въ томъ, чтобы оказаться на мѣстѣ ея органомъ, способнымъ своевременно, быстро и раціонально провести требуемыя мѣры помощи. Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть тѣ мѣстности, которыя лишены въ настоящее время готовой и настолько приспособленной организаціи общественныхъ силъ для удовлетворенія интересовъ населенія. Какъ иногда безпомощно оказывается его положеніе, когда оно по тѣмъ или инымъ,—культурнымъ или историческимъ причинамъ,—принуждено довольствоваться отжившими формами управленія и опекою общей администраціи, не всегда достаточно освѣдомленной объ истинномъ положеніи дѣлъ, это показываетъ примѣръ голодовки, испытываемой нынѣ калмыками Астраханской губерніи. Многочисленныя корреспонденціи «Астраханскаго Листка», «Астр. В.», «Каспія», «Сибири» и др. газетъ показываютъ, что положеніе вещей дошло тамъ до послѣдней крайности. «Калмыки голодаютъ уже давно. Идетъ третій годъ подрядъ. Особенно, говорятъ, бѣдствуютъ калмыки Харахусовскаго улуса, расположеннаго среди песковъ... Заработковъ для обитателей этого улуса не представляется никакихъ. Ждутъ правительственной помощи, а въ ожиданіи ея «дохнутъ», по картинному выраженію астраханскихъ купцовъ, эксплуатирующихъ безъ зазрѣнія совѣсти трудъ этихъ голодающихъ калмыковъ на своихъ рыбо и солепромышленныхъ заведеніяхъ» («Каспій», 234).

Еще 27 сентября въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ астраханскаго губернатора, было постановлено немедленно купить и послать муки и кирпичнаго чая голодающимъ.

5 октября доктора Мессарошъ и Пальмирскій были на урочищѣ Хорцуглю и осмотрѣли проживающихъ тамъ калмыковъ, причемъ признали, что «значительная часть ихъ обнаруживаетъ крайній упадокъ силъ (до полнаго истощенія) въ зависимости отъ хроническаго

голоданія». Пальмирскій собралъ свѣдѣнія о смертности, которая оказалась очень значительной, и теперь производитъ покибиточное обслѣдованіе. Картина крайне печальная: калмыки—живые скелеты, нѣкоторые же, наоборотъ, опухли. Многіе не могутъ оправиться вовсе: желудокъ не принимаетъ пищи.

Въ «Астрах. В.» о голодѣ, испытываемомъ калмыками, писали слѣдующее:

«Они до того исхудали, что просто удивительно. У семилѣтнихъ ребятъ руки и ноги не толще палки. Кости буквально обтянуты кожей, а мяса вовсе нѣтъ; отлично видно, гдѣ кость тоньше, гдѣ на ней бугорокъ, а гдѣ ямочки. Нѣкоторые опухли. Голова—словно котелъ. Твердой пищи уже совсѣмъ ѣсть не могутъ. Сколько времени пьютъ одинъ чай, и то если принесутъ. Есть и больные брюшнымъ тифомъ».

По всеподданнѣйшему докладу астраханскаго губернатора М. П. Газенкампфа, Высочайше повелѣно было освободить д. с. с. Агафонова отъ обязанности главнаго попечителя калмыцкаго народа, возложивъ эти обязанности временно на г. губернатора. Пожертвованія стали приниматься въ канцеляріи астраханскаго губернатора, въ мѣстномъ благотворительномъ обществѣ, подъ предсѣдательствомъ А. А. Газенкампфъ, въ редакціяхъ газетъ. 10 октября калмыкамъ были посланы мука и чай по разсчету на мѣсяцъ, а 18 октября мѣстный губернаторъ получилъ увѣдомленіе отъ министра земледѣлія, что Его Величество изволилъ разрѣшить ассигновку въ 50 т. руб., въ помощь калмыкамъ изъ общественнаго калмыцкаго капитала, въ распоряженіе астраханскаго губернатора...

Въ Харахусовскій улусъ былъ командированъ чиновникъ со спеціальной цѣлью обслѣдовать положеніе его населенія. О результатахъ этой командировки корреспондентъ «Каспія» отъ 20 окт. сообщаетъ слѣдующее.

«Чиновникъ пробылъ въ этомъ улусѣ мѣсяцъ, обслѣдовалъ улусъ обстоятельно, покибиточно, такъ сказать, и вотъ результаты его наблюденій. Все населеніе Харахусовскаго улуса, въ числѣ 1,760 кибитокъ, владѣетъ: 2,228 лошадьми, 1,026 верблюдами, 1,615 коровами и 6,436 баранами. Однако, это имущество находится лишь во владѣніи 900 хозяевъ; остальные же калмыки почти ничего не имѣютъ. Изъ 873 кибитко-владѣльцевъ очень немногіе имѣютъ одну и только нѣкоторые—двѣ головы скота. Положеніе «безскотныхъ», равно и тѣхъ, которые имѣютъ 1—2 головы,—положительно бѣдственное. Благодаря лишь тому, что въ настоящее время есть молоко, въ пользованіи которымъ болѣе или менѣе состоятельные калмыки не отказываютъ нуждающимся, послѣдніе кое какъ существуютъ. Но придетъ зима—прекратится и эта поддержка... Среди калмыковъ Харахусовскаго улуса упоминаемый чиновникъ констатируетъ значительную смертность. Такъ, въ періодъ времени съ декабря 1896 г. по октябрь 1897 г., изъ 300

кибитокъ бѣдняковъ умерло 164 человѣка; четыре кибитки (одна въ 6 душъ) совершенно вымерли. Выдти изъ этого положенія сами калмыки не могутъ, потому что работъ въ улусѣ никакихъ нѣтъ, на сторонѣ же харахусовцы не могутъ найти себѣ заработка, такъ какъ, кромѣ ухода за скотомъ, иного ничего не знаютъ. Состоятельные харахусовцы не имѣютъ возможности поддержать своихъ одноулусниковъ до степени «поднятія на ноги», потому что не имѣютъ значительныхъ для того средствъ» (№ 234).

Газета добавляетъ, что голодаютъ не только харахусовскіе калмыки, а и улусовъ Багацохуровскаго и Александровскаго, на положеніе которыхъ не обращено, однако, до сихъ поръ должнаго вниманія. «Астр. Л.» (№ 271) также сообщаетъ, что бѣдствуютъ также и калмыки Александровскаго улуса, куда въ скоромъ времени предполагается послать муку и кошмы. Въ газетѣ «Сибирь» отъ 26 ноября мы встрѣчаемъ сообщеніе, что помощь, оказанная до сихъ поръ, оказывается все еще недостаточной, требуются мѣры неотложныя и энергическія.

«Въ калмыцкую степь Астрах. г. командированъ вторично чиновникъ м. земл. и гос. им. для раздачи пособія калмыкамъ, положеніе которыхъ вслѣдствіе неурожая ужасающее. Среди нихъ голодъ свирѣпствуетъ во всей силѣ; люди мрутъ сотнями; масса людей опухли съ голода и еле двигаются; брюшной тифъ свирѣпствуетъ. Посланный съ коммиссіей докторъ, для поданія помощи заболѣвающимъ, донесъ по начальству: калмыковъ не лѣчить, а кормить надо!.. Кочевники потеряли всякую надежду на спасеніе, потеряли бодрость и вѣру въ свои силы и флегматично встрѣчаютъ голодную смерть!.» (№ 139).

Но, оставляя въ сторонѣ нужды такихъ особыхъ группъ населенія, какъ кочевые инородцы, организація продовольственной помощи въ настоящемъ году, когда неурожай охватилъ рядъ неземскихъ губерній, безъ сомнѣнія, наглядно покажетъ всю необходимость скорѣйшаго распространенія началъ мѣстнаго самоуправленія и на эти области. Неудовлетворительность существующихъ въ нихъ мѣстныхъ хозяйственныхъ органовъ, образованныхъ еще въ началѣ текущаго столѣтія, ясно сознана какъ мѣстною администраціею, такъ и высшей. На это указывается, между прочимъ, въ циркулярномъ предложеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ астраханскому губернатору отъ 26 марта с. г. по вопросу о введеніи земства въ Астраханской губерніи. Принимая во вниманіе, что мѣстныя особенности Астраханскаго края не допускаютъ введенія здѣсь общаго земскаго положенія 1890 г. неизмѣннымъ, г. министръ просилъ начальника губерній увѣдомить, какія измѣненія, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ, надлежало бы ввести въ организацію земскихъ учрежденій. Хотя запросъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ собственно губернатору, и послѣдній могъ бы ограничиться лишь однимъ своимъ выводомъ,

но, въ виду чрезвычайной важности для всего края такого обстоятельства, какъ введеніе земства, г. губернаторъ не нашелъ удобнымъ разрѣшать возникшіе изъ предложенія г. министра вопросы единолично и обратился къ содѣйствію свѣдущихъ лицъ, какими являются представители различныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ и учрежденій. Совѣщанія, съ разрѣшенія г. губернатора, были открыты для публики, и въ мѣстныхъ газетахъ съ 5 ноября стали систематически печататься подробные отчеты о ходѣ этихъ совѣщаній, дающіе богатый и цѣнный матеріалъ для сужденія какъ о сложности задачи проведенія реформы согласно мѣстнымъ нуждамъ и условіямъ края, такъ и объ особенностяхъ общественно-административной жизни нашихъ окраинъ.

На совѣщаніи не обошлось, конечно, и безъ возраженій по существу—о самой необходимости введенія земства въ Астраханской губерніи. Мѣстный губернскій предводитель дворянства, Х. Н. Хлѣбниковъ, исходя изъ соображеній о составѣ населенія губерніи, имѣющихся фондахъ для земскаго обложенія и проч., высказалъ заключеніе, что въ Астраханской губерніи рѣшительно невозможно введеніе земства по положенію 1890 г. Однако, признавая, что существующій въ губерніи порядокъ завѣдыванія земскимъ дѣломъ крайне устарѣлъ и дѣйствительно не отвѣчаетъ потребностямъ, онъ предлагалъ обратиться къ временамъ до 60 гг., когда губерніи управлялись общими учрежденіями, и проектировалъ два правительственныхъ учрежденія, долженствующихъ вѣдать земское хозяйство: 1) комитетъ о земскихъ повинностяхъ, иначе «земскій совѣтъ», и 2) присутствіе по земскимъ дѣламъ, въ составѣ изъ представителей дворянства и мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Относились бы они другъ къ другу, какъ земскія собранія къ земскимъ управамъ. Какъ на доводы г. Хлѣбникова противъ введенія земства, такъ и на его проектъ вполнѣ мотивированное и обстоятельное возраженіе представилъ членъ совѣщанія о земствѣ, прокуроръ астрах. окр. суда, В. П. Вакаръ. Мнѣніе его такъ положительно опровергаетъ доводы противниковъ реформы и настолько ясно рисуетъ особенности ея осуществленія въ астраханскомъ краѣ, что мы позволимъ себѣ привести его почти цѣликомъ. Х. Н. Хлѣбниковъ указывалъ на препятствіе, такъ сказать, территоріальное:

«Астраханская губернія состоитъ изъ четырехъ частей. Въ составъ ея территоріи входятъ: калмыцкая и киргизская степи, имѣющія каждая свое собственное управленіе, на которыя распространять дѣйствіе земскаго положенія не предполагается, земли астраханскаго казачьяго войска, на которыя едва ли возможно распространять это положеніе, и, наконецъ, территорія пяти уѣздовъ Астраханской губерніи, которая тянется узкой полосой вдоль обоихъ береговъ рѣки Волги и пересѣкается землею астраханскаго казачьяго войска».

Территорія эта, по мнѣнію г. Хлѣбникова слишкомъ незначительна, чтобы вводить на ней сложное земское самоуправленіе. Вакаръ возразилъ на это слѣдующее:

«Во первыхъ, территорія, о которой идетъ рѣчь, тянется на протяженіи около 700 верстъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что есть такія земскія губерніи, территоріи которыхъ меньше территоріи, занимаемой пятью уѣздами Астраханской губерніи. Вспомнимъ что территорія всей Астраханской губерніи съ киргизской и калмыцкой степями, имѣющими каждая по 700 квадр. верстъ, равняется, приблизительно, половинѣ территоріи Франціи, а собственно Астраханская губернія, состоящая изъ 5 уѣздовъ, занимаетъ приблизительно $^{1}/_{3}$ часть всей территоріи губерніи. Но еслибы даже территорія, занимаемая нашей губерніей, была значительно меньше, то и въ такомъ случаѣ возраженіе не представлялось бы убѣдительнымъ, такъ какъ размѣръ территоріи никакого вліянія на разрѣшеніе обсуждаемаго вопроса имѣть не можетъ. Если существующее хозяйственное управленіе неудовлетворительно, то, каковъ бы ни былъ размѣръ территоріи, необходимо перейти къ такой формѣ хозяйственнаго управленія, которая бы возможно лучше удовлетворяла насущнѣйшія потребности населенія. Разсуждать иначе значило бы сказать, что для крупнаго владѣльца необходимо раціональное хозяйство, а для мелкаго хозяина о раціональномъ хозяйствѣ заботиться нечего. Черезполосность, образуемая казачьими землями, точно также не составляетъ препятствія, такъ какъ при тѣхъ же условіяхъ находятся земства Саратовской и Самарской губерніи.

«Что касается того, что въ настоящее время земскихъ сборовъ взимается въ Астраханской губерніи всего лишь 300,000 (въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ выяснилось, что цифра эта значительно ниже дѣйствительной), а на такія средства и земство не въ состояніи будетъ ничего сдѣлать, кромѣ того, что уже сдѣлано, то и это соображеніе не вѣрно. Несомнѣнно, что во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, располагающихъ нынѣ большими средствами для удовлетворенія потребностей населенія, при введеніи въ нихъ земскихъ учрежденій, земскій сборъ былъ точно также незначителенъ, какъ и сборъ, нынѣ у насъ существующій. Однако земства не жалѣли своихъ средствъ на удовлетвореніе главныхъ нуждъ населенія, исходя изъ того соображенія, что благоустройство ведетъ къ благосостоянію, а благосостояніе даетъ средства. Нельзя сомнѣваться, что и астраханское земство въ интересахъ народнаго благосостоянія найдетъ средства для удовлетворенія важнѣйшихъ мѣстныхъ потребностей, земское обложеніе у насъ можетъ быть значительно увеличено не только безъ обремененія для населенія, но, напротивъ, съ большою для него пользою, если земскія суммы будутъ раціонально расходоваться. Наконецъ, третье возраженіе относится къ составу населенія, и это возраженіе представляется безспорно очень существен-

нымъ. Дѣйствительно, вопросъ о возможности введенія у насъ земскихъ учрежденій находится исключительно въ зависимости отъ того, каковъ можетъ быть у насъ составъ земскихъ собраній, и можетъ ли населеніе дать необходимое число разумныхъ гласныхъ, которымъ было бы возможно ввѣрить весьма важное дѣло хозяйственнаго самоуправленія. Коммиссія уже пришла къ тому заключенію, что *земство у насъ должно быть по преимуществу крестьянское*, и что у насъ можетъ быть только одно избирательное собраніе, какъ это существуетъ въ губерніяхъ Пермской, Вятской и другихъ, чисто крестьянскихъ губерніяхъ. Примѣръ этихъ земствъ указываетъ, что въ губерніяхъ, подобныхъ Астраханской, введеніе земскаго самоуправленія вполнѣ возможно, а про Астраханскую губернію можно, къ тому же, съ увѣренностью сказать, что крестьянское населеніе этой губерніи по своему развитію, стоитъ несравненно выше крестьянскаго населенія центральныхъ, дворянскихъ губерній. Обращаясь къ проекту X. Н. Хлѣбникова, я нахожу, что онъ не вноситъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ существующее у насъ хозяйственное управленіе, всѣми признанное неудовлетворительнымъ. И въ предложенномъ центральномъ губернскомъ учрежденіи, подобно тому, какъ и въ распорядительномъ комитетѣ, будутъ участвовать, подъ предсѣдательствомъ губернатора, тѣ же должностныя лица, къ которымъ прибавятся только уѣздные предводители дворянства. Такимъ образомъ, предлагаемое X. Н. губернское учрежденіе будетъ такимъ же чиновничьимъ учрежденіемъ, какъ и нынѣ существующій распорядительный комитетъ, и никакой существенной разницы между тѣмъ и другимъ я, по крайней мѣрѣ, не вижу. Главный принципъ земскихъ учрежденій заключается въ децентрализаціи; хозяйственное управленіе сосредоточивается въ уѣздѣ, въ уѣздномъ земскомъ собраніи принимаютъ участіе лучшіе люди уѣзда изъ всѣхъ его мѣстностей и, заявляя собранію о мѣстныхъ своихъ нуждахъ, знакомятъ собраніе со всѣми нуждами уѣзда. Вслѣдствіе этого, собраніе до мельчайшихъ подробностей знакомится съ интересами и нуждами населенія, и, расходуя на ихъ удовлетвореніе свои собственныя средства, удовлетворяетъ лишь насущнѣйшія изъ нихъ. Благодаря такому характеру дѣятельности земскихъ собраній, въ нихъ,—и это самое главное—есть инціатива, идущая отъ самого населенія, чего нѣтъ и не можетъ быть въ губернскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ заключеніе я нахожу возможнымъ выразить увѣренность,—что, въ случаѣ введенія у насъ земскихъ учрежденій, дѣло у насъ не пойдетъ хуже того, какъ оно идетъ теперь. То, что уже сдѣлано, несомнѣнно останется и будетъ поддерживаться, но смѣло можно надѣяться, что на этомъ земство не остановится, а пойдетъ впередъ и принесетъ ту же пользу, которую уже успѣли принести земства другихъ губерній». (Астр. Лист. № 276).

Указанія на могущій обнаружиться недостатокъ людей, на безпо-

рядочное веденіе дѣла и отсутствіе контроля въ случаѣ перехода разныхъ отраслей земскаго хозяйства изъ рукъ чиновниковъ, которые завѣдують ими теперь, въ руки земства, возникли въ совѣщаніи и позднѣе, когда вопросъ зашелъ объ упраздненіи приказа общественнаго призрѣнія. По этому поводу предсѣдатель коммиссіи высказалъ вполнѣ основательно слѣдующее:

«Я также совсѣмъ не раздѣляю этихъ опасеній; говорятъ—людей нѣтъ, но не принимаютъ во вниманіе, что новыя учрежденія отчасти создаютъ и новыхъ людей; опасаться, что не будетъ людей—весьма преждевременно; я даже скажу, принимая въ соображеніе свойства человѣческой природы, что, при существованіи земскихъ обществ. учрежденій, для администраціи надзоръ за правильностью веденія дѣлъ нынѣшняго приказа облегчится: вѣдь, человѣку свойственно свои собственныя ошибки не замѣчать, смягчать и даже прикрывать; совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ выборными людьми; ихъ контролируетъ власть и надзоръ строже, еще и потому, что всѣ распоряженія земскихъ учрежденій подлежатъ гласности; благодаря ей, несравненно легче обличаются непорядки въ выборныхъ учрежденіяхъ, чѣмъ въ административныхъ. Это такъ естественно, причины этого такъ ясны, что и доказывать это излишне. Такимъ образомъ, если въ земствѣ будутъ, допустимъ, крупныя злоупотребленія, то они, благодаря двойному контролю—правительственному и контролю гласности—скорѣе будутъ «выведены на свѣжую воду». Часто ссылаются на недостатки общественнаго управленія въ городахъ и говорятъ, что управленіе это нужно ограничить; но при этомъ не дѣлаютъ сравнительной оцѣнки того, что было прежде, до выборныхъ учрежденій; да для сужденія объ этомъ даже не сохранилось достаточныхъ матеріаловъ! Возьмемъ въ примѣръ гласный судъ; съ тѣхъ поръ, какъ явилась гласность судопроизводства, по поводу различныхъ судебныхъ процессовъ пошли разговоры въ обществѣ, что число преступленій какъ бы увеличилось, и появились даже небывалыя прежде; но это вовсе не потому, что съ учрежденіемъ гласнаго суда стало больше преступленій, а потому, что прежде они не оглашались, теперь иногда и сама администрація поощряетъ гласность, видя въ ней одинъ изъ способовъ благодѣтельнаго контроля». (А. Л. № 278).

Два вопроса въ особенности занимали совѣщаніе особой коммиссіи по вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ Астраханской губерніи: вопросъ о распространеніи земскаго положенія на казаковъ—землевладѣльцевъ Астраханскаго края и вопросъ о распространеніи его на жителей такъ называемыхъ вольныхъ поселковъ. И тотъ и другой вопросы имѣютъ весьма существенное и общее значеніе. Казачество владѣетъ землями не только въ предѣлахъ Астраханской губерніи, но и въ Саратовской и Самарской гг. Земскому обложенію тамъ оно не подлежитъ, въ виду того, что на территоріи казачьихъ пожалованныхъ земель всѣ земскія повинности, удовлетворяемыя въ губерніяхъ на средства земства, удовлетворяются въ астра-

ханскомъ войскѣ изъ его собственныхъ сборовъ. Такъ, войско въ предѣлахъ своей территоріи, распространяющейся на три губерніи, на свои средства содержитъ дороги, мосты, переправы, медицинскія учрежденія, расходуетъ свои капиталы на обезпеченіе народнаго продовольствія, на содержаніе мѣстнаго военнаго и гражданскаго управленій, содержитъ школы и больницы, въ войскѣ учреждено взаимное страхованіе отъ пожаровъ, независимо отъ такихъ же учрежденій въ губерніяхъ; изъ войсковыхъ суммъ выдаются нуждающимся процентныя ссуды, а въ случаѣ народныхъ бѣдствій, пожаровъ, неурожаевъ и т. п. даже безвозвратныя пособія. Исходя изъ того, что казачество несетъ еще громадные расходы на воинское снаряженіе и содержаніе казаковъ на службѣ, и опираясь на исторически данныя имъ привилегіи и независимость, представители войскового управленія и въ Астраханской губерніи высказались противъ обложенія казачьихъ офицерскихъ участковъ земли земскими сборами. Извѣстно, что земское положеніе вначалѣ было распространено на область войска Донского, но просуществовало тамъ недолго: казачество въ лицѣ своего управленія просило освободить ихъ отъ земства. Въ какой мѣрѣ просьба эта была основательно мотивирована и опиралась на интересы массы, мы не имѣемъ данныхъ судить. Но надо имѣть въ виду, что положеніе войска Донского нѣсколько отлично отъ положенія астраханскихъ казачьихъ войскъ. Донское войско—одно цѣлое, территорія его закругленная, тамъ все управленіе — свое: своя казенная палата, свое акцизное управленіе и пр., земли астраханскихъ войскъ раздроблены. Въ саратовской губерніи въ 1882 г. стали облагать казачьи земли земскимъ сборомъ, войсковое управленіе нашло это неправильнымъ, и, по его представленію, губернаторъ опротестовалъ дѣйствія земства; вопросъ поступилъ сначала на разрѣшеніе Правительствующаго Сената, этимъ послѣднимъ былъ переданъ въ Государственный Совѣтъ для разрѣшенія его въ законодательномъ порядкѣ. Государственный совѣтъ установилъ точку зрѣнія, благопріятную для земскихъ притязаній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, передалъ дѣло на заключеніе военному министру, мнѣніе котораго еще до сихъ поръ не опредѣлилось. И въ послѣднее время саратовскія земскія управы посылаютъ владѣльцамъ казачьихъ участковъ окладные листы, и кто изъ казаковъ находитъ нужнымъ платить—платитъ, а не хочетъ—не платитъ.

Противники привлеченія казачества къ участію въ земскихъ повинностяхъ и обложеніи исходятъ изъ разнообразныхъ основаній: изъ того, что общественное хозяйство казачества и такъ имѣетъ удовлетворительную организацію, и земство со своимъ обложеніемъ и сложнымъ хозяйствомъ явится для нихъ только бременемъ; что земство, присоединивъ къ себѣ казачество, какъ болѣе богатое капиталами, будетъ эксплуатировать его въ пользу другихъ группъ населенія, и, главное, въ пользу пришельцевъ края, крестьянъ; что казаковъ, которые несутъ постоянную и серьезную повинность по своей

боевой готовности, надо прежде лишить ихъ казачьихъ привилегій, а потомъ уже подводить подъ земское обложеніе наравнѣ съ другими сословіями, что, наконецъ, «выдѣленіе участковъ изъ состава войска можетъ отразиться крайне вредно на его внутреннемъ бытѣ. Владѣльцы участковъ, вслѣдствіе выдѣленія ихъ земель изъ войска, сдѣлавшись гражданами соотвѣтствующихъ губерній, естественно будутъ болѣе тяготѣть въ сторону экономическихъ интересовъ своей губерніи и даже будутъ стремиться совершенно выдти изъ войскового сословія. Такимъ образомъ, мѣра эта, разобщивъ интересы интеллигентной части войскового населенія отъ интересовъ остальнаго населенія, нарушитъ единство войска и порветъ ту внутреннюю связь, безъ которой войско, какъ цѣльный военный организмъ, можетъ потерять всякое значеніе». (Заключеніе войскового правленія и наказного атамана по вопросу объ освобожденіи казачьихъ земель отъ земскихъ сборовъ изъ отчета по казачьему войску за 1890 г.).

Но и сторонники обложенія земельныхъ участковъ, пожалованныхъ генераламъ и офицерамъ казачьяго войска, высказывали не мало вѣскихъ и основательныхъ соображеній. Только что вышедшій въ свѣтъ «Опытъ изслѣдованія станицъ астраханскаго казачьяго войска» выставляетъ положеніе общественнаго хозяйства казаковъ далеко не въ блестящемъ видѣ; по «изслѣдованію» выходитъ, что и народное образованіе не такъ уже хорошо поставлено, и экономическое положеніе казаковъ въ упадкѣ. Земство могло бы способствовать улучшенію быта казаковъ. Никакой эксплуатаціи войсковыхъ фондовъ со стороны земства ожидать нельзя, потому что астраханское казачье войско никакихъ собственныхъ капиталовъ и имуществъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій не передастъ, земство же приступитъ къ своей дѣятельности, имѣя въ распоряженіи капиталъ въ 3—4 милл. руб., къ которому Астраханское казачье войско пріобщится, само въ накопленіи этихъ капиталовъ не участвуя. Въ этомъ отношеніи выгода, очевидно, на сторонѣ войска. Въ случаѣ распространенія земскаго положенія на территорію астраханскаго казачьяго войска, воинская организація войска останется неизмѣнной, и въ этомъ отношеніи никакія опасенія не могутъ имѣть мѣста. Точно также и въ общественное управленіе станицъ земское положеніе не внесетъ никакихъ измѣненій. Подобно тому, какъ крестьянскія общества имѣютъ свое самостоятельное общественное управленіе, не имѣющее никакого отношенія къ земскимъ учрежденіямъ, также точно и казачьи общества сохранятъ свое общественное управленіе, основанное на «положеніи объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ»... Подобно тому, какъ мірскія суммы остаются со введеніемъ земскихъ учрежденій въ распоряженіи сельскихъ обществъ, и станичныя суммы останутся въ полномъ распоряженіи станичныхъ обществъ. Что касается до обязательныхъ земскихъ повинностей, то казачье сословіе эти повинности отбываетъ и въ настоящее время, и та-

кимъ образомъ, все дѣло, главнымъ образомъ, сводится къ тому, что распоряженія относительно порядка и размѣра отбыванія этихъ повинностей перейдутъ отъ одного учрежденія къ другому. Именно въ этомъ встрѣчается настоятельная необходимость, ибо крайне неудобно, если одни и тѣ же предметы въ предѣлахъ одного и того же уѣзда или одной и той же губерніи вѣдаются различными учрежденіями.

Достаточно указать на дорожную повинность, которая при черезполосности казачьихъ земель съ прочими во всѣхъ уѣздахъ врядъ ли можетъ быть хорошо поставлена, если не будетъ сосредоточена въ однихъ рукахъ. Съ другой стороны, для будущаго земства распространеніе земскаго положенія на территорію войска очень важно. Для того, чтобы принимаемыя губернскими и уѣздными земствами мѣры достигали желаемыхъ результатовъ, необходимо, чтобы эти мѣры можно было распространить на всю территорію губерніи или уѣздовъ. Такъ, напримѣръ, если земствами въ предѣлахъ земскихъ территорій будутъ по извѣстному организованному плану приниматься мѣры борьбы противъ эпидемическихъ болѣзней, противъ распространенія чумы рогатаго скота, противъ вредныхъ полевыхъ насѣкомыхъ и т. п., и тѣ же самыя мѣры борьбы не будутъ приниматься въ сосѣднихъ съ селеніями казачьихъ станицахъ, то само собою разумѣется, что всѣ земскія мѣропріятія будутъ въ значительной степени ослаблены. Съ другой стороны, устройство и содержаніе земскихъ дорогъ, земской почты и т. д., для пользы этого дѣла несомнѣнно должны быть сосредоточены въ одномъ учрежденіи. Наконецъ, для земства очень важно, чтобы казачество было соединено съ нимъ, потому что тогда и территорія земства будетъ больше, и казачество явится въ немъ крупной силой, не только матеріальной, но и умственной.

Дважды поднимался въ совѣщаніи коммиссіи вопросъ о привлеченіи казаковъ къ участію въ земствѣ, въ первый разъ онъ былъ оставленъ открытымъ, во второй—большинство 16 голосовъ противъ 8 высказалось противъ подведенія владѣльцевъ недвижимостей на казачьихъ земляхъ подъ земское обложеніе. Примѣненіе земской реформы къ населенію земель астраханскихъ казачьихъ войскъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, столкнулось здѣсь со стремленіемъ оградить исторически сложившіяся привилегіи, связанныя съ особыми, лежащими на казакахъ, повинностями. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о томъ, насколько эта отчужденность казачества отъ общихъ интересовъ населенія края, хозяйственныхъ и общественныхъ, отвѣчаетъ дѣйствительнымъ интересамъ большинства казаковъ и края вообще, этотъ вопросъ разрѣшается на основаніи слишкомъ недостаточныхъ, а порою и прямо гадательныхъ данныхъ.

Перечисляя разныя группы населенія Астраханской губерніи, могущія стать въ то или иное отношеніе къ земству, коммиссія

остановилась съ особымъ вниманіемъ на жителяхъ вольныхъ поселковъ. О характерѣ этой группы населенія мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ той же цитируемой нами газетѣ.

Самовольными поселками принято называть поселенія, расположенныя въ астраханскомъ и красноярскомъ уѣздахъ, а также въ калмыцкой степи. Отличительными признаками ихъ являются: 1) неимѣніе жителями поселковъ собственной земли даже подъ усадьбами и 2) отсутствіе признаваемой закономъ организаціи общественнаго и административнаго устройства, т. е.—непризнаніе за жителями поселковъ правъ общества. Такихъ поселковъ насчитывается 53.

Составъ поселковъ, на первый взглядъ, весьма разнообразенъ. Въ нихъ проживаютъ крестьяне другихъ губерній, крестьяне разныхъ уѣздовъ Астраханской губерніи, мѣщане, купцы, почетные граждане, лица духовнаго сословія, чиновники и даже дворяне. Но эта разнородность кажущаяся и сводится къ 2-мъ сословіямъ—крестьянскому и мѣщанскому. Во всѣхъ поселкахъ астраханскаго уѣзда число домохозяевъ въ 1894 г. равняется 2003 чел. Число душъ обоего пола—12,224. На разныя сословія, кромѣ мѣщанъ и крестьянъ, духовенство, купцовъ, почетныхъ гражданъ, дворянъ, чиновниковъ, казаковъ, приходится, однако, немногимъ болѣе 1°, мѣщане даютъ нѣсколько менѣе 28%, а остальное 71% составляютъ крестьяне. По красноярскому уѣзду эти цифры мѣняются: домохозяевъ тамъ 1059, изъ нихъ 71%—мѣщанъ, и 28% крестьянъ. Эта кажущаяся разнородность совершенно, однако, сглаживается, если обратить вниманіе на занятія жителей. Здѣсь между мѣщанами и крестьянами нѣтъ никакой разницы. Какъ тѣ, такъ и другіе занимаются рыболовствомъ: одинаковость занятій вызываетъ одинаковость въ образѣ жизни, привычкахъ и умственномъ развитіи. Въ этомъ отношеніи однородность состава поселковъ нисколько не уступаетъ однородности состава нашихъ селъ. Что касается другихъ сословій, то представители ихъ, за исключеніемъ духовенства, занимаются преимущественно торговлей. Духовенство же проживаетъ тамъ, гдѣ посельчанами устроены церкви.

Крестьяне другихъ губерній преобладаютъ надъ крестьянами астраханской губерніи. Что касается мѣщанъ, то это по преимуществу выходцы изъ другихъ губерній, успѣвшіе причислиться къ Астрахани и Красному-Яру, но ничего общаго съ астраханскимъ и красноярскимъ мѣщанскими обществами не имѣющіе.

Величина поселковъ весьма разнообразна, начиная отъ такихъ какъ Тишковъ, съ населеніемъ болѣе 3,000 душъ обоего пола, и кончая поселкомъ Коневымъ, въ которомъ только 47 душъ. Нѣкоторые изъ нихъ возникли довольно давно, напримѣръ, Тишковъ около 150 лѣтъ назадъ, другіе относительно очень недавно, въ 70—80-хъ гг. Почти всѣ они связаны съ существованіемъ рыболовныхъ промысловъ и ватагъ. Населеніе ихъ быстро увеличи-

вается въ последнее время, въ особенности съ 1870 г. Посельчане въ большинстве случаевъ приписаны къ сельскимъ обществамъ техъ местъ, откуда вышли. Являясь исправными плательщиками, они съ большимъ трудомъ получаютъ отъ своихъ обществъ увольнительныя свидетельства. Мало того, для этихъ обществъ они часто представляютъ выгодную статью дохода: общество выбираетъ богатаго посельчанина заочно въ старосты или десятскіе и заставляетъ его откупаться отъ должности недешевой ценой. Положеніе такихъ жителей поселковъ крайне затруднительно и необезпечено во всехъ отношеніяхъ.

Вотъ что писалъ о нихъ астраханскій губернаторъ:

«Иногородніе крестьяне неоднократно делали попытки выдти изъ своихъ обществъ, дабы приписаться куда-либо въ астраханскую губернію, такъ какъ они постоянно живутъ въ поселкахъ, многіе даже родились здесь, но, темъ не менее, общества не даютъ имъ увольнительныхъ приговоровъ, потому что рыбопромышленники эти исправные плательщики податей и, въ случае увольненія ихъ, общество обязано вместе съ земельнымъ наделомъ ихъ принять все казенныя и мірскія повинности». (Представленіе астраханскаго губернатора министру государственныхъ имуществъ отъ 21 іюля 1875 г).

Въ делахъ губернскаго правленія находится целая переписка съ нижегородскимъ, пензенскимъ и тамбовскимъ губернаторами. Астраханскій губернаторъ Биппенъ просилъ ихъ содействія къ полученію посельчанами увольнительныхъ приговоровъ, но крестьянскія общества въ громадномъ большинстве случаевъ отказали въ этомъ.

Но всего существенне по отношенію къ обширному населенію поселковъ вопросъ объ ихъ общественномъ устройстве. Будучи приписаны къ разнымъ, большею частію отдаленнымъ сельскимъ, мещанскимъ, купеческимъ и прочимъ обществамъ, жители иногда весьма многолюдныхъ поселковъ формально не связаны никакой общественной связью. Въ предположеніяхъ объ устройстве поселковъ такъ и предполагалось что въ поселкахъ, будто-бы, не существуетъ никакой организаціи, и что съ одной стороны, посельчане страдаютъ отъ этого недостатка, съ другой стороны, пріезжающіе туда чиновники по деламъ службы не имеютъ, къ кому обратиться за исполненіемъ своихъ законныхъ требованій.

Однако, какъ справедливо замечаетъ «Астраханскій Листокъ», «немыслимо предположить, чтобы въ этихъ поселкахъ, существующихъ сотни летъ и состоящихъ изъ лицъ,занимающихся однороднымъ деломъ, не выработалась какая-либо общественная организація. И действительно, впоследствіи оказалось, что въ поселкахъ имеется собственное устройство. Обнаружилось, что посельчанами отбывается квартирная и подводная повинности, существуетъ поселковый сходъ, есть староста и есть уполномоченные».

Въ 1885 г. собраны были по вопросу объ общественномъ устройстве вольныхъ поселковъ более подробныя сведенія. Въ ра-

зосланныхъ программахъ, между прочимъ, имѣются слѣдующія рубрики:

а) Въ какой формѣ сложилось практикою общественное управленіе и представительство въ поселкахъ, а также полицейское устройство.

б) Какимъ порядкомъ производятся сборы и расходы по денежнымъ повинностямъ, и какимъ порядкомъ отбывается натуральная повинность.

в) Какія отбываются въ поселкѣ натуральныя повинности и во что обходятся въ годъ.

г) Какіе существуютъ въ поселкѣ денежные сборы, на какой предметъ и въ какомъ размѣрѣ въ годъ.

Полученные отъ исправниковъ отвѣты лаконичны и однообразны. Такъ, по рубрикѣ *а*) отвѣчено слѣдующее: «особаго общественнаго управленія въ поселкѣ не имѣется, а представителемъ онаго есть одинъ за старшаго, вродѣ старосты, и полицейскіе десятскіе, подъ наблюденіемъ полицейскихъ сотскихъ и урядника и завѣдываніемъ становото пристава» (отвѣтъ по поселку Кудрину). Точно-же такіе отвѣты постановлены и противъ всѣхъ 14 поселковъ, расположенныхъ въ 1 станѣ Красноярскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, общественное управленіе признается какъ бы несуществующимъ въ поселкахъ 1 стана. По 2-му же стану, наоборотъ, относительно этого вопроса изложено, что «*общественное управленіе сложилось въ формѣ крестьянскаго порядка, въ отношеніи же полицейскаго устройства есть уѣздная полиція*».

Относительно поселковъ астраханскаго уѣзда полученъ слѣдующій общій отвѣтъ: «избираются разночинцами изъ своей среды уполномоченное лицо, получившее званіе старосты, а также по числу дворовъ сотскіе и десятскіе».

Только отвѣтъ управленія калмыцкимъ народомъ по поселку Лагани стоитъ особнякомъ: «Поселились самовольно, нѣтъ ни старосты, ни полицейскаго».

Отвѣты по остальнымъ тремъ рубрикамъ также немногословны.

Вотъ общіе выводы, къ которымъ пришло губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе по разсмотрѣніи полученныхъ отвѣтовъ: «во всѣхъ поселкахъ подводныя и квартирныя повинности отбываются натурою, очереднымъ порядкомъ, стоимость сихъ повинностей по заявленію жителей они опредѣлить не могутъ. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ существуетъ избранное лицо, подъ названіемъ «староста», который несетъ обязанности, опредѣленныя вообще для старостъ въ сельскихъ обществахъ крестьянъ, точно также во всѣхъ поселкахъ избираются десятскіе и сотскіе. Ночные караулы въ поселкахъ отправляются жителями поочередно, причемъ очереди распредѣляются старостою по желанію посельчанъ. Жители поселковъ въ полицейскомъ отношеніи находятся въ вѣдѣніи общей полиціи; въ нѣкоторыхъ поселкахъ имѣются полицейскіе урядники».

Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, какъ избирается староста, не существуетъ ли схода посельчанъ, нѣтъ ли у схода другихъ обязанностей, кромѣ выбора старосты, тождественны ли права поселковаго старосты съ правами сельскихъ старостъ? Что это за участковые старосты, о которыхъ упоминалось въ одной оффиціальной бумагѣ, и проч.

Спрашивается, однако, какимъ же образомъ обширное населеніе поселковъ оставлялось безъ всякаго формально узаконенной общественной организаціи? какъ на это ненормальное явленіе не было обращено должнаго вниманія?

Вниманіе это и было обращено, но результаты его выразились только въ длинномъ рядѣ проектовъ, послѣдовательно не имѣвшихъ успѣха. Не можемъ устоять передъ искушеніемъ привести характерную исторію переписки по вопросу о введеніи общественнаго и административнаго устройства въ самовольныхъ поселкахъ, какъ изложена она въ «Астраханскомъ Листкѣ» (№ 282) на основаніи реферата П. О. Зубовича, 10 декабря 1894 г. въ Петровскомъ обществѣ изслѣдованія астраханскаго края.

«Астраханскій губернаторъ Биппенъ 28 Февраля 1871 года представилъ проектъ устройства поселковъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Послѣднее, разсмотрѣвъ проектъ, нашло его недостаточно полнымъ и высказало свои соображенія, на основаніи которыхъ тотъ же губернаторъ Биппенъ представилъ *новый* проектъ. На этотъ разъ, уже министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло возможнымъ согласиться съ измѣненнымъ проектомъ и, согласно съ заключеніемъ этого министерства, губернаторъ Биппенъ 21 іюля 1875 г. представилъ *третій* проектъ, который тоже не имѣлъ успѣха. Тѣмъ не менѣе, переписка, возникшая между Астраханью и названными министерствами, была не безрезультатной. Въ высшихъ сферахъ было обращено вниманіе на поселки, расположенные на береговой полосѣ, и 28 іюля 1878 года состоялось Высочайше утвержденное положеніе о пользованіи землею, находящеюся во владѣніи этихъ поселковъ, дѣйствующее и понынѣ. Этимъ положеніемъ опредѣлены только правила, въ силу которыхъ жители поселковъ имѣютъ право пользоваться въ теченіе 24 лѣтъ усадебною землею безъ торговъ, за плату въ размѣрѣ, опредѣленномъ за земли, отведенныя подъ ватаги. Но этотъ законъ нисколько не касался устройства внутренняго управленія въ поселкахъ, имъ не предусмотрѣны права поселковъ на усадебную землю на другихъ казенныхъ земляхъ — оброчныхъ статьяхъ и калмыцкихъ, не говоря уже о поселкахъ на земляхъ частнаго владѣнія и общественныхъ.

«Второй разъ переписка возобновилась въ 1892 г. Губернаторъ графъ Протасовъ-Бахметевъ вошелъ съ новымъ проектомъ о признаніи законности избираемыхъ въ поселкахъ старостъ и десятскихъ. Министерство не удовлетворилось этимъ и сдѣлало указаніе

о возможности примѣненія къ поселкамъ упрощеннаго городского управленія. Разработанный въ указанномъ направленіи проектъ (*пятый* по счету) былъ представленъ 5 февраля 1883 года уже генералъ-маіоромъ Янковскимъ, но такъ же, какъ и другіе, вызвалъ новый запросъ со стороны министерства, которое на этотъ разъ нашло, что «поселки находятся внѣ всякихъ условій городской жизни, искусственное развитіе которой едва ли могло бы входить въ государственныя задачи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложило собрать подробныя данныя по вопросамъ, касающимся экономическаго благосостоянія и внутренняго устройства поселковъ, обсудить эти данныя на мѣстѣ и прислать свои заключенія въ министерство. Данныя были собраны, обсуждены и выработанъ *новый* проектъ, который и направленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторомъ Цеймерномъ 23 декабря 1885 года. Вся эта переписка окончилась командировкой въ 1889 г. изъ министерства чиновника Гиппіуса, который, осмотрѣвъ нѣкоторые поселки, собралъ свѣдѣнія по данной ему программѣ и составилъ докладъ о поселкахъ.

«Наконецъ, въ 1893 г. переписка о поселкахъ началась въ третій разъ. Губернаторъ Н. Н. Тевяшовъ 24 ноября 1893 года указалъ на предстоящее введеніе новаго рыболовнаго устава, при дѣйствіи котораго поселки въ береговой полосѣ пріобрѣтаютъ важное значеніе, и населеніе должно увеличиться въ значительной степени, вмѣстѣ съ чѣмъ просилъ министерство внутреннихъ дѣлъ о скорѣйшей организаціи въ нихъ общественнаго и административнаго устройства. Министерство, въ виду учрежденія въ губерніи земскихъ начальниковъ, просило еще разъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о поселкахъ, и вопросъ объ организаціи поселковъ подвергнуть обсужденію во вновь учреждаемомъ губернскомъ присутствіи. При этомъ министерство указало на возможнось устройства ихъ, примѣнительно къ закону 13 іюля 1889 года относительно переселенцевъ въ губерніяхъ Сибири, Степныхъ областей и въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской и Уфимской».

А пока велась вся эта сложная и долгая переписка административныхъ органовъ, жители поселковъ, предоставленные собственному умѣнію водворять общественный порядокъ, избирали себѣ своихъ выборныхъ лицъ, собирали сборы и выполняли нужныя повинности. И цитируемая газета не безъ основанія говоритъ:

«Губернское начальство и министерство могли-бы воспользоваться существующей организаціей общественнаго устройства вмѣсто того, чтобы вырабатывать различные проекты, которые одинъ за другимъ оказывались практически неосуществимыми, какъ это видно изъ приведенной исторіи до сихъ поръ тянувшейся по этому вопросу переписки».

Въ такомъ видѣ засталъ дѣло объ общественномъ устройствѣ жителей вольныхъ поселковъ вопросъ о введеніи въ Астраханскомъ краѣ земскихъ учрежденій. Предсѣдатель совѣщанія просилъ чле-

новъ его обратить на это дѣло особое вниманіе: «Въ нашемъ представленіи, говорилъ онъ (А. Л. № 276) намъ придется упомянуть, о томъ, чтобы имъ дали поскорѣе права гражданства; положеніе этихъ поселковцевъ весьма неудобное; если-бы это были не добродушные русскіе люди, то съ ними не обобрались-бы хлопотъ; несмотря на полное ихъ безправіе въ общественномъ отношеніи, такъ какъ у нихъ нѣтъ клочка своей земли, они очень аккуратные плательщики; подати съ нихъ поступаютъ почти безнедоимочно, а, между тѣмъ, они и платятъ за свои мѣста иногда очень много.

Они заслуживаютъ, чтобы объ улучшеніи ихъ гражданскаго быта подумать хорошенько; они давно просятъ: «обзаконьте насъ»,—до сихъ поръ на этотъ вопросъ рѣшенья нѣтъ; вѣдь отъ обложенія, которому они подвергаются иногда въ самой высокой степени, выгодъ для нихъ никакихъ нѣтъ, ихъ положеніе самое неблагодарное, нужно-же его улучшить, давъ имъ общественное устройство и права, одинаковыя съ правами остальнаго населенія.»

И совѣщаніе коммиссіи согласно пришло къ тому заключенію, что ключъ ненормальнаго положенія поселковцевъ заключается въ ихъ зависимости отъ сельскихъ обществъ, въ ихъ закрѣпощеніи за ними, что ихъ нужно освободить отъ этого закрѣпощенія, т. е. уничтожить круговую поруку.

Въ предыдущей книжкѣ нашего журнала по случайнымъ причинамъ мы не имѣли возможности отмѣтить юбилейное празднованіе въ Петербургѣ пятидесятилѣтія дѣятельности г. Стасюлевича. Въ 1847 году, окончивъ университетскій курсъ первымъ кандидатомъ, М. М. вступилъ на путь своей научно-литературной и общественной дѣятельности, и мы теперь окидываемъ взглядомъ ея полувѣковое теченіе... Пятнадцать лѣтъ прошли въ преподавательской дѣятельности, сначала старшимъ учителемъ Ларинской гимназіи, затѣмъ въ 1857 г. преподавателемъ и профессоромъ университета; одинъ за другимъ появлялись изъ подъ пера М. М. ученые труды сначала по греческой исторіи и литературѣ, позднѣе по исторіи среднихъ вѣковъ. Какъ профессоръ, М. М. Стасюлевичъ пользовался большимъ успѣхомъ и симпатіями молодежи. Оффиціальный историкъ петербургскаго университета, пр. В. В. Григорьевъ, по поводу оставленія М. М. Стасюлевичемъ каѳедры, отозвался слѣдующимъ образомъ: «Такого знатока и краснорѣчиваго истолкователя среднихъ вѣковъ университетъ петербургскій не видалъ у себя ни прежде, ни послѣ». Въ 1856—57 гг. М. М., получивъ заграничную командировку на 2 года, посѣтилъ Германію, Италію, Францію, Англію, работалъ въ библіотекахъ, слушалъ лекціи въ университетахъ Парижа, Бонна, Гейдельберга, Берлина. Въ 1858 году, возвратившись изъ за границы, М. М. Стасюлевичъ вновь началъ читать

лекціи по средневѣковой исторіи, но читать ихъ ему пришлось недолго. Въ 1861 году возникли волненія среди студентовъ, университетъ былъ временно закрытъ. многіе профессора вышли въ отставку. Въ числѣ ихъ были К. Д. Кавелинъ, Б. И. Утинъ, А. Н. Пыпинъ и М. М. Стасюлевичъ. Съ профессорской каѳедры всѣ они перенесли свое вліяніе на болѣе широкую арену—литературно-публицистическую.

Первые годы М. М. Стасюлевичъ посвятилъ свои силы, главнымъ образомъ, литературно-научнымъ занятіямъ. Въ періодъ съ 1863 г. по 1866 г. имъ были изданы три обширныхъ тома «Исторіи среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ», «Опытъ историческаго обзора системъ философіи исторіи», переводъ перваго тома Гизо: «Исторія цивилизаціи во Франціи» и др. По приглашенію министерства нар. просв. онъ участвовалъ въ работахъ по составленію университетскаго устава, изданнаго въ 1863 г.

Но то дѣло, съ которымъ неразрывно связано его имя за послѣдніе 30 лѣтъ, началось съ изданія М. М. журнала «Вѣстникъ Европы». Положивъ въ основу своей программы начала здоровой гражданской жизни, заключающіяся въ господствѣ законности и прочныхъ гарантіяхъ правъ личности, въ независимомъ судѣ, возможно широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія, господствѣ вѣротерпимости, свободѣ слова и печати, разумно и широко поставленномъ образованіи народа, законодательной охранѣ интересовъ трудящихся массъ, журналъ г. Стасюлевича проводитъ эту программу среди мѣняющихся настроеній русскаго общества.

Постоянная и упорная журнальная работа не помѣшала, однако, М. М. играть видную роль и въ общественной жизни столицы. Въ 1881 г. М. М. Стасюлевичъ былъ избранъ въ гласные петербургской городской думы. Онъ остается имъ и до сихъ поръ, пользуясь неизмѣннымъ авторитетомъ среди мѣняющагося состава гласныхъ. Трудъ его, какъ представителя городского самоуправленія, былъ преимущественно посвящаемъ дѣлу начальнаго народнаго образованія въ столицѣ. Помимо участія въ петербургской думѣ, М. М. Стасюлевичъ удѣлялъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ свои силы еще и петербургскому губернскому земству, въ которомъ состоялъ гласнымъ отъ города.

Присоединяемся и мы къ участникамъ юбилея въ ихъ пожеланіяхъ М. М. Стасюлевичу еще долго съ тою же неуклонной и неизмѣнной энергіей служить дѣлу законности и просвѣщенія.

О. Б. А.

ОПЕЧАТКИ.

въ № 11 «Русскаго Богатства» въ статьѣ Н. К. «Французская критика»:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Надо.
53	21—22 сверху	Мнѣ пришлось слышать отъ хорошо знавшаго Тэна пріятеля, извѣстнаго живописца Геннера...	Мнѣ пришлось слышать отъ пріятеля извѣстнаго живописца Геннера, хорошо знавшаго Тэна...
56	22 »	свѣтилу	элементу

Въ статьѣ В. А. Мякотина «Новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ»:

110	8	снизу,	совершалось „страшными зигзагами“	совершалось страшными „зигзагами“.
»	2	снизу,	страшнымъ пыломъ,	страстнымъ пыломъ

Издатели: Вл. Короленко.
Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

НА

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

Съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства»,

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ: ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ

безъ предварительной цензуры

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою **СЕМЬ** руб. Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—**3** рубля.

Правительсгвенныя и общественныя учрежденій, а также должностныя лица этихъ учрежденій, вправѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальныя подписныя деньги (5 р.) за газету, причемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. **№** 59, кв. **№** 1).

ПРОГРАММА: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Приказы министерствъ.—Собр. узак. и распор. прав. —Списки дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Департ. и общихъ собраніяхъ Правительств. Сената.—Сенатскія объявленія.—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ.—Объявленія.

Подписчики, внесшія полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ» въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціон. Департаментовъ Правительств. Сената, но не болѣе 2-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся

имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Дозволено цензурою. Спб. 13 Ноября 1897 года.

Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.

съ нимъ губерній Сибири,—по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.

5) Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка.

6) Политическія извѣстія, общія и въ частности, касающіяся Азіатскихъ странъ.

7) Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея, соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи.

8) Научный отдѣлъ,—открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

9) Литературное обозрѣніе,—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи.

10) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія.

11) Судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній.

12) Смѣсь. Отвѣты редакціи.

13) Справочный отдѣлъ: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п.

14) Объявленія казенныя и частныя.

Подписная цѣна, съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Енисей», собственный домъ, Воскресенская ул.; въ Томскѣ: въ отдѣленіи редакціи «Енисей», Почтамтская ул. д. Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Омскѣ: въ книжномъ магазинѣ Александрова; въ Иркутскѣ: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и Москвѣ: въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-Издатель Е. Кудрявцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1898 г.

подписная цѣна:

Безъ казенныхъ прибавленій.

	на годъ.	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ	16 р. — к.	9 р. — к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р. — »	10 р. — »	5 р. 50 к.	2 р. — »
За границу	26 р. — »	14 р. — »	8 р. — »	3 р. — »

Съ казенными прибавленіями:

	на годъ.	на 6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ	18 р. — к.	10 р. — к.
Съ пересылкою иногородн.	19 р. — »	11 р. — »
За границу	28 р. — »	16 р. — »

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь Э. Э. Ухтомскій

2*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Харьковскія Губернскія Вѣдомости

газету политическую, общественную и литературную.

на 1898 годъ.

Въ будущемъ году «Харьк. Вѣд.» будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ оффиціальной частью. Постоянныя рубрики неоффиціальной части остаются прежнія, а именно:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики; 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ; 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ); 4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.); 5. Телеграммы; 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной); 7. Корреспонденціи; 8. Новости науки, литературы и искусства; 9. Театръ и музыка; 10. Внутреннія извѣстія; 11. Земская и городская хроника; 12. Внѣшнія извѣстія; 13. Судебный отдѣлъ; 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.); 15. Библіографическія замѣтки; 16. Смѣсь; 17. Справочный отдѣлъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Губ. Вѣд.» Петровскій пер. д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м. р. к.	2 м. р. к.	3 м. р. к.	4 м. р. к.	5 м. р. к.	6 м. р. к.	7 м. р. к.	8 м. р. к.	9 м. р. к.	10 м. р. к.	11 м. р. к.	12 м. р. к.
Съ пересылкою	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою	1 —	2 —	2 20	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 50
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ предстоящемъ 1898 году вступаетъ въ XXX-й годъ своего существованія, «Рижскій Вѣстникъ», газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, разсматривая явленія мѣстной жизни съ русской государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ Имперіею.

Русскія начала постепенно утверждаются въ Прибалтійскомъ краѣ, русское общество возрастаетъ; соотвѣтственно тому, расширяются и усложняются и задачи мѣстной русской печати. Побуждаемая расширеніемъ круга читателей и внутреннимъ ростомъ изданія, подъ вліяніемъ котораго настоящія рамки его становятся тѣсны, редакція приняла мѣры, чтобъ съ 20 декабря 1897 г. „Рижскій Вѣстникъ“ выходилъ въ значительно увеличенномъ форматѣ, причемъ, конечно, будетъ соотвѣтственно развито и содержаніе газеты. Это расширеніе изданія не потребуетъ никакихъ жертвъ отъ читателей, такъ какъ подписная плата остается прежняя.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, вечеромъ. Редакціей приняты мѣры къ тому, чтобъ газета была от-

правляема иногороднымъ подписчикамъ съ почтами, отходящими въ день выхода номера газеты.

Подписная цѣна:

Безъ пересылки и доставки:		Съ перес. по почтѣ и съ дост. на домъ.	
На годъ	6 руб. — коп.	На годъ	8 рублей.
На полгода	3 — — —	На полгода	4 —
На 3 мѣсяца	1 — 50 —	На 3 мѣсяца	2 —
На 1 мѣсяцъ . .	— — 75 —	На 1 мѣсяцъ	1 —

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкой на годъ ПЯТЬ руб. и на полгода ТРИ руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ.

За границу на годъ 14 руб., на полгода 7 руб., 3 мѣсяца 3 руб. 50 коп., 1 мѣсяцъ 1 руб. 75 коп.

Подписка принимается:

въ конторѣ редакціи, въ РИГѢ, на углу больш. и малой Грѣшной ул., д. Лифшица № 27/2.

Редакторъ Л. Н. Витвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

(третій годъ на 1898 годъ изданія)

на издающуюся въ г. Казани Большую Ежедневную общественную, литературную, политическую и торгово-промышленную газету.

Камско-Волжскій Край

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія.

Для достиженія намѣченной цѣли «Камско-Волжскій Край» неуклонно стремится къ изученію жизни Поволжья и Востока Россіи въ историческомъ культурномъ, экономическомъ, бытовомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, озаботившись привлеченіемъ для этого сотрудниковъ изъ среды лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ областной прессы.

Имѣются собственные корреспонденты во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ края.

Подписная плата:

	Для городскихъ подписчиковъ. Безъ доставки:	Съ доставкой.	Для иногор. подписчиковъ.	
На годъ . . .	6 р. — —	7 р. — —	На годъ . . .	9 р. — —
На полгода .	3 р. — —	4 р. — —	На полгода .	5 р. — —
На 3 мѣсяца .	1 р. 75 к.	2 р. 25 —	На 3 мѣсяца .	2 р. 75 к.
На 1 мѣсяцъ .	— 60 к.	— 75 —	На 1 мѣсяцъ .	1 р. — —

Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка** платежа подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ Редакціи (Казань, Лобачевская ул., д. Трубникова. Телефонъ № 366).

Иногородніе адресуютъ: Казань редакція „Камско-Волжскаго Края“.

За редактора профессоръ Н. П. Загоскинъ.
Издательница С. Г. Дьяченко.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 27 Ноября 1897 г.

сокъ ярмарокъ; д) торговыя извѣстія; е) оптовыя сдѣлки; ж) цѣны и фрахты по свѣдѣніямъ Департамента торговли мануфактуръ.

V. Отдѣлъ сельскохозяйственный. а) состояніе погоды; б) сельско-хозяйственныя извѣстія отъ нашихъ корреспондентовъ; в) данныя о площади посѣвовъ; о видахъ на урожай и о самомъ урожаѣ; г) движеніе рабочихъ цѣнъ на нихъ; д) вредныя животныя и насѣкомыя.

VI. Медико-санитарный обзоръ. Эпидеміологическій листокъ; журналы губернскаго и уѣздныхъ санитарныхъ совѣтовъ; свѣдѣнія о борьбѣ съ дифтеритомъ; число больныхъ въ Александровской больницѣ и въ психіатрической лечебницѣ; статьи по отдѣльнымъ вопросамъ; свѣдѣнія и извѣстія.

VII. Приложенія къ «Недѣлѣ». Журналы, доклады, отчеты земствъ, изслѣдованія, монографіи и замѣтки по вопросамъ, входящимъ въ программу изданія, картограммы и діаграммы.

VIII. Объявленія и справочныя свѣдѣнія.

Подписная цѣна на «Земскую Недѣлю»—5 р. въ годъ, 3 р. въ полгода, 2 р. въ четверть и пятьдесятъ копѣекъ за каждую книжку. Приложенія безплатныя и за плату не свыше 1 р. за каждое.

Плата за объявленія впереди текста «Недѣли» 15 к. за строку не мельче цицеро въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ текста «Недѣли» по 10 к. за ту же строку; объявленія въ приложеніяхъ по той-же цѣнѣ. При повтореніи объявленій значительная уступка.

подпискѣ 5 р. и через пять мѣс. вторые 5 руб.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногородняго адреса 20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская д. № 35а.

За редактора Е. Игнатьевъ. Издательница В. М. Антоновичъ.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Изданія, вышедшія за последнее время.

Біографіи: Лассаля, Сократа.

Сочиненія Диккенса. Томъ 10-й и послѣдній, заключающій въ себѣ романъ: Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Медфогскія записки. Рецепты д-ра Мериголъда. Безъ выхода. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к.

Научныя забавы. *Федо.* Съ 128 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашен. рисунками. Перев. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 3 руб.

Общественный организмъ. *Рене Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. С. Трачевскаго.* Цѣна 75 коп.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціон. натурализма. Публичныя лекціи *А. Сабатье.* Перев. съ франц. *В. И. Обреимова.* 2 изд. Ц. 60 к.

Исторія новѣйшей рус. литературы. (1848—1894). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изданіе, иллюстрированное 52 портретами. Ц. 2 р.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Цѣна 30 коп.

Повѣсти и разсказы *И. Н. Потапенко.* Томъ XI-й. Цѣна 1 руб.

Соціальное развитіе. *Кидда.* Съ предисловіемъ профес. *Вейсмана.* Переводъ съ англ. Ц. 75 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращенномъ изложеніи *Коллинза.* Съ предислов. *Г. Спенсера.* Перев. съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е русское изд., дополн. по 3 англ. изд., съ прибавл. сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедшихъ частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. *Жюля Пейо.* Ц. 50 к.

Исторія семьи. *Ю. Липперта.* Ц. 60 к.

Химикъ-любитель. *Фэдо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ 152 рис. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Сочиненія Д. И. Писарева. 6 томовъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома 1 р.

Сочиненія Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Сост. *Кейра.* Переводъ съ французъ. подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 40 к.

Этика (Ученіе о нравственности). Проф. *Маккензи.* Перев. съ англійскаго. Ц. 1 р.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. *Э. Ретерера,* проф. Париж. универс. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Паперна.* Съ 380 рис. и 6 раскраш. табл. Ц. 2 р.

Психологія чувствъ. Сост. *Рибо.* Съ франц. Ц. 80 к.

Путь къ счастью. Составилъ *Кирхнеръ.* Ц. 60 к.

Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. *В. Д. Смирнова.* 100 стр. Ц. 1 р.

Правители и мыслители. Біограф. очерки *Е. Б. Литвиновой.* Съ многими портретами Ц. 1 р.

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 3 «Попул.-юрид библіотеки»). Ц. 25 к.

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 4 «Попул.-юрид. библіотеки»). Ц. 25 к.

Заемъ, Закладъ и Залогъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 5 Попул. юрид. библіотеки), Ц 25 к.

Организація свободы и общественный долгъ. Профес. *Прэнса.* Переводъ подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Цѣна 80 коп.

Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Состав. *Е. Конради.* Съ множествомъ рис. 2-е изданіе. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.

Популярная біологія. *В. Лункевича.* Большой томъ съ 208 политипажами и таблицей раскрашенныхъ рисунковъ. Цѣна 2 руб.

Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популярная картина геологическаго образованія земли. Съ 63 рис. Перев. съ англійскаго, съ многими дополненіями. *М. А. Энгельгардта.* Ц. 80 к.

Новѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго *Б. Билита.* Съ 58 рис. Ц. 75 к.

Ботаникъ-любитель. *Федо.* Переводъ съ французскаго подъ редакціей профес. *В. Добровлянскаго.* 200 рисунковъ. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА (30 книжекъ).

1) **Демонъ.** Цѣна 6 коп.—2) **Ангелъ смерти.** Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Ц. 10 к. — 23) **Испанцы.** Ц. 10 к. – 24) **Ашикъ-Керибъ.** Ц. 2 к. — 25) **Княгиня Лиговская.** Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Ц. 8 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Ц. 7 к.

Цѣна всѣхъ 30 №№ «Библіотеки»—1 р. 71 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки разныхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить болѣе 100. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп. До конца октября 1897 года выпущено 86 книжекъ. Въ составъ ихъ вошли слѣдующія сказки:

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА. 1) Дочь болотнаго царя. Съ портретомъ и біографіей Андерсена. Ц. 15 к.—2) Райскій садъ. 8 к.—3) Домовой и лавочникъ. Свинья копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. 10 к.—4) Супъ изъ колбасной палочки. 6 к.—5) Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды. 10 к.—6) Цвѣты маленькой Иды. Сосѣдніе семейства. Пастушка и трубочистъ. 10 к.—7) Снѣжная царица. 15 к.—8) Анна-Лизбета. 5 к.—9) Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. 5 к.—10) На дюнахъ. 15 к.—11) Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. 8 к.—2) Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. 8. к.—13) Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. 6 к. — 14) Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. 10 к. — 15) Камень мудрости. 8 к.—16) Большой морской змѣй. Свѣчи. 5 к.—17) Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. 6 к.—18) Дикіе лебеди. 8 к. – 19) Сынъ привратника. 8 к. — 20) Морская царевна. Должна-же быть разница. 10 к.—21) Соловей. Жаба. 8 к.—22) Попутчикъ. 8 к.—23) Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. 6 к.—24) Калоши счастья. 10 к.—25) Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. 8 к.—26) Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. 8 к.—27) Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. 8 к.—28) Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ — все хорошо. 10 коп.—29) Бутылочное горлышко. Подъ ивой. 10 к.—30) Дѣва льдовъ. 18 к.

СКАЗКИ ГАУФА. 31) Холодное сердце. Съ портретомъ и біографіей Гауфа. 18 к.—32) Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. 12 к.—33) Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. 15 к.—34) Карликъ-носъ. 12 к.—35) Приключенія Саида. 15 к.—36) Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. 10 коп.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. 37) Корона морского царя.—Друзья короля Османа.—Неумѣстная гордость.—Королъ Карій. Съ портретомъ и біографіей Густафсона. 10 к.—38) Пастухъ и принцесса.—Такъ водится на войнѣ.—Баржа. 10 к.—39) Храмъ истины.—Король, страдавшій безсонницей.—Каменная глыба.—Скороспѣлки.—Попугай и жаворонокъ. 10 к.—40) Парижская кукла.—Бѣлка.—Исторія одного дерева.—Земной глобусъ папы. 10 к. — 41) Три брата.—Маленькій сборникъ сказокъ. 10 к.

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ. 42) Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ портретомъ и біографіей Ж. Зандъ. 18 к.—43) Розовое облако. 12 к.—44) Великанъ Іеусъ. 15 к.—45) Крылья мужества 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева—25 книжекъ отъ № 46 до 70-го. Цѣна каждой книжки—10 к.

СКАЗКИ КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ. 71) Омуль. Замокъ Вѣдьмы. Съ 10-ю рис., портретомъ и біографіей Карменъ Сильвы. Ц. 15 к.—72) Оленья долина. Близнецы. Чахлау. Съ 11-ю рис. Ц. 15 к.—73) Піатра Арса. Караиманъ. Вар-Фулькудеръ. Фурника. Съ 13-ю рис. Ц. 15 к.

СКАЗКИ ЛАБУЛЭ. 74) Мальчикъ съ пальчикъ. Маленькій человѣкъ. Доволенъ-ли ты? или приключеніе съ носами. Съ 16-ю рис., портретомъ и біографіей Лабулэ. Ц. 15 к. 75) Ивонъ и Финетта. Съ 17-ю рис. Ц. 15 к. 76) Зербинъ-Вирюкъ. Золотое руно. Съ 21 рис. Ц. 18 к. 77). Паша-Пастухъ. Фраголетта. Божьи гуси. Съ 25-ю рис. Ц. 15 к. 78) Бацъ-бацъ! Съ 13 рисунками. Ц. 15 к.

ИСПАНСКІЯ СКАЗКИ. 79) Оферо. На всякій случай. Дядя Корыстолюбіе. Съ 10 рис. 15 к.—80) Птица-правда. Маленькая принцесса Нора. Казильад. Жена архитектора. Съ 10 рис. 15 к.

СКАЗКИ ПЕРРО. 81) Красная шапочка. Котъ въ сапогахъ. Спящая красавица. Синяя борода. Съ 5 рис., портретомъ и біографіей Перро. 15 к.—82) Золушка. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Волшебницы. Хохликъ. Съ 10 рис. 15 к.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ. Асбьернсена. 83) Сказка о кузнецѣ, котораго не пустили въ адъ.—Сказка о хозяинѣ, взявшемся за бабье дѣло.—Глупые мужья и злыя жены.—Сказка про Иванушку-дурака, превзошедшаго во лжи принцессу.—Сказка о парнѣ, ходившемъ къ Сѣверному вѣтру просить свою муку обратно. Съ портретомъ автора и 11 рис. 10 к.

АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ. Уйда. 84) Маленькій графъ.—15 к. 85) Нюренбергская печь. — 15 к. 86) Принцесса Киска.—Зѣвака.—Умники изъ Готама.—Кошачья шкурка.—15 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: братья Гриммъ и проч. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

СПИСОКЪ КНИЖЕКЪ «СКАЗОЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ» ПО ИХЪ ЦѢНАМЪ:

Книжки въ 5 к.: №№ 8, 9, 16. — Книжки въ 6 к.: №№ 4, 13, 17, 23. — Книжки въ 8 к., №№ 2, 11, 12, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27.—Книжки въ 10 к.: №№ 3, 5, 6, 14, 20, 24, 28, 29, 36—41, 46—70.—Книжки въ 12 к.: №№ 32, 34, 43. Книжки въ 15 к.: №№ 1, 7, 10, 33, 35, 44, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86.— Книжки въ 18 к.: №№ 30, 31, 42, 76.—Книжки въ 25 к.: № 45. За всѣ 86 книжекъ—9 р. 60 к.

Литература, исторія и законовѣдѣніе.

Организація свободы и общественный долгъ. *А. Прэнса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 80 к.

Соціальное развитіе. *В. Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Чепинской.* Ц. 75 к.

Общественный организмъ. *Р. Воржса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекція *А. Сабатье.* Перев. *В. Обреимова.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа.* Перев. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Современная женщина.—Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* «Бѣлинскій передъ смертью». Цѣна каждаго тома—1 р. 25 к.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. *Я. В. Абрамовъ.* Ц. 25 к. (№ 1 «Попул.-Юрид. библіотеки»).

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 2 той-же библіотеки).

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 3 той-же библіотеки).

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 4 той-же библіотеки).

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Съ 13 портр. Ц. 2 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣчаніями Ц. 2. и безъ нихъ—1 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома—1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собранія въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никкльби и три «Святочныхъ» разсказа, 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Мёдфогскія записки. Рецепты д-ра Мериголъда. Безъ выхода. Портретъ и біографія автора.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портрет. автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Два тома. Ц. 2 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Том. Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'а.* Съ 16-ю порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ. *Э. Беллами.* Съ приложеніемъ очерка *Рише*: «Куда мы идемъ?» 3-е изд. Ц. 1 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина»: 44 иллюстраціи. Цѣна въ переплетѣ—1 р. 25 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. 1 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.

Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 83 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія семьи. *Липперта* (автора «Исторія культуры»). Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 75 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. 4-е изд. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р.; для 10-томн. (въ 5 переп. товъ) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1-томное изданіе—1 р. 40 к. и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ перепл.—1 р. 50 к. и 2 р.

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Г. Зудермана.* Ц. 60 к.

Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зутнеръ.* Ц. 80 к.

Голодъ. Романъ. *Гамсуна.* Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 60 к.

Путь къ счастью. Сост. *Фрид. Кирхнеръ.* Ц. 60 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. *А. Цвѣткова.* Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Цѣна каждаго—1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. *Постери.* Ц. 1 р.

Конецъ міра. Астроном. романъ. *К. Фламмаріона.* Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астроном. ром. *К. Фламмаріона.* Съ 89 рисунками. 3-е изд. Ц. 75 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р.

Исторія рус. цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3-е изд. Ц. за два тома—3 р. Перепл. въ 1 р. и 50 к. Томъ 3-й ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2 тома. Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Заугръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 50 к.

…оль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа.* Ц. 75 к.

…ъ трущобахъ Англіи. *Бутса.* Ц. 1 р.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. *В. Фармаковскій.* Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

…черки самоуправленія (земскаго, городского и сельского). *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

…орьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Исторія книги на руси. *А. Бахтіарова.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Н. А. Попова* 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Романъ *Вологдина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Популярно-научныя книги.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.

Ботаникъ-любитель. *Фэдо.* Перев. съ франц. подъ редакціей и со многими дополненіями профессора *В. Я. Добровлянскаго.* Около 200 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Популярная біологія. *В. Лункевича.* Бол. томъ съ 208 полит. и табл. раскраш. рис. Ц. 2 р.

Химикъ-любитель. *Фэдо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ франц. Ц. 1 р.

Новѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго *Б. Билита.* Съ 58 рис. Ц. 75 к.

Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Переводъ *Е. Предтеченскаго.* Ц. 3 р.

Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популяр. картина геологич. образованія земли. 63 рис. Перев. съ англ., съ дополн. *М. А. Энгельгардта.* Ц. 80 к.

Очеркъ психологіи. *Вундта.* Перев. съ нѣмецк. *Г. Паперна.* Ц. 75 к.

Женщина передъ судомъ современной науки. *Жака Лурбе.* Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 30 к.

Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды. *Е. Предтеченскаго.* Съ 26 рис. Ц. 40 к.

Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго универс. *Гросса.* Попул. очеркъ. Ц. 20 к.

Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 60 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Пер. съ англійск. *Л. Давыдова.* Ц. 80 к.

Соціологія. *Шарля Летурно.* Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. *А. С. Трачевскаго.* Ц. 1 р. 50 к.

Антропологія. *Кржизицкаго.* Перев. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Съ рисун. Ц. 1 р. 50 к.

Физіологія страстей. *Ш. Летурно.* Переводъ Д-ра *В. В. Святловскаго.* Ц. 1 р.

Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента.* Перев. съ англійскаго. *Д. Головъ.* 109 рис. Ц. 1 р.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ баронъ Корфъ. Ц. 75 к.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова.* Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 116 стр. 2-е изд. Ц. 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненія *Джемса Сёлли.* Популяр. обзоръ всѣхъ пессимистич. ученій. Съ англ. подъ ред. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Который часъ? *Вавилова.* Популярн. руков. для повѣрки всякихъ, обыкновенныхъ, и устройства солнечн. часовъ. 2-е изд. 13 рис. Ц. 30 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращен. изложеніи *Коллинза.* Съ предисл. *Г. Спенсера.* Переводъ съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е русское изданіе, дополненное по 3 англ. изд., съ прибавленіемъ сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедш. частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки, *Пейо.* Пер. съ фр. *М. Энгельгардта.* Ц. 50 к.

Характеръ и нравст. воспитаніе. *Кейра.* Перев. съ фр. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 40 к.

Этика (Ученіе о нравственности). Профессора *Маккензи.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ, *Э. Ретерера,* проф. Париж. универ. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Паперна,* съ 380 рис. и 6-ю раскраш. таблиц. Ц. 2 р.

Психологія чувствъ. Сост. *Рибо.* Ц. 80 к.

Законы подражанія. Пер. съ фр. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.

Домаш. опредѣл. поддѣлокъ. *Альмедингена.* Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практич. совѣты сельскимъ хоз. *А. Альмедингена.* Ч. 1-я, 2-е изд. Ц. 50 к.

На всякій случай! *Его-же.* Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.

Берегите легкія. Гигіеническія бесѣды. Д-ра *Нимейера.* Съ 30 рисунками. 2-е изд. Ц. 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. *Э. Перье.* Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра *Эйдама.* 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Попул. руков. для матерей и воспит. *Д-ра Варіо.* Съ франц. подъ ред. проф. *Пономарева.* Съ рис. Ц. 1 р.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы.* Перев. съ нѣмец. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ французск Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора.). *А. Брема.* Дополненіе къ его соч. «Жизнь животныхъ». Съ многими рисунками. Ц. 2 р.

Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія. *В. К. Агафонова.* Съ 237 рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. Д-ра *Святловскаго.* (Одобрена М. Н. Пр. для учительскихъ библіотекъ средн. и низш. училищъ и ремесл. училищъ нормальнаго типа. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Усталость. Попул.-науч. бесѣды проф. *А. Моссо.* Пер. *М. Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящ. и будущ. *А. Ланге.* Перев. съ нѣмец. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

Основы политической экономіи. *Шарля Жида.* Профес. политич. экономіи на юридич. факул. въ Монпелье. Перев. съ французск. Ц. 1 р. 25 к.

Физiологическая психологiя. *Цигена.* Перев. подъ редакцiей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 к.

Психологiя народовъ и массъ. *Густава Лебона.* Перев. съ франц. Ц. 1 руб.

Психологiя характера. *Ф. Полана.* Пер. съ франц. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 75 к.

Звѣздный мiръ. Популярно-астрономич. беседы. *Е. Предтеченскаго.* Съ рис. Ц. 30 к.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмарiона.* Перев. *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Гигiена женщины. Д-ра *Тило.* 2-е изд. Ц. 40 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. *Энцлера.* Ц. 50 к.

Гигiена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.

Записки желудка. Съ англiйскаго. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Перев. съ франц. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Мiръ грёзъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнiя, галлюцинацiи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ фр. Ц. 1 р.

Физiологiя души. *А. Герцена,* профес. Лозанскаго универс. Пер. съ французк. 2-е изд. Ц. 75 к.

Эйфелева башня. *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Пер. съ 5-го итал. изд. *д-ра Лейненберга.* Ц. 1 р. 50 к.

Душевныя движенiя. Популярно-научный очеркъ. Д-ра *Ланге.* Пер. съ франц. и нѣмецк. Ц. 40 к.

Свѣтъ Божiй. Популярные очерки мiровѣдѣнiя. 7-е изд. съ 65 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономiя. *К. Фламмарiона.* Пер. съ фр. *В. Черкасова.* 100 рис. 4-е изд. Ц. 70 к.

Телефонъ и его практич. примѣненiя. *Майера* и *Присса.* Пер. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическiе элементы. Соч. *Нiоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 102 рис. Ц. 2 р.

Электрическiе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщенiе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрич. освѣщенiе и уходъ за аккумулятор. *Сэломесна.* Съ англ. 18 рис. Ц. 1 р. 25 к.

О безопасности электрическаго освѣщенiя. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Главнѣйшiя приложенiя электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 143 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергiи. (Передача силы на разстоянiе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Съ 157 рис. Ц. 2 р.

Электрическiе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш звонкахъ. 121 рис. 2-е дополнен. изд. Пер. съ англiйскаго. *Головъ.* Ц. 1 р.

Воспитанiе воли. *Ж. Пейо.* Переводъ съ франц. *М. А. Шишмаревой.* Ц. 75 к.

Соцiальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философiи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Психологiя вниманiя. *Рибо.* Съ фр. 2 изд. Ц. 30 к.

Психологiя великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.

Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Генiальность и помѣшательство. *Ц. Ламброзо.* Съ портр. автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вред полев. насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 60 к.

Для дѣтей и юношества.

Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашн. занятiямъ ремеслами. Пер. съ фр. Съ 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап.—1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Правители и мыслители. Бiографическiе очерки *Е. Ѳ. Литвиновой.* Съ портретами. Ц. 1 р.

Научныя забавы. *Федо.* Съ 128 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Ботаникъ-любитель. *Федо.* Переводъ съ фр. подъ ред. Профес. *В. Доброволянскаго.* 200 рис. Ц. 1 р.

Сказки Густафсона. Съ 50 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собранiе въ 6 томахъ. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Порозовской.* Цѣна каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 коп., въ переплетѣ по 3 тома—2 р. 50 к.

Русскiя народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловiемъ И. С. Тургенева. Множ. рис. Ц. 2 р, Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспом. всемiрнаго путешественника. *В. Галузнева.* Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Блуждающiе огоньки. Сборникъ дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Со мног. рис. Ц. 1 руб., въ папкѣ— 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша* Съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. 50 к.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Съ 55 рисунками. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Иллюстрированные романы Диккенса, въ сокращ. перев. *Л. Шелгуновой:* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большiя надежды, 5) Нашъ общiй другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к. въ перепл. по 6 ром.—3 р. 25 к.

Къ свѣту. Разсказы *В. Огаркова.* Съ 27 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., пер. 2 р.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта, въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* 1) Веверлей, 2) Антикварiй, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитерiане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ, 21) Приключенiя Нигеля, 22) Редгантлетъ; 23) Робертъ, Графъ Парижскiй, 24) Сенъ-Ронанскiя воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каж. том. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5-ти ром. Ц. 2 р. 80 к.

Дѣтскiй маскарадъ. *Азбелева.* 16 рис. Ц. 20 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.
Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* 135 рис. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 3-е изд. Ц 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Робинзонъ. Его жизнь и приключ. *Гейбнера.* Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.
Математ. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5 и т. п. *Обреимова.* Ц. 40 к.
Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер 1 р. 30 к.
Наглядныя несообразности (Дѣтскія задачи въ карт.). *Ф. Павленкова.* 10 лист. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 руб.—«Объясненія», къ нимъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ», каждое—Ц. 5 к.
Научныя забавы. *Федо.* Перев. съ фр. *Е. Предтеченскаго.* 128 рис. Ц. 60 к. въ пер. 1 р. 10 к.
Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращен. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.
Математ. развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ фр. Съ 55 фиг. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.
Тройная головоломка. *Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. Ц. 1 р.
Чрезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера.* Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Сказочная страна. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
Приключеніе контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к. въ перепл. 2 р. 25 к.
Мученики науки. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* 55 рис. 4 изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.
Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.
Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Ц. кажд. кн. 35 коп.
До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 13 рисунками. Ц. 50 к.
Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Ц. 25 к.
Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
20 біографій образцовыхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго.* Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.
Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ ред. проф. *И. Мечникова.* 345 рис. 3 изд., съ порт. авт. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Учебныя руководства и пособія.

Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политип и 6 акварелей, 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к
Практич. геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 черт. Ц. 60 к.
Основы химической технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц 4 р.
Учебникъ химіи. *Альмедингена.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ *Т. Лубенца.* 3-е дополненное изд. Ц. 15 к.
Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учени. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 25 к.
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.
Методика ариѳметики. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметич. задачъ съ учителемъ. Прилож. къ «Методикѣ ариѳметики». *Житкова.* Ц. 40 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашенными картами и 82 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.
Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 16-е изд. Ц. 20 к
Объясненіе къ «Наглядной азбукѣ». *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. 100 рис. Ц. 1 к.
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца.* 1-й годъ. Ц. 30 к., 2-й годъ Ц. 40 к. 3-й годъ—40 к.
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.
Элемент. грамматика русск. языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 17-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
Наглядно звуковыя прописи. *Ф. Павленкова:* 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.); 2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.); 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.); 4) Общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
Курсъ нач. механики. *Рыкачева.* 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 274 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Ц. 75 к.
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 80 рис. и портр 4-е изд. Ц. 60 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
Церковно-славян. букварь. *Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на 1898 годъ открыта
для ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

«Виленскій Вѣстникъ» попрежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобѣ дня въ области бытовой и экономической. Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудниковъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаютъ задачу газеты: редакція съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать заявленія и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь давать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею общерусскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго Отечества.

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни, Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агенства, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Общественная жизнь г. Минска быстро растетъ и увеличивается интересъ къ ней публики. Въ виду этого 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, помѣщаются корреспонденціи изъ г. Минска, касающіяся разныхъ сторонъ его жизни.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются, на основаніи 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I, ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета будетъ высылаться безплатно за декабрь.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ: На годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р., на три мѣс. 1 р. 80 к., на два мѣс. 1 р. 20 к., на одинъ мѣс. 70 к.

Съ пересылкой въ другіе города; На годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на три мѣс. 2 р. 50 к., на два мѣс. 1 р. 80 к., на одинъ мѣс. 1 р.

Допускается разсрочка:

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 2 р.; городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р., и 1 сентября 1 р. **народнымъ учителямъ**: на 1 годъ 6 р., 1 января 2 р., 1 мая 2 р. и 1 сентября 2 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружного штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Въ **Минскѣ** у. **М. К. Шоффера**, Полицейская улица, въ книжномъ магазинѣ Фрумкина и Френкеля, въ Ковнѣ, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго.

Редакторъ-издатель П. Бывалькевичъ.

Дозв. ценз. Спб. 5 декабря 1897 г. Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Годъ XIV ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ XIV

на 1898 годъ

на газету политики, литературы и общественной жизни

Сибирскій Вѣстникъ.

Газета выходитъ ЕЖЕДНЕВНО кромѣ дней послѣпраздничныхъ, въ каковые дни городскимъ подписчикамъ будутъ высылаться телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агенства».

Въ виду состоявшагося 17 мая 1897 г. распоряженія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о пріостановкѣ «Сибирскаго Вѣстника» на восемь мѣсяцевъ, первый нумеръ газеты выйдетъ не позже 17 января 1898 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ—9 руб., 6 мѣсяц.—4 руб. 50 коп., 3 мѣсяца—2 руб. 25 коп. и 1 мѣс.—75 коп.

Подписка принимается въ Томскѣ въ конторѣ редакціи.

Лица, подписавшіяся на газету въ 1897 году больше чѣмъ на 5 мѣсяцевъ, будутъ получать таковую по сроку подписки и въ 1898 году.

Въ 1896 газета будетъ выходить при старомъ составѣ сотрудниковъ и заключать въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства.
2. Передовыя статьи.
3. Мѣстная хроника.
4. Судебная хроника.
5. Сибирская лѣтопись.
6. Среди газетъ и журналовъ.
7. Корреспонденціи.
8. Внутренняя и заграничная хроника.
9. Фельетонъ.
10. Библіографія.
11. Справочныя и торговыя свѣдѣнія.
12. Между прочимъ и
13. Объявленія.

Примѣчаніе. Объявленія изъ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Сибири принимаются впереди текста по 10 коп. за строку петита или занимаемое ею мѣсто; позади текста—5 коп. за такую же строку или занимаемое ею мѣсто. По объявленіямъ, печатающимся болѣе 5 разъ, дѣлается скидка отъ 5 до 40 процентовъ. Объявленія обществъ и учрежденій ученыхъ и благотворительныхъ печатаются безплатно. Объявленія лицъ, ищущихъ занятія—со скидкою 50 процентовъ независимо отъ количества разъ.

Редакторъ-Издатель **Гр. Прейсманъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9) третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35) годы изданія продаются по 5 р. за каждый годъ съ пересылкой; экземпляры за 1897 г. (№№ 36—40) продаются за 6 р. съ перес.; подписчики на новый 1898 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экземпляръ. № 15-й журнала, оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продается отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежемъ взимается съ каждаго руб. по 2 к.

Редактаръ В. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. ГРОТЪ.

Дозволено цензуною С-Петербургъ, 20 декабря 1897 года.

Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской – 50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятыя рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 543